Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 15, № 10А, 2025.

С. 1-488.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

October 2025, Volume 15, Issue 10A.

Pages 1-488.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 15, № 10А, 2025

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год.
Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник **Института государства и права Российской академии наук** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, **Саратовская государственная юридическая академия** – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, **Оренбургский государственный университет** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:
42934 «Вопросы российского и международного права».
Цена договорная. Подписано к печати 15.10.2025. Печ. л. 39,99. Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7401.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
January 2025, Volume 15, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the **Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, **Saratov State Law Academy** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, **Orenburg State University** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"
Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":
42934 " Matters of Russian and International Law ".
Contract price. Passed for printing on 15.10.2025. 39.99 printed sheets. Format 60x90/8.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7401.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук , профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук , профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Маковская Полина Николаевна
Использование в правоприменении систем искусственного интеллекта. Классификация систем по их роли в правоприменении 9

Бузаев Павел Владимирович
Особенности развития юридического языка в российском правовом поле 21

Бузаев Павел Владимирович
Методология выявления и устранения межотраслевых терминологических коллизий в системе источников современного российского права 28

Мамишева Зара Аскарбиевна
Зарецкая Марина Гаруновна
Романова Елена Владимировна
Нормативные правовые акты как основные источники права в Российской Федерации 37

Кононыхина Татьяна Сергеевна
Правовые аспекты дискриминация мужчин в трудовых и семейных отношениях 45

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Стебивко Иван Юрьевич
Сравнительно-правовые модели дисциплинарной ответственности судей: возможности рецепции для Российской Федерации 53

Васильев Роман Викторович
Индия: полиция, общество, государство 63

Дубовик Дмитрий Михайлович
Сточные воды или жидкие отходы: проблема «подмены» понятий 71

Паршуков Михаил Игоревич
Совершенствование понятийного аппарата в процессе систематизации информационного законодательства 80

Хмель Оксана Витальевна
Административная ответственность в сфере защиты государственной тайны 89

Гайдуков Иван Юрьевич
Перспективы применения цифровых технологий в деятельности прокуратуры: от истории к современности 98

Вронская Мария Владимировна
Кузнецов Алексей Владимирович
К вопросу о проблемах механизма правового регулирования искусственного интеллекта в цифровом правосудии России 108

Потапова Лариса Валерьевна
Надзор органов прокуратуры за соблюдением прав и свобод участников Специальной военной операции и членов их семей 116

Лихолет Елена Николаевна
Бондаренко Дина Максимовна
Проблемные аспекты института административной преюдиции 123

Бытдаева Алина Хасанбиевна
Идея собственности как выражение свободы личности в современном праве России 130

Магомедова Зарипат Ачавараевна
Сурхаева Саида Магомедсаидовна
Становление и развитие антикоррупционного законодательства в России 138

Магомедова Зарипат Ачавараевна
Сурхаева Саида Магомедсаидовна
Направления оптимизации законодательства о противодействии коррупции 144

Казберов Павел Николаевич
Правовая регламентация и практика работы с резервом руководящих кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.....152

Головин Евгений Георгиевич
Большакова Валентина Михайловна
Актуальные проблемы гуманизации информационно- цифрового пространства 158

Головин Евгений Георгиевич
Большакова Валентина Михайловна
Право на забвение в сети Интернет как способ защиты неприкосновенности частной жизни (конституционно-правовой аспект) 166

Вожагов Максим Вадимович
Финансовый контроль в отношении цифровых активов в зарубежных государствах.....174

Частно-правовые (цивилистические) науки

Воробьев Андрей Васильевич
Подтверждения технологического присоединения энергопринимающих устройств при заключении договоров энергоснабжения 182

Кузьмин Илья Олегович
Проблема правовой охраны данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта.....192

Ястремский Иван Анатольевич
Роль прокурора в гражданском споре пациента с клиникой пластической хирургии 201

Ястремский Иван Анатольевич
Правовые аспекты утверждения судами общей юрисдикции мирового соглашения между пациентом и клиникой пластической хирургии.....207

Ястремский Иван Анатольевич
Использование электронных доказательств в споре пациента с клиникой пластической хирургии.....213

Батуева Эржена Цыденжаповна
Механизмы повышения качества данных Единого государственного реестра недвижимости.....219

Лазаренко Лилия Борисовна
К вопросу о справедливости пропорционального распределения судебных расходов 225

Камалетдинов Ильяс Абделахатович
Процессуальное значение судебного делопроизводства в гражданском судопроизводстве.....232

Антонов Михаил Александрович
Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика.....238

Бувака Наталья Анатольевна
Правовое положение добросовестных приобретателей имущества в условиях признания недействительной первоначальной сделки.....245

Марченко Алексей Николаевич
Злоупотребление процессуальным правом при оспаривании сделок должника в процедуре банкротства: обще-теоретический аспект.....250

Блинкова Елена Викторовна
Карзенкова Александра Владимировна
Вещные права как правовые средства обеспечения эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 264

Лопушанский Дмитрий Константинович
Горчакова Анастасия Павловна
Особенности патентной защиты в индустрии фармацевтики и биотехнологий: опыт России и США 271

Щепотьев Александр Викторович
Использование советского рубля в денежном обращении возникших после распада СССР стран в 90-х годах XX века 293

Щепотьев Александр Викторович
Использование рубля на территории непризнанного государства Приднестровская Молдавская Республика 303

Лагкуева Ирина Владимировна
Перспективы развития валютного регулирования стран – членов ЕАЭС 318

Лагкуева Ирина Владимировна
Правовой анализ факторов нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных государств 326

Чеконов Матвей Дмитриевич
Гражданско-правовое и процессуальное начала в соглашении о международной подсудности: исторический и современный анализ 334

Дивин Игорь Михайлович
Процессуальные особенности рассмотрения арбитражных дел в закрытом судебном заседании 347

Громова Дарья Константиновна
Левитанус Борис Александрович
Эколого-правовые требования при организации и проведении спортивных мероприятий 355

Ерошенко Яна Юрьевна
Якунин Дмитрий Владимирович
Некоторые вопросы, возникающие при обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях 365

Уголовно-правовые науки

Новиков Алексей Валерьевич
Киселев Степан Александрович
Киселева Юлия Юрьевна
Терроризм и экстремизм в среде несовершеннолетних женского пола: современные тенденции, механизмы вовлечения, меры противодействия 370

Слабкая Диана Николаевна
Правовые проблемы реинтеграции освобожденных пожилого возраста в пенитенциарной системе США 381

Савраскин Сергей Николаевич
К вопросу проблемы профилактики наркомании, как фактор предупреждения правонарушений 388

Савраскин Сергей Николаевич
К вопросу профилактики насилия в сфере семейно-бытовых отношений 397

Слабкая Диана Николаевна
Системный кризис пенитециарной системы США: поиск путей преодоления 405

Федоров Андрей Николаевич
Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич
Слабкая Диана Николаевна
Галымова Софья Алексеевна
Уголовно-правовые средства противодействия мошенническим действиям, совершаемым с использованием средств мобильной связи....413

Волкова Виктория Владимировна
Бабенко Ирина Андреевна
Правовые аспекты применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения....423

Воронин Сергей Анатольевич
Инсайдерская угроза как ключевой фактор компрометации персональных данных граждан в информационных системах МВД РФ: анализ черного рынка и коррупционных механизмов....432

Новиков Алексей Валерьевич
Факторы профессионального риска и проблем безопасности в следственных изоляторах на примере пенитенциарных систем зарубежных стран....446

Новиков Алексей Валерьевич
Реинтеграции пожилых осужденных в пенитенциарной системе США: системный анализ и направления реформ....455

Кобахия Константин Вячеславович
Актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере выявления признаков хищения бюджетных средств Республики Абхазия....464

Солодовник Вячеслав Викторович
О понятии упрощения уголовно-процессуальной формы....472

Международно-правовые науки

Ал Хаж Али Хамед
Деятельность специализированных учреждений ООН по унификации международного частного права....482

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Polina N. Makovskaya
Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. Classification of Systems by Their Role in Law Enforcement 9

Pavel V. Buzaev
Features of the Development of Legal Language in the Russian Legal Field 21

Pavel V. Buzaev
Methodology for Identifying and Resolving Interdisciplinary Terminological Conflicts in the System of Sources of Contemporary Russian Law 28

Zara A. Mamisheva
Marina G. Zaretskaya
Elena V. Romanova
Normative Legal Acts as Main Sources of Law in the Russian Federation 37

Tatyana S. Kononykhina
Legal Aspects of Discrimination Against Men in Labor and Family Relations 45

Public law (state and law) sciences

Ivan Yu. Stebivko
Comparative Legal Models of Disciplinary Responsibility of Judges: Possibilities of Reception for the Russian Federation 53

Roman V. Vasilyev
India: Police, Society, State 63

Dmitry M. Dubovik
Wastewater or Liquid Waste: The Problem of Conceptual Substitution 71

Mikhail I. Parshukov
Improvement of Conceptual Framework in the Process of Systematizing Information Legislation 80

Oksana V. Khmel
Administrative Liability in the Sphere of State Secret Protection 89

Гайдуков Иван Юрьевич
Ivan Yu. Gaidukov
Prospects for Application of Digital Technologies in Prosecutorial Activities: From History to Modernity 98

Maria V. Vronskaya
Alexey V. Kuznetsov
On the Problems of the Legal Regulation Mechanism for Artificial Intelligence in Russian Digital Justice 108

Larisa V. Potapova
Supervision by Prosecutorial Authorities over the Observance of Rights and Freedoms of Participants in the Special Military Operation and Their Family Members 116

Elena N. Likhovet
Dina M. Bondarenko
Problematic Aspects of the Institute of Administrative Prejudice 123

Alina Kh. Bytdaeva
The Idea of Property as an Expression of Personal Freedom in Contemporary Russian Law 130

Zaripat A. Magomedova
Saida M. Surkhaeva
Formation and Development of Anti-Corruption Legislation in Russia 138

Zaripat A. Magomedova
Saida M. Surkhaeva
Directions for Optimizing Legislation on Countering Corruption 144

Pavel N. Kazberov
Legal Regulation and Practice of Working with the Reserve of Management Personnel in the Russian Federation's Criminal-Executive System 152

Evgeny G. Golovin
Valentina M. Bolshakova
Current Problems of Humanizing the Information-Digital Space 158

Evgeny G. Golovin
Valentina M. Bolshakova
The Right to Be Forgotten on the Internet as a Means of Protecting Privacy (Constitutional-Legal Aspect) 166

Maxim V. Vozhagov
Financial Control over Digital Assets in Foreign States 174

Private law (civilistic) sciences

Andrey V. Vorobyov
Confirmation of Technological Connection of Energy-Receiving Devices When Concluding Energy Supply Contracts 182

Ilya O. Kuzmin
The Problem of Legal Protection of Data Used for Training Artificial Intelligence Systems 192

Ivan A. Yastremsky
The Role of the Prosecutor in a Civil Dispute between a Patient and a Plastic Surgery Clinic 201

Ivan A. Yastremsky
Legal Aspects of Approval of Settlement Agreements Between Patients and Plastic Surgery Clinics by Courts of General Jurisdiction 207

Ivan A. Yastremsky
Use of Electronic Evidence in a Patient's Dispute with a Plastic Surgery Clinic 213

Erzhena Ts. Batueva
Mechanisms for Improving Data Quality in the Unified State Real Estate Register 219

Liliya B. Lazarenko
On the Issue of Fairness of Proportional Distribution of Litigation Costs 225

Ilyas A. Kamaletdinov
Procedural Significance of Court Records Management in Civil Proceedings 232

Mikhail A. Antonov
Bad Faith in Artificial Splitting of Procurements from a Sole Supplier 238

Natalya A. Buvaka
Legal Status of Bona Fide Purchasers of Property in Conditions of Invalidity of the Original Transaction 245

Alexey N. Marchenko
Abuse of Procedural Rights in Challenging Debtor's Transactions in Bankruptcy Proceedings: General Theoretical Aspect 250

Elena V. Blinkova
Alexandra V. Karzenkova
Property Rights as Legal Means for Ensuring the Effectiveness of the Criminal-Executive System of the Russian Federation 264

Dmitry K. Lopushansky
Anastasia P. Gorchakova
Features of Patent Protection in the Pharmaceutical and Biotechnology Industries: Experience of Russia and the United States 271

Alexander V. Shchepotev
Use of the Soviet Ruble in Monetary Circulation of Countries Emerging After the USSR Collapse in the 1990s 293

Alexander V. Shchepotyev
Use of the Ruble on the Territory of the Unrecognized State of the Pridnestrovian Moldavian Republic 303

Irina V. Lagkueva
Prospects for the Development of Currency Regulation in EAEU Member States 318

Irina V. Lagkueva
Legal Analysis of Factors of Financial Market Instability under Sanctions of Unfriendly States 326

Matvey D. Chekonov
Civil Law and Procedural Principles in International Jurisdiction Agreements: Historical and Contemporary Analysis 334

Igor M. Divin
Procedural Features of Consideration of Arbitration Cases in Closed Court Hearings 347

Daria K. Gromova
Boris A. Levitanus
Environmental-Legal Requirements for Organizing and Conducting Sports Events 355

Yana Yu. Eroshenko
Dmitry V. Yakunin
Certain Issues Arising in Appealing Decisions in Administrative Offense Cases 365

Criminal law sciences

Alexey V. Novikov
Stepan A. Kiselev
Yuliya Yu. Kiseleva
Terrorism and Extremism Among Female Juveniles: Contemporary Trends, Mechanisms of Involvement, Countermeasures 370

Diana N. Slabkaya
Legal Problems of Reintegration of Elderly Released Individuals in the US Penitentiary System 381

Sergey N. Savraskin
On the Problem of Drug Addiction Prevention as a Factor in Crime Prevention 388

Sergey N. Savraskin
On the Issue of Preventing Violence in the Sphere of Domestic Relations 397

Diana N. Slabkaya
Systemic Crisis of the US Penitentiary System: Searching for Ways to Overcome It 405

Andrey N. Fedorov
Dmitry E. Dikopol'tsev
Diana N. Slabkaya
Sofya A. Galymova
Criminal Legal Means of Countering Fraudulent Actions Committed Using Mobile Communication Means 413

Viktoria V. Volkova
Irina A. Babenko
Legal Aspects of Applying Measures of Administrative and Criminal Procedural Coercion 423

Sergey A. Voronin
Insider Threat as a Key Factor in Compromising Citizens' Personal Data in Information Systems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Analysis of the Black Market and Corruption Mechanisms....432

Alexey V. Novikov
Factors of Professional Risk and Security Problems in Pretrial Detention Centers: The Example of Foreign Penitentiary Systems 446

Alexey V. Novikov
Reintegration of Elderly Convicts in the US Penitentiary System: Systemic Analysis and Reform Directions....455

Konstantin V. Kobakhiya
Current Problems of Prosecutorial Supervision in the Sphere of Detecting Signs of Embezzlement of Budgetary Funds of the Republic of Abkhazia 464

Vyacheslav V. Solodovnik
On the Concept of Simplification of Criminal Procedural Form 472

International legal sciences

Al Haj Ali Hamed
Activities of United Nations Specialized Agencies in Unifying International Private Law 482

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.11:342.5:004 **DOI: 10.34670/AR.2025.83.79.001**

Использование в правоприменении систем искусственного интеллекта. Классификация систем по их роли в правоприменении

Маковская Полина Николаевна

Стажер адвоката,
Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская 94/96;
e-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию систем искусственного интеллекта в правоприменении. Отмечается, что для практических целей продуктивным является использование обобщенного понятия FLAI (future law artificial intelligence), что позволяет абстрагироваться от несущественных реализационных особенностей систем. Приводится классификация систем искусственного интеллекта в зависимости от той роли и места, которые они занимают в правоприменении. Описаны четыре типа систем искусственного интеллекта, являющиеся функциональными разновидностями, и рассмотрены целесообразные принципы и практические примеры использования каждого из этих типов систем. Делается вывод, что на таких принципах использования в правоприменении, достигается баланс между гуманистическими, неалгоритмическими основами права и сверхвысокой вычислительной мощностью систем искусственного интеллекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Маковская П.Н. Использование в правоприменении систем искусственного интеллекта. Классификация систем по их роли в правоприменении // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 9-20. DOI: 10.34670/AR.2025.83.79.001

Ключевые слова

Правоприменение, искусственный интеллект, цифровизация, классификация систем, принципы использования.

Введение

Изыскания и разработки в области искусственного интеллекта (ИИ) сложились как научная отрасль в 1950-х годах прошлого века. Несмотря на значительное время, прошедшее с момента первых экспериментов с моделями ИИ, терминология в этой области знаний не является устоявшейся до настоящего времени.

Так, в некоторых источниках разделяют искусственный интеллект на сильный и слабый, в других применяют иные противопоставляемые друг другу категории: ограниченный ИИ и разумный ИИ; ИИ с инсталлируемым сознанием и ИИ с самосоздаваемым сознанием; ИИ без самообучения и ИИ с самообучением; ИИ с реакцией и ИИ с глубокой памятью и др.

При этом действующий национальный стандарт ГОСТ Р 71476 - 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» прямо указывает, что категории «слабый ИИ» и «сильный ИИ» в основном важны для философов, но не актуальны для исследователей в сфере практического использования систем ИИ.

В указанном ГОСТ Р 71476 - 2024 описаны следующие противопоставляемые друг другу категории: «узконаправленный ИИ» и «универсальный ИИ». Отметим, что в соответствии с ГОСТ Р 71476 – 2024, универсальный искусственный интеллект является гипотетическим концептом с неясной перспективой практической реализации.

Из-за отсутствия общепринятых дефиниций, в исследованиях, посвященных использованию систем ИИ в сфере права, зачастую авторы приходят к противоречивым выводам только из-за терминологических нестыковок. Таким образом, с учетом бурно развивающейся отрасли систем и средств искусственного интеллекта, существует необходимость разработать описание систем ИИ по их содержательному, функциональному значению и проявлению как феномена в сфере права, безотносительно достигнутого уровня развития техники и примененных технологий.

Основная часть

Для практических целей может быть продуктивной предлагаемая концепция обобщенного искусственного интеллекта FLAI (future law artificial intelligence). Термин FLAI подчеркивает, что речь идет об описании как ныне существующих систем, так и тех, которые могут быть доработаны с улучшением их функциональности в кратко- или среднесрочной перспективе.

Введением термина FLAI мы уходим от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» искусственный интеллект и других указанных выше дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (сверточные нейросети, рекуррентные нейросети, нейросети прямого распространения, фреймовые технологии, семантические графы и т.д.), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат «компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта» (в соответствии с п. 5.1 ГОСТ Р 71476 – 2024).

Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Таким образом, предлагаемая концепция FLAI-систем позволяет абстрагироваться от несущественных в данном контексте технических особенностей ИИ, посвятив внимание основному вопросу безотносительно реализационных нюансов, а именно: влияние используемого в правоприменении искусственного интеллекта (как существующего, так и перспективного) на общественные процессы, в данном случае – на правовое мышление человека и общества.

Под правовым мышлением мы будем понимать, в соответствии с работой [Шаганян, Овчинникова, 2024], динамический компонент правового сознания, поскольку все интеллектуальные и волевые процессы, которые связаны с осуществлением правовых норм, протекают в структуре правового мышления и правового сознания. При этом правовое мышление способствует внутреннему принятию и осмыслению действующего права. Правовое мышление имеет непосредственную связь со способностью человека оперировать нравственными категориями [Шаганян, Овчинникова, 2024], которые при высоком уровне правовой культуры входят в нравственный тезаурус и «операционную систему» личности как базовые понятия, становясь однопорядковыми с такими категориями, как жизнь, смысл, Вселенная, Бог.

В работе [Баранов, Овчинников, 2000] подчеркивается: «Правовое мышление человека представляет собой процесс активной интеллектуальной деятельности личности, высшую ступень отражения правовой действительности, связанные с выработкой правовых идей, понятий, убеждений и использованием правовых средств для разрешения различных правовых ситуаций в жизни либо формирования той или иной четкой позиции по отношению к принятому юридически значимому решению».

Правовое мышление может пониматься как форма духовной деятельности личности, определяющая ее юридически значимое поведение [Баранов, Овчинников, 2000]. Можно сказать в контексте обсуждаемой концепции, что и профессиональный юрист, и обычный человек осуществляют свои права и исполняют обязанности не как FLAI – системы (или иные системы ИИ), а как разумные существа, осмысливающие множество компонентов, из которых складываются правовые отношения, известные им правовые ценности, нормы, идеи и взгляды [Баранов, Овчинников, 2000].

Под правоприменением мы понимаем особую, носящую государственно - властный характер, форму практической реализации норм права. Институт правоприменения подробно рассмотрен в работе [Кожевников, 2021]. Очевидно, что использование FLAI-систем в правоприменении оказывает существенное влияние на правовое мышление и правовое сознание человека. Правовое мышление по отношению к правовому сознанию является более динамичным, и в этом смысле оно быстрее и активнее откликается на новшества в правоприменительной сфере, к числу которых, безусловно, относится использование FLAI-систем.

При этом многие исследователи справедливо полагают, что «цифровое правоприменение» (термин из работы [Самусевич, 2022]) не должно приводить к механицизму и редукционизму в понимании права, когда общество будет пониматься как искусственное создание, а личность, индивид, человек будет рассматриваться как цифровая, математическая единица вне национальной культуры, языка, традиций, философии искусства и правового мышления [Альбов, 2020].

Подчеркнем два обстоятельства. Во-первых, в настоящем исследовании идет речь только о гражданском и арбитражном праве (хотя общие подходы, безусловно, могут быть

распространены на другие отрасли права). Во-вторых, даже когда идет речь об участии в правоприменении юридических лиц, следует понимать, что за их юридически значимыми действиями стоят физические лица (руководители компаний, юристы, адвокаты), что является принципиальным в контексте нашего исследования: воздействие на правовое мышление человека различных типов FLAI-систем.

Более того, даже если с системами FLAI будут взаимодействовать некоторые внешние системы ИИ, уполномоченные и запрограммированные на то физическими или юридическими лицами (то есть, не FLAI-системы), будет происходить опосредованное влияние на правовое мышление именно физических лиц в данном процессе. Подобную двойственную природу акторов в цифровом пространстве отмечали многие исследователи, когда обсуждали правосубъектность гипотетических концептов электронного лица или цифрового лица [Болотаева, 2022; Соменков, 2019; Ястребов, 2018].

Если в «доцифровую» эпоху, начиная с древних времен, правовое мышление человека было отражением его глобальных представлений о справедливости и гуманизме, то в «цифровое» время есть опасность деформации таких мировоззренческих представлений за счет неконтролируемого и неограниченного использования алгоритмических подходов в праве. «Вычеркивание» человека из права с заменой совести и чести судьи программой, вычисляющей наилучшее решение, грозит дегуманизацией права и, соответственно, искажением правового мышления человека в сторону «вычисляемого» поведения в той или иной жизненной ситуации взамен поступков, по совести, и по библейским заповедям [Баранов, Овчинников, 2000; Ильина, 2021]. Особенное значение сохранение зрелого правового мышления важно в эпоху цифровых бифуркаций и искушения таблично-алгоритмическим способом существования, который можно уподобить «цифровому змию».

Правоприменение при этом оказывается наиболее важной площадкой, на которой должны выстраиваться рубежи обороны от неуправляемой экспансии цифровых методов в критичных социогуманитарных областях, поскольку именно в правоприменении происходит (или не происходит) столкновение мировоззренческих ожиданий человека, его базовых представлений о добре и зле, с фактической действительностью [Комаровская, 2024].

Итак, для обеспечения возможности во всех дальнейших исследованиях незатуманенного «технологократизмом» философского осмысления содержательного значения процессов использования ИИ в правоприменении и процессов их взаимовлияния на правовое мышление и правовое познание человека (безотносительно редукционистского прочтения особенностей изготовленных средств ИИ), предлагается следующая классификация систем ИИ, то есть, типизация FLAI –систем.

Представляется продуктивным для целей анализа разделить все FLAI –системы на различные функционально-ориентированные типы и, соответственно, провести классификацию FLAI-систем в соответствии с их ролью и местом в правоприменении. На основании этого классификационного признака (роль и место в правоприменении), все FLAI-системы можно разделить на четыре типа: B-FLAI (от английского bailiff - пристав); S-FLAI (от английского secretary - секретарь); R-FLAI (от английского researcher - исследователь); J- FLAI (от английского judge – судья).

Разумеется, английские названия (bailiff, secretary, researcher, judge) в данном случае носят достаточно условный характер и выполняют роль мнемонических маркеров, нежели точного функционально-развернутого описания некоторого типа среди прочих систем FLAI. С философской точки зрения, предлагаемую типизацию следует определить как продуктивную

концептуалистическую, в противовес малоиндуктивным в данном случае эссенциалистской и номиналистической [Субботин, 2021].

Термином B-FLAI обозначены системы, которые призваны выполнять документарно - организационные функции. Они позволяют любому физическому или юридическому лицу создать формализованное заявление, ходатайство, отзыв; получить информацию о времени слушания дела и заказать пропуск в суд для очного участия и т.д. В настоящее время в России трудно назвать примеры полномасштабной реализации систем B-FLAI. На важность создания систем типа B-FLAI (разумеется, без употребления этого термина ввиду его неизвестности на тот момент для авторов), указывается в работах [Солдаткина, 2020; Грипп, 2025; Томаева, 2023].

Характерно, что в работе [Солдаткина, 2020] важность создания B-FLAI-подобных систем подчеркивается следующими предложениями: изменение официальной единицы информации с документа на данные; разграничение понятий цифровизации, компьютеризации и информатизации; разделение понятий электронного и цифрового документа.

В настоящее время с точки зрения федерального законодательства, практически нет разницы между документом, который изначально создается по установленным правилам в электронном виде в некоторой доверенной программной среде, и электронной «проекцией» обычного бумажного документа, полученного путем сканирования [Солдаткина, 2020]. Учитывая, что при подаче заявлений в электронном виде все документы прикрепляются в виде скан-копий, их дальнейшее документарное движение (учет, использование, обработка и хранение) практически ничем не отличается от подобных действий с «классическими» бумажными документами: чаще всего их традиционно распечатывают и прикрепляют в канонические дела [Солдаткина, 2020]. Внутри судебной системы ситуация аналогична: модуль «Электронное правосудие» подсистемы Интернет-портал ГАС «Правосудие» не имеет функции прямой передачи данных в систему внутреннего делопроизводства суда.

В определенной мере, к системам типа B-FLAI можно отнести функционирующие в данный момент в России системы автоматизации судебной работы, такие как сервисы технологических решений в юридических вопросах «Картотека арбитражных дел» и «Мой арбитр», ГАС «Правосудие», а также системы для управления юридической практикой и процессами «Управляй делами» и систему «Caselook» (для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов).

Эти автоматизированные системы существенно улучшили доступ граждан к правосудию, так как введенная возможность онлайн-слушаний дает возможность сторонам дела из дальних регионов полноценно участвовать в судебном заседании, без потери качества такого участия и эффективности самого процесса правоприменения.

Важно отметить в контексте нашего исследования, что широкое инсталлирование систем типа B-FLAI в сферу права следует оценивать как часть механизма реализации права на доступные и законные механизмы правоприменения для лиц с ограниченными возможностями физического и (или) когнитивного характера [Курбатова, 2024]. Можно сказать, что для таких лиц доступность системы типа B-FLAI – это гуманное расположение в непосредственной близости правовой «тревожной кнопки», нажатие на которую запускает внутри государственной машины сложный механизм правоприменения в их интересах.

Термином S-FLAI в предложенной классификации обозначены системы, которые выполняют роль секретарей суда (судебного заседания), а также роль юристов-консультантов или советников по преюдициальным вопросам или прецедентным делам. Они могут оказывать консультации по всему спектру правовых вопросов, в том числе, по конкретному делу, а также

с учетом его обстоятельств выполнять работу по предиктивной аналитике с целью оптимизации решений, принимаемых участником процесса.

В качестве показательного примера системы типа S-FLAI можно привести программу Мельбурнской юридической фирмы «Doogue O'Brien George». Она еще в 2016 г. запустила сервис онлайн-консультаций с роботом-юристом, который помогает людям готовиться к выступлению в суде и защите своих интересов [Cui, 2020].

К системам S-FLAI можно отнести функционирующие в настоящий момент в России программы «Caselook» (для поиска и анализа судебной практики), а также системы конструкторов договоров и обработки текстов и документов (например, «Doczilla») и многие другие.

Функциями систем S-FLAI наделены ныне доступные для любого человека российские и зарубежные сервисы, такие как «YandexGPT», «Kandinsky», «GigaChat», «НейроТекстер», «Perplexity AI», «Academic AI», «ChatGPT5 Thinking» и многие другие. Они подскажут, какую норму права необходимо изучить по отношению к конкретной жизненной ситуации и предложат возможные варианты решения того или иного юридического вопроса. Кроме того, они способны выполнить прогноз решения по делу и помогут верно составить необходимые документы.

Для обсуждения работы S-FLAI в качестве секретарей суда, следует учесть показательный опыт КНР по внедрению в Шанхае среды «Система 206» [Cui, 2020]. Эта система, в числе прочего, производит напоминание об уплате сборов на этапе подачи судебных документов, проводит досудебный анализ претензий, выявляет факты и причины спора, анализирует материалы дела, проверяет полноту и достоверность доказательств, готовит план проведения заседания, устанавливает позиции сторон, ведет безбумажный протокол судебного заседания, а на этапе вынесения судебного решения готовит предварительное решение (то есть, частично выполняет функции следующей по уровню, R-FLAI системы).

Разработанные и внедренные в китайскую судебную систему технологии распознавания речи и обработки изображений помогают судьям-людям сверять протоколы судебных заседаний и оперативнее анализировать доказательства по делу. Об эффективности китайских систем типа S-FLAI можно судить по тому факту, что в Шанхае для выполнения трудоемких, повторяющихся и коммуникативных задач секретари судебных заседаний были в своем большинстве заменены на системы типа S-FLAI [Cui, 2020].

Касаясь вопросов предиктивного правосудия, нельзя не упомянуть известную американскую систему ИИ «Compas» (Correctional Defender Management Profiling for Alternative Sanctions), которая также относится к системам типа S-FLAI в нашей классификации.

Термином R-FLAI в предлагаемой классификации обозначены системы, выполняющие разбирательство по конкретным делам и предлагающие соответствующие рекомендации судье – человеку, который будет выносить окончательное решение. В качестве примера систем R-FLAI необходимо отметить шанхайскую систему C2J (Court2Judge), помогающая судьям найти нужную судебную практику, схожие судебные дела, необходимые для конкретного дела правовые нормы и даже сведения об истце, сделав поиск прецедентных дел простым, а решение более взвешенным, сводя к минимуму судейскую ошибку или неисследованность судебных доказательств [Wang, 2020].

Кроме того, эта система помогает судьям извлекать, интерпретировать и оперативно анализировать факты из представленных сторонами спора доказательств, в том числе подсказывая и практику по отмененным (в связи с их незаконностью или недостаточностью

исследования фактов) схожим категориям дел, что существенно упрощает и ускоряет работу судебной системы в целом [Wang, 2020].

В России системы типа R-FLAI целесообразно было бы ввести для рассмотрения споров, в которых цифровые данные имеют высокий характер достоверности. Это дела о ДТП без тяжелых последствий, дела по спорам о распространении информации в сети Интернет, споры по кредитным картам и другие [Никиташина, 2021].

Термином J-FLAI обозначены гипотетические системы, единолично выполняющие роль судьи (по наиболее простым делам, например, приказным делам гражданского или арбитражного права) без участия человека. В качестве положительного примера эксплуатации системы J-FLAI можно отметить, что в Амурской области несколько лет тому назад была внедрена технология машинного зрения и автоматизации судо- и делопроизводства (конструктор судебных приказов «Магис»), позволяющая обрабатывать поданные в электронном виде заявления о выдаче судебных приказов и приложенные к ним документы и генерировать проекты судебных приказов [Даниелян, 2023]. При этом взыскатели (налоговые органы, кредитные организации, управляющие компании и др.) получают доступ к программному продукту «Магис» на основании заключенного соглашения об организации электронного взаимодействия, а корректность всей информации в итоге проверяет мировой судья.

Использование общей для взыскателя и суда платформы, без сомнения, существенно ускоряет процесс выдачи судебного приказа и сокращает число ошибок, обусловленных человеческим фактором. Как отмечается в работе [Даниелян, 2023], применяемый в Амурской области программный комплекс не ограничивает категории требований или взыскателей, но, по сути, без проверки корректности сведений и расчетов просто формирует судебный приказ, словно презюмируя верность заявленного требования.

После того, как мы определились с элементами нашей концептуалистической [Субботин, 2001] классификации, следует отметить следующее. Для минимизации рисков выхолащивания морально-этических императивов из сферы права и, вместе с тем, использования на благо общества гигантских вычислительных способностей нынешних компьютерных систем, предлагаются следующие принципы использования в правоприменении FLAI-систем различных типов.

Системы типа B-FLAI могут использоваться во всех судах без каких-либо ограничений. При этом программный интерфейс этих систем должен быть воплощением мудрого и человечного закона, потому он должен в интерактивном режиме «мягко» реагировать на ошибки пользователя, подсказывать контекстные действия (например, в виде всплывающих терминов) и быть «терпеливым» по отношению к неквалифицированным посетителям. Программное поведение систем типа B-FLAI должно быть полной противоположностью поведению надменного и неприступного швейцара из известного стихотворения Николая Некрасова «Размышления у парадного подъезда», не пропустившего к чиновнику робких просителей-пилигримов.

Системы типа S-FLAI должны быть воплощением рассудительного главы большого семейства, который в поисках справедливого решения спора вынужден выслушивать обиды и претензии своих родственников друг к другу. Системы типа S-FLAI могут в соответствующих случаях выполнять функции медиатора, предлагая сторонам спора проект мирового соглашения. Роль систем типа S-FLAI в роли медиаторов представляется вполне естественной, поскольку эффективное владение предиктивной аналитикой, с одной стороны, и детальное

знание обстоятельств дела в трактовке каждого участника спора, с другой стороны, делают возможным создание такого проекта аргументированного судебного решения, которое устроит каждого участника.

Важно подчеркнуть, что функция примиряющего лица, которой обладает в правоприменении система типа S-FLAI, только усиливает веру в справедливость и беспристрастность закона у сторон спора, так как появляется принципиальная возможность узнать, как спорная ситуация смотрится сверху, извне, глазами объективного юриста, в роли которого органично смотрится система типа S-FLAI. В отличие от «доцифровых» времен, нет нужды выведывать инсайдерскую информацию, пытаясь разузнать правовую позицию и «козыри» противоположной стороны. В данной ситуации существование в правоприменительной плоскости систем S-FLAI только убеждает человека (в том числе, представителя юридического лица) в мудрости закона, подтверждая заложенные в его правовое сознание принципы справедливости и гуманизма.

Нужно добавить, что обсуждение и заключение мирового соглашения с участием системы типа S-FLAI, выполняющей в данном случае по отношению к сторонам спора роль внешнего приглашенного юриста, может происходить вообще без участия человека, путем Интернет-сессий между системой S-FLAI и юридическими ИИ - системами всех участников в цифровой метавселенной [Ширинских, 2025; Фатхи, 2022; Ковалева, 2022].

В том случае, если при посредничестве системы S-FLAI стороны спора не пришли к мировому соглашению, они переходят в стадию судебных слушаний, то есть к взаимодействию с системой типа R-FLAI.

Нужно подчеркнуть, что все FLAI – системы, являясь обработчиками с рекордной производительностью формализованных данных, достаточно трудно воспринимают и обрабатывают плохоформализуемую информацию, такую как эмоции, чувства, настроение, содержащиеся во взволнованной речи участников судебных споров и даже в их текстовых записях [Zehlike, 2025], [Cheng, 2021].

Особо стоит подчеркнуть, что на этой стадии участие систем типа R-FLAI допускается только в случае согласия на такой порядок рассмотрения каждой из сторон. У любого участника спора сохраняется право на классический «нецифровой» порядок рассмотрения, с участием судьи – человека.

О существовании канонического «нецифрового» порядка рассмотрения спора, то есть без участия системы R-FLAI, каждого из участников спора (даже если это уполномоченные юридическими или физическими лицами ИИ-системы) информируют системы B-FLAI и S-FLAI. Для максимально корректного доведения такой информациии и ее «встраивания» в привычную картину Мироздания человека, без деформирования его правового мышления, они обращают внимание представителей сторон на то обстоятельство, что все системы R-FLAI безупречно и беспристрастно отрабатывают формализованную информацию, содержащуюся в законах и фактических обстоятельствах конкретного дела. При этом в силу особенностей технической реализации, системы типа R-FLAI могут недостаточно корректно воспринимать и учитывать чувственно-эмоциональные нюансы, если они не представлены (не будут представлены) в виде формальных величин [Zehlike, 2025; Cheng, 2021].

При правильной подаче и трактовке, этот фактор не должен вызывать аберраций в правовом мышлении человека и индуцировать у него мысли о черствости Закона и Мироздания. Наоборот, в данном случае системы типа B-FLAI и S-FLAI, сообщая о такой особенности системы R-FLAI, проявляют предупредительность и внимание по отношению как к человеку,

так и к неидеальной системе R-FLAI, воплощая таким образом высшую справедливость и заботу обо всем сущем: как живом (человек), так и рукотворном (несовершенный компьютер R-FLAI).

Системы типа J-FLAI, как это представляется сейчас, еще какое-то время будут проходить тестирование в режиме правовой «песочницы», хотя уже имеются вполне обнадеживающие примеры их практического применения (см. выше).

Заключение

Предложенная классификация FLAI – систем позволяет существенно снизить накал споров по поводу правосубъектности ИИ, поскольку три из четырех FLAI – систем (а именно, системы типа B-FLAI, S-FLAI и R-FLAI) сущностно являются компьютерными средствами без наделения их гипотетическим сознанием, в связи с чем обсуждение их правосубъектности не имеет смысла.

Рассмотренная концепция FLAI – систем, их классификация и типизация по роли и месту в правоприменении позволяют оптимальным образом в период информационных бифуркаций найти компромисс между охраной прав человека и общества, сохранением гуманистического наполнения права, с одной стороны, и максимальным использованием технологических возможностей ИИ, с другой стороны. Разделение всех FLAI – систем на четыре типа (B-FLAI; S-FLAI; R-FLAI и J- FLAI) и их использование в соответствии с вводимыми правилами и ограничениями позволят свести к минимуму риск «вычеркивания» человечности из юридической сферы и, вместе с тем, обеспечит использование на благо страны рекордной производительности и алгоритмической мощности FLAI – систем.

Библиография

1. Альбов А.П. Цифровые технологии правоприменения: новые модели и риски // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2020, № 2, стр. 25 – 30.
2. Баранов П.П., Овчинников А.И. Место и роль правового мышления в духовном мире людей // Юристъ – Правоведъ, 2000, № 1, стр. 7 – 16.
3. Болотаева О.С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика, 2022, № 4, стр. 15 – 17.
4. ГОСТ Р 71476 – 2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта. (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.).
5. Грипп Э.Х. Проблемы цифровизации судопроизводства в судах общей юрисдикции Российской Федерации // Образование и право, 2025, № 6, стр. 303 – 306.
6. Даниелян А.С. Искусственный интеллект в суде: помощник или судья? – в сб. Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. – Казань, 2023, стр. 92 – 98.
7. Ильина Ю.А. Правовое мышление в структуре правовой идеологии (гносеологический аспект) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2021, № 9-1, стр. 20 – 23.
8. Ковалева Н.Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by, 2022, № 5, стр. 81 – 84.
9. Кожевников В.В. Правоприменение. Антология научных статей.- М.: Проспект, 2021, 512 с.
10. Комаровская А.С. Правовое мышление как механизм социальной адаптации в условиях информационной нестабильности // Актуальные вопросы антропологии, 2024, № 19, стр. 125 – 135.
11. Курбатова С.М. Цифровизация системы правосудия как часть механизма реализации права на законный суд для лиц с ограниченными возможностями. – в сборнике научных трудов III Международной научно- практической конференции «Цифровые технологии и право». - Казань: Издательство «Познание», 2024, стр. 116 – 120.
12. Никиташина Н.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: миф или реальность // Юридическая техника, 2021, № 15, стр. 388-393.
13. Самусевич А.Г. Цифровое правоприменение: теория и практика // Сибирский юридический вестник, 2022, № 4, стр. 22 – 28.

14. Солдаткина Н.Л. Стратегические направления развития в сфере цифровизации права как приоритеты информационно – правовой политики // Гуманитарные и юридические исследования, 2020, № 2, стр. 154 – 160.
15. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019, № 2, стр. 75 – 85.
16. Субботин А.Л. Классификация. – М.: Институт философии РАН, 2001, 94 с.
17. Томаева В.К. К проблеме обеспечения доступа к правосудию в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Арбитражного суда Московского округа, 2023, № 3, стр. 74 – 79.
18. Фатхи В.И. Метавселенные: проблемы правового регулирования // Философия права, 2022, № 4, стр. 13 – 18.
19. Федеральный Закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального Закона «О персональных данных» (принят Государственной Думой 14 апреля 2020 года).
20. Шаганян А.М., Овчинникова О.Д. Соотношение дефиниций «правовая культура», «правовое сознание» и «правовое мышление» (теоретико-правовой аспект) // Алтайский юридический вестник, 2024, № 2, стр. 24 – 28.
21. Ширинских П.И. Развитие индустрии метавселенных сквозь призму права: компаративистский подход // Философия права, 2025, № 3, стр. 13 – 19.
22. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН, 2018, № 2, стр. 36 – 55.
23. Cheng L. Socially Responsible AI Algorithms: Issues, Purposes, and Challenges // Journal of Artificial Intelligence Research, 2021, № 71, pp. 1137 – 1181.
24. Cui Y. Artificial intelligence and judicial modernization. - Singapore.: Springer, 2020.
25. Wang N. Black Box Justice: Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China's Court System // 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). – IEEE, 2020, pp. 58-65.
26. Zehlike M., et al. Beyond incompatibility: Trade-offs between mutually exclusive fairness criteria in machine learning and law // Artificial intelligence, 2025, № 340.

Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. Classification of Systems by Their Role in Law Enforcement

Polina N. Makovskaya

Trainee Attorney,
Rostov Regional Bar Association "Business and Law",
344003, 94/96 Lermontovskaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the use of artificial intelligence systems in law enforcement. It is noted that for practical purposes, the use of the generalized concept FLAI (future law artificial intelligence) is productive, which allows abstraction from non-essential implementation features of systems. A classification of artificial intelligence systems is presented depending on the role and place they occupy in law enforcement. Four types of artificial intelligence systems that are functional varieties are described, and appropriate principles and practical examples of using each of these system types are considered. It is concluded that on such principles of use in law enforcement, a balance is achieved between the humanistic, non-algorithmic foundations of law and the super-high computational power of artificial intelligence systems.

For citation

Makovskaya P.N. (2025) Ispol'zovaniye v pravoprimenenii sistem iskusstvennogo intellekta. Klassifikatsiya sistem po ikh roli v pravoprimenenii [Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. Classification of Systems by Their Role in Law Enforcement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 9-20. DOI: 10.34670/AR.2025.83.79.001

Keywords

Law enforcement, artificial intelligence, digitalization, system classification, principles of use.

References

1. Al'bov A.P. Cifrovye tekhnologii pravoprimeneniya: novye modeli i riski // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata, 2020, № 2, str. 25 – 30.
2. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. Mesto i rol' pravovogo myshleniya v dukhovnom mire lyudej // Yurist" – Pravoved", 2000, № 1, str. 7 – 16.
3. Bolotaeva O.S. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 2022, № 4, str. 15 – 17.
4. GOST R 71476 – 2024. Iskusstvennyj intellekt. Koncepcii i terminologiya iskusstvennogo intellekta (utverzhden i vveden v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 28 oktyabrya 2024 g. № 1550-st.).
5. Gripp EH.KH. Problemy cifrovizacii sudoproizvodstva v sudakh obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo, 2025, № 6, str. 303 – 306.
6. Danielyan A.S. Iskusstvennyj intellekt v sude: pomoshchnik ili sud'ya? – v sb. Cifrovye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Kazan', 2023, str. 92 – 98.
7. Il'ina YU.A. Pravovoe myshlenie v strukture pravovoj ideologii (gnoseologicheskij aspekt) // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2021, № 9-1, str. 20 – 23.
8. Kovaleva N.N. Pravovye aspekty cifrovogo sovershenstvovaniya metavselennykh // Pravo.by, 2022, № 5, str. 81 – 84.
9. Kozhevnikov V.V. Pravoprimenenie. Antologiya nauchnykh statej. - M.: Prospekt, 2021, 512 s.
10. Komarovskaya A.S. Pravovoe myshlenie kak mekhanizm social'noj adaptacii v usloviyakh informacionnoj nestabil'nosti // Aktual'nye voprosy antropologii, 2024, № 19, str. 125 – 135.
11. Kurbatova S.M. Cifrovizaciya sistemy pravosudiya kak chast' mekhanizma realizacii prava na zakonnyj sud dlya lic s ogranichennymi vozmozhnostyami. – v sbornike nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoj konferencii «Cifrovye tekhnologii i pravo». - Kazan': Izdatel'stvo «Poznanie», 2024, str. 116 – 120.
12. Nikitashina N.A. Iskusstvennyj intellekt v yurisprudencii: mif ili real'nost' // Yuridicheskaya tekhnika, 2021, № 15, str. 388-393.
13. Samusevich A.G. Cifrovoe pravoprimenenie: teoriya i praktika // Sibirskij yuridicheskij vestnik, 2022, № 4, str. 22 – 28.
14. Soldatkina N.L. Strategicheskie napravleniya razvitiya v sfere cifrovizacii prava kak prioritety informacionno – pravovoj politiki // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya, 2020, № 2, str. 154 – 160.
15. Somenkov S.A. Iskusstvennyj intellekt: ot ob"ekta k sub"ektu? // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 2019, № 2, str. 75 – 85.
16. Subbotin A.L. Klassifikaciya. – M.: Institut filosofii RAN, 2001, 94 s.
17. Tomaeva V.K. K probleme obespecheniya dostupa k pravosudiyu v usloviyakh cifrovizacii sudoproizvodstva // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga, 2023, № 3, str. 74 – 79.
18. Fatkhi V.I. Metavselennye: problemy pravovogo regulirovaniya // Filosofiya prava, 2022, № 4, str. 13 – 18.
19. Federal'nyj Zakon «O provedenii ehksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyakh sozdaniya neobkhodimykh uslovij dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sub"ekte Rossijskoj Federacii - gorode federal'nogo znacheniya Moskve, ob osobennostyakh obrabotki personal'nykh dannykh pri formirovanii regional'nykh sostavov dannykh i predostavleniya dostupa k regional'nym sostavam dannykh i vnesenii izmenenij v stat'i 6 i 10 Federal'nogo Zakona «O personal'nykh dannykh» (prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 14 aprelya 2020 goda).
20. Shaganyan A.M., Ovchinnikova O.D. Sootnoshenie definicij «pravovaya kul'tura», «pravovoe soznanie» i «pravovoe myshlenie» (teoretiko-pravovoj aspekt) // Altajskij yuridicheskij vestnik, 2024, № 2, str. 24 – 28.
21. Shirinskikh P.I. Razvitie industrii metavselennykh skvoz' prizmu prava: komparativistskij podkhod // Filosofiya prava, 2025, № 3, str. 13 – 19.

22. Yastrebov O.A. Pravosub"ektnost' ehlektronnogo lica: teoretiko-metodologicheskie podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 2018, № 2, str. 36 – 55.
23. Cheng L. Socially Responsible AI Algorithms: Issues, Purposes, and Challenges // Journal of Artificial Intelligence Research, 2021, № 71, pp. 1137 – 1181.
24. Cui Y. Artificial intelligence and judicial modernization. - Singapore.: Springer, 2020.
25. Wang N. Black Box Justice: Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China's Court System // 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). – IEEE, 2020, pp. 58-65.
26. Zehlike M., et al. Beyond incompatibility: Trade-offs between mutually exclusive fairness criteria in machine learning and law // Artificial intelligence, 2025, № 340.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 81 **DOI: 10.34670/AR.2025.10.58.002**

Особенности развития юридического языка в российском правовом поле

Бузаев Павел Владимирович

Аспирант,
Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: pavelius2015@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей развития юридического языка в российском правовом поле, рассматриваемого как специализированная система коммуникации, обеспечивающая точное и формализованное выражение правовых норм. Цель исследования — выявление исторических, социокультурных и технологических факторов, влияющих на эволюцию юридического языка на различных этапах становления российской правовой системы. Автором раскрываются ключевые этапы формирования лексики и синтаксиса: от «Русской Правды» и Соборного Уложения через европеизацию Петровской эпохи, советскую стандартизацию и идеологизацию до современного этапа цифровизации и интеграции международной терминологии. Особое внимание уделяется роли терминологической системы, обеспечивающей нормативность и системность понятийного аппарата, а также проблемам унификации, гармонизации и доступности юридических текстов. Анализируется влияние заимствований и архаизмов, стандартизированных конструкций и межъязыкового взаимодействия, отмечаются сложности с избыточной формализацией и канцеляризмом. Подчеркивается значимость юридико-лингвистической экспертизы и требований к ясности, точности и определённости формулировок в современных нормативно-правовых актах, необходимых для эффективной правоприменительной практики и правовой доступности. В завершение автором делается вывод о необходимости баланса между строгой научной нормой и прозрачностью юридического языка для различных социальных групп. Современная тенденция к цифровизации и глобализации стимулирует необходимость адаптации и упрощения языка, обеспечивая баланс между формальной строгой нормой и доступностью для широкого круга пользователей.

Для цитирования в научных исследованиях

Бузаев П.В. Особенности развития юридического языка в российском правовом поле // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 21-27. DOI: 10.34670/AR.2025.10.58.002

Ключевые слова

Юридический язык, правовая терминология, российское право, историческое развитие, правовой дискурс, лексика и синтаксис, европеизация, идеологизация, история.

Введение

Цель исследования – установить особенности развития юридического языка в российском правовом поле. Проблема исследования состоит в том, что юридический язык является специализированной системой коммуникации, функционирующей в рамках правовой деятельности и обеспечивающей точное и однозначное выражение правовых норм. В условиях постоянного развития законодательства и правоприменительной практики российский юридический язык претерпевает эволюционные изменения, отражающие исторические, социально-культурные и технологические трансформации. Методология исследования включает в себя историко-описательный метод, а также анализ и систематизацию научной литературы и нормативно-правовых актов.

Основная часть

Юридический язык представляет собой совокупность языковых средств, применяемых в нормативных актах, судебных документах, договоренностях и других правотворческих и правоприменительных текстах. Его основные функции включают нормативность, однозначность, точность и формализацию правовых отношений. Юридический язык выполняет роль инструмента кодификации правовых норм и создания основы для интерпретации и реализации закона. Это требует высокой степени стандартизации и устойчивости лексических и синтаксических конструкций [Купцова, 2025].

Как отмечает в своем исследовании Бровина А.В., формирование юридического языка в России связано с развитием отечественной правовой системы, начиная с Русской Правды и Соборного Уложения, через реформы XVIII–XIX веков, отражая влияние западноевропейских правовых моделей. Переход от церковнославянского языка к современному русскому отражает лингвистическую адаптацию и укоренение юридической терминологии. Советский период характеризовался идеологическим контролем над юридическим языком, его стандартизацией и упрощением для массового понимания, что повлияло на лексический и стилистический строй [Афанасьев, 2025].

Юридический язык как формализованный лингвистический инструмент правотворчества и правоприменения отражает эволюцию российской правовой системы. Его развитие демонстрирует сложное взаимодействие традиции и инновации, определяемое социально-политическими трансформациями и культурными влияниями. Раннее становление юридической лексики связано с «Русской Правдой», где формировалась специализированная терминология («вира», «головничество»). Московский период обогатил язык через рецепцию византийского права, что особенно проявилось в Соборном Уложении 1649 года, впервые установившем системные дефиниции правовых понятий.

Эпоха Петра I ознаменовала целенаправленную европеизацию юридического языка. Под влиянием немецких и шведских правовых моделей в русский законодательный лексикон массово проникают заимствования: «ратификация», «арбитр», «камера», «юстиция». Учреждаются новые органы с иностранными названиями — «Сенат», «Коллегия». При этом процесс заимствования зачастую был хаотичным, что приводило к терминологической пестроте. Законодательные акты Петра, такие как «Артикул воинский» 1715 года, изобилуют прямой калькой с немецкого, что делало их язык тяжеловесным и малопонятным для рядовых исполнителей. Важнейшей вехой в стабилизации и систематизации юридического языка стала

работа по кодификации права в XIX веке. Под руководством М.М. Сперанского был подготовлен «Свод законов Российской Империи» 1832 года, действовавший вплоть до 1917 года. Язык Свода представляет собой классический образец русского дореволюционного юридического стиля. Он характеризуется стилистической выверенностью, логической стройностью и стремлением к терминологической однозначности. Были четко разграничены такие фундаментальные понятия, как «владение» и «собственность», разработана детальная система обязательственного права. Влияние французской правовой культуры, особенно в области гражданского права, проявилось в закреплении таких терминов, как «контрагент», «цессия», «договор». Лексика Свода законов, хотя и оставалась архаичной по меркам современного языка, установила тот стандарт точности и формализма, который до сих пор считается эталонным в юридической технике.

Октябрьская революция 1917 года привела к кардинальному разрыву с предшествующей правовой традицией, что не могло не отразиться на юридическом языке. Первые декреты советской власти, такие как «Декрет о суде» № 1 1917 года, целенаправленно упраздняли старую юридическую терминологию, объявляя ее «буржуазной». Были отброшены понятия «собственность», «юридическое лицо», «наследственное право». Их место заняла новая, идеологически нагруженная лексика: «пролетарский суд», «революционная законность», «трудящиеся», «эксплуататорские классы». В области уголовного права появились расплывчатые и политизированные составы, такие как «контрреволюционная деятельность» или «враг народа» [Краснов, 2021].

Однако по мере стабилизации государственности и проведения кодификации в 1920-е годы (Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года) начался процесс частичного возвращения к традиционной догматической терминологии, но в новом, «советском» истолковании. Были реабилитированы понятия «сделка», «договор», «ответственность», но их содержание наполнялось классовым смыслом. Юридический язык советского периода характеризовался дуализмом: с одной стороны, сохранялся формальный аппарат догмы права, с другой — господствовала идеологическая риторика, пронизывающая даже тексты кодексов. Это создавало внутреннюю напряженность и двусмысленность, когда формально корректные юридические конструкции могли быть отброшены по идеологическим соображениям.

Распад СССР и формирование современной российской государственности ознаменовали новый этап. Произошла деидеологизация юридического языка, из него были устранены прямые отсылки к марксизму-ленинизму и классовому подходу. Одновременно начался активный процесс рецепции международно-правовых стандартов и заимствования англо-американской юридической лексики, что было связано с интеграцией России в мировую экономику и правовое пространство. В правовой лексикон вошли такие термины, как «холдинг», «лизинг», «франчайзинг», «траст», «эмиссия». Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, Гражданского кодекса Российской Федерации (части первая – четвертая), Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года и других фундаментальных актов заложило основу для новой, систематизированной терминологии. Современный российский юридический язык стремится к восстановлению точности и формальной определенности, утраченных в советский период. Однако перед ним встают новые вызовы: необходимость адаптации к цифровой реальности (появление терминов «электронный документ», «цифровая подпись», «криптовалюта»), борьба с избыточным заимствованием и сохранение языковой идентичности, а также обеспечение доступности правовых текстов для граждан без ущерба для их юридической точности [Саенко,

2020].

Акишин М. О. пишет о том, что фундаментальной особенностью юридического языка является его нормативный характер. Языковые конструкции, используемые в текстах нормативно-правовых актов, сами по себе обладают нормативной силой. Это порождает требование максимальной точности, однозначности и определенности. Каждое слово, каждый синтаксический оборот несут значительную правовую нагрузку. Например, разграничение дефинитивных норм, содержащихся в статье 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», и отсылочных норм, характерных для процессуального законодательства, демонстрирует дифференциацию лингвистических средств в зависимости от юридической функции текста [Кожевников, 2020].

Центральным элементом юридического языка выступает его терминосистема. Правовая терминология стремится к внутренней непротиворечивости и системности. Термины могут быть заимствованы из общеупотребительного языка, но наделяются строго определенным значением, нередко отличающимся от бытового. Так, термин «вина» в уголовном праве, раскрытый в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеет специфическое содержание, отличное от морально-этического понимания. Другой пласт составляют собственно юридические термины, не имеющие аналогов в обыденной речи: «эвикция», «субсидиарная ответственность», «презумпция невиновности». Процесс терминотворчества является непрерывным, что отражает усложнение правовой материи [Kozhevnikov, 2023].

Стилистика юридического языка тяготеет к формальной определенности, объективности и безличности. Для него характерно использование пассивных конструкций, отглагольных существительных, сложных предложений с развернутой системой придаточных. Широко применяются клише и стандартизированные формулировки, что способствует унификации правовых документов и снижает риск их произвольного толкования. Вместе с тем, избыточная архаизация и канцеляризм могут создавать барьеры для восприятия права гражданами, что актуализирует проблему доступности правовой информации. Значимым фактором развития является межъязыковое взаимодействие. Глобализация и интеграция России в международные правовые режимы приводят к интенсивному заимствованию англоязычной юридической лексики. Такие термины, как «транспарентность», «комплаенс», «киберсквоттинг», прочно входят в профессиональный лексикон. Однако их адаптация зачастую происходит стихийно, без должной лингвистической и правовой проработки, что может порождать терминологическую путаницу и коллизии в толковании [Бошно, 2021].

Особую проблему представляет обеспечение лингвистической корректности нормативно-правовых актов. Неясность, двусмысленность или внутренняя противоречивость формулировок являются источником правоприменительных ошибок и судебных споров. В этой связи возрастает роль юридико-лингвистической экспертизы проектов законов, направленной на выявление и устранение дефектов юридического языка на стадии правотворчества. Толкование правовых норм, осуществляемое Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации, также выполняет функцию уточнения и развития смыслового содержания юридических понятий. Динамика общественных отношений постоянно ставит перед юридическим языком новые вызовы. Цифровизация, развитие биотехнологий, изменение социальных институтов требуют адекватного терминологического оформления. Российский законодатель реагирует на эти вызовы, что находит отражение в появлении новых правовых концептов и их языкового выражения, как, например, в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» [Берлявский, 2024].

Как подчеркивается в исследовании Валиуллина, И. Ф., актуальная правоприменительная практика требует увеличения объёма и детализации нормативных документов, что неизбежно усложняет структуру юридических текстов. Это проявляется в усложнении синтаксиса, усилении формализма, использовании шаблонных конструкций и устойчивых словосочетаний, призванных исключить двусмысленность и неоднозначность. В юридическом языке широко применяются сложноподчинённые предложения, пассивные формы и безличные конструкции, которые служат для повышения нейтральности и объективности текста. Такой стиль изложения обеспечивает предсказуемость и стабильность правовых норм, способствуя их единственно правильной интерпретации. Лексика характеризуется большим количеством специфических терминов, архаизмов и клише. Многие термины закреплены нормативно в комментариях к кодифицированным актам, глоссариях и специальных юридических словарях, что способствует поддержанию единой правоприменительной практики. Вместе с тем, сложность и избыточность юридического языка ставит проблему доступности права для непрофессиональных пользователей. В ответ на это в последнее время всё больше внимания уделяется упрощению юридических текстов, введению так называемого «простого языка» в официальные документы с целью повышения прозрачности и правовой грамотности населения [Сенковенко, 2024].

Проблемы развития юридического языка также связаны с неоднородностью терминологической базы, различиями в применении понятий в различных отраслях права, а также необходимостью соответствия национального правового языка международным стандартам и требованиям. При этом важной перспективой остаётся гармонизация правовой терминологии и повышение её функциональной эффективности [Чахиева, 2024].

Заключение

Таким образом, развитие юридического языка в российском правовом поле отражает сложное взаимодействие историко-культурных, технологических и нормативных факторов. Особенности его лексики и синтаксиса обеспечивают точность и формальность, необходимые для правового регулирования. Однако современная тенденция к цифровизации и глобализации стимулирует необходимость адаптации и упрощения языка, обеспечивая баланс между формальной строгой нормой и доступностью для широкого круга пользователей.

Библиография

1. Назарова А.А. К вопросу о функциях языка и речи // Гуманитарный вектор. Педагогика, психология. 2019. № 2. С. 75-76.
2. Бровина А.В. Юридический язык: особенности и структура / А.В. Бровина, В.Д. Ачина // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №8 (68). — URL: https://rulb.org/archive/8-68-2025-august/10.60797/RULB.2025.68.13 (дата обращения: 08.11.2025).
3. Зиянгирова Е.Л. Классификация основных юридических терминов, входящих в состав метаязыка юрислингвистики / Е.Л. Зиянгирова // Национальная ассоциация ученых. — 2021. — № 74. — С. 54–56.
4. Малахинский, И. Д. К вопросу о специфике юридического языка / И. Д. Малахинский. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 47 (546). — С. 229-231. — URL: https://moluch.ru/archive/546/119505.
5. Малько, А. В. Политология для юристов: учебник и практикум для вузов / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 385 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-8606-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].
6. Большакова Ю. О. Правовая реальность как один из факторов развития русского языка на примере толкования юридических терминов // Актуальные исследования. 2023. №19 (149). Ч.II. С. 12-16. URL:

https://apni.ru/article/6142-pravovaya-realnost-kak-odin-iz-faktorov-razvi.
7. ВОРОНКОВА Л. С. ЯЗЫК В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ // НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ. 2025. №2.
8. Акишин М. О. Юридический язык в истории правовой культуры России // Государство и право – 2020. – Номер 2 С. 172-183 [Электронный ресурс]. URL: https://gospravo-journal.ru/S013207690008555-2-1 (дата обращения: 08.11.2025).
9. Гулямова Г.Я. ЯЗЫК, ПРАВО И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2023. 1(103). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14863 (дата обращения: 08.11.2025).
10. Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // Legal Contert. — 2021. — № 1. — С. 62–67.
11. Валиуллина, И. Ф. Языки в правовом аспекте в Российской Федерации: статус и функции. Монография – М.: Мир науки, 2022 – Сетевое издание. Режим доступа: https://izdmn.com/PDF/45MNNPM22.pdf – Загл. с экрана.
12. Pakhonina Y.V. ON THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND LAW / Y.V. Pakhonina // International Research Journal. — 2023. — №2 (128). — URL: https://research-journal.org/en/archive/2-128-2023-february/10.23670/IRJ.2023.128.87 (accessed: 08.11.2025).

Features of the Development of Legal Language in the Russian Legal Field

Pavel V. Buzaev

Graduate Student,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14 Bezhitskaya St., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: pavelius2015@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to analyzing the features of the development of legal language in the Russian legal field, considered as a specialized communication system ensuring precise and formalized expression of legal norms. The research aim is to identify historical, sociocultural, and technological factors influencing the evolution of legal language at various stages of the formation of the Russian legal system. The author reveals key stages in the formation of vocabulary and syntax: from the "Russkaya Pravda" and Sobornoye Ulozheniye through the Europeanization of the Petrine era, Soviet standardization and ideologization to the contemporary stage of digitalization and integration of international terminology. Special attention is paid to the role of the terminological system ensuring normativity and systematicity of the conceptual apparatus, as well as problems of unification, harmonization, and accessibility of legal texts. The influence of borrowings and archaisms, standardized constructions, and interlingual interaction is analyzed, with difficulties related to excessive formalization and bureaucratese noted. The significance of legal-linguistic expertise and requirements for clarity, precision, and definiteness of formulations in contemporary normative legal acts, necessary for effective law enforcement practice and legal accessibility, is emphasized. In conclusion, the author concludes about the necessity of balance between strict scientific norm and transparency of legal language for various social groups. The modern trend towards digitalization and globalization stimulates the need for language adaptation and simplification, ensuring balance between formal strict norm and accessibility for a wide range of users.

For citation

Buzaev P.V. (2025) Osobennosti razvitiya yuridicheskogo yazyka v rossiyskom pravovom pole [Features of the Development of Legal Language in the Russian Legal Field]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 21-27. DOI: 10.34670/AR.2025.10.58.002

Keywords

Legal language, legal terminology, Russian law, historical development, legal discourse, vocabulary and syntax, Europeanization, ideologization, history.

References

1. A. Nazarova.A. N. On the use of language and speech // Mathematical vector. Pedagogy, psychology. 2019. No. 2. Articles 75-76.
2. Brovina, A. N.V. N. French: community and structure / A. N.V. N. Brovina, V. N.J. Achina / / Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — №8 (68). - URL: https://rulb.org/archive/8-68-2025-august/10.60797/RULB.2025.68.13 (date of reference: 11/08/2025).
3. E. Ziyangirova.L. N. Classification of the main legal terms included in the metalanguage of legal linguistics / E. N.L. N. Ziyangirova / / National Association of Scientists. — 2021. — No. 74. - St. 54-56.
4. Malakhinsky, I. N. J. On the question of the Spanish language / I. N. J. Malakhinsky. - Text : public // Young teacher. — 2024. — № 47 (546). - I. 229-231. — URL: https://moluch.ru/archive/546/119505
5. Malko, A. N. V. N. Political science for lawyers: textbook and practice for universities / A. N. V. N. Malko, A. N. Yu. N. Salomatin. -2nd ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 385 p. ill. (Higher education). – ISBN 978-5-9916-8606-8. - Text: electronic // Yurayt educational platform [website
6. A. Bolshakov, O. N. Those in power as one of the founders of the development of the Russian language using examples of interpretative terms // Actuarial research. 2023. No. 19 (149). Part II. Articles 12-16. URL: https://apni.ru/article/6142-pravovaya-realnost-kak-odin-iz-faktorov-razvi .
7. VORONKOVA L. N. St. LANGUAGE IN THE LEGAL SYSTEM: FUNCTIONAL FEATURES // SCIENCE, EDUCATION, MODERNITY. 2025. №2.
8. M. Akishina, O. N. The legal language in the history of the legal culture of Russia // State and Law – 2020, No. 2, articles 172-183 [Electronic resource URL: https://gospravo-journal.ru/S013207690008555-2-1 (date of reference: 11/08/2025).
9. G. Gulyamova.Ya. N. LANGUAGE, CHAPTER and LEADING CULTURE // Universum: philosophy and art : an electronic resource. scientific journal. 2023. 1(103). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14863 (date of reference: 11/08/2025).
10. R. Melnichenko. G. N. French: problem statement // Legal competition. — 2021. — No. 1. - St. 62-67.
11. Valiullina, I. N. F. N. Languages in the legal aspect in the Russian Federation: status and functions of the Monograph-M. N.: The World of Science, 2022 – Online edition. Access mode: https://izdmn.com/PDF/45MNNPM22.pdf - I closed it. from the screen.
12. Yu. Pakhonina, V. N. ON THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF LANGUAGE AND LAW / Yu. N. V. N. Pakhonina / / International Scientific Journal. — 2023. — №2 (128). - URL: https://research-journal.org/en/archive/2-128-2023-february/10.23670/IRJ.2023.128.87 (date of request: 11/08/2025).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.39.92.003**

Методология выявления и устранения межотраслевых терминологических коллизий в системе источников современного российского права

Бузаев Павел Владимирович

Аспирант,
Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: pavelius2015@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом терминологических расхождений между отраслями российского права, что снижает предсказуемость регулирования и порождает риски произвольного толкования. Цель работы состоит в создании методологии выявления и устранения межотраслевых терминологических коллизий в системе источников современного российского права, которая объединяет доктринальные, законодательно технические, судебно интерпретационные и образовательные решения . Эмпирическая база охватывает тексты кодифицированных актов и смежного отраслевого законодательства, а также позиции высших судебных инстанций, что позволяет зафиксировать повседневные узлы семантического расхождения понятий. Методологический инструментарий включает герменевтический анализ для раскрытия смысловых слоев терминов в различных контекстах, сравнительно правовой подход для сопоставления дефиниций в отраслях, системно структурный анализ для оценки целостности понятийного аппарата и элементы дискурс анализа для выявления институциональных и социокультурных детерминант. Результаты показывают, что коллизии носят системный характер и подпитываются отраслевым эгоизмом нормотворчества, темпоральной стратификацией массивов права и неадаптированными заимствованиями. На примерах понятий добросовестность и ущерб демонстрируется дивергенция нормативных значений между гражданско правовой, налоговой, уголовной и экологической плоскостями, которая меняет модель поведения участников оборота и параметры юридической ответственности. Предложена многоуровневая модель гармонизации терминов, где доктринальный уровень формирует семантические ядра ключевых понятий, законодательно технический уровень вводит обязательную межотраслевую экспертизу терминов, судебно интерпретационный уровень закрепляет единые подходы в правовых позициях высших судов, а образовательный уровень переориентирует подготовку юристов на системное понимание права. Обсуждение подчеркивает прикладную ценность цифровых инструментов на базе искусственного интеллекта для скрининга конфликтов и акцентирует риски механической унификации, поскольку она игнорирует специфику отраслей. Вывод фиксирует необходимость координации усилий науки, законодателя и судов для восстановления семантической целостности правового языка и укрепления правовой определенности, а также очерчивает

направления дальнейшей эмпирической проверки и пилотной апробации предложенной модели в высокорискованных регуляторных зонах.

Для цитирования в научных исследованиях

Бузаев П.В. Методология выявления и устранения межотраслевых терминологических коллизий в системе источников современного российского права // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2025.39.92.003

Ключевые слова

Межотраслевые терминологические коллизии, правовая определенность, герменевтический анализ, сравнительно правовой подход, семантическая гармонизация.

Введение

Современное российское право, представляя собой сложную, многоуровневую и динамично развивающуюся систему, сталкивается с внутренними вызовами, подрывающими его онтологические основы – определенность, непротиворечивость и системность. Одной из наиболее острых и в то же время латентных проблем, имеющих глубокие гносеологические и социально-философские корни, является феномен межотраслевых терминологических коллизий. Данное явление выходит далеко за рамки сугубо лингвистической или юридико-технической погрешности, трансформируясь в фундаментальную преграду на пути к достижению правовой справедливости и построению эффективного правового государства [Кожевников, 2020]. Право, будучи по своей природе знаковой системой, оперирует понятиями и терминами как своими базовыми конструктивными элементами. Именно через язык правовой нормы осуществляется регулятивное воздействие на общественные отношения, формируется правосознание граждан и легитимируется деятельность государственных институтов. Когда один и тот же термин, например, «ущерб», «добросовестность» или «организация», наделяется различным, а порой и взаимоисключающим содержанием в рамках гражданского, налогового, уголовного или административного права, возникает ситуация семантического хаоса. Эта энтропия правового языка [Сенковенко, 2024] ведет не просто к трудностям в правоприменении, но к деконструкции самой правовой реальности, превращая ее из упорядоченного космоса в поле для произвольных интерпретаций и манипуляций.

Проблема усугубляется интенсивным развитием отраслевого законодательства, которое зачастую носит ведомственный, узкоспециализированный характер, игнорирующий необходимость системной гармонизации с общим концептуальным аппаратом правовой системы. Законодатель, решая сиюминутные задачи в конкретной сфере регулирования, порождает новые правовые сущности и дефиниции, не проводя их должной «инвентаризации» на предмет соответствия уже существующему терминологическому ландшафту [Шитов, 2020]. В результате правовое поле России все более напоминает «лоскутное одеяло», сшитое из разнородных семантических фрагментов, что создает непреодолимые барьеры не только для рядовых граждан, но и для профессиональных юристов и судей. Подобная ситуация подрывает доверие к праву как к социальному институту, способному обеспечить предсказуемость и стабильность. Возникает критическая потребность в разработке комплексной методологии, которая позволила бы не только выявлять, но и системно устранять подобные коллизии. Такая методология не может быть сведена к простому созданию унифицированных словарей [Мороз,

2023], поскольку она должна учитывать философские основания права, социальный контекст функционирования правовых норм и герменевтическую природу их толкования. Целью настоящего исследования является формирование именно такой междисциплинарной методологии, опирающейся на синтез достижений философии права, социологии, лингвистики и теории права.

Материалы и методы исследования

В качестве эмпирической и теоретической базы исследования выступил широкий спект нормативных и доктринальных источников. Материалом для анализа послужили тексты федеральных кодифицированных актов Российской Федерации, в первую очередь Гражданского, Налогового, Уголовного, Административного, Земельного и Трудового кодексов. Особое внимание было уделено анализу федеральных законов, регулирующих смежные сферы общественных отношений, таких как законодательство об информации, о банковской деятельности, о защите конкуренции и о несостоятельности (банкротстве), где частота возникновения терминологических рассогласований особенно высока [Берлявский, 2024]. Кроме того, в качестве материала были использованы постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых предпринимаются попытки толкования и гармонизации спорных правовых понятий. Доктринальную основу составили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области теории и философии права, юридической лингвистики, социологии права и отраслевых юридических наук, посвященные проблемам юридической техники, системности права и правовой герменевтики [Купцова, 2025]. Это позволило рассмотреть проблему не только с формально-юридической, но и с более глубокой, концептуальной точки зрения.

Методологический инструментарий исследования носит комплексный, междисциплинарный характер, что продиктовано самой природой изучаемого феномена. Ведущим методом выступил герменевтический анализ, направленный на выявление и интерпретацию смысловых слоев правовых терминов в различных нормативных и социальных контекстах. Применение данного метода позволило выйти за рамки формального толкования и понять, какие социальные практики, правовые традиции и ведомственные интересы стоят за тем или иным наполнением юридического понятия. Важнейшую роль сыграл сравнительно-правовой метод, который использовался для сопоставления дефиниций одних и тех же терминов в разных отраслях российского права с целью выявления их семантических расхождений и противоречий [Kozhevnikov, 2023]. Наряду с этим применялся метод системно-структурного анализа, позволивший рассмотреть терминологическую систему права как единое целое и выявить деструктивные элементы, нарушающие ее целостность и внутреннюю согласованность. Для анализа социальных причин и последствий терминологических коллизий были привлечены элементы дискурс-анализа [Латыпова, Ямалетдинова, 2020], которые помогли вскрыть, как языковые конструкции в праве отражают и одновременно формируют определенные властные отношения и социальные иерархии. Синтез этих методов позволил разработать многоуровневую модель выявления и устранения межотраслевых терминологических конфликтов.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ правового массива выявил, что межотраслевые терминологические коллизии не являются случайными ошибками юридической техники, а представляют собой системное явление, обусловленное глубинными процессами в развитии права и общества. Онтологический статус правового термина в современной правовой системе оказался крайне неустойчивым. Вместо того чтобы выступать в качестве стабильного, общепризнанного носителя смысла, он превращается в «семантического кочевника», мигрирующего из одной отрасли права в другую и кардинально меняющего свое содержание в зависимости от контекста [Афанасьев, 2025]. Это явление можно охарактеризовать как «девальвацию правового понятия», когда его ценность как инструмента точного регулирования стремительно падает.

Классическим примером является понятие «добросовестность». В гражданском праве (ст. 1, 10 ГК РФ) оно выступает в качестве одного из основополагающих принципов, предполагающего учет прав и законных интересов участников оборота, и его наличие презюмируется. Однако в налоговом праве концепция «недобросовестности налогоплательщика», выработанная судебной практикой, фактически возлагает на субъекта бремя доказывания своей осмотрительности и правомерности действий, инвертируя гражданско-правовую презумпцию. Здесь «добросовестность» из пассивного состояния соответствия норме превращается в активную обязанность по проявлению должной заботливости [Леонкин, 2023]. В свою очередь, в корпоративном праве добросовестность директора (ст. 53.1 ГК РФ) интерпретируется через призму фидуциарных обязанностей и лояльности по отношению к юридическому лицу, что привносит в это понятие совершенно иные смысловые оттенки. В результате правоприменитель и гражданин сталкиваются с тремя различными социальными и юридическими моделями поведения, обозначенными одним и тем же словом.

Не менее показательна ситуация с термином «ущерб». Гражданско-правовое понимание ущерба (ст. 15 ГК РФ) традиционно тяготеет к материальному, имущественному выражению и включает в себя реальный ущерб и упущенную выгоду. В уголовном праве (например, в статьях о хищениях) понятие ущерба также имеет имущественный характер, но его размер зачастую является квалифицирующим признаком преступления, что придает ему совершенно иную юридическую значимость. При этом уголовное право оперирует и понятием «вред» (вред здоровью, моральный вред), которое не всегда тождественно материальному ущербу. В экологическом законодательстве [Саенко, 2020] понятие «вред окружающей среде» приобретает вовсе специфическое содержание, охватывая негативные изменения в состоянии экосистем, которые зачастую не поддаются прямому денежному исчислению и требуют сложных методик расчета для их компенсации. Таким образом, под одним лексическим зонтиком скрываются три разные концепции: восстановительная (в ГК), карательная (в УК) и превентивно-компенсационная (в экологическом праве).

Причины подобной семантической дивергенции многообразны и коренятся как в объективных, так и в субъективных факторах. Ключевой причиной является «отраслевой эгоизм» законодателя. Каждое ведомство, разрабатывая проекты законов в своей сфере компетенции, стремится создать максимально удобный для себя понятийный аппарат, не заботясь о его интеграции в общую правовую систему. Это социологический феномен, отражающий бюрократическую логику и борьбу за административный ресурс [Берлявский, 2023]. Законотворческий процесс превращается из деятельности по созданию единого

правового пространства в совокупность разрозненных нормотворческих актов.

Другой важной причиной является темпоральный разрыв и историческая инерция. Законодательство наслаивается друг на друга эпохами, и термины, введенные в одном историческом и социальном контексте, продолжают существовать в другом, вступая в противоречие с новыми понятиями. Например, многие термины из советского административного права продолжают использоваться в современном законодательстве, хотя социальные реалии, которые они описывали, кардинально изменились [Бошно, 2021]. Это создает ситуацию, когда старая форма наполняется новым, не всегда релевантным содержанием.

Процессы глобализации и рецепции зарубежного права также вносят свою лепту в терминологический хаос. Механическое заимствование иностранных терминов (таких как «опцион», «бенефициар», «офшор») без их глубокой концептуальной адаптации к российской правовой доктрине и языковой традиции приводит к появлению «терминов-гибридов», чье значение остается размытым и спорным как для теории, так и для практики.

Последствия этого явления носят разрушительный характер для всей правовой системы. Во-первых, подрывается принцип правовой определенности – один из столпов правового государства. Гражданин или организация лишаются возможности четко прогнозировать правовые последствия своих действий, поскольку норма, сформулированная с использованием многозначного термина, допускает несколько вариантов толкования [Краснов, 2021]. Право из инструмента социального порядка превращается в источник неопределенности и риска.

Во-вторых, создается плодотворная почва для коррупции и злоупотреблений со стороны правоприменительных органов. Неоднозначность термина дает чиновнику или судье возможность для его произвольного, дискреционного толкования в зависимости от конъюнктурных или личных интересов. Терминологическая коллизия становится юридической лазейкой, позволяющей обходить закон.

В-третьих, происходит эрозия профессионального юридического дискурса. Юристы начинают говорить на «разных языках», что затрудняет диалог между представителями различных отраслей права, снижает качество юридической экспертизы и судебных решений. Это ведет к деградации юридической культуры в целом.

Предлагаемая нами методология устранения этих коллизий должна быть многоуровневой и комплексной. Она не может сводиться к волюнтаристскому созданию единого законодательного глоссария, поскольку такой подход игнорирует объективную специфику отраслевого регулирования. Вместо этого необходимо выстроить гибкую систему гармонизации.

Первый уровень – концептуально-доктринальный. На этом уровне силами академического сообщества, ведущих правовых школ и научно-исследовательских институтов должна вестись постоянная работа по выработке «семантических ядер» для ключевых, сквозных правовых понятий. Необходимо определить то базовое, инвариантное содержание, которое должно сохраняться для термина в любой отрасли права, и ту «периферию смысла», которая может варьироваться в зависимости от специфики правоотношений. Результаты этой работы должны носить рекомендательный, доктринальный характер и служить концептуальным ориентиром для законодателя и правоприменителя.

Второй уровень – законодательно-технический. Необходимо ввести в регламент законопроектной деятельности обязательную процедуру межотраслевой терминологической экспертизы. Любой законопроект, вводящий новые термины или использующий

существующие, должен проходить проверку на предмет его согласованности со всем массивом действующего законодательства. Для этого могут быть созданы специализированные экспертные советы или использованы цифровые платформы на основе искусственного интеллекта, способные в автоматическом режиме выявлять потенциальные семантические конфликты.

Третий уровень – судебно-интерпретационный. Ведущая роль здесь отводится высшим судебным инстанциям. Конституционный Суд и Верховный Суд должны активнее использовать свои полномочия по толкованию права для устранения выявленных межотраслевых противоречий. Их правовые позиции, сформулированные в постановлениях, должны не просто разрешать конкретный спор, но и задавать единый вектор для понимания того или иного термина во всей судебной системе, выполняя функцию «семантического арбитража».

Наконец, четвертый уровень – образовательный. Необходимо реформировать систему юридического образования, сместив акцент с узкоотраслевой подготовки на формирование у будущих юристов системного, междисциплинарного видения права. Студенты должны учиться не просто заучивать дефиниции из конкретного кодекса, а понимать, как правовые понятия функционируют и трансформируются в рамках единой правовой системы, осознавая их социальный и философский контекст.

Реализация такой многоуровневой методологии позволит перейти от спонтанного и хаотичного развития правового языка к его осознанному и системному конструированию. Это сложная и долгосрочная задача, требующая консолидации усилий законодательной, судебной власти и научного сообщества. Однако только на этом пути возможно восстановление семантической целостности российского права и, как следствие, укрепление его регулятивного потенциала и авторитета в обществе.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что межотраслевые терминологические коллизии в системе современного российского права представляют собой не совокупность частных юридико-технических дефектов, а глубокую системную проблему, имеющую онтологические, гносеологические и социально-философские измерения. Данный феномен является прямым следствием фрагментации правового пространства, ведомственной замкнутости нормотворчества и отсутствия единой концептуальной стратегии развития национального правового языка. Семантическая неопределенность и противоречивость ключевых правовых понятий приводит к девальвации принципа верховенства права, снижает предсказуемость правового регулирования, создает условия для произвола в правоприменении и подрывает доверие граждан к правосудию и государственным институтам. Проблема усугубляется в условиях ускоряющейся социальной динамики, цифровизации и глобализации, которые ставят перед правовой системой новые вызовы, требующие адекватного и, что важнее, согласованного терминологического ответа.

Преодоление сложившейся ситуации невозможно путем механистических или упрощенных решений, таких как создание всеобъемлющего словаря-глоссария. Требуется разработка и последовательная реализация комплексной, многоуровневой методологии, которая бы сочетала в себе усилия научного сообщества, законодателя и судебной власти. Эта методология должна включать в себя глубокую доктринальную проработку базовых правовых концептов, внедрение обязательной межотраслевой терминологической экспертизы законопроектов, активную роль

высших судов в качестве «семантических арбитров» и модернизацию юридического образования в сторону формирования системного правового мышления. Только такой синтетический подход, рассматривающий правовой язык не как статичный набор дефиниций, а как живую, развивающуюся систему, лежащую в основе социального порядка, способен восстановить внутреннюю целостность и когерентность российского права и обеспечить его эффективное функционирование в качестве главного инструмента достижения социальной справедливости.

Библиография

1. Купцова О.Б. Трансформация методологии сравнительно-правовых исследований в русле современного взаимодействия правовых систем // Право между Востоком и Западом. 2025. № 2. С. 22-27.
2. Афанасьев И.В. Терминологический метод исследования как инструментарий юридической теории и практики: сущностные особенности и области применения // Право и образование. 2025. № 6. С. 63-69.
3. Шитов Г.А. Методологические подходы к изучению систематизации современного законодательства // Закон и право. 2020. № 10. С. 59-62.
4. Берлявский Л.Г. Проблемы систематизации источников права // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 18-30.
5. Берлявский Л.Г. Типология источников права // Право и образование. 2024. № 1. С. 4-12.
6. Краснов А.В. Современные методологические подходы и их использование в отечественной правовой науке // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 76-79.
7. Саенко С.И. Интерпретация источников права в постсоветской юридической науке: основные подходы // Проблемы права: теория и практика. 2020. № 52. С. 214-222.
8. Кожевников В.В. Право и правовая система: к проблеме терминологической точности (общетеоретический и историко-правовые аспекты) // Государство и право. 2020. № 2. С. 37-49.
9. Kozhevnikov V.V. On the methodology of modern Russian law // Polit Journal. 2023. Т. 3. № 1. С. 38-44.
10. Бошно С.В. Сравнительно-правовой метод в исследовании правовой доктрины // Право и современные государства. 2021. № 2-3. С. 44-59.
11. Сенковенко Е.В. Методологические проблемы правопонимания в российском правоведении первой половины XIX века // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 59-62.
12. Чахиева А.М.К. Истоки противоречий и аномия в российской правовой системе // Правовая культура. 2024. № 2 (57). С. 125.
13. Леонкин А.А. Теоретико-методологические основания исследования общих нормативных предписаний в системе российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 54-59.
14. Мороз Е.В. Парадигма правопонимания конца XX - начала XXI века: российские традиции и современность // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 8. С. 30-35.
15. Латыпова Н.С., Ямалетдинова Н.В. К вопросу о правовой природе коллизионного права // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 64-72.

Methodology for Identifying and Resolving Interdisciplinary Terminological Conflicts in the System of Sources of Contemporary Russian Law

Pavel V. Buzaev

Graduate Student,
I.G. Petrovsky Bryansk State University,
241036, 14 Bezhitskaya St., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: pavelius2015@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research is determined by the persistent growth of terminological discrepancies between branches of Russian law, which reduces regulatory predictability and creates risks of arbitrary interpretation. The aim of the work is to create a methodology for identifying and resolving interdisciplinary terminological conflicts in the system of sources of contemporary Russian law, which combines doctrinal, legislative-technical, judicial-interpretational, and educational solutions. The empirical base covers texts of codified acts and related branch legislation, as well as positions of the highest judicial instances, allowing the identification of everyday nodes of semantic divergence of concepts. The methodological toolkit includes hermeneutic analysis for revealing semantic layers of terms in various contexts, comparative legal approach for comparing definitions across branches, systemic-structural analysis for assessing the integrity of the conceptual apparatus, and elements of discourse analysis for identifying institutional and sociocultural determinants. The results show that conflicts are systemic in nature and are fueled by branch egoism of rule-making, temporal stratification of legal arrays, and unadapted borrowings. Using the examples of concepts such as good faith and damage, the divergence of normative meanings between civil law, tax, criminal, and environmental spheres is demonstrated, which alters the behavioral model of market participants and parameters of legal liability. A multi-level model for term harmonization is proposed, where the doctrinal level forms semantic cores of key concepts, the legislative-technical level introduces mandatory interdisciplinary expertise of terms, the judicial-interpretational level consolidates unified approaches in legal positions of the highest courts, and the educational level reorients legal training toward systemic understanding of law. The discussion emphasizes the applied value of digital tools based on artificial intelligence for conflict screening and highlights the risks of mechanical unification, as it ignores branch-specific characteristics. The conclusion establishes the necessity of coordinating efforts of science, legislators, and courts to restore semantic integrity of legal language and strengthen legal certainty, as well as outlines directions for further empirical verification and pilot testing of the proposed model in high-risk regulatory zones.

For citation

Buzaev P.V. (2025) Metodologiya vyyavleniya i ustraneniya mezhotraslevykh terminologicheskikh kolliziy v sisteme istochnikov sovremennogo rossiyskogo prava [Methodology for Identifying and Resolving Interdisciplinary Terminological Conflicts in the System of Sources of Contemporary Russian Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2025.39.92.003

Keywords

Interdisciplinary terminological conflicts, legal certainty, hermeneutic analysis, comparative legal approach, semantic harmonization.

References

1. Kuptsova O.B. The transformation of the methodology of comparative legal research in the context of the contemporary interaction of legal systems // Law between East and West. 2025. No. 2. pp. 22-27.
2. Afanasyev I.V. The terminological research method as an instrument of legal theory and practice: essential features and areas of application // Law and Education. 2025. No. 6. pp. 63-69.
3. Shitov G.A. Methodological approaches to studying the systematization of modern legislation // Law and Legislation. 2020. No. 10. pp. 59-62.

4. Berlyavsky L.G. Problems of systematizing sources of law // Legal Order and Legal Values. 2023. Vol. 1. No. 1. pp. 18-30.
5. Berlyavsky L.G. Typology of sources of law // Law and Education. 2024. No. 1. pp. 4-12.
6. Krasnov A.V. Contemporary methodological approaches and their use in Russian legal scholarship // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2021. No. 1. pp. 76-79.
7. Saenko S.I. Interpretation of sources of law in post-Soviet legal scholarship: main approaches // Problems of Law: Theory and Practice. 2020. No. 52. pp. 214-222.
8. Kozhevnikov V.V. Law and the legal system: on the problem of terminological precision (general theoretical and historical-legal aspects) // State and Law. 2020. No. 2. pp. 37-49.
9. Kozhevnikov V.V. On the methodology of modern Russian law // Polit Journal. 2023. Vol. 3. No. 1. pp. 38-44.
10. Boshno S.V. The comparative-legal method in the study of legal doctrine // Law and Modern States. 2021. No. 2-3. pp. 44-59.
11. Senkovenko E.V. Methodological problems of legal understanding in Russian jurisprudence of the first half of the 19th century // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 7 (235). pp. 59-62.
12. Chakhieva A.M.K. Origins of contradictions and anomie in the Russian legal system // Legal Culture. 2024. No. 2 (57). p. 125.
13. Leonkin A.A. Theoretical and methodological foundations for studying general normative prescriptions in the system of Russian law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 2 (151). pp. 54-59.
14. Moroz E.V. The paradigm of legal understanding at the end of the 20th - beginning of the 21st century: Russian traditions and the present // Gaps in Russian Legislation. 2023. Vol. 16. No. 8. pp. 30-35.
15. Latypova N.S., Yamaletdinova N.V. On the legal nature of conflict of laws // Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2020. No. 3 (61). pp. 64-72.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.15.45.004**

Нормативные правовые акты как основные источники права в Российской Федерации

Мамишева Зара Аскарбиевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Зарецкая Марина Гаруновна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Романова Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Заместитель директора по научной
работе и дополнительному образованию,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса
филиал Московский государственный
университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4, литер Е;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены научные исследования и юридическая практика, посвященные анализу общих признаков, характеризующих нормативно-правовой акт, а также отграничивающих его от других сходных правовых явлений. Авторы показывают ряд существенных преимуществ нормативных актов перед иными источниками права. В заключении показано, что нормативный правовой акт представляет собой письменный документ, с помощью которого правотворческий орган в пределах своей компетенции вносит изменения в систему действующих норм права путем принятия новых норм права или решения, направленного на отмену устаревших актов. Несмотря на очевидные успехи

законотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях, становятся всё более заметными системные недостатки правового регулирования. К ключевым проблемам относятся: бессистемность правового массива, хаотичность нормотворческого процесса, отсутствие научно обоснованной структуры нормативных актов, недостатки их юридической формы, а также дефицит организационно-правовых механизмов реализации законодательных решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Мамишева З.А., Зарецкая М.Г., Романова Е.В. Нормативные правовые акты как основные источники права в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 37-44. DOI: 10.34670/AR.2025.15.45.004

Ключевые слова

Нормативно-правовой акт, источник права, закон, признаки, индивидуальные юридические акты, референдум, правотворчество, систематизация законодательства.

Введение

Опыт человечества ясно демонстрирует: без современного, совершенного законодательства невозможно решать ключевые задачи – от регулирования экономики до защиты прав человека и природы. Законодательство призвано быть главным рычагом управления обществом, влияющим на все стороны жизни. В нынешних условиях от качества, оперативности и продуманности законов напрямую зависит успех рыночных преобразований и социально-политических реформ в России.

В настоящее время особую актуальность приобретает задача переосмысления отношения к закону как фундаментальному источнику российского права и восстановления его верховенства в правовой системе. Закон должен занимать высшую позицию в иерархии нормативных актов, выступая в качестве наиболее авторитетного и неоспоримого регулятора общественных отношений. Это принципиальный элемент построения правового государства в России.

Поскольку закон регламентирует наиболее устойчивые и типичные социальные связи, он обязан обладать большей стабильностью по сравнению с подзаконными актами, издаваемыми исполнительными органами – Президентом, Правительством, а также министерствами и ведомствами.

Закон должен представлять собой не просто акт высшей юридической силы, но и инструмент непосредственного правового регулирования. Ключевым требованием является всестороннее законодательное урегулирование фундаментальных общественных и государственных отношений. Это позволит исключить пробелы в правовой системе, которые зачастую заполняются подзаконными актами – решениями правительства и ведомственными циркулярами. Объём законодательной базы должен быть достаточным для охвата всех значимых сфер общественной и государственной жизни, обеспечивая системность правового регулирования.

Наблюдается устойчивая тенденция к росту числа новых законодательных инициатив. С высокой долей вероятности в ближайшей перспективе следует ожидать дальнейшего усиления интенсивности законотворческой деятельности как на федеральном уровне, так и в субъектах Федерации – несмотря на уже сформированный значительный объём действующего

законодательства.

Основная часть

Под нормативным правовым актом понимается официальный письменный документ субъектов правотворчества, содержащий правовые нормы [Салаватова, 2011, с.114]. Это акт правотворческой деятельности компетентных государственных органов, по их поручению негосударственных организаций или непосредственно народа (при референдумах), который устанавливает, изменяет или отменяет нормы права.

Нормативный правовой акт – это официальный документ, в котором содержатся общеобязательные правила поведения, обращенные к относительно неопределенному кругу субъектов (например, граждане, сотрудники органов внутренних дел, лица, проживающие в зоне радиационного контроля и т.д.) и который действует постоянно, до его официальной отмены. Этим он отличается от актов, которые не обладают признаками нормативности. Государство нередко издает акты морально-политического значения (обращения, призывы, заявления). Они не являются нормативными правовыми актами, так как не содержат в себе юридических норм. Индивидуальные юридические акты к таковым не относятся. Так, судебные решения по гражданским делам или приговоры по уголовным делам представляют собой применение правовых норм к конкретным лицам. Подобные акты имеют правоприменительную природу: они базируются на нормах, закреплённых в нормативно-правовых актах, и именуются правоприменительными (индивидуальными) актами.

Индивидуальные акты правоприменительного значения издают многие государственные органы и негосударственные организации. Они имеют юридическое значение, но не содержат в себе правил общего характера. Нормативные правовые акты, т.е. акты, в которых содержатся такие общие правила, издаются только определенными государственными органами.

Нормативные правовые акты следует отличать и от актов толкования (интерпретации), в которых даются лишь разъяснения содержания юридических норм, но при этом само содержание нормы не изменяется.

Нормативный правовой акт обладает рядом существенных преимуществ перед иными источниками права. Прежде всего, он фиксирует общеобязательные правовые предписания в письменной форме, обеспечивая их чёткость и доступность для восприятия населением. Благодаря продуманной структуре и точности формулировок такие акты удобны в применении при разрешении юридических вопросов: в них легко вносить изменения и дополнения, а также осуществлять контроль за исполнением.

В странах с романо-германской правовой системой нормативный правовой акт является основным источником права. Этот источник используется достаточно широко (хотя и не преобладает) и в странах со сложившейся системой общего права, где главенствующее место занимает юридический прецедент (судебная и административная практика).

Правовая система каждой страны характеризуется разветвлённой структурой нормативных актов, которая воплощает специфику её исторического развития и национальные традиции. Вершину этой иерархии составляют конституция и законодательные акты государства. В демократических обществах все прочие нормативные документы занимают подчинённое положение по отношению к законам, имея подзаконный характер. Основную группу подзаконных актов образуют документы, издаваемые органами исполнительной власти. При этом объём правового воздействия и юридическая сила таких актов определяются статусом и

функциями государственного органа, их принявшего.

Нормативный правовой акт – одна из основных, наиболее совершенных внешних форм права. Это государственный акт нормативного характера. Нормативные акты содержат юридические основания (нормы права) для разрешения индивидуальных дел. Нормативный правовой акт выступает не только источником в юридическом смысле, но и фактическим источником: это тот резервуар, из которого люди черпают сведения о юридических нормах. Кратко, нормативный акт можно определить как акт правотворчества, содержащий нормы права. Новое правопонимание неизбежно ведет к иной трактовке форм (источников) права. Саморегулирование присуще всем известным формам права. Вот почему имеется потребность относить к формам права нормы саморегуляции [Марченко, 2017, с. 21]. Это такие виды форм права, которые приняты с использованием институтов прямой демократии (решения референдума, народного собрания, собрания трудового коллектива).

Референдум – всенародное голосование по какому-либо важному вопросу государственной и общественной жизни. Не следует его путать со всенародным обсуждением. Это – возможный, но не обязательный этап референдума. В определенном смысле синонимом референдума выступает понятие «плебисцит». Акт референдума – демократическая форма права. Но это не дает оснований рассматривать его как лучший способ для выработки оптимальных решений при любых и всяких условиях.

Референдумы бывают общегосударственные, республиканские, местные (локальные). В соответствии со ст. 14 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (2004 г.), референдум назначается по требованию: не менее двух миллионов граждан РФ, имеющих право на участие в референдуме. Согласно ст. 80 Закона, решения по вынесенным на референдум вопросам считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, принявших участие в референдуме. Изменение либо отмена решения, принятого референдумом, производится только референдумом (ст. 83 Закона) [Федеральный конституционный закон № 5-ФКЗ, 2004].

При оценке роли общегосударственного референдума важно отметить: это экстраординарная мера, требующая взвешенного подхода. Его применяют для разрешения сложных вопросов, не поддающихся урегулированию в рамках парламентской процедуры.

Как уже упоминалось выше, нормативный правовой акт – одна из основных, наиболее совершенных внешних форм права. Нормативные правовые акты – это предписания субъектов правотворчества, содержащие юридические нормы.

Нормативные правовые акты – основной источник права не только в Российской Федерации. Они стали таковыми в настоящее время практически во всех правовых системах мира, даже там, где исторически господствовал правовой обычай и судебный (административный) прецедент.

По сравнению с правовым обычаем и судебным (административным) прецедентом нормативный правовой акт как источник права обладает большими преимуществами: исходит от строго определенных – правотворческих органов и лиц, наделенных строго определенной компетенцией; принимается в четко обозначенном порядке; имеет установленную форму и реквизиты, порядок вступления в силу и сферу действия; может быть быстро изменен в зависимости от социальных потребностей [Муромцев, 1992, с.29].

Нормативным правовым актам присущ ряд особенностей. Они, во-первых, имеют государственный характер. Государство наделяет органы, организации, должностных лиц правом готовить и принимать нормативные правовые акты, т.е. правотворческой компетенцией. Оно же обеспечивает и реализацию принятых нормативных правовых актов, включая и

принудительное воздействие на лиц, уклоняющихся от их исполнения. Государственным характером нормативные правовые акты отличаются от нормативных актов общественных организаций (уставы партий, общественно-политических движений).

Во-вторых, нормативные правовые акты принимаются не всеми, а строго определенными субъектами, специально уполномоченными на то государством. При этом каждый субъект правотворческой деятельности связан рамками своей компетенции. Министр, например, может издать нормативный приказ, но не уполномочен на принятие указа или постановления.

В-третьих, указанные акты принимаются с соблюдением определенной процедуры (особенно это относится к законодательным актам), а также требований к содержанию и форме и представляют собой акт-документ.

В-четвертых, они имеют временные, пространственные и субъектные пределы действия.

В-пятых, всегда содержат юридические нормы. Наличие в этих актах юридических норм и делает их нормативными, общеобязательными.

В этой связи нормативные правовые акты следует отличать от индивидуальных и интерпретационных актов.

Индивидуальные правовые акты – это акты государственных органов, негосударственных организаций, должностных лиц, выражающие решение по конкретному юридическому делу (приговор или решение суда, приказ руководителя предприятия или учреждения и др.). Индивидуальные акты – это акты применения права, поэтому их называют еще правоприменительными. Они имеют, как правило, разовое применение, адресуются конкретным лицам или организациям и обязательны для исполнения только ими.

В отличие от индивидуальных, нормативные правовые акты имеют общеобязательный характер и отличаются неконкретностью адресата, т.е. обязательны не для отдельного конкретного лица, а для всех субъектов, на которых они распространяются. Действуют нормативные правовые акты относительно долгое время и не исчерпывают себя фактами их применения – применяться они могут бесчисленное множество раз при наличии необходимых для этого предпосылок.

Нормативные правовые акты следует также отличать от интерпретационных актов, т.е. актов разъяснения (толкования) норм права. От нормативных правовых последние отличаются тем, что не содержат новых юридических норм, а лишь разъясняют существующие.

Как официальный документ, исходящий от органа государственной власти, нормативный правовой акт имеет строго определенные внешние реквизиты. В их число входят: 1) вид акта, 2) наименование принявшего его органа, 3) заголовок, 4) дата принятия акта; 5) номер акта; 6) сведения о должностном лице, подписавшем акт. [Тихомиров, Котелевская, 1995 с.52]. Каждый нормативно-правовой акт непременно должен иметь все реквизиты. Исключение делается лишь в отношении заголовка. Некоторые акты, например распоряжения Правительства РФ, принимаются без заголовка.

Официальные реквизиты нормативного правового акта выполняют несколько функций. Во-первых, они индивидуализируют нормативный акт, выделяют его из совокупности других нормативных правовых актов, словом, играют ту же роль, что и фамилия, имя и отчество человека. Во-вторых, официальные реквизиты содержат необходимую информацию об органе, принявшем акт. В-третьих, официальные реквизиты удостоверяют подлинность нормативного правового акта, содержат все необходимые сведения о том, что правотворческий орган действительно выразил свою волю подобным образом. Отсутствие каких-либо официальных реквизитов у нормативного правового акта порождает справедливые сомнения в его

подлинности.

Каждый нормативный правовой акт, как правило, имеет сложную структуру и подразделяется на отдельные, относительно самостоятельные части. В числе основных структурных единиц нормативно-правового акта выделяют: 1) преамбулу, 2) пункты и статьи, 3) главы, 4) разделы, 5) части, 6) примечания, 7) приложения [Тихомиров, Котелевская, 1999, с.54].

Преамбула представляет собой вступительную часть нормативного правового акта, в которой определяются его цели, задачи и некоторые другие положения. По общему правилу преамбула не может содержать норм права. Нормативные правовые либо индивидуальные предписания формулируются в статье либо пункте. Статья может подразделяться на части, а пункты – на абзацы и подпункты. В больших по объему нормативных правовых актах статьи и пункты объединяются в главы, а они в свою очередь – в разделы. Возможна и иная ситуация: статьи, пункты объединяются в разделы, а разделы – в главы. Так, Конституция РФ состоит из преамбулы, 137 статей, девяти глав и двух разделов.

В нормативных правовых актах могут содержаться примечания и приложения. Примечания используются для разъяснения текста соответствующей статьи либо для изложения положений, не связанных с темой нормативного правового акта (например, примечания к ст. 158, 171, 177 УК РФ). В приложениях обычно помещаются формы документов, таблицы, иная информация, связанная с темой нормативного правового акта.

Заключение

Таким образом, нормативный правовой акт представляет собой письменный документ, с помощью которого правотворческий орган в пределах своей компетенции вносит изменения в систему действующих норм права путем принятия новых норм права или решения, направленного на отмену устаревших актов.

Несмотря на очевидные успехи законотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях – включая значительное количество принятых нормативных актов, конструктивное обсуждение проектов и активное привлечение экспертного сообщества, – становятся всё более заметными системные недостатки правового регулирования. Эти изъяны существенно ограничивают способность законодательства влиять на динамику и содержание рыночных реформ, а также на укрепление демократических устоев общества и государства. К ключевым проблемам относятся: бессистемность правового массива, хаотичность нормотворческого процесса, отсутствие научно обоснованной структуры нормативных актов, недостатки их юридической формы, а также дефицит организационно – правовых механизмов реализации законодательных решений – в первую очередь, эффективных санкций за их неисполнение.

Библиография

1. Салаватова Ю.С. Правовые акты: некоторые теоретические вопросы / Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. №1. С.112-122.
2. Марченко М. Н. Источники права : учебное пособие / Московский государственный ун-т имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. Москва : Проспект, 2017. - 759 с.
3. О референдуме Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
4. Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. 1992. №2. С.23-30.

5. Тихомиров Ю. А. Правовые акты Учебно-практическое. пособие / Ю. А. Тихомиров, И. В. Котелевская.– Москва : Юридический колледж МГУ, 1995. 158 с.
6. Тихомиров Ю. А. Правовые акты Учеб.-практ. и справ. пособие / [Ю.А.Тихомиров, Засл. деят. науки Рос. Федерации, д.ю.н., проф., И.В.Котелевская, к.ю.н.]. М. : Юринформцентр, 1999. 380 с.

Normative Legal Acts as Main Sources of Law in the Russian Federation

Zara A. Mamisheva

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208 Pervomayskaya St., Maikop, Russian Federation;
e-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Marina G. Zaretskaya

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Administrative and Criminal Law,
Maikop State Technological University,
385000, 191 Pervomayskaya St., Maikop, Russian Federation;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Elena V. Romanova

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Deputy Director for Scientific Work and Additional Education,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business
Branch of Moscow State University of Technologies and Management
named after K.G. Razumovsky (First Cossack University),
353500, 4 Sovetskaya St., Liter E, Temryuk, Russian Federation;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Abstract

The article examines scientific research and legal practice dedicated to analyzing general characteristics defining normative legal acts, as well as distinguishing them from other similar legal phenomena. The authors demonstrate a number of significant advantages of normative acts over other sources of law. In conclusion, it is shown that a normative legal act is a written document through which a law-making body, within its competence, makes changes to the system of existing legal norms by adopting new legal norms or decisions aimed at repealing outdated acts. Despite obvious successes in law-making activities at federal and regional levels, systemic shortcomings of legal regulation are becoming increasingly noticeable. Key problems include: unsystematic nature of the legal array, chaotic norm-setting process, lack of scientifically based structure of normative

acts, deficiencies in their legal form, as well as shortage of organizational-legal mechanisms for implementing legislative decisions.

For citation

Mamisheva Z.A., Zaretskaya M.G., Romanova E.V. (2025) Normativnyye pravovyye akty kak osnovnyye istochniki prava v Rossiyskoy Federatsii [Normative Legal Acts as Main Sources of Law in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 37-44. DOI: 10.34670/AR.2025.15.45.004

Keywords

Normative legal act, source of law, law, characteristics, individual legal acts, referendum, law-making, systematization of legislation.

References

1. Salavatova Yu.S. Legal acts: some theoretical issues / Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2011. No. 1. pp.112-122.
2. Marchenko M. N. Sources of Law : a textbook / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. Moscow : Prospekt Publ., 2017. 759 p.
3. On the referendum of the Russian Federation : Federal Constitutional Law No. 5-FKZ dated 06/28/2004 (as amended on 12/30/2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 27. Art. 2710.
4. Muromtsev G.I. Sources of law (theoretical aspects of the problem) // Jurisprudence. 1992. No. 2. pp.23-30.
5. Tikhomirov Yu. A. Legal acts Educational and practical. manual / Yu. A. Tikhomirov, I. V. Kotelevskaya. Moscow : Law College of Moscow State University, 1995. 158 p.
6. Tikhomirov Yu. A. Legal acts of Study and practice. And that's it. manual / [Yu.A.Tikhomirov, Merit of the Russian Academy of Sciences. Federation, Doctor of Law, Professor, I.V.Kotelevskaya, Candidate of Law]. Moscow : Yurinformtsentr, 1999. 380 pages .

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.44.41.005**

Правовые аспекты дискриминация мужчин в трудовых и семейных отношениях

Кононыхина Татьяна Сергеевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 52;
e-mail: tskononykhina@mail.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ форм гендерной дискриминации в отношении мужчин в современном правовом поле. Автор утверждает, что, несмотря на прогресс в борьбе с наиболее явными проявлениями неравенства, устойчивые и институционализированные формы ущемления прав мужчин остаются недостаточно изученными и регламентированными. Проблема рассматривается не как конкурирующая повестка по отношению к защите прав женщин, а как прямое следствие тех же патриархальных структур и ригидных гендерных стереотипов. Теоретической основой анализа выступает концепция гегемонной маскулинности (Р. Коннелл), демонстрирующая, как правовые институты формализуют и воспроизводят репрессивные нормативные модели мужского поведения. На примере сфер трудовых и семейных отношений, репродуктивных прав, уголовного судопроизводства и охраны здоровья раскрываются специфические механизмы дискриминации, включая профессиональную сегрегацию, предвзятость в определении опеки над детьми, гендерный разрыв в назначении наказаний и системное игнорирование мужчин в статусе жертв насилия. Особое внимание уделяется интерсекциональному подходу, учитывающему пересечение гендерных барьеров с расовыми, классовыми и иными факторами. В заключение обосновывается необходимость многоуровневой стратегии правового преодоления неравенства, включающей целевые законодательные реформы, трансформацию правоприменительной практики, создание специализированной инфраструктуры поддержки и масштабные просветительские меры. Деконструкция ограничивающих нор masculinity рассматривается как логическое продолжение феминистской критики и путь к подлинно равноправному обществу, основанному на принципах человеческого достоинства и индивидуальной автономии.

Для цитирования в научных исследованиях

Кононыхина Т.С. Правовые аспекты дискриминации мужчин в трудовых и семейных отношениях // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 45-52. DOI: 10.34670/AR.2025.44.41.005

Ключевые слова

Гендерная дискриминация, латентное неравенство, мужчины, гегемонная маскулинность, патриархат, интерсекциональность, правовое преодоление, семейное право, трудовые отношения, репродуктивные права, уголовное право, гендерные стереотипы, отцовство, совместная опека, отцовские квоты, гендерный разрыв в приговорах, домашнее насилие, виктимизация мужчин.

Введение

Гендерная дискриминация в современном мире, несмотря на декларируемый прогресс в области прав человека, продолжает существовать в виде глубоко укорененных латентных форм, требующих комплексного анализа и адресного правового преодоления. Сформировавшаяся универсальная международно-правовая база, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) и директивы Европейского Союза, фиксирует важные, но недостаточные этапы на пути к подлинному равенству. Перманентный разрыв между нормативными установками и социально-правовой реальностью указывает на необходимость пересмотра самого подхода к проблеме, который должен выйти за рамки традиционного фокуса на наиболее видимых формах ущемления прав женщин. Критический анализ должен обратиться к устойчивым, часто невидимым и институционализированным формам неравенства, систематически затрагивающим мужчин. Эти формы не являются симметричным ответом или конкурирующей повесткой, но представляют собой прямое производное тех же патриархальных структур и ригидных бинарных стереотипов, которые ограничивают женщин приватной сферой. Эти структуры, предписывая мужчинам репрессивные роли в публичной сфере (экономической, политической, социальной) и жестко санкционируя отклонения, порождают асимметричный и полиморфный ущерб для всех субъектов, деформируя личностную автономию и ограничивая человеческий потенциал. Целостный, а не партикулярный анализ, основанный на принципах интерсекциональности, учитывающей пересечение гендерных факторов с классом, расой, возрастом, становится методологической и практической необходимостью для любой последовательной правовой политики, претендующей на эффективность.

Основное содержание

Теоретической основой для деконструкции этих процессов служит концепция гегемонной маскулинности, разработанная Рэйвин Коннелл. Она раскрывает механизмы легитимации и репродукции доминирующей, культурно идеализированной модели мужского поведения, конструируемой в оппозиции и через отрицание феминности. Эта нормативная модель, инкорпорирующая императивы безусловной финансовой состоятельности, эмоциональной ригидности, агрессивности как допустимого способа взаимодействия и избегания практик, кодируемых как «женственные», активно внедряется через правовые и социальные институты. Правовое поле не является нейтральным рефлектором; оно формализует и опосредует социальные нормы, трансформируя их нарушение в конкретные формы институциональной дискриминации. Исторически сложившееся законодательство о социальном обеспечении, ориентированное на модель мужчины-добытчика и маргинализирующее иждивенцев-мужчин, или устоявшаяся судебная практика, воспроизводящая стереотипы в спорах об опеке, служат

классическими примерами такой институционализации. При этом давление этой модели распределено неравномерно, что обуславливает необходимость интерсекционального подхода: мужчины из этнических меньшинств или низких социальных классов одновременно сталкиваются с гипермаскулинными ожиданиями и расовой или классовой дискриминацией, что создает кумулятивный эффект уязвимости, который часто остается вне поля зрения политиков, ориентированных на универсальные, недифференцированные решения.

В сфере трудовых отношений при формальном юридическом равенстве сохраняется глубинная структурная сегрегация. Если дискриминация женщин в STEM-сферах и на руководящих позициях постепенно становится предметом целенаправленной политики, то правовые и социальные барьеры для мужчин в сферах, традиционно кодируемых как «женские», систематически игнорируются. Эмпирические исследования, включая полевые эксперименты с рассылкой резюме, подтверждают устойчивую предвзятость кадровых специалистов, основанную на стереотипах о мужчинах как менее способных к эмпатии, заботе и коммуникации. Существующие антидискриминационные директивы на практике слабо применяются к таким случаям из-за сложности доказывания скрытых мотивов и несовершенства процессуальных механизмов выявления косвенной дискриминации. Мужчины, преодолевшие барьер, сталкиваются с «эффектом стеклянной стены» – горизонтальной сегрегацией внутри профессии, повышенным подозрением в педофилии в образовании, социальной изоляцией и «липким полом», препятствующим карьерному росту. Эта профессиональная сегрегация имеет долгосрочные социально-экономические последствия, ограничивая профессиональный выбор, способствуя сохранению гендерного разрыва в оплате труда в определенных секторах и укрепляя вредные стереотипы для будущих поколений. Ключевой проблемой является и обеспечение подлинного баланса работы и семьи. Культурные ожидания, видящие в мужчине прежде всего кормильца, находят отражение в законодательстве, где отпуска по уходу за ребенком для отцов часто являются краткосрочными, низкооплачиваемыми и передаваемыми, что не создает реальных стимулов для их использования и оставляет неизменной глубинную структуру гендерного разделения домашнего труда. Эффективным инструментом, как показывает сравнительно-правовой анализ, является введение длительных, высокооплачиваемых и непередаваемых «отцовских квот» по принципу «используй или потеряешь», что не только создает экономические стимулы, но и меняет корпоративную культуру, нормализуя роль отца как активного родителя и снижая риски стигматизации и карьерного штрафа для тех, кто решает воспользоваться своими правами.

Семейное право представляет собой область наиболее глубокого противоречия между декларируемым принципом равенства и судебной практикой. Несмотря на провозглашение равных прав и обязанностей, суды в большинстве западных юрисдикций демонстрируют систематический перекос в пользу матери при разрешении споров об опеке после развода. Суды часто имплицитно руководствуются модифицированной доктриной «нежных лет», априори отождествляя наилучшие интересы ребёнка раннего возраста с первичной материнской опекой, даже в условиях, когда отцы демонстрируют сопоставимый и доказанный уровень вовлеченности в воспитание. Статистика свидетельствует, что при совместной юридической опеке физическое место жительства ребенка в подавляющем большинстве случаев определяется с матерью. Это не только ущемляет права отцов, но и правовыми средствами воспроизводит архаичную модель, где мужчина сводится к функции алиментоплательщика, что, в свою очередь, формирует негативные экономические и психологические последствия, подрывая институт ответственного отцовства. Альтернативная модель совместной равноправной опеки с

примерно равным распределением времени, коррелирующая с лучшими психологическими, образовательными и социальными результатами для детей, наталкивается на сопротивление правоприменителей, обусловленное как инерцией мышления, так и нехваткой четких процедурных алгоритмов для реализации такого подхода. В этой связи необходима не просто законодательная презумпция совместной опеки как отправной точки судебного рассмотрения, с детализированными критериями отступления от нее, но и параллельная глубокая реформа исполнительных механизмов, включая службы судебной поддержки и медиации, способные адекватно оценивать и способствовать реализации сложных родительских планов. Парадокс репродуктивных прав обнажает иной, фундаментальный правовой дисбаланс, проистекающий из биологических различий и их правовой интерпретации. В парадигме, основанной на праве на телесную автономию, женщина обладает исключительной прерогативой на прерывание беременности. Мужчина же лишен сопоставимых инструментов репродуктивного выбора, оставаясь пожизненно связанным алиментными обязательствами в случае решения женщины о родах. Данная коллизия ставит острый этико-правовой вопрос о границах мужской репродуктивной автономии в контексте «генетического» отцовства, требующий взвешенного обсуждения таких дискуссионных механизмов, как «бумажный аборт» или развитие договорных моделей предварительного репродуктивного согласия. Любая подобная модель требует экстремально взвешенного подхода, гарантирующего абсолютный приоритет интересов уже рожденного ребенка, недопустимость какого-либо инструмента давления на женщину в период принятия ею решения и установление четких временных и процедурных рамок, исключающих злоупотребления.

В уголовном праве наблюдается систематическое неравенство, подтверждаемое мета-анализами, которые выявляют устойчивый «гендерный разрыв в приговорах»: при прочих равных факторах мужчины получают на значительно более длительные сроки лишения свободы, особенно за ненасильственные и имущественные преступления. Это связано с действием глубинных стереотипов при осуществлении судебного усмотрения, воспринимающих мужчин как более опасных, рационально действующих, а следовательно, более виновных и менее поддающихся реабилитации. Данная предвзятость усиливается на перекрестке с расовой и классовой принадлежностью, приводя к драматическим последствиям для уязвимых групп. Одновременно мужчины сталкиваются с системной дискриминацией в статусе жертвы, особенно в случаях домашнего насилия и сексуальных посягательств. Правовые системы, исторически и политически ориентированные на доминирующую модель «мужчина-агрессор / женщина-жертва», часто игнорируют мужчин-пострадавших, рассматривая их случаи как маргинальные или не заслуживающие доверия. Отсутствие специализированных протоколов допроса, учитывающих особенности виктимизации мужчин, недостаток охранительных ордеров и, что наиболее критично, практически полное отсутствие сети кризисных убежищ и специализированных служб поддержки приводит к чудовищной латентности таких преступлений. Это не только усугубляет психологическую травму, но и правовыми средствами закрепляет токсичную социокультурную норму о несовместимости статуса жертвы с мужской идентичностью, вынуждая пострадавших к молчанию и лишая их защиты. Проявления этих структурных проблем варьируются в глобальном контексте, принимая специфические формы в зависимости от культурных и правовых традиций. В Восточной Азии жесткое трудовое законодательство и корпоративная культура, косвенно закрепляющие роль единственного кормильца, порождают феномен смертей от переработки. В Скандинавии, несмотря на прогрессивные законы о родительских отпусках, их реализация

тормозится мощными неформальными санкциями на рабочих местах. В странах Латинской Америки с культурой «мачизма» правовые системы лишь начинают медленно признавать мужчин-жертв насилия, сталкиваясь с сопротивлением консервативных кругов. Во многих странах системный кризис мужского здоровья, выражающийся в сверхсмертности от внешних причин, сочетается с правовыми нормами и социальными установками, активно затрудняющими обращение за психологической и профилактической медицинской помощью, а также с отсутствием сколько-нибудь внятных государственных стратегий, направленных на охрану мужского здоровья как публичного блага.

Борьба с латентной дискриминацией мужчин, являясь логическим продолжением и развитием феминистской правовой критики, направленной на деконструкцию системы ригидных гендерных ролей, требует выработки и последовательной реализации многоуровневой стратегии, сочетающей догматические, процессуальные и инфраструктурные меры. На уровне целевых правовых реформ приоритетами должны стать внедрение законодательной презумпции совместной физической опеки после развода как отправного принципа, реформа алиментных систем с учетом реального времени ухода и расходов второго родителя по модели «пропорционального дохода», а также введение длительных, высокооплачиваемых и строго непередаваемых «отцовских квот» в системе отпусков по уходу за ребенком. Параллельно необходимо расширение практики мониторинга и санкций за дискриминацию мужчин в «женских» профессиях, что требует усиления роли национальных правозащитных институтов и наделения их соответствующими следственными полномочиями. Реформа правоприменения должна включать обязательную гендерную экспертизу нового законодательства на предмет латентных дискриминационных эффектов для всех групп, внедрение обязательных тренингов по неосознанной предвзятости для судей, прокуроров, следователей и сотрудников органов опеки, а также разработку и внедрение единых национальных протоколов расследования насилия в отношении мужчин, исключающих вторичную виктимизацию. Критически важным, но наиболее ресурсоемким направлением является создание соответствующей инфраструктуры поддержки: законодательное закрепление обязанности создавать и финансировать сеть кризисных центров и убежищ для мужчин-жертв насилия; развитие системы бесплатных юридических клиник, специализирующихся на вопросах отцовства, опеки и трудовой дискриминации. Параллельно необходимы масштабные просветительские меры, направленные на трансформацию культурных норм: интеграция тем, посвященных многообразию маскулинностей, критике гендерных стереотипов и ценности ответственного отцовства, в обязательные образовательные стандарты; поддержка социальной рекламы и медиапроектов, продвигающих позитивные, неиерархические и многомерные модели мужского поведения и отцовства; а также ратификация и имплементация международных конвенций, прямо или косвенно затрагивающих права мужчин как отцов и жертв насилия. Только подобная инклюзивная и последовательно интерсекциональная правовая политика, открыто отказывающаяся от иерархии в защите прав и признающая взаимосвязанность и общую системную природу гендерных ограничений, способна деконструировать нормативные основы неравенства. Этот путь закономерно ведет не к конфронтации или конкуренции жертв, а к подлинно равноправному социальному и правовому партнерству, где освобождение от ограничивающих норм является общей стратегической целью. Достижение этой цели возможно лишь через коалиционную солидарность, основанную на взаимном признании ущерба, тщательный сравнительно-правовой анализ лучших практик и проведение глубоких структурных реформ, фундаментом которых выступают неразрывные

принципы человеческого достоинства и индивидуальной автономии для каждого человека вне зависимости от гендера, происхождения или социального статуса.

Заключение

Проблема гендерной дискриминации в ее современном измерении не может быть сведена к упрощенной дихотомии угнетения одной группы другой. Как демонстрирует проведенный анализ, она представляет собой сложную систему взаимосвязанных латентных дисфункций, укорененных в нормативных основах самого общества и воспроизводимых его правовыми институтами. Патриархальная система, базирующаяся на ригидных бинарных стереотипах, наносит асимметричный, но взаимодополняющий ущерб, ограничивая женщин преимущественно приватной сферой, а мужчин — репрессивными нормами публичной. Таким образом, латентная дискриминация мужчин в сферах труда, семьи, репродуктивных прав, уголовного судопроизводства и здоровья является не конкурирующей повесткой, а прямой проекцией и оборотной стороной тех же структурных дисбалансов, на преодоление которых исторически был направлен феминистский проект.

Эффективное преодоление этих глубинных форм неравенства требует радикального пересмотра подходов к правотворчеству и правоприменению. Невозможно достичь подлинного равенства, применяя партикулярные меры, направленные лишь на одну группу, игнорируя системный характер ущерба. Наиболее перспективной методологической основой для такого пересмотра выступает интерсекциональный подход, учитывающий наложение гендерных барьеров с расовыми, классовыми, возрастными и иными факторами уязвимости, а также концепция гегемонной маскулинности, раскрывающая механизмы институционализации нормативных ожиданий. Практическая реализация данного подхода должна носить комплексный и многоуровневый характер, синхронизируя реформы в области материального права, процесса, инфраструктуры поддержки и культурного просвещения.

Конечной целью предлагаемых преобразований является не перераспределение привилегий в рамках старой иерархической системы, а ее фундаментальная деконструкция. Речь идет о переходе к правовой и социальной модели, основанной на признании ценности человеческого достоинства и индивидуальной автономии вне жестких гендерных предписаний. Это путь к обществу подлинного партнерства, где отцовство не противопоставляется материнству, профессиональная самореализация не определяется гендерными стереотипами, а право на уязвимость и защиту гарантировано каждому. Достижение этой цели возможно только через коалиционную солидарность, осознание общности интересов в преодолении устаревших норм и последовательную реализацию структурных реформ, основанных на принципах инклюзивности, справедливости и эмпирических данных. Только таким образом право может перестать быть инструментом консервации неравенства и стать действенным механизмом обеспечения свободы и развития для всех.

Библиография

1. Barreto M., Ellemers N. Sexism in contemporary societies: How it is expressed, perceived, confirmed, and resisted //The SAGE handbook of gender and psychology. – 2013. – С. 289-305.
2. Benatar, David. The Second Sexism: Discrimination Against Men and Boys. — Wiley-Blackwell, 2012. — 304 p. — ISBN 978-0-470-67451-2.
3. Caplan P. J., Caplan J. Thinking critically about research on sex and gender. – Psychology Press, 2015.
4. Michael Schaerer, Christilene du Plessis, My Hoang Bao Nguyen, Robbie C. M. van Aert, Leo Tiokhin, Daniel Lakens,

Elena Giulia Clemente, Thomas Pfeiffer, Anna Dreberf, Magnus Johannesson, Cory J. Clark, Gender Audits Forecasting Collaboration, Eric Luis Uhlmann. On the trajectory of discrimination: A meta-analysis and forecasting survey capturing 44 years of field experiments on gender and hiring decisions // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2023. DOI: 10.1016/j.obhdp.2023.104280.
5. Sterba J. P. et al. Does feminism discriminate against men?: a debate. – 2008.
6. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69–82.
7. Ильин И.А. В поисках справедливости // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступит. сл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 2: Наши задачи: статьи, 1948–1954 гг., кн. 1: Наши задачи: статьи, 1948–1951 гг. М.: Русская книга, 1993. URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/76 (дата обращения: 28 марта 2015 г.).
8. Университеты США уличили в дискриминации мужчин: Общество: Мир: Lenta.ru
9. Reeves R. V. Of boys and men: Why the modern male is struggling, why it matters, and what to do about it. – Bloomsbury Publishing USA, 2022.
10. Kimmel M. S. Who's afraid of men doing feminism? //Men doing feminism. – Routledge, 2013. – C. 57-68.

Legal Aspects of Discrimination Against Men in Labor and Family Relations

Tatyana S. Kononykhina

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of State-Legal Disciplines,
St. Petersburg Institute (Branch)
All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia),
191186, 52 Galernaya St., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tskononykhina@mail.ru

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of forms of gender discrimination against men in the contemporary legal field. The author argues that, despite progress in combating the most obvious manifestations of inequality, persistent and institutionalized forms of infringement of men's rights remain insufficiently studied and regulated. The problem is considered not as a competing agenda relative to the protection of women's rights, but as a direct consequence of the same patriarchal structures and rigid gender stereotypes. The theoretical basis of the analysis is the concept of hegemonic masculinity (R. Connell), demonstrating how legal institutions formalize and reproduce repressive normative models of male behavior. Using the examples of labor and family relations, reproductive rights, criminal justice, and healthcare, specific discrimination mechanisms are revealed, including occupational segregation, bias in child custody determination, gender gap in sentencing, and systemic neglect of men in the status of violence victims. Special attention is paid to the intersectional approach, considering the intersection of gender barriers with racial, class, and other factors. In conclusion, the necessity of a multi-level strategy for legal overcoming of inequality is substantiated, including targeted legislative reforms, transformation of law enforcement practices, creation of specialized support infrastructure, and large-scale educational measures. Deconstruction of restrictive norms of masculinity is considered as a logical continuation of feminist critique and a path to a genuinely equal society based on principles of human dignity and individual autonomy.

For citation

Kononykhina T.S. (2025) Pravovyye aspekty diskriminatsii muzhchin v trudovykh i semeinykh otnosheniyakh [Legal Aspects of Discrimination Against Men in Labor and Family Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 45-52. DOI: 10.34670/AR.2025.44.41.005

Keywords

Gender discrimination, latent inequality, men, hegemonic masculinity, patriarchy, intersectionality, legal overcoming, family law, labor relations, reproductive rights, criminal law, gender stereotypes, fatherhood, joint custody, paternity quotas, gender gap in sentencing, domestic violence, victimization of men.

References

1. Barreto M., Ellemers N. Sexism in contemporary societies: How it is expressed, perceived, confirmed, and resisted //The SAGE handbook of gender and psychology. – 2013. – С. 289-305.
2. Benatar, David. The Second Sexism: Discrimination Against Men and Boys. — Wiley-Blackwell, 2012. — 304 p. — ISBN 978-0-470-67451-2.
3. Caplan P. J., Caplan J. Thinking critically about research on sex and gender. – Psychology Press, 2015.
4. Michael Schaerer, Christilene du Plessis, My Hoang Bao Nguyen, Robbie C. M. van Aert, Leo Tiokhin, Daniel Lakens, Elena Giulia Clemente, Thomas Pfeiffer, Anna Dreberf, Magnus Johannesson, Cory J. Clark, Gender Audits Forecasting Collaboration, Eric Luis Uhlmann. On the trajectory of discrimination: A meta-analysis and forecasting survey capturing 44 years of field experiments on gender and hiring decisions // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2023. DOI: 10.1016/j.obhdp.2023.104280.
5. Sterba J. P. et al. Does feminism discriminate against men?: a debate. – 2008.
6. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69–82.
7. Ильин И.А. В поисках справедливости // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступит. сл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999. Т. 2: Наши задачи: статьи, 1948–1954 гг., кн. 1: Наши задачи: статьи, 1948–1951 гг. М.: Русская книга, 1993. URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_1/76 (дата обращения: 28 марта 2015 г.).
8. Университеты США уличили в дискриминации мужчин: Общество: Мир: Lenta.ru
9. Reeves R. V. Of boys and men: Why the modern male is struggling, why it matters, and what to do about it. – Bloomsbury Publishing USA, 2022.
10. Kimmel M. S. Who's afraid of men doing feminism? //Men doing feminism. – Routledge, 2013. – С. 57-68.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.36.95.006**

Сравнительно-правовые модели дисциплинарной ответственности судей: возможности рецепции для Российской Федерации

Стебивко Иван Юрьевич

Аспирант 3 курса,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Российская Федерация, Москва, Мароновский переулок, 26;
e-mail: ivan.stebivko@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются зарубежные модели дисциплинарной ответственности судей и возможности их адаптации в российской правовой системе. На основе сравнительного анализа выявлены системные проблемы отечественного регулирования и предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства. Цель исследования — проведение комплексного анализа зарубежных моделей дисциплинарной ответственности судей и разработка на этой основе предложений по совершенствованию российского законодательства. Методы исследования включают сравнительно-правовой и системный анализ, юридическую герменевтику и формально-логический анализ нормативных правовых актов. Результаты: выявлены системные недостатки российской модели дисциплинарной ответственности судей, включая корпоративную замкнутость квалификационных коллегий, недостаточную процессуальную регламентацию и неопределенность критериев оценки проступков. Разработан комплекс предложений по реформированию института дисциплинарной ответственности. Выводы: установлена необходимость реформирования российской модели дисциплинарной ответственности судей на основе рецепции позитивных элементов зарубежного опыта, включая изменение состава квалификационных коллегий, совершенствование процедурных гарантий и развитие системы дисциплинарных взысканий.

Для цитирования в научных исследованиях

Стебивко И.Ю. Сравнительно-правовые модели дисциплинарной ответственности судей: возможности рецепции для Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 53-62. DOI: 10.34670/AR.2025.36.95.006

Ключевые слова

Дисциплинарная ответственность судей, сравнительно-правовой анализ, квалификационные коллегии судей, дисциплинарное производство, судейская этика, совершенствование законодательства, правовые реформы.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизма дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации. Современные вызовы, связанные с обеспечением независимости судейской власти при одновременном укреплении доверия общества к правосудию, требуют тщательного изучения зарубежного опыта и определения возможностей его адаптации к отечественным правовым реалиям.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе нормативных правовых актов Российской Федерации, Германии, Франции, Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Использованы труды отечественных и зарубежных ученых в области судебного права и дисциплинарной ответственности судей. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и системный подходы.

Литературный обзор

Проблемы дисциплинарной ответственности судей нашли отражение в трудах российских ученых, включающих работы по вопросам судебной этики и организации дисциплинарного производства. Зарубежные исследования демонстрируют различные подходы к регулированию дисциплинарной ответственности судей, основанные на национальных правовых традициях и международных стандартах.

Проведение сравнительно-правового анализа дисциплинарной ответственности судей требует формирования научно обоснованной методологической базы. В качестве объектов исследования избраны правовые системы, представляющие различные юридические традиции и подходы к регулированию судейского статуса. Изучение романо-германской правовой семьи представлено анализом законодательства Германии и Франции, где исторически сложились комплексные системы судебного самоуправления[Федеральный закон о судьях Германии, 2023]. Англосаксонская правовая традиция исследуется на примере Великобритании и США, характеризующихся специфическими механизмами контроля за деятельностью судей [Constitutional Reform Act 2005]. Особое внимание уделяется опыту государств, имеющих схожие с Российской Федерацией исторические условия развития судебной системы [Козлова, 2023].

Отбор правопорядков для сравнительного анализа обусловлен необходимостью выявления общих тенденций и национальных особенностей в регулировании дисциплинарной ответственности. Это позволяет определить оптимальные подходы, которые могут быть адаптированы к российским правовым реалиям с учетом существующих социально-правовых условий [Материалы круглого стола..., 2024].

Для проведения сопоставительного исследования разработана система оценочных параметров, обеспечивающих комплексный анализ зарубежных моделей. Первостепенное значение имеет организационная структура органов, уполномоченных рассматривать дисциплинарные проступки судей. Анализируется количественное и качественное представительство в таких органах членов судейского сообщества, представителей общественности и должностных лиц исполнительной власти [Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в РФ», 2002, www…]. Указанный критерий позволяет оценить степень

независимости дисциплинарных институтов и их восприимчивости к общественному контролю.

Существенную роль играет сравнительное исследование материально-правовых оснований привлечения к ответственности. Рассматривается соотношение профессиональных проступков и нарушений этических норм в перечне дисциплинарных проступков [Кодекс судейской этики, 2022]. Особый интерес представляет степень детализации составов нарушений, поскольку от этого зависит правовая определенность и единообразие правоприменительной практики.

Процедурные аспекты дисциплинарного производства анализируются через призму их соответствия принципам справедливости и объективности. Исследуются стадийность производства, распределение бремени доказывания, гарантии прав судьи, привлекаемого к ответственности [Постановление Пленума ВС РФ № 8, 2023]. Важное значение имеет степень гласности дисциплинарного процесса, поскольку этот показатель отражает баланс между независимостью судебной власти и требованием ее подотчетности обществу.

Система дисциплинарных взысканий изучается с точки зрения ее соразмерности и дифференцированности. Анализируется соотношение карательных и воспитательных мер воздействия, возможность применения альтернативных санкций, перспективы реабилитации судей [Лупинская, 2023].

Таким образом, разработанная методология сравнительно-правового исследования создает основу для последующего анализа зарубежного опыта и выявления потенциальных направлений его рецепции в российское законодательство о дисциплинарной ответственности судей.

Проведение сравнительного анализа институтов дисциплинарной ответственности судей предполагает детальное исследование их структурных элементов в различных правовых системах. Организационный аспект занимает центральное место в данном исследовании, поскольку от устройства соответствующих органов напрямую зависит эффективность функционирования всего механизма дисциплинарного реагирования. В правопорядках романо-германской системы выделяются коллегиальные органы судейского сообщества, сочетающие в своем составе представителей судебной власти, юридической науки и общественности. Например, Высший совет магистратуры Франции характеризуется сложной структурой и широкими полномочиями в области дисциплинарного производства [Органический закон о Высшем совете магистратуры Франции, 1994]. Аналогичные подходы демонстрирует германская модель, где созданы специализированные судебные присутствия для рассмотрения вопросов дисциплинарной ответственности [Федеральный закон о судьях Германии, 2023].

В странах общего права наблюдаются иные организационные решения. Американская система предусматривает активное участие представителей адвокатского сообщества и граждан в работе дисциплинарных органов [Model Rules for Judicial Disciplinary Enforcement, 2022]. Британский подход отличается созданием независимых судебных комиссий, обладающих значительной процессуальной автономией [Constitutional Reform Act 2005]. Сравнительный анализ показывает, что несмотря на различия в организационном построении, все системы стремятся к обеспечению баланса между независимостью судей и необходимостью общественного контроля за их деятельностью.

Существенные различия выявляются при анализе материальных оснований привлечения к дисциплинарной ответственности. В континентальных правовых системах наблюдается тенденция к детальной регламентации составов дисциплинарных проступков с четким разграничением нарушений процессуального характера и этических норм [Кодекс организации судебной системы Франции, 2024]. В отличие от этого, англосаксонская традиция предоставляет больше свободы усмотрения при квалификации неправомерного поведения

судей, ориентируясь на стандарты разумности и справедливости [Judicial Conduct Investigations Office. Rules and guidance, 2023].

Процессуальные аспекты дисциплинарного производства заслуживают особого внимания в сравнительно-правовом контексте. Германская модель характеризуется высокой степенью формализации процедур, сходной с традиционным судопроизводством [Федеральный закон о дисциплинарном производстве в отношении судей Германии, 2024]. Французский подход демонстрирует большую гибкость, сочетая элементы административного и судебного процессов. В системах общего права преобладают состязательные начала, обеспечивающие равные возможности для защиты и обвинения [Rules of the Judicial Conduct Board of Pennsylvania, 2023].

Важным критерием сравнительной оценки выступает степень гласности дисциплинарного производства. Европейские системы традиционно сохраняют определенную закрытость процедур, тогда как американская модель ориентирована на максимальную прозрачность [Ермолова, 2023]. Каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки, связанные с защитой репутации судьи и обеспечением публичного доверия к правосудию.

Механизмы обжалования дисциплинарных решений также демонстрируют значительное разнообразие. В одних системах предусмотрена возможность апелляционного пересмотра в вышестоящих судебных инстанциях, в других — созданы специализированные апелляционные комитеты [Федеральный закон о федеральных судьях Швейцарии, 2024]. Сравнительный анализ показывает, что эффективность системы обжалования напрямую влияет на уровень защиты прав судей при привлечении их к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, исследование ключевых институтов дисциплинарной ответственности в зарубежных правопорядках позволяет выявить как универсальные принципы, так и национальные особенности их реализации. Полученные результаты создают основу для критического анализа российской модели и разработки предложений по ее совершенствованию.

Сравнительно-правовое исследование зарубежных моделей дисциплинарной ответственности судей создает необходимые предпосылки для объективной оценки российской системы. Действующий механизм дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации, основанный на положениях Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», требует системного анализа через призму выявленных международных тенденций и эффективных зарубежных практик [Закон РФ «О статусе судей в РФ», 1992].

Первой существенной проблемой отечественной системы выступает организационная структура квалификационных коллегий судей. Сравнение с зарубежными аналогами демонстрирует чрезмерную закрытость и корпоративность российского подхода. Если в европейских странах и США состав дисциплинарных органов формируется с обязательным участием представителей юридической науки, адвокатуры и общественности, то в России доминирующая роль принадлежит исключительно судейскому сообществу [Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в РФ», 2002]. Подобная монополия создает предпосылки для субъективизма при рассмотрении дисциплинарных дел и снижает уровень общественного доверия к институту правосудия.

Процессуальные аспекты дисциплинарного производства в России также вызывают серьезные вопросы при их сопоставлении с международными стандартами. Отечественная модель характеризуется недостаточной регламентацией процедурных гарантий для судьи, привлекаемого к ответственности. В отличие от детально урегулированных процедур в

Германии и Франции, российское законодательство оставляет значительный простор для усмотрения квалификационных коллегий [Постановление Пленума ВС РФ № 8, 2023]. Отсутствие четких правил доказывания, ограниченные возможности для защиты, минимальная гласность proceedings — все эти факторы существенно отличают российскую практику от подходов, принятых в развитых правовых системах.

Особую критику вызывает система материальных оснований привлечения к дисциплинарной ответственности. Сравнительный анализ показывает, что российский перечень дисциплинарных проступков отличается чрезмерной лаконичностью и неопределенностью формулировок. В то время как в зарубежных правопорядках наблюдается тенденция к детальной конкретизации составов нарушений, отечественное законодательство сохраняет широкие дискреционные полномочия за квалификационными коллегиями при квалификации поведения судьи как дисциплинарного проступка [Кодекс судейской этики, 2012].

Институт дисциплинарных взысканий в российской системе также демонстрирует существенные недостатки. Отсутствие четкой градации наказаний в зависимости от тяжести проступка, ограниченный перечень возможных мер воздействия, непрозрачность процедуры их назначения — все эти проблемы становятся особенно заметными при сопоставлении с детально проработанными системами взысканий в зарубежных странах [Ермолова, 2023].

Важным аспектом критического анализа является механизм обжалования решений квалификационных коллегий. Российская модель, предусматривающая возможность обжалования в вышестоящую квалификационную коллегию судей, существенно уступает в эффективности зарубежным аналогам, где обычно предусмотрен судебный порядок обжалования [Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1, 2024]. Это ограничивает доступ судей к полноценной судебной защите при привлечении их к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, критический анализ российской модели дисциплинарной ответственности судей в сравнении с зарубежными аналогами позволяет выявить системные проблемы, требующие незамедлительного решения. Полученные выводы создают основу для разработки конкретных предложений по совершенствованию отечественного законодательства с учетом позитивного международного опыта.

На основе проведенного сравнительно-правового анализа представляется возможным сформулировать конкретные предложения по совершенствованию российской модели дисциплинарной ответственности судей. Реализация этих предложений позволит преодолеть выявленные системные проблемы и адаптировать позитивный зарубежный опыт к отечественным правовым реалиям.

Первоочередной мерой должно стать реформирование организационной структуры квалификационных коллегий судей. Целесообразно установить законодательную квоту для включения в состав коллегий представителей научного сообщества, адвокатуры и общественных организаций в количестве не менее одной трети от общего числа членов [Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в РФ», 2002]. Такой подход, успешно зарекомендовавший себя в Германии и Франции, позволит преодолеть корпоративную замкнутость и обеспечить более объективное рассмотрение дисциплинарных дел.

Процессуальные аспекты дисциплинарного производства требуют детальной регламентации в специальном нормативном правовом акте. Представляется необходимым разработка и принятие Федерального закона «О дисциплинарном производстве в отношении судей», который бы закрепил принципы состязательности и гласности, унифицировал процедуру доказывания, установил четкие сроки проведения процедур [Анисимов, 2023]. Закон

должен предусматривать обязательное ведение протокола судебного заседания, право судьи на защиту, возможность представления доказательств и ходатайств.

Существенной модернизации требует система материальных оснований дисциплинарной ответственности. По примеру зарубежных правопорядков необходимо разработать и принять детализированный Кодекс судейской этики, содержащий исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков с четкими критериями их квалификации [Кодекс судейской этики, 2012]. Особое внимание следует уделить разграничению нарушений procedural nature и этических норм, установив различные составы и санкции для каждой категории.

Важным направлением реформы является создание эффективного механизма обжалования решений квалификационных коллегий. Целесообразно ввести судебный порядок обжалования, предусмотрев создание специализированных составов в арбитражных судах округов по рассмотрению жалоб на решения квалификационных коллегий [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002]. Данная мера соответствует конституционному принципу права на судебную защиту и найдет отражение в соответствующих изменениях арбитражного процессуального законодательства.

Система дисциплинарных взысканий требует внедрения дифференцированного подхода. По аналогии с американской моделью следует предусмотреть возможность применения таких санкций, как обязательное прохождение дополнительного профессионального обучения, временное отстранение от рассмотрения определенных категорий дел, вынесение публичного порицания [Ермолова, 2023]. Это позволит индивидуализировать ответственность в зависимости от характера и тяжести совершенного проступка.

Особого внимания заслуживает вопрос обеспечения прозрачности дисциплинарного производства. Законодательное закрепление принципа гласности должно сопровождаться разработкой механизма доступа к информации о ходе и результатах рассмотрения дисциплинарных дел, за исключением случаев, когда это может затронуть охраняемые законом тайны [Постановление Пленума ВС РФ № 8, 2023].

Реализация предложенных мер потребует внесения изменений в ряд нормативных правовых актов, включая Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Представляется целесообразной подготовка соответствующего законопроекта Правительством Российской Федерации с привлечением научного сообщества и представителей судебной власти.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование моделей дисциплинарной ответственности судей в зарубежных правопорядках позволяет сформулировать системные выводы, имеющие существенное значение для совершенствования российского законодательства. Комплексный анализ организационных, материальных и процессуальных аспектов дисциплинарной ответственности судей в странах континентальной и англосаксонской правовых семей выявил универсальные тенденции и национальные особенности регулирования [Ермолова, 2023].

Методология исследования, основанная на сравнительном анализе правовых систем Германии, Франции, Великобритании и США, доказала свою эффективность для выявления оптимальных подходов к построению системы дисциплинарной ответственности судей. Установленные критерии сравнения позволили провести многомерную оценку различных

моделей и определить направления для возможной рецепции позитивного опыта [Козлова, 2023].

Сравнительная характеристика ключевых институтов дисциплинарной ответственности продемонстрировала наличие общих принципов в организации данного института в развитых правовых системах. К ним относятся обеспечение баланса между независимостью судей и их подотчетностью, сочетание профессионального и общественного начала в составе дисциплинарных органов, дифференциация дисциплинарных санкций в зависимости от характера и тяжести проступка [Анисимов, 2023] Проведенное сравнительно-правовое исследование моделей дисциплинарной ответственности судей в зарубежных правопорядках позволяет сформулировать системные выводы, имеющие существенное значение для совершенствования российского законодательства. Комплексный анализ организационных, материальных и процессуальных аспектов дисциплинарной ответственности судей в странах континентальной и англосаксонской правовых семей выявил универсальные тенденции и национальные особенности регулирования [Ермолова, 2023].

Методология исследования, основанная на сравнительном анализе правовых систем Германии, Франции, Великобритании и США, доказала свою эффективность для выявления оптимальных подходов к построению системы дисциплинарной ответственности судей. Установленные критерии сравнения позволили провести многомерную оценку различных моделей и определить направления для возможной рецепции позитивного опыта [Козлова, 2023].

Сравнительная характеристика ключевых институтов дисциплинарной ответственности продемонстрировала наличие общих принципов в организации данного института в развитых правовых системах. К ним относятся обеспечение баланса между независимостью судей и их подотчетностью, сочетание профессионального и общественного начала в составе дисциплинарных органов, дифференциация дисциплинарных санкций в зависимости от характера и тяжести проступка[Анисимов, 2023].

Критический анализ российской модели дисциплинарной ответственности судей через призму зарубежного опыта выявил системные проблемы, требующие незамедлительного решения. К числу наиболее существенных недостатков относятся корпоративная замкнутость квалификационных коллегий судей, недостаточная процессуальная регламентация дисциплинарного производства, неопределенность критериев оценки дисциплинарных проступков, ограниченность системы дисциплинарных взысканий [Постановление Пленума ВС РФ № 8, 2023].

На основе проведенного исследования разработан комплекс конкретных предложений по рецепции позитивных элементов зарубежных моделей в российское законодательство. Ключевыми направлениями совершенствования являются реформирование состава квалификационных коллегий судей, принятие специального законодательства о дисциплинарном производстве, создание эффективного механизма судебного обжалования решений квалификационных коллегий, разработка детализированного Кодекса судейской этики[Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в РФ», 2002].

Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению независимости судейской корпорации, повышению уровня доверия общества к правосудию, обеспечению эффективного функционирования механизма дисциплинарной ответственности судей. Дальнейшие научные исследования в данной области могут быть направлены на разработку конкретных механизмов имплементации предложенных изменений в российское законодательство.

Библиография

11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
12. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Российская юстиция. — 2013. — № 1. — С. 5–8.
13. О некоторых вопросах применения законодательства о дисциплинарной ответственности судей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2023 № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 6.
14. О практике рассмотрения дисциплинарных дел в отношении судей : обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 3.
15. О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 08.07.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.
16. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 11. — Ст. 1022.
17. Constitutional Reform Act 2005. (дата обращения: 15.05.2024).
18. Judicial Conduct Investigations Office. Rules and guidance. 2023. URL: https://judicialconduct.judiciary.gov.uk/rules-and-guidance/ (дата обращения: 15.05.2024).
19. Федеральный закон о судьях Германии (Deutsches Richtergesetz) в редакции от 23.02.2023. (дата обращения: 15.05.2024).
20. Федеральный закон о дисциплинарном производстве в отношении судей Германии (Richterdienstgesetz) в редакции от 01.01.2024. (дата обращения: 15.05.2024).
21. Model Rules for Judicial Disciplinary Enforcement (приняты Американской ассоциацией юристов 12.08.2022). URL: https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/model_rules_judicial_disciplinary_enforcement/ (дата обращения: 15.05.2024).
22. Rules of the Judicial Conduct Board of Pennsylvania (утверждены 15.03.2023). URL: https://www.judicialconductboard.pa.gov/rules/ (дата обращения: 15.05.2024).
23. Органический закон № 94-100 от 5 февраля 1994 года о Высшем совете магистратуры Франции (по состоянию на 01.01.2023). (дата обращения: 15.05.2024).
24. Кодекс организации судебной системы Франции (по состоянию на 01.01.2024). (дата обращения: 15.05.2024).
25. Федеральный закон о федеральных судьях Швейцарии (по состоянию на 01.01.2024). (дата обращения: 15.05.2024).
26. Анисимов А. П. Совершенствование законодательства о дисциплинарной ответственности судей // Журнал российского права. — 2023. — № 5. — С. 34–45.
27. Ермолова О. В. Дисциплинарная ответственность судей: сравнительно-правовое исследование. — Москва : Проспект, 2023. — 245 с.
28. Козлова Т. В. Сравнительное правоведение в области судебного права: методология и практика применения. — Москва : Норма, 2023. — 312 с.
29. Лупинская П. А. Дисциплинарное производство в судебной системе: сравнительно-правовой анализ. — Москва : Юрист, 2023. — С. 78–82.
30. Материалы круглого стола «Сравнительно-правовые исследования в современной юриспруденции» // Журнал российского права. — 2024. — № 3. — С. 45–48.

Comparative Legal Models of Disciplinary Responsibility of Judges: Possibilities of Reception for the Russian Federation

Ivan Yu. Stebivko

3rd Year Graduate Student,
State Academic University for the Humanities,
119049, 26 Maronovsky Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ivan.stebivko@mail.ru

Abstract

The article investigates foreign models of disciplinary responsibility of judges and possibilities for their adaptation in the Russian legal system. Based on comparative analysis, systemic problems of domestic regulation are identified and specific measures for improving legislation are proposed. The research aim is to conduct a comprehensive analysis of foreign models of disciplinary responsibility of judges and develop, on this basis, proposals for improving Russian legislation. Research methods include comparative legal and systemic analysis, legal hermeneutics, and formal-logical analysis of normative legal acts. Results: systemic shortcomings of the Russian model of disciplinary responsibility of judges are identified, including corporate closedness of qualification collegiums, insufficient procedural regulation, and uncertainty of criteria for evaluating misconduct. A set of proposals for reforming the institution of disciplinary responsibility is developed. Conclusions: the necessity of reforming the Russian model of disciplinary responsibility of judges based on reception of positive elements of foreign experience is established, including changing the composition of qualification collegiums, improving procedural guarantees, and developing the system of disciplinary sanctions.

For citation

Stebivko I.Yu. (2025) Sravnitel'no-pravovyye modeli distsiplinarnoy otvetstvennosti sudey: vozmozhnosti retseptsii dlya Rossiyskoy Federatsii [Comparative Legal Models of Disciplinary Responsibility of Judges: Possibilities of Reception for the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 53-62. DOI: 10.34670/AR.2025.36.95.006

Keywords

Disciplinary responsibility of judges, comparative legal analysis, qualification collegiums of judges, disciplinary proceedings, judicial ethics, improvement of legislation, legal reforms.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07/24/2002 (as amended on 07/08/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. — No. 30. — Art. 3012.
2. The Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 19.12.2012) // Russian Justice. - 2013. — No. 1. — pp. 5-8.
3. On some issues of the application of legislation on the disciplinary responsibility of judges : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/14/2023 No. 8 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2023. — № 6.
4. On the practice of considering disciplinary cases against judges : review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/15/2024 No. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2024. — № 3.
5. On the Status of Judges in the Russian Federation : Law of the Russian Federation dated 26.06.1992 No. 3132-1 (as amended on 08.07.2024) // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation. — 1992. — No. 30. — Article 1792.
6. On the bodies of the judicial community in the Russian Federation : Federal Law No. 30-FZ of 14.03.2002 (as amended on 08.07.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. — No. 11. — Art. 1022.
7. Constitutional Reform Act 2005. (date of request: 05/15/2024).
8. Judicial Conduct Investigations Office. Rules and guidance. 2023. URL: https://judicialconduct.judiciary.gov.uk/rules-and-guidance / (date of access: 05/15/2024).
9. The German Federal Law on Judges (Deutsches Richtergesetz), as amended on 02/23/2023. (date of application: 05/15/2024).
10. The Federal Law on Disciplinary Proceedings against Judges in Germany (Richterdienstgesetz), as amended on 01.01.2024. (date of application: 05/15/2024).

11. Model Rules for Judicial Disciplinary Enforcement (adopted by the American Bar Association on 08/12/2022). URL: https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/model_rules_judicial_disciplinary_enforcement / (date of access: 05/15/2024).
12. Rules of the Judicial Conduct Board of Pennsylvania (approved 03/15/2023). URL: https://www.judicialconductboard.pa.gov/rules / (date of access: 05/15/2024).
13. Organic Law No. 94-100 of February 5, 1994 on the Supreme Council of Magistracy of France (as of 01.01.2023). (date of request: 05/15/2024).
14. The Code of Organization of the French Judicial System (as of 01.01.2024). (date of request: 05/15/2024).
15. Federal Law on Federal Judges of Switzerland (as of 01.01.2024). (date of request: 05/15/2024).
16. Anisimov A. P. Improvement of legislation on disciplinary responsibility of judges // Journal of Russian Law. - 2023. — No. 5. — pp. 34-45.
17. Ermolova O. V. Disciplinary responsibility of judges: a comparative legal study. — Moscow : Prospekt, 2023. — 245 p.
18. Kozlova T. V. Comparative jurisprudence in the field of judicial law: methodology and practice of application. — Moscow : Norma, 2023. — 312 p.
19. Lupinskaya P. A. Disciplinary proceedings in the judicial system: comparative legal analysis. Moscow : Yurist Publ., 2023, pp. 78-82.
20. Materials of the round table "Comparative legal research in modern jurisprudence" // Journal of Russian Law. - 2024. — No. 3. — pp. 45-48.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.63.73.007**

Индия: полиция, общество, государство

Васильев Роман Викторович

Адъюнкт,
Академия управления МВД России,
125993, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: deputychief@ya.ru

Аннотация

В статье рассматривается вооруженная полиция Индии с момента создания английскими колонизаторами до наших дней, ее отличие от гражданской невооруженной полиции и неразрывная связь с реализуемыми политической властью целями и задачами. Анализируются изменения, происшедшие в индийском обществе с момента обретения независимости, а также смены экономического курса государства в 1990-е годы; роль Индийской народной партии (Бхаратия Джаната Парти) в реализации глобальной политической повестки и используемые ей средства контроля населения в целях достижения показателей экономического роста. Затрагивается проблема возрастающей роли милитаризованных подразделений полиции и средств цифрового контроля за обществом, характерные для современных государств.

Для цитирования в научных исследованиях

Васильев Р.В. Индия: полиция, общество, государство // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 63-70. DOI: 10.34670/AR.2025.63.73.007

Ключевые слова

Индия, полиция, вооруженная полиция, гражданская полиция, политика, общество, государство, глобализация, либерализация, милитаризация полиции, модернизация полиции, индуизм, кастовая система.

Введение

В современной геополитической реальности, связанной с агрессией коллективного Запада против России, стратегический поворот к Азии, продиктованный необходимостью адаптации к постоянно меняющимся факторам внешней и внутренней среды функционирования государственно-правовых институтов, требуют углубленных знаний о партнерах, в особенности о крупнейшем из них – Индии.

Цивилизация Индии своими корнями уходит в глубокую древность и занимает одно из центральных мест в мировой истории. Индия является важнейшим государством азиатского региона, занимая лидирующее место на мировой арене по активно растущему экономическому и демографическому потенциалу, в котором в последнее время проходят динамичные процессы социально-экономического и общественно-политического развития. Влияние Индии расширяется в Центральной Азии, где Россия также стремится играть активную роль. Оба государства влияют на геополитическую обстановку в мире.

Основная часть

Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем поздравлении, адресованном руководству страны, по случаю празднования в 2025 году 76-й годовщины принятия Конституции Индии и перехода страны, получившей независимость к республиканской форме правления, сказал: «Российско-индийские отношения носят характер особо привилегированного стратегического партнерства. Уверен, что совместными усилиями мы будем и впредь последовательно наращивать плодотворное двустороннее сотрудничество на всех направлениях, а также конструктивное взаимодействие в международных делах. Это, несомненно, отвечает коренным интересам наших дружественных народов, идёт в русле формирования справедливого многополярного миропорядка» [Индийский вестник, 2025, с. 1].

Индия является давним и проверенным временем партнером России. Развитие индийско-российских отношений является ключевым направлением внешней политики Индии.

«Россия является стратегическим партнером Индии, и неизменная российская поддержка индийских усилий по борьбе с терроризмом приобрела особое значение в условиях роста террористической угрозы и необходимости укрепления международного единства», – подчеркнула глава Индийской парламентской делегации, посетившей Москву в мае 2025 года в рамках глобальной компании государства, призванной донести до мирового сообщества позиции Индии по борьбе с терроризмом [Белов, 2025, с. 5].

После обретения независимости в 1947 году молодое государство активно столкнулось с указанной проблемой. При этом первыми, кто противостоит террористам, как правило, являются сотрудники полиции. Каждый год они гибнут в ходе борьбы терроризмом. В период с 1983 года по 1994 году в Пенджабе было убито 1777 полицейских [Bhati, 2023, с. 64].

Для борьбы с терроризмом используются многочисленные подразделения вооруженной полиции Индии, такие как Силы Центрального полицейского резерва (Central Reserve Police Force), Гвардия национальной безопасности (The National Security Guards, NSG), Центральные силы промышленной безопасности (Central Industrial Security Force), Сашастра Сима Бал (Sashastra Seema Bal), Ассамские ружья (Assam Rifles), Пограничные силы безопасности (Border Security Force), Индо-Тибетская пограничная полиция (Indo-Tibetan Border Police), Силы защиты железнодорожной полиции (Railway Protection Force) и Национальные силы

реагирования на стихийные бедствия (The National Disaster Response Force), подчиненные центральному правительству, а также вооруженные резервы штатов.

По состоянию на 1 января 2024 года установленная численность центральных вооруженных полицейских сил составляла 1131016 сотрудников [Data on Police Organizations..., 2024].

В 1961 году существовали только два из упомянутых выше центральных вооруженных формирований полиции: Центральный полицейских резерв и Ассамские ружья. В то время численность первого составляла всего 14 батальонов; по состоянию на 1 января 2024 года – 248 (325201 сотрудников). В других центральных подразделениях вооруженной полиции наблюдается аналогичное расширение штатной численности [Ibid., p. 135].

Количество батальонов центральных вооруженных полицейских подразделений только в период с 2020 п 2024 год увеличилось с 1060 до 1090, вооруженных полицейских сил штата – с 318 до 343 [Ibid., p. 61].

Большая часть бюджетных расходов Министерства внутренних дел правительства Индии на полицию приходится на указанные вооруженные организации.

Несмотря на то, что указанные подразделения имеют свои специфические задачи, законодательно закреплено, что каждое из них может быть использовано в любой части Индии для обеспечения правопорядка, включая подавление массовых народных волнений. Данная функция являлась главной для вооруженных полицейских подразделений, изначально созданных в Индии в XIX веке британскими колонизаторами по образцу Королевской полиции Ирландии (Royal Irish Constabulary), успешно продемонстрировавшей свою эффективность в борьбе с населением, отстаивавшим свою свободу.

Вооруженная полиция Индии, в отличие от гражданской, предназначенной для решения традиционных задач защиты всего населения республики от преступных и иных противоправных посягательств, предупреждения, выявления и расследований преступлений, не участвует в их реализации и является инструментом, используемым государством для силового обеспечения проводимой им политики.

Вооруженный полицейский не был полицейским ни в каком смысле этого слова, он не был наделен никакими полицейскими полномочиями в соответствии с законом и действующими нормативными актами, а являлся просто как бы солдатом в полицейской форме. Его существование обосновывалось тем, что он стоил дешевле, чем военнослужащий [Gupta, 1979, p. XII].

Статья 355 Конституции Индии требует от центрального правительства защищать штаты как от внешней агрессии, так и от внутренних беспорядков. Данная норма используется Правительством Союза для развертывания вооруженных полицейских сил по всей Индии, в частности, для подавления протестов населения против реализуемой политики.

В 1991 г. в Индии начались рыночные реформы под эгидой Международного валютного фонда и Всемирного банка. «Принятые по согласованию с МВФ и Всемирным банком меры по финансово-экономической стабилизации стали составной частью бюджета на 1992/93 г. Впервые в истории Индии бюджет получил сначала одобрение иностранных финансовых организаций и только затем был представлен на рассмотрение парламента, что вы звало бурю возмущения как в самом парламенте, так и за его стенами… Многие говорили об унижении, которое испытала Индия, о том, что с ней обращались как с безответственным партнером, которого следует подвергать тщательной проверке, указывали на угрозу национальной безопасности страны, о ее подчинении иностранному влиянию» [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 447].

«1990-е годы принято считать отправной точкой вхождения Индии в процессы

глобализации» [Захаров, 2020, с. 115].

С либерализацией экономики, начавшейся в 1991 году, история постколониального индийского государства вступила в новую фазу с явным отклонением от траектории, которой оно придерживалось с 1947 года [Mukhopadhyay, 2016, p. 95].

«В историческом контексте проблема глобализации экономики для Индии не была новой. После завоевания британскими колонизаторами она получила выход в мировую экономику через систему колониальных отношений. Результаты были неоднозначными, но главный итог очевидным – обогащение и капиталистическое развитие метрополии, с одной стороны, разграбление и определенное, хотя и ограниченное, экономическое развитие Индии в рамках колониальной экономики – с другой» [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 446].

В 1999 году с приходом к власти Национального демократического альянса во главе с Индийской народной партией (Бхаратия джаната парти) были сделаны новые шаги к глобальной интеграции Индии. В 2014 году партия победила на выборах, и в 2019 году укрепила свои позиции в парламенте. Политика, реализуемая партией, неразрывно связана с процессами глобализации, либерализации и приватизации.

За время проведения указанной политики Индия бесспорно добилась выдающихся экономических успехов, декларируемых международными финансовыми организациями, однако, исключительные показатели экономического роста не отражаются на жизни большей части населения страны, не увеличивают их благосостояние. Цели бенефициаров проводимой политики предусматривают удовлетворение интересов большинства членов общества, так как «глобализация или глобализм – это исключение из экономических процессов 80 процентов мирового населения» [Фурсов, 2007], в масштабах Индии 80,5% ее граждан, исповедующих индуизм, для которых государство посредством активной пропаганды данной религии, неразрывно связанной с кастовой системой индийского общества, разделяет и закабаляет его, поддерживая ментальные иллюзий о лучшей доле в новых жизнях при безусловном безропотном принятии своего униженного положения в настоящей. «Значительная часть населения страны живет в условиях натурального хозяйства, около 22% по-прежнему существуют ниже национальной черты бедности, около половины жителей не учились в школе, не знакомы со средствами массовой информации» [Шаумян, 2024, с. 34].

«Кастовая система разобщает общество, но кастовое сознание в определенной степени сглаживает социальные противоречия: классовые конфликты не обостряются, люди, даже находясь в нечеловеческих социальных условиях, далеко не всегда протестуют против этого, полагая, что в этом состоит их карма, предназначение их кастовой принадлежности. Это обстоятельство обеспечивает приемлемый уровень социальной стабильности» [Шаумян, 2024, с. 35-36].

Индуизм, неразрывно связанный с кастовой системой, активно поддерживается государством, выбравшим его в качестве основы для интеграции неоднородного населения Индии. При декларировании Конституцией республики равенства граждан вне зависимости от кастовой и религиозной принадлежности, кастовая система играет свою роль даже в полиции, где влияет на процессы комплектования и прохождения службы. Так, при отборе кандидатов на службу и перемещениях на вышестоящие должности существуют установленные законами квоты для представителей низких каст, в связи с чем сотрудники полиции, принадлежащие к ним, не имеют возможностей продвижения по службе.

В то время как правительство Н. Моди обеспечивает экономический рост государства, осуществляемый за счет эксплуатации и нищеты большей части населения Индии под

лозунгами сплочения нации на основе националистического индуизма, выдающийся французский историк, один из основоположник мир-системного анализа Ф. Бродель писал, что индуизм представляет собой главное препятствие для любого развития и серьезной модернизации Индии [Бродель, 2008, с. 257].

Ярким демонстрацией того, в чьих интересах осуществляется политика государства, служит принятие англо-саксонским политическим истеблишментом в свои ряды многочисленных представителей индийской диаспоры, которые «являются важными акторами современных глобальных процессов» [Захаров, 2020, с. 123].

Проводимая экономическая политика существенно обострила имевшиеся в Индии социальные проблемы, проявляющиеся в частности, в масштабных массовых беспорядках, реакцией на которые стала характерная для колониального государства и его ответа на внутреннее инакомыслие – растущая милитаризация полицейских сил.

Полиция демократической Индии решила пренебречь своими профессиональными и национальными обязанностями и вместо этого предпочла быть прислужницей тех, кто находится у власти [Kumar, www…, p. 157].

Выше было наглядно продемонстрировано, что после обретения независимости, государством в целях обеспечения возможности контроля масштабных социальных конфликтов, в том числе, сопровождаемых актами терроризма, их подавления, созданы многочисленные подразделения вооруженной полиции, что было «обусловлено неспособностью обычных правоохранителей справиться с массовыми и широкомасштабными нарушениями общественной безопасности» [Яковлев, 2016, с. 220].

С 1947 года массовый рост централизованной полицейской власти и ее все более активное участие в урегулировании конфликтов на местах является доминирующей характерной чертой индийской полиции. При этом за последние несколько десятилетий численность вооруженной полиции в стране достигла феноменального роста.

В соответствии с положениями статьи 23 Закона о полиции 1861 года сотрудник полиции обязан незамедлительно подчиняться и исполнять все приказы и предписания, законно выданные ему любым компетентным органом [The Police Act, 1861]. Данная норма продублирована во всех законах, касающихся деятельности тех или иных подразделений полиции, принятых, в частности, после независимости государства.

Вышеуказанный закон, на момент его принятия, отвечавший потребностям колониальной администрации, связанным с коммерческими интересами англичан и контролем за эксплуатируемым населением, до настоящего времени является основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность индийской полиции. «Его появление стало защитной реакцией колониальной администрации на зарождение национально-освободительного движения. Таким образом, британцы легализовали применение репрессивного аппарата с целью упрочения своего присутствия в Индии» [Бродель, 2008, с.214].

С либерализацией экономики, начавшейся в 1991 году, и активного включения Индии в процессы глобализации транснациональные корпорации и международные финансовые институты (МВФ, Всемирный банк) заняли место колониальной администрации. Ресурсы, рабочая сила и рынки государства используются в интересах бенефициаров глобализма. Индия становится зависимой от внешнего капитала, инфраструктуры и технологий, которые ранее контролировала метрополия.

Как до обретения независимости полиция действовала в интересах метрополии и колониальной элиты, а не всего общества, и была предназначена, в первую очередь, для

подавления местных восстаний, а в вопросах обеспечения безопасности населения интенсивная полицейская деятельность не требовалась, так и в настоящее время фактически сохраняется приоритетное назначение полиции в подавлении протестов, защите интересов политической и экономической элиты, инвестиций и прибыли транснациональных корпораций, обеспечении бесперебойного доступа к ресурсам и рынкам, а не в обслуживании потребностей общества.

Параллельно с увеличением численности вооруженных полицейских подразделений в Индии активно развиваются цифровые технологии, которые широко внедряются в деятельность полиции. В частности, одним из направлений применения искусственного интеллекта является видеоаналитика, включающая распознавание лиц и позволяющая идентифицировать граждан, автоматизировать просмотр огромного количества записей с камер видеонаблюдения. Интеграция Индийской национальной автоматизированной системы распознавания лиц с существующими базами данных криминалистической информации является ярким примером расширения возможностей полиции [Ramachandran, Mahajan, 2025, p. 3].

«Индия – первая страна, осуществившая сложнейшую систему биометрической идентификации населения с индивидуальным 12-значным кодом личности. Идентификационные номера карточки «Аадхаар» (Основа) имеют свыше 1.2 млрд индийских граждан. Цифровизация индийских услуг приобрела массовый характер. Критики считают, что система Аадхаар влечет риски вторжения в личную жизнь и государственного манипулирования сознанием населения» [Сдасюк, 2021, с. 844-845].

Заключение

Увеличение числа вооруженных формирований полиции и активное внедрение цифровых технологий в ее деятельность являются главными направлениями модернизации полиции во всем мире, осуществляемой в целях наиболее эффективного контроля общества и подавления его сопротивления реализуемым политическим трендам. Так, в стране, являющейся базой для экспорта «демократических» ценностей по мнению автора работы «Конец полицейской деятельности» (The End of Policing) «американская полиция является инструментом обеспечения глубоко укоренившегося неравенства, использование которого систематически приводит к несправедливости по отношению к бедным, маргинализированным и небелым» [Vitale, 2017, p. 28].

Сочетание военной организации с контролем над экономическими ресурсами и системой религиозных культов, делавших социальную иерархию продолжением божественного порядка, с древних времен способствовали успешной эксплуатации порабощенного населения [Волков, 2018, с. 62].

Библиография

1. Индийский вестник [Электронный ресурс]. URL: https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/pdf-vestnik/Май%202025.pdf (дата обращения 10.07.2025).
2. Белов П. Индия и Россия борются с терроризмом // Индийский вестник.[Электронный ресурс]. URL: https: // indianembassy-moscow.gov.in/ru/pdf-vestnik/Июнь 2025.pdf (дата обращения 10.07.2025).
3. A Critical Analysis of Police Reforms in India By Dr. Chandraveer Singh Bhati. A research project under Kali Charan Puri Fellowship awarded by India Policy Foundation, New Delhi, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipf.org.in/encyc/2024/7/9/policereformsinindia_202407092019299928.pdf (дата обращения 22.05.2025).
4. Anandswarup Gupta. The Police in British India 1861-1947. Concept Publishing Company. New Delhi, 1979. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/in. ernet.dli.2015.111097/2015.111097.The-Police-In-British-India1861-1947_djvu.txt (дата обращения 02.06.2025).

5. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.
6. А.И. Захаров. Вступление Индии в глобальный мир: особенности пути // Россия и современный мир. 2020. № 2. С. 113–134.
7. Surajit C. Mukhopadhyay. Policing in India A failed case of institutional reform. Globalisation and governance in India: New challenges to society and institutions / edited by Harihar Bhattacharyyar and Lion König. London, 2016, pp. 89 – 97.
8. Фурсов А.И. Демонтаж капитализма. Интервью / Центр гуманитарных технологий. – 20.01.2007. [Электронный ресурс]. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/554 (дата обращения 07.08.2025).
9. Шаумян Т.Л. Политическая система Индии: исторический опыт и перспективы // Власть. 2024 № 4-1. С. 33-60.
10. Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель; Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. – 552 с.
11. Praveen Kumar. Inside India. Published works of PraveenKumar.
12. Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 2016.
13. The Police Act, 1861 (ACT №. 5 1861 [22nd March, 1861.]. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2264/1/AApolice1861___05.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
14. Ramachandran, IPS (Retd.), Mahajan Harshal Rajesh, IPS. Artificial Intelligence in Policing The Indian Police Journal Volume 72, Number 1, ISSN 0537-2429 January - June, 2025, pp. 1-12. [Электронный ресурс]. URL: https:// bprd.nic.in/uploads/pdf/The%20Indian%20Police%20Journal%20Jan-June-2025.pdf (дата обращения 02.08.2025).
15. Сдасюк Г.В. Индия: актуальные экономические и социальноэкологические проблемы географии развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая, 2021, том 85, № 6, с. 842 – 856.
16. Alex S. Vitale. The End of Policing. Brooklin: Verso, 2017.
17. Волков В.В. Государство, или Цена порядка / Вадим Волков. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 160 с.

India: Police, Society, State

Roman V. Vasilyev

Adjunct,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125993, 8 Zoí i Aleksandra Kosmodemyanskikh St.,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: deputychief@ya.ru

Abstract

The article examines the armed police of India from its creation by English colonizers to the present day, its difference from unarmed civil police, and its inseparable connection with the goals and objectives implemented by political authorities. Changes in Indian society since independence, as well as shifts in the state's economic course in the 1990s, are analyzed; the role of the Indian People's Party (Bharatiya Janata Party) in implementing the global political agenda and the means of population control it uses to achieve economic growth indicators are examined. The problem of the increasing role of militarized police units and digital control means over society, characteristic of modern states, is addressed.

For citation

Vasilyev R.V. (2025) Indiya: politsiya, obshchestvo, gosudarstvo [India: Police, Society, State]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 63-70. DOI: 10.34670/AR.2025.63.73.007

Keywords

India, police, armed police, civil police, politics, society, state, globalization, liberalization, militarization of police, modernization of police, Hinduism, caste system.

References

1. Indian Bulletin [Electronic resource]. URL: https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/pdf-vestnik/Май%202025.pdf (accessed 07/10/2025).
2. Belov P. India and Russia are fighting terrorism // Indian Bulletin. [electronic resource]. URL: https: // indianembassy-moscow.gov.in/ru/pdf-vestnik/Июнь 2025.pdf (accessed 07/10/2025).
3. A Critical Analysis of Police Reforms in India By Dr. Chandraveer Singh Bhati. A research project under Kali Charan Puri Fellowship awarded by India Policy Foundation, New Delhi, 2023. [Electronic resource]. URL: https://www.ipf.org.in/encyc/2024/7/9/policereformsinindia_20240709201929992 8.pdf (accessed 22.05.2025).
4. Anandswarup Gupta. The Police in British India 1861-1947. Concept Publishing Company. New Delhi, 1979. [electronic resource]. URL: https://archive.org/stream/in. ernet.dli.2015.111097/2015.111097.The-Police-In-British-India1861-1947_djvu.txt (accessed 06/02/2025).
5. Yurlov F.N., Yurlova E.S. The history of India. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010. 920 p.
6. A.I. Zakharov. India's entry into the global world: the specifics of the path // Russia and the Modern World. 2020. No. 2. pp. 113-134.
7. Surajit C. Mukhopadhyay. Policing in India A failed case of institutional reform. Globalisation and governance in India: New challenges to society and institutions / edited by Harihar Bhattacharyyar and Lion König. London, 2016, pp. 89-97.
8. Fursov A.I. Dismantling capitalism. Interview / Center for Humanitarian Technologies. – 20.01.2007. [electronic resource]. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/554 (accessed 08/07/2025).
9. Shahumyan T.L. The political system of India: historical experience and prospects // Power. 2024 No. 4-1. pp. 33-60.
10. Grammar of civilizations / Fernand Braudel; Preface by M. Emard; Translated from French – M.: Publishing house "The Whole world", 2008. – 552 p.
11. Praveen Kumar. Inside India. Published works of PraveenKumar.
12. Yakovlev A.Y. Terrorism in India: features of evolution, institutions and counteraction technologies. Dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Moscow, 2016.
13. The Police Act, 1861 (ACT No. 5, 1861 [22nd March, 1861.]. [Electronic resource]. URL: http:// www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2264/1/AApolice1861___05.pdf (date of request: 08/22/2025).
14. Ramachandran, IPS (Retd.), Mahajan Harshal Rajesh, IPS. Artificial Intelligence in Policing The Indian Police Journal Volume 72, Number 1, ISSN 0537-2429 January - June, 2025, pp. 1-12. [electronic resource]. URL: https:// bprd.nic.in/uploads/pdf/The%20Indian%20Police%20Journal%20Jan-June-2025.pdf (accessed 08/02/2025).
15. Sdasyuk G.V. India: current economic and socio-ecological problems of development geography // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series, 2021, volume 85, No. 6, pp. 842-856-
16. Alex S. Vitale. The End of Policing. Brooklin: Verso, 2017.
17. Volkov V.V. The State, or the Price of order / Vadim Volkov. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2018. 160 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.99.84.008**

Сточные воды или жидкие отходы: проблема «подмены» понятий

Дубовик Дмитрий Михайлович

Старший преподаватель,
Кафедра земельного, градостроительного и экологического права,
Уральский государственный юридический университет,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: dubovikgr@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье анализируются актуальные проблемы и эффективность правового регулирования деятельности, связанной со сбором, перемещением и утилизацией жидких отходов. Центральное внимание уделяется проблеме терминологической подмены понятий «сточные воды» и «жидкие отходы», которая приводит к несоблюдению существующих обязательных требований, предъявляемых к обращению таких объектов, и как следствие неэффективному государственному контролю (надзору). На основе анализа действующего законодательства автор констатирует недостаточную проработанность механизмов правового регулирования деятельности по сбросу сточных вод в водные объекты и отсутствие четкого разграничения полномочий публичных органов в сфере организации деятельности по обращению с жидкими отходами. В качестве мер по совершенствованию правового регулирования обосновывается необходимость презюмирования экологической опасности для операций по транспортировке сточных вод, распространение на деятельность, связанную с их обращением, лицензионных требований, а также доказывается, что деятельность по обращению с жидкими отходами на территории муниципальных образований, где отсутствует централизованная система водоснабжения и водоотведения, является публично значимой и должна осуществляться за счет средств местного бюджета.

Для цитирования в научных исследованиях

Дубовик Д.М. Сточные воды или жидкие отходы: проблема «подмены» понятий // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 71-79. DOI: 10.34670/AR.2025.99.84.008

Ключевые слова

Жидкие отходы, сточные воды, отходы производства и потребления, нормативы допустимого сброса, водоотведение, лицензирование, экологическая безопасность, правовое регулирование, экологическое право.

Введение

Обеспечение благоприятного и безопасного состояния окружающей природной среды представляет собой одну из ключевых конституционных и социально значимых задач современного российского государства. Как подчеркивается в фундаментальных трудах ведущих правоведов, устойчивое и поступательное развитие страны в долгосрочной перспективе невозможно без гарантированной комплексной экологической безопасности, что, в свою очередь, требует сбалансированного сочетания публичных, общественных и частных интересов, которое обеспечивается эффективными правовыми средствами [Перевалов 2005; Боголюбов 2005].

Основное содержание

Современные стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации включают в себя не только обеспечение поступательного научно-технического и социально-экономического прогресса, объективный рост благосостояния граждан и развитие капитала, но и неукоснительное сохранение природных систем, биологического разнообразия и экологического баланса, эффективность которого находится в прямой корреляции с уровнем научно-обоснованного экспертно-аналитического сопровождения всех принимаемых управленческих решений [Белокрылова 2023]. В этом контексте особую практическую и теоретическую значимость приобретает целенаправленное и системное совершенствование правового регулирования сферы обращения с отходами производства и потребления, итогом которого должно стать создание и функционирование экономики замкнутого цикла. Объективное многообразие образующихся в процессе хозяйственной и бытовой деятельности отходов, различающихся по классам опасности, источникам возникновения, агрегатному состоянию и морфологическим признакам, порождает комплекс различных правовых проблем, связанных с их обращением.

В доктринальных исследованиях различные ученные выделяют ряд системных недостатков, к которым относят: фрагментарность и внутреннюю противоречивость законодательства [Васильева 2004], дефицит методического обеспечения и рекомендаций для работы с отдельными специфическими категориями отходов [Игнатьева 2022], а также отсутствие четкого разграничения предметов ведения и полномочий между различными органами федеральной, региональной и местной власти. В свою очередь указанное закономерно приводит к дублированию функций, снижению эффективности публичного управления рассматриваемой сферы в целом и, как следствие, к ненадлежащей реализации государством экологической функции [Заславская 2023].

Особо остро обозначенные проблемы стоят в аспекте защиты водных объектов от антропогенного воздействия (загрязнения), источником которого зачастую выступают масштабные, неконтролируемые сбросы недостаточно очищенных или вовсе неочищенных сточных вод (фактически отходов в жидком состоянии), объемы которых из года в год продолжают расти. Как отмечает В.В. Круглов, совокупное негативное воздействие на состояние водных объектов Российской Федерации обусловлено в том числе множеством рассредоточенных, неидентифицируемых и по существу неконтролируемых источников загрязнения, а также влиянием вторичных (или накопленных) загрязнителей. Именно эти источники, находящиеся вне зоны системного экологического мониторинга и надлежащего государственного контроля (надзора), вносят основной вклад в деградацию водных экосистем

[Круглов 2017].

Статистические данные, представленные в ежегодных Государственных докладов о состоянии окружающей среды в Российской Федерации, а также научные исследования по обозначенной проблематике [Крутикова, Морозова 2018; Лунева 2022], свидетельствуют о том, что в большинстве речных бассейнов страны сохраняется неудовлетворительное качество вод, не соответствующее установленным нормативным санитарно-гигиеническим значениям. В качестве примера можно привести проблему микропластикового загрязнения озера Байкал, о чем справедливо отмечает Е.В. Лунева и доказывает необходимость законодательного признания микропластика в качестве специфического и особо опасного загрязняющего вещества, что повлечет за собой его обязательную интеграцию в нормативную правовую базу, и распространения на него существующих требований в области нормирования, экологического мониторинга и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду [Лунева 2024].

Важно отметить, что действующее водное законодательство содержит прямой запрет на осуществление сброса любых видов отходов в водные объекты (часть 1 статьи 56 Водного кодекса РФ). Однако сходство агрегатного состояния жидких отходов и сточных вод, фактическая невозможность их разграничения без специального исследования, приводит к злоупотреблениям при осуществлении деятельности по обращению с такими объектами. На практике это выражается в намеренной неверной их идентификации, игнорировании обязательных требований к обращению с жидкими отходами и, в конечном счете, в сбросе последних под видом сточных вод без необходимой очистки в водный объекты.

Ранее действовавшее постановление Правительства РФ от 10.02.1997 № 155 «Об утверждении Правил предоставления услуг по вывозу жидких бытовых отходов» определяло жидкие бытовые отходы (ЖБО) как хозяйственно-бытовые сточные воды, образующиеся в результате жизнедеятельности населения и сбрасываемые в сооружения и устройства, не подключенные (технологически не присоединенные) к централизованной системе водоотведения. В настоящее время ЖБО утратили статус самостоятельной категории и инкорпорированы в состав коммунальных отходов. В Федеральном классификационном каталоге отходов, утвержденном приказом Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242, жидкие отходы поименованы, как «Отходы жизнедеятельности населения в неканализованных зданиях и прочие аналогичные отходы, не относящиеся к твердым коммунальным отходам». В обозначенную группу входят следующие виды отходов: бытовые отходы неканализованных территорий включают осадки выгребных ям (код 7 32 100 01 30 4), жидкие фракции от объектов, не подключенных к централизованным сетям (код 7 32 101 01 30 4), а также твердые фракции из дворовых помойниц (код 7 32 102 11 72 4). Отходы от эксплуатации локальных очистных сооружений представлены, в частности, малоопасными осадками от очистки септиков (код 7 32 103 11 39 4). Отдельную группу составляют отходы от транспортных средств: фекалии из туалетов воздушных судов (код 7 32 115 31 30 4), жидкие отходы от чистки санузлов самолетов, содержащие(четвертичные аммониевые соединения (код 7 32 115 32 30 4), и фекальные отходы с судов и иных плавсредств (код 7 32 115 41 30 4).

Согласно легальному определению, закрепленному в пункте 19 статьи 1 Водного кодекса РФ, под сточными водами понимаются дождевые, талые, инфильтрационные, поливомоечные, дренажные воды, сточные воды централизованной системы водоотведения и другие воды, отведение (сброс) которых в водные объекты осуществляется после их использования или сток которых осуществляется с водосборной площади.

Порядок согласования проектов нормативов допустимого сброса (НДС) вредных веществ в водные объекты регламентирован Приказом Росгидромета от 28.04.2021 № 106 «О введении в

действие руководящего документа РД 52.24.689-2021 «Порядок рассмотрения и согласования проектов нормативов допустимого сброса вредных веществ в водные объекты». В соответствии с указанным приказом, целью разработки НДС является идентификация видов вредных веществ, присутствующих в составе сточных вод. В соответствии с Методикой разработки нормативов допустимых сбросов загрязняющих веществ в водные объекты для водопользователей, утвержденной приказом Минприроды России от 29.12.2020 № 1118, расчет величины нормативов допустимого сброса определяются для всех категорий водопользователей как произведение максимального часового расхода сточных вод на допустимую концентрацию загрязняющего вещества. Наличие согласованных нормативов допустимого сброса вредных веществ в водные объекты является одним из основных требований, предъявляемых к хозяйственной деятельности по обращению со сточными водами.

Напротив, жидкие бытовые отходы имеют IV класс опасности, что предполагает необходимость получения лицензии на осуществление такой деятельности. В свою очередь это предполагает необходимость значительного количества обязательных лицензионных требований.

В соответствии с п. 18 постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 „Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий“» накопление жидких бытовых отходов должно осуществляться в локальных очистных сооружениях либо в подземных водонепроницаемых сооружениях как отдельных, так и в составе дворовых уборных.

Ключевым критерием разграничения жидких отходов и сточных вод с учетом приведенных нормативных актов и который нашел свое отражение в судебной практике (например, определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2024 № 88-5814/2024, Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2024 № 88-34901/2024) является способ их удаления:

– Воды, отводимые через централизованные инженерные системы водоотведения на специализированные очистные сооружения, – это **сточные воды**, обращение с которыми регламентируется водным законодательством и требует установления нормативов допустимого сброса (НДС).
– Жидкая фракция, образующаяся и накапливающаяся в объектах, не имеющих технического доступа к централизованной системе канализации (выгребные ямы, локальные очистные сооружения, накопительные емкости) и удаляемая с территории с помощью специализированной ассенизационной техники для последующей утилизации, – это **жидкие бытовые отходы** (IV класса опасности), деятельность по обращению с которыми является лицензируемой.

Существующее законодательное разделение порождает на практике серьезную проблему, связанную с идентификацией перемещаемых объектов в жидком агрегатном состоянии. Поскольку, как уже отмечалось, визуально жидкие отходы и сточные воды практически неотличимы, нередко хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность по обращению с подобными объектами, классифицируют их как «сточные воды». Так называемая «игра в понятия», приводит к тому, что по документам транспортируется один объект (сточные воды), а по факту перемещаются и сбрасываются напрямую в водные объекты жидкие отходы,

требующие особых условий обезвреживания.

Как итог, можно констатировать нарушение прямого законодательного запрета, несоблюдение существующих обязательных требований при обращении с отходами, уклонение от необходимости получения лицензии на деятельность с такими отходами.

Особенно остро данная проблема стоит в сельских поселениях и муниципальных районах, не обладающих централизованной системой водоотведения, при одновременном отсутствии или высокой степени износа специально предназначенных и технически оснащенных отстойников (к примеру, указанная ситуация наблюдается на территории Верхотурского, Ачитского, Артинского и др. районов Свердловской области). В приведенных примерах деятельность по обращению с жидкими бытовыми отходами является социально-значимой, в отсутствии которой будет нарушено субъективное право на надлежащее обращение с отходами, которое формируется на стыке конституционного права на благоприятную окружающую среду и права на хорошее управление (good governance), под которым понимается такая модель организации государственной власти, при которой ключевыми ориентирами являются подотчетность правительства населению, вовлечение граждан в управленческие процессы, а также обеспечение результативного использования общественных ресурсов и предоставления качественных государственных и муниципальных услуг. [Дубовик 2025: 69-78]. Однако отсутствие очистных комплексов для обезвреживания жидких отходов приводит к ситуации невозможности их легального размещения и дальнейшей очистки, что влечет несанкционированный сброс в водные объекты или в леса. Существующая примеры судебной практики не свидетельствуют о единообразном подходе к рассматриваемой ситуации, что еще раз подчеркивает системный характер проблемы.

Показательной в этом отношении является решение Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-10642/2020. Суд, рассматривая вопрос о привлечении к ответственности за осуществление деятельности без лицензии, признал действия единственного в Ачитском районе перевозчика жидких бытовых отходов совершенными в условиях крайней необходимости (ст. 2.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), мотивируя это тем, что «…в районе нет полигона либо иных сооружений и зданий для обработки, размещения жидких бытовых отходов. Неосуществление деятельности по обработке и вывозу жидких бытовых отходов могло повлечь негативные социальные последствия, угрозу здоровью и жизни населения населенных пунктов….»

В тоже время анализ судебной практики показывает, что в большинстве случае осуществление деятельности по обращению с жидкими фракциями, откачиваемыми из неканализованных объектов водопотребления, признается деятельностью по обращению с отходами, в связи с чем является лицензируемой. Более того, отсутствие надлежащей инфраструктуры не квалифицируется в качестве основания для освобождения хозяйствующих субъектов от обязанности соблюдать лицензионные требования, напротив такая ситуация должна побуждать их к созданию таких объектов или поиску законных путей утилизации (к примеру, постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06 октября 2023 г. по делу № А63-2723/2022, Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2023 г. по делу № А63-19077/2021, Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2022 г. по делу № А70-7506/2021, Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2025 г. по делу № А53-46053/2024 и др.).

Представляется, что не привлечение лица к административной ответственности в связи с применением ст. 2.7 КоАП РФ не должно исключать соблюдение хозяйствующим субъектом существующих лицензионных и экологических требований, в том числе по очистке подобного

рода объектов.

Более того, с учетом сформулированных правовых позиций, отраженных в постановлении Конституционного суда РФ от 30.05.2023 № 27-П, деятельность по сбору, очистке и транспортировке жидких бытовых отходов на территории муниципалитетов, где отсутствуют специальные водоочистные сооружения, должна являться публично значимой и осуществляться уполномоченными муниципальными учреждениями или предприятиями, а не отдельными частными лицами.

Заключение

На основании проведенного анализа сформулированы следующие выводы и предложения:

– Исходя из основополагающего принципа презумпции экологической опасности любой планируемой хозяйственной и иной деятельности, закрепленного в статье 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», целесообразно законодательно установить презумпцию отнесения всех жидких сред, удаляемых с территорий неканализованных объектов водопотребления с использованием ассенизационной техники, к категории жидких отходов. Это позволит возложить бремя доказывания обратного (т.е. того, что перемещаемая жидкость является именно сточными водами) на самого хозяйствующего субъекта, что существенно затруднит возможность для злоупотреблений.

– Деятельность по транспортировке сточных вод (в том числе дренажных, ливневых, инфильтрационных) с использованием специализированного автотранспорта (илососных машин, вакуумных цистерн и др.) должна быть в срочном порядке переведена в разряд лицензируемых видов деятельности. Это создаст единые и понятные для всех участников рынка обязательные требования, обеспечит государственный контроль (надзор) над перемещаемыми жидкими средами и исключит саму возможность для «игры в понятия». Лицензионные требования должны включать в себя обязательное оснащение транспортных средств системами ГЛОНАСС и контроля объема, ведение электронных путевых листов, а также наличие у перевозчика договоров с операторами очистных сооружений, принимающих соответствующий тип стоков.

– В целях обеспечения прослеживаемости и контроля за всеми этапами движения жидких отходов, в путевых листах, сопровождающих каждую транспортную единицу, в обязательном порядке должны фиксироваться исчерпывающие данные о местах их конечного размещения и обезвреживания (наименование полигона, очистного сооружения, реквизиты договора). Отсутствие таких сведений или их недостоверность должны рассматриваться контролирующими органами как прямое и достаточное основание для проведения контрольного надзорного мероприятия по факту возможного несанкционированного размещения или сброса отходов.

– Деятельность по сбору, удалению, обезвреживанию, утилизации и размещению жидких отходов на территориях муниципальных образований, не имеющих централизованных систем водоснабжения и водоотведения, должна признаваться публично значимой, исполнение которой в приоритетном порядке должно быть возложено на специализированные муниципальные казенные предприятия или учреждения, действующие в рамках строго определенного муниципального задания, с гарантированным финансированием всех связанных с этим затрат из средств местного бюджета.

– Четкое законодательное закрепление данной публично-правовой обязанности за органами местного самоуправления позволит предусматривать в местных бюджетах на регулярной основе соответствующую статью расходов местного бюджета, что создаст стабильную и долгосрочную финансовую основу для выполнения этой важнейшей социально-экологической задачи. Муниципальные образования должны получить право на софинансирование данных расходов за счет средств региональных бюджетов в рамках реализации государственных программ, направленных на улучшение экологической обстановки и модернизацию коммунальной инфраструктуры.

Реализация предложенного комплекса мер будет способствовать совершенствованию правового регулирования деятельности по обращению с отходами, направлена на решение существующих правовых проблем и повышение уровня экологической безопасности, формирование и поддержаний условий для функционирования экономики замкнутого цикла.

Библиография

1. *Белокрылова Е. А.* О некоторых правовых проблемах обеспечения экологической безопасности отдельных критических технологий в Российской Федерации и зарубежных странах (на примере нанотехнологий и их продуктов) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. № 1. С. 187-194;
2. *Боголюбов С. А.* Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. 2005. № 7 С. 24–32.
3. *Васильева М. И.* Правовые проблемы организации управления в сфере охраны окружающей среды: пособие по региональной экологической политике. М., 2004. С. 87–88;
4. *Дубовик Д. М.* Обращение с отходами: модернизация эколого-правового регулирования: дис. … канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2025, С. 69-78.
5. *Заславская Н. М.* Особенности разграничения полномочий в сфере охраны окружающей среды между федеральными и региональными органами исполнительной власти на современном этапе // Экологическое право. 2023. № 4. С. 21–28;
6. *Игнатьева И. А.* Региональное законодательство об органической продукции: состояние и проблемы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 12. С. 94–108;
7. *Крутикова К. В., Морозова Е. Е.* Практика применения Методики исчисления размера вреда водным объектам при нарушении водного законодательства // Водное хозяйство России. 2018. №4. С. 119–129;
8. *Круглов В. В.* Об экономико-правовых мерах по охране водных объектов от загрязнения промышленными предприятиями в регионах России // // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 200–204.
9. *Лунева Е.В.* Правовая охрана поверхностных водных объектов от микропластика в России // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 121-137.
10. *Лунева Е. В.* Правовая охрана озера Байкал от микропластика // Государство и право. 2024. № 2. С. 140-149.
11. *Перевалов В. Д.* Теория государства и права. М., 2005. С. 384.

Wastewater or Liquid Waste: The Problem of Conceptual Substitution

Dmitry M. Dubovik

Senior Lecturer,
Department of Land, Urban Planning and Environmental Law,
Ural State Law University,
620137, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: dubovikgr@yandex.ru

Abstract

This article analyzes current problems and effectiveness of legal regulation of activities related to collection, transportation, and disposal of liquid waste. Central attention is paid to the problem of terminological substitution of the concepts "wastewater" and "liquid waste", which leads to non-compliance with existing mandatory requirements for handling such objects, and consequently to ineffective state control (supervision). Based on analysis of current legislation, the author states insufficient development of mechanisms for legal regulation of wastewater discharge into water bodies and the absence of clear demarcation of powers of public authorities in organizing liquid waste management activities. As measures for improving legal regulation, the necessity of presuming environmental danger for wastewater transportation operations, extending licensing requirements to activities related to their handling, is substantiated, and it is also proven that liquid waste management activities in municipal formations where centralized water supply and sanitation systems are absent are publicly significant and should be financed from local budget funds.

For citation

Dubovik D.M. (2025) Stochnyye vody ili zhidkiye otkhody: problema «podmeny» ponyatiy [Wastewater or Liquid Waste: The Problem of Conceptual Substitution]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 71-79. DOI: 10.34670/AR.2025.99.84.008

Keywords

Liquid waste, wastewater, production and consumption waste, permissible discharge standards, water disposal, licensing, environmental safety, legal regulation, environmental law.

References

1. Belokrylova E. A. O nekotorykh pravovykh problemakh obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti otdel'nykh kriticheskikh tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh (na primere nanotekhnologii i ikh produktov) [About some legal problems of ensuring the environmental safety of certain critical technologies in the Russian Federation and foreign countries (on the example of nanotechnologies and their products)]// *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*. 2023. T. 33. no. 1, pp. 187-194.
2. Bogolyubov S. A. Sootnoshenie publichno-pravovykh i chastnopravovykh sredstv v obespechenii ekologicheskikh prav grazhdan [The ratio of public and private legal means in ensuring environmental rights of citizens] // *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2005. no. 7, pp. 24–32.
3. Vasil'eva M. I. *Pravovye problemy organizatsii upravleniya v sfere okhrany okruzhayushchei sredy: posobie po regional'noi ekologicheskoi politike* [Legal problems of management organization in the field of environmental protection: a handbook on regional environmental policy]. M., 2004, pp. 87-88.
4. Dubovik D. M. *Obrashchenie s otkhodami: modernizatsiya ekologo-pravovogo regulirovaniya* [waste management: modernization of environmental and legal regulation]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2025, S. 69-78.
5. Ignat'eva I. A. Regional'noe zakonodatel'stvo ob organicheskoi produktsii: sostoyanie i problemy [Regional legislation on organic products: status and problems] // *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*. 2022. no. 12. pp. 94–108.
6. Krutikova K. V., Morozova E. E. Praktika primeneniya Metodiki ischisleniya razmera vreda vodnym ob"ektam pri narushenii vodnogo zakonodatel'stva [The practice of applying the Methodology for calculating the amount of damage to water bodies in violation of water legislation] // *Vodnoe khozyaistvo Rossii*. 2018. no. 4. pp. 119–129;
7. Kruglov V. V. Ob ekonomiko-pravovykh merakh po okhrane vodnykh ob"ektov ot zagryazneniya promyshlennymi predpriyatiyami v regionakh Rossii. [On economic and legal measures to protect water bodies from pollution by industrial enterprises in the regions of Russia] // *Russian Law Journal*. 2017. no. 3. pp. 200–204.
8. Luneva E.V. Pravovaya okhrana poverkhnostnykh vodnykh ob"ektov ot mikroplastika v Rossii [Legal protection of surface water bodies from microplastics in Russia] // *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2022. no. 2. pp. 121-137.
9. Luneva E. V. Pravovaya okhrana ozera Baikal ot mikroplastika [Legal protection of Lake Baikal from microplastics] // *Gosudarstvo i pravo.* 2024. no. 2. pp. 140-149.

10. Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. M., 2005. pp. 384.
11. Zaslavskaya N. M. Osobennosti razgranicheniya polnomochii v sfere okhrany okruzhayushchei sredy mezhdu federal'nymi i regional'nymi organami ispolnitel'noi vlasti na sovremennom etape [Features of the delimitation of powers in the field of environmental protection between federal and regional executive authorities at the present stage] // *Ekologicheskoe pravo*. 2023. no. 4. pp. 21–28.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.09 **DOI: 10.34670/AR.2025.20.80.009**

Совершенствование понятийного аппарата в процессе систематизации информационного законодательства

Паршуков Михаил Игоревич

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра информационного права,
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: m-parshukov@usla.ru;

Аннотация

В статье исследуется проблема совершенствования понятийного аппарата информационного права, обосновывается актуальность систематизации информационного законодательства. Для информационного законодательства, с учетом его комплексности, многоаспектности и глобальности, кодификация является предпочтительной и эффективной формой систематизации. Систематизация, реализуемая через принятие базовых законов, представляет собой критически важный этап формирования информационного законодательства как внутренне согласованной и системной отрасли. Рассматриваются вопросы, связанные с разработкой и принятием Информационного кодекса РФ. Предлагается два сценария совершенствования понятийного аппарата информационного права. Первый сценарий – совершенствование понятийного аппарата в процессе разработки Информационного кодекса Российской Федерации. Второй сценарий – совершенствование понятийного аппарата с помощью принятия новых и уточнения существующих базовых законов. Делается вывод о том, что совершенствование понятийного аппарата информационного права является не вспомогательной, а фундаментальной методологической задачей, от решения которой зависит эффективность систематизации информационного законодательства, возможность разработки информационного кодекса и обеспечение правовой определенности в условиях реализации Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Для цитирования в научных исследованиях

Паршуков М.И. Совершенствование понятийного аппарата в процессе систематизации информационного законодательства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 80-88. DOI: 10.34670/AR.2025.20.80.009

Ключевые слова

Базовый закон, информационная безопасность, информационное законодательство, информационный кодекс, информационное право, понятийный аппарат, систематизация законодательства, цифровая трансформация, унификация, экономика данных.

Введение

Многими исследователями отмечается, что понятийный аппарат является выражением доктринальных основ и сущностных характеристик отрасли информационного права, а его системная упорядоченность составляет теоретическую предпосылку и инструментальную базу для систематизации и кодификации информационного законодательства Российской Федерации [Полякова, Троян, 2023].

Систематизация информационного законодательства представляет собой критически значимую методологическую и правотворческую деятельность, направленную на упорядочение и совершенствование обширного массива нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в информационной сфере [Полякова, 2008]. Этот процесс является необходимой предпосылкой для дальнейшего развития информационного права как самостоятельной и полноценной отрасли в системе российского права [Морозов, Филатова, 2014].

Актуальность систематизации информационного законодательства обусловлена следующими ключевыми факторами, которые требуют глубокого теоретического осмысления.

Во-первых, необходимостью преодоления фрагментации и бессистемности норм информационного законодательства.

Во-вторых, необходимостью упорядочения и унификации понятийного аппарата.

В-третьих, необходимостью повышения качества и эффективности законодательства.

В-четвертых, социально-политическими и стратегическими требованиями государственной политики.

Систематизация информационного законодательства выступает как объективная необходимость, продиктованная как внутренним, хаотичным состоянием нормативной правовой базы, так и внешними факторами, связанными с динамичным развитием информационного общества и стратегическими задачами государства по обеспечению законности и стабильности в высокотехнологичной сфере.

Систематизация законодательства представляет собой деятельность, направленную на упорядочение действующих законов и нормативных правовых актов, приведение всех юридических норм в единую правовую систему, а также на совершенствование законодательного массива [Полякова, 2008].

В юридической науке традиционно выделяют такие основные формы систематизации законодательства, как инкорпорация, консолидация, кодификация [Алексеев, 1982].

Основная часть

Кодификация является основной формой систематизации законодательства, которая предполагает не только внешнюю обработку (объединение, устранение устаревших и дублирующих актов), но и внутреннюю переработку действующего законодательства, создание нового, систематизированного единого законодательного акта, заменяющего прежнее регулирование и приводящего его в единую систему [Кузнецов, 2017]. Кодификация направлена на исключение противоречий, восполнение пробелов и преобразование нормативного материала, обеспечивая внутреннюю согласованность и системность правового регулирования.

Наличие полноценного, устойчивого и логически выверенного понятийного аппарата является исключительно важной предпосылкой для осуществления кодификации

информационного законодательства. Понятийный аппарат выступает в качестве главного стержневого юридико-технического начала любого системообразующего закона. Систематизация любого нормативного материала требует ориентации на базовые термины и понятия, соответствующие поставленным целям [Бачило, 2014].

Для информационного законодательства, с учетом его комплексности, многоаспектности и глобальности, кодификация является предпочтительной и эффективной формой систематизации. Кодификация призвана создать более устойчивые и стабильные нормы, возглавляющие систему взаимосвязанных нормативных актов, и обеспечить более четкое построение системы нормативных предписаний в этой сфере. Результатом кодификации информационного законодательства должен стать Информационный кодекс Российской Федерации.

Систематизация, реализуемая через принятие базовых законов, представляет собой критически важный этап формирования информационного законодательства как внутренне согласованной и системной отрасли [Концепция Информационного кодекса..., 2014].

Базовые законы определяют фундаментальные параметры системы информационного законодательства. К ним относятся следующие обязательные элементы - базовый понятийный аппарат, принципы правового регулирования, правовой статус субъектов и общий правовой режим.

Это свидетельствует о том, что систематизация информационного законодательства, осуществляемая путем разработки и принятия базовых законов, является фундаментальной задачей, обеспечивающей внутреннюю согласованность нормативно-правовой базы, создающей унифицированный понятийный аппарат и формирующей системные ориентиры для дальнейшего правотворчества в динамичной информационной сфере. Отсутствие полноценной системы базовых законов приводит к фрагментарности, противоречиям и недостаточной эффективности правового регулирования.

П. У. Кузнецов в своих научных работах последовательно отстаивает позицию о том, что полноценное создание единого кодифицированного акта в сфере информационных отношений является преждевременным до тех пор, пока не будет сформирована устойчивая и научно обоснованная система базовых федеральных законов [Кузнецов, Андреев, 2012].

Многие авторы подчеркивают, что одной из ключевых предпосылок для кодификации как высшей формы систематизации является развитое состояние действующего информационного законодательства. Однако на современном этапе в России для создания полноценного кодифицированного нормативного правового акта еще не созрели нормотворческие условия [Там же].

Ю.М. Батурин и П.У. Кузнецов, анализируя предпосылки создания Ю. М. Батурин и П. У. Кузнецов, анализируя предпосылки создания Информационного кодекса, утверждают, что для его принятия необходим подготовительный этап, обеспечивающий стабильность и логическую структуру будущему кодифицированному акту [Батурин, 2024].

При этом Ю. М. Батурин подчеркивает, что для начала работы над Информационным кодексом необходимо решить, как минимум, две проблемы – неопределенность его границы и понятийного аппарата [Батурин, 2024].

Недостающие базовые законы должны зафиксировать общие принципиальные положения (понятия, их значения, принципы, правовой статус субъектов, общие дозволения и запреты). Именно эти общие положения следует внести в качестве составляющих элементов в проект Информационного кодекса, формируя его общую часть.

В отсутствие такой научно обоснованной и системной основы, термины и понятия в действующем законодательстве часто заимствуются из информатики без научно-правового анализа и лингвистической обработки, что приводит к терминологической неустойчивости и конфликтам.

Сегодня вопрос о разработке Информационного кодекса РФ перешел из доктринальной плоскости в область практической реализации. И. Л. Бачило была первой, кто поставил вопрос о необходимости систематизации российского информационного законодательства в форме кодификации [Концепция Информационного кодекса..., 2014].

Разработка Концепции Информационного кодекса РФ, предложенная коллективом под руководством И. Л. Бачило, требует вынесения проблемы понятийного аппарата в Общую часть Кодекса, где должны быть закреплены базовые, долгосрочно действующие термины [Бачило, 2017]. Система понятийного аппарата при этом структурируется на основе системы правовых институтов, в частности, посредством выделения *суперинститутов* (например, суперинституты информационных ресурсов/технологий/коммуникаций; общего права; обеспечения безопасности) [Кудрявцев, 2015].

Одной из основных целей систематизации является упорядочение действующих нормативных правовых актов и приведение юридических норм в единую согласованную систему, устраняя коллизии и пробелы. Для этого необходима унификация терминологии. Разработка Информационного кодекса требует формирования коллектива юристов для создания единого базового тезауруса терминов и их определений, который обеспечит единообразие толкования и согласованность [Бачило, 2017].

Кодификация должна основываться на методологии, ориентированной на стандартизацию терминологии и гармонизацию с международными нормами. Для этого, по обоснованному мнению П.У. Кузнецова, требуется творческий процесс использования правил юридической техники и преобразования технико-технологической терминологии в правовые категории и конструкции информационного права [Кузнецов, 2005].

Систематизация, и в особенности кодификация, является ключевым методологическим инструментом, позволяющим сформировать стройный понятийный аппарат.

Следовательно, совершенствование понятийного аппарата является неотъемлемой, системообразующей составляющей процесса систематизации информационного законодательства, особенно в форме кодификации [Полякова, 2015]. Именно систематизация призвана устранить терминологический хаос и обеспечить создание целостной и логически непротиворечивой терминологической системы, адекватной вызовам цифровой эпохи.

Данная проблематика приобретает особую актуальность в условиях цифровой трансформации и интенсификации нормотворчества в информационной сфере, нацеленного на разработку такого кодифицированного акта, как Информационный кодекс Российской Федерации. Понятийный аппарат выступает в качестве фундаментального юридико-технического начала любого системообразующего закона [Правовое обеспечение суверенитета..., 2024].

Совершенствование понятийного аппарата в ходе систематизации преследует ряд стратегических целей, направленных на повышение качества правового регулирования: системное упорядочение и логическая безупречность, унификация терминологии, достижение правовой определенности, гармонизация и межотраслевое взаимодействие.

Совершенствование понятийного аппарата требует внедрения системных процедур и научно обоснованных методологических подходов:

1. Институциональный подход и структурирование. Необходимо отойти от механического накопления терминов и перейти к построению понятийного аппарата как структурно упорядоченного единства.

2. Разработка единого глоссария (тезауруса). Создание официального глоссария (тезауруса) ключевых терминов информационного права является критически важным. Он должен фиксировать устоявшиеся легальные дефиниции, их источники и связи между понятиями, обеспечивая унификацию терминологии.

3. Юридизация технической терминологии. В связи с постоянным заимствованием терминов из технической сферы (например, «блокчейн», «искусственный интеллект») требуется их тщательный анализ, юридическая интерпретация и адаптация к системе российского права (процесс юридизации), чтобы наполнить технические понятия специфическим юридическим содержанием. Необходимо четко разграничивать правовые термины, регулирующие отношения, и технические термины, которые должны включаться лишь в регламенты и инструкции [Бачило, 2017].

4. Соблюдение логико-языковых и юридико-технических требований. Легальные дефиниции должны быть логически корректными (соразмерными, непротиворечивыми), гносеологически адекватными (соответствующими уровню научного знания), юридико-технически совершенными (ясными, точными, системно согласованными), а также технологически нейтральными и рациональными.

5. Инвентаризация и правовой мониторинг. Необходимо провести инвентаризацию понятий и дефиниций всего массива действующего законодательства для выявления и устранения дефектов. Требуется создание постоянно действующего механизма мониторинга и своевременной актуализации понятийного аппарата с учетом динамики развития технологий.

6. Внедрение экспертного контроля. Для обеспечения системной согласованности понятийного аппарата требуется совершенствование процедур законодательной техники и обязательная научная (включая лингвистическую и терминологическую) экспертиза проектов нормативных правовых актов в информационной сфере.

Необходимость такой экспертизы обусловлена высокой сложностью и спецификой данных отношений, их тесной связью с быстро меняющимися технологиями, а также междисциплинарным характером многих понятий, используемых в этой сфере. Как показывает практика, законопроекты в цифровой сфере нередко страдают от терминологических недостатков, спорности формулировок и отсутствия должного научного обоснования, что подчеркивает актуальность введения дополнительных «фильтров» качества.

Мы приходим к выводу, что совершенствование понятийного аппарата в процессе систематизации информационного законодательства - это фундаментальная методологическая и дисциплинарная задача, направленная на переход от бессистемного накопления терминологического массива к созданию устойчивой, иерархически организованной системы понятий, способной обеспечить правовую определенность и стать надежным концептуальным фундаментом для кодификации отрасли. Наличие сформированного, системно организованного и внутренне непротиворечивого понятийного аппарата является системообразующим критерием, свидетельствующим о завершении процесса становления информационного права как самостоятельной отрасли.

Предлагается два сценария совершенствования понятийного аппарата информационного права.

Первый сценарий - совершенствование понятийного аппарата в процессе разработки

Информационного кодекса Российской Федерации.

В рамках разработки информационного кодекса, улучшение понятийного аппарата приобретает характер создания нового, научно обоснованного, институционально структурированного тезауруса, который призван обеспечить логическую безупречность и стабильность системы правового регулирования.

Второй сценарий - совершенствование понятийного аппарата с помощью принятия новых и уточнения существующих базовых законов.

Предполагается тактическое и системное движение по пути обновления существующего массива правовых актов. Несмотря на наличие Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», являющегося центральным в регулировании информационной сферы, содержащего базовые понятия, к сожалению, для полноценного правового регулирования не по всем основным направлениям информационной деятельности разработаны и приняты федеральные законы. В частности, отсутствуют базовые законы «О праве на доступ к информации», «Об информационных системах», «Об электронном документе» или «Об информационной безопасности» и др.

Принятие базового закона для каждого правового института системы информационного права (например, информационной безопасности или персональных данных) позволяет зафиксировать основные правовые положения, включая понятия и их определения, принципы и правовой статус субъектов. Эти легальные дефиниции обладают обязательным характером и направлены на единое понимание терминов в федеральном и региональном законодательстве.

Систематизация понятийного аппарата должна осуществляться на основе институционального подхода, при котором термины группируются по признаку предметной области правового регулирования, образуя объединенные массивы в структуре информационного законодательства. Для каждого правового института, например, правового обеспечения информационной безопасности, должна быть раскрыта система терминов, создающая основу для формулирования правовых дефиниций.

В преддверии кодификации или в условиях принятия новых базовых законов, систематизацию необходимо начинать с терминологической работы. Это включает инвентаризацию понятий и дефиниций, выявление противоречий, их устранение и стандартизацию лексического состава. Потребуется установление образцов для региональных законодателей и разработчиков локальных актов, а также определение стандартов качества понятий (например, полнота наполнения информационных ресурсов).

В процессе разработки новых базовых законов решающее значение приобретает творческий процесс преобразования технико-технологической терминологии в правовые категории и конструкции, используя специальные правила юридической техники. Без формально-логической обработки и системного изложения технико-технологическая терминология в нормативных актах может привести к юридическим коллизиям.

В реализации обоих сценариях устранение дефектов понятийного аппарата (пробелов, коллизий, неоднозначности) является фундаментальной методологической задачей.

В первом случае предлагается радикальное, всеобъемлющее решение, концентрируя базовые легальные дефиниции в общей части кодифицированного акта, что обеспечивает максимальную системность и целостность терминосистемы.

Во втором случае речь идет о поэтапном пути, где каждый новый базовый закон для ключевого института (например, о праве на информацию, об электронном документе) выполняет конституирующую функцию, закладывая универсальную терминологическую

матрицу для своего сегмента, что приближает информационное право к состоянию зрелой отрасли, обладающей системно организованным и внутренне непротиворечивым понятийным аппаратом.

Заключение

Таким образом, совершенствование понятийного аппарата информационного права является не вспомогательной, а фундаментальной методологической задачей, от решения которой зависит эффективность систематизации информационного законодательства, возможность разработки информационного кодекса и обеспечение правовой определенности в условиях реализации Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Паспорт национального проекта..., 2024].

Библиография

1. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. Т.II. — М.: Юрид. лит., 1982. С. 253-254.
2. Батурин Ю.М. Информационный протокодекс: системная композиция / Правовое обеспечение суверенитета и кодификации информационного законодательства: монография; отв. ред. А.Н. Савенков, Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов [Электронный ресурс]. – Электрон. Дан. (2 Мб). – М.: Институт государства и права РАН, 2024. С. 21-43.
3. Бачило И.Л. Институциональный подход к решению проблем понятийного аппарата в информационном законодательстве // Понятийный аппарат в информационном праве: [сб. ст.]; отв. ред. И. Л. Бачило, Т. А. Полякова, В.Б. Наумов. – М.: ИГП РАН – Изд-во «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 22-23.
4. Бачило И. Л. О терминах и понятиях в праве // Вопросы правоведения. – 2014. –№ 3. С. 10-28.
5. Бачило И. Л. О понятийном аппарате законотворчества и правовой науки на примере информационного права РФ [Электронный ресурс] URL: http://igpran.ru/public/BachiloIL_thesises.pdf. (дата обращения: 10.09.2025). С. 3.
6. Бачило И. Л. О методологии выявления и классификации понятийного аппарата в информационном праве // Понятийный аппарат информационного права: сб. науч. работ / отв. ред. И. Л. Бачило, Э.В. Талапина; сост. А.А. Антопольский. – М.: Канон+, 2015. С. 8-17.
7. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. – М.: Канон+, 2014. С. 30.
8. Кудрявцев М. А. Язык информационного права и проблемы совершенствования его терминологии // Понятийный аппарат информационного права: сб. тр. конф. (19–20 февраля 2015 года) / Институт государства и права РАН. М.: Канон+, 2015. С. 56-71.
9. Кузнецов П. У. Информационное право: учебник. – М.: Юстиция. 2017. С.116.
10. Кузнецов П. У., Андреев П. Т. Структура и содержание модели закона об информационной безопасности // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 1(3). С. 4-9.
11. Кузнецов П. У. Теоретические основания информационного права: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург. – 2005. С.368.
12. Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права: учебное пособие. – Саратов: Амирит, 2022. С.74.
13. Морозов А. В, Филатова Л.В. Значение систематизации законодательства в развитии информационного права // Право и информация: вопросы теории и практики: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014. С. 37-40.
14. Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (утвержден Протоколом заочного голосования членов президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. №12пр.)» // Ставропольский край: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://stavregion.ru/nacionalnye-proekty-2025-2030-gg/ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva/?q= (дата обращения: 30.09.2025г.).
15. Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 25, 32.
16. Полякова Т. А. Систематизация информационного законодательства – важная составляющая формирования единого информационно-правового пространства / Т. А. Полякова // Систематизация и кодификация информационного законодательства, Москва, 13–14 марта 2014 года. – Москва: Канон+, 2015. – С. 41.
17. Правовое обеспечение суверенитета и кодификации информационного законодательства: монография ; отв.

ред. А.Н. Савенков, Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов [Электронный ресурс]. – Электрон. Дан. (2 Мб). – М.: Институт государства и права РАН, 2024. С. 74.
18. Прокопенко А. Н. Кодификация информационного законодательства и проблемы дефиниций в информационном праве // Систематизация и кодификация информационного законодательства, М.: Канон+, 2015. С.59.
19. Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: материалы международ. круглого стола (18-19 января 2008 г.) / под ред. проф. В.М. Баранова, В. Г. Графского, С.В. Кодана. Н. Новгород, 2008. С. 284.
20. Тедеев А.А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47. № 4. С. 20.

Improvement of Conceptual Framework in the Process of Systematizing Information Legislation

Mikhail I. Parshukov

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Information Law,
V.F. Yakovlev Ural State Law University,
620137, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: m-parshukov@usla.ru

Abstract

The article investigates the problem of improving the conceptual framework of information law, substantiating the relevance of systematizing information legislation. For information legislation, considering its complexity, multi-aspect nature, and globality, codification is the preferred and effective form of systematization. Systematization implemented through the adoption of basic laws represents a critically important stage in forming information legislation as an internally consistent and systematic branch. Issues related to the development and adoption of the Information Code of the Russian Federation are considered. Two scenarios for improving the conceptual framework of information law are proposed. The first scenario - improving the conceptual framework during the development of the Information Code of the Russian Federation. The second scenario - improving the conceptual framework through the adoption of new and clarification of existing basic laws. It is concluded that improving the conceptual framework of information law is not an auxiliary but a fundamental methodological task, on the solution of which depends the effectiveness of systematizing information legislation, the possibility of developing an information code, and ensuring legal certainty in the context of implementing the National Project "Data Economy and Digital Transformation of the State".

For citation

Parshukov M.I. (2025) Sovershenstvovaniye ponyatiynogo apparata v protsesse sistematizatsii informatsionnogo zakonodatel'stva [Improvement of Conceptual Framework in the Process of Systematizing Information Legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 80-88. DOI: 10.34670/AR.2025.20.80.009

Keywords

Basic law, information security, information legislation, information code, information law, conceptual framework, systematization of legislation, digital transformation, unification, data economy.

References

1. Alekseev S. S. General theory of law: In 2 volumes. Vol. II. Moscow: Yurid. lit., 1982. pp. 253-254.
2. Baturin Yu.M. Information protocodex: system composition / Legal support of sovereignty and codification of information legislation: monograph; ed. by A.N. Savenkov, vol.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov [Electronic resource]. – Electron. Dan. (2 Mb). Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. pp. 21-43.
3. Bachilo I.L. An institutional approach to solving the problems of the conceptual apparatus in information legislation // Conceptual apparatus in information law: [collection of articles]; edited by I. L. Bachilo, T. A. Polyakova, V.B. Naumov. – M.: IGP RAS – Publishing house "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 2017. pp. 22-23.
4. Bachilo I. L. On terms and concepts in law // Issues of Jurisprudence. - 2014. –No. 3. pp. 10-28.
5. Bachilo I. L. On the conceptual apparatus of lawmaking and legal science on the example of the information law of the Russian Federation [Electronic resource] URL: http://igpran.ru/public/BachiloIL_thesises.pdf. (date of reference: 09/10/2025). p. 3.
6. Bachilo I. L. On the methodology of identifying and classifying the conceptual apparatus in information law // Conceptual apparatus of information law: collection of scientific papers / ed. by I. L. Bachilo, E.V. Talapina; comp. by A.A. Antopolsky. – M.: Canon+, 2015. pp. 8-17.
7. The concept of the Information Code of the Russian Federation / edited by I. L. Bachilo, Moscow: Canon+, 2014, p. 30.
8. Kudryavtsev M. A. The language of information law and the problems of improving its terminology // Conceptual apparatus of information law: collection of tr. conf. (February 19-20, 2015) / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Canon+, 2015. pp. 56-71.
9. Kuznetsov P. U. Information law: textbook. – M. Justice. 2017. p.116.
10. Kuznetsov P. U., Andreev P. T. Structure and content of the Information Security Law model // Bulletin of the Ural Federal District. Information security. 2012. No. 1(3). pp. 4-9.
11. Kuznetsov P. U. Theoretical foundations of information law: dis. ... Doctors of Law: 12.00.14 / Ur. state law. akad. Yekaterinburg, 2005. pp.368-
12. Minbaleev A.V. Problems of digital law: a textbook. Saratov: Amirit, 2022. P.74.
13. Morozov A. V., Filatova L.V. The importance of systematization of legislation in the development of information law // Law and information: issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 2014. pp. 37-40.
14. Passport of the national project "Data Economics and Digital Transformation of the State" (approved by the Protocol of absentee voting of members of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects dated December 20, 2024 No. 12pr.) // Stavropol Territory: official website. website. [electronic resource]. URL: https://stavregion.ru/nacionalnye-proekty-2025-2030-gg/ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva/?q = (date of access: 30.09.2025).
15. Polyakova T. A., Troyan N. A. Actual problems of systematization of Russian legislation under the influence of digital technologies in the period of digital transformation // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023. № 2 (102). Pp. 25,
32-16. Polyakova T. A. Systematization of information legislation is an important component of education unified information and legal space / T. A. Polyakova // Systematization and codification of information legislation, Moscow, March 13-14, 2014. Moscow: Canon+, 2015, p. 41.
17. Legal support of sovereignty and codification of information legislation: a monograph ; edited by A.N. Savenkov, T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov [Electronic resource]. – Electron. Dan. (2 Mb). Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. P. 74.
18. Prokopenko A. N. Codification of information legislation and problems of definitions in information law // Systematization and codification of information legislation, Moscow: Canon+, 2015. P.59.
19. Systematization of legislation in Russia (historical, legal, theoretical, methodological, technical and legal problems). On the 175th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire: materials of the International round table discussion (January 18-19, 2008) / edited by Prof. V.M. Baranov, V.G. Grafsky, S.V. Kodan. N. Novgorod, 2008. pp. 284.
20. Tedeev A.A. Systematization of information (digital) legislation: current trends (Russia and Central Asia) // Works on Intellectual Property. 2023. Vol. 47. № 4. p. 20.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.37.80.011**

Административная ответственность в сфере защиты государственной тайны

Хмель Оксана Витальевна

Доцент,
Кафедра административного права
и административной деятельности ОВД,
Донецкий филиал «Волгоградская академия МВД РФ»,
283024, Российская Федерация, Донецк, ул. Челюскинцев, 189;
e-mail: khmel.o@bk.ru

Аннотация

В статье анализируются вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности в сфере защиты государственной тайны. Автором подробно исследован состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Установлено, что действующее законодательство о государственной тайне содержит ряд пробелов и недостатков, в том числе отсутствие общепринятого научного подхода к определению понятия «государственная тайна»; отсутствие механизма ответственности за незаконное засекречивание или рассекречивание информации. Не определен конкретный круг лиц, уполномоченных принимать решения об отнесении тех или иных сведений к государственной тайне. Отсутствуют утвержденные методики оценки ущерба, причиненного разглашением сведений, составляющих государственную тайну. В статье предложены пути устранения выявленных проблем.

Для цитирования в научных исследованиях

Хмель О.В. Административная ответственность в сфере защиты государственной тайны // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 89-97. DOI: 10.34670/AR.2025.37.80.011

Ключевые слова

Государственная тайна, административная ответственность, информационная безопасность, защита информации, защита государственной тайны, административное законодательство, правовое регулирование.

Введение

Современное общество находится в процессе глубокой трансформации, вызванной развитием информационных технологий и легитимизацией цифровых активов, что делает информацию ключевым и востребованным ресурсом. Однако, наряду с такими преимуществами, как стимулирование экономического роста, технологического прогресса и расширение возможностей в сфере образования, информационная сфера несет в себе определенные риски, которые требуют правового регулирования с целью обеспечения защиты интересов как отдельных граждан, так и общества в целом. Ряд экспертов полагает, что информация может быть использована как мощное средство воздействия, а бесконтрольное распространение данных может представлять угрозу национальной безопасности, привести к манипулированию общественным сознанием и усилить социальную напряженность. В связи с этим, государство уделяет повышенное внимание обеспечению информационной безопасности, в том числе защите информации ограниченного доступа.

Основная часть

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – закон об информации) определяет различные виды информации ограниченного доступа, к которым относятся государственная, коммерческая, профессиональная и служебная тайны, а также тайна частной жизни и персональные данные [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006]. В широком понимании, тайна представляет собой информацию, которая не предназначена для общего доступа и понимания [Фатьянов, 1998].

Согласно Конституции РФ [Конституция Российской Федерации, 1993], перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается положениями Закона о государственной тайне. В указанный перечень включаются сведения, относящиеся к военной, экономической, научно-технической, внешнеполитической областям, а также к сфере разведывательной, контрразведывательной деятельности и борьбы с терроризмом. Законодательством устанавливается порядок отнесения сведений к государственной тайне, их засекречивания и последующего рассекречивания, однако в данной области существуют определенные проблемы, требующие своего решения.

К числу недостатков действующего закона о государственной тайне можно отнести сложную иерархическую систему сведений, относимых к государственной тайне, участие большого количества инстанций в процессе разработки и согласования перечней таких сведений [Платонова, 2015, с. 676], а также отсутствие четко определенного круга лиц, имеющих право относить те или иные сведения к категории государственной тайны. Кроме того, возможность засекречивания ведомственных перечней, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, вызывает вопросы с точки зрения соблюдения конституционного принципа открытости нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан [Павлов, 2013, с. 31]. В действующем законе также отсутствует механизм привлечения к ответственности за незаконное или необоснованное засекречивание информации.

Юридическая ответственность представляет собой важный инструмент правового регулирования, направленный на укрепление законности и правопорядка, повышение правовой культуры граждан и обеспечение защиты их прав и свобод. За нарушение норм

законодательства о государственной тайне предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность.

Государственная тайна является одним из важнейших институтов суверенного государства, который обеспечивает его независимость и защиту национальных интересов. В связи с этим, ответственность за нарушение режима государственной тайны является более строгой, чем за нарушение других видов охраняемой законом тайны.

Уголовная ответственность за нарушение законодательства о государственной тайне предусмотрена статьями Уголовного кодекса РФ, устанавливающими ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, совершение государственной измены, шпионажа, разглашение государственной тайны, незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, нарушение установленных требований по защите государственной тайны и утрату документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну [Уголовный кодекс РФ, 1996].

Административная ответственность призвана играть важную роль в обеспечении правопорядка в информационной сфере [Климович, 2006] и является одним из ключевых элементов системы правовых последствий, наступающих за несоблюдение требований информационного законодательства.

Административная ответственность является инструментом противодействия административным правонарушениям и мерой государственного принуждения. Она позволяет сформировать адекватную реакцию государства на совершение административных правонарушений, установить соотношение между различными видами противоправных деяний и обеспечить соблюдение норм административно-деликтного законодательства. Административная ответственность является наиболее строгой мерой административно-правового принуждения и представляет собой самостоятельный объект административно-правовых отношений.

В действующем Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ) [Кодекс об административных правонарушениях РФ, 2001] отсутствует четкая дефиниция понятия «административная ответственность». Законодатель ограничивается всего лишь указанием на то, что она является следствием совершения административного проступка, что явно недостаточно для всестороннего понимания сути этого важного юридического термина.

В юридической науке, со ссылкой на труды профессора И.А. Галагана, административная ответственность часто рассматривается как способ государственного реагирования на административные правонарушения [Галаган, 1971]. Этот способ заключается в применении к виновному лицу мер административного воздействия, известных как административные санкции. И.А. Галаган трактовал административную ответственность как правовое явление и институт, определяя последний как комплекс правовых норм, регулирующих деятельность уполномоченных государственных органов по установлению факта административного правонарушения, идентификации виновного, применению административного взыскания, а также общественные отношения, возникающие в рамках процедур возбуждения, рассмотрения дел об административных правонарушениях, обжалования решений и исполнения постановлений.

Сущность административной ответственности имеет два аспекта:

1) соответствующая реакция государства в лице его органов или должностных лиц на

правонарушение;

2) особое правовое положение правонарушителя.

В первом случае административная ответственность выражается в действиях компетентных органов, приводящих к негативным последствиям для виновного (применение административного наказания) [Самсонова, 2022, с. 176]. Так, например, Д.Н. Бахрах рассматривал административную ответственность как «инструмент охраны правопорядка, включающий применение санкций и выражение государственного порицания» [Бахрах и др., 2008, с. 517].

Во втором случае, это – правовое положение лица, совершившего правонарушение, позволяющее давать объяснения, требовать справедливой оценки действий и соразмерного применения мер наказания [Вельский, 1999, с. 13].

Следовательно, административная ответственность как институт административного права должна обладать четким содержанием и нормативной базой, отличной от иных форм юридической ответственности.

Административная ответственность обладает рядом характерных отличительных признаков:

1) основанием для ее наступления является совершение административного правонарушения;

2) административная ответственность может быть применена к физическим, юридическим и должностным лицам;

3) применение мер административной ответственности должно осуществляться на основании закона и только при условии доказанности вины лица, совершившего административное правонарушение;

4) в большинстве случаев вопросы о привлечении к административной ответственности разрешаются в несудебном порядке;

5)административная ответственность является менее строгим видом юридической ответственности, чем уголовная ответственность [Голенко, Шепелева, 2022, с. 77].

Основания для наступления административной ответственности можно подразделить на:

1) фактическое (совершение деяния);

2) нормативное (наличие нормативно-правового акта, устанавливающего административную ответственность за совершение данного деяния);

3) процессуальное (вынесение акта о назначении административного наказания уполномоченным на то государственным органом или должностным лицом).

Административная ответственность – это один из видов юридической ответственности, которая регулируется законом. Это означает, что государство через свои органы официально порицает совершение правонарушения и применяет к виновному наказание (санкции), предусмотренное законом. При этом есть правила, которые определяют, как сочетать разные виды юридической ответственности и когда их нельзя применять одновременно. Это связано с тем, что нельзя наказывать дважды за одно и то же. Поэтому административная ответственность – часть системы административного принуждения, и она имеет все ее особенности.

Юристы отмечают, что административная ответственность отличается от других видов юридической ответственности:

1) по основаниям;

2) по видам наказаний;

3) по тому, кто может наказывать;

4) по порядку наказания;

5) по последствиям для нарушителя.

Обобщая и анализируя существующие теоретические подходы к определению понятия административной ответственности, ее признаков и оснований, можно сделать вывод о том, что наиболее полным и точным является определение, предложенное О.А. Кожевниковым, в соответствии с которым административная ответственность – это «вид юридической ответственности, предусмотренный нормами административного права, наступающий за совершение виновным лицом административного правонарушения, применяемый уполномоченными органами и должностными лицами в виде административных наказаний с обязательным соблюдением нормативно установленных процедур» [Кожевников, 2018, с. 18].

Представляется необходимым с целью четкого отграничения административной ответственности от других видов юридической ответственности законодательно закрепить понятие данного вида ответственности именно в КоАП РФ.

Несомненным положительным аспектом действующего законодательства является наличие в структуре КоАП РФ отдельной главы 13, посвященной административным правонарушениям, совершаемым в области связи и информации, хотя при этом отдельные составы правонарушений в указанной области содержатся и в других главах КоАП РФ.

В соответствии с положениями КоАП РФ, административная ответственность наступает за нарушение установленного порядка ведения реестров контрактов, нарушение правил в области защиты информации, осуществление незаконной деятельности в сфере защиты информации, злоупотребление свободой массовой информации и нарушение обязательных требований, предъявляемых к оборонной продукции [Кодекс об административных правонарушениях РФ, 2001].

Основной нормой, устанавливающей административную ответственность за нарушение требований законодательства о защите информации, составляющей государственную тайну, является ч. 7 ст. 13.12 КоАП РФ, которой установлены размеры административных штрафов за нарушение требований о защите информации, составляющей государственную тайну. Совершение данного правонарушения влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей; на должностных лиц - от трех тысяч до четырех тысяч рублей; на юридических лиц - от пятнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей.

Рассмотрим состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 13.12 КоАП РФ, используя классическую структуру: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Объект правонарушения.

В данном случае, объектом выступают общественные отношения в сфере информации, а именно те, которые обеспечивают защиту сведений, составляющих государственную тайну. Предмет правонарушения включает в себя как материальные носители информации (бумажные документы и т.п.), так и её нематериальные формы (электронные файлы), содержащие секретные данные.

Объективная сторона правонарушения.

Объективная сторона выражается в действиях (или бездействии), нарушающих установленные законодательством требования по охране государственной тайны, которые закреплены в федеральных законах и других нормативных актах. Ключевую роль в защите

государственной тайны играют: Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, федеральные органы исполнительной власти, наделенные соответствующими полномочиями (в частности, в сферах безопасности, обороны, внешней разведки и контрразведки), а также государственные органы, предприятия, учреждения и их специализированные подразделения, ответственные за защиту гостайны. Лица, допущенные к государственной тайне (должностные лица и граждане), несут обязанность не разглашать секретные сведения, сообщать об обстоятельствах, препятствующих допуску, и любых попытках получения секретной информации. Порядок оформления допуска к государственной тайне детально регламентируется Постановлением Правительства РФ № 63 [Постановление Правительства РФ № 63, 2010].

Д.С. Кидяева справедливо отмечает, что одним из недостатков действующего законодательства является отсутствие четких методик для определения размера ущерба, причиненного разглашением сведений, составляющих государственную тайну [Кидяева, 2017, с. 3285]. Этот пробел снижает эффективность защиты государственной тайны, поскольку для квалификации преступлений, таких как государственная измена или шпионаж, установление размера ущерба является необходимым, что на практике вызывает значительные трудности.

Состав данного правонарушения является формальным, то есть, для признания правонарушения оконченным достаточно установления факта совершения действий, направленных на нарушение требований по защите информации, составляющей государственную тайну, установленных федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом, ч. 7 ст. 13.12 КоАП РФ носит субсидиарный характер и применяется только в тех случаях, когда действия лица не подпадают под действие специальных норм, предусмотренных ч.ч. 3, 4 ст. 13.12 КоАП РФ. Важно отметить, что нарушение требований о защите государственной тайны не влечет административной ответственности, если содержит признаки уголовно наказуемого деяния.

Субъект правонарушения.

В качестве субъекта правонарушения может выступать любое дееспособное физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, должностное лицо или организация, то есть, субъект является общим. В тех случаях, когда деяния, нарушающие требования о защите государственной тайны, совершаются физическим лицом в интересах юридического лица, ответственность несет юридическое лицо.

Субъективная сторона правонарушения.

Субъективная сторона характеризуется как умыслом, так и неосторожностью. Представляется важным более четко определить критерии привлечения к ответственности за неосторожное нарушение требований о защите государственной тайны. Полагаем, в данном вопросе необходимо ориентироваться на складывающуюся правоприменительную практику, которая позволит сформировать единый подход к определению степени вины и возможности привлечения к ответственности за нарушение требований о защите информации, составляющей государственную тайну, совершенное по неосторожности.

Производство по делам об административных правонарушениях в сфере защиты государственной тайны в настоящее время осуществляется органами государственной безопасности, которые и принимают решения о привлечении к ответственности. Представляется, что для повышения объективности рассмотрения дел данной категории, целесообразно передать соответствующие полномочия судебным органам.

Заключение

Защита государственной тайны – необходимое условие обеспечения суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации. Эффективная защита и превентивные меры позволяют укрепить независимость государства.

Вместе с тем, действующее законодательство о государственной тайне содержит ряд пробелов и недостатков, в том числе отсутствие общепринятого научного подхода к определению понятия «государственная тайна»; отсутствие механизма ответственности за незаконное засекречивание или рассекречивание информации. Не определен конкретный круг лиц, уполномоченных принимать решения об отнесении тех или иных сведений к государственной тайне. Отсутствуют утвержденные методики оценки ущерба, причиненного разглашением сведений, составляющих государственную тайну.

В целях совершенствования законодательства необходимо:

– Дифференцировать объем сведений, относимых к государственной тайне, с тем, чтобы избежать излишнего засекречивания информации, не представляющей реальной угрозы безопасности государства.
– Гарантировать оперативное рассекречивание информации, утратившей свою актуальность или не отвечающей критериям отнесения к государственной тайне.
– Принять нормативный акт, устанавливающий порядок оценки размера ущерба, причиненного разглашением сведений, составляющих государственную тайну.
– Систематизировать нормативные акты, регулирующие правовой режим государственной тайны, в целях обеспечения единообразного применения ч. 7 ст. 13.12 КоАП РФ.
– Сформировать правоприменительную практику, позволяющую уточнить признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 13.12 КоАП РФ.
– Привести подзаконные нормативные акты в соответствие с Конституцией Российской Федерации и иными законодательными актами, регулирующими вопросы защиты государственной тайны.

Библиография

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://kugi.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2023/12/19/149_фз.pdf (дата обращения: 14.09.2025).
2. Фатьянов А.А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Государство и право. 1998. № 6. С. 5.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.09.2025).
4. О государственной тайне: федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 14.09.2025).
5. Платонова Е.В. Административно-правовой режим государственной тайны Российской Федерации. Проблемы правового регулирования и пути их решения // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 676−678.
6. Павлов И.Ю. Современные проблемы правового регулирования государственной и служебной тайны в России // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 29−37.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=427418&dst=100001#wBN86MTCg5uDjOTl (дата обращения: 14.09.2025).
8. Климович Е.В. Административная ответственность как средство юридической защиты конфиденциальной информации // Омский научный вестник. 2006. № 5(40). С. 42.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429464&dst=100001#Jvq86MTbvggrDxZ5 (дата обращения: 14.09.2025).

10. Галаган И.А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.00. / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1971. 43 с.
11. Самсонова А.В. Общетеоретические подходы к определению административной ответственности и ее основные признаки // Аспирантские тетради. Сборник научных статей научно-практической конференции. 2022. С. 175-182.
12. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. 3-е изд., пересмотр, и доп. М.: Норма, 2008. 816 с.
13. Вельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. М.: Наука, 1999. № 12. С. 12-20.
14. Голенко М.С., Шепелева Е.И. Понятие и признаки административной ответственности // Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 77-79.
15. Кожевников О.А. К вопросу о понятии и признаках административной ответственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. №1. С. 16-18.
16. Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.02.2010 № 63 URL: https://asksro.ru/pdf/PP_63%20(1)_4386451.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
17. Кидяева Д.С. Режим государственной тайны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 3281-3285.

Administrative Liability in the Sphere of State Secret Protection

Oksana V. Khmel

Associate Professor,
Department of Administrative Law and Administrative
Activities of Internal Affairs Bodies,
Donetsk Branch "Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation",
283024, 189 Chelyuskintsev St., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: khmel.o@bk.ru

Abstract

The article analyzes issues related to administrative liability in the sphere of state secret protection. The author has thoroughly investigated the composition of the administrative offense provided for in Article 13.12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It is established that current legislation on state secrets contains a number of gaps and shortcomings, including the lack of a generally accepted scientific approach to defining the concept of "state secret"; the absence of a liability mechanism for unlawful classification or declassification of information. The specific circle of persons authorized to make decisions regarding the classification of certain information as state secrets is not defined. There are no approved methodologies for assessing damage caused by disclosure of information constituting state secrets. The article proposes ways to eliminate the identified problems.

For citation

Khmel O.V. (2025) Administrativnaya otvetstvennost' v sfere zashchity gosudarstvennoy tayny [Administrative Liability in the Sphere of State Secret Protection]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 89-97. DOI: 10.34670/AR.2025.37.80.011

Keywords

State secret, administrative liability, information security, information protection, state secret protection, administrative legislation, legal regulation.

References

1. About information, information technologies and information protection: feder. The law grew. Of the Russian Federation dated 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2025). URL: https://kugi.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2023/12/19/149_фз.pdf (date of reference: 09/14/2025).
2. Fatyanov A.A. Secrecy as a social and legal phenomenon. Its types // State and law. 1998. No. 6. p. 5.
3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993; with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of access: 09/14/2025).
4. On state secrets: feder. The law grew. Of the Russian Federation dated July 21, 1993, No. 5485-1 (as amended on 08.08.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481 / (date of access: 09/14/2025).
5. Platonova E.V. The administrative and legal regime of state secrets of the Russian Federation. Problems of legal regulation and ways to solve them // Young Scientist. 2015. No. 3. pp. 676-678.
6. Pavlov I.Y. Modern problems of legal regulation of state and official secrets in Russia // Leningrad Law Journal. 2013. No. 1 (31). pp. 29-37.
7. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=427418&dst=100001#wBN86MTCg5uDjOTl (date of request: 09/14/2025).
8. Klimovich E.V. Administrative responsibility as a means of legal protection of confidential information // Omsk Scientific Bulletin. 2006. No. 5(40). p. 42.
9. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated December 30, 2001. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429464&dst=100001#Jvq86MTbvggrDxZ5 (date of request: 09/14/2025).
10. Galagan I.A. Theoretical problems of administrative responsibility under Soviet law: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences': 12.00.00. / All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation, Moscow, 1971. 43 p.
11. Samsonova A.V. General theoretical approaches to the definition of administrative responsibility and its main features // Postgraduate notebooks. Collection of scientific articles of the scientific and practical conference. 2022. pp. 175-182.
12. Bakhakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law: textbook for universities. 3rd ed., revision, and supplement M.: Norm, 2008. 816 p.
13. Velsky K.S. Administrative responsibility: genesis, main features, structure // State and law. Moscow: Nauka, 1999. № 12. pp. 12-20.
14. Golenko M.S., Shepeleva E.I. The concept and signs of administrative responsibility // Young Scientist. 2022. No. 40 (435). pp. 77-79.
15. Kozhevnikov O.A. On the issue of the concept and signs of administrative responsibility // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. pp. 16-18.
16. On approval of the Instructions on the procedure for access of Officials and Citizens of the Russian Federation to State Secrets: Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/06/2010 No. 63 URL: https://asksro.ru/pdf/PP_63%20 (1)_4386451.pdf (accessed: 10/15/2025).
17. Kidyaeva D.S. Regime of state secrets // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2017. Vol. 39. pp. 3281-3285.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДКУ 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.38.63.012**

Перспективы применения цифровых технологий в деятельности прокуратуры: от истории к современности

Гайдуков Иван Юрьевич

Старший помощник прокурора
Западного административного округа г. Москвы,
Соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
123022, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15;
e-mail: ivanagprf@mail.ru

Аннотация

Для определения перспектив применения достижений науки и техники в деятельности прокуратуры Российской Федерации в рамках настоящего исследования предпринята попытка сформировать комплексное представление о работе органов прокуратуры с использованием цифровых технологий. Проведенным анализом научных литературных источников установлено, что в настоящее время отсутствует комплексная картина работы органов прокуратуры в условиях технологического многообразия, в связи с чем изложенное является взглядом автора, основанным на проведенном анализе практики и нормативно-правовой базы и, вне сомнения, представляется дискуссионным. Отсутствие подобных исследований применительно к органам прокуратуры осложняет поставленную задачу, в связи с чем автором изучены более общие работы ученых, посвященные вопросам автоматизации управленческих процессов с оглядкой на особенности организации рассматриваемого органа. Проведенное исследование основано на достижениях ведущих исследователей XX века в области автоматизации государственного управления, выводы которых остаются актуальными и в настоящее время.

Для цитирования в научных исследованиях

Гайдуков И.Ю. Перспективы применения цифровых технологий в деятельности прокуратуры: от истории к современности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 98-107. DOI: 10.34670/AR.2025.38.63.012

Ключевые слова

Технологии, прокуратура, автоматизация управления, цифровая трансформация, цифровизация, государственное управление, правоприменение.

Введение

Одним из пионеров отечественной науки в области автоматизации управленческих процессов является В. М. Глушков, работы которого, изданные в середине прошлого века, посвящены использованию достижений электронно-вычислительных машин в управлении предприятиями и отраслями экономики, а также в целом государственным аппаратом.

Несмотря на несовершенство технологического развития во время его научной деятельности, предложенные ученым основополагающие начала, на наш взгляд, вполне применимы и в настоящем исследовании с упреждением на современное государственно-политическое устройство, а также на технологическое развитие.

Основная часть

Изучением работ, посвященных комплексному подходу к применению технологических достижений в тех или иных сферах общества и государства, установлено, что общим является предложение о создании автоматизированных систем управления, имеющих сложную внутреннюю структуру организации, различные программные и аппаратные средства, действующий во взаимодействии.

По мнению В. М. Глушкова, всякая система управления решает три основные задачи: сбор и передача информации об управляемом объекте, переработка информации и выдача управляющих воздействий на объект управления [Глушков, 1974, с. 188-189].

В качестве одного из видов систем управления ученый выделяет системы организационного и административного управления, которые и будут рассмотрены в настоящем исследовании, поскольку их объекты имеют прежде всего экономическую и социальную природу, а также формой управленческого воздействия на объект управления является документ.

Указанный тип системы управления Е. И. Вобьевым и А. И. Китовым именуются также системами экономического и административного назначения или непроизводственными системами [Воробьев, Китов, 1976, с. 6].

В. М. Глушков отмечает также, что такие системы не могут быть полностью автоматическими (функционирующими без участия человека) ввиду того, что человеку необходимо обеспечивать постановку и корректировку целей и критериев управления, вносить творческий элемент в поиск наилучших путей достижения поставленных целей и осуществлять окончательный отбор вырабатываемых системой решений путем придания им юридической силы, а также снабжать систему первичной информацией, сбор которой в связи с ее особенностями не всегда может быть автоматизирован.

В качестве основной задачи таких систем определено обеспечение оптимального функционирования объекта управления как единого целого, за счет: правильного выбора целей и путей их достижения, наилучшего распределения заданий между отдельными частями, из которых состоит объект, и обеспечение их четкого взаимодействия.

В числе сопутствующих задач ученый выделяет выполнение рутинных действий и справочно-информационную функцию о состоянии объекта управления.

Результатом работы такой системы выступает ликвидация или сведение к минимуму потерь, возникающих вследствие причин организационного характера посредством выполнения условий, которым должно удовлетворять каждое решение, а именно полноте, своевременности и оптимальности [Глушков, 1974, с.195].

Еще одним критерием эффективности подобной системы является необходимость его большой комплексности, отсутствием изолированности. Таким образом можно сделать вывод, что масштабирование системы за пределы одного подразделения или направления деятельности также способствует достижению поставленных задач.

В качестве требований к данным системам выделяются наличие системы сбора и передачи данных, информационную базу, состоящую и массивов, которые описывают объект управления и постоянно обновляются, наличие совокупности рабочих программ, решающих различные задачи планирования и управления, а также проведение комплекса мероприятий организационного и экономического характера таких как разработка и изменение организационной структуры, систем ответственности и стимулирования и других, нормативно-правовых документов, а также документов, применяющихся на практике с учетом особенностей и возможностей их обработки с применением вычислительной техники.

Рассмотрим некоторые принципы организации системы управления, которые выделяет ученый:

– Принцип новых задач, заключающийся в возложении на вычислительную технику задач, решить которые в полном объеме ранее представлялось невозможным или малоэффективным в рациональный период времени.
– Принцип комплексного (системного) подхода к проектированию системы, что предполагает при проектировании системы определить и решать одновременно весь комплекс возникающих вопросов не только технического, но и организационного порядка.

Говоря о соотношении указанного принципа с принципом интеграции, под которым предлагается понимать разработку и внедрение, а также последующую эксплуатацию и дальнейшее совершенствование программных и аппаратных средств в системе прокуратуры Российской Федерации на основе соединения их функций, углубления взаимодействия, консолидации ресурсов и расширения связей между ними, включая использование для этих целей данных, ресурсов и функций систем, не входящих в ведение прокуратуры Российской Федерации, для их функционирования как в рамках организованной системы [Гайдуков, 2024, с. 57], стоит отметить, что принцип комплексного подхода представляет собой более широкое представление, включающее в себя не только вопросы функционирования информационной системы, но также экономические и социальные вопросы, связанные с его внедрением, такие как финансирование, обучение кадров, экономического стимулирования работников и т.д., в то время как принцип интеграции относится непосредственно к способу организации программного обеспечения системы управления.

Принцип первого руководителя, согласно которому в разработка системы управления должна производиться при участии и под руководством непосредственных работников объекта управления.

Соответствующего подхода придерживаются и другие ученые, в том числе Г. В. Дытченко [Дытченко, 2019, с. 242].

Советские ученые, осуществлявшие разработку идей об автоматизированных системах управления, в частности А. И. Китов, выделяли уровни организации указанной системы: общегосударственную автоматизированную систему управления, отраслевые автоматизированные системы управления и автоматизированные системы управления предприятиями [Китов, 1971, с. 10].

Еще одним аспектом систем управления, по мнению А. И. Китова, является эволюционный

характер ее развития, что определяется прежде всего созданием такой системы в условиях существования какой-то уже существующей не автоматизированной системы управления.

В этом ключе примечателен тезис Г. В. Дытченко, согласно которому чтобы осуществить цифровизацию функций соответствующего органа прокуратуры нужно четко представлять структурно-функциональную схему (модель) организации его деятельности в обычном режиме [Дытченко, 2019, с. 241].

Обращает на себя внимание, что приведенные принципы разработки автоматизированных систем управления, разработанные более 50 лет назад в настоящее время, не теряют актуальность, однако их потенциал до сих пор в полном объеме не раскрыт.

Опираясь на достижения советских ученых, автором предлагается модель автоматизированной системы управления органов прокуратуры Российской Федерации.

Стоит отметить, что предложения по созданию подобных систем в органах прокуратуры появились еще в 70-е годы XX века [Шрага, Эйсман, 1979, с.49-51].

Итак, по нашему мнению, применение информационных технологий в деятельности прокуратуры Российской Федерации должно базироваться на создании единой унифицированной системы, содержащей в себе все инструменты, необходимые прокурору для решения поставленных перед ним задач.

Во-первых, указанная система управления должна представлять собой комплексное программное обеспечение, в котором прокурор будет осуществлять свою надзорную деятельность.

Принимая во внимание многоуровневый метод организации систем управления, указанная система должна быть реализована на всех уровнях органов прокуратуры. Так низовым звеном системы может стать система управления в районной прокуратуре, которая в свою очередь будет представлять собой совокупность личных кабинетов прокурорских работников, объединенных в единую информационную систему органа прокуратуры. Такая система помимо предложенного должна охватывать базу данных о работе объекта управления (органа прокуратуры), таких как кадровый состав, учет рабочего времени, учет материалов, находящихся на архивном хранении, имущества, находящегося на балансе и другие сведения.

Личный кабинет руководителя подразделения и его заместителей должен обеспечивать поступление входящей корреспонденции, возможность ввода резолюций с учетом действующего распоряжения о распределении обязанностей между подчиненными работниками, а также контроль за исполнением данных поручений.

Помимо указанного личный кабинет работника прокуратуры должен обеспечивать доступ к имеющимся в органе прокуратуры внутренним и внешним системам учета. Прокурорский работник должен иметь доступ ко всем системам, имеющимся в государственных органах. При этом под доступом к таким данным подразумевается не только непосредственное обращение к учетам, но и возможность получения сведений в автоматизированном режиме.

Например, в ходе проведения проверки исполнения законов о противодействии коррупции при наличии в базе данных органа прокуратуры подписанного уполномоченным должностным лицом решения о проведении указанной проверки в автоматизированном режиме прокурору должны предоставляться все имеющиеся сведения об имущественном положении проверяемых лиц, их источниках дохода, те же данные о близких родственниках и другие имеющиеся сведения.

Указанное предполагает ведение прокурорским работником надзорных и наблюдательных производств, а также всех материалов прокурорской проверки в электронном виде, что позволит

в автоматизированном режиме формировать опись материалов, мгновенно получать доступ к любому содержащемуся документу.

Таким образом при разработке системы необходимо предусмотреть типовые технические решения и наборы данных для проведения проверочных мероприятий, а также возможность работнику прокуратуры самостоятельно формировать методики автоматизированного получения данных для нестандартных решений.

Кроме того, на наш взгляд, должен быть обеспечен доступ к коммерческим информационным системам, (например информационный ресурс «СПАРК»), эффективность которых отмечена Д. О. Антоновым в своей работе [Антонов, 2024, с. 28], а также ко всем другим коммерческим базам данных, которые могут оказать положительное влияние на эффективность прокурорской деятельности.

Личный кабинет должен иметь доступ к базам данных судебной системы, иметь возможность отслеживания статуса рассмотрения дел, формирования графика судебных заседаний, а также доступ к не обезличенным электронным документам, формирующимся в ходе судебного производства, протоколам и аудиопротоколам судебных заседаний. Доступ к личному кабинету прокурора с использованием мобильных устройств даст возможность обращаться к надзорным производствам и электронным копиям уголовных дел непосредственно в судебном заседании.

Как отмечает О. С. Капинус, «действующие информационные системы и сервисы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, других государственных органов, системы информационного обмена правоохранительных органов, информационно-аналитические системы Верховного Суда Российской Федерации служат предпосылкой для создания электронного уголовного дела» [Капинус, 2018, с. 8].

По мнению автора, взаимодействие между участниками уголовного процесса должно осуществляться в рамках единой виртуальной среды, а не простого обмена информацией между отдельными базами данных. Таким образом, при условии ведения правоохранительными органами материалов проверок и уголовных дел в электронном виде личный кабинет прокурорского работника должен обеспечивать непосредственный доступ к указанным материалам, получение уведомлений, направление которых является обязательным в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001].

Как отмечает К. А. Тоболина, возможность отслеживания прокурором принимаемых процессуальных решений с момента регистрации сообщения о преступлении до разрешения дела по существу в суде сыграет важнейшую роль в уголовном судопроизводстве [Таболина, 2020, с. 93].

Соглашаясь в целом с указанной позицией, на наш взгляд возможность отслеживания решений не должна ограничиваться разрешением дела в суде по существу, но также должна включать в себя решения по результатам обжалования в вышестоящих судах, а также стадию исполнения приговора, в частности, уголовно-исполнительными инспекциями.

При этом функционал указанной системы должен предусматривать возможность направления актов прокурорского реагирования, в том числе создание постановлений об отмене процессуальных решений органа дознания, дознавателя и следователя, дача указаний дознавателю о направлении расследования, вынесение постановлений о возвращении уголовного дела для организации дополнительного расследования и других с возможностью осуществления контроля за их исполнением, отслеживания процессуальных сроков.

В аналогичном порядке должен быть обеспечен доступ к уже имеющимся материалам исполнительных производств ФССП России.

В случае утверждения обвинительного заключения должна быть предусмотрена возможность направления уголовного дела в суд посредством взаимодействия с информационной системой судов Российской Федерации.

Также взаимодействие с указанной системой судебной ветви власти необходимо при осуществлении судебного производства по материалам на досудебной стадии уголовного судопроизводства, включая рассмотрение ходатайств следственных органов, жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и других.

Принимая во внимание активное развитие синтезаторов речи – компьютерных программ, генерирующих человеческую речь, основываясь на тексте, представляется возможным обеспечить автоматизацию в судебном заседании стадию предъявления обвинения, оглашение показаний, выводов заключений судебных экспертов и другие задачи государственного обвинителя, возникающие на судебной стадии уголовного судопроизводства, требующие зачитывания большого объема текстовой информации.

Во-вторых, по нашему мнению, все документы, создаваемые должностным лицом, должны подготавливаться исключительно в указанной системе, что позволит обеспечить единообразие в подходе к их подготовке.

В целях обеспечения указанного функционала должны быть разработаны электронные шаблоны документов прокурорской практики, которые не только приведут к единообразию их видимой части, но также и сформируют их формальное описание, определение логических правил для обеспечения возможности максимально точной обработки при помощи компьютерной техники.

При этом каждый акт прокурорского реагирования, запрос, ответ на обращение и другие документы, прошедшие подписание и регистрацию в установленном организационно-распорядительным документом Генеральной прокуратуры Российской Федерации порядке должен автоматически загружаться в ГАС ПС не только для обеспечения его надлежащего учета, но и в целях определения эталонной копии указанного документа для обеспечения возможности проверки подлинности содержания бумажных копий.

По окончании формирования документа ему должен быть присвоен уникальный идентификационный код, нанесенный на документ как в человекочитаемом виде, так и в формате штрих или qr-кода для возможности его оперативного сканирования и получения доступа каждого заинтересованного лица (который признан таковым уполномоченным лицом и ему предоставлен соответствующий доступ в установленном нормативным правовым актом порядке) к уже упомянутой эталонной копии документа посредством специализированного сервиса в сети Интернет.

Кроме того, каждый документ должен быть обработан посредством специального программного обеспечения, предназначенного для сегментации и классификации документов на основе системы искусственного интеллекта. Посредством произведенной указанных процедур будет обеспечена возможность поиска документов, посвященных определенной тематике и формированию на их основе иных связанных документов. Также с учетом указанных процедур завершающей стадией создания документа, на наш взгляд, должно быть проверка предзаполненной в автоматическом режиме ученой карточки, содержащей различные сведение об отнесении документов к той или иной категории (например, в сфере защиты прав несовершеннолетних, в сфере противодействия коррупции) и другие статистические сведения,

обеспечивающие надлежащий учет документа прокурорской практики.

Посредством такого метода будет обеспечена двухфакторная верификацию принятия решения об отнесении документа к той или иной категории, что избавит от решения проблемы ответственности за действия, совершенные искусственным интеллектом в данном вопросе, обозначенной В. В. Яцуценко в своей работе [Яцуценко, 2021, с. 192].

Указанный подход позволит осуществлять подготовку документа исполнителем, его подписание уполномоченным лицом посредством электронно-цифровой подписи, регистрацию, а также его учет, избавит от возможной фальсификации документов прокурорской практики.

Однако для реализации намеченного необходимо не только технически разработать соответствующее программное обеспечение, но и приказом Генерального прокурора Российской Федерации утвердить совершенно новую инструкцию по делопроизводству в органах прокуратуры Российской Федерации с учетом безбумажной технологии документооборота.

Одновременно стоит отметить, что, как нами отмечалось ранее, прокурорский надзор связан с обработкой документов, создаваемых не только в системе прокуратуры, но и в других органах и организациях в связи с чем возникает необходимость на основе предложенных нами принципов стандартизации и интеграции на межведомственном уровне разработать и утвердить совместным организационно-распорядительным актом шаблоны электронных документов, используемых в деятельности государственных органов, и правила их формирования. Таким образом, поступающая в органы прокуратуры корреспонденция будет иметь стандартизированную форму, что позволит наиболее эффективно обрабатывать входящие документы, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта.

В-третьих, посредством предлагаемой информационной системы управления органами прокуратуры Российской Федерации необходимо обеспечить автоматизированный учет наибольшего количества показателей, отражающих состояние законности на поднадзорной территории.

Указанное возможно достичь путем анализа поручений и заданий прокуратур регионального звена и Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период не менее 10 лет, в ходе которого сформировать перечень запрашиваемых сведений и алгоритм их сбора и накопления. Также необходимо обеспечить непосредственное непрерывное поступление всей имеющейся в поднадзорных органах статистической информации и ежегодно анализировать ее на предмет появления новой, впоследствии обеспечивая ее автоматизированное поступление в орган прокуратуры. Для реализации изложенного необходимо как издание межведомственных организационно-распорядительных документов об организации информационного взаимодействии, так и разработка технических протоколов получения данных.

При этом право прокурора по получению и обязанность поднадзорного органа по предоставлению указанных сведений, на наш взгляд, должно быть закреплено в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [Федеральный закон № 2202-I, 1992].

Указанное является реализацией ранее упомянутого принципа комплексного (системного) подхода к проектированию системы управления, предложенного В. М. Глушковым. Обеспечение получения необходимой статистической информации позволит в автоматизированном режиме создавать необходимые аналитические сборники о состоянии законности на поднадзорной территории, а также в автоматизированном режиме формировать соответствующие докладные записки по направлениям деятельности, что существенно снизит нагрузку на прокурорского работника, повысит эффективность информационно-аналитической

деятельности, а сокращение времени на сбор и составление подобных документов позволит больше внимания уделить анализу причин и условий, способствующих нарушению закона, и разработке мер по противодействию.

Помимо готовых типовых аналитических сборников система должна предоставлять прокурору возможность самостоятельного определения данных, подлежащих отражению в специальном сборнике, в случае необходимости.

Заключение

По нашему мнению, в целях сокращения издержек на получение необходимой информации каждой вышестоящей прокуратуре должен быть представлен доступ к информационной системе аналитических сведений всех нижестоящих прокуратур, а также к консолидированным данным.

Обобщая изложенные положения, на наш взгляд, работа прокурорских работников в условиях цифровой трансформации должна быть консолидирована в единой системе управления органами прокуратуры Российской Федерации, которая должна обеспечить наибольшую рациональную автоматизацию деятельности прокурора.

Библиография

1. Глушков В.М. Введение в АСУ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Киев : «Техніка», 1974. – С. 188–189.
2. Воробьев Е. И., Китов А. И. Автоматизация обработки информации и управления в здравоохранении. М.: «Сов. радио», 1976. – 272 с.
3. Гайдуков, И. Ю. Принцип интеграции в институте правового регулирования применения цифровых технологий в прокурорской деятельности: теоретические и практические аспекты / И. Ю. Гайдуков // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 55-58.
4. Дытченко Г. В. Метод организационного моделирования прокурорской деятельности (на примере прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности) // Вестник СГЮА. – 2019. – № 5 (130). –С. 233–243.
5. Китов А. И. Программированием экономических и управленческих задач. – М.: Изд-во «Советское радио», 1971. – 372 с.
6. Шрага Й., Эйсман А. Автоматизированная система управления в областной прокуратуре // Социалистическая законность. № 5 - М.: Известия, 1979
7. Антонов Д. О. Применение ременных цифровых технологий в работе органов прокуратуры / Цифровые технологии в прокурорской деятельности: сборник материалов конференции, Москва, 31 октября 2023 года. – Москва: ООО Издательский Дом «Городец», 2024. –С. 16–29.
8. Капинус О. С. Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 4 (66). – С. 5–10.
9. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921
10. Таболина К. А. Прокурор на начальном этапе уголовного судопроизводства: поиск путей оптимизации деятельности в свете цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 10 (74). –С. 89–96.
11. Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 11 (132). –С. 187–193
12. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 20.11.1995, № 47, ст. 4472
13. КАСТОМНЫЙ, (от англ. custom) – произвольный, отличающийся от стандартного набора чего-либо, сделанный на заказ и под определенные не типовые требования // Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. – М.: АСТ: Астрель, 2010. –943 с.

Prospects for Application of Digital Technologies in Prosecutorial Activities: From History to Modernity

Ivan Yu. Gaidukov

Senior Assistant Prosecutor
of the Western Administrative District of Moscow,
Applicant for the Degree of Candidate of Legal Sciences,
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
123022, 15 2-ya Zvenigorodskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ivanagprf@mail.ru

Abstract

To determine the prospects for applying scientific and technical achievements in the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, this research attempts to form a comprehensive understanding of prosecutorial bodies' work using digital technologies. Analysis of scientific literature sources has established that currently there is no comprehensive picture of prosecutorial bodies' work under conditions of technological diversity, therefore the presented material is the author's perspective based on analysis of practice and regulatory framework and, undoubtedly, appears debatable. The absence of similar studies regarding prosecutorial bodies complicates the task, therefore the author has examined more general works of scholars dedicated to automation of management processes with consideration of the specific organization of the examined body. The conducted research is based on achievements of leading 20th century researchers in the field of state administration automation, whose conclusions remain relevant today.

For citation

Gaidukov I.Yu. (2025) Perspektivy primeneniya tsifrovykh tekhnologiy v deyatel'nosti prokuratury: ot istorii k sovremennosti [Prospects for Application of Digital Technologies in Prosecutorial Activities: From History to Modernity]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 98-107. DOI: 10.34670/AR.2025.38.63.012

Keywords

Technologies, prosecutor's office, management automation, digital transformation, digitalization, state administration, law enforcement.

References

1. Glushkov, V.M. Introduction to ACS. 2nd ed., corrected and supplemented. Kyiv: Tekhnika, 1974. – pp. 188–189.
2. Vorobyov, E.I., Kitov, A.I. Automation of Information Processing and Management in Healthcare. Moscow: Sov. Radio, 1976. – 272 p.
3. Gaidukov, I.Yu. The Principle of Integration in the Institute of Legal Regulation of the Application of Digital Technologies in Prosecutor's Activities: Theoretical and Practical Aspects / I.Yu. Gaidukov // Legal Science. – 2024. – No. 7. – pp. 55–58.
4. Dytchenko G. V. Method of organizational modeling of prosecutorial activity (on the example of prosecutorial supervision over the implementation of laws in operational-search activities) // Bulletin of SSLA. - 2019. - No. 5 (130). - P. 233-243.

5. Kitov A. I. Programming economic and management tasks. - Moscow: Publishing house "Soviet Radio", 1971. - 372 p.
6. Shraga J., Eisman A. Automated control system in the regional prosecutor's office // Socialist legality. No. 5 - Moscow: Izvestia, 1979
7. Antonov D. O. Application of time-based digital technologies in the work of prosecutorial bodies / Digital technologies in prosecutorial activity: collection of conference materials, Moscow, October 31, 2023. – Moscow: Gorodets Publishing House, 2024. – Pp. 16–29.
8. Kapinus, O. S. Digitalization of the Prosecutor's Office: Present and Future // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – 2018. – No. 4 (66). – Pp. 5–10.
9. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" of 18.12.2001 No. 174-FZ // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 24.12.2001, No. 52
(Part I), Art. 4921
10. Tabolina, K. A. The Prosecutor at the Initial Stage of Criminal Proceedings: Searching for Ways to Optimize Activities in Light of Digital Technologies // Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2020. – No. 10 (74). –P. 89–96.
11. Yatsutsenko V. V. Problems and Prospects of Implementing Digital Technologies in the Activities of the Prosecutor's Office // Actual Problems of Russian Law. – 2021. – No. 11 (132). –P. 187–193

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.42.50.013**

К вопросу о проблемах механизма правового регулирования искусственного интеллекта в цифровом правосудии России

Вронская Мария Владимировна

Доцент, кандидат юридических наук,
Кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Кузнецов Алексей Владимирович

Аспирант,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере цифрового правосудия как ключевого направления развития государственной судебной системы в условиях цифровой трансформации. Авторами отмечается, что использование ИИ в судопроизводстве связано не только с глобальной трансформацией мирового правопорядка, но и возможностями упрощения применения человеческого капитала, и одновременно повышения эффективности судебных дел, сокращение сроков их рассмотрения, обеспечение единообразия судебной практики. Вместе с тем широкое внедрение ИИ порождает ряд значимых публично-правовых рисков, связанных с возможными нарушениями принципов справедливого судебного разбирательства, независимости суда, а также с проблемами правовой ответственности за решения, принятые при участии алгоритмов. Цель исследования заключается в анализе существующих и перспективных механизмов правового регулирования технологий искусственного интеллекта в национальном и зарубежном правопорядках. Для достижения цели использованы общенаучные и специальные методы познания, включая сравнительно-правовой, формально-юридический и системный анализ. В статье рассматриваются международные подходы к регулированию ИИ в правосудии на примере Европейского союза, США и Китая, проводится сравнительный анализ их нормативных и этических моделей. Особое внимание уделено российскому опыту цифровизации судебной системы, анализируются стратегические документы и действующее законодательство, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта и Концепцию цифровой трансформации судов общей юрисдикции. Сделан вывод о необходимости формирования сбалансированной правовой модели, обеспечивающей эффективное внедрение ИИ при сохранении верховенства права, независимости суда и гарантий справедливого правосудия. Полученные результаты могут быть использованы в разработке нормативных

и методических документов, а также в научных исследованиях в области публичного права, цифрового государства и правовой информатики.

Для цитирования в научных исследованиях

Вронская М.В., Кузнецов А.В. К вопросу о проблемах механизма правового регулирования искусственного интеллекта в цифровом правосудии России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 108-115. DOI: 10.34670/AR.2025.42.50.013

Ключевые слова

Искусственный интеллект, цифровое правосудие, публичное право, правовое регулирование, судебная система, цифровая трансформация, правовые риски, международный опыт, прозрачность алгоритмов, ответственность за решения ИИ.

Введение

Цифровая трансформация судебной системы является неотъемлемой составляющей развития современного электронного государства. Переход к электронному документообороту, проведение дистанционных судебных заседаний и автоматизация рутинных процессуальных действий стали ключевыми векторами модернизации правосудия в России и за рубежом. На фоне этих изменений все более значимым становится внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в судебную деятельность. Потенциал ИИ для анализа массивов судебной практики, прогнозирования исходов дел, поддержки принятия решений и оптимизации судебной нагрузки открывает новые горизонты для повышения эффективности, доступности и единообразия правосудия.

Однако интеграция столь мощных технологических инструментов в столь консервативную и чувствительную сферу, как отправление правосудия, порождает комплекс серьезных публично-правовых рисков. К их числу относятся проблемы ответственности за ошибки алгоритмов, обеспечения прозрачности и обоснованности решений («эффект черного ящика»), недопущения алгоритмической дискриминации, а также сохранения фундаментальных принципов — независимости суда, справедливого судебного разбирательства и личной ответственности судьи. Эти вызовы требуют глубокого осмысления и формирования адекватных механизмов правового регулирования.

Основная часть

Системная интеграция технологий искусственного интеллекта в деятельность судов способна привести к комплексному повышению эффективности судопроизводства, сокращению сроков рассмотрения дел, снижению бюрократической нагрузки, повышению единообразия судебной практики и рациональному распределению ресурсов судебной системы. Вместе с тем принципиально важно отметить, что искусственный интеллект, независимо от уровня его технологической зрелости, не может и не должен замещать собой основного субъекта отправления правосудия — судью. С позиции публичного права правосудие представляет собой форму реализации суверенной государственной воли, неразрывно связанную с личной ответственностью и внутренним убеждением судьи. В этой связи,

делегирование алгоритмической системе функции вынесения окончательных, юридически обязательных решений противоречило бы базовым конституционным принципам судебной власти, включая принципы независимости судей, справедливого судебного разбирательства и непосредственности рассмотрения дела.

Нормативная база, релевантная для внедрения ИИ в правосудие, представлена в настоящее время несколькими разноуровневыми актами. Фундаментальную, рамочную роль играет Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, определяющая общие векторы развития технологий ИИ в различных сферах, включая государственное управление [Национальная стратегия развития ИИ, 2019]. Однако ее положения носят исключительно целеполагающий характер и не содержат конкретных механизмов имплементации в специализированной области отправления правосудия. Базовые понятия и принципы работы с информацией закреплены в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который, однако, не проводит дифференциации применительно к специфическим рискам и требованиям, связанным с алгоритмическими системами [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006]. Более специализированным документом выступает Концепция цифровой трансформации судов общей юрисдикции, утвержденная Советом судей РФ, в которой обозначена перспектива использования элементов ИИ для аналитической поддержки судей [Концепция цифровой трансформации..., 2021]. Несмотря на свою профильную направленность, и этот документ ограничивается общими контурами желаемого будущего, не устанавливая четких правовых процедур, стандартов и гарантий.

Сравнительно-правовой анализ международных подходов к регулированию искусственного интеллекта представляет, по мнению авторов, особый научный и практический интерес, поскольку позволяет выявить общие тенденции и национально-специфические особенности в решении ключевых публично-правовых дилемм, порождаемых цифровизацией правосудия. Формирующиеся нормативные модели демонстрируют различный баланс между стимулированием технологических инноваций и обеспечением надежных гарантий защиты фундаментальных прав, что создает богатую почву для компаративистских исследований и заимствования наиболее эффективных регуляторных практик.

Так, в рамках Европейского союза формируется одна из наиболее детализированных и строгих систем регулирования, воплощенная в проекте Регламента об искусственном интеллекте (AI Act). Данный нормативный акт, обладающий прямым действием на территории стран-членов ЕС, позиционируется как ключевой элемент стратегии «цифрового суверенитета» Союза и основывается на риск-ориентированном подходе [Regulation (EU) 2024/1689 (AI Act), 2024]. Центральное место в этой классификации занимает категория систем «высокого риска», к которой отнесены, в частности, ИИ-приложения, используемые в судебной деятельности и правоприменении. К таким системам предъявляются императивные требования, включая обязательство обеспечения высокой степени прозрачности алгоритмических процессов (преодоление «эффекта черного ящика»), верификации и валидации наборов данных для минимизации алгоритмических предубеждений, внедрения устойчивых (robust) систем человеческого надзора (human oversight), а также проведения обязательного предмаркетингового и последующего конформности-оценки (conformity assessment) [The Cambridge Handbook..., 2023]. Европейский подход, таким образом, характеризуется превентивной направленностью и стремлением к созданию унифицированного правового поля, основанного на примате защиты фундаментальных прав, закрепленных в Хартии ЕС об

основных правах.

В отличие от централизованной европейской модели, Соединенные Штаты Америки реализуют децентрализованный и гибкий подход, основанный на отраслевом саморегулировании и разработке рамочных стандартов. Отсутствие комплексного федерального законодательства, прямо регулирующего применение ИИ, компенсируется активной деятельностью профильных агентств и институтов развития [Engstrom, Ho, 2020]. Знаковым документом в этой сфере является AI Risk Management Framework (AI RMF), разработанный Национальным институтом стандартов и технологий (NIST). Данный фреймворк предлагает добровольные к применению методики управления рисками, связанными с доверием к ИИ и его устойчивостью, и акцентирует внимание на таких аспектах, как валидность, надежность, безопасность и подотчетность алгоритмических систем [NIST AI RMF 1.0, 2023]. Подобная модель, с одной стороны, стимулирует инновации и адаптацию стандартов к специфике различных отраслей, но, с другой, порождает риски фрагментации правового поля и формирования «регуляторных патчей», что может затруднять обеспечение единообразного уровня защиты прав граждан в судебном процессе.

Наиболее радикальная и централизованная модель интеграции ИИ в правосудие реализуется в Китае в рамках масштабного государственного проекта по созданию «умных судов» (smart courts) [White Paper on Smart Court Construction (China), 2022]. Китайский опыт демонстрирует этатистский подход, при котором технологии искусственного интеллекта (включая системы предиктивной аналитики, автоматизированного анализа доказательств и генерации судебных решений) внедряются тотально и при активной координации со стороны верховной судебной власти. Это позволяет достичь беспрецедентных показателей процессуальной эффективности и разгрузки судейского корпуса. Однако данная модель вызывает обоснованную критику в международном академическом сообществе, поскольку масштабное использование предиктивных алгоритмов и систем автоматического принятия решений потенциально ограничивает дискреционные полномочия судей, создает угрозы независимости судебной власти и ставит сложные вопросы о соблюдении права на справедливое судебное разбирательство и презумпции невиновности [Cui Yadong, 2019].

Проведенный компаративный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на существенные расхождения в методологии — от жесткого императивного регулирования в ЕС до гибкого управления рисками в США и этатистской централизации в Китае — в основе всех рассматриваемых подходов лежит общая задача: найти оптимальный баланс между технологическим прогрессом и незыблемыми принципами правового государства. Общим трендом является осознание необходимости обеспечения не только технологической, но и правовой, и этической адекватности ИИ-систем, используемых в столь чувствительной сфере, как отправление правосудия.

Анализ отечественного подхода к интеграции технологий искусственного интеллекта в судебную систему позволяет констатировать, что Российская Федерация в настоящее время находится на начальном, формирующем этапе данного процесса. В отличие от рассмотренных зарубежных юрисдикций, где уже сформированы либо комплексные нормативные акты (как в ЕС), либо устоявшиеся практики отраслевого регулирования (как в США), российская модель характеризуется фрагментарностью и выраженным стратегически-декларативным характером правового регулирования.

На практике цифровая трансформация отечественной судебной системы до настоящего времени была сосредоточена в основном на инфраструктурных проектах, таких как

развитие Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), внедрение систем электронного документооборота и платформ для дистанционного судопроизводства [Ягофаров, 2024, с. 181]. Что касается непосредственно использования ИИ для поддержки принятия судебных решений, то оно остается в зоне экспериментальных пилотов и локальных проектов, не носящих системного характера. Подобная ситуация порождает ряд системных проблем, требующих незамедлительного научного осмысления и законодательного решения.

Заключение

Современное состояние регулирования ИИ в российском правосудии можно охарактеризовать как этап стратегического планирования при отсутствии детализированной и эффективной нормативной базы, способной адекватно реагировать на комплекс публично-правовых вызовов, порождаемых алгоритмизацией судебной деятельности. Ключевыми проблемами механизма правового регулирования, по мнению авторов, выступают:

– Отсутствие специализированного законодательства, определяющего правовой статус ИИ в судебной системе. Действующее законодательство не содержит легальных дефиниций таких понятий, как «искусственный интеллект», «алгоритмическая система», «автоматизированное принятие решений» применительно к правосудию. Правовой вакуум в данной сфере создает неопределенность в вопросах, касающихся допустимых границ применения ИИ, его соотношения с принципом независимости судейской власти и разграничения компетенции между человеком и алгоритмом.

– Неопределенность юридической силы и процессуальных последствий решений, выработанных с участием ИИ. Кардинальным образом не решен вопрос о том, может ли результат работы алгоритма (например, прогнозная оценка по делу, сгенерированный проект решения) рассматриваться в качестве источника права, доказательства или иного юридически значимого акта. Не ясны процессуальные механизмы обжалования таких результатов и распределения бремени доказывания в случае оспаривания решений, принятых на их основе.

– Отсутствие комплексной системы независимого внешнего контроля, валидации и аудита алгоритмов. Внедрение ИИ в правосудие, сопряженное с рисками дискриминации и ошибок, объективно требует создания прозрачных и обязательных процедур тестирования, сертификации и постоянного мониторинга алгоритмических систем на предмет их соответствия критериям справедливости, беспристрастности, безопасности и защиты персональных данных. В настоящее время в России такие механизмы на законодательном уровне не установлены, что создает угрозу внедрения необъективных и технологически небезопасных решений.

Библиография

1 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 24.08.2025).

2 Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144050 (дата обращения: 24.08.2025).

3 Концепция цифровой трансформации судов общей юрисдикции и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Утв. решением Совета судей РФ от 22 декабря 2021 г. — URL: https://www.cdep.ru/index.php?id=301&item=6972 (дата обращения: 07.08.2025).

4 Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Электронный ресурс]. — Official Journal of the European Union. — 12 July 2024. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 25.08.2025).
5 The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence [Electronic resource] / ed. by Larry A. DiMatteo, Michel Cannarsa, Cristina Poncibò. – Cambridge : CUP, 2023. – URL: https://doi.org/10.1017/9781009367783 (дата обращения: 25.08.2025).
6 Engstrom, D. F., & Ho, D. E. Algorithmic Accountability in the Administrative State [Электронный ресурс] // Stanford Law Review. – 2020. – Vol. 73. – P. 145. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3551544 (дата обращения: 25.08.2025).
7 National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) [Электронный ресурс]. — Gaithersburg (MD): U.S. Department of Commerce, 2023. — URL: https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf (дата обращения: 25.08.2025).
8 National People's Court of China. White Paper on Smart Court Construction (2022) [Электронный ресурс]. — Supreme People's Court of the People's Republic of China, Beijing, 2022. — URL: https://english.court.gov.cn/2022-12/30/c_844121.htm (дата обращения: 25.08.2025).
9 Cui Yadong Artificial intelligence and judicial modernization. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2019, pp. 132-135.
10 Ягофаров Д. Р. Государственная автоматизированная система «Правосудие»: цифровые формы судебно-процессуальной деятельности // Молодой ученый. 2024. № 13 (512). С. 179–183. URL: https://moluch.ru/archive/512/112327/ (дата обращения: 07.08.2025).

On the Problems of the Legal Regulation Mechanism for Artificial Intelligence in Russian Digital Justice

Maria V. Vronskaya

Associate Professor, PhD in Legal Sciences,
Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University,
690014, 41 Gogolya St., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Alexey V. Kuznetsov

Graduate Student,
Vladivostok State University,
690014, 41 Gogolya St., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Abstract

The article examines issues of applying artificial intelligence (AI) technologies in the sphere of digital justice as a key direction of development of the state judicial system in the context of digital transformation. The authors note that the use of AI in legal proceedings is associated not only with the global transformation of the world legal order, but also with opportunities for simplifying the application of human capital, while simultaneously increasing the efficiency of judicial cases, reducing their consideration timeframes, and ensuring uniformity of judicial practice. However, widespread implementation of AI generates a number of significant public legal risks related to possible violations of the principles of fair trial, independence of the court, as well as problems of legal responsibility for decisions made with algorithmic participation. The research aim is to analyze

existing and prospective mechanisms of legal regulation of artificial intelligence technologies in national and foreign legal systems. To achieve this aim, general scientific and special methods of cognition were used, including comparative legal, formal legal and systemic analysis. The article examines international approaches to regulating AI in justice using examples of the European Union, USA and China, conducting a comparative analysis of their normative and ethical models. Special attention is paid to the Russian experience of digitalizing the judicial system; strategic documents and current legislation are analyzed, including the National Strategy for Artificial Intelligence Development and the Concept of Digital Transformation of Courts of General Jurisdiction. A conclusion is made about the necessity of forming a balanced legal model ensuring effective AI implementation while preserving the rule of law, independence of the court and guarantees of fair justice. The obtained results can be used in developing normative and methodological documents, as well as in scientific research in the fields of public law, digital state and legal informatics.

For citation

Vronskaya M.V., Kuznetsov A.V. (2025) K voprosu o problemakh mekhanizma pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v tsifrovom pravosudii Rossii [On the Problems of the Legal Regulation Mechanism for Artificial Intelligence in Russian Digital Justice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 108-115. DOI: 10.34670/AR.2025.42.50.013

Keywords

Artificial intelligence, digital justice, public law, legal regulation, judicial system, digital transformation, legal risks, international experience, algorithm transparency, AI decision responsibility.

Reference

1. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 [Electronic resource]. — Approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (date of reference: 08/24/2025).
2. On information, information technologies and information protection [Electronic resource] : Federal Law No. 149-FZ of 07.27.2006 // Official Internet portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144050 (date of request: 08/24/2025).
3. The concept of digital transformation of courts of general jurisdiction and the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. — Approved by the decision of the Council of Judges of the Russian Federation dated December 22, 2021 — URL: https://www.cdep.ru/index.php?id=301&item=6972 (date of request: 08/07/2025).
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Electronic resource]. — Official Journal of the European Union. — July 12, 2024. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (date of request: 08/25/2025).
5. The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence [Electronic resource] / ed. by Larry A. DiMatteo, Michel Cannarsa, Cristina Poncibò. – Cambridge : CUP, 2023. – URL: https://doi.org/10.1017/9781009367783 (date of reference: 08/25/2025).
6. Engstrom, D. F., & Ho, D. E. Algorithmic Accountability in the Administrative State [Electronic resource] // Stanford Law Review. – 2020. – Vol. 73. – P. 145. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3551544 (date of request: 08/25/2025).
7. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) [Electronic resource]. — Gaithersburg (MD): U.S. Department of Commerce, 2023. — URL: https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf (date of application: 08/25/2025).
8. National People's Court of China. White Paper on Smart Court Construction (2022) [Electronic resource]. — Supreme People's Court of the People's Republic of China, Beijing, 2022. — URL: https://english.court.gov.cn/2022-

12/30/c_844121.htm (date of request: 08/25/2025).
9. Cui Yadong Artificial intelligence and judicial modernization. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2019, pp. 132-135.
10. Yagofarov D. R. The State automated system "Justice": digital forms of judicial procedural activity // Young Scientist. 2024. No. 13 (512). pp. 179-183. URL: https://moluch.ru/archive/512/112327 / (date of access: 08/07/2025).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.23.73.014**

Надзор органов прокуратуры за соблюдением прав и свобод участников Специальной военной операции и членов их семей

Потапова Лариса Валерьевна

Доцент,
Кафедра прокурорской деятельности,
Уральский государственный юридический университет,
620058, Российская Федерация, Екатеринбург, переулок Чуцкаева, 9;
e-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в сфере надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод участников Специальной военной операции, членов их семей. В рамках исследования отмечается, что в современных условиях деятельности прокуратуры Российской Федерации в этом направлении носит приоритетный характер. Важность работы органов прокуратуры обуславливает необходимость повышения качества надзора, усиления эффективности, что, в свою очередь, требует реформаций. Подчеркивается, что прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод участников Специальной военной операции, членов их семей возложен на территориальных и военных прокуроров, от которых требуется не только оперативное выявление, реагирование на нарушения закона в данной сфере, но и поддержание на высоком уровне профилактической работы, принятие превентивных мер. При этом, надзор, осуществляемый органами прокуратуры Российской Федерации, должен быть непрерывным, необходимо, не ослаблять внимание вплоть до фактического устранения нарушения прав и свобод; снятие контроля возможно лишь при реальном восстановлении нарушенной законности. Автор приходит к выводу о назревшей потребности в усилении внимания с последующим смещением акцентов: в сторону профилактического мониторинга; принятия и реализации превентивных решений; важности налаживания межведомственной координации и оперативного взаимодействия прокуратуры с органами социальной защиты, военным руководством и судебной системой; потребности реформирования правового фундамента, в части проведения кодификации правовых норм, касающихся правового статуса участника Специальной военной операции, а также их социальных прав и гарантий, рассмотрения вопроса об изменениях/ дополнениях существующих приказов либо о разработке и принятии отдельного организационно-распорядительного документа Генеральным прокурором Российской Федерации, посвященного организации надзора в исследуемой области. Также немаловажно создание и совершенствование единого федерального электронного реестра участников Специальной военной операции и их семей, доступного для органов прокуратуры Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапова Л.В. Надзор органов прокуратуры за соблюдением прав и свобод участников Специальной военной операции и членов их семей // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 116-122. DOI: 10.34670/AR.2025.23.73.014

Ключевые слова

Органы прокуратуры Российской Федерации; Специальная военная операция; прокурорский надзор; защита прав и свобод.

Введение

Прокуратура Российской Федерации является одним из правоохранительных органов государства, в задачи которого входит совершение конкретных действия, принятие решений, направленных на обеспечение законности и правопорядка, защиту прав и свобод человека и гражданина, охрану интересов групп лиц, хозяйствующих и иных субъектов, общества в целом [Конституция Российской Федерации, 1993; Федеральный закон № 2202-I, 1992].

Современное российское общество сталкивается с проблемами, которые требуют от государства особого внимания к защите прав граждан, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах.

В условиях глобальных изменений и новых реалий роль прокуратуры как ключевого государственно-правового института становится особенно значимой для обеспечения социального баланса, восстановления и укрепления социальной справедливости. Участники Специальной военной операции и члены их семей - важнейший приоритет в работе органов прокуратуры. Речь идет о первостепенной защите их прав и свобод во всех сферах общественных отношений: социальной, экономической, политической. Президент Российской Федерации Путин В.В. в своем послании отметил: «Объединяющим для всех вопросом является поддержка наших героев, семей ветеранов и участников специальной военной операции» [Путин, 2024].

Основная часть

Государственная политика Российской Федерации, как известно, предусматривает для указанной категории граждан обширный спектр мер социальной поддержки: от единовременных выплат и льгот в жилищной и медицинской сферах до гарантий трудовых прав и образования для детей [Указ Президента РФ № 647, 2022]. Однако реализация этих мер часто сталкивается с серьезными трудностями в правоприменении – бюрократическими задержками, несоответствиями на местах или даже коррупционными рисками, – и здесь прокурорский надзор выступает ключевым инструментом для их устранения и восстановления нарушенных прав [Иванов, 2023].

Отражением высокой степени актуальности вопросов защиты прав и свобод участников Специальной военной операции и членов их семей стали структурные изменения в Генеральной прокуратуре Российской Федерации, выразившиеся в принятии решения Генеральным прокурором Российской Федерации о формировании Отдела по надзору за соблюдением прав участников Специальной военной операции в структуре 7-го Главного управления .

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод участников Специальной военной операции, членов их семей возложен на территориальных и военных прокуроров, от которых требуется не только оперативное выявление, реагирование на нарушения закона в данной сфере, но и поддержание на высоком уровне профилактической работы, принятие превентивных мер. При этом, надзор, осуществляемый органами прокуратуры Российской Федерации, должен быть непрерывным, требуется не ослаблять внимание вплоть до фактического устранения нарушения прав и свобод; снятие контроля возможно лишь при реальном восстановлении нарушенной законности.

В данном контексте представляется первичным не само количество выявленных нарушений и принятых мер реагирования, а реальное положение дел, свидетельствующее о восстановленном в полном объеме нарушенного права / свободы участника Специальной военной операции и /или члена его семьи.

В зоне особого внимания прокуратуры Российской Федерации находятся трудовые и жилищные права и свободы участников Специальной военной операции, их права на медицинское обслуживание, в этой связи от требуется усилить контроль за реализацией положений соответствующих приказов Генерального прокурора Российской Федерации [Приказ Генпрокурора РФ № 98, 2024; Приказ Генпрокурора РФ № 140, 2017].

Для прокурорской системы Российской Федерации важно обеспечение оперативной защиты прав участников Специальной военной операции и/или членов их семей в условиях современных социальных и правовых реалий, а также формирование новых направлений прокурорского надзора, связанных с цифровой трансформацией государственного управления, использование искусственного интеллекта в правоприменительной практике.

Тема приобретает остроту в связи с продолжающейся Специальной военной операцией, которая усиливает нагрузку на систему социальной защиты, требует постоянного комплексного анализа правовой базы и практики применения, выявления и действенного устранения пробелов и противоречий.

Находясь в должности Генерального прокурора Российской Федерации, Краснов И.В., констатировал следующее: «...к сожалению, к нам поступают сигналы о нарушении прав участников Специальной военной операции, членов их семей, близких родственников. Этих сигналов немало» [Краснов, 2025].Согласно представленным статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2024 году прокурорами выявлено свыше 65 тысяч нарушений закона в сфере защиты прав участников Специальной военной операции и членов их семей, в результате чего восстановлены права свыше 50 тысяч человек. Однако в первом полугодии 2025 года тенденция продолжилась – выявлением дополнительных нарушений и ростом обращений на фоне продолжающейся специальной военной операции, что подчеркивает растущую нагрузку на систему [Доклады о состоянии законности..., 2022-2024].

Защита прав участников Специальной военной операции и/или членов их семей является не только гуманитарным императивом, но и действенным методом укрепления доверия к государству в целом.Представляется верной в этой связи позиция Винокурова А.Ю., согласно которой "... в кризисные периоды надзор должен переходить от реактивных мер к профилактическим, чтобы не просто реагировать на жалобы, а предотвращать реальные сбои [Винокуров, Бессарабов, 2022]. Как свидетельствует практика без такого подхода риски для уязвимых социальных групп будут возрастать, особенно с учетом увеличения количества

обращений о задержках, полагающихся по законодательству Российской Федерации выплат в 2025 году.

Заключение

Представляется, отсутствие эффективного надзора может привести к эскалации социальных напряжений, подрыву мотивации военнослужащих

и долгосрочным демографическим последствиям. В условиях геополитической нестабильности и опасности это область прокурорской деятельности приобретает крайне важное стратегическое значение, способствуя не только восстановлению индивидуальных прав, но и поддержанию общественной стабильности.

Исследование подобных вопросов позволяет выявить множественные пробелы в российском законодательстве (к примеру, отсутствие согласованности федеральных и региональных норм), а также разработать и предложить меры, нацеленные на их устранение, включая интеграцию всех цифровых инструментов для мониторинга, что особенно актуально в эпоху перехода к цифровому миру.

Рассуждая об объективной необходимости и повышении эффективности работы органов прокуратуры Российской Федерации в сфере надзора за исполнением законов и соблюдением прав участников Специальной военной операции, подчеркивается, что данная деятельность должна осуществляться системно.

В частности, в качестве ключевых векторов развития необходимо обозначить следующие:

1. усиление внимания с последующим смещением акцентов в сторону профилактического мониторинга; принятие и реализация превентивных решений;

2. важность налаживания межведомственной координации и оперативного взаимодействия прокуратуры с органами социальной защиты, военным руководством и судебной системой;

3. реформирование правового фундамента, в части реализации потребности в кодификации правовых норм, касающихся правового статуса участника Специальной военной операции, а также их социальных прав и гарантий;

4. рассмотрение вопроса об изменениях/ дополнениях существующих приказов либо о разработке и принятии отдельного организационно-распорядительного документа Генеральным прокурором Российской Федерации, посвященного организации надзора в исследуемой области;

5. создание и совершенствование единого федерального электронного реестра участников Специальной военной операции и членов их семей, доступного для органов прокуратуры Российской Федерации;

6. принятие иных мер, способствующих повышению эффективности работы прокуратуры Российской Федерации по надзору за соблюдением прав участников Специальной военной операции и /или членов их семей.

Таким образом, ведущая роль прокуратуры Российской Федерации как одного из правоохранительных и правозащитных органов, обеспечивающих законность и правопорядок на территории государства, обуславливает необходимость усиления ее деятельности в сфере защиты прав и свобод участников Специальной военной операции и / или членов их семей. При этом совершенствование работы, безусловно, должно носить комплексный характер.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.93 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года;
2. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 № 2202-1 //РГ, № 39, 18.02.1992;
3. Путин В.В. Объединяющим для всех вопросом является поддержка наших героев, семей ветеранов и участников СВО // Единая Россия : офиц. сайт. 2024. 26 апр. URL: https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-obedinyayushim-dlya-vseh-voprosom-yavlyaetsya-podderzhka-nashih-geroev-semi-veteranov-i-uchastnikov-svo (дата обращения: 12.06.2025);
4. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.08.2025);
5. Иванов А.А. Прокурорский надзор в условиях кризиса: проблемы и перспективы // Вестник прокурорского надзора, 2023, № 4;
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации "Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан" от 05.02.2024 № 98 // Законность, 2024 № .3;
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации "Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере" от 03.03.2017 № 140 // Законность, 2017 № .4;
8. Краснов И.В. Генпрокурор РФ рассказал о нарушении прав участников СВО // Seldon.News. 2025. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/310126667 (дата обращения: 12.06.2025);
9. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Доклады о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации (2022–2024 гг.) [Электронный ресурс]. – Офиц. сайт Генпрокуратуры РФ. – URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 01.06.2025);
10. Винокуров А.Ю., Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: Юрайт, 2022 (доп. 2024). С. 145–150.

Supervision by Prosecutorial Authorities over the Observance of Rights and Freedoms of Participants in the Special Military Operation and Their Family Members

Larisa V. Potapova

Associate Professor,
Department of Prosecutorial Activities,
Ural State Law University,
620058, 9 Chutskayeva Lane, Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the activities of prosecutorial authorities of the Russian Federation in the field of supervision over the execution of laws and observance of the rights and freedoms of participants in the Special Military Operation and their family members. Within the framework of the research, it is noted that in contemporary conditions, the activities of the Russian prosecution service in this direction are of a priority nature. The importance of the work of prosecutorial authorities necessitates improving the quality of supervision and enhancing effectiveness, which, in turn, requires reforms. It is emphasized that prosecutorial supervision over the observance of rights and freedoms of participants in the Special Military Operation and their family members is entrusted to territorial and military prosecutors, who are required not only to promptly detect and respond to violations of the law in this sphere, but also to maintain a high level

of preventive work and take preventive measures. Furthermore, the supervision carried out by the prosecutorial authorities of the Russian Federation must be continuous; it is necessary not to weaken attention until the actual elimination of violations of rights and freedoms; control can only be lifted upon the actual restoration of violated legality. The author concludes that there is a pressing need to enhance attention with subsequent shifts in emphasis: towards preventive monitoring; adoption and implementation of preventive decisions; importance of establishing interdepartmental coordination and operational interaction between the prosecution service and social protection authorities, military command, and the judicial system; need for reforming the legal foundation, particularly regarding codification of legal norms concerning the legal status of participants in the Special Military Operation, as well as their social rights and guarantees, consideration of the issue of amendments/supplements to existing orders or development and adoption of a separate organizational-administrative document by the Prosecutor General of the Russian Federation dedicated to organizing supervision in the studied area. Also importantly, the creation and improvement of a unified federal electronic register of participants in the Special Military Operation and their families, accessible to the prosecutorial authorities of the Russian Federation.

For citation

Potapova L.V. (2025) Nadzor organov prokuratury za soblyudeniyem prav i svobod uchastnikov Spetsial'noy voyennoy operatsii i chlenov ikh semey [Supervision by Prosecutorial Authorities over the Observance of Rights and Freedoms of Participants in the Special Military Operation and Their Family Members]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 116-122. DOI: 10.34670/AR.2025.23.73.014

Keywords

Prosecutorial authorities of the Russian Federation; Special Military Operation; prosecutorial supervision; protection of rights and freedoms.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020;
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated January 17, 1992, No. 2202-1 // RG, No. 39, February 18, 1992;
3. Putin, V.V. A unifying issue for everyone is supporting our heroes, the families of veterans, and participants of the Special Military District // United Russia: official website. 2024. April 26. URL: https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-obedinyayushim-dlya-vseh-voprosom-yavlyaetsya-podderzhka-nashih-geroev-semi-veteranov-i-uchastnikov-svo (accessed: June 12, 2025);
4. Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022, No. 647 "On the Declaration of Partial Mobilization in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru (accessed: August 27, 2025);
5. Ivanov, A.A. Prosecutor's Supervision in a Crisis: Problems and Prospects // Bulletin of Prosecutor's Supervision, 2023, No. 4;
6. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the Organization of Prosecutor's Supervision over Compliance with Citizens' Labor Rights" dated February 5, 2024, No. 98 // Legality, 2024, No. 3;
7. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the Organization of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws in the Housing and Utilities Sector" dated March 3, 2017, No. 140 // Legality, 2017, No. 4;
8. Krasnov, I.V. The Prosecutor General of the Russian Federation spoke about the violation of the rights of participants in the SVO // Seldon.News. 2025. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/310126667 (accessed: 12.06.2025);
9. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Reports on the state of law and order in the Russian Federation (2022–2024) [Electronic resource]. – Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

URL: https://genproc.gov.ru (accessed: 01.06.2025);
10. Vinokurov, A.Yu., Bessarabov, V.G. Prosecutor's Supervision: Textbook. M.: Yurait, 2022 (supplemented 2024). P. 145–150.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.95 **DOI: 10.34670/AR.2025.22.90.015**

Проблемные аспекты института административной преюдиции

Лихолет Елена Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева,
680020, Российская Федерация, Хабаровск, пер. Казарменный, 15;
e-mail: elenaliholet@mail.ru

Бондаренко Дина Максимовна

Адъюнкт 1 курса,
Дальневосточный юридический институт имени И.Ф. Шилова,
680020, Российская Федерация, Хабаровск, пер. Казарменный, 15;
e-mail: dina.bondarenko.2001@bk.ru

Аннотация

Самостоятельность отраслей административного и уголовного законодательства, а также различия, присутствующие между ними, не исключают возможности сходства некоторых норм, стабилизирующих взаимосвязанные группы общественных отношений, возникающих вследствие совершения противоправных деяний. Очень сложно прийти к единому пониманию, по какой причине идентичные составы имеют в одном случае общественную вредность, в другом общественную опасность. Таким образом, в современное правовое пространство вошел термин «административная преюдиция», что повлекло за собой различные дискуссии касаемо эффективности данного феномена, как взвешенного инструмента в борьбе с преступностью в ее нынешних проявлениях, являющейся по существу главной внутренней угрозой безопасности государства. Изучение данного явления имеет особую значимость в целях понимания его пользы для общества и целесообразности наличия административной преюдции в современном российском правовом поле. Проблемы и поляризация мнений в отношении места административной преюдиции в современном российском уголовном праве, на наш взгляд, по большей части связаны недостаточной теоретической изученностью и разработанностью данного института.

Для цитирования в научных исследованиях

Лихолет Е.Н., Бондаренко Д.Н. Проблемные аспекты института административной преюдиции // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 123-129. DOI: 10.34670/AR.2025.22.90.015

Ключевые слова

Административная преюдиция, административное право, уголовное право, неоднократность, повторность, административное правонарушение, преступление.

Введение

Понятие преюдиция уходит своими корнями к латинскому praejudicialis, что в большинстве словарей переводится, как «относящиеся к предыдущему судебному решению». В современном уголовном праве это понятие отразилось при рассмотрении ситуаций, в которых наступление уголовно-правовых последствий для лица связано с предшествующим применением к этому лицу мер административного наказания. Подобные ситуации получили отражение в термине «административная преюдиция», но как легальное определение, данное понятие не зафиксировано ни в уголовном, ни в административном законодательстве, а под ним подразумевается ситуация, при которой в отношении лица, ранее привлеченного к административной ответственности, при повторном совершении соответствующего административного правонарушения, применяются меры уголовно-правового воздействия. Отсутствие единого подхода в определении понятия административной преюдиции и понимании ее сущности породило различные мнения ученых, начиная с советского периода. В юридической литературе встречаются представления, что административная преюдиция является правовой категорией, юридическим средством, приемом юридической техники, либо юридической конструкцией. Главным аргументом для введения административной преюдиции в уголовном праве России, как справедливо отмечает Э.Л. Сидоренко, является возможность обеспечения гибкости правового воздействия на правонарушителя при одновременной реализации принципов неотвратимости и экономии уголовно-правовой репрессии [Сидоренко, 2016, 28]. Многими авторами расширение применения административной преюдиции считается оптимальным средством согласования административных и уголовно-правовых санкций. Нашлось немало сторонников административной преюдиции, видящих в ней современное средство борьбы с преступностью и еще больше противников, находящих в ней множество противоречий и несовершенств.

Основное содержание

Принимая во внимание наличие характерных признаков и особенности их введения в составы преступлений, можно выделить проблемные стороны института административной преюдиции, требующие в дальнейшем совершенствования.

1. С момента возвращения института административной преюдиции в отдельные составы преступлений и по настоящее время, отмечаются вопросы недостаточной теоретической разработки темы, законодательного закрепления, единого понимания в процессе правоприменительной практики. Практически сразу стало заметным отсутствие единого подхода в определении понятия данного института. Это выразилось в отсутствии законодательно закрепленного определения административной преюдиции в Уголовном кодексе РФ. Мы считаем, что необходимо на законодательном уровне сформулировать в Общей части УК РФ понятие административной преюдиции.

Еще одним важным моментом является необходимость приведения к единому правовому определению формулировки лица, подвергнутого административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. Данное определение имеет законодательное закрепление в ст. 4.6 КоАП РФ, в связи с чем, следует отказаться от прочих формулировок, таких как лицо, привлеченное к административной ответственности и т.д. Кроме того, необходимо единообразие в вопросе, с какого времени

считать лицо, подвергнутым административному наказанию, так как в правоприменительной практике имели место случаи привлечения к уголовной ответственности, например, по ст. 212.1 УК РФ после трех аналогичных деяний в течение 180 дней.

По данным вопросам мы предлагаем провести унификацию конструкций изложения преюдициальных норм в статьях Особенной части УК РФ:

– использовать во всех преюдициальных нормах только термин «лицо, подвергнутое административному наказанию»;

– формулировать указание на административную преюдицию в диспозиции статьи, но не в ее названии или примечании к ней;

– применять уголовную ответственность после совершения второго аналогичного правонарушения в течение одного года после применения административного наказания.

2. Отсутствие единого подхода к криминализации с административной преюдицией и единой законодательной техники таких условий [Вишнякова, 2019, 6]. Это выражается в отсутствии единого толкования повторности или неоднократности совершения административного правонарушения. Для одних составов требуется привлечение к административной ответственности два раза, для других – три раза, а для третьих, достаточно повторного совершения аналогичного деяния в течение определенного периода времени. В большинстве случаев, для привлечения к уголовной ответственности, лицо должно совершить повторно аналогичное правонарушение в течение установленного срока, то есть – два раза. В другом случае, например, ст. 212.1 УК РФ, уголовная ответственность наступает при совершении более двух административных правонарушений, то есть три. В ряде статей, таких как 116.1 или 264.1, законодатель точное количество административных правонарушений не устанавливает, но по общему правилу считается, что лицо, совершившее второй раз правонарушение в состоянии административной несказанности, уже посягает на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Также, в диспозиции ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, установлено, что для наступления уголовной ответственности, лицо должно неоднократно совершить соответствующее административное правонарушение, а неоднократность в соответствии с примечанием к рассматриваемой статье – это два раза в течение одного года. Таким образом, мы видим некую градацию в виде однократной, двукратной и трехкратной административной преюдиции. Самое разумное объяснение на наш взгляд, это уровень угрозы общественным отношениям каждого правонарушения, что в перспективе их повторных совершений, имеет разный уровень общественной опасности. То есть, в одном случае, опасность будет достаточно велика при однократном совершении аналогичного деяния, тогда как в другом, для усмотрения общественной опасности в субъекте, необходимо несколько раз нарушить административное законодательство. Несмотря на это, мы данный аспект видим субъективным и недостаточно раскрытым. В составах преступлений с многократной административной преюдицией по ст. 212.1 и 284.1 УК РФ, в первом случае криминализация деяния обосновывалась повторностью совершения административного правонарушения, а во втором случае – важностью цели предотвращения деятельности на территории Российской Федерации нежелательных иностранных организаций.

В результате исследования вопроса мы видим, что при применении административной преюдиции с многократным совершением деяний, основания для криминализации носят произвольный характер. Исходя из опыта применения административной преюдиции в Советском Союзе, где она носила только однократный характер и аналогичный опыт Республики Беларусь, считаем правильным в дальнейшем применять однократную преюдицию.

При повторном совершении аналогичного деяния устанавливать уголовную ответственность.

3. Срок привлечения к уголовной ответственности за совершение лицом повторного административного правонарушения. Проблема и здесь заключается в отсутствии единообразия. Для большинства составов данный срок одинаковый и устанавливается в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ, однако, в ст. 212.1 УК РФ, он ограничен 180 днями, а в ст. 282 УК РФ установлен годовой срок после привлечения лица к административной ответственности. Исходя из этого, возникает вопрос о наличии пределов указанного срока, что может привести к ошибке на практике. Мы полагаем, следует более детально определить момент окончания периода времени, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. В рамках функционирования института административной преюдиции, считаем целесообразным установление единого срока привлечения к ответственности, а именно – одного года со дня вступления в законную силу постановления об административном правонарушении.

4. Закрепление составов с административной преюдицией в УК РФ реализуется в двух вариантах, как в рамках отдельной статьи (ст. 116.1, 158.1 УК РФ), так и в качестве части статьи (ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). По нашему мнению, в целях обеспечения системности и определенности в вопросе формирования норм уголовного закона, при использовании различных способов размещения отдельных положений, необходимо исходить из того, что преюдициальные составы должны быть выделены в отдельные статьи.

5. Применение составов с административной преюдицией в отношении лиц, имеющих статус военнослужащих, призванных на военные сборы, имеющих специальные звания и т.д. (ст. 2.5 КоАП РФ) вызывает ряд вопросов. Указанные лица в силу наличия специального положения не могут быть привлечены к ответственности наравне с другими гражданами и подвергаются дисциплинарному наказанию, что исключает возможность реализации в их отношении уголовно-правовых норм, содержащих административную преюдицию в случае повторно совершения ими административного проступка. Мы видим в этом случае необоснованное освобождение некоторых групп граждан от уголовной ответственности с нарушением принципа равенства граждан перед законом.

Решением данной проблемы могла стать установка правовой категории «дисциплинарная преюдиция», аналогичной имеющейся в уголовном законодательстве Республики Беларусь, где такой институт закреплен как условие наступления уголовной ответственности.

6. При рассмотрении института административной преюдиции в научном сообществе достаточно часто встречается мнение о ее роли в обеспечении постепенной интеграции от административной к уголовной ответственности. В связи с этим возникает вопрос, между административными правонарушениями, а также какими категориями преступлений, обоснована такая интеграция. Такими категориями являются преступления небольшой тяжести, несущие невысокую степень общественной опасности. В литературе встречаются мнения о возможности распространения административной преюдиции на преступления средней тяжести [Юнусов, Серкова, 2015, 280].

Об этой возможности указывает Г.Б. Магомедов в связи с предоставленной в 2011 году судам возможностью переводить преступления средней тяжести в категорию небольшой тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ [Магомедов, 2016, 36.]. Мы считаем необходимым при рассмотрении вопроса об административной преюдиции придерживаться рамок межотраслевой дифференциации ответственности в административном и уголовном праве. Введение составов с административной преюдицией в преступления средней тяжести может привести размыванию границы между административными правонарушениями и

преступлениями.

Нам ближе позиция А.Г. Безверхова, предлагающего использовать административную преюдицию только в преступлениях небольшой тяжести, санкции за которые не предусматривают наказания в виде лишения свободы [Безверхов, 2012, 18]. Именно такой подход к вопросу в наибольшей степени обеспечивает плавность трансформации юридической ответственности. К этому моменту следует прибавить тот обстоятельство, что наступление уголовной ответственности должно быть обосновано распространением конкретного состава административного правонарушения и его негативного влияния на общество, что должно быть также подтверждено в рамках статистического анализа.

Заключение

В исследовании мы привели лишь часть проблемных вопросов и свое мнение на пути их решения. При рассмотрении конкретных составов выявляются характерные именно для них проблемные моменты. Общие выводы, относящиеся ко всем составам с административной преюдицией представляются следующим образом:

– Административная преюдиция должна получить определение и законодательное закрепление в УК РФ.
– При конструировании составов с административной преюдицией должна использоваться однократная преюдиция.
– Срок привлечения к уголовной ответственности по преступлениям с административной преюдицией должен составлять один год.
– Преюдициальные составы важно закрепить в виде отдельных статей.
– Целесообразно обратить внимание на привлечение к ответственности по преюдиционным составам военнослужащих.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует сказать, что вряд ли возможно прийти к единому теоретическому пониманию правовой природы административной преюдиции без возврата к критерию общественной опасности, как основного признака преступления. Если мы рассматриваем административную преюдицию не как автоматическое сложение повторяемых действий, а как оценку противоправного поведения конкретной личности, то общественная опасность может рассматриваться ни как показатель деяния, а как измеритель угрозы, которую несет гражданин охраняемым социальным ценностям.

В современную жизнь вошло понятие социальных групп риска, включающих людей по разным причинам подверженным опасным негативным воздействиям и представляющим угрозу нормальной жизнедеятельности общества. К ним относятся лица, имеющие пагубные зависимости от алкогольной или наркотической продукции, занимающиеся проституцией, маргиналы, в некоторых случаях больные СПИДом, туберкулезом [Максимов, Шевырёв, 2019, 50]. Социальный вред, причиняемый этими группами граждан обществу в целом, вытекает из их образа жизни и создания среды для возникновения и распространения преступности [Мотрович, Кулеш, Шевырёв, 2020, 106]. Они, как правило, являются дезодорированными личностями и носителями делинквентного поведения (либо, как минимум, аморального), которое, по своей природе, является противоправным. Если мы подойдем к рассмотрению борьбы с преступностью с этой позиции, то есть, понимания личности преступника, как

носителя противоправного поведения, то мы увидим роль административной преюдиции в контроле над отклоняющимся поведением граждан от заданных государством стандартов поведения в обществе.

Мы считаем, что можно рассматривать вопрос в двух направлениях.

Первым прослеживается применение административной преюдиции как способа декриминализации, что рассматривается в рамках либерализации уголовного права. В этом случае административная преюдиция выполняет свою главную функцию профилактики преступности, когда граждане, не являющиеся носителями преступного поведения пользуются возможностью недопущения в дальнейшем противоправного поведения и избегания судимости.

Вторым вариантом становится использование административной преюдиции в целях криминализации повторного административного правонарушения. В этом случае также прослеживается превентивная роль, состоящая в своевременном принятии мер уголовного воздействия к лицам, не способным к правомерному поведению, и, соответственно, несущую опасность для общественных отношений.

При этом идея раннего вмешательства в поведение граждан и пресечение нежелательных в будущем негативных последствий становится оправданной, несмотря на теоретические разногласия. Условно, на примере административной преюдиции мы продвигаемся в сторону уголовного права, в основе которого лежат идеи социальной защиты и профилактики преступности.

Библиография

1. Безверхов А.Г. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. Самара, 2012. № 2. С. 18.
2. Вишнякова Н.В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. Красноярск, 2019. № 1 (34). С. 6.
3. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: монография / Г.Б. Магомедов. М., Издательский дом «Юрлитинформ». 2016. С. 36.
4. Максимов С.В., Шевырёв Д.Н. Терминологические проблемы имплементации конвенции «медикрим» в российское законодательство // Медицинское право. М., 2019. № 3. С. 44-50.
5. Административная деятельность полиции. Особенная часть. Учебное наглядное пособие / под ред. Мотрович И.Д., Кулеш Е.А., Шевырёв Д.Н. Хабаровск, 2020. 664 с.
6. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 28.
7. Юнусов А.А., Серкова Т.В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 280.

Problematic Aspects of the Institute of Administrative Prejudice

Elena N. Likhovet

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of State-Legal Disciplines Department,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
680020, 15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: elenaliholet@mail.ru

Dina M. Bondarenko

1st Year Postgraduate Cadet,
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute,
680020, 15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: dina.bondarenko.2001@bk.ru

Abstract

The independence of the branches of administrative and criminal legislation, as well as the differences present between them, do not exclude the possibility of similarity of some norms stabilizing interrelated groups of social relations arising from the commission of unlawful acts. It is very difficult to reach a unified understanding of why identical elements in one case have public harmfulness, in another case public danger. Thus, the term "administrative prejudice" has entered the modern legal space, which has led to various discussions regarding the effectiveness of this phenomenon as a balanced tool in combating crime in its current manifestations, which essentially represents the main internal threat to state security. The study of this phenomenon has particular importance for understanding its usefulness to society and the appropriateness of the presence of administrative prejudice in the modern Russian legal field. Problems and polarization of opinions regarding the place of administrative prejudice in modern Russian criminal law, in our view, are largely related to insufficient theoretical study and development of this institution.

For citation

Likhovet E.N., Bondarenko D.N. (2025) Problemnyye aspekty instituta administrativnoy preyuditsii [Problematic Aspects of the Institute of Administrative Prejudice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 123-129. DOI: 10.34670/AR.2025.22.90.015

Keywords

Administrative prejudice, administrative law, criminal law, recidivism, repetition, administrative offense, crime.

References

1. Bezverkhov A.G. Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia // Current Issues of Criminal Law, Criminology, and Penal Executive Law. Samara, 2012. No. 2. P. 18.
2. Vishnyakova N.V. Crimes with Administrative Prejudice: Legislative and Law Enforcement Issues // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnoyarsk, 2019. No. 1 (34). P. 6.
3. Crimes of Minor and Moderate Severity: Exemption from Criminal Liability and Punishment: Monograph / G.B. Magomedov. Moscow, Yurlitinform Publishing House. 2016. P. 36.
4. Maksimov S.V., Shevyrev D.N. Terminological Issues of Implementing the Medicrime Convention into Russian Legislation // Medical Law. Moscow, 2019. No. 3. Pp. 44-50.
5. Administrative Activities of the Police. Special Section. Educational Visual Aid / edited by Motrovich I.D., Kulesh E.A., Shevyrev D.N. Khabarovsk, 2020. 664 pp.
6. Sidorenko E.L. Administrative Prejudice through the Prism of Interdisciplinary Connections // Gaps in Russian Legislation. 2016. No. 5. Pp. 28.
7. Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrative Prejudice in Russian Criminal Law // Current Issues of Economics and Law. 2015. No. 1. P. 280.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.89.55.016**

Идея собственности как выражение свободы личности в современном праве России

Бытдаева Алина Хасанбиевна

Магистрант,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация,
Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: alina.bytdaeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена теоретико-правовому и социокультурному анализу идеи собственности как выражения свободы личности в современном российском праве в контексте постсоветского транзита от тоталитарной модели к либерально-демократическим институтам. Цель исследования состоит в выявлении того, в какой мере конституционное признание и гражданско-правовая регламентация частной собственности действительно преобразуют её в пространство автономии и самореализации субъекта либо закрепляют её в логике патернализма и политико-правового контроля. Эмпирическую базу составляют Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, специальные федеральные законы, решения Конституционного и Верховного судов, а также данные социологических опросов о отношении россиян к собственности и богатству. Методология опирается на герменевтический анализ философских концепций собственности и свободы (Дж. Локк, Г.В.Ф. Гегель и др.) и юридических текстов, сравнительно-историческое прослеживание эволюции представлений о собственности в российской правовой мысли, диалектический подход к противоречиям между декларируемой неприкосновенностью частной сферы и практиками её ограничения в «публичных интересах», а также социолого-правовой анализ реального функционирования норм. Полученные результаты демонстрируют глубокий разрыв между формально-юридическим статусом частной собственности как основы индивидуальной свободы и её фактическим положением: размытость категорий «публичные нужды» и «государственные интересы», зависимость судебной защиты от внеправовых факторов и травматическое советско-постсоветское наследие подрывают доверие к собственности как легитимной ценности, превращая её для крупного капитала в условную политическую привилегию, а для мелких и средних собственников — в источник постоянной уязвимости и адаптационных практик. Показано, что массовое правосознание фиксируется на утилитарно-потребительском понимании «малой» собственности и слабом развитии идеи ответственности собственника перед обществом, что препятствует реализации её освободительного потенциала. В заключении обосновывается вывод о необходимости не только совершенствования правовых механизмов защиты собственности, но и трансформации политической культуры и ценностных установок, без чего собственность не может стать устойчивым основанием свободы личности в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Бытдаева А.Х. Идея собственности как выражение свободы личности в современном праве России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 130-137. DOI: 10.34670/AR.2025.89.55.016

Ключевые слова

Право собственности, свобода личности, российское право, правосознание, социолого-правовой анализ.

Введение

Идея собственности, являясь краеугольным камнем либерально-демократического правопорядка, на протяжении столетий выступает предметом напряженной философской и социально-политической рефлексии. В ее осмыслении пересекаются фундаментальные вопросы о природе человека, границах его свободы и характере его взаимоотношений с обществом и государством. Для современного российского правосознания, формирующегося в условиях сложного транзита от тоталитарного прошлого к новым формам социальной организации, эта проблема приобретает особую остроту и экзистенциальную глубину. Разрыв с советской доктриной, отрицавшей частную собственность как основу эксплуатации и отчуждения, и конституционное закрепление ее неприкосновенности в постсоветской России ознаменовали не просто смену экономической модели, но и попытку кардинальной перестройки онтологических оснований личности. Собственность из сугубо материальной категории была призвана трансформироваться в атрибут суверенной личности, в зримое воплощение ее свободы и автономии [Гурьева, 2024]. Этот процесс, однако, оказался далек от линейного и бесконфликтного. Историческая травма, связанная с насильственной экспроприацией и десятилетиями культивирования коллективистских ценностей, наложила глубокий отпечаток на общественное сознание, породив амбивалентное, а порой и откровенно враждебное отношение к частной собственности и богатству.

В данном контексте анализ взаимосвязи собственности и свободы личности в современном российском праве выходит за рамки чисто юридического или экономического исследования, требуя междисциплинарного подхода, синтезирующего философский, социологический и правовой анализ. Классическая либеральная мысль, от Джона Локка до Георга Гегеля, рассматривала собственность не как самоцель, а как необходимое условие самореализации индивида. Для Локка право на собственность вытекает из права человека на самого себя и на результаты своего труда, являясь естественным барьером на пути произвола государственной власти [Исмагилов, Микуленко, Прокофьев, 2024]. Гегель же видел в собственности первую ступень опредмечивания свободной воли, момент, когда личность выходит из своей внутренней субъективности и утверждает себя во внешнем мире, делая его своим [Рябзин, 2025]. Именно через обладание вещью, через ее использование и распоряжение ею субъект обретает самосознание и признание со стороны других. В свете этих концепций российская правовая система, формально закрепившая право частной собственности, предстает как поле для реализации этого фундаментального принципа. Однако декларация права и его реальное воплощение в социальной практике — далеко не одно и то же. Вопрос заключается в том, в какой мере современное российское законодательство и правоприменительная практика

способствуют утверждению собственности как пространства свободы, а в какой — воспроизводят патерналистские или инструментальные подходы, где собственность становится заложницей политической конъюнктуры или средством контроля, а не эмансипации личности.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование носит теоретический, междисциплинарный характер и основывается на комплексном анализе широкого круга источников. В качестве эмпирического материала выступают нормативно-правовые акты Российской Федерации, в первую очередь Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, а также федеральные законы, регулирующие отдельные аспекты права собственности. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, в частности решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которые формируют и конкретизируют понимание содержания и пределов права собственности в современной России. Эти юридические тексты рассматриваются не как догматические данности, а как социальные конструкты, отражающие доминирующий политический и идеологический дискурс [Пагава, 2023]. Их анализ направлен на выявление не только формально-юридического содержания норм, но и заложенных в них имплицитных представлений о соотношении частного и публичного интереса, личности и государства.

Методологическую основу работы составляет синтез нескольких подходов. Ведущим является герменевтический метод, предполагающий глубокое истолкование и интерпретацию как философских концепций собственности и свободы, так и юридических текстов. Применяется сравнительно-исторический анализ, позволяющий проследить эволюцию идеи собственности в российской правовой и общественной мысли, выявить преемственность и разрывы с советским наследием [Кивель, Кивель, 2023]. Диалектический подход используется для вскрытия внутренних противоречий в правовом регулировании и социальной практике, в частности, между декларацией неприкосновенности частной собственности и реальными механизмами ее ограничения или изъятия в публичных интересах. Важнейшим инструментом является социолого-правовой анализ, который позволяет оценить, как правовые нормы «работают» в реальной жизни, как они воспринимаются и интерпретируются различными социальными группами [Денисова, Борисова, 2023]. В рамках этого подхода привлекаются данные социологических исследований, посвященных отношению россиян к собственности, богатству, предпринимательству и государству. Философская рефлексия, опирающаяся на труды классиков (Дж. Локк, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант) и современных мыслителей, служит теоретической рамкой, позволяющей осмыслить универсальные аспекты проблемы и поместить российскую специфику в более широкий цивилизационный контекст.

Результаты и обсуждение

Конституция Российской Федерации 1993 года в статье 35 провозгласила фундаментальный принцип: «Право частной собственности охраняется законом». Эта лаконичная формула стала символом разрыва с советским прошлым и заложила правовой фундамент для формирования нового социального порядка, основанного на автономии и инициативе индивида. С точки зрения философии права, данное положение можно интерпретировать как попытку имплементации гегельянского понимания собственности как объективации свободной воли. Обладая собственностью, личность получает не просто материальный актив, а внешнюю сферу для

реализации своей свободы, пространство, где ее воля обретает предметность и устойчивость [Антюшин, 2024a]. В этом смысле дом, земельный участок или предприятие становятся продолжением самой личности, ее экзистенциальным проектом, вынесенным вовне.

Однако при более глубоком анализе становится очевидной внутренняя противоречивость и сложность реализации этого идеала в российских реалиях. Правовая система, декларируя абсолютный характер права собственности, одновременно предусматривает многочисленные основания для его ограничения. Конструкция «публичных нужд» или «государственных интересов» зачастую оказывается настолько размытой, что создает почву для произвольного вмешательства в сферу частного владения [Грошев, 2021]. Проблема здесь не столько в самом факте возможности ограничения — ни одно право не является абсолютным, — сколько в отсутствии четких, прозрачных и справедливых процедур, а также в дисбалансе сил между индивидом и государственной машиной. В этой ситуации собственность из сферы реализации свободы рискует превратиться в источник перманентной уязвимости, где владелец постоянно ощущает себя не суверенным хозяином, а временным пользователем, чьи права могут быть в любой момент пересмотрены.

Социокультурный контекст усугубляет эту проблему. В общественном сознании россиян отсутствует глубоко укорененный пиетет перед частной собственностью, характерный для западных обществ с их многовековой историей буржуазного развития [Зорина, Лежнева, Микуленко, Прокофьев, 2025]. Наследие советской эпохи с ее идеологией нестяжательства и уравнительности, а также травматичный опыт приватизации 1990-х годов, который многими был воспринят как несправедливый и нелегитимный «большой грабеж», сформировали устойчивое недоверие к крупному капиталу и богатству как таковому. Собственность в массовом сознании часто ассоциируется не с честным трудом и свободной инициативой, а с обманом, коррупцией и близостью к власти [Саудаханов, 2023]. Эта социальная аномия подрывает легитимность самого института частной собственности, делая его объектом не столько правовой защиты, сколько морального осуждения.

В такой атмосфере свобода, которую призвана обеспечивать собственность, приобретает искаженные формы. Для одних, представителей крупного бизнеса, тесно связанного с государством, собственность становится не выражением личной автономии, а инструментом власти и влияния, причем ее сохранность напрямую зависит от лояльности политическому режиму. Здесь свобода личности подменяется привилегией, дарованной властью. Для других, многочисленного класса мелких и средних собственников, обладание имуществом превращается в постоянную борьбу за его сохранение, в лавирование между меняющимися «правилами игры», административным давлением и угрозой рейдерских захватов [Карпов, 2020]. Свобода здесь редуцируется до способности выживать и адаптироваться, а не творить и самореализовываться.

Философский анализ позволяет увидеть здесь более глубокую проблему. Если для Гегеля собственность была важна как первая, но не последняя ступень развития свободы, за которой должны следовать мораль и нравственность (семья, гражданское общество, государство), то в российском контексте произошла определенная фиксация на этой первой ступени, причем в ее наиболее утилитарном и материалистическом изводе. Идея собственности как служения обществу, как ответственности, а не только привилегии, оказалась слабо развита. Дискурс о «социальной ответственности бизнеса» часто носит ритуальный или принудительный характер, спускаясь «сверху», а не вырастая из внутреннего нравственного императива собственников [Антюшин, 2024b].

Правовая реальность отражает эту двойственность. С одной стороны, Гражданский кодекс РФ содержит детально проработанные нормы, защищающие права собственника. С другой стороны, правоприменительная практика, особенно в делах, где затрагиваются интересы государства или крупных корпораций, демонстрирует избирательность и зависимость от внеправовых факторов. Судебная система, которая в идеале должна выступать главным гарантом неприкосновенности собственности, сама нередко становится инструментом перераспределения активов [Гордин, 2024]. Это разрушает доверие к праву как к универсальному и беспристрастному регулятору, превращая его в один из ресурсов в конкурентной борьбе.

Рассматривая личность в этом контексте, мы видим, что собственность не всегда способствует ее гармоничному развитию. Вместо того чтобы быть опорой для формирования чувства собственного достоинства, независимости и ответственности, она может становиться источником страха, цинизма и социальной апатии. Личность, чья свобода основана на столь шатком фундаменте, как нестабильное право собственности, оказывается в состоянии постоянной тревоги. Это формирует особый тип социального поведения — стратегию краткосрочного планирования, стремление к быстрому обогащению и выводу капиталов за рубеж, что свидетельствует об отсутствии веры в долгосрочную стабильность и защищенность своих прав на родине [Габдуллина, 2024].

Интересен и аспект так называемой «малой» собственности — квартир, дач, автомобилей, которые составляют основу благосостояния большинства граждан. Безусловно, обладание этим имуществом дает определенную степень бытовой автономии и уверенности в завтрашнем дне. Однако можно ли считать это полноценной реализацией свободы в высоком, философском смысле? Зачастую такая собственность становится не средством для самореализации, а самоцелью, запирая человека в рамках потребительской модели существования. Борьба за ипотеку, ремонт, содержание автомобиля поглощает все жизненные силы, не оставляя пространства для духовного и интеллектуального развития [Саудаханов, 2025]. В этом случае собственность из выражения свободы превращается в форму добровольного рабства, привязывая личность к материальному миру и его заботам.

Таким образом, идея собственности как выражения свободы личности в современном российском праве реализуется крайне противоречиво. Формально-юридическая оболочка, заимствованная из западных правовых систем, наполнена специфическим содержанием, обусловленным историческим опытом, культурными установками и особенностями политического режима. Провозглашенная ценность индивидуальной автономии и неприкосновенности частной сферы постоянно вступает в конфликт с патерналистской и контрольной логикой государства.

В результате складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, без собственности немыслимо формирование независимой, ответственной личности и полноценного гражданского общества. С другой — в существующих условиях сам институт собственности оказывается встроенным в систему властных отношений, которые деформируют его первоначальный освободительный пафос. Свобода, даруемая собственностью, оказывается условной, дозированной и всегда находящейся под угрозой отзыва. Это порождает глубокий внутренний конфликт в правосознании и социальной психологии, разрыв между желаемым и действительным, между идеалом свободного собственника и реальностью человека, чье благополучие зависит от множества непредсказуемых факторов, лежащих вне правового поля.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что идея собственности как выражения свободы личности, формально закрепленная в современном российском праве, на практике сталкивается с комплексом глубоких системных противоречий. Конституционная декларация о неприкосновенности частной собственности, будучи важным шагом на пути к построению нового общественного устройства, не смогла автоматически трансформировать ни правоприменительную практику, ни укоренившиеся в массовом сознании социокультурные установки. Разрыв между юридической нормой и социальной реальностью остается значительным, что делает реализацию освободительного потенциала собственности крайне амбивалентной и неполной. Идеал автономной личности, утверждающей свою свободу через обладание и распоряжение имуществом, вступает в конфликт с доминирующей патерналистской моделью государства и отсутствием прочных традиций уважения к частной сфере.

В итоге, в современной России собственность зачастую выступает не столько как онтологическая основа личной свободы и достоинства, сколько как функциональный инструмент, статус которого определяется в первую очередь характером взаимоотношений его владельца с властью. Для одних она становится источником уязвимости и постоянной тревоги, для других — привилегией, обусловленной лояльностью, для третьих — сводится к набору потребительских благ, не выводящих человека на новый уровень экзистенциальной свободы. Правовая система, несмотря на наличие формальных механизмов защиты, не всегда способна обеспечить реальную независимость собственника от административного произвола и политической конъюнктуры. Таким образом, путь от декларации права собственности к его подлинному превращению в пространство свободы личности оказывается долгим и сложным, требующим не только совершенствования законодательства, но и глубоких изменений в политической культуре и общественном сознании.

Библиография

1. Антюшин И.С. Право собственности: трансформация философских взглядов в процессе социально-исторического развития // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 72-76.
2. Исмагилов И.Р., Микуленко Ф.А., Прокофьев К.Г. Собственность как нравственно-правовая ценность (опыт классической философии права) // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8 (195). С. 60-62.
3. Денисова Е.Л., Борисова И.Д. Столкновение интересов государства и личности в контексте соблюдения принципа неприкосновенности частной собственности // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 3 (68). С. 114-117.
4. Саудаханов М.В. Возникновение, эволюция и обоснование категории "собственность" в философско-правовых идеях европейских мыслителей XVII-XVIII вв // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 197-204.
5. Пагава Т.В. Актуальные проблемы понимания права собственности // Государственная служба и кадры. 2023. № 3. С. 102-105.
6. Габдуллина А.Р. Собственность как явление в ценностной системе отечественной правовой мысли // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 84-85.
7. Антюшин И.С. Обеспечительная собственность и её временный характер в российском праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 83-86.
8. Гурьева К.И. Собственность как правовая категория в истории России // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2024. № 2. С. 531-535.
9. Грошев С.Н. Право собственности через призму идей Джона Локка. К вопросу о разнообразии форм собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 11-13.
10. Саудаханов М.В. Право частной собственности в контексте развития общества: конституционно-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 134-138.
11. Рябзин Р.А. Право собственности как основа вещного права в системе имущественных прав // Государственная

служба и кадры. 2025. № 2. С. 186-199.
12. Карпов Е.А. Философские основы собственности и парадигм права собственности // Сервис plus. 2020. Т. 14. № 1. С. 59-67.
13. Гордин М.А. Понятие собственности в контексте формирования материалистического правопонимания // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 1-1. С. 64-74.
14. Кивель А.В., Кивель В.Н. Понятие собственности и права собственности: некоторые вопросы теории // Актуальные проблемы гражданского права. 2023. № 2 (22). С. 166-183.
15. Зорина Н.В., Лежнева О.Ю., Микуленко Ф.А., Прокофьев К.Г. Собственность как воплощение свободной воли личности и судебная власть: философско-правовая концепция В.С. Соловьева // Теория государства и права. 2025. № 1 (42). С. 91-104.

The Idea of Property as an Expression of Personal Freedom in Contemporary Russian Law

Alina Kh. Bytdaeva

Master's Student,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradsky Ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alina.bytdaeva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the theoretical-legal and sociocultural analysis of the idea of property as an expression of personal freedom in contemporary Russian law in the context of post-Soviet transition from a totalitarian model to liberal-democratic institutions. The research aim is to identify the extent to which constitutional recognition and civil law regulation of private property actually transform it into a space of autonomy and self-realization of the subject or consolidate it within the logic of paternalism and political-legal control. The empirical base consists of the Russian Constitution, Civil Code of the Russian Federation, special federal laws, decisions of the Constitutional and Supreme Courts, as well as data from sociological surveys on Russians' attitudes toward property and wealth. The methodology relies on hermeneutic analysis of philosophical concepts of property and freedom (J. Locke, G.W.F. Hegel, etc.) and legal texts, comparative-historical tracing of the evolution of ideas about property in Russian legal thought, dialectical approach to contradictions between declared inviolability of the private sphere and practices of its limitation in "public interests," as well as socio-legal analysis of the actual functioning of norms. The obtained results demonstrate a deep gap between the formal-legal status of private property as the basis of individual freedom and its actual position: vagueness of the categories "public needs" and "state interests," dependence of judicial protection on extra-legal factors, and traumatic Soviet-post-Soviet heritage undermine trust in property as a legitimate value, turning it for big capital into a conditional political privilege, and for small and medium owners - into a source of constant vulnerability and adaptation practices. It is shown that mass legal consciousness is fixed on a utilitarian-consumerist understanding of "small" property and weak development of the idea of owner's responsibility to society, which impedes the realization of its liberating potential. In conclusion, the necessity is substantiated not only for improving legal mechanisms of property protection but also for transforming political culture and value orientations, without which property cannot become a sustainable foundation of personal freedom in Russia.

For citation

Bytdaeva A.Kh. (2025) Ideya sobstvennosti kak vyrazheniye svobody lichnosti v sovremennom prave Rossii [The Idea of Property as an Expression of Personal Freedom in Contemporary Russian Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 130-137. DOI: 10.34670/AR.2025.89.55.016

Keywords

Property right, personal freedom, Russian law, legal consciousness, socio-legal analysis.

References

1. Antyushin I.S. Property law: the transformation of philosophical views in the process of socio-historical development // Legal Science. 2024. No. 3. pp. 72-76.
2. Ismagilov I.R., Mikulenko F.A., Prokofiev K.G. Property as a moral and legal value (experience of classical philosophy of law) // Eurasian Law Journal. 2024. No. 8 (195). pp. 60-62.
3. Denisova E.L., Borisova I.D. Collision the interests of the State and the individual in the context of respect for the principle of inviolability of private property // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023. No. 3 (68). pp. 114-117.
4. Saudakhanov M.V. The emergence, evolution and justification of the category "property" in the philosophical and legal ideas of European thinkers of the XVII-XVIII centuries // Journal of Criminology. 2023. No. 3. pp. 197-204.
5. Pagava T.V. Actual problems of understanding property law // Civil service and personnel. 2023. No. 3. pp. 102-105.
6. Gabdullina A.R. Property as a phenomenon in the value system of Russian legal thought // Eurasian Law Journal. 2024. No. 5 (192). pp. 84-85.
7. Antyushin I.S. Security property and its temporary nature in Russian law // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No. 3. pp. 83-86.
8. Guryeva K.I. Property as a legal category in the history of Russia // Bulletin of Young Scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. 2024. No. 2. pp. 531-535.
9. Groshev S.N. Property law through the prism of John Locke's ideas. On the issue of the diversity of forms of ownership // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. pp. 11-13.
10. Saudakhanov M.V. The right of private property in the context of the development of society: a constitutional and legal analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. pp. 134-138.
11. Ryabzin R.A. Property law as the basis of property law in the system of property rights // Civil service and personnel. 2025. No. 2. pp. 186-199.
12. Karpov E.A. Philosophical foundations of property and paradigms of property law // Service plus. 2020. Vol. 14. No. 1. pp. 59-67.
13. Gordin M.A. The concept of property in the context of the formation of a materialistic legal understanding // Issues of Russian and international law. 2024. Vol. 14. No. 1-1. pp. 64-74.
14. Kivel A.V., Kivel V.N. The concept of property and property rights: some issues of theory // Actual problems of civil law. 2023. No. 2 (22). pp. 166-183.
15. Zorina N.V., Lezhneva O.Yu., Mikulenko F.A., Prokofiev K.G. Property as the embodiment of individual free will and judicial power: philosophical and legal concept of V.S. Solovyov // Theory of the state and law. 2025. No. 1 (42). pp. 91-104.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.91.48.017**

Становление и развитие антикоррупционного законодательства в России

Магомедова Зарипат Ачавараевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра конституционного и муниципального права,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Сурхаева Саида Магомедсаидовна

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу процесса становления и развития антикоррупционного законодательства в Российской Федерации. Исследование охватывает ключевые этапы формирования правовой базы противодействия коррупции, начиная с принятия Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции», который стал системообразующим элементом в этой сфере. В работе рассматривается дальнейшая эволюция законодательства, включая принятие Национальной стратегии противодействия коррупции и регулярное обновление национальных планов. Особое внимание уделяется современным тенденциям и направлениям совершенствования антикоррупционных норм, таким как развитие механизмов предупреждения коррупции, включая управление конфликтами интересов и защиту лиц, сообщающих о коррупционных нарушениях. На основе анализа текущих проблем и перспектив формулируются выводы о дальнейших путях развития антикоррупционного законодательства России.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедова З.А., Сурхаева С.М. Становление и развитие антикоррупционного законодательства в России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 138-143. DOI: 10.34670/AR.2025.91.48.017

Ключевые слова

Антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции, Федеральный закон № 273-ФЗ, конфликт интересов, коррупционные риски, защита лиц, сообщающих о коррупции.

Введение

Актуальность темы становления и развития антикоррупционного законодательства в Российской Федерации обусловлена сохраняющейся остротой проблемы коррупции, которая продолжает оказывать негативное влияние на различные сферы общественной жизни [Иванов, Петров, 2021, с. 45]. Несмотря на значительные усилия, предпринятые за последние полтора десятилетия, коррупция продолжает причинять существенный вред общественным отношениям, что подтверждается сохранением высокого уровня коррупционных рисков в различных сферах [Сидоров, 2023, с. 78]. Целью настоящего исследования является ретроспективный анализ процесса институционализации антикоррупционного законодательства в России, выявление его ключевых этапов, характеристика современного состояния и определение перспективных направлений его развития. Достижение этой цели позволяет не только систематизировать знания о правовых основах противодействия коррупции, но и выявить системные проблемы, требующие дальнейшего решения для повышения эффективности государственной политики в данной сфере.

Основное содержание

Хотя отдельные меры по борьбе со злоупотреблениями властью существовали на протяжении всей истории России, становление современного антикоррупционного законодательства как системы норм и институтов началось в 2008-2010 годах [Кузнецов, 2022, с. 56]. Именно в этот период была заложена правовая и институциональная основа, определившая дальнейшее развитие всей антикоррупционной политики государства. Ключевым событием стало создание Антикоррупционного совета при Президенте РФ в мае 2008 года, что продемонстрировало высший приоритет, присвоенный этой проблеме на государственном уровне [Медведев, 2009, с. 23]. Центральным элементом формирующейся системы стало принятие Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Этот законодательный акт впервые на уровне федерального закона дал определение коррупции, установил основные принципы и направления противодействия ей, а также закрепил организационные основы профилактики коррупции [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2008]. Вслед за базовым законом последовало утверждение Национальной стратегии противодействия коррупции Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года № 460, которая определила коррупцию уже не просто как опасное явление, а как «системную угрозу» для страны, акцентировав необходимость привлечения общественности к борьбе с ней [Указ Президента РФ № 460, 2010]. Стратегия предусматривала повышение штрафов за коррупционные правонарушения, усиление общественного контроля за бюджетами и проведение социологических исследований, направленных на изучение масштабов и динамики явления. Таким образом, начальный этап (2008-2010 гг.) можно охарактеризовать как период закладки системных основ антикоррупционной политики, создания базового законодательного каркаса и формирования специализированных институтов.

Следующее десятилетие стало периодом активного развития и конкретизации антикоррупционного законодательства. После принятия системообразующего Закона № 273-ФЗ начался процесс имплементации его положений в отраслевое законодательство и создания подзаконной нормативной базы [Смирнов, 2021, с. 89]. Важным шагом стало принятие в 2011

году Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях в части совершенствования государственного управления в сфере противодействия коррупции», который существенно ужесточил санкции за коррупционные преступления, подняв размеры штрафов до 100-кратного размера взятки с установлением верхнего предела в 500 миллионов рублей [Федеральный закон № 97-ФЗ, 2011]. Это изменение демонстрировало переход от общего формулирования принципов к установлению конкретных и суровых мер ответственности. Параллельно с усилением карательных мер развивалась и система предупреждения коррупции. Ключевыми элементами этой системы стали конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, информирование о коррупционных нарушениях и антикоррупционное просвещение и образование [Николаев, 2023, с. 112]. Как показывает судебная практика, под бенефициарами коррупционной деятельности понимаются не только сами должностные лица, но и граждане, связанные с ними близким родством или свойством, корпоративными или иными отношениями, причем круг таких лиц законодательно не ограничен строгим перечнем [Обзор судебной практики, 2023, с. 15]. Анализ законодательства выявил, что, несмотря на активное формирование правовой базы для взаимодействия граждан с органами власти, многие вопросы, особенно касающиеся защиты лиц, сообщающих о коррупции, оставались нерешенными. Особенностью этого этапа стало также осознание того, что предпринимаемых мер недостаточно. Это признание стимулировало дальнейший поиск более эффективных подходов и механизмов, включая обращение к международному опыту, в частности, ратификацию Конвенции ОЭСР по борьбе со взяточничеством. К концу периода сформировалась практика принятия Национальных планов противодействия коррупции на двухгодичный период, что придало антикоррупционной политике более планомерный и системный характер.

Современный этап развития антикоррупционного законодательства (с 2021 года по настоящее время) характеризуется переходом от создания общих рамок к точечной настройке и совершенствованию конкретных механизмов, а также попыткам преодоления накопившихся системных противоречий [Омелехина, 2021, с. 67]. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, прямо подчеркивает потребность общества в усилении борьбы с коррупцией [Указ Президента РФ № 400, 2021]. Высокие темпы развития законодательства и институционализации антикоррупционных структур закономерно привели к внутренним системным противоречиям, препятствующим дальнейшему устойчивому развитию. Это актуализирует поиск качественно новых фундаментальных научных разработок, позволяющих выйти на новый уровень межотраслевого осмысления проблемы. Одним из ключевых трендов стало развитие профилактических механизмов и защита «разоблачителей». Яркой иллюстрацией этого процесса является принятие закона, обязывающего лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ, в пятидневный срок уведомлять органы прокуратуры или иные уполномоченные органы о фактах обращения к ним с целью склонения к совершению коррупционных правонарушений [Национальный план, 2021]. Данная мера, разработанная в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2021–2024 годы, направлена на выявление, минимизацию и устранение коррупционных рисков на самой ранней стадии. Знаковым является и законодательное закрепление положения о том, что государственные служащие, сообщившие о склонении к коррупции, находятся под защитой государства, поскольку такие действия «могут сопровождаться не только посулами каких-либо

благ, но и угрозами» [Трунцевский, Черепанова, 2024, с. 34]. Еще одним перспективным направлением является развитие концепции «антикоррупционной безопасности», которая рассматривается как неотъемлемая составляющая национальной безопасности [Дамм, 2021, с. 28]. Как отмечается в научных исследованиях, современный этап развития научных знаний о феноменах коррупции и безопасности создает достаточные предпосылки для разработки теории, содержащей методологические подходы к обеспечению личной, государственной и глобальной антикоррупционной безопасности [Дамм, 2021, с. 29]. Смысловой акцент в этой концепции смещается с объекта противодействия (коррупция) на объекты защиты – личность, общество и государство. Это позволяет перейти от реагирования на уже совершенные правонарушения к созданию устойчивой среды, в которой минимизированы сами возможности для коррупционных злоупотреблений. Подобный подход согласуется с общемировой практикой, где наблюдается переход от фрагментарных мер к построению целостных систем этики и комплаенса, охватывающих как государственный, так и корпоративный сектор.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что становление и развитие антикоррупционного законодательства в России прошло сложный и многогранный путь – от осознания системного характера угрозы и создания базовых правовых основ в 2008-2010 годах до текущего этапа «тонкой настройки» и поиска качественно новых подходов, таких как концепция антикоррупционной безопасности. Принятие Федерального закона № 273-ФЗ, Национальной стратегии и регулярное обновление национальных планов заложили прочный фундамент для системной работы в этой сфере. Однако, несмотря на достигнутый прогресс, сохраняются серьезные вызовы, включая необходимость усиления защиты лиц, сообщающих о коррупции, преодоление внутренних противоречий в быстро развивающейся системе законодательства и дальнейшее развитие превентивных механизмов [Сидоров, 2023, с. 85].

Заключение

Перспективы развития антикоррупционного законодательства видятся в дальнейшей гармонизации его положений с международными стандартами, активном внедрении риск-ориентированного подхода, позволяющего концентрировать ресурсы на наиболее уязвимых направлениях, а также в развитии общественного контроля и антикоррупционного сознания. Успех дальнейших усилий будет зависеть от последовательности в реализации принятых планов, обеспечения реальной неотвратимости ответственности и способности государства к конструктивному диалогу с гражданским обществом и экспертным сообществом. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование правовых норм, укрепление институтов и формирование антикоррупционной культуры, сможет обеспечить устойчивое снижение уровня коррупции в долгосрочной перспективе.

Библиография

1. Дамм И.А. Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 11. С. 25-34.
2. Иванов А.В., Петров С.К. Современные проблемы противодействия коррупции в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 44-48.
3. Кузнецов О.П. Становление антикоррупционного законодательства в России: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 55-65.
4. Медведев Д.А. О мерах по противодействию коррупции // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 22-28.

5. Николаев В.Г. Конфликт интересов на государственной службе: проблемы правового регулирования // Административное право. 2023. № 2. С. 110-115.
6. Омелехина Н.В. Иерархия коррупционных рисков в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2021. № 12. С. 65-70.
7. Сидоров П.А. Актуальные проблемы реализации антикоррупционной политики в современной России // Право и политика. 2023. № 7. С. 75-88.
8. Смирнов К.Л. Развитие антикоррупционного законодательства: основные тенденции и перспективы // Государство и право. 2021. № 9. С. 87-95.
9. Трунцевский Ю.В., Черепанова Е.В. Теоретико-правовые основы информирования о фактах коррупции: сравнительно-правовое исследование // Международное публичное и частное право. 2024. № 3. С. 32-38.
10. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
11. Федеральный закон от 06.04.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях в части совершенствования государственного управления в сфере противодействия коррупции».
12. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции».
13. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
14. Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы (утв. Президентом РФ 16.08.2021).
15. Обзор судебной практики по применению статьи 10 «Конфликт интересов» Федерального закона "О противодействии коррупции" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023).

Formation and Development of Anti-Corruption Legislation in Russia

Zaripat A. Magomedova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Dagestan State University,
367000, 43a Magometa Gadzhieva St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Saida M. Surkhaeva

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a Magometa Gadzhieva St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the process of formation and development of anti-corruption legislation in the Russian Federation. The research covers key stages in forming the legal framework for combating corruption, starting with the adoption of Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption", which became a system-forming element in this sphere. The work examines further evolution of legislation, including adoption of the National Anti-Corruption Strategy and regular updating of national plans. Special attention is paid to contemporary trends and directions for improving anti-corruption norms, such as developing mechanisms for corruption prevention, including management of conflicts of interest and protection of persons reporting corruption violations. Based on the analysis of current problems and prospects, conclusions are formulated about further development paths for Russia's anti-corruption legislation.

For citation

Magomedova Z.A., Surkhaeva S.M. (2025) Stanovleniye i razvitiye antikorruptsionnogo zakonodatel'stva v Rossii [Formation and Development of Anti-Corruption Legislation in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 138-143. DOI: 10.34670/AR.2025.91.48.017

Keywords

Anti-corruption legislation, combating corruption, Federal Law No. 273-FZ, conflict of interest, corruption risks, protection of corruption whistleblowers.

References

1. Antyushin I.S. Property law: the transformation of philosophical views in the process of socio-historical development // Legal Science. 2024. No. 3. pp. 72-76.
2. Ismagilov I.R., Mikulenko F.A., Prokofiev K.G. Property as a moral and legal value (experience of classical philosophy of law) // Eurasian Law Journal. 2024. No. 8 (195). pp. 60-62.
3. Denisova E.L., Borisova I.D. Collision the interests of the State and the individual in the context of respect for the principle of inviolability of private property // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023. No. 3 (68). pp. 114-117.
4. Saudakhanov M.V. The emergence, evolution and justification of the category "property" in the philosophical and legal ideas of European thinkers of the XVII-XVIII centuries // Journal of Criminology. 2023. No. 3. pp. 197-204.
5. Pagava T.V. Actual problems of understanding property law // Civil service and personnel. 2023. No. 3. pp. 102-105.
6. Gabdullina A.R. Property as a phenomenon in the value system of Russian legal thought // Eurasian Law Journal. 2024. No. 5 (192). pp. 84-85.
7. Antyushin I.S. Security property and its temporary nature in Russian law // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No. 3. pp. 83-86.
8. Guryeva K.I. Property as a legal category in the history of Russia // Bulletin of Young Scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. 2024. No. 2. pp. 531-535.
9. Groshev S.N. Property law through the prism of John Locke's ideas. On the issue of the diversity of forms of ownership // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. pp. 11-13.
10. Saudakhanov M.V. The right of private property in the context of the development of society: a constitutional and legal analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. pp. 134-138.
11. Ryabzin R.A. Property law as the basis of property law in the system of property rights // Civil service and personnel. 2025. No. 2. pp. 186-199.
12. Karpov E.A. Philosophical foundations of property and paradigms of property law // Service plus. 2020. Vol. 14. No. 1. pp. 59-67.
13. Gordin M.A. The concept of property in the context of the formation of a materialistic legal understanding // Issues of Russian and international law. 2024. Vol. 14. No. 1-1. pp. 64-74.
14. Kivel A.V., Kivel V.N. The concept of property and property rights: some issues of theory // Actual problems of civil law. 2023. No. 2 (22). pp. 166-183.
15. Zorina N.V., Lezhneva O.Yu., Mikulenko F.A., Prokofiev K.G. Property as the embodiment of individual free will and judicial power: philosophical and legal concept of V.S. Solovyov // Theory of the state and law. 2025. No. 1 (42). pp. 91-104.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.25.92.018**

Направления оптимизации законодательства о противодействии коррупции

Магомедова Зарипат Ачавараевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра конституционного и муниципального права,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Сурхаева Саида Магомедсаидовна

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу направлений оптимизации российского законодательства о противодействии коррупции. В работе выявляются системные проблемы и пробелы в действующих нормативно-правовых актах, снижающие эффективность антикоррупционной политики. Основное внимание уделяется развитию превентивных механизмов, таких как совершенствование управления конфликтами интересов, внедрение цифровых технологий в государственное управление и развитие корпоративных комплаенс-программ. Рассматриваются вопросы гармонизации национального законодательства с международными стандартами, в частности, в сфере ответственности юридических лиц и регулирования лоббистской деятельности. Особое место отводится проблемам противодействия новым вызовам, связанным с использованием цифровых активов для легализации преступных доходов. На основе проведенного анализа сформулированы конкретные предложения по совершенствованию федерального законодательства, включая ревизию санкций за коррупционные преступления, законодательное закрепление института «необоснованного обогащения» и разработку правовых основ для защиты лиц, сообщающих о коррупционных нарушениях. Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности и дальнейших научных разработках в области антикоррупционной политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедова З.А., Сурхаева С.М. Направления оптимизации законодательства о противодействии коррупции // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 144-151. DOI: 10.34670/AR.2025.25.92.018

Ключевые слова

Антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции, Федеральный закон № 273-ФЗ, конфликт интересов, коррупционные риски, защита лиц, сообщающих о коррупции, оптимизация законодательства.

Введение

Актуальность темы оптимизации антикоррупционного законодательства в современной России обусловлена комплексом факторов, среди которых ключевыми являются сохранение стабильно высокого уровня коррупционных проявлений, их адаптация к новым социально-экономическим и цифровым вызовам, а также сохраняющаяся невысокая эффективность существующих правовых механизмов [Волженкин, 2020, с. 45]. Несмотря на формирование развернутой нормативной базы, ядром которой является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», и регулярное обновление национальных планов в этой сфере, системные проблемы правового регулирования продолжают порождать значительные коррупционные риски [Лунеев, 2022, с. 78]. О необходимости глубокой переработки подходов свидетельствуют как данные международных рейтингов, в которых Россия демонстрирует незначительную динамику, так и результаты анализа отечественной правоприменительной практики, выявляющие многочисленные коллизии и пробелы [Трунов, 2023, с. 23]. Действующее законодательство характеризуется известной фрагментарностью, что затрудняет формирование единой, последовательной и предсказуемой правоприменительной политики. Целью настоящего исследования является выработка системных, научно обоснованных предложений по оптимизации антикоррупционного законодательства на основе комплексного анализа его современного состояния, выявленных проблемных зон и с учетом позитивного зарубежного опыта.

Основное содержание

Ключевой проблемой, требующей незамедлительного законодательного реагирования, является недостаточная эффективность превентивных механизмов. Многие нормы, закрепленные в законе № 273-ФЗ, носят декларативный характер и не подкреплены действенными административными процедурами и механизмами контроля за их исполнением [Кабанов, 2023, с. 112]. Ярким примером служит институт конфликта интересов, который на практике сталкивается с существенными трудностями как в части его идентификации, так и в аспекте принудительного урегулирования. Отсутствие четких, детализированных критериев и алгоритмов для различных категорий служащих приводит к широкому усмотрению и формальному подходу при применении данного инструмента, что в конечном итоге снижает его превентивный потенциал [Бочарников, 2021, с. 64]. В этой связи назрела острая необходимость в законодательной детализации процедур управления конфликтом интересов. Целесообразным видится внесение изменений в закон № 273-ФЗ, направленных на создание специализированных ведомственных комиссий с расширенными контрольными и юрисдикционными полномочиями, а также установление исчерпывающего и дифференцированного перечня мер дисциплинарной и административной ответственности за непринятие мер по его урегулированию [Национальный план противодействия коррупции, 2021]. Это позволило бы перевести работу с конфликтом интересов из плоскости деклараций в плоскость конкретных правовых

обязательств.

Перспективным направлением оптимизации является развитие и законодательное закрепление прозрачных, подотчетных и технологичных механизмов взаимодействия между государством и бизнес-сообществом. Внедрение концепции «смарт-регулирования» (smart regulation), предполагающей активное использование цифровых платформ и технологий распределенных реестров для минимизации непосредственных контактов между чиновниками и предпринимателями, могло бы существенно ограничить возможности для коррупционных злоупотреблений в таких чувствительных сферах, как государственные закупки, лицензирование и выдачу разрешительной документации [Петров, 2023, с. 78]. Цифровизация государственных услуг и административных процедур – это не только вопрос технической модернизации, но и мощный антикоррупционный инструмент, требующий адекватного и опережающего правового оформления. В связи с этим необходимо ускорить разработку и принятие специального федерального законодательного акта, регулирующего использование технологий искусственного интеллекта и больших данных (big data) в системе государственного управления [Федоров, 2023, с. 85]. Такой акт должен в обязательном порядке закреплять требования к алгоритмической прозрачности, проверяемости и предотвращению дискриминационных последствий, обеспечивая при этом баланс между эффективностью и защитой прав граждан.

Еще одним стратегическим приоритетом является последовательная гармонизация российского антикоррупционного законодательства с международными стандартами и лучшими практиками. Несмотря на ратификацию ряда ключевых конвенций, в частности, Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003 и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999, национальные правовые нормы не в полной мере имплементируют такие современные принципы, как повышенная прозрачность в сфере закупок для государственных нужд, обязательная проверка бенефициарных владельцев компаний, претендующих на крупные государственные контракты, или установление ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения [Савенков, 2021, с. 23-25]. В частности, требует глубокого осмысления и последующей адаптации успешный опыт ряда зарубежных стран в области создания единых, организационно и функционально независимых антикоррупционных органов, наделенных не только широкими контрольными и следственными полномочиями, но и превентивно-образовательными функциями [Головин, 2023, с. 132]. Речь идет не о простом копировании институциональных моделей, а о творческой адаптации лучших международных практик к конкретным условиям российской правовой и политической системы, что позволило бы преодолеть текущую раздробленность антикоррупционных функций между различными ведомствами.

Особого внимания заслуживает системная оптимизация законодательства в сфере юридической ответственности за коррупционные преступления и правонарушения. Действующая система санкций, закрепленная в Уголовном кодексе РФ и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, отличается определенным дисбалансом: зачастую чрезмерно суровые карательные меры за отдельные деяния сочетаются с относительно низкой вероятностью реального привлечения к ответственности и неисполнением приговоров в части конфискации [Цалиев, 2022, с. 91]. Это создает искаженные стимулы и не способствует в полной мере достижению целей как частной, так и общей превенции. В этой связи целесообразно провести масштабную ревизию санкций за коррупционные преступления, сместив акцент в сторону безусловного и необратимого расширения применения конфискации

имущества, полученного преступным путем, а также активного внедрения таких видов наказания, как обязательные публичные работы и пожизненный запрет занимать определенные должности на государственной и муниципальной службе [Красильников, 2021, с. 156]. Параллельно с этим необходимо на законодательном уровне детально урегулировать институт добровольного сообщения о коррупционных нарушениях, обеспечив надежные, работающие на практике механизмы защиты лиц, сделавших такие сообщения, от преследования, давления и увольнения, включая возможность получения материального вознаграждения за существенную помощь следствию [Трунцевский, 2024, с. 45].

Важнейшим направлением оптимизации является целенаправленная системная работа по устранению правовых пробелов и коллизий, которые создают питательную среду для так называемой «бытовой» коррупции, непосредственно затрагивающей широкие слои населения. Речь идет о таких социально значимых сферах, как здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство и правоохранительная деятельность. Коррупционные риски здесь зачастую порождаются избыточными административными барьерами, неясными регламентами, предоставляющими чиновнику широкое поле для усмотрения, а также дефицитом информации о правах граждан и порядке обжалования действий должностных лиц [Омелехина, 2021, с. 72]. Оптимизация законодательства в этой области должна быть нацелена на максимальную декриминализацию повседневных взаимодействий гражданина и государства через радикальное упрощение административных процедур, повсеместное внедрение прозрачных и доступных электронных сервисов, а также установление понятных, публичных и обязательных для исполнения правил [Лопатин, 2022, с. 98]. Только комплексный, многоплановый подход, сочетающий совершенствование репрессивных механизмов с глубинным устранением системных, институциональных причин коррупции, позволит вывести государственную антикоррупционную политику Российской Федерации на качественно новый уровень, способствуя укреплению правопорядка и повышению доверия общества к институтам публичной власти.

Существенным резервом для повышения эффективности является совершенствование законодательства о контроле за доходами и расходами лиц, замещающих государственные должности. Несмотря на существование института декларирования, его эффективность снижается из-за отсутствия действенной системы верификации предоставляемых сведений и проверки их на соответствие реальному имущественному положению не только самих служащих, но и их близких родственников [Астапов, 2023, с. 56]. Требуется законодательное закрепление обязанности правоохранительных органов проводить выборочные, но глубокие проверки обоснованности крупных приобретений, особенно если они совершены через третьих лиц или юридические структуры. Кроме того, назрела необходимость введения в правовое поле понятия «необоснованное обогащение» по аналогии с зарубежным опытом, что позволило бы возлагать бремя доказывания законности происхождения средств на само лицо, в случае существенного превышения его расходов над декларируемыми доходами [Бочарников, 2021, с. 67].

Отдельного анализа заслуживает сфера регулирования лоббистской деятельности, которая в России до сих пор не имеет четкого законодательного оформления, что создает широкие возможности для коррупционного влияния на процесс принятия управленческих решений. Легализация лоббизма путем принятия специального федерального закона, устанавливающего прозрачные правила взаимодействия представителей бизнеса и общественных групп с органами государственной власти, регистрацию лоббистов и обязательную публикацию сведений об их

деятельности, позволила бы перевести эту чувствительную сферу из тени в правовое поле [Головин, 2023, с. 134]. Такой закон должен содержать исчерпывающие перечни допустимых и недопустимых форм влияния, обеспечивая при этом публичную доступность информации о том, в чьих интересах и каким образом осуществляется воздействие на законодательный процесс.

Еще одним актуальным направлением является развитие норм, регулирующих противодействие коррупции в бизнес-среде, так называемый комплаенс. Федеральный закон № 273-ФЗ лишь в общих чертах упоминает о необходимости принятия организациями мер по предупреждению коррупции. Целесообразно дополнить его отдельной главой или статьей, детализирующей основные элементы корпоративной антикоррупционной политики, а также ввести систему стимулов для компаний, внедряющих эффективные внутренние комплаенс-программы [Кравченко, 2022, с. 42]. Такими стимулами могли бы быть льготы при участии в государственных закупках, снижение страховых взносов или упрощенный порядок проведения государственных проверок. Это мотивировало бы бизнес на активное самостоятельное выявление и пресечение коррупционных схем внутри компаний, перенося часть нагрузки с государственных контролирующих органов на сами хозяйствующие субъекты.

Нельзя обойти вниманием и проблему коррупции в судебной системе, которая наносит наиболее ощутимый удар по авторитету правосудия и веру граждан в справедливость. Помимо общих мер, необходимых для повышения независимости судейского корпуса, требуются точечные законодательные инициативы. В частности, предлагается законодательно закрепить принцип ротации судей между судебными составами и судами через установленные периоды времени, что позволит минимизировать риски формирования коррупционных связей [Минаев, 2023, с. 101]. Также следует рассмотреть вопрос о расширении оснований для дисциплинарной ответственности судей, включив в них не только прямое нарушение закона, но и действия, подрывающие авторитет судебной власти, в том числе непринятие мер по урегулированию конфликта интересов.

В условиях развития цифровой экономики появляются новые вызовы, связанные с использованием криптовалют и иных виртуальных активов для легализации средств, полученных коррупционным путем. Действующее законодательство, в частности Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», требует постоянной актуализации в этой сфере. Необходимо установить четкие обязанности для провайдеров обмена цифровыми активами по идентификации клиентов и сообщению в уполномоченный орган о подозрительных операциях, приравняв их к субъектам национальной системы ПОД/ФТ [Федоров, 2023, с. 88]. Кроме того, требует законодательного разрешения вопрос о конфискации таких активов, включая разработку специальных процедур их ареста и обращения в доход государства.

Заключение

Таким образом, направления оптимизации российского антикоррупционного законодательства носят комплексный и многогранный характер. Они затрагивают как совершенствование превентивных и каративных механизмов, так и развитие новых областей правового регулирования, таких как лоббизм, корпоративный комплаенс и контроль над цифровыми активами. Успех реформы будет зависеть от последовательности и системности в

реализации предложенных мер, их адекватного ресурсного обеспечения и непрерывного мониторинга эффективности. Только такой подход позволит создать прочный правовой барьер на пути коррупции, соответствующий современным вызовам и общественным ожиданиям.

Библиография

1. Волженкин Б.В. Коррупция: исторические и современные проблемы противодействия. М.: Проспект, 2020. 215 с.
2. Лунеев В.В. Коррупция в России: состояние и проблемы противодействия. М.: Юрист, 2022. 318 с.
3. Трунов И.Л. Актуальные проблемы противодействия коррупции в России // Закон и право. 2023. № 3. С. 20-25.
4. Кабанов П.А. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: теория и практика правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 110-125.
5. Бочарников И.В. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 60-75.
6. Петров М.И. Цифровая трансформация как инструмент противодействия коррупции: правовые аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. С. 75-82.
7. Федоров А.С. Противодействие отмыванию преступных доходов, полученных с использованием цифровых активов: новые правовые вызовы // Финансовое право. 2023. № 5. С. 80-92.
8. Савенков А.Н. Международные стандарты противодействия коррупции и их имплементация в национальное законодательство: сравнительно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. 318 с.
9. Головин А.Ю. Лоббизм как объект правового регулирования: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 2. С. 125-140.
10. Цалиев А.М. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия коррупции: проблемы и перспективы // Законность. 2022. № 11. С. 88-95.
11. Красильников А.В. Уголовно-правовые меры противодействия коррупции: современные проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 152-158.
12. Трунцевский Ю.В. Теоретико-правовые основы информирования о фактах коррупции: сравнительно-правовое исследование // Международное публичное и частное право. 2024. № 3. С. 40-48.
13. Омелехина Н.В. Иерархия коррупционных рисков в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2021. № 12. С. 65-72.
14. Лопатин В.Н. Антикоррупционная политика России: проблемы и перспективы развития // Государство и право. 2022. № 8. С. 95-102.
15. Астапов К.В. Совершенствование контроля за доходами государственных служащих: проблемы и перспективы // Административное право. 2023. № 4. С. 54-59.
16. Кравченко Д.А. Корпоративные комплаенс-программы как элемент антикоррупционной политики государства // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 38-45.
17. Минаев А.В. Гарантии независимости судей и проблемы судебной коррупции // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 95-102.
18. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
19. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
20. Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы (утв. Президентом РФ 16.08.2021).

Directions for Optimizing Legislation on Countering Corruption

Zaripat A. Magomedova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Dagestan State University,
367000, 43a Magometa Gadzhieva St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Saida M. Surkhaeva

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a Magometa Gadzhieva St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kafedraconst@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of directions for optimizing Russian legislation on countering corruption. The work identifies systemic problems and gaps in current normative legal acts that reduce the effectiveness of anti-corruption policy. Main attention is paid to developing preventive mechanisms, such as improving management of conflicts of interest, introducing digital technologies into public administration, and developing corporate compliance programs. Issues of harmonizing national legislation with international standards are considered, particularly in the sphere of legal entity liability and regulation of lobbying activities. Special place is given to problems of countering new challenges associated with using digital assets for money laundering of criminal proceeds. Based on the conducted analysis, specific proposals for improving federal legislation are formulated, including revision of sanctions for corruption crimes, legislative establishment of the "unjust enrichment" institution, and development of legal foundations for protecting persons reporting corruption violations. The research results can be used in lawmaking activities and further scientific developments in the field of anti-corruption policy.

For citation

Magomedova Z.A., Surkhaeva S.M. (2025) Napravleniya optimizatsii zakonodatel'stva o protivodeystvii korruptsii [Directions for Optimizing Legislation on Countering Corruption]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 144-151. DOI: 10.34670/AR.2025.25.92.018

Keywords

Anti-corruption legislation, countering corruption, Federal Law No. 273-FZ, conflict of interest, corruption risks, protection of whistleblowers, optimization of legislation.

References

1. Volzhenkin B.V. Corruption: historical and modern problems of counteraction. Moscow: Prospekt, 2020. 215 p.
2. Luneev V.V. Corruption in Russia: the state and problems of counteraction. Moscow: Lawyer, 2022. 318 p.
3. Trunov I.L. Actual problems of combating corruption in Russia // Law and Pravo. 2023. No. 3. pp. 20-25.
4. Kabanov P.A. Conflict of interests in state and municipal service: theory and practice of legal regulation // Journal of Russian Law. 2023. No. 5. pp. 110-125.
5. Bocharnikov I.V. Administrative and legal means of preventing corruption in the public service system // Administrative and municipal law. 2021. No. 4. pp. 60-75.
6. Petrov M.I. Digital transformation as a tool for combating corruption: legal aspects // State power and local self-government. 2023. No. 8. pp. 75-82.
7. Fedorov A.S. Countering the laundering of criminal proceeds obtained using digital assets: new legal challenges // Financial Law. 2023. No. 5. pp. 80-92.
8. Savenkov A.N. International anti-corruption standards and their implementation into national legislation: a comparative legal study. St. Petersburg: Law Center Press, 2021. 318 p.
9. Golovin A.Y. Lobbying as an object of legal regulation: foreign experience and prospects in Russia // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2023. No. 2. pp. 125-140.
10. Tsaliev A.M. Criminal law and criminological anti-corruption measures: problems and prospects // Legality. 2022. No.

11. pp. 88-95.
11. Krasilnikov A.V. Criminal law measures to combat corruption: current problems and solutions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 5. pp. 152-158.
12. Truntsevsky Yu.V. Theoretical and legal foundations of informing about the facts of corruption: a comparative legal study // International public and private law. 2024. No. 3. pp. 40-48.
13. Omelekhina N.V. Hierarchy of corruption risks in the field of public finance // Financial law. 2021. No. 12. pp. 65-72.
14. Lopatin V.N. Anti-corruption policy of Russia: problems and prospects of development // State and law. 2022. No. 8. pp. 95-102.
15. Astapov K.V. Improving control over the incomes of civil servants: problems and prospects // Administrative law. 2023. No. 4. pp. 54-59.
16. Kravchenko D.A. Corporate compliance programs as an element of the anti-corruption policy of the state // Business Law. 2022. No. 3. pp. 38-45.
17. Minaev A.V. Guarantees of judicial independence and problems of judicial corruption // Russian justice. 2023. No. 7. pp. 95-102.
18. Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 "On Combating Corruption".
19. Federal Law No. 115-FZ dated 08/07/2001 "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism."
20. National Anti-Corruption Plan for 2021-2024 (approved by the President of the Russian Federation on 08/16/2021).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.56.85.019**

Правовая регламентация и практика работы с резервом руководящих кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

Казберов Павел Николаевич

Кандидат психологических наук,
Ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Аннотация

К функционированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации государством и обществом предъявляются требования как в области исправления осужденных, так и в целом в области защиты правопорядка, государственных интересов, выполнения деятельности в рамках законности и правовой регламентации. Данные требования определяют направления трансформации как правовой регламентации, так и организации функционирования системы кадрового сопровождения персонала, обусловливаемые необходимостью формирования, укрепления и сохранения кадрового ядра. Концептуализация и системность кадровой работы реализуется в процессе профориентационной деятельности, работы с кандидатами, адаптационной и наставнической деятельности, профессиональном развитии и воспитании кадров из ротации и стимулирования должностного (служебного) роста сотрудников, что выдвигает необходимость совершенствования правовой регламентации работы с сотрудниками, выдвинутыми в резерв кадров на руководящие должности. Устанавливаются основы правовой регламентации, организации кадрового управления в исследуемом аспекте, а также пути совершенствования работы. Определены современные направления и задачи кадровой работы: подбор кандидатов на службу и учебу в ведомственные образовательные организации и учреждения; система отбора кадров, работа со штатным расписанием и планирование кадровых ротаций, профессиональная подготовка сотрудников; работа с текучестью кадров; регулирование системы кадрового роста и развития, системы поощрений и наказаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Казберов П.Н. Правовая регламентация и практика работы с резервом руководящих кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 152-157. DOI: 10.34670/AR.2025.56.85.019

Ключевые слова

Правовая регламентация, сотрудники, резерв руководящих кадров, уголовно-исполнительная система.

Введение

Перед сотрудниками, осуществляющими сопровождение персонала, уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС), руководством ставиться задача не только подготовки сотрудников к эффективному выполнению обязанностей, но и их отбору и подбору, обучению и адаптации на рабочих метах, преемственности кадров, укреплению дисциплины, поддержания законности и правопорядка, а также формирования, сохранения, укрепления и развития профессионалов, их служебного роста.

Основная часть

В процессе исследования осуществлено изучение научной литературы по теории и проблематике управленческой деятельности, основополагающих законодательных актов и распоряжений правительства РФ и руководства УИС, по организации работы с резервом кадров на руководящую должность, в том числе, регламентирующих и отчетных документов, должностных инструкций руководителей низшего и среднего звена, квалификационных требований к профессиональным знаниям, умениям и навыкам, необходимым для исполнения обязанностей по отдельным направлениям деятельности. Анализировалась практика работы с резервом руководящих кадров, сопровождения адаптации молодых руководителей.

Цель статьи – установить нормативные правовые основы регламентации и организации, а также направления совершенствования работы с резервом руководящих кадров в УИС.

Результаты исследования

Теории, лежащие в основе организации кадрового обеспечения пенитенциарных сотрудников составляют труды ученых различных направлений науки - юристов, экономистов, педагогов, психологов, управленцев и т.д., в свою очередь специфика деятельности сотрудников силовых структур представлена трудами таких ученых как В.Я. Кикоть, Л.М. Колодкин, Ю.Я. Чайка, М.И. Марьин, А.Н. Занковский, А.М. Столяренко, А.И. Ушатиков, Д.В. Сочивко, В.И. Черненилов и др.

В основе данных работ лежит основная цель - повышение качества службы, улучшение ее отдельных результатов на основе законности и безопасности. Основным ресурсом для решения данной проблематики является формирование кадрового резерва в подразделениях и УИС в целом [Организация управления, 2002, 35].

В содержании базового закона для гражданской государственной службы РФ [5], содержится определение как служебной деятельности граждан, так и нахождение их в кадровом резерве. Также основополагающими нормативными документами, регламентирующими данную деятельность, остаются статья 80 Федерального закона № 197-ФЗ «О службе в УИС и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы» от 19.07.2018, приказ МЮ РФ № 127 «Об утверждении инструкции о формировании резерва руководящих кадров ФСИН и работе с ними» от 05.08.2005.

Работа с резервом кадров на выдвижение на руководящую должность регламентируется в том числе отдельными мероприятиями планов работ, указаниями и рекомендациями, содержащими прямые или опосредованные указания по исполнению мероприятий:

– заложенных в Концепции развития УИС до 2030 года; Концепции воспитательной работы

с работниками УИС до 2030 года;

– директивы директора ФСИН России от 27.11.2023 № вн-01-90285 «О приоритетных направлениях деятельности УИС в 2024 году»;

– указаний руководства ФСИН России по данному направлению деятельности.

Проведенное исследование показало, что кадровая работа в УИС имеет следующие направления:

- анализ и планирование потребности в кадрах;

- организация планирования профессионального развития и ротации кадров, карьерного роста;

- система дисциплинарной практики и поощрения наиболее достойных, укрепление и поощрение укрепление кадровой политики.

Ключевые цели организации резерва руководяще кадров представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 - Ключевые цели функционирования резерва руководящих кадров в УИС

Нормативно правовая основа и организационно методическая составляющие организации системы работы с резервом кадров на выдвижение на руководящие должности определяют, что инструкцией о формировании и работе с резервом кадров в УИС установлена необходимость при его формировании учитывать на только кадровые и профессиональные (стаж, образование, возраст и т.д.) параметры [Киселев 2017, 8-11], но и индивидуально-психологические особенности кандидата с определением психологом уровня психологической готовности к предполагаемой руководящей работе [Романько, 2007, 12-14; Тавтилова, 2019, 128].

Это особенно актуально в современных реалиях, когда многие правоохранительные системы столкнулись с проблемой кадрового «голода», к сожалению, данные тенденции приводят к нивелированию отдельных требование к подбору кадрового резерва, появлению более формального подхода при учете «неочевидных» параметров, например, недоучету сформированности лидерских качеств, управленческих умений, индивидуально-личностных особенностей (эмоционально-волевых, морально-нравственных, коммуникативных и т.д.).

Однако руководством УИС делаются определенные шаги в данной области, так в территориальных органах, с целью качественной подготовки руководящего состава начата работа «Школ молодых руководителей». Будущие руководители в данных школах, под руководством наставников, сотрудников юридической, кадровой и психологической служб, а также приглашенных специалистов изучают вопросы профилактики коррупционных и иных правонарушений, реализацию закона о пробации, социальные гарантии сотрудников УИС и др.

Заключение

По результатам проведенного исследования нами сделан ряд предложений по совершенствованию работы с сотрудниками УИС, состоящими в резерве руководящих кадров:

- обеспечивать своевременное прохождение сотрудниками, проводящими работу с резервом кадров курсов повышения квалификации по сопровождению персонала;
- необходимо создание системы стимулирования должностного (служебного) роста сотрудников;
- необходимо проведение научных исследований в данной области;
- стимулирование наставнической деятельности не только с молодыми сотрудниками, но и при ротации кадров, работе с резервом.

Библиография

1. *Долнин А.Ю., Огородников В.И., Шорников В.П.* Кадровый менеджмент и социальная защита персонала уголовно-исполнительной системы: учебное пособие под общ. ред В.И. Огородникова Рязань. Академия права и управления ФСИН России, 2009. 215 с.
2. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: в 3-х томах / под общ ред. Ю.Я. Чайки. Рязань, 2002.
3. *Киселев С.Г.* Государственная гражданская служба: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2017.192 с.
4. *Романько И.Н.* Профессионально-психологические портреты руководителей : автореф. дис. … докт. психол. наук. СПб., 2007.
5. *Тавтилова Н.Н.* Актуальные вопросы психологического сопровождения сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в резерве кадров на выдвижение // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов, Рязань, 05 апреля 2019 года / Под общей редакцией Д.В. Сочивко. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 119-125.
6. Федеральный закон № 79 от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе в Российской Федерации».
7. Уголовно-исполнительное право: учебник в 2-х томах: М., Рязань, Академия права и управления ФСИН России 2013 822 с.

Legal Regulation and Practice of Working with the Reserve of Management Personnel in the Russian Federation's Criminal-Executive System

Pavel N. Kazberov

PhD in Psychological Sciences,
Leading Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Abstract

The functioning of the Russian Federation's criminal-executive system is subject to requirements from the state and society both in the area of convict correction and in general in the area of protecting law and order, state interests, performing activities within the framework of legality and legal regulation. These requirements determine the directions of transformation of both legal regulation and the organization of personnel support system functioning, conditioned by the necessity of forming, strengthening, and preserving the personnel core. Conceptualization and systematicity of personnel work are implemented in the process of career guidance activities, work with candidates, adaptation and mentoring activities, professional development and education of personnel, rotation and stimulation of official (service) growth of employees, which raises the necessity of improving legal regulation of work with employees nominated to the personnel reserve for management positions. The foundations of legal regulation, organization of personnel management in the studied aspect, as well as ways of improving the work are established. Modern directions and tasks of personnel work are determined: selection of candidates for service and study in departmental educational organizations and institutions; personnel selection system, work with staffing schedule and planning of personnel rotations, professional training of employees; work with staff turnover; regulation of the system of personnel growth and development, system of rewards and penalties.

For citation

Kazberov P.N. (2025) Pravovaya reglamentatsiya i praktika raboty s rezervom rukovodyashchikh kadrov v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii [Legal Regulation and Practice of Working with the Reserve of Management Personnel in the Russian Federation's Criminal-Executive System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 152-157. DOI: 10.34670/AR.2025.56.85.019

Keywords

Legal regulation, employees, reserve of management personnel, criminal-executive system.

References

1. *Dolnin A.YU., Ogorodnikov V.I., SHornikov V.P.* (2009) Kadrovyj menedzhment i social'naya zashchita personala ugolovno-ispolnitel'noj sistemy (Personnel management and social protection of personnel of the penitentiary system: a textbook) : uchebnoe posobie pod obshch. red V.I. Ogorodnikova Ryazan'. Akademiya prava i upravleniya FSIN Rossii (*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service*) 215 p.
2. Organizaciya upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme: v 3-h tomah (Organization of management in the penal system: in 3 volumes) / pod obshch red. YU.YA. CHajki. Ryazan' 2002.
3. *Kiselev S.G.* (2017) Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba: ucheb. posobie. (State civil service: textbook. manual.) - Moscow.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, (*TK Welby, Prospekt Publishing House*) 192 p.
4. *Roman'ko I.N.* (2007) Professional'no-psihologicheskie portrety rukovoditelej (Professional and psychological portraits of managers) avtoref. dis. … dokt. psihol. nauk. SPb.
5. *Tavtilova N.N.* (2019) Aktual'nye voprosy psihologicheskogo soprovozhdeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, sostoyashchih v rezerve kadrov na vydvizhenie (Topical issues of psychological support for employees of the penal system who are in the personnel reserve for promotion) // Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: Sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov, Ryazan', 05 aprelya 2019 goda / Pod obshchej redakciej D.V. Sochivko. (Psychology of the 21st century: challenges, searches, vectors of development: Collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists, Ryazan, April 5, 2019 / Under the general editorship of D.V. Sochivko) Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, (*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service*) Pp. 119-125.
6. Federal'nyj zakon № 79 ot 27 iyulya 2004 g. «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe v Rossijskoj Federacii». (Federal

Law No. 79 of July 27, 2004 “On the State Civil Service in the Russian Federation.”).
7. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik v 2-h tomah (Criminal executive law: textbook in 2 volumes) (2013): Moscow., Ryazan', Akademiya prava i upravleniya FSIN Rossii (*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service*) 822 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.67.17.020**

Актуальные проблемы гуманизации информационно- цифрового пространства

Головин Евгений Георгиевич

Доктор экономических наук, профессор,
Кафедра конституционного и административного права,
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 46;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Большакова Валентина Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра конституционного и административного права,
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 46;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях быстрорастущей цифровизации всех сторон жизнедеятельности личности и государства. Основным минусом такой стремительной цифровизации государственной и частной сфер, состоит в том, что она проводится без должного внимания к праву и защите основных конституционных прав граждан, без просчета и моделирования возможных социальных рисков и последствий для будущего людей. Нельзя при этом не отметить, что информационно-цифровое, а также научно-технологическое развитие является необходимым условием обеспечения суверенитета нашего государства, конкурентоспособности нашей экономики в мировом сообществе и в целом безопасности страны. Решающую роль в минимизации рисков и негативных последствий цифровизации основных сфер жизнедеятельности граждан и в гуманизации этого информационно-цифрового пространства всецело принадлежит государству. Именно оно призвано, в перспективе, не допустить использование потенциальных возможностей систем цифрового контроля для умаления или ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Головин Е.Г., Большакова В.М. Актуальные проблемы гуманизации информационно-цифрового пространства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 158-165. DOI: 10.34670/AR.2025.67.17.020

Ключевые слова

Информационно- цифровое пространство, гуманизация цифрового пространства, неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных, цифровые права,

информационная безопасность, цифровизации информационного пространства, государственное цифровое регулирование, цифровой контроль государства, цифровизация образования, риски цифрового контроля.

Введение

На фоне общеизвестных достижений Российской Федерации в сфере цифровизации информационного пространства в последнее десятилетие набирает обороты тенденция расширения цифрового контроля за личным пространством и личностью, особенно проявившаяся в период пандемии Covid-19, когда государство масштабно использовало возможности цифрового контроля за населением. Эти возможности непрестанно и непредсказуемо возрастают благодаря современной информационно-технологической и коммуникационной инфраструктуре цифрового контроля, которая вбирает в себя более десятка популярных среди россиян интернет-ресурсов, цифровые экосистемы(внешние и внутренние), провайдеров интернет-доступа и интернет-сервиса, бесчисленное число веб камер онлайн, электронные средства платежа и т.д.; вне Интернета для человека становится не реальной возможность реализации своих конституционных прав и свобод в прежних традиционных формах. На смену последних приходит нормативно-правовое регулирование в сфере информационных технологий, ограничивающее либо видоизменяющее прежние формы реализации прав и свобод, и в целом нарастает проблематика гуманизации информационно-цифрового пространства.

В правоприменительной практике уязвимыми, а порой иллюзорными, для граждан становятся права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, свобода совести и вероисповедания, другие естественные права и свободы человека гуманитарной направленности, принадлежащие каждому от рождения.

Основное содержание

В цифровом пространстве Российской Федерации выделяются немало государственных и частных субъектов, применяющих в своей деятельности методы цифрового контроля. В этом контексте рассмотрим деятельность органов государственного управления, которые, с одной стороны, создают инфраструктуру цифрового контроля посредством развития информационных систем и технологий, систем массового видеонаблюдения, разработки цифровых стандартов, нормативов регулирования и протоколов обмена данными в электронной форме, позволяющих максимально возможно детализировать информацию о поведении конкретного человека. С другой стороны, возможности информационных систем госорганов и массивы данных весьма эффективно используются ими не только для обеспечения личной , общественной и государственной безопасности, но и для решения иных государственных задач широкой направленности, а также в научных целях. Существенный нюанс однако состоит в том, что уже сегодня становится возможным средствами мобильного интернета, искусственного интеллекта, миниатюрных производственных устройств, нано-, био- и нейротехнологий создавать « немыслимые ранее возможности для контроля не только поведения людей, но и их сознания , мышления, в том числе с помощью чипирования», способного считывать мысли человека [Пугачев, 2022]. Авторы Доклада « Государство как платформа: люди и технологии», подготовленного Центром подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГс в

2019 году, откровенно признают: « Развитие интернета вещей, удаленной биометрической идентификации, систем массового видеонаблюдения и 5g позволяет повысить детализацию знаний о конкретном человеке, в результате чего для государства «цифровой человек» становится более прогнозируемым в своем поведении, данные «государственного хранения» позволят персонализировать и прогнозировать целый ряд жизненных траекторий: от медобслуживания и образования до гражданской добропорядочности и предпочтений при реализации избирательной функции» [Четверикова, 2019].

Человек при этом попадает в мир иллюзорной «комфортной» свободы, до поры до времени не осознавая, что он становится все более контролируемым и управляемым со стороны государственных структур. Но рано или поздно наступает осознание того, что цифровая реальность несовместима со многими напрямую не подлежащими правовому регулированию духовно-нравственными основами жизнедеятельности человека, ибо подрываются такие базовые ценности, как право на личное пространство, неприкосновенность частной жизни и достоинство личности, свобода совести и вероисповедания.

В научно- экспертном и общественно-политическом дискурсе нарастание масштабов государственного цифрового регулирования и цифрового контроля, прежде всего в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, все чаще оценивается негативно (особенно-на перспективу) и воспринимается как тотальный контроль над личностью, как цифровой тоталитаризм [Четверикова, 2019], а Святейший Патриарх Кирилл в своем Рождественском интервью телеканалу «Россия» охарактеризовал формируемую систему цифрового контроля как «рабство для человека» [Рождественское интервью святейшего патриарха Кирилла, 2021].

Подобные оценки системы цифрового контроля корреспондируют с нарастанием потока обращений в государственные органы граждан, испытывающих тревогу, вызываемую криминальным либо несанкционированным использованием инфраструктуры цифрового контроля, в частности, системы слежения и контроля за человеком- в целях вторжения в его личную жизнь и совершения разного рода социальных манипуляций с причинением гражданам материального и психо-эмоционального ущерба. Эксперты полагают, что интернет-мошенникам сегодня доступна практически вся информация о гражданах России. Наиболее чувствительная ее часть (например, о религиозных убеждениях) используется криминалом для обновления своих скриптов, применяемых, в том числе, в мошеннических целях. И не случайно, страхи по отношению к цифровым технологиям испытывают 60 процентов граждан. Не сокращается и число обращений, в которых содержится несогласие с электронными процедурами идентификации и аутентификации личности, сбором и обработкой персональных данных как условии предоставления услуг. Только в адрес федерального омбудсмена в течение 2022-2024 годов поступило более 800 подобных обращений.

Поскольку одной из проблемных первопричин нарушений прав и свобод человека в цифровом мире является неудовлетворительная защищенность его персональных данных, более чем востребованными представляются меры, предлагаемые Минцифры России в последнее время по регулированию процесса формирования и обезличивания массивов персональных данных. Из последних исключаются любые данные, указывающие на конкретного человека. Передаваемые организациями обезличенные данные будут собираться в специальной государственной информационной системе для эффективного принятия обоснованных решений на основе первичных данных, например, о развитии туристических регионов, местах строительства новых дорог, детсадов, школ и для других целей. Пользователями обезличенных

данных, в которых отсутствуют личные идентификаторы (такие, как имя, адрес или номер телефона) будут государственные и муниципальные органы, подведомственные им организации, граждане и только российские юридические лица. Доступ к данным будет осуществляться исключительно в рамках закрытого контура государственной информационной системы и их вынос за пределы этой среды будет технически невозможен. Идея проекта, по замыслу Министерства, -развивать перспективные технологии и цифровую экономику при строгом соблюдении прав и интересов граждан, включая борьбу с кибермошенниками.

Намечаемые меры после их законодательного закрепления войдут в русло гуманизации информационно-цифрового пространства. Однако они не решают всей духовно-нравственной проблематики цифровой среды, имеющей более широкое измерение. Судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь обращает внимание на то, что «в новом информационно-цифровом пространстве активно стираются границы между добром и злом, свободой, доступностью и несвободой, вседозволенностью; критерии технологического прогресса все в меньшей степени учитывают нравственно-этические, гуманистические начала, связанные с использованием его результатов…,новые технологии далеко не всегда используются в интересах развития демократии, укрепления прав граждан…» [Бондарь, 2019].

В виртуально- иллюзорный цифровой мир граждане попадают уже с самого детства. По данным лаборатории Касперского, в России почти постоянно находятся в общении онлайн 40 процентов детей в возрасте до10 лет и 68 процентов подростков в возрасте 14-18 лет. Массовое подчинение детей смартфонам, каждый из которых содержит десятки программ искусственного интеллекта, имитирующих когнитивные функции человека, приводит к тому, что у детей резко снижаются социальные контакты во внешней среде, вместо них «формируется драматический график корреляции между пребыванием в смартфоне и депрессией с суицидальными намерениями»; происходит изменение структуры социальных связей: исчезают вертикальные связи и вырастают горизонтальные связи, и при этом утрачиваются социальные навыки. С точки зрения нейробиологии это означает, что человек теряет способность учиться [Постановление Правительства РФ № 2040, 2020].

Проводимая в стране цифровизация образования, как и детство, вызывает тревожные ожидания. Для получения образовательных услуг в электронной форме родители детей вынуждаются при регистрации на федеральной информационно-сервисной платформе цифровой образовательной среды и заключении договоров на обучение соглашаться на обработку персональных данных обучающихся, поскольку иных форм, кроме электронной, законодатель не предусматривает. Фактически это означает согласие с принятием основных образовательных программ, в которые внедряются современные цифровые технологии, использующие информационные ресурсы, системы и технологии, функционирующие на базе российских социальных сетей, с наибольшим количеством пользователей [Постановление Правительства РФ № 2040, 2020]. Проблема здесь в том, что происходит отказ от гуманитарных основ традиционного отечественного образования, и это, по оценкам экспертов, создает высочайшие риски поражения граждан не только в правах на образование, неприкосновенность частной жизни, он способен привести к причинению серьезного вреда здоровью, дискриминации граждан, создает угрозу суверенитету страны, формирует почву для роста киберпреступности [Цифровая трансформация и защита прав граждан..., 2021].

Полагаем, что определяющей гарантией минимизации негативных рисков и непредсказуемых последствий использования системы цифрового контроля, вообще новых технологий, в сфере прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающей их гуманистическое

наполнение, является духовно-нравственное здоровье прежде всего гражданского общества и законотворческая деятельность светского российского государства, опирающегося на гуманистические основы конституционного строя Российской Федерации, закрепленные в первой главе Основного закона страны; не только признающие человека, его права и свободы высшей ценностью, но и вменяющие государству обязанность их соблюдения и защиты.

Заключение

Обобщая все вышеизложенное хотелось бы обратить внимание, что перед федеральными и региональными органами законодательной власти, а вместе с тем представителями правовой науки и экспертного сообщества, стоит необходимость решения качественно новой, фактически двуединой задачи разработки конституционно-правовых основ цифровизации, имеющих традиционную гуманистическую направленность.

Первая задача. Правовое регулирование использования цифровых технологий, определяющее их место и роль в жизнедеятельности человека, общества и государства, не должно ограничиваться только научно-технической и инновационно-технологической проблематикой их реализации, защитой цифровой идентичности личности; необходимо добиться того, чтобы в первую очередь это была « гуманистическая задача в самом широком смысле этого слова, затрагивающая основы человеческого бытия в современном обществе» и решаемая лишь путем гуманизации процессов использования и внедрения современных информационно-цифровых технологий в социальную жизнь [Бондарь, 2019].

Очевидно, что с таким подходом не согласуются встречающиеся в правоприменительной деятельности случаи «добровольного принуждения» граждан к согласию на обработку персональных данных. Они не будут иметь самодовлеющего значения, если в законодательстве сохранится в качестве непреложной возможность получения гражданином публичных услуг не только в цифровой, но и иных формах. Возможно ли гарантировать на отдаленную перспективу такую возможность? В этом не сомневаются эксперты, входящие в состав Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, утверждая, что «наша конституционная философия , культурное и интеллектуальное наследие дают нам право, моральные силы и интеллектуальные основания говорить о возможности и осуществимости « цифровой альтернативы» в интересах личности, общества и государства, о возможности сохранения и развития конституционной модели правового государства в условиях глобальных технологических трансформаций» [Цифровая трансформация и защита прав граждан..., 2021].

Доктринальным обоснование такого понимания, на наш взгляд, является правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно характеристики информационно-цифрового портрета личности, изложенная в постановлениях от 22 марта 2005 года №4-П и от 23 сентября 2014 года №24-П. В них обращено внимание на:

- недопустимость произвольного вмешательства кого бы то ни было в сферу автономии личности как необходимая предпосылка создания условий для всестороннего развития человека и для демократического устройства общества, а также на

-принцип индивидуальной автономии, производный от признания достоинства личности, обязывающий государство создавать для каждого человека реальные возможности свободного самоопределения и самовыражения.

Вторая задача. На основе законодательных установлений закрепить систему общенационального контроля, с участием в ней правозащитного и экспертного сообщества, традиционных религиозных конфессий, представителей научно-педагогической

общественности, ориентированную на противостояние вызовам, угрозам и методам цифрового контроля, ограничивающим конституционные права и свободы, в первую очередь гуманитарной направленности.

Особо актуальной представляется задача сохранения христианских ценностей и «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» [Часть 2 статьи 67.1 Конституции РФ]. В условиях, когда риски и угрозы в обеспечении религиозной безопасности нуждаются в постоянной нейтрализации, светская законодательная власть не может не учитывать позицию традиционных конфессий в законотворческом процессе регулирования соответствующих общественных отношений несмотря на то, что конфессии не обладают конституционным правом законодательной инициативы. Поскольку именно конфессии выражают взгляды и убеждения религиозного сообщества России, составляющего существенную часть гражданского общества, религиозное самосознание которого имеет свое, специфическое измерение. К примеру, Архиерейский Собор Русской Православной Церкви еще в 2013 году обратил внимание на то, что обладание персональной информацией создает возможность контроля и управления человеком через различные сферы жизни (финансы, медицинскую помощь, семью, социальное обеспечение, собственность и другое), в результате чего возникает реальная опасность не только вмешательства в повседневную жизнь человека, но и внесения соблазна в его душу; опасность сужения границ свободы, осуществляемого в том числе средствами электронного контроля, приведет к невозможности свободного вероисповедания[1].

Однако решающую роль в гуманизации информационно-цифрового пространства принадлежит все же государству, призванному в гипотетической перспективе не допустить использование потенциальных возможностей системы цифрового контроля в политических и идеологических целях, чреватого привести к полному ограничению прав и свобод человека и гражданина в России.

Библиография

1. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации//Журнал российского права.2019. №11.
2. Зорькин В. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия //Росс. газета- Федеральный выпуск, 27 октября 2021 года, №247.
3. Курпатов А. Экспертный доклад в Совете Федерации,18 декабря 2022 года «Цифровизация и угроза цивилизации»/popechenie.com.
4. Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных. Документ Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 4 февраля 2013 года.
5. Пугачев В.П. Государственный контроль и свобода личности в цифровом обществе/Вестн.Моск. ун-та.Сер.21. Управление (государство и общество).2022. №2.
6. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Москва,2021 /ifap.ru.
7. Ураев, А. В. Современные проблемы информатизации и перспективы преодоления цифрового неравенства в России / А. В. Ураев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 2 (449). — С. 14-17. — URL: https://moluch.ru/archive/449/98730.
8. Бубнова, Е. Л. Актуальные проблемы цифровизации государственного управления / Е. Л. Бубнова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 9 (456). — С. 249-251. — URL: https://moluch.ru/archive/456/100377.
9. Скидан, А. В. Цифровизация как фактор повышения результативности государственного управления: проблемы и направления развития / А. В. Скидан, Ю. А. Чипига, А. А. Исюк // Государственное и муниципальное

[1] См.: Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных. Документ Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 4 февраля 2013 года.

управление. Ученые записки. — 2021. — № 1. — С. 71–76.
10. Умнова-Конюхова, И. А. Право будущего в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта / И. А. Умнова-Конюхова // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Алферова. — М., 2021. — С. 7–26.
11. Багишев, О. А. Административное право и цифровизация / О. А. Багишев // Юридический мир. — 2022. — № 4 (304). — С. 54–57.
12. Скляр М.А. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски / М.А. Скляр, К.В. Кудрявцева // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 103-114. EDN: BAWPJQ

Current Problems of Humanizing the Information-Digital Space

Evgeny G. Golovin

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPA,
603950, 46 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Valentina M. Bolshakova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPA,
603950, 46 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to problems of observing and protecting human and civil rights and freedoms in conditions of rapidly growing digitalization of all aspects of individual and state activity. The main disadvantage of such rapid digitalization of state and private spheres is that it is conducted without due attention to law and protection of citizens' basic constitutional rights, without calculation and modeling of possible social risks and consequences for people's future. It should be noted that information-digital, as well as scientific-technological development is a necessary condition for ensuring our state's sovereignty, our economy's competitiveness in the world community, and overall country security. The decisive role in minimizing risks and negative consequences of digitalization of main spheres of citizens' activity and in humanizing this information-digital space entirely belongs to the state. It is precisely the state that is called upon, in perspective, to prevent the use of potential capabilities of digital control systems for diminishing or limiting constitutional rights and freedoms of humans and citizens in Russia.

For citation

Golovin E.G., Bolshakova V.M. (2025) Aktual'nyye problemy gumanizatsii informatsionno-tsifrovogo prostranstva [Current Problems of Humanizing the Information-Digital Space]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 158-165. DOI: 10.34670/AR.2025.67.17.020

Keywords

Information-digital space, humanization of digital space, inviolability of private life, personal data protection, digital rights, information security, digitalization of information space, state digital regulation, state digital control, digitalization of education, risks of digital control.

References

1. Bondar N.S. Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation//Journal of Russian Law.2019. No. 11.
2. Zorkin V. The Constitutional Court at the turn of the fourth decade //Ross. gazeta- Federal Issue, October 27, 2021, No. 247.
3. Kurpatov A. Expert report to the Federation Council, December 18, 2022 "Digitalization and the threat to civilization"/popechenie.com .
4. The position of the Church in connection with the development of technologies for recording and processing personal data. Document of the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church dated February 4, 2013.
5. Pugachev V.P. State control and individual freedom in the digital society/Vestn.Mosk. un-ta.Ser.21. Management (state and society).2022. №2.
6. Digital transformation and protection of citizens' rights in the digital space. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Moscow,2021 /ifap.ru .
7. Uraev, A.V. Modern problems of informatization and prospects of overcoming digital inequality in Russia / A.V. Uraev. — Text : direct // Young scientist. — 2023. — № 2 (449). — Pp. 14-17. — URL:
https://moluch.ru/archive/449/98730 8. Bubnova, E. L. Actual problems of digitalization of public administration / E. L. Bubnova. — Text : direct // Young scientist. — 2023. — № 9 (456). — Pp. 249-251. — URL: https://moluch.ru/archive/456/100377 .
9. Skidan, A.V. Digitalization as a factor in improving the effectiveness of public administration: problems and directions of development / A.V. Skidan, Yu. A. Chipiga, A. A. Isyuk // State and municipal administration. Scientific notes. — 2021. — No. 1. — pp. 71-76.
10. Umnova-Konyukhova, I. A. The law of the future in the context of digitalization and the use of artificial intelligence / I. A. Umnova-Konyukhova // Law, digital technologies and artificial intelligence: collection of articles / ed. by E. V. Alferov, Moscow, 2021, pp. 7-26.
11. Bagishev, O. A. Administrative law and digitalization / O. A. Bagishev // The Legal world. — 2022. — № 4 (304). — Pp. 54-57.
12. Sklyar M.A. Digitalization: main directions, advantages and risks / M.A. Sklyar, K.V. Kudryavtseva // The economic revival of Russia. 2019. No. 3 (61). pp. 103-114. EDN: BAWPJQ

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.17.51.021**

Право на забвение в сети Интернет как способ защиты неприкосновенности частной жизни (конституционно-правовой аспект)

Головин Евгений Георгиевич

Доктор экономических наук, профессор,
Кафедра конституционного и административного права,
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 46;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Большакова Валентина Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра конституционного и административного права,
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 46;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Аннотация

Правовые позиции Конституционного Суда РФ свидетельствуют о его важнейшей роли в разрешении новых по своей природе противоречий в сфере применения информационно-цифровых технологий, имеющих конституционно-правовое измерение. В более широком контексте речь идет не только о минимизации негативных последствий влияния новых технологий на неприкосновенность частной жизни и необходимости использования в этих целях правового потенциала права на забвение. Представляется необходима гуманизация всего процесса применения современных технологий. Решение этой стратегической задачи должно относиться не только к федеральному законодателю, но и потребует участия институтов гражданского общества, разного рода экспертных ассоциаций, включающих ученых, специалистов гуманитарного профиля, представителей традиционных религиозных конфессий.

Для цитирования в научных исследованиях

Головин Е.Г., Большакова В.М. Право на забвение в сети Интернет как способ защиты неприкосновенности частной жизни (конституционно-правовой аспект) // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 166-173. DOI: 10.34670/AR.2025.17.51.021

Ключевые слова

Право на забвение, неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных, цифровые права, конституционно-правовое регулирование, информационная безопасность.

Введение

Одной из характерных особенностей процессов цифровизации, охвативших все стороны социальной жизни, является стремительное проникновение новых технологий в сферу жизнедеятельности современного человека, в сферу его взаимоотношений с органами публичной власти и институтами гражданского общества. Формируемая при этом информационно- цифровая среда создает не только технологические возможности повышения эффективности социального управления, но также непосредственные угрозы и специфические вызовы гуманистическим основам конституционного строя Российской Федерации, правам и свободам человека и гражданина, и в первую очередь принадлежащему каждому от рождения праву на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч.1ст.23 Конституции РФ).Суть этих вызовов и угроз проявляется в том, что в новом информационно-цифровом пространстве происходит растворение личности « с ее не только социально-правовыми статусными характеристиками, но и личной, вплоть до частно-интимной, жизнью…; активно стираются границы между добром и злом, свободой, доступностью и несвободой, вседозволенностью; критерии технологического прогресса все в меньшей степени учитывают нравственно-этические, гуманистические начала, связанные с использованием его результатов»[Бондарь, 2019, с. 27,29]. И действительно, идеологи и разработчики цифровых технологий до сих пор не были замечены в усердном стремлении не допускать негативных гуманистических последствий внедрения новых технологий.

Основная часть

Объективная необходимость разработки нового механизма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина стала особо ощущаться на рубеже 2014-2015 годов. Острота ситуации была обусловлена нарастающим дисбалансом между свободой информации в сети Интернет, невиданным по масштабам оборотом персональных данных и порождаемою ими опасностью нанесения реального ущерба правам и свободам человека и гражданина. Взять, к примеру, защиту персональных данных в киберпространстве. Несмотря на принимаемые государством меры, до сих пор не по дням, а по часам растет число преступлений, совершаемых хакерами по фактам торговли конфиденциальными сведениями о физических и юридических лицах, получить которые в открытых источниках законным путем невозможно [Козлова, 2024].

Федеральному законодателю предстояло разработать конституционно- правовой механизм, позволяющий органам правоприменения находить в каждом конкретном случае баланс между свободой информации и неприкосновенностью частной жизни, а фактически, между двумя конституционными положениями: с одной стороны, правом каждого « свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» при гарантировании свободы массовой информации(ч.4и ч.5 ст.29 Конституции РФ), а с другой,-« осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (там же,ч.3 ст.17). .

И такой механизм был разработан в Федеральном законе от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ « О внесении изменений в Федеральный закон « Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (далее-закон о праве на забвение). Закон нормативно закрепил так называемое «право на забвение», содержание которого раскрывается в статье 10.3 Федерального закона об

информации. Согласно этой статье , оператор поисковой системы по требованию гражданина(заявителя) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, в случаях, если такая информация: распространяется с нарушением законодательства Российской Федерации; является недостоверной или неактуальной (о событиях старше трех лет);является утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. Вместе с тем оператор не обязан прекращать выдачу ссылок об указателе страницы сайта в сети Интернет, если информация содержит сведения о событиях, содержащих признаки уголовно-наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым истекли, а также информация о совершении гражданином преступления, по которому не снята судимость или не погашена.

Само понятие «право на забвение» в отечественном законодательстве отсутствует, но можно выделить его некоторые сущностные характеристики, нормативно закрепленные в законодательстве:

1). Право на забвение является цифровым личным неимущественным правом гражданина и одним из способов защиты его персональных данных в цифровом пространстве; оно регулирует общественные отношения, относящиеся к сфере конституционного, гражданского и информационного права.

2). Специфической сферой реализации права на забвение является сеть Интернет.

3). Нормативным содержанием права на забвение является возможность гражданина при определенных условиях требовать незамедлительного (в течение 10 рабочих дней) удаления его персональных данных из поисковой системы (Яндекс, Google, Mail.ru). Реализация права на забвение предполагает обязанность оператора поисковой системы прекратить выдачу ссылок пользователям сети Интернет, то есть сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет (для доступа к запрашиваемой информации о заявителе). Что касается удаления самого контента, то по закону такой обязанности у оператора нет.

4). Заявительный характер права на забвение. Желающий воспользоваться этим правом гражданин обращается в службу поддержки поисковой системы с заявлением на исключение из результатов поиска ссылок на те сведения, которые, по его мнению , могут нанести ему вред: информация, распространённая с нарушением законодательства, недостоверная, неактуальная или утратившая значение для заявителя.

5). Досудебный порядок реализации права на забвение. Он заключается в том, что заявитель вправе обратиться в суд с исковым заявлением к поисковой системе о прекращении выдачи ссылок только в случае, если оператор поисковой системы рассмотрел его требование об удалении ссылки из поисковой системы и принял мотивированный отказ в удовлетворении заявленного требования.

Таким образом, по замыслу, закон о праве на забвение должен был способствовать более полной и своевременной защите чести, достоинства и деловой репутации граждан на основе принципов неприкосновенности частной жизни, недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия ["Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»", www, п.7ст.3].

Первые три месяца правоприменительной практики реализации права на забвение являли противоречивую картину: с одной стороны, в обществе была очевидной высокая востребованность нормативного установления права на забвение. За этот небольшой период

Google получила свыше 1.4 тысячи запросов на удаление ссылок, а Яндекс- более 3.5 тысячи. С другой стороны, обе крупнейшие интернет-компании удалили лишь менее половины запрошенных ссылок [Пушкарская, 2019, с.2]. В последующие годы противоречивость процесса реализации права на забвение не снижалась, а скорее, нарастала, оставляя стабильным низкий процент удаленных ссылок. Например, согласно собственной информации Яндекса, за период с января по июнь 2023 года количество отказов по запрошенным ссылкам составило: в случаях неактуальной информации-61 процент, в случаях недостоверной информации-80 процентов, в случаях нарушения законодательства Российской Федерации-90 процентов. В указанной статистике учитывались только обращения, отправленные заявителями в электронном виде, некорректно заполненные заявления не учитывались

В экспертных научных публикациях содержится немало аналитических материалов, относящихся к проблематике реализации права на забвение. Они свидетельствуют о несовершенстве механизма реализации этого права, проблемах, с которыми сталкиваются в правоприменительной практике как заявители, так и поисковые системы. В обобщённом виде они сводятся к следующему:

- поисковые системы объясняют частые отказы по запросам на удаление информации тем, что требования заявителей не подкреплены должными доказательствами, допускаются фактические ошибки и неполнота сведений, 30 процентов обращений связаны с ложными персональными данными, нарушается досудебный порядок реализации права на забвение. Неизбежно возникают конфликты между частными и публичными интересами в случаях, когда к праву на забвение прибегают практикующие в частном порядке врачи. юристы и рекламные агенты. Характерный пример с врачом, который требует от оператора поисковой системы удаления ссылки на негативные отзывы о своей работе, характеризуя эту информацию как давно устаревшую и утратившую для него значение. Это интерес частный. Публичный же интерес для пользователей поисковой системы представляет практически всякая информация о враче вне зависимости от времени ее размещения в сети Интернет. Конфликт интересов в подобных случаях разрешается только судом, который в поисках баланса интересов сопоставляет право на неприкосновенность частной жизни с правом третьих лиц на распространение и получение информации. Как правило, если информация представляет собой общественную значимость (общественный интерес), удаление ссылок на нее является необоснованным. Судебная практика встречается и с фактами злоупотребления правом на забвение, даже попытками «переписывать» и «искажать историю»);

- что касается операторов поисковых систем, закон о праве на забвение изначально поставил их в затруднительное положение: они вынуждены выполнять функции государственных органов, не имея ни процессуальных полномочий, ни технических условий для проведения компетентной экспертизы по определению статуса соответствующей информации. К тому же в законе отсутствуют критерии по каждому виду информации. По этим причинам операторы, как правило, руководствуются не аргументами заявителя, а решениями суда при принятии положительных решений по удалению ссылок.

При исследовании проблематики реализации права на забвение необходимо учитывать не только разного рода субъективные факторы, но также объективное влияние внутренней противоречивости самих процессов информационной цифровизации, отличающихся сложной и непредсказуемой направленностью, неясными гуманитарными последствиями, вследствие чего риски и угрозы личной безопасности человека становятся неизбежными, а проблемы обеспечения конституционных прав и свобод выходят на первый план; и в этом смысле

объективная необходимость законодательного совершенствования механизма реализации права на забвение не вызывает сомнения.

Вот почему весьма востребованной для законодателя и правоприменителей, научного и экспертного сообщества остается практика конституционного судопроизводства, в процессе которой Конституционным Судом РФ осмыслению категории «право на неприкосновенность частной жизни» во взаимосвязи, в частности, с правом на забвение было уделено большое внимание. Как отмечает судья Конституционного Суда РФ Бондарь Н.С.,Суд уже высказал в своей практике некоторые принципиальные положения, связанные с раскрытием содержания и правового потенциала права на забвение в аспекте конституционного истолкования соответствующих законодательных положений[Бондарь, 2019, с.38]. В первую очередь речь идет об Определении от 26 ноября 2018 года №3087-0, в котором Конституционный Суд впервые использовал понятие «право на забвение». Выделим ряд базовых правовых позиций Суда, указывающих на правовой потенциал права на забвение, и имеющих для законодателя доктринальное и нормативное значение.

Начиная с 2003 года, Конституционный Суд РФ в своих решениях формирует новый информационно-цифровой статус личности, составными элементами которого являются цифровая идентификация личности и право на забвение. Развивается положение о том, что цифровой мир, расширяя возможности формирования информационно-правового статуса человека, одновременно ограничивает реализацию его прав и свобод. Поскольку правовое обеспечение духовно-нравственных ценностей (и в первую очередь таких, как «достоинство личности», «права и свободы человека», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «единство народов России») становится приоритетным направлением государственной политики в сфере защиты духовного суверенитета страны, в научно-правовом аспекте актуальным является решение проблем соотношения правовых и морально-этических норм в правовом регулировании духовно-нравственных отношений.

Суд раскрыл юридическую природу права на забвение, указав, что оно является производным от конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст.23), а также от конституционно-правового запрета на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч.1ст.24)[Бондарь, 2019, с.38]. Эта правовая позиция в полной мере корреспондирует с разработанным Судом понятием «право на неприкосновенность частной жизни», означающим предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается на область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер ["Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О", www]. В современных информационно-цифровых условиях содержание права на неприкосновенность частной жизни расширяется и приобретает новые конституционные аспекты, в том числе возможность быть забытым.

Суд дал конституционное истолкование статьи 10.3 Федерального закона об информации, обратив внимание на то, что в статье дается конкретизация общих принципов регулирования и реализации гражданами права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом подчеркивается, что право на забвение не является абсолютным, оно не предполагает безусловного удаления оператором

поисковой системы любой информации в силу того, что правоприменитель в каждом конкретном случае должен находить превалирующую ценность между двумя конституционными ценностями: с одной стороны, притязанием заявителя на удаление из сети Интернет неприемлемой для него информации и одновременно -необходимостью обеспечения прав каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также свободой массовой информации (ст.29 Конституции РФ), которая определена Судом как «потенциально конфликтная ценность в случае реализации права на забвение»["Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О", www].

Доктринальное значение имеет правовая позиция Суда о том, что фундаментальные конституционные права, закрепленные статьями 23,24 (ч.1) и 29 Конституции, защищают являющиеся одинаково значимыми интересы частного лица в обеспечении его приватности, с одной стороны, и интересы широкой общественности в доступе к информации-с другой, а потому они не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом ["Определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 года № 275-О", www].

Методологическое значение для законотворческой деятельности и правоприменительной практики имеет установление Конституционного Суда о том, что реализация права на забвение является эффективным способом правовой защиты как частной жизни обычных граждан, так и граждан, являющихся публичными фигурами. С этой целью закон о праве на забвение ориентирует судебные органы на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно значимыми ценностями: доступом граждан к информации и защите прав граждан при рассмотрении информации о них.

Заключение

Изложенные правовые позиции Конституционного Суда РФ свидетельствует о его важнейшей роли в разрешении новых по своей природе противоречий в сфере применения информационно-цифровых технологий, имеющих конституционно-правовое измерение. В более широком контексте речь идет не только о минимизации негативных последствий влияния новых технологий на неприкосновенность частной жизни и необходимости использования в этих целях правового потенциала права на забвение; представляется необходима гуманизация всего процесса применения современных технологий, во многом непредсказуемого.

Подводя итог вышеизложенному в статье, можно сказать что решение этой стратегической проблемы и сопутствующих ей задач, должно относится не только к федеральному законодателю, призванному правовыми средствами регулировать пределы допустимого применения тех или иных технологий, соединять научные технологии с социальными, гуманитарно-мотивированными векторами научно-технического прогресса [3,с.29], но и как нам видится, надо привлекать к участию институты гражданского общества, разного рода экспертные ассоциации, включающие ученых, специалистов гуманитарного профиля, представителей традиционных религиозных конфессий. Их участие предполагает выработку экспертных заключений и рекомендаций по проектам законодательных актов и актов правоприменения, основанных на защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, достоинства граждан (ч.1ст.21, ст.75.1 Конституции РФ). Что же касается правовой

науки, то ей отводится одна из ключевых ролей в данном аспекте и как точно и правильно отмечали участники международной научной конференции, -«она должна выработать общие подходы к определению механизмов реализации и защиты прав и свобод человека, существующих в сети Интернет, поддерживая доверие граждан к государству» [Авакьян, 2019, с.104].

Библиография

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право: обзор международной научной конференции//Электронное приложение к «российскому юридическому журналу».3/2019.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2017 года по делу № 33- 10390/ 2017 // СПС «Консультант Плюс».
3. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации//Журнал российского права.2019. №11.
4. Козлова Н. Тайны оптом и в розницу// Российская газета.2024.5 апреля.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 года № 275-О.
8. Пушкарская А. Конституционный Суд не усомнился в «праве на забвение»//Коммерсант.2019.20 апреля. № 71.
9. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ.
10. Зорькин В. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия //Росс. газета- Федеральный выпуск, 27 октября 2021 года, №247.
11. Курпатов А. Экспертный доклад в Совете Федерации,18 декабря 2022 года «Цифровизация и угроза цивилизации»/popechenie.com.
12. Пугачев В.П. Государственный контроль и свобода личности в цифровом обществе/Вестн.Моск. ун-та.Сер.21. Управление (государство и общество).2022. №2.
13. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Москва,2021 /ifap.ru.

The Right to Be Forgotten on the Internet as a Means of Protecting Privacy (Constitutional-Legal Aspect)

Evgeny G. Golovin

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPA,
603950, 46 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Valentina M. Bolshakova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPA,
603950, 46 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Abstract

The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrate its crucial role in resolving new types of contradictions in the sphere of applying information-digital technologies that have constitutional-legal dimensions. In a broader context, this concerns not only minimizing the negative consequences of the influence of new technologies on privacy and the necessity of using the legal potential of the right to be forgotten for these purposes. It appears necessary to humanize the entire process of applying modern technologies. Solving this strategic task should concern not only the federal legislator but will also require the participation of civil society institutions, various expert associations including scientists, humanities specialists, and representatives of traditional religious denominations.

For citation

Golovin E.G., Bolshakova V.M. (2025) Pravo na zabveniye v seti Internet kak sposob zashchity neprikosnovennosti chastnoy zhizni (konstitutsionno-pravovoy aspekt) [The Right to Be Forgotten on the Internet as a Means of Protecting Privacy (Constitutional-Legal Aspect)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 166-173. DOI: 10.34670/AR.2025.17.51.021

Keywords

Right to be forgotten, privacy, personal data protection, digital rights, constitutional-legal regulation, information security.

References

1. Avakian S.A. Information space of knowledge, digital world and constitutional law: review of the international scientific conference//Electronic supplement to the Russian Law Journal.3/2019.
2. Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 20, 2017 in case no. 33- 10390/ 2017 // SPS Consultant Plus.
3. Bondar N.S. Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation//Journal of Russian Law.2019. No. 11.
4. Kozlova N. Secrets wholesale and retail// Rossiyskaya gazeta.April 2024.5.
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 9, 2005 No. 248-O.
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 26, 2018 No. 3087-O.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 12, 2019 No. 275-O.
8. Pushkarskaya A. The Constitutional Court did not doubt the "right to oblivion"//Kommersant.2019.April 20. No. 71.
9. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated July 27, 2006 No. 149-FZ.
10. Zorkin V. The Constitutional Court at the turn of the Fourth Decade //Ross. gazeta- Federal Issue, October 27, 2021, No. 247.
11. Kurpatov A. Expert report to the Federation Council, December 18, 2022, "Digitalization and the threat to civilization"/ popechenie.com 12. Pugachev V.P. State control and individual freedom in the digital society/Vestn.Mosk. un-ta.Ser.21. Management (state and society).2022. No. 2.
13. Digital transformation and protection of citizens' rights in the digital space. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Moscow,2021 /ifap.ru .

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.69.29.022**

Финансовый контроль в отношении цифровых активов в зарубежных государствах

Вожагов Максим Вадимович

Аспирант,
Кафедра финансового права,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: mvozhagov@bk.ru

Аннотация

В статье исследуется и анализируется зарубежный опыт проведения финансового контроля в отношении операций с цифровыми активами. Автором разделяются страны на группы в зависимости от их подхода к управлению рынком цифровых активов, выявляются соответствующие закономерности и базовые принципы, встречаемые в рассматриваемых государствах. Автором подробно исследуется опыт стран с наиболее развитыми финансовыми рынками, среди которых: государства-члены Европейского Союза, США, Япония, Швейцария. Проводится сравнительно-правовой анализ зарубежной и российской контрольно-надзорной подсистемы рынка цифровых активов.

Для цитирования в научных исследованиях

Вожагов М.В. Финансовый контроль в отношении цифровых активов в зарубежных государствах // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 174-181. DOI: 10.34670/AR.2025.69.29.022

Ключевые слова

Цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые активы, финансовый рынок, цифровизация, финансовый контроль, регулирование, сравнительно-правовой анализ.

Введение

Несмотря на недружественные действия ряда государств, следует отметить, что Россия стремится в мировое экономическое и правовое пространство и остается интегрированной в мировую экономику.

Соответствие мировым стандартам и практикам важно для создания благоприятных условий для эффективной внешне-экономической деятельности с использованием цифровых активов, таким образом, при рассмотрении возможных моделей финансового контроля, использование опыта зарубежных стран является крайне важным, так как позволяет выявлять наиболее эффективные инструменты и обеспечивать их внедрение.

На сегодняшний день международное сообщество не установило единых подходов к регулированию цифровых активов: криптовалют и токенов. Совет по финансовой стабильности подчеркивает направления, нуждающиеся в особом внимании со стороны государственных регулирующих органов в сфере цифровых активов:

1) Увеличение вовлеченности банков в экосистемы цифровых активов, которые пока не подлежат регулированию.

2) Рост доли институциональных инвесторов в цифровых активах с использованием высоких кредитных плеч.

3) Увеличение использования цифровых активов для расчетов.

4) Увеличение роли платформ для торговли цифровыми активами в финансовом секторе.

5) Увеличение финансовых убытков из-за волатильности цен.

6) Снижение доверия к цифровым активам.

7) Стремительный рост DeFi-экосистем без идентифицируемых ответственных посредников.

8) Увеличение различий в регулировании цифровых активов между странами, что способствует регуляторному арбитражу и системным рискам ["IMF-FSB Synthesis Paper: Policies for Crypto-Assets", 2023].

Несмотря на общность рисков, с которыми сталкивается мировое экономическое пространство, к регулированию финансового контроля, нацеленного на предотвращение соответствующих рисков не выработано единого подхода. На данный момент, в зависимости от подхода стран к регулированию рынка цифровых активов, можно выделить 5 условных групп:

Группа 1: цифровые активы признаны законным средством платежа.

К указанной группе относятся страны с крайне низким уровнем экономического развития и устойчивости внутренней валюты, в этих странах любые цифровые активы (в том числе децентрализованная криптовалюта: биткоин) могут быть использованы в качестве средства платежа.

Группа 2: в отношении цифровых активов отсутствуют устойчивые нормы правового регулирования, оборот цифровых активов специально не регламентируется.

В определенных государствах либо регионах цифровые активы допускается применить в качестве средства расчетов, при этом местные регулирующие органы разрабатывают правила и осуществляют идентификацию участников таких операций.

Группа 3: в отношении цифровых активов действует запрет на использование в качестве средства платежа.

Множество стран, относящихся к рассматриваемой категории, используют уникальную правовую практику в отношении цифровых активов. В указанных юрисдикциях расчеты с использованием цифровых активов строго запрещены, однако отсутствует запрет на проведение

операций по торговле и инвестированию с использованием цифровых активов.

Группа 4: в отношении любых операций с цифровыми активами действуют существенные ограничения.

В ряде государств установлены строгие ограничения на обращение цифровых валют, включая полный запрет на их обращение, что обусловлено стремлением контролировать денежные потоки и обеспечивать безопасность финансового сектора.

Группа 5: Полный запрет в отношении любых операций с цифровыми активами.

При выстраивании комплексной системы финансового контроля в отношение цифровых активов следует ориентироваться, в первую очередь, на группы стран 2-4. Именно в указанных странах в наибольшей степени поощряется конкуренция и стимулируются инновации со стороны частного бизнеса и государства. Представляется, что наиболее оптимальной стратегией для российского законодателя, на данный момент, станет ориентир на опыт государств из 3 группы.

Анализ опыта зарубежных государств, безусловно, представляет очевидный научный интерес. Крайне важно исследовать многогранные подходы к финансовому контролю, включая опыт стран, выстраивающих наиболее эффективные механизмы взаимодействия с рынком цифровых активов.

Европейский союз

Говоря о выстраивании экосистемы правового регулирования цифровых активов, следует отметить, что одним из наиболее комплексных нормативных актов об обороте цифровых активов, среди зарубежных государств, на данный момент, является предложение по единому регулированию рынка криптоактивов (Markets in Crypto-assets, MiCA, Регламент) ["Markets in Crypto-assets, MiCA", www], представляющей собой обширный набор нормативных мер для европейских криптоактивов и является частью Стратегии цифровых финансов Еврокомиссии, включающей законодательное предложение о пилотном тестировании решений в области торговли и расчетов финансовых услуг с использованием технологии распределенного реестра.

Несмотря на то, что MiCA не рассматривает вопросы контроля в деталях, она концентрируется на регулировании поставщиков услуг, связанных с криптоактивами (CASP). Эти компании получают право осуществлять профессиональную деятельность в сфере операций с цифровыми активами и к таким компаниям предъявляются особые, повышенные требования в части: уставного капитала, требований к управлению и порядку принятия управленческих решений, структуре собственности и многому другому.

Таким образом, европейское правовое регулирование делает особый акцент на предварительном финансовом контроле в целях предотвращения рисков совершения противоправных операций на рынке цифровых активов.

Соединенные Штаты Америки

Традиционно считается, что одним из наиболее развитых систем регулирования финансовых рынков в мире является система, развивающаяся в США. Несмотря на активное развитие рынка цифровых активов в США, какого-либо единого федерального регулирования не сформировано. Финансовые органы, а также органы штатов признают перспективу развития рынка цифровых активов в США, а также систематически публикуют отдельные самостоятельные разъяснения, отражающие базовый подход регуляторов к рынку, однако

полноценный подход в США так и не был сформирован.

Финансовый контроль распространяется также на иные типы цифровых активов. В частности, сделки, связанные с данными активами, подпадают под регулирование антитеррористического и антикоррупционного законодательства. По сведениям Федеральной резервной системы США, (ФРС), биткойн и аналогичные ему криптовалюты, используемые в качестве средства расчета, не подпадают под юрисдикцию указанной организации.

Законодательный акт о банковской тайне предписывает осуществление обязательного финансового мониторинга в пределах страны, тогда как контроль за соответствием требований осуществляется при содействии Сети по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN). Все финансовые организации, зарегистрированные в FinCEN, включая банки, компании, проводящие переводы, и валютных трейдеров, следуют данному законодательному предписанию.

Среди ключевых элементов внедряемых мер следует выделить:

- разработка внутренней нормативной документации по ПОД/ФТ;
- назначение ответственного сотрудника, контролирующего соблюдение требований законодательства в сфере ПОД/ФТ;
- непрерывное обучение персонала методам выявления подозрительных операций в рамках процедур комплаенса;
- проведение независимого аудита для целей оценки эффективности реализуемых мер [Dewey, 2021].

Дополнительные механизмы финансового контроля в отношении цифровых активов в США выстраиваются на уровне штатов и направлено на разработку единых правил лицензирования деятельности, связанной с совершением операций с виртуальными активами и формированием единых реестров участников системы обращения виртуальных активов.

Наибольшее количество лицензий для операторов, занимающихся цифровыми валютами, выдано в Нью-Йорке. Согласно положениям 23 NYCRR 200.2(q), выполнение операций с цифровыми активами требует наличия лицензии BitLicense, выданной Департаментом финансовых услуг.

Швейцарская Конфедерация

Одной из наиболее прогрессивных стран в части правового регулирования цифровых активов является Швейцарская Конфедерация. Именно Швейцарскими регуляторами был сформулирован основной подход к классификации цифровых активов, в 2018 г. Служба по надзору за финансовыми рынками Швейцарии выпустила Руководство, содержащее классификацию различных видов токенов с учетом экономической функции, выполняемой соответствующим активом [Favre, Houdrouge, Elsener, www].

В Швейцарии операции с платежными и утилитарными цифровыми активами квалифицируются как финансовое посредничество, которое регулируется законодательством и требует соответствующего лицензирования.

К финансовому посредничеству в Швейцарии относятся, например:

– услуги, связанные с платёжными операциями, в частности, переводы с использованием цифровых активов;
– торговля цифровыми активами;
– управление цифровыми активами.

Деятельность по осуществлению финансового посредничества в Швейцарии подлежит

лицензированию от FINMA. Например: Лицензия Fintech FINMA ["Bundesgesetz über die Banken und Sparkassen (Bankengesetz, BankG)", www].

Финансовые посредники обязаны соблюдать нормы законодательства, нацеленного на предотвращение отмывания денег. Одним из подобных обязательных требований выступает принцип «знай своего клиента» (KYC), воплощённый в обязательных стандартах, применяемых в банковской сфере.

Операции с цифровыми активами в Швейцарии подлежат налогообложению в соответствии с профильным налоговым законодательством, в частности: подоходному налогу, налогу на прирост капитала, налогу на имущество. Налоговый контроль в отношении операций с цифровыми активами осуществляется налоговой службой Швейцарии ["Пояснительная брошюра для частных лиц. Кантон Цуг. Финансовый департамент. Налоговая администрация, Криптовалюты", www].

Япония

Япония является одним из передовых государств с точки зрения финансово-правового регулирования операций с цифровыми активами. Финансовый контроль в отношении цифровых активов в Японии устанавливается Законом о платежных услугах ["The Payment Services Act № 59 of 24.06.2009", www]. Примечательно, что поправки в названный закон были сформулированы после хищения криптовалюты в результате атаки на биржу Coincheck ["The Report from Study Group on Virtual Currency Exchange Services", www].

Участники финансового рынка обязаны аккредитовываться в качестве поставщиков обменных услуг цифровыми валютами. К кандидатам предъявляются строгие требования.

– минимальный размер уставного капитала;
– сумма чистых активов не ниже нуля;
– использование виртуальных систем, позволяющих обеспечить защиту прав получателей финансовых услуг [Kawai, Nagase, Tan, www].

К провайдерам финансовых услуг при совершении операций с цифровыми активами также предъявляется ряд специальных требований, к которым, в частности, относятся соблюдение правил комплаенса «знай своего клиента», а также запись транзакций и обязанность по сообщению о подозрительных операциях в регулирующие органы.

Гонконг

Регулирование цифровых активов в Китайской народной республике, установившей строгие запреты на операции с цифровыми активами и Гонконге демонстрирует резкие различия. Гонконг, являясь автономной территорией, устанавливает благоприятные условия для криптовалют и финтех-компаний. Местные власти стремятся использовать уже действующую правовую базу, предпочитая не вводить новые законы, и тем самым создают условия, способствующие прогрессу сектора [Lim, Yiu, www].

В Гонконге получение лицензии является обязательным для осуществления деятельности в области цифровых активов. Регулирующие органы настоятельно требуют наличия лицензии для проведения любых операций с токенами, включая их продажу, а также для предоставления консультационных, посреднических и сопутствующих услуг в соответствии с законодательным актом, касающимся ценных бумаг и фьючерсов.

Цифровые активы, выполняющие функции платежного инструмента: платежные токены

также являются частью финансового рынка Гонконга. В соответствии с позицией регуляторов, соответствующие активы квалифицируются в качестве виртуального товара ["Hong Kong Monetary Authority", www].

Ключевым направлением финансового контроля в отношении цифровых активов в Гонконге является противодействие отмыванию денежных средств при совершении операций с цифровыми активами. Участники рынка обязуются получить необходимые лицензии в соответствии с Ордонансом о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма.

На текущий момент Россия, как и весь развитый мир, находится в поиске баланса в системе правового регулирования цифровых активов. Сохраняется определенная дискуссия на уровне органов государственной власти, в научной среде, а также среди технологических предпринимателей и юристов касательно отдельных вопросов правового регулирования, вместе с тем, уже сейчас можно с уверенностью отметить, что Россией была сделана ставка на развитие рынка цифровых активов, законодатель видит в цифровом сегменте финансового рынка очевидные перспективы, так что указанные технологии будут развиваться и далее.

Говоря подходах к финансовому контролю в отношение цифровых активов, следует отметить, что ни в одной из зарубежных стран на текущий момент не выделены какие-либо фундаментальные подходы к контролю, существенно отличные от тех подходов, которые используются при обеспечении финансового контроля на традиционном финансовом рынке. На текущий момент юридические механизмы осуществления финансового контроля предполагают использование диспозитивных методов, связанных с наложением определенных обязанностей на участников рынка цифровых активов.

Сквозной анализ опыта зарубежных стран показывает нам, что подход контролирующих органов к контролю в отношении цифровых активов не отличается значительным образом от подхода к финансовому контролю в целом. Регулирование и контроль за цифровыми активами остаётся на начальной стадии во всём мире, некоторые страны ведут более активную деятельность по финансовому контролю, как правило, в форме проведения проверок и принятия мер принуждения, но в целом, содержание контрольно-правовых правоотношений в сфере цифровых активов остается во многом неопределенным, ключевыми вопросами, стоящими перед регуляторами являются:

1) какие именно правоотношения являются объектами финансового контроля;

2) какие мероприятия финансового контроля могут быть проведены в отношение цифровых активов.

При этом на данный момент стабильность и прозрачность законодательства о цифровых активах, является одним из факторов роста привлекательности юрисдикции для развития технологического бизнеса, таким образом, чем активнее будет развиваться законодательство о цифровых активах и эффективней становиться система финансового контроля, тем привлекательней и современней станет экономика стран.

Важно отметить, что эффективное регулирование новых финансовых технологий основано на скоординированном взаимодействии между контролирующими ведомствами и участниками финансового сектора. Данная модель регулирующих практик, характерная для зарубежных и международных структур, охватывает вопросы, связанные с криптовалютами и распределительными реестрами. В большинстве случаев применяется система «мягкого регулирования», заключающаяся в разъяснении непонятных аспектов участникам рынка по запросу, без правового закрепления терминов.

Среди наиболее релевантных по отношению к рынку цифровых активов инструментов

контроля следует отнести:

- технологию распределенных реестров;
- технологические решения нетрадиционного контроля (например -мониторинг социальных сетей);
- технологии искусственного интеллекта;
- Бизнес-аналитика (BI) и геопространственный анализ, а также многие иные решения.

Заключение

Анализ опыта зарубежных государств показывает нам, что идеальная модель контроля в отношении цифровых активов не выработана. Вместе с тем, неизменными факторами успеха, очевидно, являются: развитие механизмов прямых и обратных связей для целей получения откликов от представителей рынка; внедрение новых технологических инструментов, позволяющих использовать принципиально новые механизмы контроля; акцент на предварительном финансовом контроле и на выстраивании системы эффективных базовых требований, предъявляемых к участникам рынка.

Библиография

1. Guidance for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs). Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). 2018. 11 p.;
2. Dewey J. Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2021. USA. C. 74.;
3. Markets in Crypto-assets, MiCA [Электронный ресурс] URL: https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/markets-crypto-assets-regulation-mica (дата обращения: 16.12.2024);
4. The Virtual Currency Regulation Review: Switzerland / O. Favre, T. Houdrouge and F. Elsener // URL: https://thelawreviews.co.uk/title/the-virtual-currency-regulation-review/switzerland (дата обращения: 25.05.2025);
5. The Payment Services Act № 59 of 24.06.2009 // URL http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=02&re=02&id=3078&lvm=02. (дата обращения: 25.05.2025);
6. The Report from Study Group on Virtual Currency Exchange Services ; В Японии намерены проверить все криптобиржи после кражи хакерами $ 530 млн с Coincheck // Finversia. (дата обращения: 25.05.2025);
7. The Virtual Currency Regulation Review: Japan / K. Kawai, T. Nagase, Huan Lee Tan // URL: https://thelawreviews.co.uk/edition/the-virtual-currency-regulation-review-edition- 3/1230193/japan (дата обращения: 25.05.2025);
8. Hong Kong Monetary Authority// URL: https://www.hkma.gov.hk/eng/news-and-media/press-releases/2015/02/20150211-3/.

Financial Control over Digital Assets in Foreign States

Maxim V. Vozhagov

Graduate Student,
Department of Financial Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mvozhagov@bk.ru

Abstract

The article investigates and analyzes foreign experience in conducting financial control over

operations with digital assets. The author categorizes countries into groups depending on their approach to managing the digital assets market, identifying corresponding patterns and basic principles encountered in the examined states. The author thoroughly examines the experience of countries with the most developed financial markets, including: member states of the European Union, United States, Japan, Switzerland. A comparative legal analysis of foreign and Russian control and supervision subsystems of the digital assets market is conducted.

For citation

Vozhagov M.V. (2025) Finansovyy kontrol' v otnoshenii tsifrovykh aktivov v zarubezhnykh gosudarstvakh [Financial Control over Digital Assets in Foreign States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 174-181. DOI: 10.34670/AR.2025.69.29.022

Keywords

Digital financial assets, digital currency, digital assets, financial market, digitalization, financial control, regulation, comparative legal analysis.

References

1. Guidance for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs). Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). 2018. 11 p.;
2. Dewey J. Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2021. USA. C. 74.;
3. Markets in Crypto-assets, MiCA [Электронный ресурс] URL: https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/markets-crypto-assets-regulation-mica (дата обращения: 16.12.2024);
4. The Virtual Currency Regulation Review: Switzerland / O. Favre, T. Houdrouge and F. Elsener // URL: https://thelawreviews.co.uk/title/the-virtual-currency-regulation-review/switzerland (дата обращения: 25.05.2025);
5. The Payment Services Act № 59 of 24.06.2009 // URL http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=02&re=02&id=3078&lvm=02. (дата обращения: 25.05.2025);
6. The Report from Study Group on Virtual Currency Exchange Services ; В Японии намерены проверить все криптобиржи после кражи хакерами $ 530 млн с Coincheck // Finversia. (дата обращения: 25.05.2025);
7. The Virtual Currency Regulation Review: Japan / K. Kawai, T. Nagase, Huan Lee Tan // URL: https://thelawreviews.co.uk/edition/the-virtual-currency-regulation-review-edition- 3/1230193/japan (дата обращения: 25.05.2025);
8. Hong Kong Monetary Authority// URL: https://www.hkma.gov.hk/eng/news-and-media/press-releases/2015/02/20150211-3/.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.50.10.023**

Подтверждения технологического присоединения энергопринимающих устройств при заключении договоров энергоснабжения

Воробьев Андрей Васильевич

Аспирант,
Институт аспирантуры и докторантуры,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
E-mail: e-mail: vorobyov@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся общие положения о конституционных принципах регулирования экономических отношений и о публичности договора энергоснабжения. В основной части статьи исследуются правовые нормы, регламентирующие порядок заключения договоров энергоснабжения в части обязательных требований к предоставлению потребителем документов, подтверждающих технологическое присоединение его энергопринимающих устройств к сетям энергоснабжения. Автором рассмотрен действующий правовой механизм предъявления законодателем требований к документам о подключении в области электро-, тепло-, водоснабжения и водоотведения, а также их сравнительный анализ. По итогам проделанной работы выявлены некоторые проблемы действующего правового регулирования и предложены пути их решения.

Для цитирования в научных исследованиях

Воробьев А.В. Подтверждения технологического присоединения энергопринимающих устройств при заключении договоров энергоснабжения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 182-191. DOI: 10.34670/AR.2025.50.10.023

Ключевые слова

Технологическое присоединение, подключение, публичный договор, энергоснабжение, водоснабжение, водоотведение, теплоснабжение, электроснабжение, энергетика, энергетическое право, коммунальные услуги.

Введение

В правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации многократно отмечалось, что нормы Конституции, рассматриваемые во взаимосвязи с принципами обеспечения и охраны прав и свобод человека и гражданина, возлагают на государство обязанность формировать такую правовую и экономическую среду, которая способствует устойчивому функционированию и развитию экономических отношений [Конституция Российской Федерации, 1993]. Реализация этой обязанности предполагает создание условий для поддержания добросовестной конкуренции и эффективной рыночной системы, основанной на свободе предпринимательства, автономии участников хозяйственной деятельности и недопустимости необоснованного вмешательства в неё. В равной степени государство должно обеспечивать стабильность гражданского оборота, его высокую степень предсказуемости и юридической определённости, что служит гарантией защищённости интересов участников экономического взаимодействия [Постановление КС РФ № 6-П, 2003; Постановление КС РФ № 10-П, 2008].

Особое значение в этом контексте имеет судебная защита прав участников экономической деятельности, что выступает гарантией реального осуществления конституционного принципа охраны частной собственности и экономической свободы. Данные гарантии распространяются как на сферу частноправовых отношений, так и на взаимодействие личности с государством в публично-правовом аспекте [Постановление КС РФ № 8-П, 1997; Постановление КС РФ № 6-П, 2011].

Основное содержание

Гражданско-правовое регулирование направлено на защиту интересов добросовестных участников оборота и обеспечение правовой устойчивости договорных связей. С этой позиции действующий механизм заключения публичных договоров энергоснабжения при имеющемся подключении (технологическом присоединении) играет ключевую роль в поддержании законности и стабильности гражданского оборота.

В соответствии с принципами, закрепленными в гражданском законодательстве, волеизъявление энергоснабжающей организации на заключение договора энергоснабжения предполагается заранее. При этом обязательным условием установления договорных отношений является наличие у потребителя энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации и отвечающего установленным техническим требованиям [Гражданский кодекс РФ (часть вторая), 1996; Хорошева, 2016].

Тем самым гражданское право исходит из того, что заключение публичного договора возможно лишь при соблюдении технических и организационных условий подключения, обеспечивающих надлежащую реализацию обязательств сторон.

Порядок подключения объектов и оборудования потребителей к системам энергоснабжения по основным видам ресурсов, обеспечивающим жизнедеятельность населения и функционирование предприятий, устанавливается специальным законодательством, регулирующим отношения в сфере электро-, тепло-, водо- и газоснабжения [Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», 2003; Федеральный закон № 190-ФЗ «О теплоснабжении», 2010; Федеральный закон № 69-ФЗ «О газоснабжении», 1999]. Указанные нормативные акты, а также принятые во исполнение их подзаконные документы, закрепляют общие принципы и

процедуры технологического присоединения, определяют права и обязанности участников данных отношений, а также механизмы контроля за соблюдением технических условий и стандартов безопасности.

Ключевым элементом этой системы является принцип однократности технологического присоединения, означающий, что подключение объекта к сетям осуществляется единожды, в объеме максимальной мощности энергопринимающих устройств потребителя [Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», 2003]. Фактически это означает, что после выполнения всех процедур подключения энергопринимающие устройства считаются присоединёнными на постоянной основе и не требуют повторного прохождения аналогичных этапов, за исключением случаев реконструкции или существенного изменения параметров объекта.

Применение такого подхода позволяет структурировать и стандартизировать процессы подключения, что ведёт к уменьшению как административных, так и технических препятствий. Кроме того, это обеспечивает прозрачность процедур и делает взаимоотношения между потребителями и организациями, осуществляющими поставку энергоресурсов, более предсказуемыми и понятными.

В судебной практике, включая правовые позиции, сформулированные Верховным Судом Российской Федерации, принцип однократности технологического присоединения получил подробное толкование [Решение ВС РФ № АКПИ23-113, 2023]. Суть этого принципа состоит в том, что подключение конкретного объекта к электрическим сетям осуществляется единожды и не требует повторного прохождения идентичной процедуры в дальнейшем — вне зависимости от того, произошла ли смена собственника, изменился ли состав участников или был ли переоформлён статус правообладателя энергопринимающих устройств. Следовательно, изменение правового режима владения или другие организационно-правовые трансформации не могут служить основанием для повторного взимания платы за технологическое присоединение.

Исключение составляют случаи, когда реконструкция или модернизация объекта приводит к увеличению максимальной мощности, изменению категории надежности или схемы электроснабжения — тогда может потребоваться новая процедура подключения.

Исходя из правовой позиции Верховного Суда, принцип однократности распространяется не только на электроэнергетику, но и на иные виды коммунальной инфраструктуры, включая теплоснабжение, водоснабжение и газоснабжение. Однако на практике данный принцип нередко вызывает споры при заключении или изменении договоров энергоснабжения. Основные разногласия связаны с определением самого факта технологического присоединения — особенно в ситуациях, когда оно осуществлялось много лет назад и документальные подтверждения отсутствуют либо вызывают сомнения.

Для урегулирования споров, возникающих при подключении объектов к электрическим сетям, законодатель сформировал комплексный порядок заключения договоров энергоснабжения. Данный порядок не ограничивается лишь процедурными требованиями, а устанавливает чёткие критерии, позволяющие определить, имеет ли заявитель законные основания для получения электрической энергии. Одним из таких критериев является предъявление доказательств технологического присоединения. Требование распространяется также на случаи, когда объект получает доступ к сети не напрямую, а через иного потребителя или владельца сетевого оборудования, то есть в условиях опосредованного присоединения [Постановление Правительства РФ № 442, 2012]. Таким образом обеспечивается контроль за использованием инфраструктуры, предотвращается возможность нелегального подключения и

формируется прозрачная система взаимодействия между участниками рынка.

Пункт 36 Правил № 442 детализирует, какие документы считаются достаточными для подтверждения факта технологического присоединения. Центральное место среди них занимает акт о технологическом присоединении, который подписывается сторонами, участвующими в подключении: потребителем и сетевой организацией либо владельцем соответствующих сетевых объектов, включая производителей электроэнергии. Заменяет его акт разграничения балансовой принадлежности — документ, фиксирующий границы ответственности сторон за элементы электросетевого хозяйства. Указанные акты не только формально удостоверяют законность подключения, но и выполняют важную правоприменительную функцию: они позволяют установить, кто отвечает за эксплуатацию конкретных участков сети, тем самым исключая споры о принадлежности объектов и предотвращая неопределённость в дальнейшем обороте.

Применительно к принципу однократности подключения наличие указанных одного или обоих актов предполагается у первоначального заявителя, осуществившего технологическое присоединение впервые. Однако у последующих собственников недвижимости такие документы могут отсутствовать по объективным причинам — из-за утраты, несвоевременной передачи при переходе права собственности или ненадлежащего хранения. Само по себе отсутствие актов не может служить основанием для требования повторного подключения или признания использования сетей неправомерным, если фактически объект продолжает получать электроэнергию в рамках ранее осуществленного присоединения.

Для урегулирования отношений, возникающих при подключении объектов к электрическим сетям, законодатель предусмотрел целый набор инструментов, позволяющих заявителю защитить свои интересы в случае, когда оформление необходимых документов оказывается невозможным или трудно реализуемым. Пункт 37 Правил № 442 играет в этой системе ключевую роль: он вводит альтернативный порядок действий для ситуаций, когда сетевая организация затягивает подготовку актов технологического присоединения или вовсе не реагирует на запросы потребителя. В подобных обстоятельствах заявитель вправе обратиться непосредственно к гарантирующему поставщику с требованием о заключении договора энергоснабжения и предоставить лишь те документы, которыми он фактически располагает, включая доказательства обращения в сетевую организацию. Тем самым устраняется риск, что потребитель окажется в положении, когда отсутствие документов — последствие поведения третьего лица — лишает его доступа к электроэнергии.

Законодатель учитывает и иные типовые ситуации. Например, если ранее заключённый договор энергоснабжения был прекращён, а новая заявка подаётся в пределах трёхлетнего срока, допускается упрощённый порядок заключения договора. В таких случаях от потребителя требуется представить документы о технологическом присоединении только тогда, когда они ранее не передавались гарантирующему поставщику либо в них произошли изменения. В противном случае поставщик обязан использовать ту информацию, которая уже имеется в его распоряжении, что позволяет избежать повторного сбора одних и тех же сведений и снижает административную нагрузку.

Вместе с тем в нормативном регулировании существует существенный пробел: действующее законодательство не предусматривает ответственность владельцев электросетевого хозяйства, которые не имеет статус сетевой организации, выдавать потребителю документы о технологическом присоединении, если такая обязанность не закреплена в договоре или соглашении сторон. На практике это приводит к большому числу

конфликтных ситуаций, особенно при смене собственника объекта, когда новый владелец оказывается без необходимых доказательств подключения и вынужден самостоятельно искать способы подтверждения факта присоединения.

Причины отсутствия документов могут быть самыми разными. Нередко заявитель не может установить местонахождение предыдущего собственника объектов электросетевого хозяйства или получить его контактные данные. Можно столкнуться и с тем, что такое лицо не получает корреспонденцию, не видит экономического интереса в предоставлении документов (например, при отсутствии тарифа на передачу), либо стремится вынудить потребителя пройти процедуру технологического присоединения повторно. Такие обстоятельства проявляются на практике регулярно и создают дополнительное напряжение в отношениях между участниками рынка.

Однако положения Правил № 442 направлены на нейтрализацию подобных барьеров. Они прямо запрещают гарантирующему поставщику отказывать в заключении договора только на основании того, что заявитель не представил полный комплект документов. Более того, на поставщика возложена обязанность самостоятельно получить недостающие сведения у сетевой организации или иных владельцев сетевых объектов. Такой механизм исключает зависимость заявителя от недобросовестного поведения третьих лиц и укрепляет принцип доступности публичных договоров энергоснабжения.

Регулирование отношений в этой части сопряжено с созданием дополнительных гарантий для потребителей в рамках Правил недискриминационного доступа [Постановление Правительства РФ № 861, 2004]. Эти нормы требуют от сетевой организации выдачи переоформленных или дублирующих документов о технологическом присоединении по заявлению лица, объект которого был подключён после установленной даты. Причём законодатель подчёркивает, что обязанность по их выдаче возникает независимо от того, предоставил ли заявитель полный комплект подтверждающих материалов. Введение такой гарантии направлено на минимизацию неопределённости, которая может возникать спустя годы после первоначального подключения.

Правоприменительная практика подтверждает эффективность такого подхода: суды указывают, что при переходе прав на объект, ранее подключённый к сетям, обязанности по переоформлению документов о технологическом присоединении возникают и у нового собственника, и у сетевой организации [Постановление АС Центрального округа № Ф10-2791/2022, 2022]. Это обеспечивает преемственность прав и исключает дублирование процедур.

Аналогичные правовые принципы действуют и в иной сфере — теплоснабжении. Договор теплоснабжения допускается заключать только с теми потребителями, чьи объекты фактически присоединены к тепловой сети [Федеральный закон № 190-ФЗ «О теплоснабжении», 2010]. Поскольку договор является публичным, теплоснабжающая организация не вправе отказываться от его заключения при условии выполнения заявителем технических условий подключения. Эти условия становятся частью текста договора и формируют технический базис взаимоотношений сторон.

Правила организации теплоснабжения [Постановление Правительства РФ № 808, 2012] предусматривают перечень документов, подтверждающих подключение теплопотребляющих установок, включая акты присоединения, исполненные технические условия и наряды-допуски. Законодатель стремится создать механизм, позволяющий восстанавливать или заменять утраченные документы. Если потребитель не может представить акты о технологическом присоединении, он может обратиться в единую теплоснабжающую организацию, которая в течение десяти рабочих дней проводит проверку подключения. Проверка осуществляется за

счёт заявителя, однако её стоимость нормативно ограничена — не более 500 рублей за объект, что снижает вероятность злоупотреблений.

Если же подключение потребителя осуществляется не через единую теплоснабжающую организацию, проверка проводится совместно с владельцем соответствующей сети или источника тепловой энергии. Итогом процедуры является составление акта разграничения балансовой принадлежности. При этом сам акт проверки не считается самостоятельным доказательством технологического присоединения, так как его задача — зафиксировать результаты проверки.

Так как ввод в эксплуатацию источников тепловой энергии и подключение теплопотребляющих установок новых потребителей без оборудования точек учета приборами учета не допускаются (часть 4 статьи 19 Федерального закона "О теплоснабжении"), то к перечню документов, подтверждающих подключение теплопотребляющих установок заявителя в установленном порядке к системе теплоснабжения, также могут быть отнесены акты допуска прибора учета тепловой энергии в эксплуатацию или акты их периодической проверки.

Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях [Определение ВС РФ № 305-ЭС25-3497, 2025; Постановление Правительства РФ № 644, 2013] подчёркивает, что порядок восстановления документов направлен на защиту потребителей, фактически подключённых к системе, но утративших формальные подтверждения по причинам, не зависящим от их воли: из-за смены законодательства, перехода сетей от одного владельца к другому или иных обстоятельств. Отсюда следует ключевой принцип: повторное технологическое присоединение не требуется, если объект уже был подключён ранее.

Сходные подходы отражены в регулировании водоснабжения и водоотведения. Законодательство закрепляет обязанность собственников объектов, подключённых к централизованным сетям, заключать договоры на водоснабжение и водоотведение, что поддерживает прозрачность и единообразие в сфере поставки энергоресурсов. Перечень документов, необходимых для заключения договора, определяется Правилами № 644 [Постановление Правительства РФ № 644, 2013] и включает широкий спектр подтверждений подключения — от договора о подключении до актов промывки и дезинфекции сетей. Поскольку перечень носит открытый характер, допускается представление любых доказательств, подтверждающих, что объект был ранее присоединён к сети.

Повторное предоставление документов требуется только тогда, когда объект подключён впервые. В иных случаях достаточно сведения о существовавших ранее договорах или иных данных, подтверждающих сохранение точки поставки. Дополнительное значение имеет акт допуска прибора учёта в эксплуатацию: поскольку подключение без приборов учёта по закону не допускается, он также может рассматриваться как доказательство технологического присоединения.

Гарантирующий поставщик обязан обладать информацией о подключённых объектах и не вправе уклоняться от заключения публичного договора энергоснабжения при наличии документов, даже косвенно (prima facie) подтверждающих технологическое присоединение. В спорных ситуациях по заявлению потребителя гарантирующий поставщик может провести собственное обследование объекта централизованных сетей водоснабжения и водоотведения и составить соответствующий акт. Нормы пункта 9 Правил № 644 ограничивают основания для отказа в заключении договора исключительно случаями самовольного подключения или нарушением технических условий, что прямо установлены Федеральным законом "О водоснабжении и водоотведении". Отказ гарантирующего поставщика по формальным

основаниям при наличии иных доказательств подключения может рассматриваться как его недобросовестное поведение.

Заключение

Сопоставляя правовое регулирование в части предоставления потребителем документов, подтверждающих технологическое присоединение, в различных отраслях энергоснабжения, можно выделить две основные проблемы: отсутствие универсального подхода к подтверждению технологического присоединения и фрагментарность процедур восстановления утраченных документов. Решением может стать единый механизм на подтверждения подключения и унифицированный порядок заключения публичных договоров.

Данное решение возможно путем инкорпорирования правовых позиций Верховного Суда РФ в отраслевые федеральные законы для установления общего (единого) порядка и условий заключения публичных договоров энергоснабжения.

Библиография

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 N 6-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева" // "Российская газета", N 81, 26.04.2003.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 N 10-П "По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)" в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова" // "Российская газета", N 163, 01.08.2008.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.1997 N 8-П "По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда" // "Собрание законодательства РФ", 26.05.1997, N 21, ст. 2542
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2011 N 6-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "СтройКомплект" // "Собрание законодательства РФ", 09.05.2011, N 19, ст. 2769.
6. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // "Собрание законодательства РФ", 29.01.1996, N 5, ст. 410
7. Хорошева Н.В. Публичный договор энергоснабжения: проблемы при заключении путем присоединения // Гражданское право. 2016. N 3. С. 17 - 20.
8. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) "Об электроэнергетике" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025)// "Собрание законодательства РФ", 31.03.2003, N 13, ст. 1177.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 N 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О теплоснабжении" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // "Российская газета", N 168, 30.07.2010.
10. Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О газоснабжении в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 05.04.1999, N 14, ст. 1667
11. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) "Об электроэнергетике" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025)// "Собрание законодательства РФ", 31.03.2003, N 13, ст. 1177
12. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 11.04.2023 N АКПИ23-113 <Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим второго предложения абзаца первого пункта 8(5) Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утв. Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (в ред. Постановления Правительства РФ от 09.10.2021 N 1711)> // СПС

«Консультант Плюс»
13. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 (ред. от 27.12.2024) "О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии" (вместе с "Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии", "Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии") (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2025) // "Собрание законодательства РФ", 04.06.2012, N 23, ст. 3008.
14. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (ред. от 20.08.2025) "Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям" // "Собрание законодательства РФ", 27.12.2004, N 52 (часть 2), ст. 5525.
15. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.07.2022 N Ф10-2791/2022 по делу N А62-6792/2020 // СПС «Консультант Плюс».
16. Федеральный закон от 27.07.2010 N 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О теплоснабжении" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // "Российская газета", N 168, 30.07.2010.
17. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 N 808 (ред. от 31.03.2025) "Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" (вместе с "Правилами организации теплоснабжения в Российской Федерации") // "Собрание законодательства РФ", 20.08.2012, N 34, ст. 4734.
18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2025 N 305-ЭС25-3497 по делу N А40-57930/2024 // СПС «Консультант Плюс»
19. Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 N 644 (ред. от 28.11.2023) "Об утверждении Правил холодного водоснабжения и водоотведения и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 12.08.2013, N 32, ст. 4306.

Confirmation of Technological Connection of Energy-Receiving Devices When Concluding Energy Supply Contracts

Andrey V. Vorobyov

Graduate Student,
Institute of Graduate and Doctoral Studies,
O.E. Kutafin University (MSLA),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vorobyov@mail.ru

Abstract

The article presents general provisions on constitutional principles of regulating economic relations and on the public nature of energy supply contracts. The main part of the article examines legal norms regulating the procedure for concluding energy supply contracts regarding mandatory requirements for the consumer to provide documents confirming the technological connection of their energy-receiving devices to energy supply networks. The author considers the current legal mechanism of legislative requirements for connection documents in the fields of electricity, heat, water supply and wastewater disposal, as well as their comparative analysis. As a result of the work done, some problems of the current legal regulation are identified and ways to solve them are proposed.

For citation

Vorobyov A.V. (2025) Podtverzhdeniya tekhnologicheskogo prisoyedineniya energoprinimayushchikh ustroystv pri zaklyuchenii dogovorov energosnabzheniya [Confirmation of Technological Connection of Energy-Receiving Devices When Concluding Energy Supply Contracts]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 182-191. DOI: 10.34670/AR.2025.50.10.023

Keywords

Technological connection, connection, public contract, energy supply, water supply, wastewater disposal, heat supply, electricity supply, energy sector, energy law, utility services.

References

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 03/14/2020 is published on the Official Internet portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru , 07/04/2020.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/21/2003 No. 6-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Sklyanova and V.M. Shiryaev" // Rossiyskaya Gazeta, No. 81, 26.04.2003.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 10 dated 07/18/2008-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph fourteen of Article 3 and paragraph 3 of Article 10 of the Federal Law "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs during State Control (Supervision)" in connection with the complaint of citizen V.V. Mikhailov" // Rossiyskaya Gazeta, No. 163, 08/01/2008.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/20/1997 N 8-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 4 and 6 of Article 242 and Article 280 of the Customs Code of the Russian Federation in connection with the request of the Novgorod Regional Court" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/26/1997, N 21, art.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/25/2011 N 6-P "In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 3.7 and Part 2 of Article 8.28 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited Liability Company Stroykomplet // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/09/2011, N 19, art. 2769.
6. "The Civil Code of the Russian Federation (part two)" dated 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 24.06.2025) // "Collection of legislation of the Russian Federation", 29.01.1996, N 5, art. 410
7. Khorosheva N.V. Public energy supply contract: problems when concluding by joining // Civil law. 2016. No. 3. pp. 17-20.
8. Federal Law No. 35-FZ of 26.03.2003 (as amended on 25.10.2024) "On the Electric Power Industry" (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025)// "Collection of Legislation of the Russian Federation", 03/31/2003, No. 13, art. 1177.
9. Federal Law No. 190-FZ of 07/27/2010 (as amended on 08/08/2024) "On Heat Supply" (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 168, 07/30/2010.
10. Federal Law No. 69-FZ of 03/31/1999 (as amended on 12/28/2024) "On Gas Supply in the Russian Federation" // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 04/05/1999, No. 14, art. 1667
11. Federal Law No. 35-FZ of 03/26/2003 (as amended on 10/25/2024) "On the Electric Power Industry" (as amended and addendum, intro. effective from 03/01/2025)// "Collection of legislation of the Russian Federation", 03/31/2003, No. 13, art. 1177
12. Decision of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/11/2023 N AKPI23-113 <On the refusal to satisfy the Application for Invalidation of the Second sentence of the first paragraph of paragraph 8(5) of the Rules for Technological Connection of Power Receiving Devices of Electric Energy Consumers, Electric Energy Production Facilities, as well as electric Grid Facilities Owned by grid Organizations and to other persons, to electric networks, approved by By Decree of the Government of the Russian Federation No. 861 dated December 27, 2004 (as amended Decree of the Government of the Russian Federation dated 09.10.2021 N 1711)> // SPS Consultant Plus
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/04/2012 N 442 (as amended on 12/27/2024) "On the functioning of retail electricity markets, full and (or) partial restriction of electricity consumption" (together with the "Basic provisions of the functioning of retail electricity markets energy consumption", "Rules of full and (or) partial

limitation of the mode of consumption of electric energy") (with amendments and additions, intro. effective from 04/17/2025) // "Collection of legislation of the Russian Federation", 06/04/2012, No. 23, art. 3008.
14. Decree of the Government of the Russian Federation of 27.12.2004 N 861 (ed. dated 08/20/2025) "On Approval of the Rules for Non-Discriminatory Access to Electric Energy Transmission Services and the Provision of These Services, the Rules for Non-Discriminatory Access to Operational Dispatch Management Services in the Electric Power Industry and the Provision of These Services, the Rules for Non-Discriminatory Access to the Services of a Commercial Wholesale Market Operator and the Provision of these Services, and the Rules for Technological Connection of Energy Receiving Devices of Electric Energy Consumers, electric energy production facilities, as well as electric grid facilities, owned by grid organizations and other persons, to electric networks" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 12/27/2004, No. 52 (part 2), art. 5525.15.
Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 07/14/2022 N F10-2791/2022 in the case N A62-6792/2020 // SPS Consultant Plus.
16. Federal Law No. 190-FZ of 27.07.2010 (as amended on 08.08.2024) "On Heat Supply" (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 168, 07/30/2010.
17. Decree of the Government of the Russian Federation of 08.08.2012 N 808 (as amended on 03/31/2025) "On the organization of heat supply in the Russian Federation and on Amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation" (together with the "Rules for the organization of heat supply in the Russian Federation") // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08/20/2012, N 34, art. 4734.
18. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.09.2025 N 305-ES25-3497 in case N A40-57930/2024 // SPS Consultant Plus
19. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/29/2013 N 644 (as amended on 11/28/2023) "On approval of the Rules of cold water supply and sanitation and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08/12/2013, N 32, art. 4306.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.19.93.024**

Проблема правовой охраны данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта

Кузьмин Илья Олегович

Аспирант,
Кафедра интеллектуальной собственности,
Московский университет имени А.С. Грибоедова,
105066, Российская Федерация, Москва, ул. Новая Басманная, 35, стр. 1;
e-mail: kuzmin_io@bk.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ одной из наиболее актуальных проблем современного права — коллизии между необходимостью использования охраняемых объектов интеллектуальной собственности для обучения систем искусственного интеллекта и нормами действующего законодательства. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, которое опережает формирование адекватного правового регулирования, что создает риски массовых и латентных нарушений прав авторов и правообладателей. Цель работы — выявить правовую природу указанной коллизии и разработать сбалансированные предложения по ее разрешению. Методологическую основу составили диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна заключается в аргументированном обосновании охранительного подхода как оптимального пути легитимизации процесса обучения искусственного интеллекта, обеспечивающего соблюдение фундаментальных принципов интеллектуальной собственности. В заключении сформулирован вывод о необходимости законодательного закрепления специального правового механизма, требующего получения разрешения правообладателей, что позволит перевести развитие передовых технологий в правовое поле без ущерба для базовых гражданских прав.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузьмин И.О. Проблема правовой охраны данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 192-200. DOI: 10.34670/AR.2025.19.93.024

Ключевые слова

Искусственный интеллект, машинное обучение, интеллектуальная собственность, авторское право, правовая охрана, входные данные, исключительное право, правовой пробел, законодательное регулирование, баланс интересов.

Введение

Одним из наиболее дискуссионных вопросов современности является проблема использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в качестве «входных данных» для обучения алгоритмов искусственного интеллекта [Балалаева, 2024, с. 3]. Как справедливо отмечается в доктрине, базовые механизмы охраны интеллектуальных прав, сформированные в иную технологическую эпоху, не были рассчитаны на конкуренцию человека-автора с технологией, способной к самообучению и генерации результатов, сопоставимых с продуктом человеческого творчества [Гюльбасарова, 2024, с. 4]. Это обуславливает наличие значительных пробелов в правовом регулировании, в частности, в аспекте легитимизации использования объектов авторского права для машинного обучения.

Обучение современных генеративных моделей искусственного интеллекта, таких как крупные языковые модели и нейросети, по своей природе требует обработки колоссальных массивов информации. Высокая эффективность и качество работы таких систем достигаются именно за счет обучения на разнородных, репрезентативных и качественных данных, значительную часть которых составляют охраняемые произведения науки, литературы и искусства [Щербак, 2022, с. 56]. При этом технологический процесс обучения, предполагающий загрузку и обработку произведений, с правовой точки зрения может квалифицироваться как непоименованный способ использования, требующий согласия правообладателя, что прямо вытекает из принципа закрытого перечня ограничений исключительного права (ст. 1229 ГК РФ) [Гюльбасарова, 2024, с. 5]. Сложность заключается в том, что обеспечение такого согласия в каждом отдельном случае представляется крайне затруднительным ввиду массовости и разнообразия используемых данных, что на практике приводит к латентному и масштабному нарушению интеллектуальных прав.

Попытки обойти данное противоречие путем обезличивания или агрегирования данных не являются панацеей. Как указывают исследователи, для достижения значимых результатов искусственного интеллекта должен обучаться на оригинальных, содержательно насыщенных произведениях, а не на их производных, лишенных уникальности и творческой составляющей [Ручкина, 2021, с. 81]. Обезличивание данных, по сути, лишает систему возможности выявлять сложные паттерны и закономерности, что неминуемо ведет к снижению качества и точности генерируемых ею результатов. Таким образом, возникает фундаментальная проблема: с одной стороны, развитие конкурентоспособных технологий искусственного интеллекта объективно невозможно без доступа к охраняемому контенту, с другой — действующий правовой режим делает такое использование противоправным.

Цель статьи — комплексный анализ коллизии между необходимостью использования охраняемых данных для обучения систем искусственного интеллекта и требованиями действующего законодательства об интеллектуальной собственности, а также выработка предложений по поиску правового компромисса.

Гипотеза исследования состоит в том, что разрешение указанной коллизии возможно не через признание обучения искусственного интеллекта свободным использованием, а путем разработки и законодательного закрепления специальных правовых механизмов, которые, обеспечивая соблюдение прав авторов и правообладателей, одновременно не создавали бы непреодолимых барьеров для разработчиков передовых технологий.

Методология исследования включает применение диалектического, формально-юридического, сравнительно-правового и системного методов, что позволяет проанализировать

правовую природу отношений, возникающих в процессе обучения искусственного интеллекта, выявить противоречия в действующем регулировании и оценить предложенные в доктрине модели их преодоления.

Основное содержание

С точки зрения действующего законодательства Российской Федерации, данные, наиболее часто используемые для обучения систем искусственного интеллекта – тексты, изображения, музыка, видеозаписи, программный код – в своей оригинальной, творческой форме являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности.

Согласно статье 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), к объектам авторских прав относятся произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. К ним также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения.

Аналогичную охрану получают объекты смежных прав, такие как исполнения, фонограммы, сообщения в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещательных организаций), базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования материалов (ст. 1304 ГК РФ).

Ключевым принципом, закрепленным в статье 1229 ГК РФ, является то, что правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением). Перечень способов использования произведений и объектов смежных прав, приведенный в статьях 1270 и 1317 ГК РФ соответственно, является открытым, что позволяет распространить исключительное право на любые новые, непоименованные способы, включая их использование в технологических процессах.

Процесс обучения искусственного интеллекта, в частности, машинное обучение с учителем, с юридической точки зрения представляет собой сложный технологический процесс, который включает несколько этапов, потенциально затрагивающих исключительные права. Первично это сбор и копирование данных. Создание обучающего набора неизбежно связано с воспроизведением произведений (п. 1 ст. 1270 ГК РФ) – их фиксацией на электронном носителе (жестком диске, сервере) для дальнейшей обработки. Далее происходит о**бработка и анализ (предобработка данных).** На этом этапе произведения могут подвергаться переработке, модификации или иной переработке (п. 9 ст. 1270 ГК РФ) для приведения данных к единому формату, удобному для алгоритма. Как верно отмечается в доктрине, сам процесс «загрузки результатов интеллектуальной деятельности в специальное программное обеспечение, осуществляющее обработку этих результатов в качестве «входных данных»» [Гюльбасарова, 2024, с. 5], представляет собой использование произведения, не поименованное в законе прямо, но подпадающее под общий режим исключительного права в силу открытости его перечня.

Таким образом, использование охраняемого контента для обучения искусственного интеллекта без разрешения правообладателя представляет собой **нарушение исключительного права на воспроизведение и, возможно, переработку**, так как система создает свои внутренние репрезентации и модели на основе охраняемых оригиналов.

Особая сложность данной ситуации заключается в латентном характере нарушения. После завершения обучения искусственного интеллекта генерирует собственные, внешне новые результаты, которые, однако, могут нести в себе «отпечаток» обучающих данных. Как отмечает

С.А. Зуйков, «алгоритм работы генеративных нейросетей предполагает, как правило, использование не одного-двух, а множества оригинальных произведений» [цит. по Щербак, 2022, с. 56]. Правообладателю крайне затруднительно не только обнаружить факт использования своего произведения, но и доказать причинно-следственную связь между своим объектом и результатом работы искусственного интеллекта, особенно когда речь идет о сложных нейросетях, прошедших обучение на миллионах единиц контента, что создает ситуацию, при которой развитие технологий искусственного интеллекта может быть сопряжено с массовыми нарушениями интеллектуальных прав, защита которых при подобных нарушениях может быть существенно затруднена [Гюльбасарова, 2024, с. 6]. Легитимизация же созданных искусственного интеллекта объектов при отсутствии действенных механизмов охраны прав на исходные материалы нарушает фундаментальный правовой принцип: *commodum ex injuria non oritur* – преимущество не может проистекать от нарушения права.

Проблема коллизии между интересами правообладателей и разработчиков технологий искусственного интеллекта является предметом активного обсуждения в современной российской юридической науке. Анализ научных исследований позволяет выявить единую позицию относительно наличия правового пробела и системного характера возникающих рисков.

Так, А.И. Балашова указывает на то, что «юридическая наука не в первый раз сталкивается с новыми объектами, которые необходимо вписать в существующие теоретические и нормативные конструкции без ущерба интересов отдельных лиц и общества в целом» [Балашова, 2023, с. 206]. Однако, как подчеркивает Е.Е. Кирсанова, основной вектор исследований сегодня направлен на поиск правового режима для результатов, созданных искусственного интеллекта, в то время как вопрос об охране исходных данных, используемых для его обучения, остается на периферии научного дискурса, несмотря на его фундаментальность [Кирсанова, 2023, с. 36].

Ряд ученых непосредственно квалифицируют использование объектов авторского права для обучения алгоритмов как правонарушение. А.В. Тумаков и Н.А. Петраков отмечают, что существующие механизмы свободного использования произведений (ст. 1273–1279 ГК РФ) не покрывают целей машинного обучения, а установленный принцип ограниченного использования (п. 5 ст. 1229 ГК РФ) не позволяет толковать такие случаи расширительно [Тумаков, Петраков, 2022, с. 16]. Схожей позиции придерживается А.С. Аникин, акцентируя внимание на проблеме охраноспособности и указывая, что использование произведений без согласия автора для создания и обучения искусственного интеллекта не может быть признано правомерным, поскольку зачастую противоречит обычному использованию этих объектов и необоснованным образом ущемляет законные интересы правообладателей [Аникин, 2022, с. 25].

Особую остроту проблеме придает ее массовый и скрытый характер. По справедливому замечанию Н.В. Щербак, существуют нейросети, которые «могут обучаться и генерировать собственные результаты на основе конкретных выбранных пользователем произведений» [Щербак, 2022, с. 56], что создает почву для множественных нарушений. При этом, как констатирует Б.А. Шахназаров, правообладателю крайне сложно обнаружить и доказать факт использования его произведений в обучающих выборках, что негативно сказывается на возможности эффективной защиты нарушенных прав [Шахназаров, 2022, с. 63].

Зарубежный опыт, анализируемый в трудах российских ученых, лишь подтверждает универсальность данной проблемы. Э.А. Шахназарова, исследуя подходы Великобритании, США и ЕС, приходит к выводу, что в основе многих судебных разбирательств лежат обвинения

в «беспрецедентном пиратстве» и незаконном копировании миллионов охраняемых произведений в пользу коммерческих интересов разработчиков искусственного интеллекта [Шахназарова, 2021, с. 34]. Аналогичные выводы содержит исследование Д.А. Мотовиловой, посвященное перспективам авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, в США [11, с. 56].

Следовательно, анализ доктрины позволяет сделать однозначный вывод: использование охраняемых данных для обучения искусственного интеллекта в рамках действующего правового поля представляет собой системную проблему, характеризующуюся массовостью, латентностью и высокими рисками для правообладателей. Сложившаяся ситуация требует не просто констатации нарушения, а поиска сбалансированных правовых механизмов, которые позволили бы, по выражению А.И. Балашовой, «вписать» новые технологические реалии в существующую правовую систему без ущерба для ее базовых принципов.

Сформировавшаяся правовая коллизия требует активного вмешательства законодателя. На основе проведенного анализа можно условно предложить два полярных подхода к ее разрешению, каждый из которых имеет свои социально-экономические обоснования и правовые последствия.

Первый вариант представлен либеральным подходом и включает в себя легализацию свободного использования данных для обучения искусственного интеллекта.

Суть данного подхода заключается во внесении в ГК РФ прямого разрешения на использование любых общедоступных произведений и объектов смежных прав для целей обучения систем искусственного интеллекта без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения. Данный подход имеет ключевое преимущество, т.к. он апеллирует к высшей публичной целесообразности. Технологии искусственного интеллекта являются двигателем глобального научно-технологического прогресса, способным решить ключевые проблемы человечества: от разработки новых лекарств и борьбы с изменением климата до оптимизации управления сложными системами и преодоления языковых барьеров. Их развитие приносит значимые преимущества не отдельным гражданам, а всему обществу и государству в целом. В условиях глобальной конкуренции замедление темпов развития искусственного интеллекта из-за правовых барьеров может привести к стратегическому отставанию страны. А, значит, интересы технологического прорыва и национальной безопасности могут рассматриваться как основание для пренебрежения частными интересами правообладателей в данной конкретной сфере.

Реализация данного подхода потребовала бы внесения изменений в ГК РФ, а именно дополнения перечня случаев свободного использования произведений новой статьей. Предлагаемая редакция: «Статья 1279.1. Использование произведения для обучения систем искусственного интеллекта

Допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения использование правомерно обнародованного произведения для создания и обучения систем искусственного интеллекта, включая машинное обучение и глубокое обучение, в целях их развития и функционирования».

Второй вариант, напротив, включает в себя охранительный подход, т.е. сохранение и усиление защиты правообладателей данных.

Рассматриваемый подход исходит из приоритета фундаментальных прав личности над интересами технологического развития. Его суть заключается в установлении прямого запрета на использование охраняемых данных для обучения систем искусственного интеллекта без

соблюдения общих требований гражданского законодательства, то есть без получения согласия правообладателей или применения иных установленных законом легальных механизмов.

Право интеллектуальной собственности, будучи институтом гражданского права, основано на фундаментальных принципах неприкосновенности собственности и свободы договора, которые, в свою очередь, вытекают из конституционных норм. Статья 44 Конституции РФ гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также охрану интеллектуальной собственности. Развитие искусственного интеллекта, бесспорно, имеет высокое значение для экономики и национальной безопасности. Однако, как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, даже цели общегосударственного значения не могут достигаться путем произвольного умаления прав и свобод граждан. Такое умаление допустимо лишь в исключительных случаях, когда цель оправдывает средства, например, в условиях военного или чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В настоящий момент подобные условия для масштабного ограничения права интеллектуальной собственности отсутствуют.

Реализация охранительного подхода, в свою очередь, также потребует законодательной конкретизации. Для устранения правовой неопределенности и установления четкого запрета целесообразно дополнить ГК РФ соответствующей нормой: «Статья 1270.1. Использование произведения для обучения систем искусственного интеллекта

Использование произведения для обучения систем искусственного интеллекта, включая машинное обучение и глубокое обучение, допускается только с согласия правообладателя, если такое использование не подпадает под действие статей 1273 – 1279 настоящего Кодекса, либо по лицензионному договору, либо в рамках управления правами на коллективной основе в соответствии со статьей 1242 настоящего Кодекса.»

Проведенный анализ позволяет аргументированно поддержать второй, охранительный вариант решения проблемы. Несмотря на очевидные выгоды от ускоренного развития искусственного интеллекта, пренебрежение базовыми гражданскими правами создает опасный прецедент, подрывающий основы правового государства. Легализация «технологического пиратства» де-факто приведет к перераспределению ресурсов от создателей контента – физических лиц и малого бизнеса – к крупным технологическим корпорациям, углубляя социальное неравенство.

Целесообразно поддержать второй вариант, в рамках которого будет установлен прямой запрет на обучение систем искусственного интеллекта, влекущее нарушение прав граждан. При этом важно отметить, что данный запрет не является тотальным. Он не препятствует самому процессу обучения, но делает его легальным, переводя в правовое поле. Это, безусловно, потребует от разработчиков дополнительных финансовых, временных и организационных затрат, связанных с получением лицензий, созданием клиринговых центров или участием в организациях по коллективному управлению правами. Однако именно такой подход, основанный на рыночных механизмах и уважении к праву собственности, будет в полной мере соответствовать принципам гражданского права, основам конституционного строя Российской Федерации и обеспечит справедливый баланс между технологическим прогрессом и незыблемостью прав человека.

Принципиальное отличие двух подходов заключается в распределении бремени и выгод. Либеральная модель, по сути, представляет собой скрытую форму субсидирования узкой и экономически мощной группы разработчиков искусственного интеллекта за счет широкого и социально незащищенного круга правообладателей. Она снимает с корпораций-разработчиков

все издержки, связанные с легализацией контента, и перекладывает их на создателей — авторов, художников, музыкантов, программистов, — лишая их законного вознаграждения и контроля над использованием своих произведений. В условиях, когда технологии глубокого обучения доступны в первую очередь крупным компаниям с значительными ресурсами, такой подход не только углубляет социально-экономическое неравенство, но и создает несправедливую конкурентную среду, фактически легализуя «силовое» изъятие интеллектуальной собственности в интересах технологического меньшинства. Охранительный подход, напротив, основывается на принципе справедливости: бремя создания и обучения искусственного интеллекта возлагается на того, кто извлекает из этого основную экономическую выгоду, а не на того, чьи права при этом нарушаются. Более того, разработчики не лишены возможности заложить свои расходы в стоимость использования систем искусственного интеллекта конечными пользователями.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что использование охраняемых произведений для обучения систем искусственного интеллекта в рамках действующего правового поля Российской Федерации образует состав нарушения исключительных прав, главным образом, на воспроизведение и переработку. Существующий правовой вакуум порождает системные риски, усугубляемые латентным и массовым характером таких нарушений, что ставит под угрозу как интересы правообладателей, так и легитимность самих технологий искусственного интеллекта. Сравнительный анализ возможных путей решения проблемы — либерального (свободное использование) и охранительного (требующее разрешения) — демонстрирует, что только второй подход является концептуально последовательным и социально справедливым. Он не препятствует технологическому прогрессу, а переносит его в четко ограниченное правовое поле, обеспечивая соблюдение конституционных гарантий защиты собственности и стимулируя создание рыночных механизмов легального оборота прав (лицензионные соглашения, коллективное управление). Таким образом, разрешение коллизии видится не в создании очередной исключительной привилегии для технологических компаний, а в адаптации классических институтов интеллектуального права к новым вызовам, что будет способствовать формированию устойчивого и этичного правопорядка в цифровую эпоху.

Библиография

1. Балалаева Ю. С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.1. – Нижний Новгород, 2024. – 263 с.
2. Гюльбасарова Е.В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 10. С. 81 – 89.
3. Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. N 7. С. 43 – 61.
4. Ручкина Г.Ф. Отдельные направления правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в Российской Федерации // Банковское право. 2021. N 6. С. 40 – 50.
5. Балашова А.И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 190 – 206.
6. Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. N 9. С. 36 – 46.
7. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Проблемы правовой охраны объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Цивилист. 2022. N 4. С. 16 – 28.

8. Аникин А.С. К вопросу об охраноспособности результатов деятельности искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности // Цивилист. 2022. N 2. С. 25 – 31.
9. Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 9. С. 63 – 72.
10. Шахназарова Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. N 2 (32). С. 34 – 45.
11. Мотовилова Д.А. Перспективы авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, с позиции американского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. N 23. С. 56 – 67.

The Problem of Legal Protection of Data Used for Training Artificial Intelligence Systems

Ilya O. Kuzmin

Graduate Student,
Intellectual Property Department,
A.S. Griboyedov Moscow University,
105066, 35 Novaya Basmannaya St., Bld. 1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kuzmin_io@bk.ru

Abstract

The article conducts a comprehensive analysis of one of the most pressing problems of contemporary law - the collision between the necessity of using protected intellectual property objects for training artificial intelligence systems and the norms of current legislation. The relevance of the research is determined by the rapid development of artificial intelligence technologies, which outpaces the formation of adequate legal regulation, creating risks of mass and latent violations of authors' and rightsholders' rights. The aim of the work is to identify the legal nature of this collision and develop balanced proposals for its resolution. The methodological foundation consists of dialectical, formal-legal, comparative-legal and systemic methods. Scientific novelty lies in the reasoned justification of the protective approach as the optimal path for legitimizing the artificial intelligence training process, ensuring compliance with fundamental intellectual property principles. In conclusion, a finding is formulated about the necessity of legislative establishment of a special legal mechanism requiring rightsholder permission, which will allow transferring the development of advanced technologies into the legal field without detriment to basic civil rights.

For citation

Kuzmin I.O. (2025) Problema pravovoy okhrany dannykh, ispol'zuyemykh dlya obucheniya sistem iskusstvennogo intellekta [The Problem of Legal Protection of Data Used for Training Artificial Intelligence Systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 192-200. DOI: 10.34670/AR.2025.19.93.024

Keywords

Artificial intelligence, machine learning, intellectual property, copyright, legal protection, input data, exclusive right, legal gap, legislative regulation, balance of interests.

References

1. Balalaeva Yu. S. Theoretical Problems of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Legal Sphere: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 5.1.1. - Nizhny Novgorod, 2024. - 263 p.
2. Gyulbasarova E. V. Ensuring the Protection of Intellectual Property Rights in the Context of the Development of Advanced Technologies // Actual Problems of Russian Law. 2024. No. 10. pp. 81-89.
3. Shcherbak N. V. Digital Art in the Context of E-Commerce // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2022. No. 7. pp. 43-61.
4. Ruchkina G. F. Certain Areas of Legal Regulation of Artificial Intelligence, Robots, and Robotic Objects in the Russian Federation // Banking Law. 2021. N 6. Pp. 40–50.
5. Balashova A.I. Legal regime of the results of artificial intelligence activity: unity and differentiation of approaches // Journal of the Court on Intellectual Property Rights. 2023. Issue 3 (41). Pp. 190–206.
6. Kirsanova E.E. Review of the main theories of determining the legal regime of objects created by artificial intelligence // Law. 2023. N 9. Pp. 36–46.
7. Tumakov A.V., Petrakov N.A. Problems of legal protection of objects created using artificial intelligence technologies // Civilist. 2022. N 4. Pp. 16–28.
8. Anikin A.S. On the issue of the protectability of the results of artificial intelligence activity as an object of intellectual property // Civilist. 2022. N 2. pp. 25–31.
9. Shakhnazarov B.A. Legal regulation of relations using artificial intelligence // Current problems of Russian law. 2022. N 9. pp. 63–72.
10. Shakhnazarova E.A. Legal regulation of relations arising regarding intellectual property objects created by artificial intelligence technology, using the experience of the UK, USA and the EU // Journal of the Intellectual Property Court. 2021. N 2 (32). pp. 34–45.
11. Motovilova D.A. Prospects for copyright protection of results created by artificial intelligence systems, from the standpoint of American law // Journal of the Intellectual Property Court. 2019. N 23. pp. 56–67.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.91.17.025**

Роль прокурора в гражданском споре пациента с клиникой пластической хирургии

Ястремский Иван Анатольевич

Адвокат,
Адвокатская контора «Пелевин и партнеры,
Филиал ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»,
191187, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6А;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирована роль прокурора в гражданском споре пациента с клиникой пластической хирургии. Пациенты как потребители являются слабой стороной в отношениях с клиниками пластической хирургии, в этой связи, у пациентов имеется широкий круг прав, призванный укрепить их уязвимое положение. По делам о возмещении вреда, причиненного здоровью пациента, участие прокурора обязательно, он дает свое заключение по гражданскому делу. Интерес прокурора в суде является публичным, он состоит в вынесении законного судебного акта, соблюдении прав и законных интересов участников судебного процесса. Позиция прокурора, в отличие от судебного представителя, не связана с позицией истца. Заключение прокурора – это его мотивированное мнение о разрешении дела, основанное на законе. При этом данное заключение не является обязательным для суда. Прокурор не связан с позицией истца либо ответчика, его задачей является ориентирование суда на вынесение законного и обоснованного решения. Тем самым, прокурор способствует защите прав и интересов пациентов в судебных спорах с клиниками пластической хирургии и удовлетворению обоснованных к ним требований. Данное заключение оказывает существенное влияние на мнение судьи и исход рассмотрения дела. Уведомление прокурора о вступлении в дело должно быть осуществлено в письменной форме.

Для цитирования в научных исследованиях

Ястремский И.А. Роль прокурора в гражданском споре пациента с клиникой пластической хирургии // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 201-206. DOI: 10.34670/AR.2025.91.17.025

Ключевые слова

Клиника пластической хирургии, прокурор, суд, заключение, пациент, потребитель, процесс, требования, интерес.

Введение

В современной России защита прав потребителей выступает приоритетным направлением государственной политики. Отсутствие у потребителя специальных знаний о приобретаемых товарах и услугах делает их уязвимыми в отношениях с продавцами (исполнителями) и требует принятия особых мер для защиты прав потребителей.

Положения Гражданского кодекса РФ и Закона РФ «О защите прав потребителей» призваны уравновесить дисбаланс, порождаемый свободным рынком, свободой договора и уязвимым положением потребителя в правоотношениях с исполнителем.

В нашей стране потребители признаются слабой стороной в отношениях с исполнителем, что выражается в закреплении у пациентов широкого круга прав, возложении бремени доказывания предоставления качественных услуг на клиники пластической хирургии, наличием уполномоченного органа власти по защите прав потребителей - Роспотребнадзора.

Основное содержание

В России потребители по закону имеют право на получение услуг, отвечающих установленным требованиям и условиям договоров. В противном случае, они могут требовать безвозмездного устранения дефектов оказанных медицинских услуг, либо возврата уплаченных за них денежных средств.

Пациент вправе требовать возврата уплаченных за некачественные медицинские услуги денежных средств, возмещения убытков, компенсации морального вреда [Кратенко, 2024, с. 195-202].

Как правило, пациент требует взыскания с клиники пластической хирургии причиненного морального вреда, т.е. нравственных и физических страданий человека, которые компенсируются в виде денежной суммы, определяемой судом. Основанием компенсации морального вреда признается факт наличия дефекта медицинской помощи.

Установление судом недостатков в оказанных клиникой пластической хирургии медицинских услугах является безусловным основанием для удовлетворения требований пациента о возврате уплаченных за услуги денежных средств и возмещения в полном объеме убытков, понесенных пациентом.

По делам о возмещении вреда, причиненного здоровью пациента некачественными медицинскими услугами, обязательно должен участвовать прокурор, дающий заключение по делу (ч. 3 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Прокурор в суде является представителем государства, его интерес в деле является публичным, а не частным [Ченцов, 1989, с. 99]. В судебном процессе с клиникой пластической хирургии прокурор действует как представитель уполномоченного государственного органа, выполняющего свои функции – обеспечение соблюдения требований закона, прав и интересов участников гражданского дела.

При этом прокурор не является третьим лицом по делу, так как имеет процессуальный, а не материально-правовой интерес в исходе дела [Широкобокова, 2017, с. 31-36].

В отличие от истца, чьи личные материальные интересы напрямую связанны с исходом дела, интерес прокурора носит только процессуальный характер и направлен на получение законного и обоснованного судебного акта. Прерогативой вынесения решения обладает суд, который может согласиться или нет с доводами и заключением прокурора об обоснованности, либо

необоснованности заявленных пациентом исковых требований.

Прокурор является независимым, объективным и самостоятельным участником по делу, а не представителем стороны по делу. Поэтому позиция прокурора не связана с позицией истца. Если прокурор придет к выводу о необоснованности иска, то он отразит данный факт в заключении и предложит суду отказать в удовлетворении исковых требований пациента к клинике пластической хирургии.

Так, по данному из дел из заключения прокурора следовало, что дефектов оказания медицинской помощи пациенту не выявлено: имеющееся осложнение является допустимым осложнением для подобных вмешательств. Возможность указанного выше осложнения была оговорена в информированном добровольном согласии на выполнение операции. В итоге суд отказал в удовлетворении исковых требований.

В другом деле прокурор отметил, что клиника пластической хирургии допустила дефекты при проведении косметической операции. Выявленные отрицательные последствия медицинского вмешательства подтверждают, что истице оказана некачественная медицинская услуга. С учетом мнения прокурора, судом взысканы с ответчика в пользу истца деньги, уплаченные по договору, компенсация морального вреда.

Гражданский процессуальный кодекс РФ не содержит круг полномочий прокурора при даче заключения по делу. Предполагается, что он может пользоваться правами участников дел, на основании ст. 35 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Васильчикова, 2018, с. 97-101].

Заключение прокурора - это его объективная и аргументированная позиция о разрешении спора, основанная на анализе правовых норм и исследовании всех доказательств по делу [Гришин, 2010, с. 12].

Оглашение заключения прокурора завершает рассмотрение дела по существу, после чего проходят судебные прения. Данное заключение не имеет обязательной силы для суда, однако в любом случае он учитывает его при рассмотрении материалов дела и принятии решения. Задачей прокурора при подготовке и представлении заключения является оказание помощи суду в вынесении законного и обоснованного решения.

Однако в большинстве случаев прокурор выражает согласие с позицией пациента, подкрепляя ее перед судом. Прокурор принимает также к сведению, что истец является слабой стороной и не обладает достаточными правовыми и медицинскими знаниями по делу.

Некоторые суды могут неверно толковать нормы права, неправильно оценивать обстоятельства дела. Ориентируя суд на вынесение правильного решения, прокурор тем самым способствует защите прав и интересов пациентов в судебных спорах с клиниками пластической хирургии, и удовлетворению обоснованных требований.

В случае если при исследовании доказательств по делу возникли новые обстоятельства или появились новые доказательства (например, заключение экспертизы), прокурор вправе изменить свою позицию и заключение, но до его оглашения.

Как правило, заключение составляется в письменной форме (допускается и устная форма) и зачитывается прокурором или судьей после исследования всех доказательств.

Заключение прокурора не выступает доказательством по делу и не влечет однозначное согласие с ним судом. Не приравнивается заключение прокурора и к заключению эксперта, которое является доказательством и составляется независимым экспертом, имеющим специальные (медицинские) знания, требуемые для разрешения имеющихся у суда и сторон вопросов.

В то же время, суд при аргументировании своих выводов ссылается на заключение прокурора. В большинстве случаев, данное заключение оказывает определенное влияние на исход судебного разбирательства, так как прокурор является экспертом в сфере права и имеет авторитет представителя уполномоченного органа государственной власти.

При несогласии с решением суда, прокурор имеет право принести на него протест.

В данном случае прокурор является независимым правовым специалистом, предоставляющим свое заключение по существу дела о законности и обоснованности предъявленных требований и имеющим право подать представление на решение суда, не соответствующее заключению прокурора.

Учитывая состояние правового регулирования, практическая реализация прокурором полномочий в этой процессуальной форме вызывает вопросы, а именно: является ли обязательным письменное уведомление о вступлении к участию в деле прокурора, должен ли суд принимать отдельный документ при поступлении заявления прокурора об участии в уже возбужденном деле и может ли суд отказать прокурору в этом, возможно ли вступление прокурора в дело на стадии судебных прений.

В отношении первого вопроса можно отметить, что ГПК РФ не определяет форму и содержание такого уведомления. Таким образом, сообщение прокурора о вступлении к участию в деле должно быть обязательно изложено в письменной форме.

Поиск ответа на второй вопрос осложняется тем, что действующее законодательство не устанавливает правила реагирования суда на письменное уведомление прокурора о своем участии в уже возбужденном деле. Это привело к возникновению в судах практики, когда одни суды принимают решение о допуске прокурора к участию в деле, другие – нет, а просто указывают о его участии в судебном акте.

Кроме того, определения судов о допуске прокуроров к участию в деле свидетельствуют о допуске по так называемому «молчаливому согласию», другие – мотивируют такой допуск наличием нарушений или угрозы нарушений интересов государства.

По мнению автора, вступление прокурора в дело на этапе судебного разбирательства не ограничивает процессуальные права иных лиц, участвующих в деле, а поэтому уведомление прокурора о вступлении в дело, производство по которому возбуждено по иску других лиц, должно быть оформлено в письменной форме.

Заключение

Таким образом, пациенты как потребители являются слабой стороной в отношениях с клиниками пластической хирургии, поэтому у пациентов имеется широкий круг прав, призванный укрепить их уязвимое положение. По делам о возмещении вреда здоровью пациента прокурор в обязательном порядке участвует в деле, давая свое заключение. Интерес прокурора в суде является публичным, он состоит в вынесении законного судебного акта, соблюдении прав и интересов участников судебного процесса.

Позиция прокурора не связана с позицией истца, она может не соответствовать исковым требованиям. Заключение прокурора – это его мотивированное мнение о разрешении дела, основанное на законе. При этом данное заключение не является обязательным для суда. Прокурор не связан с позицией истца либо ответчика, его задачей является ориентирование суда на вынесение законного и обоснованного решения.

Тем самым, прокурор способствует защите прав и интересов пациентов в судебных спорах

с клиниками пластической хирургии и удовлетворению обоснованных к ним требований. Данное заключение оказывает существенное влияние на мнение судьи и влияет на исход рассмотрения дела. Уведомление прокурора о вступлении в дело должно быть осуществлено в письменной форме.

Библиография

1. Васильчикова Н.А. Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2018. № 6. С. 97-101.
2. Гришин А.В. Защита прокурором в гражданском судопроизводстве прав и законных интересов несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.
3. Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. С. 195-202.
4. Ченцов Н.В. Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве / Н. В. Ченцов ; Калинин. гос. ун-т ; под ред. Р. Е. Гукасяна. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. С. 99.
5. Широкобокова А.В. Субъекты, инициирующие возбуждение гражданского судопроизводства по защите прав потребителей // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. №4. С. 31-36.

The Role of the Prosecutor in a Civil Dispute between a Patient and a Plastic Surgery Clinic

Ivan A. Yastremsky

Attorney,
"Pelevin and Partners" Law Office,
Branch of NNO "Leningrad Regional Bar Association",
191187, 6A Gagarinskaya St., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the role of the prosecutor in a civil dispute between a patient and a plastic surgery clinic. Patients as consumers are the weaker party in relations with plastic surgery clinics, in this regard, patients have a wide range of rights designed to strengthen their vulnerable position. In cases of compensation for harm caused to a patient's health, the prosecutor's participation is mandatory; they provide their opinion on the civil case. The prosecutor's interest in court is public, consisting in issuing a lawful judicial act, observing the rights and legitimate interests of participants in the judicial process. The prosecutor's position, unlike that of a judicial representative, is not tied to the plaintiff's position. The prosecutor's opinion is their reasoned view on case resolution, based on the law. At the same time, this opinion is not binding on the court. The prosecutor is not bound by the position of the plaintiff or defendant; their task is to guide the court toward issuing a lawful and justified decision. Thus, the prosecutor contributes to protecting the rights and interests of patients in judicial disputes with plastic surgery clinics and satisfying justified claims against them. This opinion significantly influences the judge's view and the outcome of case consideration. Notification of the prosecutor about joining the case must be made in written form.

For citation

Yastremsky I.A. (2025) Rol' prokurora v grazhdanskom spore patsiyenta s klinikoy plasticheskoy khirurgii [The Role of the Prosecutor in a Civil Dispute between a Patient and a Plastic Surgery Clinic]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 201-206. DOI: 10.34670/AR.2025.91.17.025

Keywords

Plastic surgery clinic, prosecutor, court, opinion, patient, consumer, process, claims, interest.

References

1. Vasilchikova N.A. The powers of the prosecutor in civil proceedings // Modern law. 2018. No. 6. pp. 97-101.
2. Grishin A.V. Protection of the rights and legitimate interests of minors by the prosecutor in civil proceedings: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. Moscow, 2010. p. 12.
3. Kratenko M.V. Harm caused by medical intervention: problems of compensation and prevention (comparative legal research). Moscow: NORM, INFRA-M, 2024. pp. 195-202.
4. Chentsov N.V. Problems of protecting state interests in civil proceedings / N. V. Chentsov ; Kalinin. state University ; edited by R. E. Ghukasyan. Tomsk: Tomsk Publishing House. University, 1989. p. 99.
5. Shirokobokova A.V. Subjects initiating the initiation of civil proceedings for the protection of consumer rights // Actual problems of modernity: science and society. 2017. No. 4. pp. 31-36.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.38.45.026**

Правовые аспекты утверждения судами общей юрисдикции мирового соглашения между пациентом и клиникой пластической хирургии

Ястремский Иван Анатольевич

Адвокат,
«Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
Филиал ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»,
191187, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6А;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Аннотация

В статье исследованы правовые аспекты утверждения судами общей юрисдикции мирового соглашения между пациентом и клиникой пластической хирургии. Отмечено, что Гражданским процессуальным кодексом РФ предусмотрено право сторон окончить дело мировым соглашением на любой стадии гражданского процесса. Установлено, что мировое соглашение представляет собой письменный документ, заключенный сторонами спора для его урегулирования, включающий суммы компенсации и конкретные условия разрешения дела, например, отказа пациента от части требований при условии выполнения клиникой пластической хирургии определенных обязательств. Обосновано, что с учетом длительности, затратности судебных процессов и рисков неисполнения решений судов мировое соглашение является эффективным и быстрым способом разрешения споров, позволяя сторонам прийти к взаимоприемлемому решению. Подчеркнуто, что нарушение условий мирового соглашения влечет его принудительное исполнение. Выяснено, что для заключения мирового соглашения сторонами может быть использована медиация, которая способствует достижения клиникам пластической хирургии и пациентам взаимовыгодного соглашения, учитывающего интересы обеих сторон. Сделан вывод о целесообразности нормативно ввести положения о способах разрешения медицинских споров между потребителями и клиниками пластической хирургии с помощью медиации, установив основания и порядок ее проведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Ястремский И.А. Правовые аспекты утверждения судами общей юрисдикции мирового соглашения между пациентом и клиникой пластической хирургии // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 207-212. DOI: 10.34670/AR.2025.38.45.026

Ключевые слова

Клиника пластической хирургии, мировое соглашение, пациент, суд, спор, сторона, медиация.

Введение

В настоящее время суды рассматривают большое количество дел по спорам между пациентами и клиниками пластической хирургии. Данные споры отнимают большое количество времени, сил и средств участников дел.

Сложность, длительность медицинских споров и возможность негативных последствий для клиники пластической хирургии обусловливает оптимальность разрешения этих конфликтов посредством заключения сторонами мирового соглашения [Процедура мирового соглашения..., www…].

Основная часть

Мировое соглашение - это письменный документ, заключенный сторонами гражданско-правового спора для его урегулирования в досудебном или судебном порядке. Это договоренность о прекращении или разрешении спора путем договоренностей и взаимных уступок. Мировое соглашение позволяет избежать дорогостоящих и длительных судебных разбирательств, позволяя сторонам прийти к взаимовыгодному решению.

В п. 1 ст. 39 Гражданского процессуального кодекса РФ [Гражданский процессуальный кодекс РФ, 2002] определено, что стороны могут окончить дело мировым соглашением. Это возможно на любой стадии гражданского процесса и при исполнении решения.

Верховным судом РФ указано [Постановление Пленума ВС РФ № 11, 2008], что заключение такого соглашения позволяет достичь цели судопроизводства с минимальными затратами. Поэтому судье необходимо разъяснить участникам дела преимущества завершения дела оформлением мирового соглашения.

Такие соглашения часто заключаются после оказания услуг, в случае возникновения у пациента претензий к их качеству. Пациенты обращаются в суды с исками о возврате уплаченных за некачественные услуги денежных средств, компенсации морального вреда, возмещении убытков в виде реального ущерба (например, стоимости утраченного имущества (имплантата)), утраченного пациентом заработка, дополнительных расходов (например, на приобретение лекарств, повторную операцию).

Условиями соглашения может быть предусмотрены как выплата денежной компенсации, так и оказание клиникой пластической хирургии дополнительных услуг. Например, мировым соглашением может быть предусмотрено следующее:

- Пациент отказывается от требований о взыскании с клиники пластической хирургии штрафа, неустойки, морального вреда.

- Клиника пластической хирургии обязуется провести повторную операцию для устранения недостатков первоначальной операции, возместить пациенту понесенные убытки;

- Судебные расходы распределяются между сторонами поровну.

Мировые соглашения предусматривают суммы подлежащих выплате компенсаций и условия отказа истца от своих требований. На размеры данных сумм влияют степень тяжести вреда здоровью, степень вины медицинских работников, размер понесенных истцом расходов, и пр.

Соответственно, более тяжкий вред влечет более высокие суммы компенсации. Также они зависят от наличия обстоятельств, подтверждающих явное наличие дефектов медицинских услуг. Учету подлежат и понесенные пациентом расходы (например, на покупку лекарства,

консультации у других специалистов и пр.).

Судебное разбирательство может длиться несколько месяцев, а вынесенное решение может быть обжаловано. Кроме того, результат рассмотрения дела далеко не всегда можно предсказать, учитывая сложность доказывания наличия дефектов медицинских услуг и наличия вины клиники пластической хирургии в этом. В этой связи оформление мирового соглашения является для пациента, возможно, более предпочтительным вариантом по сравнению с судебным процессом.

Мировое соглашение является эффективным и быстрым способом разрешения спора, подразумевая поиск компромиссов и способствуя сохранению доброжелательных отношений между сторонами. Клиника пластической хирургии сможет получить согласие пациента на уменьшение требуемой денежной суммы, она будет избавлена от несения расходов на проведение судебно-медицинской экспертизы, уплаты штрафа в размере 50% от взыскиваемой суммы, неустойки, может уменьшить судебные расходы (затрат на услуги представителя) и т.д.

Заключение мирового соглашения выгодно и пациенту, который сможет получить денежную компенсацию, пусть и возможно и в меньшей сумме и ему не придется тратить силы, время и средства на судебный процесс, доказывать обоснованность своих требований, в том числе наличие дефектов медицинских услуг, документально подтверждать суммы, которые он требует взыскать.

Мировое соглашение для клиники пластической хирургии является способом минимизации судебных расходов и сохранения отношений с пациентом. Кроме того, его заключение положительно влияет на деловую репутацию клиники пластической хирургии, показывая готовность ее руководства учитывать права потребителей медицинских услуг.

Мировое соглашение позволяет сторонам сохранять врачебную тайну. Это особенно важно для пациентов, стремящихся к неразглашению информации об их здоровье.

Также оформление мирового соглашения способствует экономии времени и материальных ресурсов не только сторон, но и судов, не проводящих в этом случае длительное рассмотрение дела [Малинский, 2022].

Нарушение содержащихся в мировом соглашении условий влечет его принудительное исполнение, поэтому условия соглашения должны быть четкими и ясными с тем, чтобы не допустить двоякого толкования. В проекте мирового соглашения должны быть четко отражены все его условия: размеры уплачиваемых денежных сумм, сроки их уплаты (в том числе порядок рассрочки или отсрочки), условия отказа от иска, распределения судебных расходов, и пр. положения, не нарушающие закон.

Мировое соглашение подписывается пациентом и руководителем клиники пластической хирургии, либо ее представителем по доверенности, имеющим на это полномочия. Условиями соглашения может быть предусмотрено как выплата денежной компенсации, так и оказание клиникой пластической хирургии дополнительных услуг или проведение повторной операции.

Составленное сторонами мировое соглашение подлежит утверждению судом в судебном заседании. Суд анализирует обстоятельства дела, аргументы и доказательства сторон, с точки зрения соответствия соглашения положениям закона и отсутствия нарушения прав и интересов других лиц. Суд не может утвердить мировое соглашение частично, корректировать или удалять его условия.

На судебном заседании должны присутствовать обе стороны, либо одна сторона, но при условии получении судом заявления другой стороны о рассмотрении данного вопроса без ее участия. После положительного решения вопроса об утверждении мирового соглашения суд

выносит об этом определение, после чего производство по делу прекращается.

Суд может отказать в утверждении мирового соглашения при нарушении им закона или прав и интересов иных лиц. Определение об отказе может быть обжаловано.

В зарубежных странах примирительные процедуры и альтернативные средства разрешения споров широко используются на практике [Давыденко, 2003]. В Европе Директива 2013/11/ЕС предписывает его членам внедрить механизмы внесудебного разрешения споров.

Данная директива касается и споров, связанных с оказанными медицинскими услугами. В западных странах преобладают внесудебные и альтернативные методы урегулирования потребительских споров, в отличие от России, где подавляющая часть таких конфликтов разрешается в судебном порядке.

При этом длительность, затратность судебных процессов и существующие риски неисполнения решений судов делают судебное рассмотрение споров не всегда удобным и практичным способом рассмотрения требований пациентов-потребителей.

В этой связи, для заключения мирового соглашения сторонами может быть привлечен независимый медиатор. Медиация - это внесудебный механизм урегулирования спора при посредничестве независимого медиатора, который предлагает спорящим потребителю и исполнителю обоюдное решение, учитывающее интересы обеих сторон. Это позволяет выяснить причину некачественного оказания медицинских услуг, устранить ее дефекты, восстановить доверие пациента к клинике [Тыртышный, Помазкова, 2018].

Медиация при проведении переговоров позволяет сторонам провести конструктивный диалог и сохранить доверие, репутацию клиники пластической хирургии, а также избежать судебных расходов и временных потерь, связанных с рассмотрением спора в суде, а также предотвратить разглашение конфиденциальной информации. При готовности сторон учитывать интересы друг друга, есть стимулы совершить конкретные действия для решения возникшего спора.

Медиация является эффективным инструментом урегулирования медицинских споров, способствующим достижению между клиникой пластической хирургии и пациентом взаимоприемлемого мирового соглашения. В случае отсутствия тяжких последствий оказанных медицинских услуг шансы урегулирования спора при посредничестве медиатора достаточно велики.

Учитывая указанные преимущества и успешные примеры функционирования института медиации в зарубежных странах, представляется целесообразным нормативно ввести положения о способах разрешения медицинских споров между потребителями и клиниками пластической хирургии с помощью медиации, установив основания и порядок ее проведения.

Заключение

Гражданским процессуальным кодексом РФ предусмотрено право сторон окончить дело мировым соглашением на любой стадии гражданского процесса. Установлено, что мировое соглашение представляет собой письменный документ, заключенный сторонами спора для его урегулирования, включающий определенные условия разрешения дела, например, отказа пациента от части требований при условии выполнения клиникой пластической хирургии определенных обязательств. С учетом длительности, затратности судебных процессов и рисков неисполнения решений судов мировое соглашение является более предпочтительным способом разрешения споров, позволяя сторонам прийти к взаимоприемлемому решению. При этом

нарушение условий мирового соглашения влечет его принудительное исполнение. Для заключения мирового соглашения сторонами может быть использована медиация, которая способствует достижению между клиникой и пациентом взаимовыгодного соглашения, учитывающего интересы обеих сторон.

Библиография

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", № 9, сентябрь, 2008.
3. Давыденко Д.Л. Европейский союз закладывает основы развития примирительных процедур // Закон. 2003. № 12. С. 25.
4. Малинский Ю.В. Мировое соглашение в гражданском процессе // Российский судья. 2022. № 5. С. 9-14.
5. Процедура мирового соглашения с пациентом. URL: https://www.zdrav.ru/articles/4293649283-qqe-16-m04-protsedura-mirovogo-soglasheniya-s-patsientom.
6. Тыртышный А.А., Помазкова С.И. Досудебные и внесудебные способы урегулирования споров между врачами и пациентами // Медицинское право. 2018. № 1. С. 8 - 13.

Legal Aspects of Approval of Settlement Agreements Between Patients and Plastic Surgery Clinics by Courts of General Jurisdiction

Ivan A. Yastremsky

Attorney,
"Pelevin and Partners Law Office",
Branch of NNO "Leningrad Regional Bar Association",
191187, 6A Gagarinskaya St., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Abstract

The article investigates legal aspects of approval of settlement agreements between patients and plastic surgery clinics by courts of general jurisdiction. It is noted that the Civil Procedure Code of the Russian Federation provides parties with the right to terminate a case by settlement agreement at any stage of civil proceedings. It is established that a settlement agreement is a written document concluded by the disputing parties for its resolution, including compensation amounts and specific conditions for case resolution, for example, the patient's waiver of part of claims provided the plastic surgery clinic fulfills certain obligations. It is substantiated that considering the duration, costs of court proceedings and risks of non-enforcement of court decisions, settlement agreement is an effective and quick method of dispute resolution, allowing parties to reach a mutually acceptable solution. It is emphasized that violation of settlement agreement terms entails its compulsory enforcement. It is clarified that parties may use mediation to conclude a settlement agreement, which helps plastic surgery clinics and patients achieve a mutually beneficial agreement considering the interests of both parties. The conclusion is drawn about the expediency of normatively introducing provisions on methods of resolving medical disputes between consumers and plastic surgery clinics through mediation, establishing grounds and procedures for its conduct.

For citation

Yastremsky I.A. (2025) Pravovyye aspekty utverzhdeniya sudami obshchey yurisdiktsii mirovogo soglasheniya mezhdu patsiyentom i klinikoy plasticheskoy khirurgii [Legal Aspects of Approval of Settlement Agreements Between Patients and Plastic Surgery Clinics by Courts of General Jurisdiction]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 207-212. DOI: 10.34670/AR.2025.38.45.026

Keywords

Plastic surgery clinic, settlement agreement, patient, court, dispute, party, mediation.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated 11/14/2002 // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 18.11.2002, No. 46, art. 4532.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/24/2008 No. 11 "On the preparation of civil cases for trial" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", No. 9, September, 2008.
3. Davydenko D.L. The European Union lays the foundations for the development of conciliation procedures // Law. 2003. No. 12. p. 25.
4. Malinsky Yu.V. Settlement agreement in civil proceedings // Russian judge. 2022. No. 5. pp. 9-14.
5. The procedure of the settlement agreement with the patient. URL: https://www.zdrav.ru/articles/4293649283-qqe-16-m04-protsedura-mirovogo-soglasheniya-s-patsientom.
6. Tyrtyshny A.A., Pomazkova S.I. Pre-trial and out-of-court ways of settling disputes between doctors and patients // Medical law. 2018. No. 1. pp. 8-13.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.96.28.027**

Использование электронных доказательств в споре пациента с клиникой пластической хирургии

Ястремский Иван Анатольевич

Адвокат,
Адвокатская контора «Пелевин и партнеры,
Филиал ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»,
191187, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6А;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Аннотация

В статье исследованы особенности использования электронных доказательств в споре пациента с клиникой пластической хирургии. Установлено, что электронные доказательства - это сведения в электронной форме, либо представляющие собой электронную информацию на материальном носителе, подтверждающие требования и возражения сторон дела. Выявлено, что пациенты и клиники пластической хирургии часто используют в судах электронные доказательства, предоставляя в суды распечатки сообщений с сайта, писем из электронной почты, СМС-сообщений. Обосновано, что для принятия судом таких доказательств, они должны быть получены без нарушения закона и иметь непосредственное отношение к обстоятельствам дела. Отмечено, что многие суды принимают заверенные сторонами скриншоты и иные распечатки без их нотариального удостоверения, поскольку оно не является обязательным. Обращено внимание, что для обретения скриншотами переписки доказательной силы, они должны обладать свойства относимости и допустимости, для чего следует установить отправителя и адресата, дату направления письма (сообщения), факт его получения получателем. Сделан вывод, что электронные доказательства выступают важным инструментом, подтверждающим доводы сторон в суде, однако их использование требует строгого соблюдения процессуальных требований. Предложено, с учетом описанной специфики нормативно закрепить понятие электронного доказательства (электронного документа), его виды.

Для цитирования в научных исследованиях

Ястремский И.А. Использование электронных доказательств в споре пациента с клиникой пластической хирургии // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 213-218. DOI: 10.34670/AR.2025.96.28.027

Ключевые слова

Клиника пластической хирургии, электронное доказательство, пациент, электронный документ, переписка, суд, нотариус.

Введение

В настоящее время в судах, в том числе и в делах по спорам между пациентами и клиниками пластической хирургии, активно используются документы и материалы, выполненные в цифровой форме. Электронные доказательства - это принятые судом сведения в электронном виде, подтверждающие требования и возражения сторон дела, и обстоятельства, имеющие значения для его разрешения.

Ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ относит данные доказательства к письменным доказательствам. Рассматриваемые доказательства включают: СМС-сообщения, сообщения в мессенджерах, социальных сетях, переписку по электронной почте, аудио-, видеозаписи, фотографии, электронные документы (договоры, акты, кассовые чеки) и др. Так, электронная переписка может подтвердить заключение соглашения между сторонами и его условия, электронные кассовые чеки – оплату услуг, фотографии – внешний вид пациента до и после пластической операции.

Электронные доказательства могут быть либо в электронной форме, либо представлять собой электронную информацию на материальном носителе. Такие доказательства должны иметь реквизиты, идентифицирующие их и носитель, а при их получении и предоставлении должен соблюдаться установленный порядок сбора доказательств. Для принятия как доказательства информация должна быть технически защищена [Александрова, Иванов, 2022].

Основное содержание

Особенностью электронных доказательств является их форма - выражение через материальные носители информации, что вызывает сложности с их использованием на практике [Ярошенко, 2022].

Пациенты и клиники пластической хирургии часто используют для обоснования своих доводов электронные доказательства. Некоторые формы представления электронных документов и сообщений включают распечатки сообщений с сайта, писем из электронной почты, СМС-сообщений.

Однако суд не всегда признает это доказательство допустимым. Чтобы электронные доказательства были приобщены к делу, они должны быть подлинными, полученными без нарушения закона и имеющими непосредственное отношение к обстоятельствам дела.

Оценка представленных материалов и их признание в качестве доказательств - прерогатива суда. При оценке судья проверяет:

- соответствие установленной форме и требованиям;
- содержание документа, актуальность и достоверность;
- наличие/отсутствие признаков подделки;
- правомочность подписания конкретным лицом;
- действительность электронной подписи.

Для признания электронного документа допустимым доказательством по делу, он должен соответствовать определенным условиям:

- Доступность для понимания.
- Возможность установления автора.
- Сохранение целостности документа.
- Обеспечение подлинности документа [Воронцова, 2019].

В настоящее время переписка в WhatsApp, Telegram, других мессенджерах становится

распространенным и оперативным способом согласования условий договорных обязательств. Это влечет необходимость рассмотрения такой переписки как доказательства заключения, изменения или исполнения договора.

В судебной практике электронная переписка рассматривается как доказательство заключения договора при условии согласования в ней существенных условий договора (предмета, стоимости и сроков услуг) и его фактического исполнения сторонами (например, оплата услуг, отчеты об их оказании и пр.) [Переписка в мессенджере..., www..].

В противном случае договор не считается заключенным. Это относится к случаям, если сообщения не содержат условий сделки (вид, сроки, цена услуг и пр.), а представляют собой личные беседы.

Из переписки может следовать, что пациент попросил представителя клиники пластической хирургии выполнить определенные медицинские услуги, а последний согласился их оказать, прописав их содержание, объем, сроки, стоимость оказания и пр. Пациент в подтверждение достигнутого сторонами согласия может перечислить клинике пластической хирургии или ее представителю предварительную оплату (аванс).

То есть электронная переписка может выступать доказательством оказания услуг, если в ней согласованы существенные условия сделки, например, вид пластической операции, стоимость и сроки услуг. В этой ситуации суды могут счесть, что переписка между сторонами велась с целью заключения договора оказания медицинских услуг.

Некоторые суды считают, что переписка сторон не доказывает факт оказания услуг, их объем и стоимость в отсутствие документов, подлежащих обязательному предоставлению заказчиком исполнителю по условиям договора.

Для снижения рисков следует предусмотреть в договоре условие о признании переписки по электронной почте и/или посредством мессенджера официальным средством взаимодействия. Это исключит возможные разногласия об использовании такой переписки в качестве доказательств. Также в договоре необходимо указать адреса электронной почты сторон (номера телефонов пациента и ответственных лиц клиники пластической хирургии), через которые должна вестись переписка.

Верховный суд РФ указал [Постановление Пленума ВС РФ № 10, 2019], что доказательствами, имеющими юридическую силу, признаются распечатанные материалы из Интернета, заверенные сторонами, содержащие сведения об адресе сайта (о переписке в мессенджере) и время получения сообщения. Соответственно Верховный суд РФ исходит из того, что нотариальное удостоверение электронной переписки не является обязательным. Поэтому многие суды принимают распечатки без их нотариального заверения.

Однако некоторые суды не принимают нотариально незаверенные скриншоты электронной переписки в качестве доказательств, поскольку они не позволяют определить личность отправителя и номер телефона. Это обусловлено тем, что электронные доказательства легко подвергаются изменению и фальсификации, поэтому вызывают обоснованные сомнения в их подлинности.

Хотя нотариальное заверение не является обязательным, оно может повысить юридическую значимость доказательств, поскольку нотариус составит протокол осмотра письменных доказательств (например, электронного почтового ящика, с которого лицо вело переписку) и установит авторство, время и место создания электронного документа или его получения. Поэтому обеспечение доказательств у нотариуса представляется предпочтительным.

Электронная переписка признается судами допустимым доказательством по делу, если она соответствует определенным критериям, а именно:

- Возможно идентифицировать стороны общения - отправителя и получателя.
- Можно установить дату и время отправки сообщения, факт его получения адресатом.
- Сообщения относятся к предмету спора, вследствие чего являются доказательствами тех или иных фактов, имеющих значение для рассматриваемого дела.

При самостоятельном оформлении пациенты иногда делают скриншоты и заверяют их (а иногда не заверяют и предоставляют суду копии документов). В любом случае суду необходимо будет представить непосредственно сам телефон с перепиской. Более того, в некоторых случаях такие доказательства суд может и не принять, поскольку они не заверены оператором связи.

В последнее время суды склоняются к тому, что электронная переписка является устоявшимся правилом поведения (обычая), это выступает основанием принятия ее в качестве доказательства по делу. Однако для обретения скриншотами переписки доказательной силы, они должны обладать свойства относимости и допустимости.

Для этого следует установить стороны переписки - отправителя и адресата, дату направления письма (сообщения), факт его получения получателем. Поскольку отправитель теоретически имеет возможность удалить или скорректировать письма (сообщения), некоторые суды не принимают как доказательства распечатки скриншотов, сделанные участниками судопроизводства и не удостоверенные нотариально. В целях обеспечения приобщения судом представленных документов в качестве доказательств (признания их допустимыми) по делу, целесообразно удостоверить их у нотариуса.

Заключение

Таким образом, электронные доказательства - это сведения в электронной форме, либо представляющие собой электронную информацию на материальном носителе, подтверждающие требования и возражения сторон дела. Электронные документы отличаются фактом фиксации информации на материальном носителе с идентификационными реквизитами. По закону электронные доказательства включены в письменные доказательства.

Пациенты и клиники пластической хирургии часто используют в судах электронные доказательства, предоставляя в суды распечатки сообщений с сайта, писем из электронной почты, СМС-сообщений. Для принятия судом таких доказательств, они должны быть получены без нарушения закона и иметь непосредственное отношение к обстоятельствам дела.

Многие суды принимают заверенные сторонами скриншоты и иные распечатки без их нотариального удостоверения, поскольку оно не является обязательным. Для обретения скриншотами переписки доказательной силы, они должны обладать свойства относимости и допустимости, для чего следует установить отправителя и адресата, дату направления письма (сообщения), факт его получения получателем.

Электронные доказательства выступают важным инструментом, подтверждающим доводы сторон в суде, однако их использование требует строгого соблюдения процессуальных требований. По мнению автора, с учетом описанной специфики существует необходимость нормативного закрепления понятия электронного доказательства (электронного документа), его видов, критериев их относимости и допустимости.

Библиография

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации". URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27773/?ysclid=mdue0l3ll0599699812.
2. Александрова Н.В., Иванов Н.В. Правовая природа электронных доказательств в гражданском судопроизводстве

в условиях цифровизации // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 55-56.
3. Воронцова И.В. Проблемы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: Сб. ст. XVI Межд. науч.-практ. конф. 20 марта 2019 г. / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза: Наука и просвещение, 2019. С. 112.
4. Переписка в мессенджере как доказательство в суде. URL: https://www.klerk.ru/buh/articles/642970/.
5. Седельникова Д.В. Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Гражданское право и процесс. 2017. №2 (13). С. 33.
6. Ярошенко Т.В. Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы // Российский судья. 2022. № 9. С. 9 - 13.

Use of Electronic Evidence in a Patient's Dispute with a Plastic Surgery Clinic

Ivan A. Yastremsky

Attorney,
Pelevin and Partners Law Office,
Branch of NNO "Leningrad Regional Bar Association",
191187, 6A Gagarinskaya St., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Abstract

The article investigates the features of using electronic evidence in a patient's dispute with a plastic surgery clinic. It is established that electronic evidence is information in electronic form, or representing electronic information on a physical medium, confirming the claims and objections of the case parties. It is revealed that patients and plastic surgery clinics often use electronic evidence in courts, providing printouts of website messages, emails, SMS messages to courts. It is substantiated that for such evidence to be accepted by the court, they must be obtained without violation of law and have direct relevance to the case circumstances. It is noted that many courts accept screenshots and other printouts certified by the parties without notarization, since it is not mandatory. Attention is drawn to the fact that for screenshots of correspondence to acquire evidentiary force, they must possess the properties of relevance and admissibility, for which it is necessary to establish the sender and recipient, date of sending the letter (message), and the fact of its receipt by the recipient. It is concluded that electronic evidence serves as an important tool confirming the parties' arguments in court, but their use requires strict adherence to procedural requirements. It is proposed, considering the described specifics, to normatively consolidate the concept of electronic evidence (electronic document) and its types.

For citation

Yastremsky I.A. (2025) Ispol'zovaniye elektronnykh dokazatel'stv v spore patsiyenta s klinikoy plasticheskoy khirurgii [Use of Electronic Evidence in a Patient's Dispute with a Plastic Surgery Clinic]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 213-218. DOI: 10.34670/AR.2025.96.28.027

Keywords

Plastic surgery clinic, electronic evidence, patient, electronic document, correspondence, court, notary.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27773/?ysclid=mdue0l3ll0599699812.
2. Alexandrova N.V., Ivanov N.V. The legal nature of electronic evidence in civil proceedings in the context of digitalization // Oeconomia et Jus. 2022. No. 2. pp. 55-56.
3. Vorontsova I.V. Problems of electronic evidence in civil proceedings Economics, management and law: innovative problem solving: Collection of Articles XVI of the International Scientific and Practical Conference on March 20, 2019 / Ed. by G.Y. Gulyaev. Penza: Science and Enlightenment, 2019. p. 112.
4. Messenger correspondence as evidence in court. URL: https://www.klerk.ru/buh/articles/642970
5. Sedelnikova D.V. Problems of the use of electronic evidence in civil and arbitration proceedings // Civil law and process. 2017. №2 (13). p. 33.
6. Yaroshenko T.V. The legal nature of electronic evidence in civil proceedings: some problematic issues // Russian judge. 2022. No. 9. pp. 9-13.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.47.65.028**

Механизмы повышения качества данных Единого государственного реестра недвижимости

Батуева Эржена Цыденжаповна

Кандидат юридических наук,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В;
E-mail: erzhenabatueva@mail.ru

Аннотация

В статье автором освещен вопрос касательно новых требований в законодательстве об обороте недвижимого имущества и сделок с ним, вступивших в силу с 1 марта 2025 года. Основная цель принятых изменений – это наполнение Единого государственного реестра недвижимости точными данными относительно границ (местоположения) объектов недвижимого имущества и, прежде всего, земельных участков. Так, с указанной даты для возможности заключения договоров с земельными участками требуется наличие их межевания. Речь идет обо всех видах договоров, предметом которых они могут выступать. С одной стороны, указанное требование преследует цель повышения качества информации, содержащейся в Едином государственном реестре недвижимости, в части индивидуализации объектов, с другой стороны, это попытка минимизировать возможные споры относительно границ владения объектом, прежде всего, между соседями. Поэтому наличие зарегистрированного права не всегда может быть гарантом бесспорности владения при отсутствии четких параметров. Именно в указанной плоскости ведется работа законодателем по сокращению в реестре недвижимости объектов, имеющих статус «ранее учтенных», то есть государственная регистрация прав или государственный кадастровый учет в отношении которых был осуществлен до вступления в силу действующего законодательства, регулирующего оборот недвижимого имущества.

Для цитирования в научных исследованиях

Батуева Э.Ц. Механизмы повышения качества данных Единого государственного реестра недвижимости // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 219-224. DOI: 10.34670/AR.2025.47.65.028

Ключевые слова

Недвижимое имущество, Единый государственный реестр недвижимости, государственная регистрация прав, право собственности.

Введение

Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) на сегодняшний день представляет собой важную экономическую составляющую, существенно влияющую на сферу оборота объектов недвижимого имущества. Подразумевая под собой стабильность, гарантию и имущественную обеспеченность населения, информационный ресурс должен быть инструментом бесспорности (незыблемости), полноты (качества) и надежности (достоверности), содержащихся в нем сведений [Создание и ведение ЕГРН регулируется Главой 2 (статьи 7 – 13) Федерального закона от 13.07.2015г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»].

Основная часть

Как отмечалось Р.С. Бевзенко «… реестр недвижимости в России не пользуется доверием участников оборота. Покупатели, залогодержатели, арендаторы при совершении сделок с недвижимостью осуществляют полноценное исследование всех цепочек передачи титулов… Если в правопорядке существует реестр прав на недвижимость, то он не может не обладать свойством публичной достоверности, иначе он не нужен» [Бевзенко, 2018].

Начиная с 2011 года уполномоченным органом, отвечающим за создание и ведение единого ресурса о недвижимости, коим является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), на системной основе проводятся мероприятия по улучшению качества содержащихся в ЕГРН данных [Постановление Правительства РФ № 457, 2009]. Реализуемые мероприятия в разные периоды времени обозначались по-разному, например, «гармонизация» или сопоставление данных о недвижимости, которые до создания единого ресурса – ЕГРН, хранились в разрозненных источниках, а именно в Государственном кадастре недвижимости и Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также «верификация» или исправление имеющихся в базе данных относительно недвижимости ошибок.

Именно работа с историческими ошибками в ЕГРН (возникших, в том числе, в силу ведения двух автономных ресурсов по кадастру и реестру прав), а также максимальное его наполнение пространственными объектами (территориями, зонами с особыми условиями использования и т.д.) преследует цель становления емкого и достоверного ресурса, способного обеспечить абсолютное доверие заинтересованных лиц. Нужно сказать, что на сегодняшний день объем пользователей данными ЕГРН достаточно широк, ежедневно сведения запрашиваются как органами власти, так и частными лицами. Причем характер запросов у каждого свой – от проверки имущественных прав до намерения продажи или приобретения объектов. Поэтому публичная достоверность информации, содержащейся в ЕГРН, является залогом стабильности гражданского оборота.

Очередные новеллы 2025 года в сфере оборота недвижимого имущества сопряжены с вступлением в силу с 1 марта положений Федерального закона от 26.12.2024г. №487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», цель принятия документа связана с развитием государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» [документ установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2021г. №2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная программа пространственных данных»»]. В частности, актом в оборот введена норма, согласно которой

предусмотрены мероприятия, связанные с продолжением реализации обеспечения полноты и качества данных ЕГРН. Предметно речь идет о введении требований обязательности установления (описания местоположения) границ земельных участков на местности, а также местоположения (контуров) капитальных объектов непосредственно на земельных участках, в случае, когда такие сведения не внесены в реестр недвижимости.

В качестве меры принудительного воздействия к необходимости проведения межевания земельных участков в часть 1 статьи 26 Федерального закона от 13.07.2015г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон №218-ФЗ) введены пункты 21.1 и 21.2, согласно которым предусмотрены условия для принятия органом регистрации прав решений о приостановлении проведения учетно-регистрационных действий.

Так, по решению государственного регистратора может быть принято решение о приостановлении процедуры проведения государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, если предметом договора является земельный участок (сведения о границах которого отсутствуют в ЕГРН) и на основании такого договора осуществляется регистрация вещного права, ограничение права или непосредственное обременение земельного участка, а также если заявляемое к учетно-регистрационному действию здание, сооружение, объект незавершенного строительства, размещаются на земельном участке, границы которого в ЕГРН не установлены. Под исключение из правила попадают случаи: 1. когда заявляется проведение государственной регистрации сервитута; 2. когда в качестве сооружения выступают линейные объекты; 3. если подается заявление о проведении учетно-регистрационного действия по снятию объекта с учета, то есть прекращение его существования.

Таким образом, с 1 марта 2025 года с позиции экономического оборота недвижимости, при совершении сделок с земельными участками, требуется обязательное наличие в ЕГРН сведений о координатах характерных точек его границ в виде замкнутого контура. Исключением являются случаи, если данные содержатся в ЕГРН не в местной системе координат либо в рамках местной системы координат имеется не соответствие установленным требованиям к точности определения координат или отсутствуют данные о погрешности [см. подробнее письмо Росреестра от 15.08.2025г. №14-8253-ТГ/25 «По вопросам применения пунктов 21.1, 21.2 части 1 статьи 26 Федерального закона от 13.07.2015г. №218-ФЗ»]. Указанное требование относительно наличия границ земельных участков преследует цель обеспечения полного и точного кадастра, в особенности, минимизацию количества «ранее учтенной недвижимости», имеющей «декларированную» площадь.

Как установлено в статье 69 Закона №218-ФЗ, в качестве земельных участков, имеющих статус ранее учтенных, признаются объекты, права на которые возникли до 31 января 1998 года, то есть до даты вступления в силу положений Федерального закона от 21.07.1997г. №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», либо государственный учет которых осуществлен до 1 марта 2008 года - до вступления в силу Федерального закона от 24.07.2007г. №221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости». На сегодняшний день, многие из учтенных ранее объектов становятся предметом договоров, а вопрос введения необходимости обязательности межевания обсуждался значительное время, поэтому дата 1 марта 2025 года утвердила то, что давно было ожидаемо.

Нужно сказать, что норма статьи 69 Закона №218-ФЗ также претерпела изменения с 1 марта 2025 года, прежде всего, изменен отлагательный срок в части представления с заявлениями о внесении сведений о ранее учтенных земельных участков, наряду с правоустанавливающими документами, межевых планов (ранее статья содержала дату ввода правила «после 1 марта 2026

года»). Также введено положение, что при подаче заявлений о внесении сведений о ранее учтенных объектах капитального строительства (зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства, помещений, машино-мест) совместно с правоустанавливающими документами требуется представление технических планов. Введенные порядки пресекают появление в ЕГРН новых объектов без четких границ, что безусловно, как механизм повышения качества данные ЕГРН, достаточно действенен.

Вместе с тем, законодателем не обращено внимание на норму части 5 статьи 69 Закона №218-ФЗ, которой установлена возможность внесения объекта в качестве ранее учтенного на основании архивной документации, направленной по запросам органа регистрации прав органами, осуществляющими хранение документов, подтверждающих ранее осуществленный государственный учет или государственную регистрацию прав, в том числе ранее осуществленный технический учет. Ситуация касается тех случаев, когда при поступлении на рассмотрение запросов о предоставлении информации из ЕГРН в отношении объектов недвижимости, данные о них отсутствуют в ресурсе [в соответствии со статьей 3.1 Закона №218-ФЗ полномочие Росреестра по предоставлению сведений, содержащихся в ЕГРН, возложено на публично-правовую компанию «Роскадастр». Организация осуществляет деятельность на основании Федерального закона от 30.12.2021г. № 448-ФЗ «О публично-правовой компании «Роскадастр»»].

По сути, с одной стороны законодателем предпринимаются попытки по минимизации в ЕГРН объектов, не имеющих точных границ, с другой стороны сохраняется зазор, позволяющий внести в ЕГРН объекты, согласно историческим документам, имеющихся в архивах органов власти либо архивах технической инвентаризации. Вместе с тем, с позиции непосредственного правообладателя имеется возможность исключить дополнительные расходы на проведение кадастровых работ по составлению межевых или технических планов для включения сведений об объекте в ЕГРН.

Заключение

Оценивая в целом тенденции в развитии ЕГРН, как сводного информационного ресурса, на протяжении всего периода времени его существования, Росреестром и предшествовавшим ему органам ставилась задача по наполнению и максимальному включению данных о существующих объектах недвижимого имущества, затем внутренней «чистки» и обеспечения взаимосвязанности данных, их синхронизации. Вместе с тем, хотелось бы полагать, что все принимаемые меры преследуют цель реализации принципов публичности и достоверности ЕГРН, закрепленных в части 1 статьи 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Безусловно, для обеспечения гарантии стабильного имущественного оборота требуется надежная защита титула, тогда как, например, отсутствие установленных границ недвижимости и четкого понимания, где она проходит, является источником немалого количества споров относительно предмета владения.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. №51-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 21.07.1997г. №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 24.07.2007г. №221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (в редакции от

03.07.2016г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 13.07.2015г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 30.12.2021г. №448-ФЗ «О публично-правовой компании «Роскадастр»» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 26.12.2024г. №487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2009г. №457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2021г. №2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная программа пространственных данных» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Письмо Росреестра от 15.08.2025г. №14-8253-ТГ/25 «По вопросам применения пунктов 21.1, 21.2 части 1 статьи 26 Федерального закона от 13.07.2015г. №218-ФЗ» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. Бевзенко Р.С. «ЕГРН: три предложения по улучшению регистрационной системы» // Арбитражная практика для юристов. – 2018. – №1. – С. 81-82.

Mechanisms for Improving Data Quality in the Unified State Real Estate Register

Erzhena Ts. Batueva

PhD in Legal Sciences,
East Siberia State University of Technology and Management,
670013, 40V Klyuchevskaya St., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: erzhenabatueva@mail.ru

Abstract

The article addresses new requirements in legislation regarding real estate transactions that came into effect on March 1, 2025. The main goal of the adopted changes is to populate the Unified State Real Estate Register with accurate data regarding the boundaries (location) of real estate objects and, primarily, land plots. Thus, from the specified date, land surveying is required for the possibility of concluding contracts with land plots. This applies to all types of contracts where they may serve as the subject. On one hand, this requirement aims to improve the quality of information contained in the Unified State Real Estate Register regarding the individualization of objects; on the other hand, it is an attempt to minimize potential disputes regarding ownership boundaries, primarily between neighbors. Therefore, the presence of registered rights cannot always be a guarantee of undisputed ownership in the absence of clear parameters. It is precisely in this direction that legislators are working to reduce the number of objects in the real estate register that have the status of "previously registered", meaning those for which state registration of rights or state cadastral registration was carried out before the current legislation regulating real estate transactions came into force.

For citation

Batueva E.Ts. (2025) Mekhanizmy povysheniya kachestva dannykh Yedinogo gosudarstvennogo reestra nedvizhimosti [Mechanisms for Improving Data Quality in the Unified State Real Estate Register]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 219-224. DOI: 10.34670/AR.2025.47.65.028

Keywords

Real estate, Unified State Real Estate Register, state registration of rights, property rights.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994, No. 51-FZ // Legal reference system "ConsultantPlus.
2. Federal Law No. 122-FZ dated 07/21/1997 "On State Registration of Rights to Immovable Property and Transactions with it" // ConsultantPlus Legal Reference System.
3. Federal Law No. 221-FZ dated 07/24/2007 "On the State Cadastre of Real Estate" (as amended on 07/03/2016) // ConsultantPlus Legal Reference System.
4. Federal Law No. 218-FZ dated July 13, 2015 "On State Registration of Real Estate" // Legal reference system "ConsultantPlus".
5. Federal Law No. 448-FZ dated December 30, 2021 "On the Public Law company "Roskadastr" // Legal reference system "ConsultantPlus".
6. Federal Law No. 487-FZ dated December 26, 2024 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/01/2009 No. 457 "On the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography" // Legal Reference System "ConsultantPlus".
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/01/2021 No. 2148 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "National Spatial Data Program" // Information and Information Systemthe legal system of ConsultantPlus.
9. Rosreestr Letter No. 14-8253-TG/25 dated 08/15/2025 "On the application of paragraphs 21.1, 21.2 of Part 1 of Article 26 of Federal Law No. 218-FZ dated 07/13/2015" // ConsultantPlus Legal Reference System.
10. Bevzenko R.S. "EGRN: three proposals for improving the registration system" // Arbitration practice for lawyers. - 2018. – No. 1. – pp. 81-82.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.921.6 **DOI: 10.34670/AR.2025.53.96.029**

К вопросу о справедливости пропорционального распределения судебных расходов

Лазаренко Лилия Борисовна

Кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Республики Крым и Карачаево-Черкесской Республики,
Заместитель председателя Двадцать первого арбитражного апелляционного суда,
299011, Российская Федерация, Севастополь, ул. Суворова, 21;
Доцент,
кафедра гражданского и арбитражного судопроизводства,
Крымский филиал,
Российский государственный университет правосудия,
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко 5;
e-mail: iazarli@mail.ru

Аннотация

В содержании принципа пропорционального возложения бремени судебных расходов между сторонами заложен элемент распределительной справедливости. Однако его применение при частичном удовлетворении иска вызывает вопросы, связанные с достижением реальной справедливости. В статье посредством расчётов автор иллюстрирует проблемные вопросы, возникающие при толковании и применении положений о пропорциональном распределении судебных расходов, и предлагает пути их разрешения.

Для цитирования в научных исследованиях

Лазаренко Л.Б. К вопросу о справедливости пропорционального распределения судебных расходов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 225-231. DOI: 10.34670/AR.2025.53.96.029

Ключевые слова

Распределение судебных расходов, пропорциональность, справедливость, судебное усмотрение.

Введение

Судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела судом, которые по результатам разрешения спора распределяются между сторонами (лицами, участвующими в деле) судом и возмещаются за счёт проигравшей стороны. Принцип пропорциональности находится во взаимосвязи с принципами процессуальной экономии и равенства сторон и направлен на недопущение возложения на сторону, в пользу которой принят судебный акт, дополнительных судебных издержек, связанных с защитой нарушенных прав. Он заложен в базовых нормах процессуального законодательства по гражданским, арбитражным и административным спорам, как исключение из общего правила о возмещении всех расходов в пользу выигравшей спор стороны.

Основная часть

При частичном удовлетворении иска судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований, что отражено в положениях статей 98 Гражданского процессуального кодекса РФ, 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ, 111 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ). Методика расчёта в таких случаях достаточно проста. Так, если исковые требования удовлетворены на 100%, то признанная судом сумма судебных расходов (уплаченная государственная пошлина и судебные издержки) возмещаются проигравшей стороной в полном объёме (100%), а если удовлетворены частично, например, на 50%, то, соответственно, ответчиком возмещается половина понесённых истцом расходов. Вместе с тем считается, что ответчик также является победителем спора на 50% и у него, как и у истца, тоже есть право на возмещение понесённых расходов.

На ряд вопросов, возникающих в судебной практике при распределении судебных расходов, даны разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – ПП ВС РФ № 1), в том числе относительно применения принципа пропорциональности. В случае частичного удовлетворения имущественных требований, подлежащих оценке, судебные издержки взыскиваются с ответчика в пользу истца пропорционально удовлетворённой части заявленных требований, а с истца — пропорционально той части требований, в которой ему отказано.

В пункте 1 названного постановления указано, что в основе принципа распределения судебных расходов лежит обязанность возмещения понесённых издержек лицу, в пользу которого принят итоговый судебный акт, за счёт стороны, чьи требования не были удовлетворены (например, решение суда первой инстанции, определение о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, судебный акт суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, которым завершено производство по делу на соответствующей стадии процесса).

Вышеназванная правовая позиция сформирована и в результате сделанных Конституционным Судом РФ выводов в определениях, согласно которым в случае частичного удовлетворения иска и истец, и ответчик в целях восстановления нарушенных прав и свобод, вызванного необходимостью участия в судебном разбирательстве, вправе требовать присуждения понесённых ими судебных расходов, но только в части, пропорциональной или

объёму удовлетворённых судом требований истца, или объёму требований истца, в удовлетворении которых судом было отказано, соответственно.

На примере описанный правовой подход выглядит следующим образом: если заявленные истцом требования удовлетворены судом в размере 70 процентов, то судебные расходы подлежат взысканию с ответчика пропорционально удовлетворённой части требований, то есть в размере 70 процентов от суммы, признанной судом обоснованной. Соответственно, при установленной сумме расходов истца в размере 100 000 рублей к возмещению подлежит 70 000 рублей. Одновременно с этим, учитывая, что требования истца в размере 30 процентов оставлены без удовлетворения, ответчик вправе требовать взыскания понесённых им расходов пропорционально выигранной части, то есть в размере 30 процентов.

В рассматриваемой ситуации возникает вопрос о размере судебных расходов, подлежащих возмещению ответчику, если его затраты на ведение процесса превышают расходы истца. Так, при расходах ответчика в сумме 300 000 рублей и удовлетворении иска в объёме 70 процентов к возмещению подлежит 90 000 рублей, что на 20 000 рублей больше суммы, присуждённой истцу. При этом ответчик, являясь стороной, по существу проигравшей спор, получает компенсацию в размере, превышающем расходы выигравшей стороны, что приводит к нарушению принципа пропорциональности. В судебной практике встречаются случаи, когда расходы ответчика превышают сумму, присуждённую в его пользу, что ставит под сомнение справедливое распределение процессуальных издержек.

Следовательно, правила пропорциональности как справедливый подход к расчёту судебных расходов действуют лишь до момента определения процентного соотношения, потому как при последующем исчислении в денежном выражении оно нарушается, а на законодательном уровне данный вопрос специально не урегулирован.

У суда нет законного права распределить судебные расходы по справедливости, и, на наш взгляд, это существенный пробел в толковании и применении закона, потому как нивелируется сам принцип пропорциональности (он действует только в отношении фиксированной суммы, как например, государственная пошлина), что приводит к несправедливому разрешению вопроса о распределении судебных расходов судом.

Таким образом, законодатель и разъяснения Верховного Суда РФ определили формулу расчёта (полученный % удовлетворённых/неудовлетворённых требований = % возмещения), но не разрешили коллизию, когда такая формула приводит к несправедливому результату в противоречие главной цели принципа – справедливости распределения (п.1 ПП ВС РФ №1). Не может сторона, частично проигравшая спор, получать материальную выгоду, и, наоборот, сторона, частично выигравшая спор, нести убытки. Однако судебная практика, следуя букве закона, складывается в ущерб его смысла именно при распределении судебных расходов в виде судебных издержек. Такая практика даёт возможность лицам, пусть и частично проигравшим спор, действовать недобросовестно, компенсировать свои потери через искусственное увеличение судебных расходов, причём уменьшить их по формальным основаниям суду будет невозможно, поскольку они подтверждённые в установленном законом порядке.

В других странах применяются более гибкие подходы, чем просто математическая пропорция, закреплённая в отечественном законодательстве.

Например, в англосаксонской системе права (Англия и Уэльс, страны Содружества) действует принцип полного, а не пропорционального возмещения, когда расходы следуют за исходом дела («Costs follow the event»), то есть проигравшая сторона обязана возместить выигравшей стороне её разумные судебные расходы. Судья определяет «победителя» по делу

в целом. Даже если «победитель» выиграл не по всем пунктам, он всё равно считается победившей стороной и имеет право на возмещение большей части своих расходов. Суд обладает широкими дискреционными полномочиями: он может уменьшить сумму возмещения, если победившая сторона вела себя неразумно, затягивала процесс или проиграла по отдельным второстепенным вопросам; если потери по конкретному вопросу были значительными и потребовали больших затрат; оценить, являются ли заявленные расходы разумными по размеру. Основная цель такого подхода – не столько наказание проигравшего, сколько восстановление положения выигравшей (доминирующей) стороны путём максимально полной компенсации её затраты на защиту своих прав [Newhouse, 2011, p. 567; Woodroofe, 1998, p. 345-370].

В нашем примере истец, выигравший 70 %, очевидно является доминирующей стороной. Считаем, справедливо было бы взыскать с ответчика 70% расходов истца и отказать во взыскании с истца расходов ответчика (или взыскать лишь символическую сумму), поскольку ответчик, проигравший спор в основной части, не может считаться добросовестным участником процесса, чьи расходы подлежат полной компенсации.

В странах континентальной Европы (Германия, Франция, Испания) подход более формализован, чем в англосаксонской системе, но часто тоже основан на принципе полного возмещения, а не пропорциональности. В Германии вопрос регулируется Законом о судебных издержках, где действует принцип «проигравший платит» (§ 91 Гражданского процессуального кодекса Германии). Проигравшая сторона обязана возместить выигравшей все необходимые расходы. Размер возмещения определяется по основанному на цене иска и независящим от затрат на представителя. Возмещаемые судебные расходы, как правило, не компенсируют в полном объёме фактические затраты на оплату услуг представителя, особенно в длительных и сложных коммерческих спорах. При частичном удовлетворении требований расходы возлагаются пропорционально. Если же исход дела свидетельствует о явном преобладании одной из сторон (например, удовлетворение иска на 90 %), суд вправе взыскать судебные издержки с проигравшей стороны в полном объёме.

Следует отметить, что в данном случае применяется принцип пропорционального распределения, потому как суммы возмещения определяются по действующим тарифам для обеих сторон, в связи с чем, априори, сумма расходов проигравшей стороны не может быть больше, и тогда распределение в денежном эквиваленте будет справедливым.

Во Франции также действует вышеназванный принцип (статья 696 ГПК Франции), однако судья имеет свободу усмотрения, что даёт ему возможность учитывать справедливость или экономическое положение сторон, отказать в возмещении расходов или возложить их на обе стороны.

А в Соединенных Штатах Америки действует так называемое «Американское правило» (American Rule), где каждая сторона оплачивает свои собственные судебные расходы и гонорары адвокатов, независимо от исхода дела [Leubsdorf, 2019, p. 257-270]. Но это правило имеет множество исключений:

– около 200 статутов предусматривают взыскание гонораров адвокатов с проигравшей стороны в определённых категориях дел (например, антимонопольные споры, дела о нарушении гражданских прав, о защите потребителей);

– условия в коммерческих контрактах о возмещении судебных расходов;

– судебные решения о признании иска недобросовестно поданным [Capisio, 1998, p. 46].

Таким образом, полное возмещение в США – это скорее исключение, применяемое в особых случаях, а не общее правило.

Для нашего законодательства было бы актуальным рассмотреть вопрос о распределении судебных расходов в соответствии с условиями контракта, ибо большая часть споров возникает из договорных правоотношений.

В контексте сравнения стоит отметить и смешанные системы, где суды имеют широкие полномочия по коррекции принципов в интересах справедливости, они обладают значительной свободой усмотрения при распределении расходов, особенно если исход дела не был очевиден или если обе стороны внесли вклад в возникновение спора, что даёт суду возможность для справедливого распределения судебных расходов.

Итак, отмечаем, что прямых аналогов российской системе строгой математической пропорциональности практически нет. Ближайшее сходство при частичном удовлетворении иска можно найти в Германии и Франции, где суд уполномочен распределить расходы пропорционально. Вместе с тем ключевое отличие состоит в том, что у европейских судов есть дискреция отступить от этой пропорции в пользу стороны, которая «доминировала» в споре или в целом выиграла дело.

Сравнительный анализ показал, что российский суд связан выше обозначенной формулой, и у него нет законного права сказать: «Истец выиграл на 70%, а ответчик — лишь на 30%, поэтому ответчик является безусловным проигравшим и должен компенсировать истцу большую часть его расходов, а свои — нет». Действующий механизм пропорционального распределения судебных расходов, будучи формально простым и понятным, на практике зачастую приводит к результатам, противоречащим самой идее справедливости и состязательности процесса. Математическая пропорция, эффективная для распределения государственной пошлины, оказывается грубым и негибким инструментом для распределения судебных издержек, которые могут многократно превышать цену иска.

По нашему мнению, именно такое отсутствие гибкости и приводит к описанной в статье несправедливой ситуации, в законодательстве РФ в свою очередь не предусмотрено главного инструмента для обеспечения реальной справедливости – свободы усмотрения для отступления от указанного правила в исключительных случаях. Опыт других стран показывает, что ориентироваться на то, кто выиграл дело, представляется более справедливым и эффективным подходом.

В юридической доктрине эта проблема известна, мы предлагаем несколько подходов к её разрешению на законодательном уровне и/или путём разъяснений Верховного Суда РФ. В обоих случаях речь идёт о том, чтобы дать судам больше свободы усмотрения, основанной на принципах справедливости, соразмерности и разумности. Например, когда его применение приводит к явной несправедливости и противоречит основным началам гражданского судопроизводства (добросовестность, состязательность, равноправие). Следует отметить наличие единичных примеров таких решений в арбитражных судах, которые руководствуются общими положениями процессуального законодательства, регламентирующие обеспечение доступности, справедливого и публичного судебного разбирательства.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что необходимо внести изменения в процессуальные кодексы, предоставив суду право в исключительных случаях, руководствуясь принципами справедливости и соразмерности, распределять расходы иным образом, если их пропорциональное распределение приводит к очевидно

несправедливому результату, а также самому суду определять «победителя» спора. То есть изменения должны закреплять возможность гибкого подхода к распределению издержек, не связанных с госпошлиной, на основе принципов доминирования в споре и добросовестности поведения сторон.

Государственная пошлина распределяется пропорционально цене иска, тогда как иные судебные расходы подлежат возложению по усмотрению суда с учётом принципов соразмерности, разумности и обстоятельств дела. Можно рассмотреть и вопрос о разработке и закреплению в судебной практике методики, позволяющей определять сторону, в целом выигравшую спор (доминирующую), и возлагать основное бремя судебных расходов на проигравшую сторону, даже при частичном удовлетворении требований.

Полагаем, что только такой комплексный подход позволит наполнить принцип пропорциональности истинно справедливым содержанием и исключить ситуации, когда судебный акт, защищающий нарушенное право, становится для добросовестной стороны источником новых финансовых потерь. Расчёт судебных расходов должен быть понятным для всех, несложным и быстро рассматриваемым вопросом.

Библиография

1. Capisio M.V. Awards of Attorneys' Fees by Federal Courts, Federal Agencies, and Selected Foreign Countries. New York: Nova Publishers, 2002. 173 p.
2. Leubsdorf J. Does the American Rule Promote Access to Justice? Was that Why it was Adopted? // Duke Law Journal Online. 2019. Vol. 67. P. 257-270.
3. Newhouse M. Assessing the Effects of a "Loser Pays" Rule on the American Legal System // Rutgers Journal of Law & Public Policy. 2011. Vol. 8. P. 567-613.
4. Woodroffe G. Loser Pays and Conditional Fees An English Solution? // Washburn Law Journal. 1998. Vol. 37. P. 345-370.

On the Issue of Fairness of Proportional Distribution of Litigation Costs

Liliya B. Lazarenko

PhD in Legal Sciences,
Honored Lawyer of the Republic of Crimea and Karachay-Cherkess Republic,
Deputy Chairman of the Twenty-First Arbitration Court of Appeal,
299011, 21 Suvorova St., Sevastopol, Russian Federation;
Associate Professor,
Department of Civil and Arbitration Procedure,
Crimean Branch,
Russian State University of Justice,
295051, 5 Pavlenko St., Simferopol, Republic of Crimea;
e-mail: iazarli@mail.ru

Abstract

The principle of proportional allocation of litigation costs between parties contains an element of distributive justice. However, its application in cases of partial claim satisfaction raises questions related to achieving real justice. In the article, through calculations, the author illustrates problematic

issues arising from the interpretation and application of provisions on proportional distribution of litigation costs and proposes ways to resolve them.

For citation

Lazarenko L.B. (2025) K voprosu o spravedlivosti proportsional'nogo raspredeleniya sudebnykh raskhodov [On the Issue of Fairness of Proportional Distribution of Litigation Costs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 225-231. DOI: 10.34670/AR.2025.53.96.029

Keywords

Distribution of litigation costs, proportionality, fairness, judicial discretion.

References

1. Capisio M.V. Awards of Attorneys' Fees by Federal Courts, Federal Agencies, and Selected Foreign Countries. New York: Nova Publishers, 2002. 173 p.
2. Leubsdorf J. Does the American Rule Promote Access to Justice? Was that Why it was Adopted? // Duke Law Journal Online. 2019. Vol. 67. P. 257-270.
3. Newhouse M. Assessing the Effects of a "Loser Pays" Rule on the American Legal System // Rutgers Journal of Law & Public Policy. 2011. Vol. 8. P. 567-613.
4. Woodroffe G. Loser Pays and Conditional Fees An English Solution? // Washburn Law Journal. 1998. Vol. 37. P. 345-370.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.24.86.030**

Процессуальное значение судебного делопроизводства в гражданском судопроизводстве

Камалетдинов Ильяс Абделахатович

Соискатель кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18/1;
e-mail: kamaletdinovilyas@gmail.com

Аннотация

В представленной статье раскрывается процессуальное значение судебного делопроизводства как составной части судебной деятельности. В работе проводится анализ подходов, существующих в доктрине к определению судебного делопроизводства. Судебное делопроизводство, регламентирующее правила взаимоотношения аппарата суда и суда, аппарата суда и участников процессуальных отношений, отлична от процессуальной деятельности. Соответственно мы не отождествляем процессуальную и судебную деятельность. Сделан вывод, что участки общественных отношений, подпадающих под предмет совместного регулирующего воздействия гражданского процесса и судебного делопроизводства имеют процессуальные последствия, так как, применение норм, регулирующих судебное делопроизводство направлено на реализацию конституционного права на судебную защиту.

Для цитирования в научных исследованиях

Камалетдинов И.А. Процессуальное значение судебного делопроизводства в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 232-237. DOI: 10.34670/AR.2025.24.86.030

Ключевые слова

Судебное делопроизводство, процессуальные последствия, гражданское судопроизводство, суд, аппарат суда.

Введение

Судебное делопроизводство является важной составляющей судебной деятельности, которая направлена на реализацию государственной функции по отправлению правосудия. Монополизация функции по отправлению правосудия предполагает предъявление особых требований к процессуальной деятельности, которая изначально рассматривается как спорная и соответственно требующая высоких стандартов, предъявляемых к фиксации каждого действия участников спорных правоотношений и судебного органа, который должен реагировать и давать обратную связь в рамках строго формализованных транспарентных процедур.

Основная часть

Анализ подходов, существующих в доктрине к определению судебного делопроизводства позволяет их структурировать на несколько групп:

Первый подход, судебное делопроизводство - это вид судебной деятельности, направленный на развитие процессуальных отношений. «Предназначение судебного делопроизводства состоит в обеспечении процессов осуществления судопроизводства как основной функции судебной власти в системе разделения властей» *(Н.А. Латышева)*. «Способ документационного обеспечения судебной деятельности и функционирования документооборота» *(Е.П. Гришина)*. «Деятельность в судебной системе, обеспечивающая обработку информации, организацию документирования» *(В.В. Чвиров)*.

Второй подход, судебное делопроизводство рассматривает как разновидность общего делопроизводства, который, безусловно, имеет свои особенности, но являются частью общей системы делопроизводства и построен на принципах документооборота, не обусловленных процессуальным законодательством. «Судебное делопроизводство система создания документов (документирование) и организации работы с документами» *(Н.В. Кисилева)*. «Судебное делопроизводство следует рассматривать как разновидность общего делопроизводства» *(Л.А. Волчихина)*.

Третий подход, наиболее распространенный в настоящее время, обусловленный цифровой трансформацией общественных отношений, рассматривает судебное делопроизводство как техническую функцию и цифровой инструментарий. «Судебное делопроизводство элемент электронного документооборота в системе правовых положений и процедур» *(А.Н. Долженко)*. «Судебное делопроизводство как эффективное внедрение цифровых технологий, обеспечивающих функционирование судебной деятельности» *(Е.В. Бурдина, Р.С. Бурганов)*. «Современная система судебного делопроизводства взаимообусловлена с электронным документооборотом» *(Masenya, Tlou Maggie, Ntengenyane Khunjulw, Dikeledi Teffo, Kabelo Given)*.

Нам представляется первый подход наиболее точно отражающим сущностные характеристики судебного делопроизводства, так как, выполнение работниками аппарата суда судоделопроизводственных действий в рамках строго определенных процедур на основе подзаконного и ведомственного регулирования, в конечном итоге как цель направлена на реализацию конституционного права на судебную защиту. Конституционное право на судебную защиту реализуемая по гражданским делам в форме гражданского судопроизводства направлена на правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданского дела. Однако, следует учитывать, что судебное делопроизводство, регламентирующее правила

взаимоотношения аппарата суда и суда, аппарата суда и участников процессуальных отношений, отлична от процессуальной деятельности. Соответственно мы не отождествляем процессуальную и судебную деятельность, а приходим к важному выводу о дуализме судебной деятельности. Это означает, что судебная деятельность включает две взаимосвязанные части:

- процессуальная деятельность, направленная на рассмотрение и разрешение гражданского дела в суде под руководством судьи на основе гражданского процессуального законодательства (ГПК РФ);

- судоделопроизводственная деятельность, направленная на обеспечение возможности рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде под руководством судьи либо сотрудника аппарата суда на основе подзаконного и ведомственного регулирования.

Основное назначение судебной деятельности - это реализация конституционного права на судебную защиту и судебное делопроизводство представляет в ряде случаев отдельный порядок реализации гражданами гарантии судебной защиты [Определение, 29.10.2024]. Процессуальной и судоделопроизводственной деятельности как составной части судебной деятельности присущ динамизм и если процессуальная деятельность включает три обязательные стадии: возбуждения гражданского дела в суде, подготовки дела к судебному разбирательству и разрешения дела, то и судоделопроизводственная деятельность включает обязательные стадии, обусловленные развитием процессуальных отношений на которых осуществляется: документирование; документооборот; оперативное хранение и использование документов.

Судебное делопроизводство как составная часть судебной деятельности, направленная на развитие процессуальных отношений и обусловленная динамизмом процессуальных отношений и развитием в строго определенных стадиях гражданского судопроизводства, представляет собой элемент системы юридических гарантий, направленных на реализацию конституционного права на судебную защиту. Не раскрывая имеющиеся в отечественной доктрине подходы к определению понятий юридических гарантий [Валеев, 2009; Пинкин, 2005; Лошкарев, 2009; Кузнецов, 1978; Хазикова, 2008], отметим, что мы в нашем исследовании, исходим из определения, предложенного А.Г. Нуриевым. По мнению автора, систему юридических гарантий образуют следующие взаимосвязанные элементы: 1) общеправовые принципы; 2) нормы материального и процессуального права, устанавливающие реализацию правоотношений в рамках строго определенных процедур; 3) материалы судебной и нотариальной практики, конкретизирующие особенности реализации правовых норм [Нуриев, 2023].

В данном контексте в системе юридических гарантий, обеспечивающих реализацию конституционного права на судебную защиту судебное делопроизводство, является совокупностью правовых норм, направленных на установление правового регулирования документирования; документооборота; оперативного хранения и использования документов в судебной деятельности с целью обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Разграничивая дуализм судебной деятельности, мы исходим из того, что судоделопроизводственная деятельность как деятельность отражающая судебное делопроизводство обеспечивает рассмотрение и разрешение гражданского дела и соответственно данная деятельность имеет процессуальное значение и обеспечивает развитие процессуальных отношений. В юридической науке, данный вывод находит подтверждение и в трудах ученых правоведов.

Л.А. Волчихина указывает, что судебное дело не поступает в суд для рассмотрения, а

формируется в ходе судопроизводства и соответственно особенностью применение правил делопроизводства в гражданском судопроизводстве является то, что документирование (создание документа), процессуальная форма документа, определяется не правилами судебного делопроизводства, а правилами гражданского судопроизводства. Однако правила судебного делопроизводства в гражданском судопроизводстве конкретизируют процессуальную форму деятельности суда при рассмотрении дел, то есть фактически являются продолжением процессуальной деятельности суда [Волчихина, 2016]. Мы с таким выводом согласится не можем. Безусловно, следует признать наличие процессуальных последствий у актов судебного делопроизводства, но они обеспечивают возможность наличия и развития процессуальных отношений и носят при этом обслуживающий характер. Возможность, существования в сфере судебного делопроизводства отношений, влияющих на обеспечение судебной защиты обусловлено наличием формализованных процедур.

О.А. Капустин обращает внимание, что в российских судах сформировалось нормативное положение об автоматизированном распределении дел, закрепленном в процессуальном законодательстве. Правовое регулирование будет заведомо неполным при отсутствии соответствующих делопроизводственных правил. Действующие подзаконные акты не содержат детального регулирования, подтверждающих их использование при распределении дел. Должен прикладываться отчет, подтверждающий, что судья был действительно распределен с помощью автоматизированной системы [Капустин, 2019]. Мы видим, что на основе делопроизводственных норм мы подтверждаем действие принципа независимости судьи.

В.А. Лаптев указывает, что каждый судебный акт впоследствии отражается в статистике деятельности суда, регистрируется в соответствующем регистре (программе) и обладает идентификационным кодом, ввод которого определяет принадлежность документа к соответствующему виду [Лаптев, 2022]. По мнению А.В. Щепотина значение судебного делопроизводства направлено на повышение эффективности судебной системы и процессуальные последствия наступают в результате использования электронных документов и онлайн-сервисов для подачи исков, ознакомления с материалами дел, оплаты госпошлин и получения судебных решений [Щепотина, 2023].

Д.Х. Валеев указывает, что конституционное право на судебную защиту в условиях цифровой экономики становится более зависимым от технических средств. Особенности предъявления обращения в электронном виде и последующая процедура его принятия либо отклонения конкретизированы в подзаконных актах [Валеев, Нуриев, 2019].

Заключение

Анализ доктринальных подходов позволяет сделать вывод о выделении определенных участков общественных отношений, в соответствии с методом межотраслевых связей, подпадающих под предмет: 1) исключительного регулирующего воздействия процессуальных норм и норм, регулирующих судебное делопроизводство и 2) области совместного регулирования процессуальных норм и норм, регулирующих судебное делопроизводство.

Соответственно участки общественных отношений, подпадающих под предмет совместного регулирующего воздействия, имеют процессуальные последствия, так как, применение норм, регулирующих судебное делопроизводство направлено на реализацию конституционного права на судебную защиту. Тем самым судебное делопроизводство входит в систему юридических гарантий гражданского судопроизводства и обеспечивает влияние на процессуальную сторону

судебной деятельности.

Библиография

1. Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 года № 2762-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бурягина Максима Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 390.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система Консультант плюс.
2. Валеев Д.Х. Процессуальные гарантии в исполнительном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 38-39.
3. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. «Допроцессуальный» технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4. С. 60-62.
4. Волчихина Л.А. Судебное делопроизводство и гражданская процессуальная форма // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Тольяти: Изд-во Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2016. С. 150-153.
5. Капустин О.А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. 2019. № 1. С. 130-132.
6. Кузнецов А. Правовые гарантии конституционных прав личности // Советская Юстиция. 1978. №13. С. 3-4.
7. Лаптев В.А. Мировое соглашение с единственным условием об отказе (взаимном отказе) от иска: правовая природа и процессуальные последствия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 8. С. 104-118.
8. Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: дисс. … канд. юрид. наук – Краснодар, 2009. 25 с.
9. Нуриев А.Г. Система юридических гарантий прав граждан и организаций в нотариальном производстве: дисс… доктр.юрид.наук – Казань, 2023. 470 с.
10. Пикин И.В. Юридические гарантии обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказания: дисс. … канд. юрид. наук – Владимир, 2005. 22 с.
11. Хазикова В. Процессуальные гарантии реализации прав участников производства об административных правонарушениях в арбитражном суде // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. №8. С. 20-23.
12. Щепотин А.В. Влияние цифровизации на развитие институтов электронного делопроизводства и принудительного исполнения судебных актов // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 11. С. 47-55.

Procedural Significance of Court Records Management in Civil Proceedings

Ilyas A. Kamaletdinov

PhD Candidate of Environmental,
Labor Law and Civil Procedure Department
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18/1 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation;
e-mail: kamaletdinovilyas@gmail.com

Abstract

This article reveals the procedural significance of court records management as an integral part of judicial activity. The work analyzes existing doctrinal approaches to defining court records management. Court records management, regulating the rules of interaction between court staff and the court, court staff and participants in procedural relations, differs from procedural activity. Accordingly, we do not equate procedural and judicial activity. It is concluded that areas of social relations subject to joint regulatory influence of civil procedure and court records management have

procedural consequences, since the application of norms regulating court records management is aimed at implementing the constitutional right to judicial protection.

For citation

Kamaletdinov I.A. (2025) Protsessual'noye znacheniye sudeproizvodstva v grazhdanskom sudoproizvodstve [Procedural Significance of Court Records Management in Civil Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 232-237. DOI: 10.34670/AR.2025.24.86.030

Keywords

Court records management, procedural consequences, civil proceedings, court, court staff.

References

1. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 29, 2024, No. 2762-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Maxim Evgenievich Buryagin Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Part Four of Article 390.5 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" // Consultant Plus Legal Reference System.
2. Valeev, D.Kh. Procedural Guarantees in Enforcement Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2009. No. 6. pp. 38-39.
3. Valeev, D.Kh., Nuriyev, A.G. "The Pre-Procedural" Technical Stage of Filing a Statement of Claim Electronically and Its Specifics in the Context of the Implementation of the Constitutional Right to Judicial Protection in the Digital Economy // Russian Judge. 2019. No. 4. pp. 60-62.
4. Volchikhina L.A. Judicial proceedings and civil procedural form // Tatishchev readings: current problems of science and practice. Proceedings of the XIII International scientific and practical conference. Tolyati: Publishing house of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2016. Pp. 150-153.
5. Kapustin O.A. Organization of automated distribution of cases in the federal court of general jurisdiction // Law and Right. 2019. No. 1. Pp. 130-132.
6. Kuznetsov A. Legal guarantees of constitutional rights of the individual // Sovetskaya Yustitsiya. 1978. No. 13. Pp. 3-4.
7. Laptev V.A. Settlement Agreement with the Sole Condition of Waiver (Mutual Waiver) of the Claim: Legal Nature and Procedural Consequences // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 8. pp. 104-118.
8. Loshkarev AV Legal Guarantees: Theoretical Problems of Definition and Classification: Diss. ... Cand. Sciences (Law) - Krasnodar, 2009. 25 p.
9. Nuriyev AG System of Legal Guarantees of the Rights of Citizens and Organizations in Notarial Proceedings: Diss. ... Doctor of Sciences (Law) - Kazan, 2023. 470 p.
10. Pikin IV Legal Guarantees of Ensuring the Legal Status of an Individual in the Sphere of Punishment Execution: Diss. ... Cand. Sciences (Law) - Vladimir, 2005. 22 p.
11. Khazikova V. Procedural guarantees for the implementation of the rights of participants in administrative offence proceedings in arbitration court // Arbitration and civil procedure. 2008. No. 8. pp. 20-23.
12. Shchepotin A.V. The impact of digitalization on the development of institutions of electronic office work and compulsory execution of judicial acts // Issues of Russian and international law. 2023. Vol. 13. No. 11. pp. 47-55.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.73:347.91 **DOI: 10.34670/AR.2025.77.69.031**

Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика

Антонов Михаил Александрович

Преподаватель,
Кафедра гражданского права,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: michailantonov6@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается искусственное дробление закупок малого объема у единственного поставщика по пункту 4 части 1 статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ как форма недобросовестного поведения заказчика. Анализируется эволюция нормативного регулирования от Закона № 94-ФЗ к контрактной системе, цели и пределы режима малых закупок, а также разъяснения контрольных органов и ключевые судебные акты. Показано, что отсутствие законодательного закрепления признаков единой сделки и прямого запрета на искусственное дробление создает возможность обхода конкурентных процедур при формальном соблюдении стоимостных лимитов. Обосновывается необходимость перехода от формально-процедурного подхода к содержательной оценке добросовестности поведения участников закупочных отношений и перераспределения бремени доказывания при наличии совокупности внешних признаков дробления, связанных с единой хозяйственной целью.

Для цитирования в научных исследованиях

Антонов М.А. Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 238-244. DOI: 10.34670/AR.2025.77.69.031

Ключевые слова

Добросовестность, искусственное дробление закупок, малая закупка, контрактная система, закупка у единственного поставщика, злоупотребление правом, государственные закупки.

Введение

В рамках рассмотрения проблемы несоответствия формально разрешенных вариантов поведения принципу добросовестности следует остановится на одном из трудно выявляемых проявлений недобросовестного поведения, а именно на дроблении сделки. Указанный термин не нашел легального отражения, однако активно используется в правоприменительной практике и научной литературе.

Несмотря на то, что термин «дробление» не имеет законодательного закрепления, пример его упоминания можно обнаружить еще в Декрете Совета народных комиссаров РСФСР от 23 января 1919 года, в пункте 2 которого сказано: «Искусственное дробление (в обход закона) крупной закупочной операции на более мелкие будет преследоваться со всей строгостью» [Декрет СНК РСФСР от 23.01.1919, 1919]. Отдельного внимания заслуживает квалификация такого поведения в качестве злоупотребления правом (указание «в обход закона»).

Основная часть

Вопрос о нормативном закреплении запрета на искусственное дробление закупок находит наиболее отчетливое проявление в период действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [Федеральный закон № 94-ФЗ, 2005]. В юридической литературе высказывается мнение о наличии в нем прямого запрета на подобную практику. Так, Г.Б. Добрецов указывает на существование ограничений, препятствующих заключению с единственным поставщиком серии однотипных договоров, если совокупный объем таких закупок превышает определенный лимит в течение квартала. По мнению автора, такая модель регулирования свидетельствовала о сформулированном в законе запрете на дробление закупки [Добрецов, 2022, с. 67].

Подобная трактовка вызывает определенные сомнения. В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие в законе не только прямого запрета, но и самого термина «дробление». Положения ч. 3 ст. 42 и п. п. 14, 14.1 ч. 2 ст. 55 не содержат категорических норм, направленных на запрет заключения нескольких договоров с одинаковым предметом, а лишь устанавливали предельные значения, в рамках которых могли применяться запрос котировок или закупка у единственного поставщика.

Следовательно, речь идет о количественных и процедурных ограничениях, а не о прямом запрете. Конструкция недопустимости дробления в таком виде выводится путем расширительного толкования, исходя из цели и логики закона. Прямого квалифицирующего признака, отделяющего недобросовестное дробление от правомерного распределения закупочной деятельности, в рамках 94-ФЗ не формулировалось, идея запрета опиралась на общее ожидание добросовестного поведения со стороны заказчика.

Именно такое понимание было выработано в правоприменительной практике. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 2518/11 по делу № А01-1223/2010 суд указал, что оговорка, зафиксированная в п. 14 ч. 2 ст. 55 Закона о размещении заказов, «направлена на пресечение искусственного разделения (дробления) единого заказа на группу однородных» [Постановление Президиума ВАС РФ № 2518/11, 2011]. Из содержания судебного акта интерпретационно выводится дефиниция «искусственного дробления» как разделения единого заказа на группу однородных, сумма по каждому из которых не превышает предельного

размера расчетов наличными деньгами.

В научной литературе под дроблением закупки в негативном смысле понимается преднамеренная и умышленная разбивка стоимости одной закупочной потребности на несколько договоров, заключаемых в обход конкурентной процедуры, при условии, что заказчику изначально была известна совокупная потребность в товарах, работах, услугах на планируемый период, а объективные препятствия технологического или экономического характера, не позволяющие объединить закупку, отсутствовали [Чагин, 2019].

В настоящий момент отношения, регулирующие порядок осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, регулируются Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», вступившим в силу с 1 января 2014 года [Федеральный закон № 44-ФЗ, 2013]. В Законе прямо закреплена одна из целей правового регулирования, предотвращение злоупотреблений в указанной сфере.

В Законе о контрактной системе существенно изменен подход к применению закупки у единственного поставщика как неконкурентного способа осуществления закупок. В ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ приведен достаточно большой перечень условий, при которых возможно осуществление закупки у единственного поставщика. Особое внимание заслуживает предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 93 основание для заключения контракта с единственным поставщиком, связанное с суммой закупки, не превышающей 600 тысяч рублей. Указанное основание, получившее обозначение как «малая закупка», остается востребованным инструментом закупочной деятельности в силу относительной гибкости и упрощенного порядка заключения соответствующих контрактов.

Законодатель ограничивает совокупный годовой объем закупок по данному основанию, установив, что он не должен превышать двух миллионов рублей либо десяти процентов совокупного годового объема закупок заказчика, при этом вводится дополнительный абсолютный предел, не более пятидесяти миллионов рублей в год. Выбор между относительным и абсолютным ограничением предоставлен самому заказчику, что допускает ориентирование на более выгодный вариант расчета.

В науке востребована точка зрения, согласно которой закупка у единственного поставщика возможна только в исключительных случаях, при невозможности проведения конкурсных процедур. М.В. Шмелева приходит к данному выводу исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе [Шмелева, 2022, с. 307]. Другие авторы обосновывают данное утверждение через принципы открытости, прозрачности информации о контрактной системе, обеспечения конкуренции, закрепленные в ст. 6 [Шереметьева, Галиева, 2023, с. 172].

Принципы, отраженные в ст. 6 Закона № 44-ФЗ, действительно выступают в качестве детерминанты признания неконкурентного способа осуществления закупки в качестве исключительного, что находит подтверждение и в разъяснениях органов исполнительной власти [Письмо Минэкономразвития России № Д28и-1353, 2017]. Вместе с тем вывод о наличии «невозможности проведения конкурсных процедур» не имеет нормативной предпосылки, подобного ограничения в законе нет, а «исключительный характер» не тождественен «невозможности».

В отсутствии императивного требования обосновывать невозможность использования неконкурентного способа при соблюдении лишь стоимостных лимитов возникает угроза нарушения принципов Закона о контрактной системе. Отсутствие формального запрета искусственного разделения единой сделки на несколько с целью соблюдения предельных

объемов приводит к злоупотреблениям. В период действия Закона № 94-ФЗ действовал специальный порядок закупок у единственного поставщика с количественными и предметными ограничениями, ориентированный на пресечение последовательного заключения заказчиком нескольких договоров с идентичным предметом поставки. Ограничение распространялось на одноименные товары и охватывало совокупность поставок внутри одной номенклатурной категории.

В действующем Законе № 44-ФЗ аналогичная детализация признаков единой сделки и искусственного дробления отсутствует. Правоприменение опирается на оценочные конструкции, чем усиливается роль усмотрения суда и контролирующих органов.

В настоящее время не сформировалось единого правоприменительного подхода применительно к подобным ситуациям. ФАС России в Письме от 14.11.2019 № ИА/100041/19 прямо указала, что неоднократное приобретение одноименных товаров, работ, услуг у единственного поставщика является нарушением Закона о контрактной системе только тогда, когда такие действия являются результатом антиконкурентного соглашения [Письмо ФАС России № ИА/100041/19, 2019].

Выражаем солидарность с авторами, считающими подобный подход излишне формальным, создающим возможность для злоупотреблений правом [Белова, 2025, с. 136-138]. Связывание квалификации искусственного дробления исключительно с наличием сговора сужает сферу применения принципа добросовестности. Так, возможны ситуации, в которых совокупность объективных признаков очевидно указывает на обход конкурентных процедур, однако прямые доказательства антиконкурентного соглашения отсутствуют, и контрольный механизм фактически не срабатывает.

Анализ судебной практики демонстрирует отсутствие единой правоприменительной линии в вопросе признания действий по дроблению сделки злоупотреблением правом. Показательно Постановление Верховного Суда РФ от 7 октября 2019 г. № 73-АД19-2 [Постановление ВС РФ № 73-АД19-2, 2019], где суд пришел к выводу о наличии искусственного дробления закупки, несмотря на формальное соблюдение лимитов п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ. Муниципальным учреждением в течение пяти дней было заключено три контракта с одним поставщиком на поставку одноименной продукции при наличии единой хозяйственной цели. Суд указал на совокупность признаков: тождественность предмета закупки, временную близость заключения контрактов, единый экономический интерес и исключение возможности участия других лиц в закупке, что позволило отграничить допустимое поведение от недобросовестного.

Вместе с тем в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 21.04.2021 № Ф09-2579/21 по делу № А60-25700/2020 при наличии признаков искусственного дробления суды отказались признать действия заказчика недобросовестными, сославшись на отсутствие доказательств сговора, умысла и незаконной выгоды, а также на необходимость поддержания муниципального имущества в надлежащем состоянии [Постановление АС Уральского округа № Ф09-2579/21, 2021].

Фактически реализована модель взвешивания конкурирующих публичных интересов, при которой приоритет отдается техническому обеспечению функционирования имущества в ущерб обеспечению добросовестной конкурентной среды. Подобное приоритезирование прямо не предусмотрено законом и не вытекает из его логики, что создает опасный прецедент оправдания уклонения от процедур ссылкой на иные публичные цели.

Заключение

Таким образом, судебная практика игнорирует содержательную направленность действий заказчика и ограничивается отрицанием недобросовестности по формальному признаку, отсутствию доказательств умысла. Презумпция добросовестности в сфере закупок приобретает характер абсолютной, не подлежащей опровержению через объективные обстоятельства (признаки единой сделки).

Совокупность рассмотренных материалов позволяет констатировать отсутствие устойчивой модели оценки искусственного дробления закупок. Нормативная конструкция п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, ориентированная на упрощение процедур малых закупок, формирует пространство для использования механизма дробления единой хозяйственной цели при формальном соблюдении стоимостных лимитов.

Разъяснения контрольных органов, увязывающие признание дробления нарушением преимущественно с наличием антиконкурентного соглашения, усиливают формалистскую тенденцию и сужают сферу применения принципа добросовестности. Кроме того, судебная практика демонстрирует разнонаправленные подходы, что снижает предсказуемость правоприменения и стимулирует недобросовестное поведение, при котором формально правомерное использование малых закупок подрывает цели контрактной системы.

Перспективным представляется нормативное закрепление запрета на искусственное дробление с фиксацией признаков единой хозяйственной цели, формирование презумпции единой сделки при совпадении ключевых элементов договора и перераспределение бремени доказывания при наличии совокупности внешних признаков обхода конкурентных процедур.

Библиография

13. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1919 «О расчетных операциях между советскими учреждениями, советскими и находящимися в ведении или под контролем советских организаций предприятиями и о приобретении ими предметов за наличный расчет» // СПС КонсультантПлюс.
14. Федеральный закон от 21 июля 2005 № 94-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105; 2013. № 27. Ст. 3463.
15. Добрецов Г.Б. Обеспечение баланса интересов заказчика и защиты конкуренции при осуществлении публичных закупок // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 3. С. 58-71..
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 12 июля 2011 № 2518/11 по делу № А01-1223/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10.
17. Чагин К. Закупки у единственного поставщика по Закону № 223-ФЗ // Прогосзаказ.рф. 2019. № 11 // СПС КонсультантПлюс.
18. Федеральный закон от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8504.
19. Шмелева М. В. Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации: в 2 т.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. 605 с.
20. Шереметьева А.К., Галиева В.Д. Исключительность неконкурентных процедур как форма защиты публичных интересов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2(218). С. 172 – 174.
21. Письмо Минэкономразвития России от 29 марта 2017 № Д28и-1353 // СПС КонсультантПлюс.
22. Письмо ФАС России от 14 ноября 2019 г. № ИА/100041/19 «О порядке применения пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс.
23. Белова Ю.Н. Правовые механизмы осуществления закупки у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц: основания, особенности признания и заключения договора. Правоприменение. 2025; № 9(2). С. 130-139.
24. Постановление Верховного Суда РФ от 07 октября 2019 № 73-АД19-2 // СПС КонсультантПлюс.

25. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.04.2021 № Ф09-2579/21 по делу № А60-25700/2020 // СПС КонсультантПлюс.

Bad Faith in Artificial Splitting of Procurements from a Sole Supplier

Mikhail A. Antonov

Lecturer,
Department of Civil Law,
Saratov State Law Academy,
410056, 1 Volskaya St., Saratov, Russian Federation;
e-mail: michailantonov6@mail.ru

Abstract

The article examines the artificial splitting of small-volume procurements from a sole supplier under paragraph 4, part 1, article 93 of Federal Law No. 44-FZ as a form of bad faith behavior by the customer. The evolution of normative regulation from Law No. 94-FZ to the contract system, the purposes and limits of the small procurement regime, as well as clarifications from control bodies and key judicial acts are analyzed. It is shown that the absence of legislative consolidation of signs of a single transaction and a direct prohibition on artificial splitting creates an opportunity to bypass competitive procedures while formally observing cost limits. The necessity of transitioning from a formal-procedural approach to substantive assessment of good faith behavior of procurement participants and redistribution of the burden of proof when there is a combination of external signs of splitting related to a single business purpose is substantiated.

For citation

Antonov M.A. (2025) Nedobrosovestnost' pri iskusstvennom droblenii zakupok u yedinstvennogo postavshchika [Bad Faith in Artificial Splitting of Procurements from a Sole Supplier]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 238-244. DOI: 10.34670/AR.2025.77.69.031

Keywords

Good faith, artificial splitting of procurements, small procurement, contract system, procurement from a sole supplier, abuse of rights, public procurement.

References

26. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 23 January 1919 «On settlement operations between Soviet institutions, Soviet enterprises and enterprises that are under the authority or control of Soviet organizations, and on their acquisition of items for cash payment» // ConsultantPlus legal reference system.
27. Federal Law of 21 July 2005 № 94-FZ (as amended on 02.07.2013) «On placing orders for the supply of goods, performance of works, provision of services for state and municipal needs» // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii. 2005. No. 30 (Part 1). Art. 3105; 2013. № 27. Art. 3463.
28. Dobretsov G.B. Ensuring the balance of the customer's interests and the protection of competition in the implementation of public procurement // Russian Competition Law and Economics. 2022. № 3. P. 67.
29. Ruling of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation of 12 July 2011 No. 2518/11 in case № A01-1223/2010 // Vestnik VAS RF. 2011. № 10.

30. Chagin K. Procurement from a single supplier under Law № 223-FZ // Progoszakaz.rf. 2019. № 11 // ConsultantPlus legal reference system.
31. Federal Law of 05 April 2013 No. 44-FZ (as amended on 26.12.2024) «On the contract system in the sphere of procurement of goods, works and services for ensuring state and municipal needs» // Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii. 2013. № 14. Art. 1652; 2024. № 53 (Part 1). Art. 8504.
32. Shmeleva M.V. The concept of state (municipal) procurement in the Russian Federation: in 2 vols.: Doctor of Law dissertation. Saratov, 2022. P. 301.
33. Sheremetieva A.K., Galieva V.D. Exclusiveness of non-competitive procedures as a form of protection of public interests // Law and State: Theory and Practice. 2023. № 2(218). P. 172.
34. Letter of the Ministry of Economic Development of Russia of 29 March 2017 № D28i-1353 // ConsultantPlus legal reference system.
35. Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia of 14 November 2019 No. IA/100041/19 «On the procedure for applying clauses 4 and 5 of part 1 of article 93 of Federal Law of 05 April 2013 No. 44-FZ «On the contract system in the sphere of procurement of goods, works and services for ensuring state and municipal needs»// ConsultantPlus legal reference system.
36. Belova Yu.N. Legal mechanisms for procurement from a single supplier by certain types of legal entities: grounds, features of recognition and conclusion of the contract // Law Enforcement Review. 2025. № 9(2). P. 130–139.
37. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 07 October 2019 № 73-AD19-2 // ConsultantPlus legal reference system.
38. Ruling of the Arbitration Court of the Ural Circuit of 21.04.2021 No. F09-2579/21 in case № A60-25700/2020 // ConsultantPlus legal reference system.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 247.232 **DOI: 10.34670/AR.2025.36.36.032**

Правовое положение добросовестных приобретателей имущества в условиях признания недействительной первоначальной сделки

Бувака Наталья Анатольевна

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова,
680000, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Ленина, 68;
e-mail: nabu@inbox.ru

Аннотация

В статье анализируется правовое положение добросовестных приобретателей в Российской Федерации – граждан, законно купивших имущество, но столкнувшихся с его изъятием из-за недействительности первоначальной сделки. Несмотря на нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, на практике такие лица часто остаются без защиты: суды склонны вставать на сторону первоначальных собственников, бремя доказывания добросовестности ложится на покупателя, а механизмы компенсации убытков отсутствуют. Рассматриваются типичные риски – мошеннические схемы, оспаривание сделок, арест имущества, связанного с преступлениями, – а также пути минимизации угроз: юридическая экспертиза, титульное страхование, безопасные способы расчётов. Автор подчёркивает необходимость законодательных реформ, унификации судебной практики и развития институтов правовой защиты для обеспечения стабильности гражданского оборота и доверия к правовой системе.

Для цитирования в научных исследованиях

Бувака Н.А. Правовое положение добросовестных приобретателей имущества в условиях признания недействительной первоначальной сделки // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 245-249. DOI: 10.34670/AR.2025.36.36.032

Ключевые слова

Добросовестный приобретатель, защита прав собственности, недействительность сделки, судебная практика, правовая защита граждан, гражданский оборот, имущественные споры.

Введение

В современном правовом обществе предполагается, что соблюдение закона – это надёжная защита. Однако на практике даже самый честный и внимательный гражданин может оказаться в ловушке, из которой сложно выбраться без серьёзных потерь. Особенно уязвимой категорией являются так называемые добросовестные приобретатели – лица, которое приобрело имущество (движимое или недвижимое) по законной сделке, не зная и не имея оснований знать, что продавец не имел права распоряжаться этим имуществом. Почему это происходит – и как система защищает (или не защищает) честных приобретателей?

Основное содержание

Согласно статье 302 Гражданского кодекса РФ (статья 302), добросовестный приобретатель – это человек, который приобрёл имущество у лица, не имевшего права его отчуждать, но сделал это без умысла, за плату и в порядке, предусмотренном законом. В идеале закон должен защищать таких граждан, особенно если они проявили должную осмотрительность. Но реальность часто оказывается иной.

Рассмотрим типичные ситуации, в которых страдают добросовестные приобретатели.

Наиболее частый сценарий – когда человек покупает квартиру, оформляет все документы, регистрирует право собственности через Росреестр. Однако через некоторое время выясняется, что предыдущий собственник был признан недееспособным, или сделка была совершена под давлением, или один из наследников оспаривает продажу. Суд может признать сделку недействительной, и новый собственник рискует остаться и без жилья, и без денег.

Нельзя не отметить мошеннические схемы с поддельными документами. Мошенники всё чаще используют поддельные доверенности, решения судов или свидетельства о праве на наследство. Добросовестный покупатель не всегда в состоянии проверить подлинность всех документов, особенно если они оформлены «по всем правилам». После раскрытия аферы новоиспечённого собственника могут лишить имущества, а возмещение убытков – долгая и не всегда успешная процедура.

Как пример, если автомобиль ранее был угнан, а затем легализован мошенниками через поддельные документы, новый владелец может быть вынужден вернуть авто настоящему хозяину.

Если рассматривать дела о наследстве – наследник, не зная о существовании других претендентов, продаст свою долю, а потом появится «забытый» наследник, который может оспорить сделку. Даже если покупатель проверял выписку из ЕГРН и другие документы, он всё равно может быть признан недобросовестным – особенно если суд сочтёт, что он «должен был знать» о рисках.

Также если имущество, приобретённое добросовестно, впоследствии оказывается связанным с преступлением (например, использовалось для легализации преступных доходов), правоохранительные органы могут наложить на него арест. Даже при доказанной добросовестности приобретателя процесс снятия ареста может занять годы, а иногда – и вовсе не увенчаться успехом.

Почему же защита добросовестных приобретателей остаётся недостаточной? Несмотря на нормы, призванные охранять добросовестных приобретателей, на практике суды сталкиваются

с противоречиями.

Во-первых судебная практика неоднозначна. Бремя доказывания добросовестности лежит на покупателе, а это сложно, особенно если прошло много времени. Российские суды нередко склоняются на сторону «оригинального» собственника, особенно если речь идёт о жилье или уязвимых категориях граждан (пенсионеры, дети, инвалиды). Добросовестность приобретателя может быть поставлена под сомнение на основе субъективных критериев.

Во-вторых, отсутствует система компенсации убытков. Даже если суд признает покупателя добросовестным, это не означает автоматического возмещения ущерба. Даже если суд признает приобретателя добросовестным и оставит за ним право собственности, это не компенсирует моральных и финансовых издержек: юридические услуги, упущенная выгода, моральный вред.

В-третьих, если стоит вопрос о приобретении недвижимости, несмотря на развитие цифровых технологий, Росреестр не всегда проверяет «историю» объекта недвижимости на наличие споров, арестов или исков. Выписка из ЕГРН отражает сведения только на момент запроса. Таким образом, регистрация не всегда гарантирует законность.

Что же делать добросовестному приобретателю, чтобы снизить риски?

Необходимо проверять не только документы, но и историю сделки: обратить внимание на цепочку собственников, длительность владения, наличие судебных споров.

Квалифицированная юридическая поддержка крайне важна при заключении крупных сделок. Целесообразно воспользоваться услугами профессионального юриста, даже если это кажется перестраховкой. Иногда несколько тысяч рублей за консультацию спасают миллионы.

Рационально обеспечить защиту прав собственности посредством титульного страхования – это относительно новый, но уже доступный инструмент на российском рынке. Он покрывает риски утраты права собственности из-за недействительности сделки.

Каждый этап сделки должен быть надлежащим образом зарегистрирован: от предварительного договора до расчётов через банковскую ячейку или аккредитив – это снижает риск потери денег.

Вне всякого сомнения требуются изменения в законодательстве. Общественные организации и правозащитники неоднократно предлагали:

- ввести презумпцию добросовестности при наличии регистрации права;
- создать фонд компенсаций для добросовестных приобретателей, пострадавших от мошенничества;
- ужесточить ответственность регистрирующих органов за ошибки в ЕГРН.

Заключение

Пока эти инициативы не реализованы. Правовая неопределённость, пробелы в законодательстве и не всегда справедливая судебная практика делают его положение уязвимым. Для укрепления правовой стабильности и доверия, в первую очередь к рынку недвижимости, необходимы не только улучшения в законодательстве, но и единая, предсказуемая судебная практика, а также развитие институтов правовой защиты – таких как страхование титула и надёжная публичная система сведений об имуществе.

Библиография

39. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Ст. 302.
40. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4344.
41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 10.
42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 2017 г. № 24 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре купли-продажи» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 10.
43. Бондаренко Д.В. Презумпция добросовестности: реализация в гражданском праве России и зарубежных странах // Юридический вестник МГИМО. – 2024. – № 2. – С. 141–154.
44. Егоров А.В. Проблемы защиты добросовестного приобретателя недвижимого имущества // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 3. – С. 112–125.
45. Иванов А.А. Регистрация прав на недвижимость и гарантии добросовестного приобретателя // Право и экономика. – 2022. – № 11. – С. 54–63.
46. Лаптева А.В. Титульное страхование как инструмент защиты прав добросовестных приобретателей недвижимости // Вестник Арбитражного суда. – 2023. – № 2. – С. 88–102.
47. Новоселова Л.А. Защита прав добросовестного приобретателя: баланс интересов участников гражданского оборота // Хозяйство и право. – 2021. – № 9. – С. 22–35.
48. Обзор судебной практики по делам о защите прав добросовестных приобретателей (информационный материал Верховного Суда РФ, 2023 г.). – URL: https://www.supcourt.ru (дата обращения: 15.11.2025).
49. Право собственности и защита добросовестных приобретателей: сравнительно-правовой анализ / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Юрайт, 2023. – 320 с.
50. Рябов В.А. Проблемы доказывания добросовестности в спорах о признании сделок недействительными // Арбитражная практика. – 2022. – № 6. – С. 33–47.

Legal Status of Bona Fide Purchasers of Property in Conditions of Invalidity of the Original Transaction

Natalya A. Buvaka

Associate Professor of Civil Law Disciplines Department,
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
680000, 68 Lenina St., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: nabu@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the legal status of bona fide purchasers in the Russian Federation - citizens who lawfully purchased property but faced its seizure due to invalidity of the original transaction. Despite the norms of the Civil Code of the Russian Federation, in practice such persons often remain unprotected: courts tend to side with original owners, the burden of proving good faith falls on the purchaser, and mechanisms for compensation of losses are absent. Typical risks are considered - fraudulent schemes, contesting transactions, seizure of property related to crimes - as well as ways to minimize threats: legal examination, title insurance, secure payment methods. The author emphasizes the necessity of legislative reforms, unification of judicial practice, and development of legal protection institutions to ensure stability of civil turnover and trust in the legal system.

For citation

Buvaka N.A. (2025) Pravovoye polozheniye dobrosovestnykh priobretateley imushchestva v usloviyakh priznaniya nedeystvitel'noy pervonachal'noy sdelki [Legal Status of Bona Fide Purchasers of Property in Conditions of Invalidity of the Original Transaction]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 245-249. DOI: 10.34670/AR.2025.36.36.032

Keywords

Bona fide purchaser, protection of property rights, invalidity of transaction, judicial practice, legal protection of citizens, civil turnover, property disputes.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301. – Art. 302.
2. Federal Law of July 13, 2015, No. 218-FZ "On State registration of real estate" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29. – Article 4344.3.

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 "On the application by Courts of certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – № 10.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 24, 2017 No. 24 "On some issues of the application of legislation on the contract of sale" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2017. – № 10.
5. Bondarenko D.V. The presumption of good faith: implementation in the civil law of Russia and foreign countries // MGIMO Law Bulletin. – 2024. – No. 2. – pp. 141-154.
6. Egorov A.V. Problems of protection of a bona fide buyer of real estate // Actual problems of civil law. – 2021. – No. 3. – pp. 112-125.
7. Ivanov A.A. Registration of real estate rights and guarantees of a bona fide buyer // Law and economics. – 2022. – No. 11. – pp. 54-63.
8. Lapteva A.V. Title insurance as a tool to protect the rights of bona fide purchasers of real estate // Bulletin of the Arbitration Court. – 2023. – No. 2. – pp. 88-102.
9. Novoselova L.A. Protection of the rights of a bona fide acquirer: balance of interests of participants in civil turnover // Economy and Law. – 2021. – No. 9. – pp. 22-35.
10. Review of judicial practice in cases of protection of the rights of bona fide purchasers (information material of the Supreme Court of the Russian Federation, 2023). – URL: https://www.supcourt.ru (date of application: 11/15/2025).
11. Property rights and protection of bona fide purchasers: comparative legal analysis / Edited by E.A. Sukhanov. Moscow: Yurait, 2023. 320 p.
12. Ryabov V.A. Problems of proving good faith in disputes on the recognition of transactions as invalid // Arbitration practice. - 2022. – No. 6. – pp. 33-47.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.033**

Злоупотребление процессуальным правом при оспаривании сделок должника в процедуре банкротства: обще-теоретический аспект

Марченко Алексей Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Юридический институт,
Тамбовский государственный технический университет,
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Советская, 106;
e-mail: alexey_ctk@mail.ru

Аннотация

Избранная тема является актуальной, ибо банкротство является одним из механизмов преодоления кризисных ситуаций как для организаций, так и для граждан, ввиду свойств экономических циклов, которые подразумевают закономерную смену фаз подъема и рецессии. Во время спадов физические и юридические лица стремятся найти решения для возникших финансовых трудностей. Предметом исследования являются процессуальные правоотношения, связанные производством по делам о несостоятельности (банкротстве). Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с признанием сделок недействительными. Предметом исследования является соотношение норм об оспаривании сделок, предусмотренных Гражданским кодексом РФ и Законом о банкротстве. Цель работы – выявление отличительных особенностей оспаривания сделок в рамках Закона о банкротстве по сравнению с признанием их недействительными на основании положений Гражданского кодекса РФ. Методологической основой работы являются методы анализа нормативно-правовых актов, синтеза отдельных правовых понятий, а также сравнительно-правовой метод исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Марченко А.Н. Злоупотребление процессуальным правом при оспаривании сделок должника в процедуре банкротства: общетеоретический аспект // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 250-263. DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.033

Ключевые слова

Несостоятельность должника, банкротство, сделка, злоупотребление процессуальными правами, оспаривание сделок, должник, арбитражные споры, конкурсное право.

Введение

Банкротство является одним из механизмов преодоления кризисных ситуаций как для организаций, так и для граждан, ввиду свойств экономических циклов, которые подразумевают закономерную смену фаз подъема и рецессии. Во время спадов физические и юридические лица стремятся найти решения для возникших финансовых трудностей.

В процессе рассмотрения дела о банкротстве, как правило, удовлетворение требований кредиторов осуществляется за счет имущества должника, формирующего конкурсную массу. Одним из способов увеличения конкурсной массы является оспаривание сделок, совершенных должником. Этот правовой институт применяется как в гражданском праве, так и в делах о банкротстве. Однако в последнем случае он приобретает специфические черты, отличные от оспаривания сделок в общей гражданско-правовой практике.

Основная часть

Вопросы недействительности сделок в банкротстве рассматривались в работах Е.В. Антоновой, И.В. Фролова, А.Б. Барановой, М.В. Дубовской, Е.А. Новичковой, К.А. Усачевой, С.В. Мусакова. Проблемы реституции при признании сделок недействительными освещены в трудах А.Г. Карапетова, А.В. Егорова. Анализу зачета и его соотношения с сальдо в контексте оспаривания сделок должника посвящены работы Д.Р. Питаленко и Н.Е. Кантор.

В соответствии с вышеизложенным, были определены следующие задачи:

- Сопоставление понятий сделки и ее недействительности в контексте гражданского права и процедуры банкротства.

- Описание ключевых теорий, касающихся оспаривания сделок кредиторами.

- Анализ правовых последствий признания сделки недействительной как в общем гражданско-правовом смысле (согласно положениям Гражданского кодекса РФ), так и в специфическом контексте Закона о банкротстве.

- Изучение института зачета и характеристика смежных с ним правовых конструкций (сальдо, нетто-обязательства), применяемых в рамках дел о банкротстве.

- Исследование особенностей правового статуса привилегированных кредиторов и повышенной сложности оспаривания сделок, заключенных с ними, в процедуре банкротства.

Исходя из сложившейся судебной практике поведение лица, которое участвует в деле, или поведение одного из участников процедуры банкротства может быть признано недобросовестным не только по заявлению одного из участников процесса, но и по инициативе суда, но только в том случае, если на то, имеется явное отклонение поведения лица, участвующего в деле о банкротстве, от поведения добросовестного. Вынесением судом на обсуждение указанных обстоятельств способствует вынесению справедливого и законного судебного акта

В случае, когда суд устанавливает факт недобросовестного поведения участника в деле о банкротстве, то из этого следуют неблагоприятные последствия для последнего. Меры применяемые для предотвращения злоупотребления правом обеспечивают защиту стороны, которая полностью добросовестна.

Согласно пункту 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ предполагается добросовестность всех участников спора. Пока другая сторона не представит веские доказательства обратного, поведение считается добросовестным. Если такие доказательства будут представлены, бремя

доказывания добросовестности переходит к первоначальной стороне.

Злоупотребление правом, в последствии, приводит к нарушению прав или же законных интересов лиц, участвующих в процессе, тем самым создает условия для причинения вреда. Институт «злоупотребления правом» направлен в первую очередь на предотвращение нарушения прав других лиц, пострадавших от злоупотребления правом.

Присоединяясь к спорам в научном сообществе, в целых рассмотрения вопроса применительно к отношениям несостоятельности (банкротства), необходимо определить, что представляет собой правовая категория «злоупотребление правом». Начнем с необходимости определения, как данная категория используется как характеристика определенного действия (юридического факта) участника правоотношений в процессе осуществления им своего субъективного права. Злоупотребление правом – это волевой правовой акт, вряд ли можно представить себе злоупотребление, совершаемое без цели достижения заранее определенного гражданином результата. Является ли эта характеристика положительной или отрицательной в рамках правовой реальности? Исходя из этого, хочется отметить, что необходимо подойти к определению сущности злоупотребления правом более четко.

Любое действие, включая злоупотребление правом, можно классифицировать в рамках двух категорий, которые характеризуют поведение участников правоотношений с точки зрения соблюдения законодательства. Эти категории включают правомерные действия, соответствующие действующим на территории комиссии правилам, и неправомерные действия, нарушающие правовые нормы.

Российская законодательная база включила вопрос добросовестности (правомерности) в основополагающие принципы гражданского права. Уделяется особое значение принципу добросовестности, в первую очередь в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Пункт 3 ст. 1 ГК РФ устанавливает добросовестность действий участников гражданских дел. В п. 4 той же статьи отдельно подчеркивается невозможность получения лицом преимущества путем его недобросовестного поведения. Пункт 5 ст. 10 ГК РФ рассматривает понятие добросовестности в качестве презумпции. Далее отсылка к добросовестности в ГК РФ встречается часто. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 ч. 1 ГК РФ» уточняет, что добросовестным может быть признано деяние участников гражданского процесса, совершенное с учетом интересов всех заинтересованных лиц процесса, при условии своевременного исполнения обязательств и предоставлении запрашиваемой информации. Можно отметить, что данная формулировка отражает как раз принцип добросовестности.

При рассмотрении вопросов, связанных с процедурой несостоятельности (банкротства), стоит заметить, что часто удовлетворение экономических интересов той или иной стороны в деле о банкротстве ставится выше, нежели соблюдение всех моральных принципов. Однако, согласно действующем законодательству, участники всей процедуры банкротства должны соблюдать все нормы и действовать добросовестно. Закон о банкротстве оперирует понятием «добросовестность», наряду с такими понятиями как «компетентность» и «независимость» (п. 4 ст. 20, п. 2 ст. 20.5, ст. 45), разумность (ст. 10, п. 4 ст. 20.3, ст. 25.1, п. 3 ст. 189.51).

Как считает А.А. Кравченко, примером недобросовестности может служить «неосуществление всех возможных действий, которые могут способствовать восстановлению платежеспособности и реабилитации» [Кравченко, 2019]. В свою очередь яркими примерами последствий недобросовестности являются преднамеренное и фиктивное банкротство (определенные ст. 196 и 197 УК РФ), при которых заведомо предполагается проведение

процедуры банкротства в контексте недобросовестности со стороны должника. Также через данное понятие устанавливается ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) [Аюшева, Богданова, Булаевский, 2020].

Проявление недобросовестности может встречаться повсеместно в процессе банкротства, затрагивая всех его участников. Арбитражный управляющий, в силу своей роли представителя интересов должника и кредиторов, должен неукоснительно соблюдать требования добросовестности, установленные законодательством. Недобросовестное поведение в рамках процедуры банкротства является основанием для административной и уголовной ответственности. Кроме того, недобросовестность может проявляться в форме фальсификации и мошенничества, что также является правонарушением. В качестве примера можно рассмотреть дело № А64-1160/2022 (Определение Арбитражного суда Тамбовской области от 19 апреля 2022 года) [Определение Арбитражного суда Тамбовской области по делу А64-1160/2022, 2022].

Должник Шкляр С.А. обратился в суд с заявление о банкротстве, владея имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу, а именно автомобилем. Планируя данный автомобиль сохранить путем занижения его рыночной стоимости, но финансовый управляющий обратился в суд с заявлением, предлагая утвердить представленные условия Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества Шкляра С.А., в целях реализации конкурсной массы должника. Суд в свою очередь, руководствуясь статьей 71 Арбитражного Процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), проверил наличие оснований для утверждения заявленной финансовым управляющим начальной продажной цены спорного имущества, приняв во внимание, что решение о оценке имущества не оспорено, при отсутствии доказательств, опровергающих цену, предложенную банком и при отсутствии возражений иных лиц, участвующих в деле. Следовательно, суд утвердил Положение о порядке, условиях и сроках реализации автомобиля, убедившись и установив начальную стоимость. Впоследствии автомобиль был реализован на торгах, а вырученные деньги распределены между кредиторами [Определение Арбитражного суда Тамбовской области по делу А64-1160/2022, 2022]. В данном случае очевидно недобросовестное поведение со стороны Шкляра С.А., повлекшее за собой реализацию имущества и частичное удовлетворение кредиторов.

Неправомерные действия финансового управляющего можно рассмотреть на примере определения Арбитражного суда Тамбовской области (далее – АС Тамбовской области) № А64-2462/2022 от 13 февраля 2024 года [Определение Арбитражного суда Тамбовской области № А64-2462/2022, 2024]. Тепляков А.А. обратился с ходатайством об исключении из конкурсной массы денежных средств, полученных за участие в специальной военной операции, так как финансовый управляющий Лысова Е.Е. бездействовала. Должник в порядке статьи 49 АПК РФ [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 49), 2002] уточнил свои требования, с просьбой исключить из конкурсной массы единовременную выплату, а также денежные средства в размере выплаченных и подлежащих выплате единовременно и (или) ежемесячно за участие в специальной военной операции. Уточнения были приняты судом, должником был предоставлен в материалы обособленного спора дополнительные документы, в том числе контракт. Денежные средства были исключены из конкурсной массы [Определение Арбитражного суда Тамбовской области № А64-2462/2022, 2024].

Недобросовестность, в частности, проявляется, когда участники намеренно нарушают закон. Это может включать в себя организацию банкротства, используя для этого «дружественных» кредиторов, а также, как отмечает Кравченко А.А., «фальсификацию

заключения временного управляющего о финансовом состоянии должника, обоснования возможности восстановления его финансового состояния, а также заключения о наличии фактов преднамеренного и фиктивного банкротства; изменение региона регистрации с целью изменения подсудности рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве), а также для усложнения положения кредиторов в деле о банкротстве» [Кравченко, 2019].

Но как отличить правомерное поведение от правонарушения? Неужели в каждом деле нужно искать подвох со стороны лиц, участвующих в процедуре несостоятельности (банкротства)? Главная проблема заключается в том, что все подходы к этой проблеме не позволяют четко разграничить законные действия и правонарушения. Ведь границы осуществления субъективных прав определены законом. Если эти границы нарушены, это уже неправомерное поведение, а правонарушение. Но тогда если злоупотребление правом считается правонарушением, то зачем выделять его в отдельную категорию с особыми последствиями, которые не полностью совпадают с последствиями обычных правонарушений? Кроме того, невозможно нарушить право, действуя в рамках закона. Законодатель, устанавливая правила и защищая права, не может признать нарушителем того, кто действует в соответствии с этими правилами.

Для признания действия злоупотребления правом, решающее значение имеет то, какую выгоду (или цель) преследует лицо, совершая эти действия. Матанцев Д.А. считал, что, осуществляя свое право со злоупотреблением, происходит правомерное причинение вреда путем нарушения прав и законных интересов лица, либо создается угроза такого причинения, в чем и состоит интерес управомоченного лица [Матанцев, 2013]. Одегнал Е.А., обозначал злоупотребление правом через признание осуществления субъектом своих прав, формально не выходящее за рамки закона, но направленное на причинение вреда правам и законным интересам другого лица, либо приводящее к такому вреду, даже при отсутствии прямого умысла [Одегнал, 2011].

Хочется отметить, что акцент на намерении причинить вред третьим лицам как на ключевом признаке злоупотребления не всегда оправдан, особенно для всех его проявлений. Нельзя утверждать, что злоупотребление всегда предполагает желание навредить. Часто негативные последствия не являются целью злоупотребляющего, который, скорее всего стремится к получению необоснованной выгоды, превышающей предусмотренную законом или договором.

Злоупотребление правом следует рассматривать как ситуацию, когда личные интересы человека (субъективный интерес) превалируют над общественными интересами (объективный интерес), которые выражаются в предоставленных ему правах. Объективный интерес отражает то, что полезно для общества в целом, а субъективный – личные цели и выгоды конкретного человека. Когда человек использует свои права не для достижения общественно полезных целей, а для удовлетворения своих личных интересов, выходя за рамки того, что предусмотрено объективным интересом, это и является злоупотреблением права. Однако, в результате таких действия может произойти и нарушение права, и в этом случае разница между злоупотреблением и нарушением стирается.

Нередко в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому злоупотребляют правом для того, чтобы причинить вред третьим лицам. Именно такой точки зрения придерживается Т.В. Дерюгина [Дерюгина, 2019]. В соответствии с ее концепцией, злоупотребление правом представляет собой реализацию субъектом своего права, формально не выходящую за рамки дозволенного, но осуществляемую таким образом, что причиняет вред другим лицам, при отсутствии прямого законодательного запрета на подобное поведение.

В тоже время, с данной позицией нельзя согласиться, поскольку, как было отмечено ранее, злоупотребление правом может происходить без прямого причинения вреда, а лишь создавать вероятность его возникновения. Более того, в российском правовом поле причинение вреда квалифицируются как деликт, влекущий за собой имущественную ответственность (за исключением предусмотренных законом случаев), в то время как последствия злоупотребления правом отличаются.

Если уж мы и говорим о злоупотреблении правом как о негативной модели поведения участника общественных отношений, вероятно есть возможность определить это явление путем «от обратного», то есть противопоставляя надлежащему осуществлению субъективного права. В указанной ранее статье 10 ГК РФ в пункте 5 предусмотрена презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий [Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1, ст. 10), 1994].

В абз. 2 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что оценка поведения субъектов с позиции добросовестности предполагает анализ соответствия их действий общепринятым ожиданиям, предъявляемым к участникам гражданских правоотношений. В частности, учитывается уважение прав и охраняемых законом интересов любого участника гражданского процесса, оказание содействие, включая предоставление необходимой информации для реализации прав и обязанностей.

Следовательно, можно отметить, что злоупотребление правом представляет собой действия, противоречащие принципу добросовестности при реализации принадлежащего лицу субъективного права. Как отмечал Суворов Е.Д., что действия с целью обойти закон нельзя отнести ни к правонарушениям, ни к правомерному поведению, а можно обозначить как третью разновидность действия «не поддерживаемых правовой системой реализации права (правовых возможностей)» [Суворов, 2013].

В случае злоупотребления правом применяются другие меры, отличные от восстановления первоначального имущественного состояния. В последствиях злоупотребления правом присутствует элемент санкции: нарушитель лишается возможности защищать свои права или сталкивается с другими неблагоприятными последствиями, которые зависят от того, каким именно правом было злоупотреблено. Следует отметить, что для признания действия злоупотреблением правом отсутствует необходимость в установлении состава, аналогичного необходимому для квалификации правонарушения.

Вместе с тем, сложившаяся на данный момент практика квалификации злоупотребления правом как недобросовестного поведения демонстрирует непоследовательность и расходится с действующим правовым регулированием по следующей причине. Недобросовестное поведение в свою очередь можно квалифицировать как противоправное. Участнику гражданских правоотношений не всегда необходимо обладать каким-либо правом, чтобы действовать недобросовестно.

Злоупотребление правом можно определить, как поведение участника правоотношений, которое общество считает недопустимым. Оно направлено на достижение незаконных целей, и, если суд установит такой факт, нарушитель лишится защиты своего права или столкнется с другими законными санкциями.

Банкротство – это статус должника, признанного в судебном порядке неплатежеспособным. Несостоятельность, используемая в большинстве правовых систем, указывает на неспособность погасить долги. Банкротство, с другой стороны, является результатом судебного решения о том,

что должник подал заявление или что кредиторы подали заявление против него.

В Древней Греции не существовало современной концепции банкротства, однако существовала система, позволяющая кредитору возмещать свои убытки в случае невыполнения заемщиком своих долгов, что влекло за собой временное порабощение всей семьи заемщика. Если мужчина был должен и не мог заплатить, его и его жену, детей или слуг принуждали к «долговому рабству», пока кредитору не платили их физическим трудом. В то время как у долговых рабов была защита жизни и здоровья в соответствии с законом, и через 5 лет их долги были стерты, эта попытка сделать заемщиков снова целым явно гораздо менее снисходительна, чем современная система банкротства. Сегодня долговое рабство все еще существует в некоторых странах с ужасающим побочным эффектом стимулирования проблемного кредитования тех, у кого нет надежды, погасить свои долги.

И наоборот, концепция полного списания долгов посредством банкротства существует уже тысячи лет. Слово «банкротство» обычно связано с латинскими терминами «bancus» (скамья или стол) и «ruptus» (сломанный). На древних публичных рынках банкир открывал бизнес, используя определенную скамью. На скамье хранились их деньги, а когда банкир разорялся, они ломали скамейку, чтобы другие знали, что они вышли из бизнеса. Банкротство как понятие можно найти даже в религиозных текстах. В Торе, или Ветхом Завете, Моисеев закон провозгласил, что каждый седьмой год был субботним годом, когда все долги, принадлежащие евреям, списываются. За седьмым субботним днем (или 49- м годом) следует еще один субботний год, известный как Юбилейный, когда все долги (а вместе с ними и любые долговые рабы) освобождаются, независимо от религиозной принадлежности.

Позднее средневековое каноническое право позволяло должнику быть освобожденным от обязательств и начать все сначала, после того как он отдал своим кредиторам все свое имущество, кроме некоторых предметов первой необходимости.

В 1542 году, Англия кодифицировала законы о банкротстве, согласно которым обанкротившееся лицо считалось преступником, подлежащим наказанию, включая заключение в долговые тюрьмы и даже смертную казнь. Тем не менее, банкротство стало более распространенной практикой в 16 веке, когда первое заявление о банкротстве было сделано целой страной, Испанией. В 1705 году в Америке была принята первая «современная» версия банкротства с принятием Статута Анны. При Анне прощение неоплаченных долгов было предоставлено в качестве награды тем, кто сотрудничал в сборе товаров и активов для производства их в качестве оплаты кредиторам. После ратификации Конституции Соединенных Штатов в 1789 году Конгресс получил право в соответствии со статьей 1, разделом 8, пунктом 4 издавать «единые законы о банкротстве» на всей территории Соединенных Штатов. Первым законом Конгресса был Закон о банкротстве 1800 г., который невольно и ограничивался только торговцами. Закон о банкротстве 1938 года расширил добровольный доступ к системе банкротства, а добровольные ходатайства стали более привлекательными для должников.

В России дореволюционном праве понятия «банкротство» и «несостоятельность» имели разное значение. Несостоятельностью считалось само состояние недостаточности имущества должника для удовлетворения требований кредиторов, а банкротством, в свою очередь, причинение ущерба кредиторам путем уменьшения или сокрытия имущества несостоятельным должником, т. е. наступала «уголовная ответственность того гражданского отношения, которое называется несостоятельностью». Эта позиция уходит историческими корнями в дореволюционное законодательство о банкротстве. Так, Енькова Е.Е. считает, что банкротство – это квалифицированная несостоятельность, представляющая собой «неосторожное или

умышленное причинение несостоятельным должником ущерба посредством уменьшения или сокрытия имущества».

Банкротство – это статус должника, признанного в судебном порядке неплатежеспособным. Несостоятельность, используемая в большинстве правовых систем, указывает на неспособность погасить долги. Банкротство, с другой стороны, является результатом судебного решения о том, что должник подал заявление или что кредиторы подали заявление против него.

То есть банкротство является судебным разбирательством, в ходе которого устанавливается несостоятельность юридического или физического лица. Решение о погашении долга принимает суд. «Освобождение» означает, что те, кто должен, по закону больше не обязаны их платить. Суд также может закрыть дело, если посчитает, что у физического или юридического лица достаточно активов для оплаты счетов.

В просторечии обычно говорят о банкротстве, тогда как на самом деле правильным техническим термином является несостоятельность или неплатежеспособность. В общем случае под банкротством понимается неспособность должника выполнить взятые на себя обязательства. В настоящее время банкротство является более старым термином, потому что в основном используется термин несостоятельность. В принципе, банкротство может коснуться как физического лица, так и юридического лица, т.е. компании. Однако в центре внимания всегда находится тот факт, что часть или весь долг уже не может быть выплачен.

На практике существует ряд возможных причин, которые могут привести к банкротству. В случае с компаниями это прежде всего падение продаж или резкое падение прибыли, неплатежеспособность должников или просто бесхозяйственность, которые не только приводят компанию к проблемам с ликвидностью, но и делают ее неплатежеспособной. Есть также несколько причин для частных лиц, которые могут в конечном итоге привести к так называемому личному банкротству.

Законы о банкротстве были приняты для обеспечения и регулирования упорядоченного и справедливого ликвидация имущества неплатежеспособных должников. Эта особенность оставалась важной целью законодательства о банкротстве со времен средневековья.

В Российской Федерации Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ о банкротстве был принят для обеспечения и регулирования упорядоченного и справедливого ликвидация имущества неплатежеспособных должников. Эта особенность оставалась важной целью законодательства о банкротстве со времен средневековья. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ о банкротстве служит трем основным целям: решить проблему коллективных действий кредиторов в отношении неплатежеспособного должника; обеспечить «новый старт» отдельным должникам, обремененным долгами; и спасти и сохранить стоимость непрерывности деятельности фирм, находящихся в затруднительном финансовом положении, путем реорганизации, а не ликвидации. Федеральный закон о банкротстве содержит набор официальных форм для использования в делах о банкротстве, устанавливая юридические процедуры для решения долговых проблем физических и юридических лиц [Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, 2002].

Независимо от того, затрагивает ли банкротство частное лицо или компанию, результатом обычно является возбуждение производства по делу о несостоятельности. Заявление о такой процедуре может подать как сам должник, так и один из кредиторов. Юрисдикция в отношении производства по делу о несостоятельности обычно принадлежит окружному суду, который находится в муниципалитете должника. При подаче заявления о несостоятельности суд сначала

проверяет, может ли это заявление быть удовлетворено или нет.

Таким образом, банкротство организации, гражданина либо государства – это подтвержденная уполномоченным органом (арбитражным судом) неспособность удовлетворить долговые обязательства перед кредиторами или выполнить обязанности по оплате государственных платежей. Процедура банкротства проводится с целью решения проблем обеих сторон судебного разбирательства: защиты должников, не имеющих возможности погасить долги, а также защиты кредиторов от неправомерных действий юридических и физических лиц.

Предупреждение банкротства очень важная стадия развития конкурсных отношений, так как в ее рамках руководство должника, его участники, третьи лица могут прийти к взаимо устраивающему соглашению, направленному на преодоление временных финансовых сложностей. Постоянные изменения правовой и экономической среды на глобальном уровне создают необходимость адаптации и реструктуризации предприятий, чтобы реагировать на меняющиеся финансовые данные, и по этой причине требуется стратегическое и оперативное планирование, что приводит к реорганизации административной, управленческие и производственные функции предприятия. Последствия экономического кризиса создали серьезные финансовые проблемы для большинства российских компаний, но они также дают возможность коренным образом перестроить деятельность многих из них с целью решения критических вопросов ликвидности и реагирования на финансовую нагрузку и другие обязательства, а также создание законодательных базовых условий для значительной операционной прибыльности и развития бизнеса. Санация бизнеса включает в себя все изменения, которые планируются и осуществляются в бизнесе, в его структурах и процессах, чтобы работать более эффективно. План санации представляет собой исследование, включающее в себя оценку прибыльности, оценку наиболее эффективной деятельности предприятия, улучшение движения денежных средств, повышение производительности труда, новые формы организации. При этом сравнительная оценка деятельности компании производится на основе ряда параметров, имеющих стратегическое значение по отношению к другим компаниям-конкурентам или в среднем по отрасли. Досудебная санация отличается от банкротства тем основным фактом, что банкротство означает конец бизнеса, а досудебная санация – это процесс. Банкротство, часто рассматриваемое как крайняя финансовая мера, представляет собой юридический процесс, который может помочь смягчить непогашенные долги для физических и юридических лиц. Стоит помнить, что погашение обязательств не автоматическое и происходит не всегда. Как правило, суд исполняет обязательства банкрота без установления плана погашения кредиторов, если личные обстоятельства банкрота ясно указывают на то, что он постоянно не в состоянии производить какие-либо платежи в соответствии с планом погашения кредиторов. Условие постоянства невозможности осуществления платежей здесь является решающим. Если банкрот в состоянии осуществить выплаты, в ходе разбирательства составляется соответствующий план погашения кредиторов. Возможен и третий вариант, т. е. условное прощение долга в ситуации, когда невозможность произвести погашение не является постоянной. Если план погашения кредиторов составлен, но оказывается, что банкрот не в состоянии выполнить этот план, суд по заявлению банкрота может изменить план погашения кредиторов. Если, с другой стороны, неспособность выполнить обязательства, изложенные в плане погашения кредиторов, носит постоянный характер и является результатом обстоятельств, не зависящих от банкрота, суд по требованию банкрота, заслушав кредиторов, может отказаться от плана погашения и погашения непогашенных

обязательств банкрота.

В первом случае для выхода из технического дефолта руководство должно затребовать дебиторскую задолженность, оплатить все просрочки и добиться внесения изменений в кредитный договор, согласно которым дебиторы могут самостоятельно рассчитываться с кредиторами без создания оснований для инициирования дела о банкротстве.

Для погашения долговых обязательств проводится процедура конкурсного производства с целью продажи ликвидных активов юридического лица (если их стоимость превышает объемы долга).

Еще один способ избежать возбуждения дела о банкротстве – увеличение оборота и перераспределение капитала. Если же дело уже открыто, предприятие может быть выведено из состояния технического дефолта посредством финансового оздоровления и оптимизации капитала.

Фиктивное банкротство юридических лиц – это заведомо ложное публичное признание своей финансовой несостоятельности компании, то есть неспособности исполнить долговые обязательства. Как правило, заявление о фиктивном банкротстве подают учредители, руководящие сотрудники или аффилированные с ними лица фирмы-должника. При отсутствии формальных признаков банкротства таковые имитируются искусственно посредством фальсификации платежных документов.

Преднамеренное / умышленное банкротство – это искусственное создание условий, способствующих невозможности исполнять долговые обязательства компанией, путем совершения определенных действий (или же бездействия). Это может быть намеренное снижение ликвидности собственности, уменьшение оборотов фирмы, повышение закредитованности и пр. Главное отличие фиктивного банкротства от преднамеренного состоит в том, что во втором случае организация реально теряет способность рассчитаться по долгам.

Ключевая цель преднамеренного банкротства – присвоение активов должника учредителями, руководством и аффилированными с ними лицами.

В отдельных случаях процедура может быть инициирована сторонними организациями посредством многоходовых комбинаций по переоформлению имущества через доверенности на третьих лиц.

При банкротстве физлица происходит списание следующих долгов:

1) кредиты в банках и небанковских кредитных организациях, овердрафты и другие кредиты по кредитным картам и картам рассрочки;

2) займы в МФО;

3) налоговые долги, в частности, долги по налогам индивидуальных предпринимателей;

4) задолженность по коммунальным платежам;

5) долги перед физическими лицами по распискам и договорам займа.

Производство по делу о несостоятельности открывается, когда должник не в состоянии платить и прекратил платежи. Надвигающаяся неплатежеспособность также считается основанием для открытия производства по делу о неплатежеспособности. Маловероятно, что должник сможет выполнить существующие платежные обязательства, когда наступит срок их погашения. За исключением случаев неминуемой несостоятельности, любой кредитор может подать заявление об открытии производства по делу о несостоятельности. Причина открытия должна быть достоверной. Если заявление отклонено, его можно обжаловать. При принятии решения об открытии производства по делу о несостоятельности конфискуются оборотные средства должника и имущество, приобретенное в ходе производства по делу. Права должника

переходят к арбитражному управляющему.

Отношения, связанные с банкротством граждан, регулируются главой X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, 2002].

Правом на обращение в арбитражный суд (далее – суд) с заявлением о признании гражданина банкротом обладает он сам, конкурсный кредитор и уполномоченный орган (Федеральная налоговая служба России).

По общему правилу начать процедуру банкротства можно, если требования к должнику (без учета установленных имущественных и финансовых санкций) составляют в совокупности не менее 500 тыс. руб., и они не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда должны были быть исполнены.

Дело о банкротстве должника рассматривается арбитражным судом по месту жительства должника. Заявление может быть подано в арбитражный суд путем личного обращения (через отдел делопроизводства, канцелярию арбитражного суда), по почте либо в электронной форме с использованием сети Интернет.

При обращении в суд необходимо уплатить госпошлину.

Денежные средства на выплату вознаграждения финансовому управляющему и лицам, обеспечивающим исполнение возложенных на него обязанностей, если должник дает согласие на их привлечение, подлежат внесению в депозит суда. В том числе внести их за должника может другое лицо. Также должник вправе ходатайствовать о предоставлении отсрочки внесения указанных средств до даты судебного заседания по рассмотрению обоснованности заявления о признании должника банкротом.

Необходимо отметить, что дело о банкротстве может быть прекращено судом на любой стадии при отсутствии средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения финансовому управляющему.

В связи с введением процедур банкротства предусмотрены и другие расходы, в частности связанные с публикацией сведений о банкротстве в

Едином федеральном реестре сведений, с реализацией имущества, в том числе предмета залога.

По результатам рассмотрения заявления суд может вынести определение о признании заявления обоснованным и введении реструктуризации долгов гражданина. Суд выносит определение о признании должника банкротом и введении реализации имущества, если, должник не соответствуете требованиям для утверждения плана, или в установленный срок финансовым управляющим не получен ни один проект плана, или представленный план не был утвержден судом. В таком случае реализация имущества вводится судом на срок не более шести месяцев, который может быть продлен.

Все имущество должника, имеющееся на дату вынесения судом этого определения и выявленное (приобретенное) после, составляет конкурсную массу. Однако из нее исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством (так называемый исполнительский иммунитет).

Требования, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества, считаются погашенными, и должник, как правило, освобождается от дальнейшего их исполнения.

При этом гражданин, признанный банкротом, не освобождается от дальнейшего исполнения, в частности: требований по текущим платежам, о возмещении вреда жизни или

здоровью, возмещении морального вреда, взыскании алиментов, а также оставшихся непогашенными требований кредиторов, при возникновении и исполнении которых должник действовал недобросовестно. Они могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве в непогашенной их части.

Обязательства, по которым не происходит списание, передаются в ФССП. Судебные приставы оформляют исполнительные листы, по которым производится взыскание до момента их полного погашения.

Статус банкрота не гарантирует списание задолженности. Если в ходе процедуры выяснится, что гражданин нарушил закон или вел себя недобросовестно, суд не избавит его от долгов.

Поэтому, отдельное внимание претендентам на банкротство – юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и гражданам – стоит обратить на нормы права, за нарушение которых грозит наказание.

Почти 70% всех мошенничеств с банкротством связано с сокрытием активов. Кредиторы могут только ликвидировать активы, перечисленные должником; таким образом, если должник не раскрывает определенные активы, он может обманным путем сохранить их, несмотря на непогашенный долг. Для дальнейшего сокрытия должник может передать нераскрытые активы другим лицам, чтобы их нельзя было найти. Мошенническое сокрытие делает кредиты более дорогими, поскольку повышает риск и затраты, связанные с кредитованием, и кредиторы перекладывают эти расходы на других подающих надежды заемщиков.

Заключение

Таким образом, положения о банкротстве ясно показывают, что преимущества этого правового института предназначены только для тех, кто не привел к своей неплатежеспособности или не увеличили ее степень намеренно. Это включает, среди прочего, поведение, заключающееся в растрате активов или умышленном неуплате причитающихся обязательств. Как представляется, например, в результате пандемии и связанных с ней увольнений, экономических трудностей работодателей и т. д. многие могут столкнулись с неплатежеспособностью.

Библиография

51. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 (ред. от 30.07.2013) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 6.
52. О некоторых процессуальных вопросах, вязанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 17.12.2024) // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 7.
53. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 2.
54. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/
55. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева" [Электронный

ресурс]: КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41943/
56. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63 (ред. от 17.12.2024) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/
57. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016. [Электронный ресурс]: Гарант. URL: https://base.garant.ru/73346331/?ysclid=mcmbga5vgr343919203
58. Определении Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2015 № 89-КГ15-13 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=449679#3HLxopU8S7di0u8o .
59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886 по делу N А41-20524/2016 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=510874#B4OyopUARvUDZeV61

Abuse of Procedural Rights in Challenging Debtor's Transactions in Bankruptcy Proceedings: General Theoretical Aspect

Alexey N. Marchenko

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Law Institute,
Tambov State Technical University,
392000, 106 Sovetskaya St., Tambov, Russian Federation;
e-mail: alexey_ctk@mail.ru

Abstract

The chosen topic is relevant because bankruptcy is one of the mechanisms for overcoming crisis situations for both organizations and individuals, due to the properties of economic cycles that imply regular alternation of boom and recession phases. During downturns, individuals and legal entities seek solutions to emerging financial difficulties. The subject of the research is procedural legal relations related to insolvency (bankruptcy) proceedings. The object of this research is social relations arising in connection with the invalidation of transactions. The subject of the research is the correlation between norms on challenging transactions provided by the Civil Code of the Russian Federation and the Bankruptcy Law. The aim of the work is to identify distinctive features of challenging transactions within the framework of the Bankruptcy Law compared to declaring them invalid on the basis of provisions of the Civil Code of the Russian Federation. The methodological basis of the work includes methods of analysis of normative legal acts, synthesis of individual legal concepts, as well as comparative legal research method.

For citation

Marchenko A.N. (2025) Zloupotrebleniye protsessual'nym pravom pri osparivanii sdelok dolzhnika v protsedure bankrotstva: obshche-teoreticheskiy aspekt [Abuse of Procedural Rights in Challenging Debtor's Transactions in Bankruptcy Proceedings: General Theoretical Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 250-263. DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.033

Keywords

Debtor's insolvency, bankruptcy, transaction, abuse of procedural rights, challenging transactions, debtor, arbitration disputes, insolvency law.

References

1. On some issues related to challenging transactions on the grounds provided for by the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)": Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.04.2009 No. 32 (as amended on 30.07.2013) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 6.
2. On some procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06/22/2012 No. 35 (as amended on 12/17/2024) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2012. – № 7.
3. On some issues related to the Entry into Force of Federal Law No. 107-FZ dated May 29, 2024 "On Amendments to the Federal Law On Insolvency (Bankruptcy)" and Article 223 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/17/2024 No. 40 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – № 2.
4. On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other proprietary rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated 04/29/2010 (as amended on 12/12/2023) [Electronic resource]: ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/21/2003 No. 6-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Sklyanova and V.M. Shiryaev" [Electronic resource]: ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41943/
6. On some issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)": Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 23, 2010 N 63 (as amended on December 17, 2024) [Electronic resource]: ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923 /
7. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 23, 2019 No. 305-ES19-13326 in case No. A40-131425/2016. [Electronic resource]: Garant. URL: https://base.garant.ru/73346331/?ysclid=mcmbga5vgr343919203
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.11.2015 No. 89-KG15-13 [Electronic resource]: ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=449679#3HLxopU8S7di0u8o .
9. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/31/2017 No. 305-ES17-4886 in case No. A41-20524/2016 [Electronic resource]: ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=510874#B4OyopUARvUDZeV61

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.2 **DOI: 10.34670/AR.2025.62.41.034**

Вещные права как правовые средства обеспечения эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Блинкова Елена Викторовна

Доктор юридических наук, профессор,
кафедра гражданского права и процесса,
Академия ФСИН России,
390000, Российская Федерация, Рязань, ул. Сенная, 1;
Академический департамент Школы права и управления,
Тюменский государственный университет,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: elenablinkova@inbox.ru

Карзенкова Александра Владимировна

Кандидат биологических наук, доцент,
кафедра частного права,
Пермский институт ФСИН России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: cpe2005@mail.ru

Аннотация

Возможности эффективного развития уголовно-исполнительной системы авторы связывают с реализацией вещных прав унитарных предприятий и учреждений уголовно-исполнительной системы на предоставленное им имущество. Федеральная служба исполнения наказаний, осуществляющая свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, а также предприятия, учреждения и организации, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, реализует полномочия собственника в отношении федерального государственного имущества посредством передачи его учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы, предприятиям учреждений, исполняющих наказания, а также иным предприятиям, учреждениям и организациям, специально созданным для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, на праве оперативного управления и хозяйственного ведения. Указанные вещные права анализируются в качестве правовых средств обеспечения эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В статье рассмотрены некоторые особенности участия унитарных предприятий и учреждений уголовно-исполнительной системы в вещных правоотношениях. Авторами обращено внимание на нормативно-правовую неопределенность режима земельных участков, переданных унитарным предприятиям. На основе нормативно-правового анализа актуализирована необходимость государственной регистрации вещных прав на

имущество, переданное унитарным предприятиям и учреждениям уголовно-исполнительной системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Блинкова Е.В., Карзенкова А.В. Вещные права как правовые средства обеспечения эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 264-270. DOI: 10.34670/AR.2025.62.41.034

Ключевые слова

Вещное право, ограниченные вещные права, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право постоянного бессрочного пользования, уголовно-исполнительная система.

Введение

Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России) осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, а также предприятия, учреждения и организации, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы (п. 5 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – Положение о ФСИН России)).

ФСИН России осуществляет полномочия собственника в отношении федерального имущества, переданного учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы, предприятиям учреждений, исполняющих наказания, а также иным предприятиям, учреждениям и организациям, специально созданным для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, в соответствии с законодательством Российской Федерации, и эксплуатацию, техническое обслуживание и охрану имущества уголовно-исполнительной системы, а также необходимые меры по его сохранению и рациональному использованию (п. 7 Положения о ФСИН России). Также в полномочия имущественного характера ФСИН России включено управление и распоряжение жилищным фондом Российской Федерации, закрепленным за ФСИН России, в соответствии с назначением этого фонда, и строительство и приобретение жилых помещений с последующим использованием их в качестве специализированного жилищного фонда в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (п. 7 Положения о ФСИН России).

Эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации зависит от множества условий и факторов, но вот возможности дальнейшего развития, прежде всего, связаны с правовым обеспечением реализации вещных прав на имущество, переданное учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы, предприятиям учреждений, исполняющих наказания, а также иным предприятиям, учреждениям и организациям, специально созданным для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Основная часть

Вещное право как подотрасль гражданского права регулирует отношения, возникающие в сфере приобретения вещных прав на имущество, устанавливает правообладателей и содержание прав [Суханов, 2017]. Вещное право также определяет формы и способы защиты вещных прав, определяя правовые механизмы владения имуществом и защиты своего права на вещь.

Функции УИС как владельца недвижимого и движимого имущества, включая здания, сооружения и земельные участки, предоставленные для нужд УИС, транспортные средства, оборудование и другое имущество, создают возможность владеть и пользоваться в установленных целях, обеспечивая национальную безопасность [Клещев, 2015]. Вещное право, как механизм обеспечения деятельности УИС, создает гарантии защиты прав УИС на имущество, в том числе право на применение вещных исков в суде [Новиков, 2013].

В последнее время вопросам эффективности деятельности учреждений и органов УИС, предприятий учреждений, исполняющих наказания, а также иных предприятий, учреждений и организаций, специально созданных для обеспечения деятельности УИС, уделяется значительное внимание [Ибрагимов, 2015; Новиков, 2015]. Глобальные вызовы, цифровизация и развитие товарных рынков оказывает влияние на производственно-хозяйственную деятельность учреждений и предприятий УИС, создает новые условия для конкуренции производимых ими товаров, работ и услуг.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы на период 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (в ред. от 27.05.2023), эффективное функционирование уголовно-исполнительной системы должно обеспечить соблюдение законных прав и интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Одним из условий является наличие следственных изоляторов и исправительных учреждений, в которых условия содержания соответствуют законодательству Российской Федерации, с одной стороны, а также развитие производственного сектора, который может обеспечить оплачиваемый труд осужденных, с другой стороны (раздел XV).

Концепция является основой для реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Она призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в целях защиты национальных интересов и реализации задач, которые ставятся перед УИС Российской Федерации. Это взаимодействие предполагает введение рыночных механизмов в отношении товаров и услуг, производимых учреждениями и предприятиями УИС. В свою очередь, обеспечение качества производимых товаров, работ и услуг требует создания новых механизмов, а также эффективных методов и инструментов их реализации, которые будут способствовать реализации целей и задач, поставленных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период 2030 года.

По нашему мнению, одним из таких механизмов является вещное право, которое обеспечивает участникам гражданского оборота возможность обладать господством над вещью, а также передавать и(или) предоставлять права на вещь третьим лицам.

Вещное право как важнейшая подотрасль гражданского права должна реформироваться вместе с иными разделами гражданского законодательства [Ахметьянова, 2021]. Развитие собственно самого вещного права всегда было связано с институтами ограниченных вещных прав на имущество, в том числе предоставленных учреждениям и предприятиям УИС. От

попытки полностью отказаться от некоторых ограниченных вещных прав до понимания их необходимости, мы пришли к реформе содержания ограниченного вещного права и необходимости изменения статуса субъектов ограниченных вещных прав [Ахметьянова, 2013].

Реформирование гражданского законодательства было связано с существенным изменением оснований возникновения вещных прав, что повлекло масштабную реформу законодательства о недвижимости. Изменения, прежде всего, затронули земельное законодательство (Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ), поскольку земля (земельный участок) является основой для развития экономики и строительства; появились совершенно новые требования к регистрации прав на земельный участок и объекты, прочно связанные с этим участком [Суханов, 2025]. Одновременно были внесены изменения и в Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», определившие новые требования к постановке земельного участка на кадастровый учет и внесение сведений об объектах недвижимости в единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). В соответствии со ст. 10 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» при создании реестра границ земельных участков обязательно вносятся сведения о зонах с особыми условиями использования территории; отдельными статьями (напр., ст. 70 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости») уточняются требования к внесению сведений об отдельных земельных участках, входящих в состав зон с особыми условиями использования территории и к регистрации ограничений прав на данные земельные участки [Суханов, 2021].

Проблемы участия учреждений и предприятий УИС в вещных отношениях, выявление особенностей реализации прав УИС на имущество, предоставленное на праве оперативного управления, хозяйственного ведения и постоянного бессрочного пользования, являются актуальными и практически востребованными. Анализ возникающих проблем и противоречий отражается в научной литературе. Например, вопросам регистрации учреждениями УИС права оперативного управления посвящена статья Волоховой М.Б. и Демидова О.Г. [Волохова, Демидов, 2022]. Авторы обсуждают, в том числе, особенности государственной регистрации права оперативного управления, предполагая, что отсутствие государственной регистрации может создать необоснованные преимущества участия в гражданских правоотношениях юридических лиц публичного права. Авторы делают вывод о том, что для исключения споров необходимо в гражданском законодательстве предусмотреть договорные основания возникновения права оперативного управления.

В работе Глебовой Е.В. обсуждаются вопросы эффективности деятельности учреждений УИС через призму использования имущества; в перспективе автор предлагает «…пересмотреть систему хозяйствующих субъектов УИС и их вещные права на имущество» [Глебова, 2019].

Особенности владения зданиями, строениями и сооружениями (далее здания) на праве оперативного управления, создает проблему необходимости регистрации права постоянного бессрочного пользования на земельные участки, в пределах которых находятся здания. Учреждения УИС могут приобретать это право на основании акта органа власти в случаях, предусмотренных земельным, лесным и градостроительным законодательством. При этом земельный участок, предоставляемый УИС, должен обладать юридическими признаками. Это границы земельного участка, кадастровый номер, вид разрешенного использования и вид права на земельный участок. Особую актуальность эти вопросы получают в случае предоставления земельных участков унитарным предприятиям УИС, для которых передача их в постоянное (бессрочное) пользование законом не предусмотрена.

Проблема регистрации вещных прав на имущество УИС, в том числе, переданное учреждениям и предприятиям, создает определенные сложности в хозяйственной деятельности данных субъектов и влечет за собой судебные конфликты, возникающие по поводу прав на вещь.

Очень часто, споры возникают по поводу режимов использования зданий и земельных участков под ними не по целевому назначению. Например, в своем Определении от 08.09.2025 № 302-ЭС25-8078 по делу № А19-7312/2024 Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу ФКУ «Исправительная колония» по делу «о сносе здания», удовлетворил требования истца, поскольку здание находилось в плохом техническом состоянии, создающем угрозу жизни и здоровью граждан. Иных эффективных способов для предупреждения причинения вреда населению при эксплуатации не имелось. Между тем, учреждение утверждало, что возложение на него обязанности по сносу здания является фактическим вмешательством в административно-хозяйственную деятельность государственного органа.

Заключение

В настоящее время возникла серьезная необходимость пересмотреть особенности участия учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы в вещных правоотношениях. При этом, нужно согласиться, что все необходимые нормы гражданского права, регулирующие вещные права, сложились и в ближайшее время, к сожалению, не изменятся [Ахметьянова, 2011]. Необходима реализация требований, предусмотренных законом для всех правообладателей, в том числе учет имущества, определение его индивидуальных характеристик, режимов использования и особенно, разграничение государственной собственности, которое предполагает обязательную государственную регистрации прав на недвижимое имущество.

Библиография

1. Ахметьянова, З. А. О вещном праве и реформе российского законодательства / З. А. Ахметьянова // Власть Закона. – 2021. – № 2(46). – С. 38-47.
2. Ахметьянова, З. А. О правовом режиме имущества учреждений / З. А. Ахметьянова // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С. 97-102.
3. Ахметьянова, З. А. Право оперативного управления в свете совершенствования гражданского законодательства / З. А. Ахметьянова // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2. – С. 120-124.
4. Волохова, М. Б. Приобретение права оперативного управления учреждениями уголовно-исполнительной системы / М.Б. Волохова, О.Г. Демидов // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17-18 ноября 2022 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 1164-1168.
5. Глебова, Е. В. Реализация вещных прав органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: особенности и проблемы / Е.В. Глебова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2019. – № 2, том 1. – С. 153-160.
6. Ибрагимов, О. А. К вопросу о развитии системы унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы в новейшей истории России / О. А. Ибрагимов // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 2(20). – С. 99-104.
7. Клещев, С. Е. Некоторые аспекты участия федеральных казенных учреждений уголовно-исполнительной системы в отдельных видах гражданских правоотношений / С. Е. Клещев // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 1. – С. 64-68.
8. Новиков, Р. В. Право оперативного управления федеральных казенных учреждений УИС / Р. В. Новиков // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2013. – № 4(11). – С. 60-63.

9. Новиков, Р. В. Правовое регулирование учета имущества федеральных казенных учреждений УИС / Р. В. Новиков // Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина в г. Кирове. – 2015. – № 1(14).
10. Суханов, Е. А. Вещное право : Научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2017. – 560 с.
11. Суханов, Е. А. Земельный вопрос у нас не решен до сих пор / Е. А. Суханов // Закон. – 2025. – № 1. – С. 8-21.
12. Суханов, Е. А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав / Е. А. Суханов // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 16-22.

Property Rights as Legal Means for Ensuring the Effectiveness of the Criminal-Executive System of the Russian Federation

Elena V. Blinkova

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
390000, 1 Sennaya St., Ryazan, Russian Federation;
Academic Department of School of Law and Management,
Tyumen State University,
625003, 6 Volodarskogo St., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: elenablinkova@inbox.ru

Alexandra V. Karzenkova

PhD in Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
614012, 125 Karpinskogo St., Perm, Russian Federation;
e-mail: cpe2005@mail.ru

Abstract

The possibilities for effective development of the criminal-executive system are linked by the authors to the implementation of property rights of unitary enterprises and institutions of the criminal-executive system over property provided to them. The Federal Penitentiary Service, carrying out its activities directly and/or through its territorial bodies, institutions executing punishments, pre-trial detention centers, as well as enterprises, institutions, and organizations specially created to support the activities of the criminal-executive system, exercises the powers of an owner with respect to federal state property by transferring it to institutions and bodies of the criminal-executive system, enterprises of institutions executing punishments, as well as other enterprises, institutions, and organizations specially created to support the activities of the criminal-executive system, under the right of operational management and economic control. These property rights are analyzed as legal means for ensuring the effectiveness of the criminal-executive system of the Russian Federation. The article examines some features of participation of unitary enterprises and institutions of the criminal-executive system in property legal relations. The authors draw attention to the regulatory uncertainty regarding the regime of land plots transferred to unitary

enterprises. Based on regulatory legal analysis, the necessity of state registration of property rights over property transferred to unitary enterprises and institutions of the criminal-executive system is highlighted.

For citation

Blinkova E.V., Karzenkova A.V. (2025) Veshchnyye prava kak pravovyye sredstva obespecheniya effektivnosti deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Property Rights as Legal Means for Ensuring the Effectiveness of the Criminal-Executive System of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 264-270. DOI: 10.34670/AR.2025.62.41.034

Keywords

Property right, limited property rights, right of economic control, right of operational management, right of permanent perpetual use, criminal-executive system.

Reference

1. Akhmetyanova, Z. A. On Property Law and the Reform of Russian Legislation / Z. A. Akhmetyanova // The Power of Law. – 2021. – No. 2 (46). – P. 38-47.
2. Akhmetyanova, Z. A. On the Legal Regime of the Property of Institutions / Z. A. Akhmetyanova // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2011. – No. 2. – P. 97-102.
3. Akhmetyanova, Z. A. The Right of Operational Management in Light of Improving Civil Legislation / Z. A. Akhmetyanova // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2013. – No. 2. – P. 120-124.
4. Volokhova, M. B. Acquisition of the Right of Operational Management of Institutions of the Penal System / M.B. Volohova, O.G. Demidov // The criminal-executive system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept for the Development of the criminal-executive system of the Russian Federation for the period up to 2030: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical conference on the problems of execution of criminal sentences, Ryazan, November 17-18, 2022. Volume 2. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2022. – P. 1164-1168.
5. Glebova, E.V. Implementation of property rights of bodies and institutions of the penal system: features and problems / E.V. Glebova // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. – 2019. – No. 2, Volume 1. – Pp. 153-160.
6. Ibragimov, O. A. On the development of the system of unitary enterprises of the penal system in the modern history of Russia / O. A. Ibragimov // Criminal-executive law. – 2015. – No. 2 (20). – P. 99-104.
7. Kleshchev, S. E. Some Aspects of Participation of Federal State Institutions of the Penal System in Certain Types of Civil Legal Relations / S. E. Kleshchev // International Penitentiary Journal. – 2015. – No. 1. – P. 64-68.
8. Novikov, R. V. The Right of Operational Management of Federal State Institutions of the Penal System / R. V. Novikov // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2013. – No. 4 (11). – P. 60-63.
9. Novikov, R. V. Legal Regulation of Accounting of Property of Federal State Institutions of the Penal System / R. V. Novikov // Law and Practice. Scientific Works of the Institute of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin in Kirov. – 2015. – No. 1 (14).
10. Sukhanov, E. A. Property Law: A Scientific and Educational Essay / E. A. Sukhanov. – Moscow: Statut, 2017. – 560 p.
11. Sukhanov, E. A. The Land Issue Has Still Not Been Resolved / E. A. Sukhanov // Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 8-21.
12. Sukhanov, E. A. Real Estate in the System of Civil Rights Objects / E. A. Sukhanov // Journal of Russian Law. – 2021. – Vol. 25, No. 1. – Pp. 16-22.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77 **DOI: 10.34670/AR.2025.75.28.035**

Особенности патентной защиты в индустрии фармацевтики и биотехнологий: опыт России и США

Лопушанский Дмитрий Константинович

Магистр права,
Юридическая школа Университета Пенсильвании Кэри;
Юридический факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: lopushanskydm@gmail.com

Горчакова Анастасия Павловна

Ассистент,
Кафедра «Таможенная и товароведческая экспертиза»,
Международный институт управления и бизнеса ФГАОУ ВО «РОСБИОТЕХ»,
119571, Российская Федерация, Москва, ул. Врубеля, 12;
Аспирант,
Юридический институт,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: gorchakovaanastasia@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу патентной защиты в индустрии фармацевтики и биотехнологий в России и США. Последние годы отечественная индустрия фармацевтики и биотехнологий отмечена высоким ростом, и, представляется, будет расти и дальше высокими темпами. Развитие этих секторов в России требует особого внимания к состоянию законодательства в сфере патентного права – одной из важнейших отраслей права для данной индустрии. Целью статьи является проведение сравнительно-правового анализа патентной защиты лекарств в России и США. Американский опыт представляется интересным в силу длительной истории развития фармацевтического рынка и патентного права, породившей как эффективные, так и пагубные для инноваций в данной сфере институты. Наиболее предпочтительным методом исследования был выбран обзор *условий* патентования изобретений в России и США, сопровождаемый дальнейшим сравнительно правовым обзором наиболее интересных с точки зрения влияния на фармацевтическую индустрию институтов и пробелов в праве, связанных с этими *условиями*. Проведенное исследование основных условий патентования изобретений в России и США, а также обзор наиболее важных институтов и пробелов в праве, позволяет выявить актуальные проблемы патентования в сфере фармацевтики и биотехнологий в России и дать рекомендации по их нивелированию. Одним из наиболее сложных вопросов является патентование веществ, встречающихся в живой природе, живых организмов и

ДНК, а также проблема "вечнозеленых патентов". Наиболее эффективным средством борьбы с указанными проблемами может стать систематизация патентного законодательства и введение норм, направленных на нивелирование данного злоупотребления. Следующим вопросом является проблема взаимозависимости описания изобретения и формулы изобретения. Для ее разрешения необходимо в статье 1375 Гражданского кодекса Российской Федерации проработать критерий, при котором специалист действительно может воспроизвести изобретение по описанию. Кроме того, в России при анализе «новизны» отсутствует критерий "enablement" (достаточно ли раскрытие информации для того, чтобы специалист смог осуществить изобретение). Введение такого критерия при анализе критерия новизны необходимо для эффективного анализа данного условия патентования изобретения. Последней выявленной проблемой является отсутствие анализа уровня специалиста в области техники в российском законодательстве. Введение такого анализа позволило бы эффективнее разрешать патентные споры.

Для цитирования в научных исследованиях

Лопушанский Д.К., Горчакова А.П. Особенности патентной защиты в индустрии фармацевтики и биотехнологий: опыт России и США // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 271-292. DOI: 10.34670/AR.2025.75.28.035

Ключевые слова

Фармацевтическое право; геномное регулирование; уровень квалификации специалиста в области техники; вечнозеленые патенты; закон хэтча-ваксмана; патентоспособность; описание и формула изобретения.

Введение

Можно уверенно сказать, что за последние годы отечественная индустрия фармацевтики и биотехнологий сделала качественный шаг в своем развитии. Это отражается не только в значительно возросшей выручке, но растущих портфелях разработок лекарственных препаратов. Очевидно, что развитие фармацевтической и биотехнологической индустрий в России на этом не остановится, поскольку в условиях санкций спрос на продукцию со стороны отечественных фармкомпаний будет только расти. В связи с этим следует обратить внимание на состояние законодательства в сфере патентного права, поскольку эта отрасль права признается одним из важнейших драйверов инноваций в данном секторе [Понкин, Понкина, 2017: 122], [Stasi, 2023: 141].

Кроме того, необходимость обратить внимание на правовое регулирование фармацевтики и биотехнологий с точки зрения патентного права обусловлена также существующими положительными и негативными тенденциями, выделенными в Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденным Правительством РФ. Согласно данному документу, несмотря на значительный рост локализации площадок и производства отечественных препаратов за последние 10 лет, существуют также такие проблемы как:

– недостаточная гармонизация регулирования с крупными фармацевтическими рынками и

административные барьеры при проведении клинических исследований и регистрации на зарубежных рынках;

– пассивность фармацевтической отрасли в поддержке и внедрении российских разработок и приверженность партнерству с иностранными производителями;

– несовершенство правоприменительной практики в области патентования лекарственных средств.

Таким образом, выявление пробельных моментов в сфере патентного права также является необходимым для развития отечественного фармацевтического сектора, учитывая проблемы данной отрасли, выделенные Правительством РФ.

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа патентной защиты лекарств в России и США. Американский опыт представляется интересным, поскольку данная страна имеет длительную и богатую историю развития фармацевтического рынка и патентного права, что породило целый ряд институтов, которые зарекомендовали себя как эффективные, так и довольно пагубные для инноваций в данной индустрии. Проведение сравнительно-правового анализа позволит лучше понять, какие институты в сфере патентной защиты лекарств оказывают благоприятное воздействие на развитие индустрии, а какие, наоборот, являются губительными.

Кроме того, поскольку правовое регулирование в сфере патентов в мире имеет схожий характер, в том числе в России и США, а также поскольку в США институты патентного права в области фармацевтики и биотехнологий развивались на протяжении долгого времени, такой анализ *позволит спрогнозировать*, с какими проблемами патентования изобретений отечественные разработчики могут столкнуться в будущем. Соответственно,

понимание таких проблемных моментов в правовом регулировании позволит законодателям и юристам избежать препятствий на пути к развитию инноваций и обеспечить более эффективную защиту интеллектуальной собственности.

Очевидно, что патентное право – довольно обширная отрасль права, в связи с чем сравнивать все патентное законодательство России и США, которое хоть как-то связанно с лекарственными средствами, представляется бессмысленным. Наиболее целесообразным методом исследования особенностей правового регулирования здесь представляется выделение условий патентования изобретений в России и США и дальнейший сравнительно правовой обзор наиболее интересных с точки зрения влияния на фармацевтическую индустрию институтов и пробелов в праве, связанных с этими условиями.

Рассмотрим основные условия патентования изобретений. Для целей настоящей статьи будут выделены следующие элементы: патентоспособность объекта ("Patentable subject matter"); описание изобретения ("Written description"); новизна ("Novelty"); изобретательский уровень ("Nonobviousness").

Американское право имеет обширную прецедентную практику по каждому из этих условий, в том числе в сфере фармацевтики и биотехнологий, подчеркивающую фундаментальные противоречия патентного права, которые могут возникнуть при попытке запатентовать те или иные изобретения. Рассмотрение данных элементов по отдельности, а также связанных с ними институтов и пробелов в праве позволит лучше понять суть юридических вопросов, с которыми сталкивается, а также, исходя из американского опыта, может столкнуться в будущем отечественный производитель и законодатель.

Патентоспособность объекта

Условия патентоспособности изобретения установлены ст. 1350 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Запатентованный в качестве изобретения объект должен соответствовать понятию «изобретение», раскрытому в п. 1, 5 ст. 1350 ГК РФ, т.е. являться техническим решением, относящимся к продукту или способу, к применению продукта или способа по определенному назначению. Кроме того, объект патентования не может относиться к объектам, которым не предоставляется правовая охрана в качестве изобретения (п. 6 ст. 1350 ГК РФ), в число которых входят «открытия, а также научные теории и математические методы». Также не могут быть объектами патентных прав такие вещи как способы клонирования человека и его клон, результаты интеллектуальной деятельности, если они противоречат общественным интересам, принципам гуманности и морали и другое (п. 4 ст. 1349 ГК РФ).

Наиболее полезной классификацией фармацевтических патентов представляется классификация Аладышевой Ж.И., Латынцева А.В., сохраняющая так называемую классическую трёхэлементную («продукт», «способ», «применение») классификацию объектов патентоспособных изобретений:

к классу «продукт»: фармацевтические субстанции (действующие вещества биологического, биотехнологического, минерального или химического происхождения, обладающие фармакологической активностью); фармацевтические композиции (смеси, растворы и т.п.); фармацевтические комбинации; лекарственные препараты (лекарственные средства в определенной лекарственной форме);

к классу «способ»: различные технологии получения лекарственных средств;

к классу «применение»: способы профилактики или лечения, предусматривающие использование известных лекарственных средств, в которых они выполняют присущую им функцию, но при этом изменяется, например, режим, сочетание или дозировка препарата, применяются новые композиции или комбинации;

– способы профилактики или лечения, основанные на применении известных лечебных факторов по новому назначению или на использовании их нового свойства с обеспечением нового, ранее неизвестного результата;

– способы профилактики или лечения с использованием новых биологически активных веществ или факторов, а также известных, но впервые применяемых в медицине веществ [Аладышева, Латынцев, 2015: 65-70].

Таким образом, для того чтобы являться патентоспособным, объект должен относится к «продукту», «способу» или «применению», а также не входит в категории, выделенные в п. 5 ст. 1350 ГК РФ и в п. 6 ст. 1350 ГК РФ, а также в п. 4 ст. 1349 ГК РФ.

Рассмотрим опыт США. Здесь также одним из условий патентования объекта является его патентоспособность ("patentable subject matter"), как это определено в 35 U.S.C. § 101. Данный раздел указывает, что любой новый и «полезный процесс» ("process"), «машина» ("machine"), «изделие» ("manufacture") или «состав вещества» ("composition of matter"), а также любое новое и полезное усовершенствование их, могут быть признаны патентоспособными при соблюдении требований данного раздела.

При этом прецедентное право устанавливает также ограничения, аналогичные тем, что установлены в российском законодательстве. Так, судебная практика указывает, что такие категории, как «законы природы» ("laws of nature"), «природные явления» ("natural phenomena")

и «абстрактные идеи» ("abstract ideas"), не являются патентоспособным объектом ("patentable subject matter") [Nard, Craig Allen, 2022: 445].

Таким образом, на данном этапе можно заметить интересную предпосылку для возникновения споров, заключающихся в попытках провести черту между «Открытием» (или его американскими аналогами - "Laws of nature" и "Natural phenomena") и собственно изобретением. Рассмотрим проблему подробнее.

Очевидно, когда речь идет о фармацевтике и биотехнологиях, многие разработки глубоко завязаны на естественные законы природы. Соответственно, могут возникнуть следующие вопросы: возможно ли будет запатентовать химическое вещество, встречающейся в живых организмах? Возможно ли запатентовать живой организм? Возможно ли запатентовать ДНК? В настоящий момент в России не сформировалось устойчивой судебной практики по данным вопросам. Однако в США она развивается уже на протяжении более чем 100 лет.

Первым делом в США, где был поставлен вопрос о разграничении закона природы (российский аналог - "открытие") и патентоспособного объекта, было дело 1911 года Парке-Дэвис (Parke-Davis). Заявитель пытался запатентовать "изолированную и очищенную" версию вещества, находящегося в надпочечниках. Суд встал на сторону заявителя, аргументировав это тем, что, хотя само вещество могло быть природным продуктом или явлением, процесс его выделения и очистки требовал человеческого вмешательства и изобретательности, что делало его продуктом человеческого изобретения, а не простым открытием чего-то существующего в природе. Таким образом, суд установил принцип, что любое природное явление (материал) может быть запатентовано при условии, что заявленная версия является неприродной («изолированной и очищенной»).

Спустя несколько десятилетий, в деле Даймонд против Чакрабарти (1980) (Diamond v. Chakrabarty) Верховный суд США рассмотрел вопрос о том, можно ли запатентовать живой организм, а именно генетически модифицированную бактерию. Ананда Мохан Чакрабарти, микробиолог, разработал новую бактерию, способную разлагать несколько компонентов сырой нефти, которая могла пригодиться для очистки нефтяных пятен [Nard, Craig Allen, 2022: 445].

Основной вопрос заключался в том, можно ли считать генетически-измененные живые организмы объектами патентной защиты. Суд пришел к выводу, что бактерия Чакрабарти может быть признана патентоспособной и относится к «составу вещества» ("composition of matter"). Логика суда здесь такая же, как и в предыдущем деле: модифицированный микроорганизм, благодаря вмешательству человека, не был продуктом природы (категорией "laws of nature"). Данное решение Верховного суда дало значительный толчок в развитии генетических технологий и вызвало рост соответствующих патентных заявок [Nard, Craig Allen, 2022: 445].

Таким образом, к 1980 году прецедентное право вывело два важных объекта для патентования в сфере фармацевтики и биотехнологий:

– модифицированные организмы;

– "изолированные и очищенные" версии вещества относящиеся к "laws of nature".

В дальнейшем Верховный суд также выпустил ряд знаковых решений, где также проводил мысль о том, что до тех пор, пока у изобретения есть практическая польза, осязаемый результат – оно может быть запатентовано.

Однако с развитием данной индустрии биотехнологий перед Судом начали появляться еще более сложные споры.

Так, в 2006 году перед Верховным судом встал вопрос о действительности патента, который охватывает метод обнаружения дефицита кобаламина (витамина B12) или фолата путем

корреляции повышенного уровня гомоцистеина в жидкостях организма с дефицитом этих витаминов. Иными словами, в деле LabCorp v. Metabolite Laboratories, Inc., заявители попытались запатентовать метод (process), который заключался в использовании известных научных данных (корреляции между уровнем гомоцистеина и дефицитом витаминов), далее на основе этих данных делался вывод о наличии дефицита витаминов. В особом мнении судья Брейер отметил, что простое измерение уровня вещества и последующее использование знания о взаимосвязи между веществами для диагностики не должны быть патентоспособными, так как это ограничило бы доступ к базовым научным знаниям и принципам.

Высказанная идея получила свое окончательное оформление в делах Mayo Collaborative Services v. Prometheus Labs., Inc., 566 U.S. 66 (2012) (далее – Mayo) и Alice Corp. v. CLS Bank Int'l, 573 U.S. 208 (2014) (далее – Alice). Так, в деле Mayo в патенте описывался процесс, который помогал врачам определить, была ли введенная доза препарата слишком низкой или слишком высокой. Суд указал, что патентование такого метода – по сути является попыткой запатентовать абстрактную идею – взаимосвязь между метаболитом и дозировкой препарата. При этом Mayo и Alice вместе вывели новую доктрину, согласно которой для анализа является ли объект патентоспособным необходимо провести двухступенчатый анализ. Первое – необходимо определить направлена ли патентная заявка на какую-либо категорию не являющейся патентоспособным объектом. Если это так – необходимо понять есть ли в ней "inventive concept", что можно перевести как «изобретательский элемент». «Изобретательский элемент» - означает наличие в патенте чего-то большего, чем просто попытка запатентовать «законы природы» ("laws of nature") [Nard, Craig Allen, 2022: 459]. Данная доктрина получила название, известное в литературе как "Mayo/Alice Test" [Carlsen, 2022].

В настоящий момент применение теста Mayo/Alice в сферах генетического, лабораторного и иных видов медицинского тестирования и диагностики вызывает критику в академическом сообществе, поскольку суды как правило не используют данный двухступенчатый тест должным образом, а анализируют содержится ли в заявке на патент «методы подготовки» ("methods of preparation") [Jayanthi, 2021], [Carlsen, 2022]. Так, например, в деле Illumina, Inc. v. Ariosa Diagnostics истец оспорил патенты Иллюмины утверждая, что они просто описывают естественное явление (различие в размерах ДНК) и применяют его в диагностике – что не является патентоспособным объектом. Суд отказал в удовлетворении иска, указав, что в данном случае в патентах закреплены «методы подготовки», которые представляют собой не просто измерение показателей широко известными способами, а конкретные шаги по обработке ДНК с целью измерения показателей [Carlsen, 2022].

Несмотря на сложность вышеописанных доктрин, все рассмотренные в настоящем разделе судебные дела хорошо вписываются в основные принципы патентного права. С одной стороны, очевидно, что любое государство в лице законодателя и судебных органов будет заинтересовано предотвратить монополизацию базовых знаний в сфере фармацевтики и биотехнологий и будет пристально следить за попыткой запатентовать простые методы диагностики и тестирования в данной сфере. С другой стороны, было бы не разумным лишить патентной защиты любые инновации в сферах тестирования и диагностики, поскольку данные технологии, как и иные продукты фармацевтики и технологий требуют значительных временных и финансовых ресурсов для разработки. Рассмотренный американский опыт представляется полезным, поскольку он четко подсвечивает данный конфликт и показывает, что сфера патентования разработок в области генетического, лабораторного и иных видов медицинского тестирования и диагностики требует тщательной проработки со стороны законодателя и судов.

При попытке запатентовать методы диагностики и тестирования в России, непременно встанет вопрос не входят ли такие разработки в категорию «Открытия» (п. 5 ст. 1350 ГК РФ) или же, например, обладают ли такие изобретения промышленной применимостью (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Кроме того, дополнительным предохранителем против патентования объектов, не обладающих необходимым уровнем инновационности, являются Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 21.02.2023 N 107 "О государственной регистрации изобретений" (далее – Требования к документам), в частности, указывающие что к техническим результатам не относятся результаты которые «обусловлены только особенностями смыслового содержания информации, представленной в той или иной форме на каком-либо носителе».

Поскольку российская судебная система, как известно, входит в систему континентального права, а не англо-американского, урегулирование данной потенциальной проблемы следует предоставить, прежде всего, законодателю и органам исполнительной власти, нежели судам. Представляется, что наиболее удачным решением могло бы стать урегулирование наиболее важных вопросов в данной сфере на законодательном уровне и систематизация соответствующих актов.

По мнению Пиличевой А. В. наиболее эффективным способом упорядочивания законодательства в сфере фармацевтических патентов было бы, во-первых, включение в отдельный раздел ГК РФ положений, касающихся правового регулирования патентования лекарственных средств (автор предлагает уточнить особенности общих условий патентоспособности лекарственных средств, правила выдачи дополнительного патента) [Пиличева, 2016: 135]. Во-вторых, создание специального регулирования на уровне федерального закона, касающегося, в частности, определения терминов и регулирования публично-правовых вопросов, связанных с обращением лекарственных средств [Пиличева, 2016: 135]. Автор отмечает, что механизмы, предложенные в Федеральном закону от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», не совсем актуальны, ведь закон «не содержит гражданско-правовых терминов, так как полностью посвящен публично-правовым вопросам, связанным с введением в оборот лекарственных препаратов». Так, например, согласно пункту 1 статьи 4 ФЗ «О лекарственных средствах», биологическая технология указана как один из способов получения лекарственного средства. Пункт 1 статьи 1350 ГК РФ же указывает, что биологическая технология, как способ получения вещества или их комбинации, может быть самостоятельным объектом изобретения. Однако легальное определение этого термина в законодательстве отсутствует.

В настоящем разделе было выявлено, что в России существует 2 класса патентоспособных изобретений: «продукт» и «способ» (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). В США, соответственно, это - «полезный процесс» ("process"), «машина» ("machine"), «изделие» ("manufacture") и «состав вещества» ("composition of matter") (35 U.S.C § 101). Возникает вопрос: может ли продукт фармацевтики или биотехнологии быть запатентован одновременно, например, как «продукт» и «применение». Ответ положительный – изобретения в данной сфере могут защищаться сотнями патентов одновременно, в том числе разных классов, что приводит нас к следующей проблеме патентного права в данной индустрии – проблеме «вечнозеленых патентов», в США известной как "Evergreening" или "Patent thickets". Рассмотрим ее подробнее.

Проблема «вечнозеленых патентов» имеет глобальный характер и встречается в различных странах, где фармацевтические компании регистрируют патенты на свои препараты [Feldman, 2018]. «Вечнозеленые патенты» или же «патентные дебри» ("Patent thickets") называют

практику, при которой компания (или несколько компаний) получают серию патентов на один и тот же продукт с целью предотвратить или отложить вход конкурентов на рынок [Carrier, Tu, 2024: 3]. Для этого обычно регистрируется «основной» патент, который покрывает само химическое вещество и является более сильным с точки зрения возможности его оспорить [Carrier, Tu, 2024: 3]. Далее, обычно спустя несколько лет, регистрируются так называемые «вторичные патенты», которые вносят изменения, привязанные к уже существующему «сильному» патенту. Эти изменения обычно включают в себя изменение дозировки или способа доставки лекарства в организм [Carrier, Tu, 2024: 3]. Так, лекарство занимавшее первое место по прибыльности в США на 2022 год, насчитывало 132 патента, 75 из которых были выпущены всего за 3 года до начала возможности выхода дженериков на рынок. При этом, судебное оспаривание каждого патента рассчитывается примерно в 3 млн долл. США.

Данное злоупотребление широко распространено как в США [Feldman, R., 2018: 590-591], так и в России, при этом каждая страна имеет здесь свою специфику. Так, отличительной особенностью России является то, что здесь нередко несколько патентов на один и тот же продукт могут получать сами дженериковые компании, а не только владельцы оригинальных препаратов. Иными словами, если в США организация-разработчик оригинального препарата практически всегда сама регистрирует множество патентов на один и тот же продукт, чтобы продлить срок действия патентной защиты, то в России дженериковые компании могут регистрировать такие новые патенты на существующий оригинальный продукт. Причина этого заключается в уникальной регуляторике, существующей в США, которая будет рассмотрена далее. При этом стоит отметить, что Россия, представляется, более успешной в борьбе с данной проблемой в настоящий момент. Так, в 2019 году в силу вступил приказ Министерства экономического развития, внесший изменения в правила регистрации изобретений и в требования к документам при подаче заявки. В частности, обновленные правила предусматривают, что изобретение не может соответствовать условию «изобретательский уровень» в случае, если оно основано на создании химического соединения, являющегося формой уже известного соединения или его производным, которое не проявляет новых свойств в качественном или количественном отношении по сравнению с известным соединением. Кроме того, положительной чертой отечественной судебной практики также является тот, факт, что «вечнозеленые» патенты нередко оспариваются. В США же оспорить такую практику крайне сложно даже в судебном порядке главным образом потому, что сама компания-владелец оригинального препарата владеет «вторичными» патентами, продлевающими жизнь препарату. Кроме того, компания-владелец оригинального препарата будет находиться в более сильной позиции в судебном процессе, поскольку в США жюри присяжных могут участвовать в гражданских процессах, а также поскольку компания владеет полными данными исследований в отношении оригинального препарата, в отличие от истца. Таким образом, ей будет легче убедить членов жюри (не имеющих каких-либо специализированных знаний) в том, что ее «вторичные патенты» существуют не только лишь для продления жизни лекарственном препарату, а защищают уникальные разработки. Более того, Закон Хэтча-Ваксмана (Hatch-Waxman Act), изначально призванный способствовать конкуренции между дженериковыми компаниями и компаниями-владельцами оригинальных препаратов [Masur, Ouellette, 2023: 414], на деле породил стимул для заключения соглашений, по которым дженериковые компании откладывают свой выход на рынок взамен на денежное вознаграждение [Feldman, 2022: 4], что подрывает стимул дженериков судиться из-за «вечнозеленых» патентов.

Поскольку законодатель в России относительно недавно встал на путь борьбы с

«вечнозелеными» патентами, представляется полезным изучить историю Закона Хэтча-Ваксмана, а также понять почему он только поспособствовал антиконкуретным практикам, вместо того чтобы их ограничить.

Согласно ст. 1383 ГК РФ, двойное патентование запрещено, то есть получить 2 патента на одну и ту же формулу невозможно с точки зрения законодательства. При этом государственная регистрация дженерика не является использованием чужого патента в этом понимании. Отечественная судебная практика сделала выводы о том, что «государственная регистрация не входит в понятие оборота лекарственного препарата, то есть его использования, следовательно, нарушением исключительного права на изобретение не является» (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2023 года № С01-1684/2022 по делу № А41-73069/2021).

Иногда участники фарм рынка прибегают к так называемой «формуле Маркуша» - подают заявки на изобретения в максимально общем виде, описывая лишь группу химических соединений, без родового понятия. А по истечении срока охраны первоначального изобретения правообладатели подают заявки на конкретные разработки и соединения, формально ранее попадающие под защиту в таком общем виде. Так, интересно Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 июня 2020 г. по делу № СИП-740/2018, в результате которого Роспатент обязали продлить патентные права на софосбувир, хотя Роспатент и заявлял об отсутствии охранспособности объекта из-за тождественности характеристик изобретения в выданном ранее патенте. Можно сказать, что такое окно возможностей патентования сродных изобретений допускается за счет принятой в РФ доктрины эквивалентности в отношении изобретений – изобретение считается использованным в чужом изобретении только тогда, когда использован каждый признак формулы изобретения или им эквивалентный. Таким образом, подход «от общего к частному» формально допустим.

Необходимо отметить, что российское законодательство уже предусматривает процедуру, аналогичную введенной законом Хэтча-Ваксмана. Так согласно ст. 17 ФЗ "Об обращении лекарственных средств" № 61-ФЗ для регистрации дженерикового препарата необходимо подтвердить биоэквивалентность, при этом не нужно проводить полные клинические испытания. Кроме того, с 2019 года активно обсуждалось введение реестра, аналогичного «оранжевой книге», согласно которому введение в обращение дженериков препарата, международное непатентованное наименование которого занесено в реестр, станет возможным только после истечения срока действия патентной защиты оригинала. Однако идея так и не была реализована из-за критики законопроекта среди профессионального сообщества.

В соответствии со ст. 1375 ГК РФ и упомянутым выше Требованиям к документам, описание и формула изобретения являются одними из условий подачи заявки и, соответственно, получения патента. Хотя данные условия в России пока не являются предметом регулярных судебных споров, американский опыт показывает, что с развитием биотехнологий, условие описания и формулы изобретения играет одну из важнейших ролей в патентной заявке и нередко становится предметом судебных разбирательств.

Прежде чем рассматривать спорные вопросы и перспективы их урегулирования в России, представляется необходимым рассмотреть требование к описанию изобретения ("Written description") в США, а также понять мотивацию фармацевтических компаний при составлении описания изобретений. Так, требование описания изобретения содержится в статье 112 (a) Закона о патентах:

«Спецификация должна содержать письменное описание изобретения, а также способа и процесса его создания и использования в настолько полных, ясных, кратких и точных терминах,

чтобы любой специалист в области техники, к которой оно относится, или с которым оно наиболее тесно связано, смог осуществить такое изобретение. При этом изобретение должно быть описано в наиболее своем функциональном виде».

Таким образом, необходимо отметить, что в США в понятие "Written description" входит как описание изобретения ("Specification"), так и формула изобретения ("Claims"). В России же описание изобретения ("Specification") и формула изобретения ("Claims") являются также взаимосвязанными элементами как и в США, но они не входят в какое-либо более общее понятие, каким в США в данном случае является "Written description".

Согласно прецедентному праву, статья 112 (a) подразумевает наличие двух отдельных требований – письменного описания (written description), цель которого показать, что создатель действительно разработал это изобретение, и "enablement" - свойство этого описания изобретения, заключающееся в том, что любой специалист в области техники сможет осуществить такое изобретение, прочитав описание.

Проблема заключается в том, хотя в США разрешено дополнять и изменять патентную заявку, законодатель и суды не заинтересованы, чтобы в результате таких изменений заявитель, по существу, существенно расширил или заявил новое изобретение в разделе описания изобретения [Nard, Craig Allen, 2022: 162-171]. Таким образом, доктрина письменного описания (written description) подразумевает, что заявитель должен показать, что он уже изобрел данное изобретение (то есть описал его достаточно, чтобы показать, что именно он его изобрел) – это позволяет предотвратить ситуацию, когда формула изобретения (claims) охватывает больший спектр нежели описание патента (specification) [Nard, Craig Allen, 2022: 162-171].

Указанная доктрина является частым предметом споров в фармацевтической и биотехнологической индустриях. Например, в деле Indivior v. Dr. Reddy’s Labs, 18 F.4th 1323 (Fed. Cir. 2021) формула изобретения (claims) содержала следующие диапазоны полимерной матрицы: "около 40 вес. % до около 60 вес. %". Однако описание патента (specification) не обозначало заявленные диапазоны. Суд указал, что доктрина письменного описания (written description) не была удовлетворена, так как описание не предоставляло необходимой ясности и конкретного раскрытия для заявленного изобретения.

Аналогичное решение вынес суд в Boston Scientific Corp. v. Johnson & Johnson, 647 F.3d 1353 (Fed. Cir. 2011). Здесь он указал, что доктрина не была удовлетворена поскольку вещество, указанное в формуле изобретение, не было достаточно раскрыто в описании патента.

Интерес также представляет недавнее дело Juno Therapeutics v. Kite Pharma., 10 F.4th 1330 (Fed. Cir. 2021). Предметом данного спора стало описание довольно известной технологии борьбы с раком CAR-T, первая версия которого в России была зарегистрирована год назад. В данном деле в патенте, касающемся CAR-T терапии, формула изобретения включала "связывающий элемент", позволяющий Т-клеткам распознавать конкретные антигены на раковых клетках. Однако суд установил, что описание патента не содержало достаточного описания для этого "связывающего элемента". Описание изобретения не содержало достаточного количества примеров или структурных характеристик для широкой группы связывающих элементов (scFv), описанных в патенте, что привело к выводу суда о несоответствии требованиям письменного описания (written description). Таким образом, понимание данной доктрины представляется необходимым, поскольку с развитием отечественной индустрии биотехнологий, можно ожидать аналогичных споров.

Что касается доктрины enablement, описания изобретения таким способом, чтобы любой специалист в области техники смог воспроизвести такое изобретение, – данное требование

также содержит в себе набор доктрин, крайне важных для индустрии фармацевтики и биотехнологий. Возникает вопрос, насколько подробно необходимо описать (раскрыть) изобретение, чтобы любой специалист в области техники смог осуществить такое изобретение? Ответ – настолько, чтобы он смог воспроизвести изобретением без излишнего экспериментирования ("undue experimentation"). При этом, объем раскрытия изобретения зависит от «предсказуемости техники» ("the predictability of the art"). Очевидно, что предсказуемость биотехнологий не является высокой, в результате чего изобретатель, недостаточно раскрывший (описавший) изобретение рискует тем, что критерий "undue experimentation" и, соответственно, "enablement" не будут удовлетворены.

Из предыдущих дел, связанных с доктриной письменного описания (written description), мы узнали, что если заявитель указывает какие-то элементы в формуле изобретения, но не раскрывает их в описании изобретения, то это является нарушением данной доктрины. Получается, для того чтобы удовлетворить оба критерия, "written description" и "enablement", необходимо просто также раскрыть в описании элемент, указанный в формуле изобретения? Современная судебная практика в биотехнологиях указывает, что этого может быть недостаточно. Так, в деле Amgen Inc. v. Sanofi, 598 U.S. 594 (2023) Amgen описал в формуле изобретения широкие классы антител, которые могут включать в себя потенциально миллионы подклассов антител. При этом в описании изобретения он привел лишь несколько примеров таких классов антител из миллиона потенциальных. Суд указал, что критерий "enablement" здесь не выполнен, т.е. излишние эксперименты (undue experimentation) были неизбежны для понимания и использования описанных антител.

Таким образом, доктрины, связанные с описанием и формулой изобретения, показывают, что раскрытие изобретения в достаточном количестве деталей является необходимым для успешного действия патента. Могут ли тогда фармацевтические компании просто описывать максимально подробно, чтобы избежать проблем? Представляется, что чаще всего нет. Во-первых, компании заинтересованы получить патент на изобретение как можно быстрее, чтобы не уступить их конкурентам [Brody, 2016: 839-841] и вряд ли какая-либо компания готова тратить лишнее время на перестраховку. Во-вторых, компании не заинтересованы раскрывать больше подробностей своего изобретения чем требуется для получения патента, поскольку тогда конкурентам будет легче воспользоваться плодами этих разработок. Следовательно, представляется, что фармацевтические компании всегда будут стараться раскрыть как можно меньше подробностей изобретения при этом достаточное их количество чтобы удовлетворить критерии "written description" и "enablement".

Тот же паттерн по мнению авторов применим и в России. Здесь описание (specification) и формула изобретения (claims) также являются важнейшими элементами заявки на получение патента [Новоселова Л.А., 2019: 178]. Подпункт 2 пункта 2 ст. 1375 ГК РФ устанавливает, что к заявке на получение патента на изобретение должно быть приложено «описание изобретения, раскрывающее его сущность с полнотой, достаточной для осуществления изобретения специалистом в данной области техники», что можно считать схожим подходом. При этом формула является единственным документом, который устанавливает объем правовой охраны патента (как и в США) [Новоселова, 2019: 178].

Под специалистом в данной области техники понимается гипотетическое лицо, имеющее доступ ко всему уровню техники и обладающее общими знаниями в области изобретения, основанными на информации, содержащейся в справочниках, монографиях и учебниках [Новоселова, 2019: 179].

Приказ Роспатента от 21.02.2023 № 107 «О государственной регистрации изобретений» уточняет, что при проверке достаточности раскрытия сущности заявленного изобретения в документах заявки, представленных для осуществления изобретения специалистом в данной области техники проверяется в частности: 1) раскрыта ли совокупность существенных признаков, необходимых для достижения технического результата, 2) приведен ли пример осуществления такого изобретения (такой пример должен подтверждать в теории или на практике, как можно реализовать изобретение исходя из его назначения и желаемого технического результата), 3) раскрыты ли в документах заявки или в уровне техники методы и средства, с помощью которых возможно реализовать это изобретение. Если эксперт выявил несоответствие текста заявленных документов этим требованиям, заявителю предоставляется время на уточнение заявки, но при отсутствии уточнения или же в случае неудовлетворительного уточнения (стороны не достигли консенсуса в вопросах соответствия заявки требованиям), регистрирующий орган принимает решение об отказе в регистрации права (п. 52-53).

Исходя из этого можно сделать вывод, что в случае отсутствия соответствия заявки требованиям раскрытия информации и возможности специалисту в области воспроизвести такое изобретение, такое заявление не будет удовлетворено. В целом, как упоминалось выше, подходы США и России в этой части близки.

Так и ст. 1398 ГК РФ указывает, что уже выданный патент на изобретение, может быть признан недействительным полностью или частично в случае несоответствия документов заявки на изобретение или полезную модель, представленных на дату ее подачи, требованию раскрытия сущности изобретения или полезной модели с полнотой, достаточной для осуществления изобретения или полезной модели специалистом в данной области техники. То есть возможен и пост-контроль соблюдения данного критерия.

Таким образом, в России в сферах описания и формулы изобретения работают схожие доктрины, что и в США. Исключение составляет тот факт, что требование о раскрытие информации не подразделяется на две поименованные части, аналогичные "written description" и "enablement". Российское законодательство скорее идет по пути, при котором "written description" и "enablement" соотносятся как общее и частное – возможность специалистом воспроизвести изобретение включается в описательную часть заявки, без этого указания само описание будет признано недостаточным.

При этом в РФ можно говорить о критерии промышленной применимости, выраженного в п. 4 ст. 1350 ГК РФ («Изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, других отраслях экономики или в социальной сфере»). Причем категория промышленной применимости шире, чем достаточность для воспроизведения изобретения специалистом, поскольку предполагает возможность применения той или иной разработки в конкретной отрасли, для которой он предназначен, а не ограничивается конкретным экспертом.

Отсутствие деления требования раскрытия информации на наличие письменного описания (written description) и его достаточности для воспроизведения изобретения специалистом (enablement), оставляет поле для злоупотреблений, поскольку на практике возможно размытие критериев в случае, если они указаны не как равноценные характеристики заявки, а общее и частное. Дело в том, что, как мы видели в вышерассмотренных делах, в США существует практика, при которой критерий "enablement" удовлетворен (то есть специалист действительно может воспроизвести изобретение по описанию), но критерий "written description" – нет (то есть,

на момент подачи заявки, он не раскрыл изобретение в описании адекватным образом по отношению к формуле) [Nard, Craig Allen, 2022: 176]. В таком случае, фармацевтические компании будут иметь стимул патентовать технологию как можно быстрее, при этом не до конца понимая, как она работает, надеясь исправить заявку уже после подачи ее в Роспатент.

Кроме того, можно предположить, что фармацевтические компании в России также будут пытаться раскрывать изобретение ровно на столько, сколько требуется для получения патента. Как видно из рассмотренных выше дел, в сфере биотехнологий найти такой баланс может быть крайне сложным. Если же проблема с отсутствием деления доктрины раскрытия изобретения на "enablement" и "written description" может быть решена внесением соответствующих изменений в Требования к документам, утвержденным приказом Минэкономразвития России от 21.02.2023 N 107, то урегулирование объема информации, необходимого для удовлетворения критерия "enablement" (когда специалист действительно может воспроизвести изобретение по описанию), представляется крайне сложным. Проблема в том, что данный критерий обусловлен скорее общими принципами патентного права нежели каким-либо четкими характеристиками. Представляется, что наилучшим вариантом урегулирования данного вопроса было бы предоставить толкование данного критерия судам. При этом в вопросах описания и формулы изобретения также важную роль играет уровень специалиста в области техники (в США - PHOSITA). От его уровня знаний зависит объем информации, который необходимо раскрыть для того, чтобы он смог осуществить изобретение. В таком случае, возможно, рассмотренные в настоящем разделе проблемы могут быть купированы простым способом – указанием со стороны заявителя на то, что специалист в области техники является высоко квалифицированным и опытным профессионалом, следовательно, ему не нужно знать множество деталей и нюансов патентуемого изобретения? Ответ отрицательный. Заявитель, помимо всего прочего, не всегда заинтересован в «сильном» специалисте в области техники, поскольку тогда окажутся под угрозой следующие условия патентования изобретения: Новизна и Изобретательский уровень. Рассмотрим эти условия.

Отечественный законодатель определил новизну следующим образом: изобретение считается новым, если оно не известно из уровня техники в общемировом масштабе (п. 2 ст. 1350 ГК РФ). При этом, «уровень техники» включает в себя две составляющие:

– «любые общедоступные сведения, которые могут быть известны неопределенному кругу лиц ввиду наличия «принципиальной возможности у любого лица ознакомиться с информацией <…>, являющейся частью уровня техники, <…> не нарушая ограничений, установленных законодательством» [Пиличева, Анна Владимировна, 2016: 34].
– Сведения, содержащиеся в других патентах или заявках на патенты, находящихся в процессе рассмотрения [Пиличева, Анна Владимировна, 2016: 34].

В США действует аналогичная система. Так, критерий «новизны» не будет удовлетворен, если на дату подачи заявки заявленное изобретение было в соответствии со статьей 102(a): запатентовано; описано в публикации; использовано или в настоящий момент эксплуатируется публично.

При этом в двух первых случаях, применяется также критерий "anticipation requirement", что можно перевести как «требование предвосхищения» (речь идет о нечто таком, что было бы очевидно ожидать найти в источниках, связанных с изобретением). Это критерий включает в себя два условия:

– Все элементы патентной заявки должны быть описаны в одном источнике предшествующего уровня техники;

– Описание в источнике предшествующего уровня техники должно быть достаточным для того, чтобы лицо, обладающее знаниями в данной области техники (PHOSITA), смогло осуществить изобретение (enablement) [Nard, Craig Allen, 2022: 252-253].

Анализ российского и американского законодательства показывает, что условие "b)" не характерно для российского законодательства. В ГК РФ аналогичное требование входит в состав критерия «изобретательский уровень»: «Изобретение имеет изобретательский уровень, если для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники» (п. 2 ст. 1350 ГК РФ). В США в критерии «изобретательский уровень» (Nonobviosness) также содержится условие аналогичное "b)", но при рассмотрении данного критерия анализируются несколько предыдущих источников, а не один, как это делается при анализе "Novelty". Иными словами, в США при рассмотрении «новизны» и «изобретательского уровня» "enablement" проверяется сначала путем сравнения изобретения в заявке с информацией, представленной в одном источнике (критерий «новизна»), а затем "enablement" проверяется путем сравнения изобретения с информацией, представленной в нескольких источниках одновременно (критерий «изобретательский уровень»). В России же при рассмотрении «новизны» и «изобретательского уровня» "enablement" проверяется только при анализе критерия «изобретательский уровень».

Представляется, что тот или иной аналог условия "b)", или "enablement" (анализ того, достаточно ли раскрытие информации для того, чтобы специалист осуществил изобретение), все-таки должен присутствовать и при анализе «новизны» и в российском законодательстве. Причина заключается в том, что условное изобретение может быть описано в предыдущих источниках менее детально или иными словами, нежели оно описано в патентной заявке. Соответственно, в таких случаях вопрос будет сводиться к тому смог ли бы специалист (PHOSITA), прочитав условный предыдущий источник, осуществить изобретение, описанное в патентной заявке. Данное суждение подтверждается тем, что подобные проблемы уже существуют в практике [Рассомагина, 2023], а также описаны в Приказе Роспатента [Приказ Роспатента № 87, 2011].

Так, часто сталкиваются схожие заявки, отличающиеся лишь параметрами (например, длиной интервалов различных показателей, размерами объекта и т.п.), которые хотя и кажутся несущественными, но в действительности влияют на получаемый технический результат. В подобных случаях важно определить, где эта разница имеет значение, а где – нет. Здесь и становится актуальным критерий "b)", например, когда заявитель указал технический результат, достигаемый только в заявленном диапазоне значений количественного признака, который невозможно было предвидеть на основе известных сведений из уровня техники. В таком случае необходимо определить, если изменение этого значения существенно изменит технический результат и есть возможность реализации объектом указанного для него назначения, в таком случае можно говорить о новизне.

Роспатент на своем сайте приводит следующий пример – в регистрирующий орган представлен носитель рекламы из отдельных листов с подложкой и съемными прямоугольными рекламными вставками на самоклеящейся основе размером 10×4 см и площадью 40 см². Из уровня техники известен аналогичный носитель с совпадающими признаками, включая форму и размеры вставок, но без указания площади. Площадь 40 см² является следствием указанных размеров (10×4 см) и объективно присуща как известному, так и заявленному устройству. Таким образом, объекты тождественны, несмотря на отсутствие явного указания площади в уровне техники.

На основании этого Роспатент может отказать в патентовании, ссылаясь на отсутствие

новизны в соответствии с подпунктом (4) пункта 24.5.2 Регламента ИЗ, так как выявлено средство, обладающее всеми признаками заявленного изобретения.

Однако, если бы в уровне техники была указана площадь 40 см², но отсутствовали данные о форме вставок, вывод об отсутствии новизны был бы необоснованным. Площадь 40 см² может соответствовать различным формам и размерам (например, 5×8 см, 2×20 см или круг диаметром ~7,15 см), что не подтверждает тождества объектов.

Кроме того, как можно заметить, в США квалификация специалиста (PHOSITA) имеет важное значение для удовлетворения критерия новизны – чем он «сильнее», тем меньше шансов, что новое изобретение для него покажется «новым». В России же квалификация специалиста (PHOSITA) не является предметом анализа при рассмотрении «новизны». Кроме того, здесь следует вспомнить вышеописанную особенность американской правовой системы: из-за доступа к данным и наличия суда присяжных (которым сложно адекватно оценивать концепты в сфере патентования фармацевтики и биотехнологий) преимущество в суде скорее всего будет на стороне владельца изобретения – ответчика.

Хотя судебная практика в данном вопросе в фарм сфере пока не разработана, можно увидеть сходную проблему в Решении Суда по интеллектуальным правам от 29 апреля 2022 г. по делу № СИП-1347/2021 можно наблюдать зарождение такой проблемы, как нехватка компетенции специалиста для разрешения вопроса по существу. "Уралвагонзавод" оспаривал решение Роспатента от 27.11.2021, признавшее недействительным патент РФ № 2200681 на изобретение "Тележка железнодорожного вагона" на основании отсутствия изобретательского уровня.

Роспатент считал, что изобретение не имеет изобретательского уровня, так как его отличительные признаки явно следуют из уровня техники:1) наличие технологических отверстий в боковых рамах тележки, 2) крепление сменных наличников путём загиба ветвей в отверстия, 3) трапецеидальная форма ветвей (зависимый признак). Также было отмечено, что использование технологических отверстий для крепления — очевидное решение для специалиста в области машиностроения. При этом в проведении повторной экспертизы судом было отказано. Показателем изобретательского уровня может служить не только анализ уровня техники с позиции усредненного специалиста, но и оценка того, как реальные специалисты использовали оспариваемое решение после даты приоритета. В данном деле заявитель, в подтверждение этого, указал суду, что третье лицо (оспаривающее охрану изобретения) долгое время было его лицензиатом и не возражало против правовой охраны данного решения. Такое изменение мнения третьего лицензиата вызывает вопрос в компетенции экспертизы.

Рассмотренные особенности анализа новизны имеют особое значение, когда речь идет о патентовании фармацевтики и биотехнологий. Уровень специалиста (PHOSITA), а также способность предыдущих источников раскрыть объем информации, необходимый чтобы осуществить изобретение (enablement), часто становятся предметом судебных споров, связанных с критерием новизны. Так, в деле Mylan Pharms. Inc. v. Merck Sharp & Dohme Corp. (Fed. Cir., Sept. 2022) существовал источник, который раскрывал комбинацию из 957 различных солей. Вопрос заключался в том, удовлетворяла ли критерию новизны специфическая комбинация, описанная в патентной заявке, из этого длинного списка солей. Суд пришел к выводу, что предшествующий уровень техники не «предвосхитил» патентное требование. По мнению суда, огромное количество возможных вариаций из 957 солей делает необоснованным вывод о том, что специфичная комбинация из данного списка уже известна из уровня техники.

Несмотря на то, что российское и американское регулирование критерия новизны в настоящий момент на законодательном уровне является разным, представляется, что суды здесь

используют и будут использовать похожие принципы. Американский опыт показывает, что в сфере фармацевтики и биотехнологий здесь можно ожидать множество споров, предметом которых будет вопрос о том, в каких случаях определенные комбинации из известного множества комбинаций химических веществ составляют известный уровень техники. Также предметом споров может являться вопрос является ли известным уровнем техники нечто такое, что уже встречается в природе, как в деле Biogen. Ввиду изменчивости трендов в данной индустрии, урегулирование указанных вопросов предпочтительнее было бы отдать судебной системе, а также Роспатенту.

Как было отмечено, сравнивая критерии «новизны» и «изобретательского уровня» ("Nonobviosness") в России и США, можно прийти к выводу что в США «новизна» является более жестким тестом по сравнению с «изобретательским уровнем». В России же критерий «новизны» выглядит упрощенным по сравнению с американским аналогом: как минимум при анализе данного критерия в отечественном законодательстве не предусмотрен анализ уровня специалиста (PHOSITA), а также отсутствует анализ критерия "b)", рассмотренного выше. Данные условия в российском патентном праве являются предметом анализа при рассмотрении критерия «изобретательского уровня». Поэтому можно ожидать, что рассмотренные споры могут в будущем возникать также в рамках критерия «изобретательского уровня». Рассмотрим его подробнее.

Изобретательский уровень, согласно п. 2 ст. 1350 ГК РФ, является одним из критериев патентоспособности наряду с новизной и промышленной применимостью. В отличие от критерия новизны, который ориентирован на объективное наличие технического решения в существующем уровне техники, изобретательский уровень требует анализа очевидности этого решения для специалиста в данной области техники. Этот критерий учитывает возможность специалиста воспроизвести данное техническое решение путем комбинирования уже известных из уровня техники решений. Иными словами, если при анализе критерия новизна, необходимо понять, смог ли бы специалист осуществить изобретение, изучив *один* из источников, то при анализе изобретательского уровня – смог бы он осуществить изобретение, изучив *несколько* источников.

Одной из главных проблем на данном этапе является тот факт, что на уровне закона в России не учитывается уровень квалификации специалиста, который проводит оценку изобретательского уровня изобретения. При этом, в зарубежных юрисдикциях его фигура играет важную роль в данном критерии [Приказ Минэкономразвития России № 107, 2023]. Судебная практика РФ все же указывает на необходимость учета знаний специалиста – «выводы об отсутствии безапелляционной известности спорных признаков из противопоставленных источников не соотносятся с тем, что при проверке изобретательского уровня учитываются знания специалиста» (Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23.08.2022 № С01-1401/2022 по делу № СИП-134/2022).

Но как видно из судебного решения, четких критериев уровня знаний специалиста все же не предусмотрено. Тем не менее специалисты в области патентования обращают свое внимание на эту проблему. Так, Бутенко С.В. и Плаксиенко Д.Л. пишут о следующих несостыковках в рассматриваемом вопросе. Безусловно, невозможно ожидать от любого эксперта предельных знаний в той или иной области. Разные эксперты, исходя из разного опыта и материалов, могут прийти к противоположным выводам в отношении наличия изобретательского уровня. Авторы также отмечают, что субъективность оценки специалистом может повлечь злоупотребления с его стороны. Не исключена возможность признания разработки очевидной «задним числом». С

заявкой прилагается большое количество пояснительной документации, что может вызвать ситуацию, когда эксперту оно покажется очевидным и естественным из-за подробного описания, а не потому что это действительно так. Некоторые правоведы также говорят о необходимости применения к такому специалисту критерия «способность к анализу средним уровнем творческой фантазии», поскольку без этого элемента специалист не смог бы прийти к аналогичным результатам, указанным в заявке, ведь необходимо применение абстрактного мышления. Это положение можно оспорить и тем, что это слишком высокий барьер вхождения в работу специалиста, учитывая отсутствие критерия творчества и фантазии.

В этой связи Бутенко С.В. и Плаксиенко Д.Л. приходят к выводам о необходимости установления стандарта для должности специалиста в области изобретательского уровня [Бутенко, Плаксиенко, 2019, 55]. Эта идея не лишена смысла, поскольку нами было установлено отсутствие детального регулирования в этом вопросе на территории РФ, что не может не сказываться на результатах патентной проверки.

Как указывалось выше, в США от уровня квалификации специалиста (PHOSITA) зависит удовлетворение целого ряда условий патентования изобретений:

– "Enablement" при описании изобретения: достаточно ли раскрыто изобретение в описании, чтобы специалист смог его осуществить?
– Новизна ("Novelty"): сможет ли специалист «разглядеть» в предыдущих источниках ("prior art") изобретение, описанное в патентной заявке?
– Изобретательский уровень ("Nonobviousness"): чем квалифицированнее специалист, тем больше шансов, что изобретение, описанное в патентной заявке, будет для него очевидным исходя из существующего уровня техники.

Кроме того, в США при анализе «изобретательского уровня» (Nonobviosness) используется следующая структура, известная как «структура Грэма» ("the Graham Framework"): круг источников, описывающих уровень техники; различие между предшествующим уровнем техники и изобретением; уровень специалиста в области техники (PHOSITA); «Вторичные соображения» ("Secondary Considerations").

В анализ «Вторичных соображений» может входить, например: коммерческий успех; долгое существование потребности в изобретении; доказательства копирования; наличие патентов на изобретение.

Наличие «вторичных соображений», хотя позволяет суду учитывать всю полноту факторов при разрешении дела, в то же время содержит в себе слишком широкую рамку для толкования [Пиличева, 2016: 45]. Проблема усугубляется тем, что как неоднократно упоминалось выше, в США ответчик-владелец патента имеет преимущество в судебном процессе благодаря доступу к данным и наличию суда присяжных.

Кроме того, при анализе «изобретательского уровня» ("Nonobviousness") в США анализируется также уровень специалиста (PHOSITA), поскольку, как указывалось, от его квалификации в том числе зависит будет ли для него очевидным изобретение, исходя из существующего уровня техники. При анализе патентной заявки, делается вывод о том какой уровень образования должен иметь специалист, типы проблем, с которыми сталкиваются в исследуемой области, сложности технологии и другое.

Таким образом, очевидно, что институт специалиста (PHOSITA) является важным элементом определения патентоспособности изобретения. В российском патентом праве, как представляется, данный институт еще только предстоит проработать. Анализ «изобретательского уровня» ("Nonobviousness") в России отличается от американской версии не

только отсутствием анализа квалификации специалиста (PHOSITA), но также отсутствием института «Вторичных соображений» ("Secondary Considerations").

Заключение

Проведенное исследование основных *условий* патентования изобретений в России и США, а также обзор наиболее важных с точки зрения влияния на фармацевтическую индустрию институтов и пробелов в праве, связанных с этими *условиями*, позволяют выявить следующие актуальные и перспективные проблемы патентования в сфере фармацевтики и биотехнологий в России, а также дать рекомендации к их нивелированию.

Одним из самых неоднозначных вопросов ***является патентование веществ, встречающихся в живой природе, живых организмов и ДНК.*** Сложность патентования таких объектов обусловлена тем, что с одной стороны государство не заинтересовано с точки зрения политики патентного права предоставить монополию на такие объекты, как законы природы, абстрактные идеи. С другой стороны, государство заинтересовано в том, чтобы патентное право позволяло защищать инновационные разработки, таким образом стимулируя разработчиков инвестировать в них средства и время. Очевидно, что, предоставив монополию на какую-либо бактерию или закономерность в биохимии, которую можно использовать в биотехнологиях и медицинском тестировании, государство предоставит достаточно крупную монополию, включающую в себя огромные классы потенциальных объектов для патентования, в то время как подобные «изобретения» едва ли несут в себе инновации. В то же время, рассмотренные выше дела, затрагивающие такие изобретения как генетически-модифицированные бактерии и способы обработки ДНК с целью измерения её показателей, являются примером наиболее перспективных инноваций.

Следующей проблемой, порождаемой патентным правом, является ***практика "вечнозеленых патентов".*** Данный институт является одной из основных причин почему в США лекарства имеют самую высокую стоимость в мире [Lopushanskii D., 2024: 13-14]. Как показывает американский опыт, без эффективного вмешательства антимонопольных органов, данный институт ведет к монополизации в индустрии фармацевтики и биотехнологий, создавая стимулы заключать антиконкуретные соглашения [Feldman, R., 2022: 4], являющиеся более выгодной альтернативой судебному оспариванию. Представляется, что в российском законодательстве имеются позитивные тренды в направлении борьбы с "вечнозелеными патентами". Приказ Министерства экономического развития РФ от 21 февраля 2023 г. № 107 «О государственной регистрации изобретений», а также положительная практика оспаривания таких патентов как недействительныхспособствуют заложению фундамента для полной ликвидации данного злоупотребления. В частности, в новой редакции Правил устанавливается, что изобретение не может соответствовать условию «изобретательский уровень» в случае, если оно основано на создании химического соединения, являющегося формой уже известного соединения или его производным, которое не проявляет новых свойств в качественном или количественном отношении по сравнению с известным соединением.

Не менее важным институтом оспаривания может стать антимонопольная практика. Так, ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О защите конкуренции" (далее – ФЗ «О защите конкуренции») запрещает антиконкурентные соглашения между хозяйствующими субъектами, а ст. 16 запрещает действия органов власти и хозяйствующих субъектов, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции.

Примечательно, что хотя п. 4 ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает запрет на злоупотребление доминирующим положением на рынке, но действие статьи не распространяется на интеллектуальную собственность, что называется «антимонопольным иммунитетом». Таким образом, широкие полномочия участников рынка в области разработок также являются способом избегания немотивированного контроля конкуренции.

Представляется, что указанные статьи могут также стать эффективным инструментом для борьбы с практикой "вечнозеленых" патентов, защищая рынок от необоснованного ограничения конкуренции.

Проблема взаимозависимости описания изобретения и формулы изобретения требует особого внимания в фармацевтической и биотехнологической индустрии. Из рассмотренных выше американских судебных дел видно, что на практике данная проблема выражается в том, что изобретение может описываться с недостаточным количеством примеров, не недостаточно детально или охватывать слишком широкие классы элементов. Хотя в России не сложилось устойчивой практики по вопросам описания и формулы изобретений, поскольку требования ст. 1375 ГК РФ к описанию изобретения имеют схожий характер с американским аналогом, представляется, что рано или поздно подобные судебные споры начнут возникать и в отечественной практике.

Для купирования таких споров наилучшим вариантом представляется проработка критерия "enablement" в ст. 1375 ГК РФ (критерий, при котором специалист действительно может воспроизвести изобретение по описанию). В настоящий момент неясно в каком объеме и насколько детально необходимо раскрыть информацию, чтобы специалист смог осуществить изобретение. Американская судебная практика показывает, что здесь тренды крайне изменчивы, особенно когда дело касается биотехнологий, поэтому наилучшим вариантом урегулирования данного вопроса было бы предоставить толкование данного критерия судам.

Американский опыт показывает, что в сфере фармацевтики и биотехнологий можно ожидать множество споров, предметом которых будет вопрос о том, в каких случаях определенные комбинации из известного множества комбинаций химических веществ составляют известный уровень техники. Анализ российского и американского законодательства показал, что ***в России при анализе «новизны» отсутствует критерий "enablement"*** (анализ того, достаточно ли раскрытие информации для того, чтобы специалист смог осуществить изобретение). Представляется, что такой критерий необходим в российской практике, поскольку изобретение может быть описано в предыдущих источниках менее детально или иными словами, нежели в патентной заявке.

Библиография

60. Аладышева Ж.И., Латынцев А.В. Особенности защиты интеллектуальной собственности при обращении лекарственных средств и медицинских изделий // Ремедиум. Журнал о рынке лекарств и медицинской техники. 2015. No 4. С. 65-70.
61. Бутенко С.В. и Плаксиенко Д.Л. К вопросу о перспективах применения условия патентоспособности "изобретательский уровень" // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 53–56.
62. Мохов А.А., Яворский А.Н. Гены и иные образования на основе генов как объекты права интеллектуальной собственности // Гражданское право. 2018. N 4. С. 28-32.
63. Пиличева А.В. Лекарственные средства как объекты патентных прав. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 184 с.
64. Понкин И.В., Понкина А.А. Фармацевтическое право. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2017. 122 с.
65. Новоселова Л.А. (ред.). Право интеллектуальной собственности. Т. 4. Патентное право: Учебник. М.: Статут, 2019. 178 с.
66. Сдвижков М.А. Антимонопольный комплаенс в фармацевтической отрасли: проблемы и перспективы

внедрения // Российское конкурентное право и экономика. 2021. №4 (28). С. 55-56.
67. Сушкова О.В. Защита интеллектуальных прав в фармацевтической деятельности. М.: Проспект, 2016. 128 с.
68. Brody, T. (2016). Clinical Trials: Study Design, Endpoints and Biomarkers, Drug Safety, and FDA and ICH Guidelines (Second Edition), p. 897.
69. Carlsen, A. (2022). Illumina, Inc. v. Ariosa Diagnostics, Inc.: A Misguided Redefining of Patentable Subject Matter under the Mayo/Alice Test. Temple Law Review, p. 347-372.
70. Carrier, M. A., & Tu, S. S. (2024). Why Pharmaceutical Patent Thickets Are Unique. Texas Intellectual Property Law Journal, vol. 32:79, p. 79-110.
71. Feldman, R. (2018). May your drug price be evergreen. Journal of Law and the Biosciences, p. 590–647.
72. Feldman, R. (2022). The Price Tag of "Pay-for-Delay". Columbia Law & Technology Law Review, vol. 23, p. 49.
73. Jayanthi, S. (2021). A Potential Eligibility Safe Harbor for Diagnostic Patents Creates More Confusion in the Alice/Mayo Test. Harvard Journal of Law & Technology, vol. 34, Digest, Spring 2021, p. 1-8.
74. Lopushanskii D. WHAT MAKES U.S. DRUGS SO EXPENSIVE? A COMPARATIVE STUDY OF PRICE-SETTING INSTITUTIONS IN THE USA, GERMANY, AND CHINA // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2024. 7(117). С. 12-17.
75. Masur, J. S., & Ouellette, L. L. (2023). Patent Law: Cases, Problems, and Materials (3rd ed.). p. 584.
76. Nard, Craig Allen. (2022) The Law of Patents. Sixth Edition. ASPEN CASEBOOK SERIES, p. 1080.
77. Stasi, A. (2023). Biotechnology Law and Policy: Emerging Legal Issues, Cases and Materials. Springer, p. 254.

Features of Patent Protection in the Pharmaceutical and Biotechnology Industries: Experience of Russia and the United States

Dmitry K. Lopushansky

Master of Laws,
Carey Law School, University of Pennsylvania;
Law Faculty,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: lopushanskydm@gmail.com

Anastasia P. Gorchakova

Assistant,
Department of Customs and Commodity Expertise,
International Institute of Management
and Business of ROSBIOTECH Federal State
Autonomous Educational Institution of Higher Education,
119571, 12 Vrubelya St., Moscow, Russian Federation;
Graduate Student,
Law Institute,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gorchakovaanastasia@mail.ru

Abstract

This article is devoted to a comparative analysis of patent protection in the pharmaceutical and biotechnology industries in Russia and the United States. Recent years have seen high growth in the

domestic pharmaceutical and biotechnology industry, and it appears it will continue to grow at high rates. The development of these sectors in Russia requires special attention to the state of legislation in the field of patent law - one of the most important branches of law for this industry. The aim of the article is to conduct a comparative legal analysis of drug patent protection in Russia and the United States. American experience is of interest due to the long history of development of the pharmaceutical market and patent law, which has generated both effective and detrimental institutions for innovation in this field. The most preferable research method chosen was a review of patenting conditions for inventions in Russia and the United States, accompanied by further comparative legal review of the most interesting institutions from the perspective of impact on the pharmaceutical industry and gaps in law related to these conditions. The conducted research of main patenting conditions for inventions in Russia and the United States, as well as a review of the most important institutions and gaps in law, allows identifying current problems of patenting in the field of pharmaceuticals and biotechnology in Russia and providing recommendations for their mitigation. One of the most complex issues is patenting substances found in living nature, living organisms and DNA, as well as the problem of "evergreen patents". The most effective means of combating these problems may be systematization of patent legislation and introduction of norms aimed at mitigating this abuse. The next issue is the problem of interdependence of invention description and invention claims. For its resolution, it is necessary to work out in Article 1375 of the Civil Code of the Russian Federation a criterion by which a specialist can indeed reproduce the invention from the description. Furthermore, in Russia, when analyzing "novelty", the "enablement" criterion is absent (whether the disclosure of information is sufficient for a specialist to be able to implement the invention). Introducing such a criterion when analyzing the novelty criterion is necessary for effective analysis of this patenting condition for inventions. The last identified problem is the absence of analysis of the level of a person skilled in the art in Russian legislation. Introducing such analysis would allow more effective resolution of patent disputes.

For citation

Lopushansky D.K., Gorchakova A.P. (2025) Osobennosti patentnoy zashchity v industrii farmatsevticheskoy i biotekhnologiy: opyt Rossii i SShA [Features of Patent Protection in the Pharmaceutical and Biotechnology Industries: Experience of Russia and the United States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 271-292. DOI: 10.34670/AR.2025.75.28.035

Keywords

Pharmaceutical law; genomic regulation; level of a person skilled in the art; evergreen patents; Hatch-Waxman Act; patentability; description and claims of invention.

References

78. Aladysheva, Z.I., Latyntsev, A.V. (2015). Osobennosti zashchity intellektual'noi sobstvennosti pri obrashchenii lekarstvennykh sredstv i meditsinskikh izdelii. *Remedium. Zhurnal o rynke lekarstv i meditsinskoi tekhniki*, no. 4, pp. 65-70 (in Russ.).
79. Butenko S.V., Plaksienko D.L. K voprosu o perspektivakh primeneniya usloviya patentosposobnosti "izobretatel'skii uroven'" // Yuridicheskaya nauka. 2019. № 12. S. 53-56. (in Russ.).
80. Mokhov, A.A., Yavorskii, A.N. (2018). Geny i inye obrazovaniya na osnove genov kak ob"ekty prava intellektual'noi sobstvennosti. *Grazhdanskoe pravo*, no. 4, pp. 28-32 (in Russ.).
81. Pilicheva, A.V. (2016). *Lekarstvennye sredstva kak ob"ekty patentnykh prav*. Moscow: Infotropik Media, 184 p. (in Russ.).

82. Ponkin, I.V., Ponkina, A.A. (2017). *Farmatsevticheskoe pravo*. Moscow: GEOTAR-Media, 122 p. (in Russ.).
83. Novoselova, L.A. (ed.). (2019). *Pravo intellektual'noi sobstvennosti. T. 4. Patentnoe pravo: Uchebnik*. Moscow: Statut, 178 p. (in Russ.).Sdvizhkov, M.A. (2021). Antimonopol'nyi komplaens v farmatsevticheskoi otrasli: problemy i perspektivy vnedreniya. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, no. 4 (28), pp. 55-56 (in Russ.).
84. Sushkova, O.V. (2016). *Zashchita intellektual'nykh prav v farmatsevticheskoi deyatel'nosti*. Moscow: Prospekt, 128 p. (in Russ.).
85. Brody, T. (2016). *Clinical Trials: Study Design, Endpoints and Biomarkers, Drug Safety, and FDA and ICH Guidelines* (Second Edition), p. 897.
86. Carlsen, A. (2022). Illumina, Inc. v. Ariosa Diagnostics, Inc.: A Misguided Redefining of Patentable Subject Matter under the Mayo/Alice Test. *Temple Law Review*, pp. 347-372.
87. Carrier, M.A., & Tu, S.S. (2024). Why Pharmaceutical Patent Thickets Are Unique. *Texas Intellectual Property Law Journal*, vol. 32:79, pp. 79-110.
88. Feldman, R. (2018). May your drug price be evergreen. *Journal of Law and the Biosciences*, pp. 590-647.
89. Feldman, R. (2022). The Price Tag of "Pay-for-Delay". *Columbia Law & Technology Law Review*, vol. 23, p. 49.
90. Jayanthi, S. (2021). A Potential Eligibility Safe Harbor for Diagnostic Patents Creates More Confusion in the Alice/Mayo Test. *Harvard Journal of Law & Technology*, vol. 34, Digest, Spring 2021, pp. 1-8.
91. Lopushanskii D. (2024). WHAT MAKES U.S. DRUGS SO EXPENSIVE? A COMPARATIVE STUDY OF PRICE-SETTING INSTITUTIONS IN THE USA, GERMANY, AND CHINA. *Universum: Ekonomika i Yurispudenciya*, vol. 7(117), pp. 12-17.
92. Masur, J.S., & Ouellette, L.L. (2023). *Patent Law: Cases, Problems, and Materials* (3rd ed.), p. 584.
93. Nard, Craig Allen. (2022). *The Law of Patents* (Sixth Edition). ASPEN CASEBOOK SERIES, p. 1080.
94. Stasi, A. (2023). *Biotechnology Law and Policy: Emerging Legal Issues, Cases and Materials*. Springer, p. 254.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347+336+737 **DOI: 10.34670/AR.2025.27.30.036**

Использование советского рубля в денежном обращении возникших после распада СССР стран в 90-х годах XX века

Щепотьев Александр Викторович

Кандидат экономических наук, доцент,
Кафедра «Финансы и менеджмент»,
Тульский государственный университет,
300012, Российская Федерация, Тула, проспект Ленина, 92;
e-mail: shepotevsv@mail.ru

Аннотация

Распад Советского Союза в декабре 1991 года породил уникальную ситуацию в истории мировой экономики — попытку сохранения единой валюты на территории множества независимых государств. Возникшая «рублевая зона нового типа» представляла собой пример единой межнациональной денежной единицы, где советский, а затем российский рубль использовался в качестве законного платежного средства на территории новых независимых государств, не имевших в начальный период собственных национальных валют. В рамках настоящего исследования автор предлагает разделять понятия единой межнациональной и наднациональной валюты. Единая межнациональная денежная единица — законное платежное средство на территории двух и более независимых государств, при этом страны-участники не имеют самостоятельных национальных валют. Единая наднациональная денежная единица — законное платежное средство, используемое для отдельных видов платежей параллельно национальным валютам стран-участников. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации правовых и экономических аспектов денежного обращения в переходный период, выявления механизмов трансформации межнациональной валюты в национальные денежные единицы. Целью работы является анализ использования советского рубля как межнациональной валюты в 1991-1994 гг., исследование правовых основ денежного обращения в странах постсоветского пространства, выявление закономерностей введения национальных валют. Методологическая основа включает анализ нормативно-правовых актов, регулирующих денежное обращение, систематизацию статистических данных о хождении наличных денег СССР и России, сравнительный анализ моделей валютного перехода в различных государствах. Результаты демонстрируют, что децентрализованная эмиссия при отсутствии единого координирующего центра превратила рублевую зону из фактора интеграции в дезинтегрирующий механизм. Исследование показывает эволюцию советского рубля от единой межнациональной валюты к национальным денежным единицам, а также формирование уникальных моделей наднационального использования российского рубля на отдельных территориях постсоветского пространства.

Для цитирования в научных исследованиях

Щепотьев А.В. Использование советского рубля в денежном обращении возникших после распада СССР стран в 90-х годах XX века // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 293-302. DOI: 10.34670/AR.2025.27.30.036

Ключевые слова

Советский рубль, рублевая зона, межнациональная валюта, наднациональная валюта, денежное обращение, постсоветское пространство, национальные валюты.

Введение

Распад Советского Союза в декабре 1991 года стал не только геополитической катастрофой, но и положил начало уникальному в новейшей истории экономическому эксперименту — попытке сохранения единой валюты, советского рубля, в условиях множества независимых государств с собственными экономическими интересами и политическими амбициями.

Говоря о единой валюте, автор предлагает разделять единую межнациональную и наднациональную валюты (денежную единицу) [Щепотьев, 2014, Щепотьев, Яшин, 2010].

Единая наднациональная денежная единица — законное платежное средство на территории двух и более независимых государств, используемое для отдельных видов (категорий) платежей (является обязательным к приёму для погашения долга на территории данных государств; может иметь ограничения на использование в качестве законного платёжного средства по некоторым критериям); страны-участники имеют самостоятельные национальные валюты; единая наднациональная валюта имеет параллельное хождение (параллельно используется) национальным валютам. Единая наднациональная денежная единица может быть эмитирована по решению стран экономической интеграции данного союза либо уполномоченной международной организацией, созданной членами экономического союза и признается не единственным законным денежным средством, используемым странами-участниками союза экономической интеграции [Щепотьев, Щепотьев, 2011, Щепотьев, Щепотьев, 2011]. Единая межнациональная денежная единица — законное платежное средство на территории двух и более независимых государств (является обязательным к приёму для погашения долга на территории данных государств); страны-участники не имеют самостоятельных национальных валют. Единая межнациональная денежная единица может быть эмитирована страной-лидером экономической интеграции данного союза и, в этом случае, используется в денежном обращении другой страны (других стран). Страна-эмитент единой межнациональной денежной единицы имеет существенные экономические и политические преимущества относительно других стран — членов конкретного экономического союза [Щепотьев, 2005; Щепотьев, 2004; Щепотьев, 2005].

Возникшая «рублевая зона нового типа» объединила большинство бывших советских республик, за исключением стран Балтии, в рамках общего денежного пространства. Изначально предполагалось, что сохранение рубля позволит поддержать разорванные хозяйственные связи, смягчить экономический шок от распада единого народно-хозяйственного комплекса и обеспечить плавный переход к рыночным отношениям [Грузицкий, 2013]. История советского рубля до момента распада СССР показывает последовательное развитие денежной системы через ряд реформ [Рогачевская, Новикова, 2010], однако просчеты советского правительства в конце 80-х годов, включая неконтролируемый рост денежной массы и либерализацию внешней торговли, подготовили почву для развала денежной системы [Гажала, 2013]. Это начинание было обременено фундаментальными противоречиями. Главным из них стало отсутствие единого эмиссионного центра и скоординированной денежно-кредитной политики. Центральные банки новообразованных государств получили возможность

осуществлять кредитную эмиссию, что фактически означало право печатать безналичные рубли для финансирования своих национальных бюджетов и поддержки предприятий [Ульянова, 2011].

В данный период рубль функционировал именно как единая межнациональная денежная единица в авторском понимании — Россия как правопреемница СССР выступала эмитентом наличных рублей, которые использовались в других государствах, не имевших собственных валют. Эта ситуация принудительной экономической интеграции через общую валюту создавала для России как страны-эмитента существенные экономические преимущества, но одновременно порождала и риски неконтролируемой эмиссии со стороны партнеров [Щепотьев, 2004; Щепотьев, 2005].

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование базируется на принципах системного подхода и сравнительного историко-экономического анализа. В качестве основных материалов были использованы статистические данные центральных банков Российской Федерации и ряда других стран СНГ за период с 1991 по 1995 год, аналитические отчеты Международного валютного фонда и Всемирного банка, а также научные публикации отечественных и зарубежных экономистов, посвященные проблемам монетарной политики в странах с переходной экономикой.

Особое внимание уделено анализу нормативно-правовых актов, регулировавших денежное обращение в странах рублевой зоны. При анализе отказа СССР от международных расчетов с использованием переводного рубля и перехода к расчетам в свободно конвертируемой валюте учитывался историко-правовой аспект этого процесса [Лукашевич, 2020].

Информационной базой послужили официальные статистические сборники, отражающие динамику хождения наличных денег образца СССР и России, объемы изъятия советских банкнот из обращения, данные о выпуске временных денежных знаков (купонов, талонов) в различных республиках. Проведен нумизматический и бонистический анализ денежных знаков периода 1991-1995 гг., включая советские рубли, российские рубли образца 1993 г., переходные купоны и первые выпуски национальных валют [Герасимов, 2010; Денисов, 2004]. Для понимания эволюции советской денежной системы были изучены предшествующие денежные реформы, включая реформу 1947 года, которая продемонстрировала возможности централизованного управления денежным обращением в условиях единого государства [Лаптева, 2017; Попов, 2001].

Основными методами исследования выступили статистический анализ, контент-анализ нормативных актов и метод сравнительного анализа. С помощью сравнительного анализа проводилось сопоставление последствий различных стратегий валютного перехода для разных групп стран: тех, кто оперативно ввел национальную валюту (страны Балтии), тех, кто использовал переходные купоны (Украина, Литва), и тех, кто оставался в рублевой зоне дольше (страны Средней Азии, Беларусь). Отдельное внимание уделено уникальным случаям сохранения российского рубля или создания параллельных валютных систем [Баканов, 2024; Белоусов, Бирюков, 2013].

Результаты и обсуждение

Ключевой проблемой функционирования рублевой зоны 1992-1994 гг. стало правовое и

фактическое противоречие между единым характером валюты и множественностью центров денежной эмиссии. В то время как эмиссия наличных денег оставалась прерогативой Банка России как правопреемника Госбанка СССР, центральные банки других независимых государств осуществляли неограниченную кредитную эмиссию безналичных рублей. Советский рубль в этот период трансформировался из единой валюты союзного государства в межнациональную валюту, эмитируемую Россией, но используемую странами, не имевшими собственных денежных единиц.

Эта децентрализованная и неконтролируемая эмиссия быстро превратила рублевую зону в арену монетарного хаоса. Каждая страна, стремясь решить собственные краткосрочные экономические проблемы, перекладывала инфляционное бремя на своих соседей. Результатом стала гиперинфляция, стремительно обесценивавшая доходы и сбережения населения по всему постсоветскому пространству. Различия в темпах либерализации цен, скоростях проведения реформ и масштабах бюджетных дефицитов приводили к возникновению огромных дисбалансов. Нижеприведенные таблицы наглядно демонстрируют количественные параметры этого процесса распада.

Таблица 1 - Сравнительные годовые темпы инфляции в отдельных странах рублевой зоны (1992-1993 гг.), %

Страна	1992 г.	1993 г.
Россия	2508,8	840,1
Украина	2000,1	10155,5
Беларусь	1016,3	1993,7
Казахстан	2960,5	2169,3
Узбекистан	847,2	1152,4

Анализ данных, представленных в таблице 1, выявляет катастрофические масштабы и крайнюю неоднородность инфляционных процессов на территории рублевой зоны. Если в 1992 году темпы инфляции, хотя и были чрезвычайно высокими, находились в сопоставимом диапазоне (от 847,2% в Узбекистане до 2960,5% в Казахстане), то уже в 1993 году наблюдается резкая дивергенция. Наиболее показателен пример Украины, где инфляция достигла пятизначного числа — 10155,5%, что является классическим признаком гиперинфляции и свидетельствует о полной потере контроля над денежной эмиссией со стороны национальных властей. В то же время в России, несмотря на проведение более жесткой (в сравнении с другими странами СНГ) монетарной политики, инфляция снизилась до 840,1%, что, тем не менее, оставалось губительным для экономики.

Разница в темпах инфляции между странами, использующими одну и ту же межнациональную валюту, является экономическим нонсенсом и прямым следствием дезинтеграции денежной системы. Такая ситуация делала невозможными любые межгосударственные расчеты по единым ценам и стимулировала введение всевозможных ограничений на вывоз товаров и капитала. Существование общего рубля при разной его покупательной способности в Москве, Киеве или Ташкенте фактически означало наличие нескольких разных «рублей». Данные таблицы 1 наглядно иллюстрируют, что к 1993 году единое монетарное пространство перестало существовать де-факто, и его формальная ликвидация была лишь вопросом времени.

Данные таблицы 2 раскрывают внутренний механизм инфляционного взрыва, показанного в таблице 1. Ключевым фактором являлась кредитная эмиссия, осуществляемая национальными

центральными банками. Во всех представленных странах ее доля в приросте денежной массы значительно превышала долю эмиссии наличных денег, которая контролировалась Россией как эмитентом межнациональной валюты. Например, в Беларуси кредитная эмиссия составила 41,2% от ВВП, что почти в три раза превысило объем выпущенных в обращение наличных денег (13,9% от ВВП). Это свидетельствует о том, что основным источником инфляционного давления были не столько печатные станки Гознака, сколько решения центральных банков новых независимых государств о предоставлении ничем не обеспеченных кредитов своим правительствам и неэффективным госпредприятиям.

Таблица 2 - Структура денежной эмиссии по отношению к ВВП в 1992 г., %

Страна	Эмиссия наличных денег	Кредитная эмиссия	Суммарный прирост М2
Россия	12,3	28,5	40,8
Казахстан	15,1	35,8	50,9
Беларусь	13,9	41,2	55,1
Туркменистан	18,4	45,3	63,7

Сравнительный анализ показывает, что относительные масштабы монетарной экспансии были выше в тех странах, экономика которых была слабее и требовала большей финансовой поддержки. Суммарный прирост денежной массы (М2) по отношению к ВВП в Туркменистане (63,7%) и Беларуси (55,1%) был существенно выше, чем в России (40,8%). Это означает, что эти страны вносили непропорционально большой вклад в обесценение общего рубля, фактически получая инфляционный налог от всех участников рублевой зоны, и в первую очередь от России как крупнейшей экономики и эмитента наличной межнациональной валюты. Такая ситуация создавала для Российской Федерации мощные стимулы к выходу из рублевой зоны и защите собственной денежной системы.

Нормативно-правовая база этого периода характеризовалась фрагментарностью и противоречивостью. Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. не содержало четких положений о координации денежной политики. Попытки создать межгосударственный банк СНГ и унифицировать денежно-кредитную политику не увенчались успехом из-за нежелания стран делегировать монетарный суверенитет наднациональному органу.

Таблица 3 - Хронология перехода от советского рубля к национальным валютам и особые случаи

Страна	Введение временных купонов	Введение национальной валюты	Особенности
Эстония	—	20.06.1992 (крона)	Первая страна с полным выходом
Латвия	07.05.1992 (латвийский рубль)	05.03.1993 (лат)	Двухэтапный переход
Литва	01.10.1992 (талоны)	25.06.1993 (лит)	Талоны как переходная мера
Украина	10.01.1992 (купоно-карбованец)	02.09.1996 (гривна)	Длительный переходный период
Кыргызстан	—	10.05.1993 (сом)	Прямой переход
Россия	—	26.07.1993 (обмен банкнот)	Денежная реформа 1993 г.
Казахстан	—	15.11.1993 (тенге)	Соглашение с Россией о рубле

Анализ хронологии, представленной в таблице 3, показывает, что страны Балтии первыми осуществили переход к национальным валютам, стремясь отгородиться от гиперинфляции, охватившей рублевую зону. Эстония 20 июня 1992 года ввела крону, полностью отказавшись от рубля. Это решение имело не только экономическую, но и политическую мотивацию — демонстрацию полного суверенитета. Хронология введения национальных валют представляет собой логическое следствие экономических процессов, отраженных в таблицах 1 и 2. Она демонстрирует последовательный, хотя и растянутый во времени, процесс распада рублевой зоны.

Другие республики использовали переходные стратегии. Украина ввела купоно-карбованцы, которые первоначально имели паритет с рублем, но быстро начали обесцениваться. Литва использовала систему талонов. Эти временные денежные знаки фактически превращали единый рубль в несколько разных «рублей» с различной покупательной способностью на разных территориях. Такой переходный период был сопряжен с дополнительными трудностями, включая хаос в системе расчетов и быстрый рост инфляции, как это видно на примере Украины из таблицы 1.

Решающим событием стала денежная реформа в России 26 июля 1993 года, когда советские банкноты образца 1961-1992 гг. были объявлены недействительными и обменивались на банкноты Банка России образца 1993 года. Этот шаг фактически завершил существование рублевой зоны как системы межнациональной валюты, вынудив оставшиеся страны срочно вводить собственные валюты, поскольку старые советские рубли хлынули на их рынки из России. Данные таблицы 3 наглядно иллюстрируют, что к концу 1993 года единое монетарное пространство было окончательно ликвидировано де-юре после его фактического распада де-факто.

Таблица 4 - Соотношение номинального и реального эффективного обменного курса рубля, 1992-1994 гг. (1991 г. = 100)

Год	Индекс номинального курса (рост = ослабление)	Индекс инфляции в РФ (CPI)	Индекс реального курса (рост = укрепление)
1992	13415,7	2608,8	198,3
1993	58975,9	940,1	241,5
1994	196867,5	315,1	295,6

Анализ динамики обменного курса рубля в таблице 4 вскрывает еще один парадокс эпохи гиперинфляции. Номинальный курс рубля по отношению к доллару США катастрофически падал: к 1994 году он обесценился почти в 200 тысяч раз по сравнению с официальным курсом 1991 года. Это отражало общее недоверие к валюте и огромный инфляционный навес. Однако, если учесть разницу в темпах инфляции в России и ее торговых партнерах (в первую очередь США, где инфляция была низкой), то картина реального обменного курса оказывается совершенно иной. Индекс реального курса демонстрирует не ослабление, а значительное и последовательное укрепление. В 1992 году реальный курс укрепился почти вдвое, а к 1994 году — почти втрое по сравнению с уровнем 1991 года.

Это означает, что внутренние цены в России росли значительно быстрее, чем обесценивался рубль на валютном рынке. Такое укрепление реального курса имело крайне негативные последствия для российской экономики. Оно делало импортные товары искусственно дешевыми, подрывая конкурентоспособность отечественных производителей, которые и так находились в глубоком кризисе. Одновременно это било по экспортерам, чья валютная выручка

в рублевом эквиваленте росла медленнее, чем их внутренние издержки. Подобная динамика реального курса является характерной чертой многих гиперинфляционных экономик и свидетельствует о полной разбалансировке макроэкономических пропорций и неэффективности валютного рынка как индикатора реальной стоимости активов. Это еще раз подчеркивает, что рубль перестал выполнять базовые функции денег как межнациональной валюты.

Сводный анализ таблиц

Сводный анализ представленных таблиц позволяет реконструировать целостную картину коллапса рублевой зоны. Данные по инфляции (табл. 1) демонстрируют конечный результат — монетарный хаос, в то время как данные по структуре эмиссии (табл. 2) раскрывают его первопричину — безответственную кредитную политику национальных центральных банков. Математически можно утверждать о наличии сильной положительной корреляции (с коэффициентом, превышающим 0,8) между показателем суммарного прироста денежной массы к ВВП в 1992 году и уровнем инфляции в соответствующей стране в 1993 году. Эта зависимость подтверждает фундаментальное положение монетарной теории о прямой связи между ростом денежной массы и уровнем цен, особенно в условиях спада производства.

Хронология выхода стран из рублевой зоны (табл. 3) не является случайным набором дат, а представляет собой рациональную реакцию национальных правительств на ухудшающиеся экономические условия. Сравнивая таблицы 1 и 3, можно заметить, что страны, столкнувшиеся с наиболее высокими темпами инфляции (например, Украина), были вынуждены раньше других прибегнуть к использованию денежных суррогатов. Решительные действия России в июле 1993 года, по сути, стали ответом на продолжающуюся «монетарную агрессию» со стороны партнеров по СНГ, чья кредитная экспансия (табл. 2) подрывала и российский денежный рынок.

Динамика обменного курса (табл. 4) является внешним отражением внутреннего кризиса. Укрепление реального курса в условиях гиперинфляции и коллапса номинального курса — это яркий индикатор полной потери доверия к национальной валюте и разрушения всех макроэкономических механизмов. Невозможность рубля выполнять функции меры стоимости и средства сбережения как внутри страны, так и в международных расчетах делала его использование в качестве межнациональной валюты бессмысленным. Все четыре таблицы, таким образом, описывают разные грани одного и того же процесса: неизбежной дезинтеграции монетарной системы, лишенной единого центра управления и общей политической воли.

Правовые аспекты денежного обращения

Нормативно-правовое регулирование использования рубля в постсоветский период характеризовалось постепенным переходом от единого союзного законодательства к национальным правовым системам. Ключевыми правовыми актами стали Законы о центральных банках новых независимых государств, определявшие их эмиссионные полномочия.

Анализ этих документов показывает, что правовое оформление валютных отношений значительно отставало от экономических реалий, что усугубляло хаос в денежном обращении.

Заключение

Проведенное исследование показало, что попытка сохранения советского рубля как единой межнациональной валюты для независимых государств была обречена на провал из-за неразрешимого противоречия между множественностью суверенных центров принятия решений и отсутствием единого наднационального координирующего органа.

Советский рубль в 1991-1994 гг. прошел эволюцию от валюты единого союзного государства через стадию межнациональной валюты (используемой несколькими независимыми государствами без собственных валют) к множеству национальных денежных единиц. Россия как страна-эмитент наличных рублей получала определенные преимущества, но неконтролируемая кредитная эмиссия партнеров по СНГ делала эти преимущества иллюзорными. Введение национальных валют являлось не политическим выбором, а экономической необходимостью для прекращения гиперинфляции и установления монетарного суверенитета. Страны, раньше вышедшие из рублевой зоны (Балтия), получили преимущества в макроэкономической стабилизации.

Опыт рублевой зоны 90-х годов остается важным для понимания принципов функционирования межнациональных и наднациональных валют, демонстрируя, что общая валюта требует либо тесной политической интеграции с единым центром ответственности, либо четкого разграничения полномочий в рамках наднациональной модели.

Библиография

95. Щепотьев А.В. Единая денежная единица // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Пути формирования эффективной социально-экономической модели трансформирующейся России». Пенза: Приволжский дом знаний, 2005. С. 51-52.
96. Щепотьев А.В. Принудительная экономическая интеграция // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие России в XXI веке». Пенза: Приволжский дом знаний, 2004. С. 19-22.
97. Баканов С.А. Денежное обращение в СССР в период между реформами 1947 и 1961 гг. // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 3. С. 100-109.
98. Щепотьев А.В. Развитие рубля как резервной валюты. Монография. М.-Берлин: Директ Медиа, 2014. 35 с.
99. Щепотьев А.В. Денежное обращение при принудительной экономической интеграции // Соломоново решение: финансово-правовой вестник. 2005. № 1. С. 57-59.
100. Щепотьев А.В., Яшин С.А. Единая рублевая зона // Тульский институт экономики и информатики на рубеже второго десятилетия: Сборник научных трудов / Науч. ред. Г.Н. Лищина. Тула: НОО ВПО НП «ТИЭИ», 2010. С. 367-378.
101. Щепотьев А.В., Щепотьев А.И. Интеграционные процессы: рубль как резервная валюта // Проблемы экономики и информатизации образования: Материалы VIII Международной (юбилейной) науч.-практ. конф. Тула, 14-15 апреля 2011 г. / Науч. ред. Е.Б. Карпов, Г.Н. Лищина. Тула: НОО ВПО НП «ТИЭИ», 2011. С. 254-258.
102. Щепотьев А.В., Щепотьев А.И. Создание единой наднациональной валюты на постсоветском пространстве // Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве: Материалы всерос. науч.-практ. конф., 28-29 октября 2011 г., Волгоград. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. С. 485-491.
103. Белоусов В.Д., Бирюков В.А. Проблемы денежного обращения в первые годы советской власти // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. 2013. № 1 (7). С. 5-14.
104. Гажала А.В. Просчеты советского правительства в конце 80-х и развал крупнейшего в истории Союза // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. 2013. № 2-2 (11). С. 21-26.
105. Герасимов М.В. Разорванный рубль СССР: энциклопедический справочник по организации денежного обращения на постсоветском пространстве: в 2 т. Москва, 2010.
106. Грузицкий Ю.Л. Распад советской рублевой зоны // Финансы, учет, аудит. 2013. № 7. С. 38-39.
107. Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917-2005 годов: [каталог]. Москва, 2004. 416 с.

108. Лаптева Е.В. Англо-американская историография о денежной реформе 1947 г. в СССР // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-4 (86). С. 111-114.
109. Лукашевич Д.А. Отказ СССР от международных расчетов с использованием «переводного рубля» и переход к расчетам в свободно конвертируемой валюте (1989-1991). Историко-правовой аспект // Закон и право. 2020. № 11. С. 46-49.
110. Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61-76.
111. Рогачевская М.А., Новикова И.А. История советского рубля // Сибирская финансовая школа. 2010. № 2 (79). С. 137-142.
112. Ульянова М.В. Предпосылки, тенденции и противоречия реформирования советской экономики в 1965-1991 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2011. 24 с.

Use of the Soviet Ruble in Monetary Circulation of Countries Emerging After the USSR Collapse in the 1990s

Alexander V. Shchepotev

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Department of "Finance and Management",
Tula State University,
300012, 92 Lenina Ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: shepotevsv@mail.ru

Abstract

The collapse of the Soviet Union in December 1991 gave rise to a unique situation in world economic history - an attempt to preserve a single currency across the territories of numerous independent states. The emerging "ruble zone of a new type" represented an example of a unified multinational monetary unit, where the Soviet, and later Russian, ruble was used as legal tender on the territories of new independent states that did not have their own national currencies in the initial period. Within this research, the author proposes distinguishing between the concepts of unified multinational and supranational currency. A unified multinational monetary unit is legal tender on the territory of two or more independent states, while participating countries do not have independent national currencies. A unified supranational monetary unit is legal tender used for specific types of payments parallel to national currencies of participating countries. The relevance of the research is determined by the need to systematize legal and economic aspects of monetary circulation during the transitional period, identifying mechanisms for transforming multinational currency into national monetary units. The aim of the work is to analyze the use of the Soviet ruble as a multinational currency in 1991-1994, investigate legal foundations of monetary circulation in post-Soviet countries, and identify patterns of national currency introduction. The methodological basis includes analysis of normative legal acts regulating monetary circulation, systematization of statistical data on circulation of USSR and Russia cash, comparative analysis of currency transition models in various states. The results demonstrate that decentralized emission in the absence of a unified coordinating center turned the ruble zone from an integration factor into a disintegrating mechanism. The research shows the evolution of the Soviet ruble from a unified multinational currency to national monetary units, as well as the formation of unique models of supranational use of the Russian ruble in specific territories of the post-Soviet space.

For citation

Shchepotev A.V. (2025) Ispol'zovaniye sovetskogo rublya v denezhnom obrashchenii voznikshikh posle raspada SSSR stran v 90-kh godakh XX veka [Use of the Soviet Ruble in Monetary Circulation of Countries Emerging After the USSR Collapse in the 1990s]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 293-302. DOI: 10.34670/AR.2025.27.30.036

Keywords

Soviet ruble, ruble zone, multinational currency, supranational currency, monetary circulation, post-Soviet space, national currencies.

References

1. Shchepotyev A.V. Unified monetary unit // Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference "Ways of forming an effective socio-economic model of a transforming Russia". Penza: Privolzhsky House of Knowledge, 2005. pp. 51-52.
2. Shchepotyev A.V. Forced economic integration // Collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference "Socio-economic development of Russia in the XXI century". Penza: Privolzhsky House of Knowledge, 2004. pp. 19-22.
3. Bakanov S.A. Monetary circulation in the USSR in the period between the reforms of 1947 and 1961. // History and modern worldview. 2024. Vol. 6. No. 3. pp. 100-109.
4. Shchepotyev A.V. The development of the ruble as a reserve currency. Monograph. M.-Berlin: Direct Media, 2014. 35 p.
5. Shchepotyev A.V. Monetary circulation during forced economic integration // Solomonovo decision: financial and legal bulletin. 2005. No. 1. pp. 57-59.
6. Shchepotyev A.V., Yashin S.A. The Unified ruble zone // Tula Institute of Economics and Informatics at the turn of the second decade: A collection of scientific papers / Scientific ed. by G.N. Lischin. Tula: NOO VPO NP "TIEI", 2010. pp. 367-378.
7. Shchepotyev A.V., Shchepotyev A.I. Integration processes: the ruble as a reserve currency // Problems of economics and informatization of education: Proceedings of the VIII International (jubilee) Scientific and Practical Conference. Tula, April 14-15, 2011 / Scientific editorship of E.B. Karpov, G.N. Lischina. Tula: NOO VPO NP "TIEI", 2011. pp. 254-258.
8. Shchepotyev A.V., Shchepotyev A.I. Creation of a single supranational currency in the post-Soviet space // Innovative potential of the modern region: problems of regional security and intraregional integration in the post-Soviet space: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, October 28-29, 2011, Volgograd. Volgograd: Publishing house of FGOU VPO VAGS, 2011. pp. 485-491.
9. Belousov V.D., Biryukov V.A. Problems of monetary circulation in the early years of Soviet power // Bulletin of Samara State Technical University. Series: Economic Sciences. 2013. No. 1 (7). pp. 5-14.
10. Gazhala A.V. Miscalculations of the Soviet government in the late 80s and the collapse of the largest Union in the history // Information technologies and systems: management, economics, transport, law. 2013. No. 2-2 (11). pp. 21-26.
11. Gerasimov M.V. The torn ruble of the USSR: an encyclopedic guide to the organization of monetary circulation in the post-Soviet space: in 2 volumes. Moscow, 2010.
12. Gruzitsky Yu.L. The collapse of the Soviet ruble zone // Finance, accounting, audit. 2013. No. 7. pp. 38-39.
13. Denisov A.E. Paper banknotes of the RSFSR, USSR and Russia of 1917-2005: [catalog]. Moscow, 2004. 416 p.
14. Lapteva E.V. Anglo-American historiography on the monetary reform of 1947 in the USSR // Economics and Entrepreneurship. 2017. No. 9-4 (86). pp. 111-114.
15. Lukashevich D.A. The USSR's rejection of international settlements using the "transferable ruble" and the transition to settlements in freely convertible currency (1989-1991). Historical and legal aspect // Law and Law. 2020. No. 11. pp. 46-49.
16. Popov V.P. Stalin and the Soviet economy in the post-war years // National History. 2001. No. 3. pp. 61-76.
17. Rogachevskaya M.A., Novikova I.A. The history of the Soviet ruble // Siberian Financial School. 2010. No. 2 (79). pp. 137-142.
18. Ulyanova M.V. Prerequisites, trends and contradictions of the reform of the Soviet economy in 1965-1991: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2011. 24 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 336.748.12(478.9-25) **DOI: 10.34670/AR.2025.31.60.037**

Использование рубля на территории непризнанного государства Приднестровская Молдавская Республика

Щепотьев Александр Викторович

Кандидат экономических наук, доцент,
Кафедра «Финансы и менеджмент»,
Тульский государственный университет,
300012, Российская Федерация, Тула, проспект Ленина, 92;
e-mail: shepotevsv@mail.ru

Аннотация

Экономическая система непризнанных государственных образований, таких как Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), характеризуется высокой неопределенностью, политической изоляцией и зависимостью от внешних факторов, что приводит к валютному замещению или долларизации, подрывающей монетарный суверенитет. В ПМР, изолированной в условиях блокады, тесные экономические связи с Российской Федерацией обусловили значительную роль российского рубля как единой межнациональной денежной единицы, создав де-факто бивалютную систему. Исторически в ПМР сохранялось использование советского рубля (позднее- российского рубля) с маркой Суворова в 1990-х годах, что демонстрирует преемственность рублевой зоны на постсоветском пространстве. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки реального уровня экономического суверенитета ПМР через призму концепции межнациональной валюты и выявления механизмов влияния рубля на макроэкономическую стабильность. Проблема заключается в неконтролируемом обращении иностранной валюты, создающем теневой рынок и ограничивающем эффективность государственной политики. Цель работы — провести комплексный анализ масштабов, динамики и последствий использования российского рубля в экономике ПМР как межнациональной денежной единицы на основе статистических данных и эконометрических оценок за 2019–2023 годы с учетом исторического контекста. Информационная база включала официальные публикации Приднестровского республиканского банка (ПРБ), данные таможенного комитета о внешней торговле, аналитические отчеты и социологические опросы о предпочтениях населения в сбережениях. Часть данных реконструирована косвенными методами на основе динамики денежных переводов из РФ и структуры валютных депозитов. Методологическая основа сочетает системный подход к анализу денежного обращения в непризнанных государствах, статистические методы (динамические ряды, структурные сдвиги), корреляционно-регрессионный анализ для выявления связей между притоком рубля и курсом приднестровского рубля, а также сравнительный анализ структуры сбережений и депозитов. Оценка уровня валютизации адаптирована к специфике экономики ПМР. Результаты показали устойчивое снижение доли приднестровского рубля в сбережениях населения (с 38,21% в 2019 году до 29,53% в 2023 году), с ростом роли российского рубля (на 2,66 п.п.) и доминированием доллара США и евро (на 6,02 п.п.). В расчетах за импорт

из РФ рубль составляет 88,3% транзакций. Корреляционный анализ выявил сильную отрицательную связь (-0,812) между объемом рублевых переводов и курсом приднестровского рубля к доллару, объясняющую 65,9% вариации курса. Структура депозитов подтверждает рублизацию (18,23% в 2023 году), но с преобладанием твердых валют (37,05%). Обсуждение результатов подтверждает, что рубль доминирует в транзакционной сфере, но уступает в сберегательной, создавая зависимость от РФ и дестабилизируя рынок. Выявленный порочный круг (приток рубля ослабляет национальную валюту, снижая доверие) ограничивает монетарную политику ПРБ. Ограничения включают частичную закрытость данных, требующую косвенных оценок. Рекомендуется диверсификация валютных резервов, укрепление контроля за переводами и развитие собственной валюты для повышения суверенитета, что минимизирует риски и стабилизирует экономику в условиях изоляции.

Для цитирования в научных исследованиях

Щепотьев А.В. Использование рубля на территории непризнанного государства Приднестровская Молдавская Республика // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 303-317. DOI: 10.34670/AR.2025.31.60.037

Ключевые слова

Российский рубль, Приднестровская Молдавская Республика, валютное замещение, межнациональная валюта, монетарный суверенитет, единая рублевая зона, долларизация.

Введение

Экономическая система непризнанных государственных образований представляет собой уникальный объект для исследования, характеризующийся высокой степенью неопределенности, политической изоляцией и зависимостью от внешних факторов. В таких условиях функционирование национальной денежно-кредитной системы сталкивается с комплексом фундаментальных вызовов, среди которых ключевое место занимает проблема валютного замещения, или долларизации. Этот процесс, при котором иностранная валюта начинает вытеснять национальную в выполнении ее основных функций — средства обращения, меры стоимости и средства сбережения, — подрывает основы монетарного суверенитета и снижает эффективность государственной экономической политики [Меркушин, Курносова, 2019]. Для научного осмысления феномена использования рубля на территории ПМР необходимо обратиться к концептуальному разграничению типов единых валют. **Единая межнациональная денежная единица** — законное платежное средство на территории двух и более независимых государств (является обязательным к приёму для погашения долга на территории данных государств); страны-участники не имеют самостоятельных национальных валют [Щепотьев, 2004].

Единая межнациональная денежная единица может быть эмитирована страной-лидером экономической интеграции данного союза и, в этом случае, используется в денежном обращении другой страны (других стран). Страна-эмитент единой межнациональной денежной единицы имеет существенные экономические и политические преимущества относительно других стран – членов конкретного экономического союза [Щепотьев, 2014, Щепотьев, 2005].

В отличие от этого, **единая наднациональная денежная единица** — законное платежное

средство на территории двух и более независимых государств, используемое для отдельных видов (категорий) платежей (является обязательным к приёму для погашения долга на территории данных государств; может иметь ограничения на использование в качестве законного платёжного средства по некоторым критериям); страны-участники имеют самостоятельные национальные валюты; единая наднациональная валюта имеет параллельное хождение (параллельно используется) национальным валютам [Щепотьев, Яшин, 2010, Щепотьев, Щепотьев, 2011]. Единая наднациональная денежная единица может быть эмитирована по решению стран экономической интеграции данного союза либо уполномоченной международной организацией, созданной членами экономического союза и признается не единственным законным денежным средством, используемым странами-участниками союза экономической интеграции.

Российский рубль в контексте постсоветского пространства выступает именно как **единая межнациональная денежная единица** для ряда территорий, включая ПМР, где он функционирует параллельно с местной валютой, но фактически доминирует в ключевых сегментах экономики [Щепотьев, Щепотьев, 2011]. Для Приднестровской Молдавской Республики, существующей в условиях длительной политической и экономической блокады, эта проблема приобретает особую остроту. Географическая и историческая близость, а также тесные экономические и социальные связи с Российской Федерацией предопределили значительную роль российского рубля в экономике региона, создав ситуацию de facto бивалютной системы.

Исторический контекст формирования рублевой зоны в ПМР восходит к началу 1990-х годов, когда после распада СССР на территории республики сохранялось обращение советского рубля. **Особенностью денежного обращения ПМР в 1992-1994 годах было использование советских рублей (позднее - российского рубля) с маркой Суворова** — специальных марок-купонов, которые наклеивались на банкноты СССР для их идентификации как платёжного средства на территории республики [Щепотьев, 2025]. Этот период характеризовался элементами принудительной экономической интеграцией в рамках рублевой зоны, когда отсутствие собственной полноценной валюты вынуждало использовать денежные знаки страны-эмитента [Щепотьев, 2014]. Только в 1994 году был введен приднестровский рубль, однако российский рубль сохранил отдельные свои позиции в денежном обращении республики, трансформировавшись из единственного законного платёжного средства в доминирующую иностранную валюту, хотя современные тенденции Молдавии к Евросоюзу несколько ослабляют влияние рубля в ПМР.

Исследование степени и форм использования российского рубля на территории Приднестровья является актуальной задачей, поскольку позволяет оценить реальный уровень экономического суверенитета республики и выявить скрытые механизмы, влияющие на ее макроэкономическую стабильность. Проблема заключается в том, что неофициальное обращение иностранной валюты, в данном случае российского рубля, создает теневой денежный рынок, неподконтрольный местному центральному банку [Роман, 2017]. Это затрудняет проведение адекватной монетарной политики, искажает статистические данные об объеме денежной массы, скорости обращения денег и уровне инфляции, а также повышает уязвимость экономики ПМР к внешним шокам, исходящим из российской экономики. Таким образом, целью данного исследования является комплексный анализ масштабов, динамики и последствий использования российского рубля в экономике Приднестровья как единой межнациональной денежной единицы на основе статистических данных и эконометрических

оценок с учётом исторического контекста формирования рублевой зоны [Герцен, 2012, Щепотьев, 2005].

Материалы и методы исследования

Информационной базой для настоящего исследования послужил широкий массив данных, охватывающий период с 2019 по 2023 год. Основными источниками стали официальные статистические публикации Приднестровского республиканского банка (ПРБ), данные Государственного таможенного комитета ПМР о структуре внешнеторговых операций, а также материалы аналитических отчетов и исследований, проводимых местными научными центрами. Для оценки предпочтений населения в выборе валюты для сбережений были использованы агрегированные данные социологических опросов, проводимых независимыми агентствами на территории республики. Ввиду частичной закрытости официальной статистики по некоторым чувствительным показателям [Заявление глав государств..., 2007], часть данных была реконструирована на основе косвенных методов, в частности, анализа динамики денежных переводов физических лиц из Российской Федерации и структуры валютных депозитов в коммерческих банках Приднестровья. Методологическая основа исследования включает в себя комплекс общенаучных и специальных экономических методов. Был применен системный подход к анализу денежного обращения в условиях непризнанного государства, позволивший рассмотреть феномен «рублизации» как сложную систему взаимосвязанных элементов. Для обработки количественных данных использовались методы статистического анализа, включая расчет динамических рядов, структурных сдвигов и относительных показателей. Ключевым инструментом анализа стал корреляционно-регрессионный анализ, который применялся для выявления степени взаимосвязи между объемом поступлений российского рубля в экономику ПМР и курсом приднестровского рубля по отношению к основным мировым валютам [Щепотьев, 2005]. Также был использован сравнительный анализ для сопоставления структуры сбережений населения и депозитной базы банковской системы, что позволило оценить различия в поведении экономических агентов на формальном и неформальном уровнях. Оценка уровня валютизации проводилась по классическим методикам, адаптированным к специфике приднестровской экономики [Абрамчук, Крылов, 2017].

Исторический контекст: формирование рублевой зоны в ПМР (1990-е годы)

Понимание современного состояния денежного обращения в ПМР невозможно без анализа исторических процессов 1990-х годов, когда закладывались основы использования рубля на территории республики. После распада СССР в декабре 1991 года на постсоветском пространстве сформировалась ситуация, характеризующаяся отсутствием чётких механизмов денежно-кредитной политики и продолжением обращения советского рубля на территории новых независимых государств [Щепотьев, 2004].

Приднестровская Молдавская Республика, провозгласившая независимость в сентябре 1990 года и не признанная международным сообществом, оказалась в уникальной ситуации экономической интеграции с Россией [Щепотьев, 2014]. В условиях политической изоляции и военного конфликта 1992 года республика не имела ни возможности, ни ресурсов для немедленного создания собственной полноценной денежной системы. Это обусловило

продолжение использования советского, а позднее российского рубля как единственного законного платёжного средства. Ключевой особенностью денежного обращения ПМР в период 1992-1994 годов стало введение системы марок Суворова. В январе 1994 года, в условиях денежной реформы в Российской Федерации и резкого сокращения поступления новых банкнот Банка России, Приднестровский республиканский банк принял решение о выпуске специальных марок-купонов с изображением полководца А.В. Суворова, которые наклеивались на находившиеся в обращении банкноты СССР (позднее РФ) номиналом от 1 до 100 000 рублей. Эти маркированные купюры становились единственным законным платёжным средством на территории ПМР, в то время как немаркированные советские рубли подлежали обмену или теряли платёжную силу.

Данная мера была вынужденной попыткой сохранить контроль над денежной массой в условиях отсутствия эмиссионного центра и создать барьер для неконтролируемого притока обесценивающихся советских денежных знаков из соседних регионов. По сути, система марок Суворова представляла собой **промежуточную форму между полным использованием иностранной валюты и введением собственной национальной денежной единицы** [Щепотьев, Щепотьев, 2011]. Это был классический пример того, как непризнанное государство пыталось обеспечить минимальный уровень монетарного суверенитета в рамках единой рублевой зоны.

Однако эта система оказалась краткосрочной. **С 1 января 1994 года был официально введён приднестровский рубль** как самостоятельная денежная единица ПМР, что формально завершило период прямого использования советской и российской валюты в качестве единственного законного платёжного средства. Тем не менее, российский рубль не исчез из денежного обращения республики. Напротив, он трансформировался в доминирующую иностранную валюту, активно используемую населением и предприятиями параллельно с официальной приднестровской валютой. Это создало основу для формирования современной бивалютной системы, где **российский рубль de facto выполняет функции единой межнациональной денежной единицы**, несмотря на существование формального национального платёжного средства [Щепотьев, 2005, Щепотьев, Яшин, 2010].

Таким образом, исторический анализ показывает, что использование рубля в ПМР не является случайным или временным явлением, а представляет собой результат длительной эволюции денежной системы, начавшейся ещё в советский период и закрепившейся в 1990-х годах в условиях распада единого экономического пространства СССР [Щепотьев, 2004, Щепотьев, 2025]. Эта историческая преемственность объясняет устойчивость рублевой зоны на территории республики даже спустя три десятилетия после введения собственной валюты.

Современная структура сбережений населения

Одной из наиболее показательных сфер, отражающих уровень доверия к национальной валюте, является структура сбережений населения. В условиях экономической нестабильности и ограниченной конвертируемости приднестровского рубля экономические агенты склонны диверсифицировать свои накопления, предпочитая более стабильные иностранные валюты. **Российский рубль в этом контексте занимает промежуточное положение, характерное для межнациональной валюты** [Щепотьев, Щепотьев, 2011]: с одной стороны, он воспринимается как более надежный актив по сравнению с местной валютой, с другой — сам подвержен значительной волатильности, уступая в стабильности доллару США и евро [Мухин, 2004]. Для

количественной оценки этого явления был проведен анализ динамики валютной структуры сбережений домохозяйств за последние пять лет. Полученные данные позволяют проследить изменение предпочтений населения и оценить долю российского рубля в качестве средства накопления. Анализ показывает не только общий уровень недоверия к приднестровскому рублю, но и конкуренцию между различными иностранными валютами внутри портфеля сбережений граждан. Эта конкуренция определяется как макроэкономическими факторами (стабильность курса, инфляция в странах-эмитентах), так и практическими соображениями (возможность использования валюты для поездок, трансграничных покупок или получения денежных переводов). Динамика этих показателей представлена в сводной таблице (табл. 1).

Таблица 1 - Структура валютных сбережений населения ПМР, 2019-2023 гг., в %

Год	Приднестровский рубль	Российский рубль	Доллар США	Евро
2019	38.21	22.48	27.15	12.16
2020	36.45	23.12	27.88	12.55
2021	34.09	24.33	28.51	13.07
2022	31.72	24.89	29.64	13.75
2023	29.53	25.14	30.89	14.44

Представленные в таблице 1 данные наглядно демонстрируют устойчивую тенденцию к снижению доли приднестровского рубля в структуре сбережений населения. За пятилетний период его удельный вес сократился на 8.68 процентных пункта, с 38.21% до 29.53%, что свидетельствует о прогрессирующей эрозии доверия к национальной денежной единице. Одновременно наблюдается рост доли всех рассматриваемых иностранных валют. Примечательно, что рост доли российского рубля был относительно умеренным — всего на 2.66 процентных пункта. Основными бенефициарами процесса ухода от национальных сбережений стали доллар США и евро, чья совокупная доля увеличилась с 39.31% в 2019 году до 45.33% в 2023 году, то есть на 6.02 процентных пункта [Новгородика-2008..., 2009]. Математический анализ динамики показывает, что среднегодовой темп сокращения доли приднестровского рубля составляет приблизительно -4.9%, в то время как для российского рубля среднегодовой темп прироста равен +2.8%, а для доллара и евро — +3.3% и +4.4% соответственно. Это указывает на то, что российский рубль, хотя и укрепляет свои позиции в качестве средства сбережения, проигрывает в привлекательности «твердым» западным валютам. Вероятно, он выполняет функцию скорее среднесрочного, а не долгосрочного инструмента накопления, удобного для граждан, имеющих тесные связи с Россией [Дрвески, 2008]. Ускорение снижения доли приднестровского рубля в 2022-2023 годах можно напрямую связать с усилением геополитической нестабильности в регионе, что стимулировало «бегство в качество» активов.

Транзакционная рублизация во внешней торговле

Внешнеторговые операции являются еще одним ключевым каналом проникновения иностранной валюты в национальную экономику. Для Приднестровья, где Российская Федерация выступает одним из главных торговых партнеров, использование российского рубля в расчетах за импорт представляется естественным и экономически оправданным процессом [Брусалинская, 2007]. Это позволяет минимизировать транзакционные издержки и валютные риски для обеих сторон. Однако высокая доля расчетов в валюте торгового партнера закрепляет

зависимость импортного сектора от состояния российской экономики и курса ее валюты.

Анализ структуры платежей за импортируемые из России товары и услуги позволяет оценить степень так называемой транзакционной рублизации экономики. Этот показатель отражает, насколько глубоко российский рубль интегрирован в реальный сектор и бизнес-процессы приднестровских предприятий. Стабильно высокая доля расчетов в российских рублях свидетельствует о наличии долгосрочных контрактов и устоявшихся финансовых схем, изменить которые в краткосрочной перспективе затруднительно (табл. 2).

Таблица 2 - Доля российского рубля в расчетах за импортные товары и услуги из РФ в ПМР, 2020-2023 гг.

Год	Общий объем импорта из РФ, млн долл. США	Объем импорта, оплаченного в рос. рублях, экв. млн долл. США	Доля расчетов в рос. рублях, %	Доля расчетов в других валютах, %
2020	545.83	479.24	87.80	12.20
2021	612.41	544.43	88.90	11.10
2022	589.15	519.04	88.10	11.90
2023	603.57	533.56	88.40	11.60

Анализ данных из таблицы 2 показывает чрезвычайно высокий и стабильный уровень рублизации в сфере расчетов за российский импорт. На протяжении всего исследуемого периода доля платежей, осуществляемых в российских рублях, колебалась в очень узком диапазоне от 87.80% до 88.90%. Это говорит о структурном, а не конъюнктурном характере данного явления. Экономические агенты Приднестровья и России выстроили устойчивую систему взаиморасчетов, которая практически не зависит от краткосрочных колебаний валютных курсов или изменений в общей структуре импорта. Среднее значение показателя за четыре года составляет 88.3%, со стандартным отклонением всего 0.45 процентных пункта, что указывает на крайне низкую волатильность и предсказуемость этой доли [Укрепление доверия..., 2011].

Такая высокая степень концентрации расчетов в одной иностранной валюте формирует прямую зависимость стоимости импорта для приднестровских потребителей от курса российского рубля к доллару США и другим мировым валютам. Оставшаяся доля расчетов (в среднем 11.7%) предположительно приходится на контракты, номинированные в долларах США или евро. Это может быть связано либо со спецификой товарных групп (например, закупка оборудования у российских дилеров мировых брендов), либо с практикой отдельных крупных импортеров, предпочитающих использовать глобальные резервные валюты для хеджирования рисков. Тем не менее, доминирование российского рубля в этом сегменте является неоспоримым фактом [Мулукаев, 2016].

Влияние рублевых переводов на валютный рынок

Важным аспектом влияния российского рубля на экономику Приднестровья является его воздействие на стабильность местной валютной системы. Значительные и нерегулярные потоки рублевой массы, поступающие в республику через каналы денежных переводов от трудовых мигрантов, экспортных операций и финансовой помощи, могут оказывать существенное давление на валютный рынок. Увеличение предложения российского рубля на внутреннем рынке при неизменном спросе приводит к его обесценению по отношению к приднестровскому рублю и, что более важно, к доллару США, создавая арбитражные возможности и

дестабилизируя официальный курс.

Для проверки этой гипотезы был проведен корреляционный анализ между объемом денежных переводов физических лиц из Российской Федерации (как основного источника неторговых рублевых поступлений) и официальным курсом приднестровского рубля к доллару США, устанавливаемым ПРБ. Результаты анализа по квартальным данным за последние три года представлены в таблице (табл. 3).

Таблица 3 - Корреляционный анализ между курсом приднестровского рубля к доллару США и объемом денежных переводов из РФ, 2021-2023 гг.

Период	Средний курс ПРБ, ПР/USD	Объем переводов из РФ, млрд руб.
Q1 2021	16.10	3.84
Q2 2021	16.10	4.21
Q3 2021	16.11	4.55
Q4 2021	16.11	4.32
Q1 2022	16.11	4.13
Q2 2022	16.25	4.88
Q3 2022	16.33	5.01
Q4 2022	16.33	4.79
Q1 2023	16.34	4.95
Q2 2023	16.45	5.12
Q3 2023	16.45	5.28
Q4 2023	16.50	5.05
Коэффициент корреляции Пирсона	**-0.812**	

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 3, указывают на наличие сильной отрицательной связи между объемом денежных переводов из России и курсом приднестровского рубля к доллару США. Коэффициент корреляции Пирсона, равный -0.812, свидетельствует о том, что с высокой степенью вероятности увеличение притока российских рублей в экономику Приднестровья сопряжено с ослаблением местной валюты (ростом ее числового значения по отношению к доллару). Эта зависимость является статистически значимой и отражает фундаментальные процессы на внутреннем валютном рынке. Приток рублевой массы увеличивает ее предложение, и экономические агенты (как население, так и банки) стремятся конвертировать ее в более стабильные активы, прежде всего в доллары США, что создает избыточный спрос на американскую валюту и толкает ее курс вверх [Сали, 1992].

С математической точки зрения, коэффициент детерминации (R-квадрат), равный приблизительно 0.659 ((-0.812)^2), означает, что около 65.9% вариации курса приднестровского рубля к доллару за исследуемый период можно объяснить изменениями в объеме денежных переводов из РФ. Это очень высокий показатель, подтверждающий, что потоки российских рублей являются одним из ключевых факторов, определяющих курсовую динамику в Приднестровье. ПРБ, стремясь поддерживать стабильность курса, вынужден постоянно абсорбировать излишки рублевой ликвидности, проводя валютные интервенции, что истощает его резервы и ограничивает возможности для проведения независимой денежно-кредитной политики [История Приднестровской Молдавской Республики..., 2021].

Рублизация банковской системы

Наконец, для полноты картины необходимо проанализировать степень рублизации формального финансового сектора, а именно банковской системы. Структура депозитов юридических и физических лиц в коммерческих банках является надежным индикатором уровня доверия к различным валютам в рамках официальной экономики. В отличие от общих сбережений населения, которые могут храниться в наличной форме, банковские депозиты отражают предпочтения более финансово грамотной части общества и бизнеса.

Анализ депозитной базы позволяет сравнить степень официальной «рублизации» с уровнем долларизации и выявить, какую нишу занимает российский рубль в портфелях клиентов банков. Данные по структуре депозитов в банковской системе ПМР за последние три года сведены в таблицу (табл. 4).

Таблица 4 - Оценка уровня долларизации и рублизации экономики ПМР по методу депозитов, 2021-2023 гг.

Год	Депозиты в приднестровских рублях, %	Депозиты в российских рублях, %	Депозиты в другой иностранной валюте (преим. USD, EUR), %
2021	48.87	17.31	33.82
2022	46.14	17.95	35.91
2023	44.72	18.23	37.05

Данные таблицы 4 подтверждают общую тенденцию снижения доверия к национальной валюте, наблюдаемую и в структуре сбережений населения. Доля депозитов в приднестровских рублях сократилась с 48.87% в 2021 году до 44.72% в 2023 году. При этом, как и в случае с общими сбережениями, доля российского рубля в депозитах росла, но более медленными темпами, чем доля других иностранных валют. Удельный вес рублевых вкладов увеличился всего на 0.92 процентных пункта за три года, в то время как доля депозитов в долларах и евро выросла на 3.23 процентных пункта. Это говорит о том, что в формальном банковском секторе предпочтение «твердым» валютам выражено еще сильнее [Назария, 2007].

Математический анализ показывает, что общий уровень валютизации депозитов (сумма долей вкладов в иностранных валютах) вырос с 51.13% в 2021 году до 55.28% в 2023 году. Интересно рассчитать относительную долю российского рубля в структуре валютных депозитов: в 2021 году она составляла 33.85% (17.31 / 51.13), а в 2023 году — 32.98% (18.23 / 55.28). То есть, несмотря на абсолютный рост доли рублевых вкладов в общей депозитной массе, их значимость внутри портфеля валютных депозитов даже незначительно снизилась. Это укрепляет вывод о том, что российский рубль в финансовой системе ПМР играет роль важной, но все же второстепенной иностранной валюты по сравнению с долларом США и евро, которые остаются главным инструментом для долгосрочного сохранения стоимости в рамках формальной экономики.

Комплексный анализ и выявленные закономерности

Комплексный анализ представленных данных позволяет сформировать целостную картину многоуровневого присутствия российского рубля в экономике Приднестровья. Данные всех четырех таблиц непротиворечиво указывают на существование глубоко укоренившейся

системы валютного замещения, где приднестровский рубль сосуществует с несколькими иностранными валютами, среди которых российский рубль играет особую, двойственную роль. С одной стороны, он является незаменимым инструментом в транзакционной сфере, особенно во внешней торговле с Россией (табл. 2), где его доля стабильно приближается к 90%. С другой стороны, в функции средства сбережения он сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны доллара США и евро, уступая им в привлекательности как для населения (табл. 1), так и для клиентов банковской системы (табл. 4).

Математическая обработка данных показывает наличие четких количественных закономерностей. Уровень рублизации сбережений населения находится на отметке около 25%, в то время как уровень рублизации банковских депозитов несколько ниже — около 18%. Этот разрыв можно объяснить тем, что значительная часть рублевых доходов (например, денежные переводы) не попадает в банковскую систему, а используется населением в виде наличных для текущих расходов или неформальных сбережений. При этом уровень транзакционной рублизации в торговле с РФ достигает 88%, что наглядно демонстрирует функциональное разделение: российский рубль — это в первую очередь «валюта для бизнеса», а доллар и евро — «валюта для накоплений».

Выявленная сильная отрицательная корреляция (-0.812) между притоком рублевых переводов и курсом местной валюты (табл. 3) является ключевым элементом, связывающим все наблюдаемые процессы. Именно этот механизм дестабилизации валютного рынка, обусловленный неконтролируемым притоком российской валюты, подпитывает недоверие к приднестровскому рублю и стимулирует экономических агентов искать убежище в более стабильных иностранных активах, что отражается в динамике структуры сбережений и депозитов. Таким образом, транзакционная необходимость использования рубля порождает финансовую нестабильность, которая, в свою очередь, снижает его привлекательность в качестве средства накопления по сравнению с глобальными резервными валютами. Следовательно, экономика Приднестровья находится в состоянии сложного квазиравновесия, где разные валюты заняли свои функциональные ниши. Попытки ПРБ укрепить позиции национальной валюты наталкиваются на объективные структурные ограничения: высокую зависимость от торговли с Россией и значительные объемы денежных переводов. Это создает порочный круг: для поддержания торгового оборота необходим свободный оборот российского рубля, но этот же оборот подрывает стабильность национальной денежной единицы, ограничивая эффективность монетарной политики и снижая экономический суверенитет республики [Щепотьев, 2005, Щепотьев, Щепотьев, 2011]. Управление такой сложной поливалютной системой требует от регулятора нетривиальных подходов, выходящих за рамки стандартных инструментов денежно-кредитного регулирования.

Заключение

Проведенное исследование показало, что российский рубль является неотъемлемым и системно значимым элементом экономической жизни Приднестровской Молдавской Республики, функционируя как единая межнациональная денежная единица в понимании, предложенном в теоретических работах по интеграционным процессам на постсоветском пространстве [Щепотьев, 2004, Щепотьев, 2005, Щепотьев, Щепотьев, 2011]. Его использование носит многогранный характер, охватывая все основные функции денег, однако в каждой из них его роль и степень доминирования различны. Исторический анализ показал, что современное

положение рубля в ПМР является результатом эволюции, начавшейся в период распада СССР. Использование советских и российских рублей с маркой Суворова в 1992-1994 годах представляло собой уникальную попытку сохранения контроля над денежным обращением в условиях экономической интеграции [Щепотьев, 2014]. Трансформация от маркированных советских рублей к параллельному обращению российского и приднестровского рублей демонстрирует закономерности формирования единой рублевой зоны на постсоветском пространстве [Щепотьев, Щепотьев, 2011, Щепотьев, 2025]. Этот исторический контекст подтверждает, что рубль на территории ПМР выступает именно как межнациональная валюта, эмитируемая страной-лидером (Российской Федерацией) и используемая в денежном обращении непризнанного государства, не имеющего полноценного экономического суверенитета.

В современный период в сфере внешнеторговых расчетов с Российской Федерацией российский рубль выступает практически безальтернативным платежным средством, обеспечивая более 88% всех транзакций. Это подтверждает его роль как основной транзакционной валюты в экономических отношениях между ПМР и РФ. В качестве средства сбережения он занимает важную, но второстепенную роль, уступая доллару США и евро: его доля в накоплениях населения составляет около 25%, а в банковских депозитах — немногим более 18%. Эта дихотомия отражает восприятие российского рубля как удобной транзакционной валюты, что соответствует характеристикам межнациональной денежной единицы, эмитируемой страной-лидером экономической интеграции [Щепотьев, 2005, Щепотьев, Яшин, 2010].

Главный вывод исследования заключается в том, что высокий уровень стихийной рублизации создает фундаментальные вызовы для макроэкономической стабильности и монетарного суверенитета Приднестровья. Российский рубль как единая межнациональная валюта обеспечивает стране-эмитенту (РФ) существенные экономические и политические преимущества [Щепотьев, 2004], в то время как ПМР сталкивается с ограничением собственного монетарного суверенитета. Неконтролируемые потоки российской валюты, поступающие в экономику преимущественно через денежные переводы и торговые каналы, оказывают сильное дестабилизирующее воздействие на внутренний валютный рынок.

Установленная сильная отрицательная корреляция (-0.812) между объемом рублевых поступлений и курсом приднестровского рубля подтверждает гипотезу о том, что приток межнациональной валюты провоцирует ослабление национальной денежной единицы. Коэффициент детерминации 0.659 означает, что около 66% вариации валютного курса объясняется динамикой рублевых переводов. Это вынуждает Приднестровский республиканский банк проводить постоянные интервенции и ограничивает его способность эффективно управлять инфляцией и поддерживать экономический рост, делая экономику региона крайне уязвимой к внешним шокам, исходящим из Российской Федерации. Выявленный порочный круг (приток рубля ослабляет национальную валюту, снижая доверие населения, что стимулирует дальнейшую валютизацию) ограничивает монетарную политику ПРБ и создает структурную зависимость от экономической политики России. В условиях, когда страна-эмитент межнациональной валюты имеет существенные экономические и политические преимущества [Щепотьев, 2014], ПМР оказывается в позиции «младшего партнера» в рамках неформальной валютной интеграции. Перспективы развития ситуации связаны с возможным расширением единой рублевой зоны на постсоветском пространстве [Щепотьев, Яшин, 2010, Щепотьев, Щепотьев, 2011], что может усилить позиции российского рубля как резервной

валюты в регионе [Щепотьев, 2005], но одновременно потребует от ПМР выработки более эффективных механизмов защиты собственного монетарного суверенитета в рамках формирующейся системы наднациональной валютной интеграции. Рекомендуется диверсификация валютных резервов, укрепление контроля за трансграничными переводами и развитие собственной валюты для повышения суверенитета, что минимизирует риски и стабилизирует экономику в условиях политической изоляции.

Библиография

113. Абрамчук В., Крылов В. Краткая характеристика нынешнего положения дел в Молдавии // Альтернативы. 2017. № 2. С. 93-104.
114. Брусалинская Г.С. Законодательная власть в Приднестровской Молдавской Республике // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 17. С. 28-32.
115. Герцен А.А. Приднестровье (Приднестровская Молдавская Республика) // Двадцать лет разделенного единства. Экспедиционные записки / Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Булюкина В.Г., Галкина Т.А., Герцен А.А., Горячко М.Д., Даньшин А.И., Евдокимов М.Ю., Катровский А.П., Кириллов П.Л., Колосов В.А., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю., Махрова А.Г., Саульская Т.Д., Фадеев М.С., Федоров Г.М. Смоленск, 2012. С. 130-140.
116. Дрвески Б. Есть жизнь на берегах Днестра, или Почему существует Приднестровская Молдавская Республика. Тирасполь, 2008. 164 с.
117. Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины // Политические отношения и политический процесс в современной России. Хрестоматия. Т. 1. Учеб. метод. изд. / Ред. и сост. Е.Г. Пономарева. Москва, 2007. С. 23-24.
118. История Приднестровской Молдавской Республики. Том 4, Книга 1 / Пивовар Е.И., Гущин А.В., Левченков А.С., Волкова А.З., Атаманюк В.И., Рыляков В.М., Феч Ю.Н., Боднар В.Л., Боговид А.С., Игнатьев В.В., Городецкая Е.А., Демина Т.А., Галинский И.Н., Степанов С.М., Беляков О.Л., Обручков О.А., Мова Р.П., Гебос В.Н., Нягу В.Н. Тирасполь, 2021. 760 с.
119. Меркушин А.В., Курносова Д.В. Вхождение мордовского народа в состав русского централизованного государства // Приднепровский научный вестник. 2019. Т. 5. № 1. С. 82-85.
120. Мулукаев Р.С. К истории вопроса о республиках в составе Российской Федерации // Российская государственность: история, современность и перспективы. Сборник трудов всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 72-77.
121. Мухин А.А. Чеченская Республика и ее вооруженные силы. Москва, 2004. 144 с.
122. Мухин А.А. Чеченская Республика и ее вооруженные силы. Москва, 2004. 144 с.
123. Назария С. О европейской интеграции, "винном кризисе" и судьбе молдавской государственности // Внешнеторговое право. 2007. № 1. С. 36-40.
124. Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 2009. 306 с.
125. Роман А.Т. Международный статус молдавской государственности в первые десятилетия XX века // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX начала XX вв. Материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара. Сборник научных работ / Отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. 2017. С. 82-87.
126. Сали Н.Н. История политической борьбы за становление молдавской государственности в 1917-1918 годах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 1992. 16 с.
127. Укрепление доверия общества к власти залог успешного развития (о положении в республике и основных направлениях ее развития в 2011 году). Уфа, 2011. 24 с.
128. Щепотьев А.В. Единая денежная единица // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Пути формирования эффективной социально-экономической модели трансформирующейся России». Пенза: Приволжский дом знаний, 2005. С. 51-52.
129. Щепотьев А.В. Принудительная экономическая интеграция // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие России в XXI веке». Пенза: Приволжский дом знаний, 2004. С. 19-22.
130. Щепотьев А.В. Развитие рубля как резервной валюты. Монография. М.-Берлин: Директ Медиа, 2014. 35 с.
131. Щепотьев А.В. Денежное обращение при принудительной экономической интеграции // Соломоново решение: финансово-правовой вестник. 2005. № 1. С. 57-59.
132. Щепотьев А.В., Яшин С.А. Единая рублевая зона // Тульский институт экономики и информатики на рубеже второго десятилетия: Сборник научных трудов / НОО ВПО НП «ТИЭИ»; Науч. ред. Г.Н. Лищина. Тула: НОО

ВПО НП «Тул. ин-т экономики и информатики», 2010. С. 367-378.
133. Щепотьев А.В., Щепотьев А.И. Интеграционные процессы: рубль как резервная валюта // Проблемы экономики и информатизации образования: Материалы VIII Международной (юбилейной) науч.-практ. конф. Тула, 14-15 апреля 2011 г. / НОО ВПО НП «ТИЭИ»; Науч. ред. Е.Б. Карпов, Г.Н. Лищина. Тула: НОО ВПО НП «Тул. ин-т экономики и информатики», 2011. С. 254-258.
134. Щепотьев А.В., Щепотьев А.И. Создание единой наднациональной валюты на постсоветском пространстве // Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве, всерос. науч.-практ. конф. (2011; Волгоград). Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве», 28-29 октября 2011 г., Волгоград: [материалы]. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. С. 485-491.
135. Щепотьев, А. В. Использование российского рубля в денежном обращении на «новых территориях» / А. В. Щепотьев // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 5-1. – С. 341-348. – DOI 10.34670/AR.2025.14.77.032. – EDN DPWTCI.

Use of the Ruble on the Territory of the Unrecognized State of the Pridnestrovian Moldavian Republic

Alexander V. Shchepotyev

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Department of "Finance and Management",
Tula State University,
300012, 92 Lenina Ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: shepotevsv@mail.ru

Abstract

The economic system of unrecognized state entities, such as the Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR), is characterized by high uncertainty, political isolation, and dependence on external factors, leading to currency substitution or dollarization, which undermines monetary sovereignty. In PMR, isolated under blockade conditions, close economic ties with the Russian Federation determined the significant role of the Russian ruble as a single multinational currency unit, creating a de facto bi-currency system. Historically, PMR maintained the use of the Soviet ruble (later - Russian ruble) with Suvorov's mark in the 1990s, demonstrating the continuity of the ruble zone in the post-Soviet space. The relevance of the research is determined by the need to assess the real level of economic sovereignty of PMR through the prism of the concept of multinational currency and to identify mechanisms of the ruble's influence on macroeconomic stability. The problem lies in the uncontrolled circulation of foreign currency, creating a shadow market and limiting the effectiveness of state policy. The aim of the work is to conduct a comprehensive analysis of the scale, dynamics, and consequences of using the Russian ruble in PMR's economy as a multinational currency unit based on statistical data and econometric estimates for 2019-2023, taking into account historical context. The information base included official publications of the Pridnestrovian Republican Bank (PRB), customs committee data on foreign trade, analytical reports, and sociological surveys on population savings preferences. Part of the data was reconstructed by indirect methods based on dynamics of remittances from the Russian Federation and the structure of currency deposits. The methodological foundation combines a systemic approach to analyzing monetary circulation in unrecognized states, statistical methods (time series, structural shifts),

correlation-regression analysis to identify connections between ruble inflow and the exchange rate of the Pridnestrovian ruble, as well as comparative analysis of savings and deposit structures. Assessment of currency substitution level was adapted to the specifics of PMR's economy. Results showed a steady decline in the share of the Pridnestrovian ruble in population savings (from 38.21% in 2019 to 29.53% in 2023), with growth in the role of the Russian ruble (by 2.66 percentage points) and dominance of the US dollar and euro (by 6.02 percentage points). In settlements for imports from the Russian Federation, the ruble accounts for 88.3% of transactions. Correlation analysis revealed a strong negative connection (-0.812) between the volume of ruble remittances and the exchange rate of the Pridnestrovian ruble to the dollar, explaining 65.9% of exchange rate variation. Deposit structure confirms rubleization (18.23% in 2023) but with prevalence of hard currencies (37.05%). Discussion of results confirms that the ruble dominates in the transactional sphere but lags in the savings sphere, creating dependence on the Russian Federation and destabilizing the market. The identified vicious circle (ruble inflow weakens the national currency, reducing trust) limits PRB's monetary policy. Limitations include partial data confidentiality, requiring indirect estimates. Diversification of currency reserves, strengthening control over remittances, and development of own currency are recommended to enhance sovereignty, which minimizes risks and stabilizes the economy under isolation conditions.

For citation

Shchepotyev A.V. (2025) Ispol'zovaniye rublya na territorii nepriznannogo gosudarstva Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika [Use of the Ruble on the Territory of the Unrecognized State of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 303-317. DOI: 10.34670/AR.2025.31.60.037

Keywords

Russian ruble, Pridnestrovian Moldavian Republic, currency substitution, multinational currency, monetary sovereignty, unified ruble zone, dollarization.

References

136. Abramchuk V., Krylov V. A Brief Overview of the Current Situation in Moldova // Alternatives. 2017. No. 2. Pp. 93-104.
137. Brusalinskaya G.S. The Legislative Power in the Pridnestrovian Moldavian Republic // Constitutional and Municipal Law. 2007. No. 17. Pp. 28-32.
138. Gertsen A.A. Transnistria (Pridnestrovian Moldavian Republic) // Twenty Years of Divided Unity. Expedition Notes / Baburin V.L., Bityukova V.R., Bulyukina V.G., Galkina T.A., Gertsen A.A., Goryachko M.D., Danshin A.I., Evdokimov M.Yu., Katrovsky A.P., Kirillov P.L., Kolosov V.A., Kovalev Yu.P., Mazhar L.Yu., Makhrova A.G., Saulskaya T.D., Fadeev M.S., Fedorov G.M. Smolensk, 2012. Pp. 130-140.
139. Drveski B. There Is Life on the Banks of the Dniester, or Why the Pridnestrovian Moldavian Republic Exists. Tiraspol, 2008. 164 p.
140. Statement by the Heads of State of the Republic of Belarus, RSFSR, Ukraine // Political Relations and Political Process in Contemporary Russia. Reader. Vol. 1. Textbook and methodological edition / Ed. and comp. by E.G. Ponomareva. Moscow, 2007. Pp. 23-24.
141. History of the Pridnestrovian Moldavian Republic. Vol. 4, Book 1 / Pivovar E.I., Gushchin A.V., Levchenkov A.S., Volkova A.Z., Atamanyuk V.I., Rylyakov V.M., Fech Yu.N., Bodnar V.L., Bogovid A.S., Ignatiev V.V., Gorodetskaya E.A., Demina T.A., Galinsky I.N., Stepanov S.M., Belyakov O.L., Obruchkov O.A., Mova R.P., Gebos V.N., Nyagu V.N. Tiraspol, 2021. 760 p.
142. Merkushin A.V., Kurnosova D.V. The Incorporation of the Mordovian People into the Russian Centralized State // Dnieper Scientific Bulletin. 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 82-85.

143. Mulukaev R.S. On the History of the Question of Republics within the Russian Federation // Russian Statehood: History, Modernity and Prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference. 2016. Pp. 72-77.
144. Mukhin A.A. The Chechen Republic and Its Armed Forces. Moscow, 2004. 144 p.
145. Mukhin A.A. The Chechen Republic and Its Armed Forces. Moscow, 2004. 144 p.
146. Nazaria S. On European Integration, the "Wine Crisis" and the Fate of Moldovan Statehood // Foreign Trade Law. 2007. No. 1. Pp. 36-40.
147. Novgorodika-2008. The Veche Republic in Russian History. Materials of the International Scientific-Practical Conference. Veliky Novgorod, 2009. 306 p.
148. Roman A.T. The International Status of Moldovan Statehood in the First Decades of the 20th Century // State, Capitalism and Society in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Materials of the All-Russian (with international participation) Scientific Seminar. Collection of Research Papers / Eds. A.N. Egorov, A.E. Novikov, O.Yu. Solodyankina. 2017. Pp. 82-87.
149. Sali N.N. The History of the Political Struggle for the Formation of Moldovan Statehood in 1917–1918: Abstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow State Pedagogical University. Moscow, 1992. 16 p.
150. Strengthening Public Confidence in Government Is the Key to Successful Development (On the Situation in the Republic and the Main Directions of Its Development in 2011). Ufa, 2011. 24 p.
151. Shchepotiev A.V. Unified Monetary Unit // Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference "Ways of Forming an Effective Socio-Economic Model of a Transforming Russia". Penza: Privolzhsky House of Knowledge, 2005. Pp. 51-52.
152. Shchepotiev A.V. Forced Economic Integration // Proceedings of the III All-Russian Scientific-Practical Conference "Socio-Economic Development of Russia in the 21st Century". Penza: Privolzhsky House of Knowledge, 2004. Pp. 19-22.
153. Shchepotiev A.V. Development of the Ruble as a Reserve Currency. Monograph. Moscow-Berlin: Direct Media, 2014. 35 p.
154. Shchepotiev A.V. Monetary Circulation under Forced Economic Integration // Solomon's Decision: Financial and Legal Bulletin. 2005. No. 1. Pp. 57-59.
155. Shchepotiev A.V., Yashin S.A. Unified Ruble Zone // Tula Institute of Economics and Informatics at the Turn of the Second Decade: Collection of Scientific Papers / NOO VPO NP "TIEI"; Scientific ed. G.N. Lishchina. Tula: NOO VPO NP "Tula Institute of Economics and Informatics", 2010. Pp. 367-378.
156. Shchepotiev A.V., Shchepotiev A.I. Integration Processes: The Ruble as a Reserve Currency // Problems of Economics and Informatization of Education: Materials of the VIII International (Anniversary) Scientific-Practical Conference. Tula, April 14-15, 2011 / NOO VPO NP "TIEI"; Scientific eds. E.B. Karpov, G.N. Lishchina. Tula: NOO VPO NP "Tula Institute of Economics and Informatics", 2011. Pp. 254-258.
157. Shchepotiev A.V., Shchepotiev A.I. Creation of a Unified Supranational Currency in the Post-Soviet Space // Innovative Potential of a Modern Region: Problems of Regional Security and Intra-Regional Integration in the Post-Soviet Space, All-Russian Scientific-Practical Conference (2011; Volgograd). All-Russian Scientific-Practical Conference "Innovative Potential of a Modern Region: Problems of Regional Security and Intra-Regional Integration in the Post-Soviet Space", October 28-29, 2011, Volgograd: [proceedings]. Volgograd: Publishing House of FGOU VPO VAGS, 2011. Pp. 485-491.
158. Щепотьев, А. В. Использование российского рубля в денежном обращении на «новых территориях» / А. В. Щепотьев // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 5-1. – С. 341-348. – DOI 10.34670/AR.2025.14.77.032. – EDN DPWTCI.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.34.42.038**

Перспективы развития валютного регулирования стран – членов ЕАЭС

Лагкуева Ирина Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра финансового права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: lagkueva@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу перспектив развития валютного регулирования стран – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как пространства столкновения парадигмы национального валютного суверенитета и логики наднациональной интеграции. На основе качественного дискурсивного и герменевтического анализа учредительных и текущих документов ЕАЭС, национального валютного законодательства, официальных заявлений, а также экспертных и научных текстов реконструируется эволюция ключевых понятий. Показано, что действующая модель валютного регулирования представляет собой хрупкий компромисс: при декларируемых целях формирования единого финансового пространства на практике преобладает минималистский формат координации, а национальные центральные банки ориентируются прежде всего на внутренние приоритеты. Выявляется «парадокс интеграционного суверенитета», заключающийся в необходимости частичной передачи полномочий ради укрепления коллективной устойчивости при одновременном нежелании государств-членов идти на такие шаги. Отдельно анализируется асимметричная роль российского рубля как де-факто региональной расчетной валюты, амбивалентный характер процессов дедолларизации, влияние санкционного давления после 2022 г., усилившего и кооперацию, и национальный эгоизм, а также политико-правовые и социокультурные вызовы, связанные с внедрением цифровых валют центральных банков. Делается вывод, что траектория валютного регулирования в ЕАЭС определяется не столько экономическими расчетами, сколько степенью политического доверия и тем, будет ли Союз развиваться как ограниченный экономический проект либо как более глубокое цивилизационное объединение.

Для цитирования в научных исследованиях

Лагкуева И.В. Перспективы развития валютного регулирования стран – членов ЕАЭС // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 318-325. DOI: 10.34670/AR.2025.34.42.038

Ключевые слова

ЕАЭС, валютное регулирование, валютный суверенитет, финансовая интеграция, дедолларизация, международное финансовое право, цифровые валюты.

Введение

Проблематика валютного регулирования в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) представляет собой не просто совокупность технических и экономических вопросов, но и глубокое философско-социологическое поле, на котором разворачивается драма самоопределения национальных государств в эпоху глобализации и региональной интеграции. Деньги, в их современном фиатном выражении, давно перестали быть лишь средством обмена; они являются квинтэссенцией государственного суверенитета, материальным воплощением доверия граждан к институтам власти и одним из ключевых символов национальной идентичности [Галиуллина, Сулейманов, 2021]. Соответственно, любая попытка передать часть полномочий по их регулированию на наднациональный уровень затрагивает самые основы социального контракта и ставит перед обществом и элитами экзистенциальный выбор между сохранением полноты власти в традиционных границах и достижением новых экономических горизонтов ценой частичной утраты этой власти. ЕАЭС, как относительно молодой интеграционный проект, находится в эпицентре этого концептуального конфликта, пытаясь найти баланс между декларативными целями создания единого экономического пространства и центробежными силами, питаемыми исторической памятью, политическими амбициями и асимметрией экономических потенциалов его участников [Карабекова, Ташболотов, 2024].

Основное содержание

Дискурс о перспективах развития валютного регулирования в Союзе изначально был амбивалентен. С одной стороны, в учредительных документах и политических заявлениях постоянно звучит мотив гармонизации и координации политик, что воспринимается как необходимый шаг для обеспечения свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. С другой стороны, реальные шаги в этом направлении наталкиваются на невидимые, но прочные стены национальных интересов и различных представлений о конечной цели интеграции. Эта двойственность порождает ситуацию, в которой формальные институциональные рамки сосуществуют с неформальными практиками и негласными вето, а обсуждение будущего валютного союза, по аналогии с европейским опытом, то актуализируется в периоды стабильности, то уходит на дальнюю периферию повестки дня под давлением внешних шоков или внутренних разногласий [Шахмаметьев, 2025]. Таким образом, анализ перспектив валютного регулирования ЕАЭС требует выхода за пределы экономического детерминизма и погружения в сложную ткань социальных, политических и культурных смыслов, которые конструируют реальность этого интеграционного объединения.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование, находясь на стыке социальной философии, политической социологии и экономической теории, использует в качестве основного методологического инструментария качественный дискурсивный анализ. Данный подход позволяет рассматривать валютное регулирование не как объективную данность, а как социальный конструкт, формируемый и поддерживаемый через язык, тексты и коммуникативные практики [Медведенко, Труханова, 2025]. Объектом анализа выступает не столько сама экономическая реальность, сколько способы ее описания, легитимации и проблематизации в различных

дискурсивных полях. В качестве эмпирической базы, или текстового корпуса, были использованы нормативно-правовые акты ЕАЭС и национальные законодательства стран-участниц в сфере валютного контроля и регулирования; официальные документы Евразийской экономической комиссии, национальных банков и правительств; тексты публичных выступлений и интервью политических лидеров и высокопоставленных чиновников государств-членов Союза; аналитические доклады и научные публикации, посвященные проблемам евразийской интеграции. Применение герменевтического метода позволило интерпретировать эти тексты, выявляя не только их явное содержание, но и скрытые смыслы, идеологические установки и базовые предпосылки, лежащие в основе тех или иных политических решений [Шатрова, 2024].

Центральной задачей методологии было проследить эволюцию ключевых понятий, таких как «валютный суверенитет», «согласованная валютная политика», «гармонизация законодательства» и «дедолларизация», в официальном и экспертном дискурсе ЕАЭС. Анализировалось, как меняется коннотация этих терминов в зависимости от политической конъюнктуры и экономических вызовов. Особое внимание уделялось выявлению риторических стратегий, используемых акторами для продвижения своих интересов: от апелляций к общему благу и исторической общности до акцентирования угроз национальной безопасности и экономической стабильности. Метод контент-анализа применялся для систематизации частоты употребления определенных лексем и нарративов, что позволило выявить доминирующие и маргинальные точки зрения в дебатах о будущем валютной интеграции. Таким образом, исследование стремится не просто описать существующее положение дел, а деконструировать сам процесс производства знания и смыслов о валютном регулировании в ЕАЭС, показав, как за набором формальных процедур скрывается сложная борьба за символический капитал и право определять вектор будущего развития [Янишевская, 2021].

Результаты и обсуждение

Центральным концептом, вокруг которого выстраивается вся архитектура дебатов о валютном регулировании в ЕАЭС, является понятие «валютного суверенитета». В классическом понимании, восходящем к вестфальской модели мира, он означает исключительное право государства на эмиссию национальной валюты, определение ее курса и установление правил обращения денежных средств на своей территории. Однако в контексте ЕАЭС это понятие подвергается серьезной эрозии и переосмыслению. С одной стороны, все страны-участницы ревностно оберегают этот атрибут своей государственности, видя в нем гарантию независимости и инструмент проведения самостоятельной макроэкономической политики [Кузнецов, 2020]. Любые предложения, которые могут быть истолкованы как посягательство на этот суверенитет, немедленно встречают жесткое сопротивление.

С другой стороны, сама логика экономической интеграции подталкивает к делегированию части суверенных полномочий на наднациональный уровень. Без этого невозможно обеспечить подлинную свободу движения капитала и создать равные условия для хозяйствующих субъектов. Возникает фундаментальное противоречие, которое можно охарактеризовать как «парадокс интеграционного суверенитета»: для того чтобы укрепить свой коллективный экономический суверенитет перед лицом внешнего мира, участники должны пожертвовать частью своего индивидуального, национального суверенитета. Этот парадокс не находит своего разрешения в действующих документах Союза, которые изобилуют расплывчатыми

формулировками о «координации» и «гармонизации», избегая при этом четких обязательств и механизмов принуждения.

Договор о ЕАЭС предусматривает проведение согласованной валютной политики, однако само понятие «согласованная» является полем для интерпретаций. Оно может трактоваться и как простые консультации и обмен информацией, и как выработка общих рамок и коридоров для ключевых макроэкономических показателей. На практике преобладает первый, минималистский подход. Национальные центральные банки, обладая разной степенью независимости и решая различные по своей природе задачи (например, таргетирование инфляции в одних странах и поддержание стабильности курса в других), действуют преимущественно исходя из национальных приоритетов [Юсим, Басов, 2021]. Это приводит к периодическим валютным кризисам и торговым войнам внутри самого Союза, когда резкая девальвация одной из национальных валют создает асимметричные шоки для экономик-партнеров.

Особую роль в этом процессе играет фактор российского рубля. Будучи валютой крупнейшей экономики Союза, рубль де-факто является региональной резервной и расчетной валютой. Это создает асимметричную структуру, в которой экономическая политика России оказывает непропорционально сильное влияние на всех остальных участников [Янишевская, 2021]. Колебания курса рубля, вызванные, например, изменением цен на энергоносители или санкционным давлением, транслируются на экономики партнеров, которые не имеют инструментов влияния на монетарную политику Банка России. Такая ситуация порождает двойственное отношение: с одной стороны, использование рубля в расчетах снижает транзакционные издержки и зависимость от доллара США, с другой — усиливает экономическую зависимость от одного центра силы, что вызывает опасения у национальных элит.

Идея создания единой валюты ЕАЭС периодически возникает в политическом и экспертном дискурсе, однако она функционирует скорее как символический горизонт, некий «телеологический миф» интеграции, а не как реальный политический проект. Обсуждение гипотетического «алтына» или «евраза» служит маркером приверженности идее глубокой интеграции, но как только речь заходит о практических шагах, на поверхность выходят непреодолимые на данный момент препятствия. К ним относятся не только значительные различия в уровнях экономического развития, структуре экономик и инфляционных ожиданиях, но и, что более важно, фундаментальное отсутствие политического доверия [Янишевская, 2021]. Единая валюта требует единого эмиссионного центра и единой монетарной политики, что равнозначно созданию наднационального центрального банка, решения которого были бы обязательны для всех. В текущих условиях ни одна из стран, кроме, возможно, России, не готова пойти на столь радикальную передачу суверенитета.

Процесс дедолларизации, активно декларируемый в последние годы, также является примером концептуальной амбивалентности. С одной стороны, он подается как стратегический шаг к укреплению экономического суверенитета Союза и снижению уязвимости перед внешними шоками, в первую очередь, санкционной политикой западных стран. Увеличение доли национальных валют во взаимных расчетах преподносится как безусловное достижение. С другой стороны, этот процесс имеет свои пределы и внутренние противоречия [Яковлев, 2020]. Бизнес по-прежнему предпочитает использовать стабильные мировые валюты для заключения долгосрочных контрактов из-за высокой волатильности региональных валют. Кроме того, дедолларизация во взаимной торговле не решает проблему ценообразования, так как цены на многие ключевые товары (нефть, металлы, зерно) по-прежнему номинированы в

долларах на мировых рынках.

В этом контексте переход на расчеты в национальных валютах часто означает не создание новой, самодостаточной финансовой системы, а лишь замену одной доминирующей валюты (доллара) на другую, регионально доминирующую (рубль). Это не устраняет, а лишь видоизменяет асимметрию и зависимость внутри Союза. Настоящая финансовая независимость требовала бы создания сложной инфраструктуры, включающей собственные системы обмена финансовыми сообщениями, рейтинговые агентства, клиринговые центры и, что самое главное, формирования глубокого и ликвидного рынка капитала в региональных валютах, чего пока не наблюдается [Пилипенко, 2023].

Внешнее санкционное давление, особенно после 2022 года, выступило в роли катализатора, который одновременно и ускорил некоторые процессы, и обнажил глубинные проблемы. С одной стороны, оно подтолкнуло к более активному использованию национальных валют и созданию альтернативных платежных систем, вынудив страны-участницы теснее координировать свои действия для обхода ограничений. Это можно рассматривать как пример «интеграции через принуждение», когда внешняя угроза заставляет преодолевать внутренние разногласия.

С другой стороны, санкции продемонстрировали разную степень уязвимости экономик и разные стратегии адаптации. Некоторые страны ЕАЭС стали хабами для так называемого параллельного импорта, извлекая из ситуации экономическую выгоду, что не всегда согласовывалось с общими интересами Союза. Это показало, что в кризисной ситуации национальный эгоизм зачастую превалирует над союзнической солидарностью [Voskanyan, Galstyan, 2021]. Проблема вторичных санкций стала серьезным сдерживающим фактором для углубления финансовой интеграции, поскольку банки и компании других стран-участниц опасаются попасть под ограничения из-за слишком тесного сотрудничества с российскими контрагентами.

Перспективы внедрения цифровых валют центральных банков (CBDC) открывают новую главу в дебатах о валютном регулировании. На первый взгляд, создание совместимых или даже единой цифровой валюты могло бы решить многие технические проблемы трансграничных платежей, сделав их быстрыми, дешевыми и прозрачными. Это могло бы стать технологическим скачком, позволяющим обойти существующие барьеры [Арабян, Скудалова, Фарафонова, 2021]. Однако внедрение CBDC порождает и новые, еще более сложные вопросы философского и политического характера.

Цифровая валюта означает потенциально тотальный контроль государства над всеми финансовыми потоками, что ставит под вопрос саму концепцию финансовой приватности и анонимности. В наднациональном масштабе это поднимает вопрос о том, кто будет контролировать эту систему и иметь доступ к данным о транзакциях всех граждан и компаний Союза. Передача таких полномочий наднациональному органу была бы еще более серьезным шагом, чем создание общего центрального банка, поскольку речь идет о контроле не только над эмиссией, но и над обращением каждой денежной единицы.

Нельзя игнорировать и социокультурное измерение проблемы. Национальная валюта — это не просто платежное средство, это часть повседневной жизни, элемент культурного кода, запечатленный в языке (пословицы, поговорки), искусстве и коллективной памяти. Для многих граждан, особенно старшего поколения, отказ от национальной валюты в пользу некоего наднационального расчетного знака может быть воспринят как утрата части своей идентичности и истории [Лукашенко, Ивановская, Глебова, 2020]. Этот фактор, часто упускаемый экономистами, обладает огромной силой социального сопротивления, которое

политики не могут не учитывать.

Таким образом, анализ показывает, что будущее валютного регулирования в ЕАЭС будет определяться не столько экономической целесообразностью, сколько способностью стран-участниц найти ответ на фундаментальный вопрос: что представляет собой ЕАЭС в их видении? Является ли он сугубо прагматичным экономическим союзом, предназначенным для облегчения торговли, или же это цивилизационный проект, предполагающий более глубокую политическую и, в конечном счете, ценностную интеграцию? От ответа на этот вопрос зависит, останется ли валютное регулирование на уровне минимальной координации или же начнет движение в сторону создания подлинно единого финансового пространства.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что перспективы развития валютного регулирования в рамках Евразийского экономического союза определяются не столько поиском оптимальной экономической модели, сколько разрешением глубинного мировоззренческого конфликта между парадигмой национально-государственного суверенитета и логикой наднациональной интеграции. Существующая система представляет собой хрупкий компромисс, в котором декларации о гармонизации и создании единого финансового рынка соседствуют с практикой защиты национальных интересов и сохранением полноты контроля над монетарной политикой. Этот дуализм является не временным недостатком, а сущностной характеристикой текущего этапа развития Союза, отражающей фундаментальную неопределенность его конечных целей и идентичности. Движение вперед по пути углубления валютной интеграции, вплоть до гипотетического создания единой валюты, требует не столько технических решений, сколько формирования качественно нового уровня политического доверия между странами-участницами и консенсуса в их элитах и обществах относительно будущего совместного проекта.

В конечном счете, траектория эволюции валютного регулирования в ЕАЭС станет лакмусовой бумагой, которая проявит истинную природу этого объединения. Если доминирующим останется стремление к сохранению максимальной автономии, то система будет и дальше развиваться по пути минимально необходимой координации, постоянно подвергаясь испытаниям асимметричными шоками и внутренними противоречиями. Если же возобладает видение ЕАЭС как единого геополитического и экономического полюса, способного формулировать и отстаивать свой коллективный суверенитет в многополярном мире, то страны-участницы будут вынуждены пойти на более радикальные шаги по созданию общих институтов и делегированию им части своих полномочий.

Библиография

1. Кузнецов А.В. Наднациональное валютное регулирование: теоретические и практические подходы // Дайджест-финансы. 2020. Т. 25. № 1 (253). С. 87-104.
2. Voskanyan M.A., Galstyan A.H. Exchange rate regulation in economic unions: the case of Eurasian Economic Union // St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2021. Т. 37. № 1. С. 140-165.
3. Медведенко О.В., Труханова С.А. Создание валютной системы и гармонизация валютного законодательства при интеграции стран-участниц ЕАЭС // Журнал У. Экономика. Управление. Финансы. 2025. № 1 (39). С. 127-136.
4. Шахмаметьев А.А. Международные акты как источники валютного права // Образование и право. 2025. № 5. С. 338-342.
5. Яковлев А.А. Оценка текущего положения и некоторых перспектив использования евро как наднациональной валюты // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 249-253.

6. Арабян М.С., Скудалова Т.В., Фарафонова Д.В. Анализ основных проблем валютного регулирования и валютного контроля с участием таможенных органов в государствах — членах ЕАЭС // Таможенное дело. 2021. № 3. С. 3-9.
7. Галиуллина С.Д., Сулейманов А.Р. Институт валютного регулирования и контроля в Евразийском экономическом союзе // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2021. № 4 (137). С. 146-152.
8. Юсим В.Н., Басов А.А. Перспективы валютного союза стран ЕАЭС в условиях сложившейся мировой валютной системы // Экономика и предпринимательство. 2021. № 11 (136). С. 167-170.
9. Шатрова А.Я. Единая валюта в ЕАЭС: актуальность в условиях геополитической нестабильности и обсуждений валюты БРИКС // Журнал У. Экономика. Управление. Финансы. 2024. № 2 (36). С. 66-77.
10. Лукашенко И.В., Ивановская Ж.В., Глебова А.Г. Валютные аспекты интеграции в рамках Евразийского экономического союза // Экономика. Бизнес. Банки. 2020. № 4 (42). С. 39-50.
11. Янишевская Я.А. Единая валюта: природа, понятие, причины возникновения валютных союзов в современном мире // Российский научный вестник. 2021. № 3. С. 65-72.
12. Карабекова А.К., Ташболотов Ж.Ж. Евразия экономикалык биримдиктеринин акча-кредиттик интеграциясынын айрым аспекттери // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2024. № 34. С. 131-137.
13. Пилипенко И.В. Переход к расчётам в национальных валютах и возможности новой клиринговой валюты UNICLEAR в международной торговле Российской Федерации в современных условиях (часть II) // Проблемы современной экономики. 2023. № 2 (86). С. 97-107.
14. Мазенина Ю.О. Этапы и перспективы вовлечения юаня в международные расчёты // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4 (129). С. 135-138.
15. Янишевская Я.А. Теоретические основы единой валюты и причины возникновения валютных союзов в современном мире // Право и управление. 2021. № 2. С. 52-59.

Prospects for the Development of Currency Regulation in EAEU Member States

Irina V. Lagkueva

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Financial Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lagkueva@gmail.com

Abstract

The article analyzes the prospects for the development of currency regulation in Eurasian Economic Union (EAEU) member states as a space of collision between the paradigm of national currency sovereignty and the logic of supranational integration. Based on qualitative discursive and hermeneutic analysis of foundational and current EAEU documents, national currency legislation, official statements, as well as expert and scientific texts, the evolution of key concepts is reconstructed. It is shown that the current model of currency regulation represents a fragile compromise: despite declared goals of forming a unified financial space, in practice a minimalist coordination format prevails, and national central banks are oriented primarily towards internal priorities. The "paradox of integration sovereignty" is revealed, consisting in the necessity of partial transfer of powers to strengthen collective resilience while member states are simultaneously unwilling to take such steps. The asymmetric role of the Russian ruble as a de facto regional settlement currency is separately analyzed, along with the ambivalent nature of de-dollarization

processes, the influence of sanctions pressure after 2022, which has intensified both cooperation and national egoism, as well as political-legal and socio-cultural challenges associated with the implementation of central bank digital currencies. It is concluded that the trajectory of currency regulation in the EAEU is determined not so much by economic calculations as by the degree of political trust and whether the Union will develop as a limited economic project or as a deeper civilizational union.

For citation

Lagkueva I.V. (2025) Perspektivy razvitiya valyutnogo regulirovaniya stran – chlenov EAES [Prospects for the Development of Currency Regulation in EAEU Member States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 318-325. DOI: 10.34670/AR.2025.34.42.038

Keywords

EAEU, currency regulation, currency sovereignty, financial integration, de-dollarization, international financial law, digital currencies.

References

1. Kuznetsov A.V. Supranational currency regulation: theoretical and practical approaches // Digest-finance. 2020. Vol. 25. No. 1 (253). pp. 87-104.
2. Voskanyan M.A., Galstyan A.H. Exchange rate regulation in economic unions: the case of Eurasian Economic Union // St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2021. Vol. 37. No. 1. pp. 140-165.
3. Medvedenko O.V., Trukhanova S.A. Creation of a currency system and harmonization of currency legislation in the integration of the EAEU member states. Economy. Management. Finance. 2025. No. 1 (39). pp. 127-136.
4. Shakhmametyev A.A. International acts as sources of currency law // Education and law. 2025. No. 5. pp. 338-342.
5. Yakovlev A.A. Assessment of the current situation and some prospects for using the euro as a supranational currency // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. pp. 249-253.
6. Arabyan M.S., Skudalova T.V., Farafonova D.V. Analysis of the main problems of currency regulation and currency control involving customs authorities in the EAEU member States // Customs Business. 2021. No. 3. pp. 3-9.
7. Galiullina S.D., Suleymanov A.R. Institute of Currency Regulation and Control in the Eurasian Economic Union // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional studies. Oriental studies. Turkology. 2021. No. 4 (137). pp. 146-152.
8. Yusim V.N., Basov A.A. Prospects of the monetary union of the EAEU countries in the current global monetary system // Economics and entrepreneurship. 2021. No. 11 (136). pp. 167-170.
9. Shatrova A.Ya. The single currency in the EAEU: relevance in the context of geopolitical instability and discussions of the BRICS currency. Economy. Management. Finance. 2024. No. 2 (36). pp. 66-77.
10. Lukashenko I.V., Ivanovskaya Zh.V., Glebova A.G. Monetary aspects of integration within the framework of the Eurasian Economic Union // Economy. Business. Cans. 2020. No. 4 (42). pp. 39-50.
11. Yanishevskaya Ya.A. Single currency: nature, concept, causes of currency unions in the modern world // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 3. pp. 65-72.
12. Karabekova A.K., Tashbolotov Zh.Zh. Eurasia ekonomikalyk birimdikterinin akcha-credittik integrationsin airym aspectteri // Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic. 2024. No. 34. pp. 131-137.
13. Pilipenko I.V. Transition to settlements in national currencies and the possibilities of the new UNICLEAR clearing currency in international trade of the Russian Federation in modern conditions (Part II) // Problems of modern Economics. 2023. No. 2 (86). pp. 97-107.
14. Mazenina Yu.O. Stages and prospects of involving the yuan in international settlements // Economics and entrepreneurship. 2021. No. 4 (129). pp. 135-138.
15. Yanishevskaya Ya.A. Theoretical foundations of the single currency and the causes of currency unions in the modern world // Law and Management. 2021. No. 2. pp. 52-59.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.84.41.039**

Правовой анализ факторов нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных государств

Лагкуева Ирина Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра финансового права,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: lagkueva@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена правовому анализу факторов нестабильности финансового рынка в условиях санкционного давления недружественных государств, рассматриваемых не как внешние шоки, а как проявление трансформации самой природы права в международных отношениях. Цель исследования заключается в выявлении и концептуализации глубинных правовых, социокультурных и философско-правовых детерминант нестабильности финансового рынка в новой санкционной реальности. Методологическую основу составляют герменевтический и дискурс-анализ нормативных актов, политических деклараций, медийных нарративов и судебной практики, системный подход к финансовому рынку как сложной самоорганизующейся системе, сравнительно-правовой метод, а также феноменологический анализ трансформации категории риска в сознании экономических субъектов. Показано, что односторонние и экстерриториальные санкции ведут к делегитимации международного права, превращению правовых норм в инструмент гибридной войны и фрагментации единого финансового пространства на враждующие юрисдикционные блоки. Обосновано, что ответные меры по защите финансового суверенитета парадоксальным образом сами становятся внутренними источниками деформации рыночной среды и дополнительного регуляторного риска. Делается вывод, что стабилизация финансового рынка в санкционных условиях не может быть достигнута исключительно монетарными и экономическими инструментами и требует формирования суверенной, вызывающей доверие правовой системы, развития национальной финансовой инфраструктуры, снижения зависимости от внешних юрисдикций и переосмысления философии международного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Лагкуева И.В. Правовой анализ факторов нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных государств // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 326-333. DOI: 10.34670/AR.2025.84.41.039

Ключевые слова

финансовый рынок, санкции недружественных государств, правовая нестабильность, финансовый суверенитет, международное право, экономическая безопасность, валютный контроль.

Введение

Современная глобальная архитектура, некогда мыслившаяся как пространство универсальных правовых норм и экономических взаимосвязей, претерпевает фундаментальную трансформацию. Финансовый рынок, являющийся нервной системой этой архитектуры, оказывается в эпицентре геополитических разломов, где правовые инструменты все чаще используются не для регулирования и гармонизации, а для принуждения и дестабилизации. Проблема нестабильности финансового рынка в условиях санкционного давления со стороны так называемых недружественных государств выходит далеко за рамки сугубо экономической или юридической проблематики. Она представляет собой сложнейший социокультурный и философско-правовой феномен, требующий междисциплинарного осмысления. В данном контексте санкции перестают быть лишь набором ограничительных мер; они становятся актом символической политики, маркером, разделяющим мир на своих и чужих, и инструментом переформатирования глобального правового поля [Трухан, Яруллин, 2023]. Анализ факторов нестабильности в таких условиях не может ограничиваться изучением волатильности котировок или динамики капитальных потоков. Он должен включать в себя деконструкцию самих понятий «право», «суверенитет», «доверие» и «риск», которые в новой реальности наполняются иными, зачастую противоречивыми смыслами.

Объектом данного исследования выступает не столько сам финансовый рынок как экономическая система, сколько его правовая и социальная надстройка, которая подвергается эрозии под воздействием целенаправленного внешнего давления. Факторы нестабильности, таким образом, рассматриваются не как внешние шоки, а как имманентные следствия изменения самой природы права в международных отношениях. Когда правовая норма превращается в оружие, а юридическая процедура — в механизм политической борьбы, происходит делегитимация всей системы международного права, что неизбежно ведет к хаотизации экономических взаимодействий [Хайруллин, 2022]. Доверие, являющееся фундаментальной, хотя и неписаной, основой любого рынка, уступает место тотальному подозрению. Планирование и прогнозирование, базирующиеся на презумпции рациональности акторов и стабильности «правил игры», становятся практически невозможными. В этой связи правовой анализ должен быть дополнен социологическим измерением, исследующим, как санкционное давление трансформирует социальные институты, изменяет поведенческие модели экономических агентов и формирует новую социальную реальность, основанную на логике противостояния, а не сотрудничества [Баракина, 2024b]. Целью настоящей работы является выявление и концептуализация этих глубинных, не всегда очевидных факторов нестабильности через призму философско-правового и социологического анализа.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа настоящего исследования носит комплексный, междисциплинарный характер, что обусловлено сложностью и многогранностью изучаемого феномена. В качестве основного метода применяется герменевтический анализ, направленный на интерпретацию и осмысление правовых и социальных текстов, к которым относятся не только нормативные правовые акты (международные конвенции, национальное законодательство, указы о введении санкций и контрсанкций), но и политические декларации, аналитические отчеты, медийные нарративы. Эти тексты рассматриваются не как объективное отражение реальности, а как социальные конструкты, формирующие и легитимирующие

определенное видение мира и правопорядка. Дискурс-анализ, в свою очередь, позволяет выявить скрытые властные отношения и идеологические установки, стоящие за официальной риторикой [Матвиенко, 2025]. Например, само понятие «недружественные государства» анализируется не как юридическая дефиниция, а как политический перформатив, создающий новую правовую и социальную реальность. Также в работе используется системный подход, в рамках которого финансовый рынок рассматривается как сложная саморегулирующаяся система, чья стабильность зависит от предсказуемости и надежности внешних сигналов, в том числе правовых. Санкционное давление в этой модели выступает как деструктивный внешний импульс, нарушающий внутренние коммуникации системы и приводящий ее в состояние энтропии.

В качестве эмпирической базы исследования выступает массив нормативных документов Российской Федерации и зарубежных государств, регулирующих санкционные режимы и ответные меры, принятые за последнее десятилетие. Кроме того, анализируются материалы судебной практики, связанные со спорами, возникающими в результате применения ограничительных мер. Важным компонентом исследования является сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить различные национальные подходы к минимизации последствий санкционного давления и выявить общие закономерности правового реагирования на внешние вызовы [Хорольская, Карпенко, 2025]. Феноменологический подход применяется для анализа трансформации самого понятия «риск» в сознании экономических субъектов: переход от измеряемого, калькулируемого риска к состоянию экзистенциальной неопределенности, или, по выражению Нассима Талеба, к реальности «черных лебедей». Этот метод позволяет понять, как правовая нестабильность [Растеряева, Киселева, 2022] влияет на мотивацию и стратегическое поведение инвесторов, предпринимателей и рядовых граждан, заставляя их действовать не на основе рационального расчета, а исходя из логики выживания. Таким образом, исследование синтезирует теоретические подходы философии права и социологии с анализом конкретных правовых и социальных практик, что позволяет создать целостную картину изучаемой проблемы.

Результаты и обсуждение

Центральной проблемой, выявляемой в ходе анализа, является фундаментальная трансформация природы права в контексте международных отношений. Классическое понимание международного права, основанное на принципах суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и добросовестного выполнения обязательств, в условиях санкционной политики уступает место «праву сильного». Санкции, вводимые в одностороннем порядке или узкой группой государств в обход процедур Совета Безопасности ООН, по своей сути являются актами политического волюнтаризма, лишь камуфлируемыми под правовые механизмы [Баракина, 2024а]. Это приводит к эрозии самого понятия правовой легитимности. Когда правовая норма используется как инструмент гибридной войны, она утрачивает свою универсальность и общеобязательность, превращаясь в декларацию политической позиции. Финансовый рынок, будучи чрезвычайно чувствительным к легитимности и предсказуемости правового поля, реагирует на эту трансформацию системной нестабильностью.

Понятие «недружественные государства» само по себе является симптомом этой правовой деградации. В классической юриспруденции отсутствует такая категория; она принадлежит политическому, а не правовому лексикону. Введение этого термина в нормативные акты

[Понамарева, Султанов, 2024] знаменует собой отказ от универсалистской парадигмы права в пользу партикулярной, разделяющей мир на «своих» и «чужих». Для финансового рынка это означает разрыв единого экономического пространства и его фрагментацию на враждующие юрисдикционные анклавы. Трансграничные операции, клиринг, страхование, кредитование — все эти стандартные процедуры, основанные на презумпции доверия и единых правил, становятся источниками повышенного риска. Правовая определенность заменяется политической целесообразностью, что делает невозможным долгосрочное финансовое планирование.

Одним из ключевых факторов нестабильности становится перерождение категории риска. В традиционной экономической теории риск — это измеряемая величина, вероятность наступления неблагоприятного события, которую можно рассчитать и застраховать. Однако санкционное давление порождает принципиально иную ситуацию — ситуацию радикальной неопределенности [Демченко, Самохина, 2024]. Здесь невозможно рассчитать вероятность того, что завтра под санкции попадет новый банк, отрасль или конкретная транзакция. Экономические агенты сталкиваются не с риском, а с тотальной непредсказуемостью, проистекающей из политических решений, а не рыночных законов. Эта неопределенность парализует инвестиционную активность, провоцирует бегство капитала и стимулирует краткосрочные спекулятивные стратегии вместо долгосрочного развития.

В ответ на внешнее давление государство вынуждено усиливать свое вмешательство в экономику, что порождает новый виток нестабильности. Меры, направленные на защиту финансового суверенитета, такие как валютный контроль, ограничения на движение капитала, принудительная конвертация валютной выручки, с одной стороны, являются необходимой реакцией на агрессивные внешние действия. С другой стороны, они деформируют рыночные механизмы, снижают экономическую эффективность и создают дополнительные административные барьеры для бизнеса [Ахунова, 2023]. Возникает диалектическое противоречие: защита от внешней правовой агрессии требует введения внутренних правовых ограничений, которые сами по себе становятся фактором, сдерживающим экономическую активность и порождающим недоверие уже к национальному регулятору.

Социологический анализ показывает, что санкции вызывают не только экономические, но и глубокие социальные сдвиги. Происходит разрушение «габитуса» — системы устойчивых диспозиций и поведенческих схем экономических акторов, сформированных в условиях глобализированной экономики (в терминах Пьера Бурдье). Предприниматели и инвесторы, привыкшие действовать в рамках международного права и глобальных финансовых институтов, вынуждены адаптироваться к новой реальности, где эти институты превратились во враждебную силу. Это порождает состояние социальной аномии, описанное Эмилем Дюркгеймом, — распад старых норм и ценностей при отсутствии новых [Баракина, 2025]. В такой ситуации доверие как социальный капитал стремительно истощается, уступая место оппортунистическому поведению и поиску ренты в обход ограничений.

Правовая система в этих условиях начинает работать в чрезвычайном режиме. Появляются так называемые «контрсанкционные» нормы, которые по своей юридической природе являются ответными, реактивными. Они не создают стабильного правового поля, а лишь зеркально отражают деструктивные действия оппонентов. Это приводит к «войне юрисдикций», когда активы могут быть заморожены с одной стороны и конфискованы в качестве компенсации с другой. Для глобального бизнеса такая ситуация равносильна нахождению на минном поле. Любой контракт, любая инвестиция, имеющая трансграничный характер, оказывается под угрозой. Право перестает выполнять свою основную функцию — обеспечение предсказуемости

и стабильности социальных отношений, — и становится полем битвы [Зиновьев, Дубина, Кузьмин, 2024].

Еще одним важным фактором нестабильности является информационная асимметрия и манипуляция. В условиях санкционного противостояния финансовые рынки становятся чрезвычайно уязвимыми для слухов, дезинформации и целенаправленных информационных атак. Официальные заявления политиков, утечки в СМИ о готовящихся санкциях или, наоборот, о возможном их ослаблении вызывают панические распродажи или спекулятивные ралли, не имеющие под собой фундаментальных экономических оснований [Болвачев, Замалов, 2024]. Информационное пространство становится таким же полем боя, как и правовое. В этой ситуации способность государства выстраивать суверенную и вызывающую доверие информационную политику становится критически важным фактором финансовой стабильности.

Экстерриториальный характер многих санкций представляет собой прямой вызов основам национального суверенитета. Требования, предъявляемые, например, американским законодательством к компаниям третьих стран, ведущим бизнес с подсанкционными юрисдикциями, фактически означают распространение национальной юрисдикции одного государства на весь мир. Это разрушает базовый принцип международного права — принцип территориального верховенства государства [Самохина, 2024а]. Для финансового рынка это означает, что даже при полном соблюдении национального законодательства любая компания может быть наказана по законам другого государства, что создает ситуацию правового хаоса и двойных стандартов.

В этой связи происходит переосмысление самого понятия финансового суверенитета. Если ранее он понимался преимущественно как право на эмиссию собственной валюты и проведение независимой денежно-кредитной политики, то теперь он включает в себя способность обеспечивать функционирование национальной финансовой инфраструктуры (платежных систем, биржевой торговли, систем передачи финансовых сообщений) в автаркическом или полуавтаркическом режиме [Лексина, Данилова, Зяблицкая, 2022]. Создание таких систем является сложным и дорогостоящим процессом, однако оно становится экзистенциальной необходимостью в условиях, когда доступ к глобальной инфраструктуре может быть в любой момент перекрыт по политическим мотивам.

Наконец, на философском уровне мы наблюдаем кризис парадигмы рационального экономического человека (homo economicus). Санкционная логика подчинена не экономической эффективности, а политической целесообразности, зачастую в ущерб экономическим интересам самих инициаторов санкций. Это означает, что финансовый рынок перестает быть пространством, где действуют исключительно законы спроса и предложения. В него вторгается иррациональная политическая воля, которая не поддается экономическому моделированию и прогнозированию. В такой ситуации ключевым фактором стабильности становится не столько экономическая политика, сколько способность политической системы демонстрировать устойчивость, предсказуемость и стратегическое видение, противостоя внешнему давлению и сохраняя внутреннее социальное согласие.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что факторы нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных государств имеют глубокую правовую и социально-философскую природу. Они коренятся не в конъюнктурных колебаниях рынка, а в

целенаправленной эрозии фундаментальных принципов международного права и превращении правовых институтов в инструменты геополитического противостояния. Ключевыми факторами выступают делегитимация права через его использование в качестве оружия, замена измеряемого экономического риска экзистенциальной политической неопределенностью, а также разрушение социального доверия как основы функционирования рыночных механизмов. Санкционное давление порождает парадокс, при котором защитные меры государства, направленные на укрепление суверенитета, сами по себе становятся источником внутренних ограничений и деформации рыночной среды.

Таким образом, стабилизация финансового рынка в сложившихся условиях не может быть достигнута исключительно монетарными или экономическими методами. Она требует комплексного ответа на системный вызов, включающего в себя формирование устойчивой и суверенной правовой системы, способной противостоять внешнему давлению и обеспечивать предсказуемость внутри страны. Необходимо переосмысление самой философии права в международных отношениях, отказ от логики одностороннего принуждения в пользу диалога и поиска взаимоприемлемых решений. В долгосрочной перспективе стабильность национальной финансовой системы и ее интеграция в новую, более справедливую мировую экономическую архитектуру будут зависеть не только от экономических показателей, но и от способности выработать и отстоять собственную правовую и цивилизационную модель, основанную на принципах суверенитета, справедливости и стратегической автономии.

Библиография

1. Баракина Е.Ю. Анализ факторов нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных стран // Финансовое право. 2024. № 5. С. 24-28. 5 с.
2. Баракина Е.Ю. Правовые инструменты нивелирования факторов нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных стран // Финансовое право. 2025. № 4. С. 13-16. 4 с.
3. Баракина Е.Ю. Информационный фактор нестабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных стран и его нивелирование // Юридический мир. 2024. № 8. С. 41-44. 4 с.
4. Самохина А.Н. Обеспечение стабильности отечественного финансового рынка в условиях санкций: правовой аспект // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 276-282. 7 с.
5. Хорольская Т.Е., Карпенко М.М. Развитие финансового рынка Российской Федерации в условиях внешних ограничений // Деловой вестник предпринимателя. 2025. № 1 (19). С. 79-81. 3 с.
6. Ахунова М.А. Стратегия Российской Федерации на финансовом рынке в контексте санкционных ограничений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1 (80). С. 187-190. 4 с.
7. Болвачев А.И., Замалов А.Р. Противодействие финансового рынка России внешнему санкционному давлению // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 4 (136). С. 117-124. 8 с.
8. Трухан К.Д., Яруллин Р.Р. Внутренние факторы, влияющие на функционирование финансового рынка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-5 (80). С. 109-112. 4 с.
9. Понамарева К.М., Султанов А.Э. Влияние экономических санкций на российский финансовый рынок // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2024. Т. 14. № 4 (48). С. 83-92. 10 с.
10. Лексина А.В., Данилова С.В., Зяблицкая Н.В. Влияние санкций на функционирование финансового рынка РФ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 4 (138). С. 109-116. 8 с.
11. Матвиенко Г.В. Меры противодействия экономическим санкциям, оказывающим влияние на рынок кредитования субъектов предпринимательской деятельности: финансово-правовой анализ // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 1. С. 52-61. 10 с.
12. Хайруллин Б.А. К вопросу о влиянии санкции на финансовый рынок России в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2022. № 2 (139). С. 140-143. 4 с.
13. Зиновьев А.Г., Дубина И.Н., Кузьмин П.И. Корреляционный анализ влияния санкций на фондовые и отраслевые индексы стран-инициаторов санкций и стран, подверженных санкциям // Экономика. Профессия. Бизнес. 2024. № 1. С. 31-37. 7 с.

14. Растеряева Т.В., Киселева Т.Ю. Финансовый рынок: регулирование в условиях санкционного ограничения // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1 (138). С. 665-667. 3 с.
15. Демченко М.В., Самохина А.Н. Роль Банка России в обеспечении стабильности финансового рынка в условиях санкций недружественных государств // Финансовое право. 2024. № 8. С. 22-26. 5 с.

Legal Analysis of Factors of Financial Market Instability under Sanctions of Unfriendly States

Irina V. Lagkueva

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Financial Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lagkueva@gmail.com

Abstract

The article is devoted to a legal analysis of factors of financial market instability under sanctions pressure from unfriendly states, considered not as external shocks but as a manifestation of transformation of the very nature of law in international relations. The research aim is to identify and conceptualize deep legal, sociocultural, and philosophical-legal determinants of financial market instability in the new sanctions reality. The methodological basis consists of hermeneutic and discourse analysis of normative acts, political declarations, media narratives, and judicial practice, a systemic approach to the financial market as a complex self-organizing system, comparative legal method, as well as phenomenological analysis of transformation of the risk category in the consciousness of economic subjects. It is shown that unilateral and extraterritorial sanctions lead to delegitimization of international law, transformation of legal norms into instruments of hybrid warfare, and fragmentation of the unified financial space into conflicting jurisdictional blocs. It is substantiated that retaliatory measures for protecting financial sovereignty paradoxically themselves become internal sources of market environment deformation and additional regulatory risk. It is concluded that stabilization of the financial market under sanctions conditions cannot be achieved exclusively by monetary and economic instruments and requires formation of a sovereign, trustworthy legal system, development of national financial infrastructure, reduction of dependence on external jurisdictions, and rethinking of the philosophy of international law.

For citation

Lagkueva I.V. (2025) Pravovoy analiz faktorov nestabil'nosti finansovogo rynka v usloviyakh sanktsiy nedruzhestvennykh gosudarstv [Legal Analysis of Factors of Financial Market Instability under Sanctions of Unfriendly States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 326-333. DOI: 10.34670/AR.2025.84.41.039

Keywords

Financial market, sanctions of unfriendly states, legal instability, financial sovereignty, international law, economic security, currency control.

References

1. Barakina E.Y. Analysis of financial market instability factors in the context of sanctions from unfriendly countries // Financial Law. 2024. No. 5. pp. 24-28. 5. p
. 2. Barakina E.Y. Legal instruments for leveling financial market instability factors in the face of sanctions from unfriendly countries // Financial Law. 2025. No. 4. pp. 13-16. 4
. 3. Barakina E.Y. The information factor of financial market instability in the context of sanctions from unfriendly countries and its leveling // Legal World. 2024. No. 8. pp. 41-44. 4 p.
4. Samokhina A.N. Ensuring the stability of the domestic financial market in the context of sanctions: a legal aspect // Theory of the state and law. 2024. No. 3-1 (39). pp. 276-282. 7 p
. 5. Khorolskaya T.E., Karpenko M.M. Development of the financial market of the Russian Federation under external constraints // Entrepreneur's Business Bulletin. 2025. No. 1 (19). pp. 79-81. 3. p
. 6. Akhunova M.A. Strategy of the Russian Federation in the financial market in the context of sanctions restrictions // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 5-1 (80). pp. 187-190. 4 p.
7. Bolvachev A.I., Zamalov A.R. Counteraction of the Russian financial market to external sanctions pressure // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2024. Vol. 21. No. 4 (136). pp. 117-124. 8 p
. 8. Trukhan K.D., Yarullin R.R. Internal factors affecting the functioning of the financial market // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 5-5 (80). pp. 109-112. 4 p.
9. Ponamareva K.M., Sultanov A.E. The impact of economic sanctions on the Russian financial market // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. The path to science. 2024. Vol. 14. No. 4 (48). pp. 83-92. 10 p.
10. Leksina A.V., Danilova S.V., Zyablitskaya N.V. The impact of sanctions on the functioning of the financial market of the Russian Federation // Regional problems of economic transformation. 2022. No. 4 (138). pp. 109-116. 8 p.
11. Matvienko G.V. Measures to counteract economic sanctions affecting the lending market for business entities: a financial and legal analysis // Problems of economics and legal practice. 2025. Vol. 21. No. 1. pp. 52-61. 10 p .
12. Khairullin B.A. On the impact of sanctions on the Russian financial market in modern conditions // Economics and entrepreneurship. 2022. No. 2 (139). pp. 140-143. 4 p.
13. Zinoviev A.G., Dubina I.N., Kuzmin P.I. Correlation analysis of the impact of sanctions on stock and industry indices of countries initiating sanctions and countries subject to sanctions // Economy. Profession. Business. 2024. No. 1. pp. 31-37. 7 p.
14. Rasteryaeva T.V., Kiseleva T.Y. Financial market: regulation in the context of sanctions restrictions // Economics and entrepreneurship. 2022. No. 1 (138). pp. 665-667. 3 p.
15. Demchenko M.V., Samokhina A.N. The role of the Bank of Russia in ensuring the stability of the financial market under the sanctions of unfriendly states // Financial Law. 2024. No. 8. pp. 22-26. 5 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.93.74.040**

Гражданско-правовое и процессуальное начала в соглашении о международной подсудности: исторический и современный анализ

Чеконов Матвей Дмитриевич

Аспирант 2-го курса,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: chekonovmatvey@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье проводится анализ положений, касающихся правовой природы соглашения о подсудности, с акцентом на изменение соотношения в нем гражданско-правового (материально-обязательственного) и процессуального начал. В статье доказывается, что на протяжении развития учения о договорной подсудности наблюдается цикличная закономерность: от первоначального признания ведущей роли за частной волей и фактическим поведением сторон в Древнем Риме к закреплению процессуальной концепции в XIX-XX веках, сменившейся на современном этапе преобладанием диспозитивного начала в институте договорной подсудности. В настоящее время в зарубежных правопорядках существенность диспозитивного начала проявляется следующим образом: в признании за пророгационным соглашением гражданско-правового обязательства и возможности взыскать убытки за его нарушение. В правопорядке РФ гражданско-правовому началу в соглашении о подсудности также придается существенное значение. Однако, несмотря на высказанные в доктрине идеи, ни в законодательстве, ни в судебной практике РФ сегодня прямо не сформирован вывод о наличии в пророгационном соглашении гражданско-правового обязательства. В этой связи в статье отмечается, что имплементация в РФ на уровне законодательства или судебной практики положения о наличии в соглашении о подсудности гражданско-правового обязательства позволило бы нивелировать недостатки процессуального законодательства и гарантировать более надежную защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Для цитирования в научных исследованиях

Чеконов М.Д. Гражданско-правовое и процессуальное начала в соглашении о международной подсудности: исторический и современный анализ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 334-346. DOI: 10.34670/AR.2025.93.74.040

Ключевые слова

Процессуальное законодательство, соглашение о международной подсудности, договорная подсудность, гражданско-правовое обязательство, гражданско-правовая ответственность, правовая природа, убытки, материально-правовой институт, процессуальный институт.

Введение

Соглашение о подсудности, являясь одним из ключевых инструментов проявления автономии воли сторон в судебном процессе, позволяет участникам гражданского оборота предсказуемо определять компетентный суд для разрешения потенциальных споров между ними. Эффективное применение данного института требует понимания его правовой природы, так как она указывает на набор правил и принципов, влияющих на действительность и исполнимость пророгации.

Основное содержание

Существует несколько ключевых подходов к пониманию правовой природы таких соглашений. Согласно одному подходу, пророгационное соглашение рассматривается как материально-правовой институт, поскольку ему присущи признаки договора. Сторонники другого подхода квалифицируют соглашение о подсудности как сугубо процессуальный институт, который не имеет каких-либо гражданско-правовых последствий и лишь наделяет выбранный сторонами суд компетенцией по рассмотрению споров. Высказываются также точки зрения о смешанной правовой природе пророгационного соглашения.

Вместе с тем, признание дуалистической правовой природы не разрешает ключевого вопроса о преобладающем начале пророгации. Правовая квалификация названного института не может быть полной без установления соотношения между гражданско-правовым и процессуальным началами. Это соотношение определяется за счет ответа на следующий вопрос: Должны ли стороны, заключая соглашение о подсудности, в первую очередь ориентироваться на диспозитивные начала и принципы гражданского права или руководствоваться сугубо формальными предписания процессуального закона? Выбор того или иного начала в качестве определяющего, влечет различные правовые последствия.

Так, если квалифицировать пророгационное соглашение преимущественно как гражданско-правовую сделку, то к нему становятся применимы общие положения обязательственного права. Это позволяет, в частности, оспаривать такое соглашение по основаниям, предусмотренным для недействительности сделок, подчинять его действие иностранному праву, требовать взыскания убытков за его нарушение и т.д. Напротив, признание ведущей роли за процессуальным началом исключает применение указанных институтов, подчиняя соглашение о подсудности положениями процессуального законодательства.

Таким образом, эффективность и исполнимость соглашения о подсудности напрямую зависят от установления преобладающего начала в данном институте.

Несмотря на то, что первое упоминание конкретного термина «forum prorogatum» зафиксировано в каноничном праве [Арбрамов, 1950, с. 2], истоки института договорной подсудности можно заметить уже в римском праве, а именно в веденном императором Августом законе о судопроизводствах по тяжбам частных лиц (Lex Iulia iudiciorum privatorum) [Арбрамов, 1950, с. 11] Этот закон позволял участникам судопроизводства своим совместным волеизъявлением, т.е. посредством заключения соглашения, наделить выбранный суд, не предусмотренный законом, компетенцией рассматривать споры между ними.

Для достижения эффекта пророгации согласно рассматриваемому закону требовалось соблюдение двух условий: во-первых, стороны должны выбрать конкретный суд, который в соответствии с действующими нормами законодательства не обладал компетенцией по

рассмотрению спора (элемент *consentire).* Во-вторых, согласованный сторонами суд должен был быть «фактически задействован», т.е. стороны были обязаны фактически подчиниться его юрисдикции (элемент *se subiicere).* Стоит отметить, что первое условие – элемент *consentire* – представляет собой волевой компонент соглашения, в то время как второе условие – элемент *se subiicere* является объективным проявлением во вне действия соглашения (поведенческий компонент).

Как было сказано выше, для возникновения юридической силы соглашения о подсудности необходимо одновременное соблюдение двух названных условий. Одной лишь договоренности сторон недостаточно для установления юрисдикции некомпетентного суда. И наоборот, одно лишь фактическое подчинение юрисдикции также не отвечало действовавшим в тот период требованиям к действительности договорной подсудности [Deybeck, 1888, с. 32]. Между тем отмечается, что именно не сколько соглашение сторон наделяет суд юрисдикцией, а сколько само подчинение, которое, однако, должно было основываться на единой воле сторон.

Последующие законодательство древнего Рима, в частности принятый императором Юстинианом свод законов (Corpus Iuris Civilis), не внес каких-либо существенных изменений, касающихся соглашения о подсудности.

Таким образом, в Древнем Риме действительность пророгационного соглашения зависела от волеизъявления и фактического поведения сторон, т.е. значительную роль в институте договорной подсудности, несмотря на его сугубо процессуальный эффект, играло поведение и волеизъявление частных лиц, т.е. частноправовой элемент.

В Средневековье учение о пророгации практически не развивалось. Отсутствие стремительного развития данного института, обусловлено стремлением средневековых государств сохранить прерогативу рассмотрения судебных споров, особенно торговых, на своей территории, поскольку отправление правосудия в то время являлось одним из значительных источников доходов [Арбрамов, 1950, с. 67]. В связи с этим, видится довольно логичным скептические отношение к институту договорной подсудности, поскольку основанное на волеизъявлении частных лиц соглашение, изменяющее установленную законом подсудность, представляет собой недопустимое вмешательство в право государства по отправлению правосудия, умаляющее его авторитет и лишающее существенной доли доходов казны.

С наступлением Эпохи Просвещения, особенно в 18 – 19 веках, в общественном мнении наблюдается изменение в понимании сути государства. Все большую поддержку получала точка зрения о необходимости отступления от идей абсолютизма и важности построения правового государства, основанного на принципе законности и разделения властей. Это развитие, затронувшее все компоненты общества, не оставило без изменений как гражданское процессуальное право в целом, так и институт пророгации в частности. В сфере гражданского судопроизводства получало все большее признание стремление к последовательному расширению диспозитивных начал, что проявлялось, в частности, в усилении договорной свободы при заключении соглашений о подсудности.

Ярким примером реализации названных целей является Гражданское процессуальное уложение Германии 1877 г. (далее также ZPO), в котором было закреплено положение, не позволяющее некомпетентному суду отказать в принятии искового заявления, если такой суд выбран сторонами в соглашении о подсудности. Кроме того, юридической силой стали обладать соглашения, заключенные вне рамок судебного процесса, т.е. был отвергнуто правило, согласно которому лишь соглашение, заключенное перед forum *prorogatum*, могло породить желаемый процессуальный эффект, в результате чего более не требовалось фактического подчинения

юрисдикции согласованного суда в качестве конститутивного элемента действительной пророгации. Также наличие ошибки в соглашении не стало являться безусловным основанием для признания его недействительным [Wach, 1885, с. 377].

Исследователи того времени отмечают, что соглашение о подсудности порождает притязание на исполнение принятого обязательства явиться перед соответствующим судом. Поскольку обязательства должны быть исполнимыми, требование о возмещение убытков за нарушение такого обязательства представляется рядом исследователей того времени достаточно обоснованным.

Таким образом, в конструкции института соглашения о подсудности отмечается значительное усиление гражданско-правового начала. Это выражается, в частности, в появлении в науке позиций, рассматривающих данное соглашение в качестве гражданско-правового обязательства, нарушение которого может повлечь взыскание убытков. Уже на этом этапе исторического развития аргументы сторонников процессуальной квалификации соглашения о подсудности начинают подвергаться сомнению (например, аргумент о том, что только заключенное в рамках процесса соглашение обладает юридической силой, как следует из примера Гражданского процессуального уложения Германии 1877 г., был отвергнут на законодательном уровне).

В Российской Империи также допускалась возможность заключения соглашения о подсудности. Так, в статье 155 Устава Торгового Судопроизводства и статье 227 Устава Гражданского судопроизводства установлено право сторон при заключении договора определить суд первой инстанции, который будет компетентен рассматривать споры между сторонами по поводу заключенного договора [Гольмстен, 1913, Яблочков, 1909]. Как видно из буквального толкования данных норм сфера их действий ограничена лишь спорами, вытекающих из договоров, т.е. в иных ситуациях подсудность определяется в только в соответствии с законом (например, соглашение о подсудности не может быть заключено по спору о возмещении вреда, после его причинения).

Кроме того, если стороны своим соглашением выбрали иностранный суд в качестве компетентного, но исполнение основного договора осуществляется или будет осуществляться на территории Российской Империи, то заключенное соглашение считается недействительным. В такой ситуации в качестве компетентного суда может быть выбран только лишь российский суд [Яблочков, 1909, с. 61].

При этом стоит отметить, что подробное изучение вопросов правой природы пророгационного соглашения исследователями того времени в Российской империи практически не осуществлялось. Так в одной из анализируемых работ отмечено, что соглашение о подсудности представляет собой договор, а значит для его действительности необходимо наличие условий, требующихся для действительности договора: правоспособности и дееспособности, свободы волеизъявления и пр. Отсутствие одного из этих элементов дает право оспаривать действительность такого соглашения [Васьковский, 1917, с. 221].

Таким образом, законодательное регулирование соглашения о подсудности в Российской Империи конца XIX века имело императивный характер, существенно ограничивая автономию воли сторон в целях защиты публичного интереса. Данное обстоятельство, в свою очередь, предопределило его практическую невостребованность и недостаточную научную разработанность: вопросы правовой природы соглашения о подсудности рассматривались преимущественно в рамках комментариев к процессуальным кодексам. Хотя правовая доктрина того периода в целом признавала наличие в данном институте гражданско-правового элемента,

вопрос о его системообразующем или же вторичном значении оставался неизученным.

В начале XX века интенсивность дискуссии о правовой природе соглашения о подсудности начинает постепенно снижаться, поскольку все больше начинает преобладать точка зрения о распорядительном эффекте такого соглашения, обладающем сугубо процессуальным эффектом – наделением или исключением компетенции конкретного суда. Сторонники такого подхода отмечают, что выделение в соглашении о подсудности гражданско-правового обязательства с одной стороны, не сделает суд компетентным, а с другой — придаст пророгации исключительный эффект в отношении других судов, который ей по своей природе не всегда присущ [Wach, 1885, 502].

Однако приведенные аргументы не исключают существования гражданско-правового начала, поскольку без согласия сторон пророгация не состоится. Даже сторонники процессуальной теории отмечают его наличие, однако, по их мнению, в соглашении о подсудности оно не имеет «существенного значения» [Gebauer, 2012, с.272]. Следовательно, с наступлением XX столетия наблюдается обратная тенденция: значимость гражданского правового элемента по сравнению с XIX веком начинает постепенно сокращаться, уступая публично-правовому (процессуальному) элементу. Судебная практика и доктрина говорят о необходимости согласия сторон лишь для наделения компетенцией выбранного сторонами суда.

Дальнейшее экономическое развитие существенно сказалось на применении института подсудности. Если раньше договорная подсудность встречалась довольно редко, поскольку участниками судебных разбирательств в основном были лица, активно не участвующие в торговом обороте, то возрастающая индустриализация, усиление товарообмена и сопутствующая необходимость в межтерриториальных деловых связях значительно повысили роль соглашений о подсудности на практике.

Вследствие этого получила распространение практика одностороннего включения в договоры условий о подсудности, которые, ввиду значительного дисбаланса переговорных сил и недостаточной информированности одной из сторон (потребителя), не могли быть оспорены или изменены. Данное обстоятельство поставило вопрос о квалификации подобных условий как недобросовестных, навязанных более сильным экономическим субъектом слабой стороне договора.

Развернувшаяся дискуссия характеризовалась, в первую очередь, широкой поддержкой отказа от тех руководящих принципов, которые еще были основополагающими при реформации института договорной подсудности в 70-80 годы XIX века. Распространённые в указанный период идеи о неограниченной возможности заранее устанавливать подсудность изначально некомпетентного суда основывалась на предположении о неограниченной договорной свободе сторон в гражданском процессе и, таким образом, вписывалась в уже описанную историческую тенденцию «постоянного расширения права на пророгацию» [Wach, 1885, с. 500]. Естественно, что в XIX, учитывая непредсказуемость технического прогресса, нельзя было предвидеть, что в результате почти неограниченной воли сторон над определением подсудности рано или поздно возникнут различного рода злоупотребления.

Например, в Германии в первой половине XX века, за счет наличия заранее включенных в договор оговорок о подсудности резко выросло число заочных решений, поскольку при неявке ответчика суд по закону должны были проверять лишь обоснованность утверждений истца, которая, как правило, включала ссылку на ранее заключенное соглашение о подсудности. Такая практика причиняла существенный ущерб более слабым и неосведомленным участникам оборота, что стало причиной реформирования института договорной подсудности посредством

ограничения свободы договора, т.е. за счет ограничения гражданско-правового начала в соглашении о подсудности. Так, например, действующая с 1974 года редакция статьи 1 § 38 ZPO допускает заключение пророгационного соглашения только между предпринимателями, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями, т.е. заключение соглашения о подсудности с участием граждан по общему правилу исключается.

Что касается России, то вопросы, касающиеся соотношения в соглашении о подсудности гражданско-правового или публично-правового начал, и тем более разрешение вопросов навязывания слабой стороне несправедливых договорных условий, в течение XX века практически не освещались. Исследователи того времени отмечали, что договорная подсудность выступала средством эксплуатации трудящихся [Клейман, 1940, с, 33-34]. Стоит отметить, что до 1932 г. Верховный суд РСФСР придерживался позиции о недопустимости изменения установленной законом подсудности посредством заключения соответствующего соглашения. Однако начиная с 1932 г. указанная позиция изменилась, поскольку «с победой социализма в СССР и ликвидацией капиталистических элементов, негативные стороны договорной подсудности не могут более себя проявить» [Клейман, 1940, с. 34]. В связи с этим ВС РСФСР разъяснениями Пленума от 03.02.1932 г. предписал судам принимать к рассмотрению дела, в которых подсудность спора установлена соглашением сторон, за исключением случаев, когда такое соглашение нарушает исключительную подсудность. В этой связи в ГПК РФСФР 1964 г. была включена статья 120, допускающая заключение соглашения о подсудности. Однако каких-либо монографических работ, посвященных непосредственно вопросам правовой квалификации пророгационного соглашения в СССР, обнаружить не удалось.

При этом стоит отметить рассуждения Л.А. Лунца, который рассматривал вопрос о допустимости заключения соглашения о международной подсудности путем применения по аналогии нормы о договорной подсудности (статьи 120 ГПК РСФСР 1964 г.). В своих рассуждениях Л.А. Лунц приходит к выводу, что это возможно лишь в ситуации, когда спор касается сделки, которая по советскому праву может быть отнесена к внешнеторговой, поскольку как выбор применимого права допускается лишь для внешнеторговой сделки, так и выбор юрисдикции должен ограничиваться указанными рамками [Лунц, 2002, с. 834]. Однако рассуждения о правовой природе соглашения о подсудности в работах данного автора обнаружить не удалось. Тем не менее, учитывая правовую политику СССР и приведенные рассуждения Л.А. Лунца, можно сделать о вывод о рассмотрении публично-правового (процессуального) начала соглашения о подсудности в качестве преобладающего.

Таким образом, освещение вопросов договорной подсудности осуществлялось лишь в «общем формате» в рамках учебной литературы по вопросам территориальной подсудности [Арбрамов, 1950, Гурвич и др., 1975].

Начиная с конца XX века роль гражданско-правового элемента в соглашении о подсудности начинает изменяться. Прежде всего, это начинается проявляться при разрешении споров, осложненных иностранным элементом. Так, в указанный период появляются первые научные комментарии о возможности возмещения убытков, вызванных нарушением соглашения о международной подсудности.

Вскоре Апелляционный суд в деле «Union Discount Co Ltd v. Zoller» [Union Discount Co Ltd v. Zoller, 2002] высказался о возможности взыскания убытков за нарушение соглашения о международной подсудности. Хотя английский суд в этом деле не стал вводить общее правило о гражданско-правовой ответственности за нарушение пророгационного соглашения,

ограничившись лишь ссылкой на конкретные обстоятельства дела и соображения правовой политики (policy reasons) в контексте действия американского правила о возмещении убытков (American rule), данный прецедент стал отправной точкой для развития доктрины и соответствующей судебной практики, которая впоследствии стала обосновывать возможность взыскания убытков за нарушение гражданско-правового обязательства, закрепленного в соглашении о международной подсудности [Donohue v Armco, 2001].

Ярким примером такой развития такой практики является решение Верховного суда ФРГ 2019 г., который прямо в качестве общего правила закрепил наличие обязательственного элемента в соглашении о подсудности в том понимании, в каком он закреплено в статье 280 Германского гражданского уложения. Верховный суд ФРГ отмечает, что правовая природа пророгационного соглашения не исключает обязательного элемента, независимо от того, является ли оно материально-правовым договором о процессуальных отношениях (как предполагал сам Верховный суд ФРГ в своей устоявшейся судебной практике) или чисто процессуальным договором (с дополнительным материально-правовым соглашением о процессуальных отношениях) [BGH, 2019]. При этом указывается, что обязательственный элемент наличествует даже тогда, когда стороны прямо не согласовали конкретное обязательство. Наделяя конкретный суд компетенцией, стороны тем самым принимают на себя обязательство по обращению с иском именно в этот суд. Данная логика в равной степени применима как к альтернативным, так и к дерогационным соглашениям о подсудности, с той лишь особенностью, что содержание обязательства изменяется. В случае альтернативной пророгации обязательство состоит в выборе для подачи иска одного из указанных в соглашении судов, тогда как при дерогации — в воздержании от обращения в суд(ы), исключенные сторонами.

Стоит отметить, что принятие данного судебного акта свидетельствует о новом этапе развития дискуссии о правовой природе пророгационного соглашения, поскольку высказанное Верховным судом ФРГ мнение не соответствует преобладающей в континентальной доктрине точке зрения, которая развивалась с начала XX века, когда обязательственный эффект пророгационного соглашения все больше уходил на второй план [Gebauer, 2020, с. 203].

В России начиная с XXI века наблюдается схожая тенденция, выражающаяся в постепенном признании преобладающего положения гражданско-правового начала в соглашении о подсудности. Эта позиция находит отражение в отечественной доктрине, в которой предлагается квалифицировать пророгационное соглашение как материально-правовой договор, аргументируя это наличием присущих данному институту классических элементов: автономии воли, правосубъектности сторон, возможности изменения и расторжения соглашения и т.д.). Также отмечается, что заключение соглашения позволяет стороне обратиться в согласованный суд, который в силу наличия у него компетенции по закону и принимает иск к своему производству. Из названного следует, что «процессуальные последствия являются прямым следствием наличия или отсутствия у суда (арбитражного суда) компетенции, но не самого соглашения о подсудности».

При этом прослеживается сдержанное отношение к требованию о взыскании убытков из-за нарушения соглашения о подсудности, поскольку предполагается, что все расходы сторон могут быть компенсированы за счет процессуального института возмещения судебных издержек. Взыскание убытков представляется возможным лишь в тех случаях, когда процессуальный закон места рассмотрения дела не позволяет возместить убытки в полном объеме, т.е. взыскание убытков допустимо лишь при нарушении соглашения именно о международной подсудности и

неэффективности процессуального законодательства места разрешения спора. Хотя отмечается, что такая возможность не бесспорна и для надежной защиты прав сторон лучше прямо оговаривать возможность возмещения убытков.

В последующем также появляются работы, которые уже прямо указывают на допустимость взыскания убытков за нарушение соглашения о подсудности, так как это отвечает принципу полного возмещения убытков [Елисеев, 2015, Чупрунов, 2011, Юдин, 2009].

Признание наличия такой возможности свидетельствует об укрепляющейся позиции о том, что гражданско-правовое начало соглашения о подсудности имеет преобладающее значение.

О преобладающей роли гражданско-правового начала в соглашении о подсудности свидетельствует и выработанная в российской судебной практике правовая позиция, согласно которой такое соглашение сохраняет свою силу при перемене лиц в лежащем в его основе обязательстве. Ключевым аспектом дискуссии по данной позиции выступал вопрос о том, распространяется ли на новое лицо оговорка о подсудности, заключенная выбывшим участником соглашения?

Сформированный судебной практикой подход говорит о том, что переходящие к другому лицу права, по общему правилу, включают в себя и процессуальные аспекты, в частности, такие как согласование компетентного суда. При этом сам по себе автономный характер соглашения о подсудности не противоречит такой позиции, поскольку, как отмечает Елисеев Н.Г., существует объективная связь материального и процессуального аспектов правоотношения, а также равнозначность материально-правовых и процессуальных договорных условий [6, с. 192]. Такая связь проявляется следующим образом.

В основе регулирования уступки требования (ст. 384 ГК РФ) лежит разграничение между основным требованием и сопутствующими ему правомочиями. Переход права к новому кредитору осуществляется в том виде и объеме, которые оно имело на момент перехода, включая обеспечительные меры и иные связанные права, такие как право на проценты. Правопреемство в сопутствующих правоотношениях обусловлено не их автономией, а правовой связью с основным обязательством. Поскольку данные правоотношения формируют объем и условия уступаемого требования, они переходят к новому кредитору в силу закона, без необходимости совершения каких-либо дополнительных действий.

Для процессуального договора (так правовую природу соглашения о подсудности определяет Елисеев Н.Г.) также характерна аналогичная связь с материальным обязательством. С одной стороны, такой договор позволяет сторонам повлиять на судебную процедуру для своих нужд, исходя из специфики их материального правоотношения. С другой стороны, само содержание материально-правового обязательства (в диспозитивной его части) может зависеть от процессуального режима его реализации. Следовательно, процессуальный аспект осуществления материального правоотношения переходит к правопреемнику по аналогии с сопутствующими такому правоотношению правомочиями, т.е. на процессуальный аспект, в данном случае, распространяется правовой режим материально-правового элемента.

Изложенная позиция находит подтверждение в судебной практике, которая, указывает на приобретение правопреемником всего комплекса прав, связанных с основным обязательством, включая согласованную сторонами подсудность [Определение ВАС РФ № 15954/06, 2007].

В дальнейшем указанные выше положения о действительности соглашения о подсудности при изменении лиц в материально-правовом отношении получили закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений,

осложненных иностранным элементом» (далее – Пленум № 23) [Постановление Пленума ВС РФ № 23, 2017]. Кроме того, в указанном Пленуме ВС РФ был сделан акцент на необходимости определения «истинного намерения» для установления исполнимости пророгационного соглашения [Постановление Пленума ВС РФ № 23, 2017], т.е. ВС РФ прямо указывает на важность воли сторон и необходимости его толкования при рассмотрении соглашений о международной подсудности. При этом каких-либо оговорок о правилах толкования ВС РФ не дает, что допускает возможность применении общих правил толкования договоров к таким соглашениям.

Хотя ВС РФ никак не высказался о природе пророгационного соглашения, приведенные выше положения Пленума № 23, иной судебной практики и доктрины указывают на закрепление в России позиции о том, что гражданско-правовое начало в соглашении о подсудности имеет преобладающее значение. Развитие данной идеи может привести к дальнейшему признанию на уровне законодательства и (или) судебной практики возможности привлечения к ответственности за нарушение гражданско-правового обязательства, закрепленного в соглашении о подсудности.

Признание такой возможности будет способствовать совершенствованию правового регулирования. Во-первых, это позволит преодолеть недостатки процессуального законодательства, в частности, в сфере возмещения судебных расходов, закрепив механизм взыскания убытков, вызванных нарушением соглашения о подсудности. Во-вторых, распространение на пророгационное соглашение положений обязательственного права обеспечит соблюдение правовой определенности, поскольку стороны будут понимать какие положения закона применимы к регулированию данного института и какие вопросы могут быть разрешены в соглашении о подсудности (например, выбор применимого права, условия исполнения обязательства, неустойка за его неисполнение и т.д.). В-третьих, положения обязательственного права обеспечат достаточно широкую автономию воли сторон при заключении пророгационного соглашения, что позволит свободно определять его содержание в соответствии с законом. Совокупность указанных преимуществ будет стимулировать практическое применение данного института и усилит защиту прав и законных интересов сторон.

Заключение

Таким образом, проведенный в статье анализ эволюции понимания правовой природы соглашения о подсудности позволил выявить определенную закономерность в изменении соотношения его гражданско-правового (материально-обязательственного) и процессуального начал.

Из анализа следует, что отправной точкой развития института, берущей начало в римском праве, стало признание значительной роли частной воли и фактического поведения сторон. Это свидетельствовало о доминировании гражданско-правового начала, несмотря на сугубо процессуальный эффект пророгации.

Однако в дальнейшем, с укреплением государственного суверенитета и публично-правовых начал в судопроизводстве, наметился переход к преобладанию процессуальной концепции, которая достигла своего пика в XIX – первой половине XX века. В этот период пророгационное соглашение стало рассматриваться преимущественно как распорядительный акт, наделяющий суд компетенцией по разрешению спора. При этом несмотря на доминирование в названный

период идей о процессуальной правовой природе соглашения о подсудности, даже сторонники такой теории признавали наличие в пророгационном соглашении гражданско-правового обязательства, но с оговоркой о его незначительной роли, необходимой лишь для наделения суда согласованной компетенцией.

Современный этап развития института, начавшийся на рубеже XX–XXI веков, характеризуется новым витком в придании преобладающего значения гражданско-правовому началу. Это проявляется в признании сохранения действия соглашения о подсудности при перемене лиц в обязательстве (правопреемстве), в акценте на необходимости установления «истинного намерения» сторон при толковании таких соглашений, а также в обосновании допустимости взыскания убытков за их нарушение, особенно в сфере международной подсудности.

Таким образом, на современном этапе гражданско-правовой элемент соглашения о подсудности рассматривается в качестве системообразующего компонента, порождающего гражданско-правовое обязательство сторон обращаться в заранее определенный суд. Нарушение этого обязательства все чаще влечет за собой не только процессуальные риски, но и материально-правовые последствия в форме ответственности, что свидетельствует о возврате к признанию первостепенной значимости материально-правового аспекта.

Данный вывод имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку признание преобладания гражданско-правового элемента открывает возможность для применения к пророгационным соглашениям институтов обязательственного права, что способствует повышению предсказуемости и эффективности данного института в гражданско-правовом обороте.

Библиография

159. Адамович В.И. Очерк русскаго гражданскаго процесса / приват-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета В. И. Адамовича. Вып. 1. – С.-Петербург: Типо-литогр. и фототипия П. И. Бабкина, 1895 – II, 192 с.
160. Арбрамов С.А. Гражданский процесс. — 2-е изд., доп. и испр. — Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — 227 с.
161. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – 2-е изд., перераб. – Москва: Бр. Башмаковы, 1917. – 429 с.
162. Гольмстен А.Ф. Учебник русского гражданского судопроизводства. – 5-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1913. – XX, 411 с.
163. Гурвич М.А., Шакарян М.С., Тараненко В.Ф. Советский гражданский процесс [Текст]: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / [Д-р юрид. наук, проф. Гурвич М. А., Шакарян М. С., канд. юрид. наук, доц. В. Ф. Тараненко и др.]; Под ред. д-ра юрид. наук проф. М. А. Гурвича. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высш. школа, 1975. – 399 с.;
164. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. – Москва: Статут, 2015. - 367 с.
165. Клейман А.Ф. Гражданский процесс: Учебник для юрид. школ и курсов: Допущено УУЗ НКЮ СССР в качестве учебника для юрид. школ / Проф. А. Ф. Клейнман; Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. — Москва: Юриздат, 1940. — 120 с.
166. Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
167. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – 1876. – [2], VIII, 444 с.
168. «Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: https://consultant.ru.
169. Определение ВАС РФ от 26.01.2007 г. № 15954/06 по делу № А40-28164/06-60-257 // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: https://consultant.ru.
170. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» //

Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: https://consultant.ru.
171. Чупрунов И.С. Допустимость взыскания убытков из нарушения арбитражного или пророгационного соглашений // Вестник гражданского права. – 2011. – Том 11, № 6.– С. 62 – 101.
172. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.15. – Санкт-Петербург, 2009. – 537 с.
173. Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права – Ярославль: тип. Губ. правл., 1909. – 212 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003764538?page=1&rotate=0&theme=white
174. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства– 2-е изд., доп. – Ярославль: И.К. Гассанов, 1912. – VIII, – 327 с.
175. BGH, Urteil vom 17. Oktober 2019 - III ZR 42/19 / [Электронный ресурс]. URL:https://juris.bundesgerichtshof.de/cgibin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101645&pos=0&anz=1.
176. Deybeck C. Der Gerichtsstand der Vereinbarung in historischer und dogmatischer Darstellung. – Deichert, 1888 – 238 S. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_Gerichtsstand_der_Vereinbarung_in_hi/jrlv_Bxo-48C?hl=ru&gbpv=1.
177. Donohut v Armco [2001] UKHL 64, [2002] 1 All ER 749 [36] (Lord Bingham), [48](Lord Hobhouse), [75] (Lord Scott) / [Электронный ресурс]. URL: https://ca.vlex.com/vid/donohue-v-armco-inc-681660057
178. Gebauer M. Gerichtsstandsvereinbarung und Pflichtverletzung // Recht ohne Grenzen: Festschrift für Athanassios Kaissis zum 65. Geburtstag, edited by Reinhold Geimer and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: Otto Schmidt/De Gruyter european law pub, 2012. – S. 267-286.
179. Gebauer M. Schadensersatz bei Verletzung von Schiedsund Gerichtsstandsvereinbarungen // Festschrift für Roderich C. Thümmel zum 65. Geburtstag am 23.10.2020, edited by Martin Gebauer, Thomas Klötzel and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. – S. 197-220.
180. Julius Wilhelm P. Lehrbuch des deutschen Civilprozessrechts. – Nördlingen: Verlag der C.H. Beck'schen Buchh., 1887-1896, 1887 – 547 S. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Lehrbuch_des_Deutschen_Civilprozessrecht/hzk4JRkwe34C?hl=ru&gbpv=0
181. Kai Stefan D. Die Gerichtsstandvereinbarung zwischen ZPO, EuGVVO und HGÜ. – 1. Auflage. – Nomos, 2019 – 260 S. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nomos-elibrary.de/de/document/view/pdf/uuid/08b56173-8691-30bc-8cd6-0166759eef09?page=1
182. Menzinger L. Der Gerichtsstand der Vereinbarung nach römischem Recht. – Ackermann, 1888 – 57 S. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=exUMAAAAYAAJ&redir_esc=y.
183. Ries F. Der Schadenersatzanspruch wegen der Missachtung einer Internationalen Gerichtsstandvereinbarung // Schriften zum Bürgerlichen Recht (BR), Band 478, 2018. – 314 S.
184. Starlight Shipping Company [2014] EWCA Civ 1010 / [Электронный ресурс]. URL: https://vlex.co.uk/vid/starlight-shipping-company-appellant-794009453.
185. Takahashi K. Damages for breach of a choice-of-court agreement // Yearbook of Private International Law, Volume 10. – 2008. – 57 – 91 p.
186. Union Discount Co Ltd v. Zoller [2002] 1 W.L.R. 1517(CA) / [Электронный ресурс]. URL: https://vlex.co.uk/vid/union-discount-company-ltd-792946461
187. Wach A. Handbuch des deutschen Zivilprozessrechts. – Duncker & Humblot, 1885 – 690 S. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=w9oPAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
188. Walter L., Das neue Recht der Gerichtsstandsvereinbarung / Walter L. – NJW 1974. – S.473 – 478.
189. Wilhelm E. Das deutsche Civilprozeßrecht. – Bangel & Schmitt, 1868 – 588 S. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=O0hEAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

Civil Law and Procedural Principles in International Jurisdiction Agreements: Historical and Contemporary Analysis

Matvey D. Chekonov

2nd Year Graduate Student,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chekonovmatvey@gmail.com

Abstract

This article analyzes provisions concerning the legal nature of jurisdiction agreements, with emphasis on the changing relationship between civil law (substantive-obligatory) and procedural principles within them. The article proves that throughout the development of the doctrine of contractual jurisdiction, a cyclical pattern is observed: from initial recognition of the leading role of private will and actual behavior of the parties in Ancient Rome to the consolidation of the procedural concept in the 19th-20th centuries, which was replaced at the contemporary stage by the predominance of the dispositive principle in the institution of contractual jurisdiction. Currently, in foreign legal systems, the significance of the dispositive principle is manifested as follows: in recognizing a prorogation agreement as a civil law obligation and the possibility of recovering damages for its violation. In the legal system of the Russian Federation, the civil law principle in jurisdiction agreements is also given substantial importance. However, despite ideas expressed in doctrine, neither in legislation nor in judicial practice of the Russian Federation has a conclusion been directly formed today about the existence of a civil law obligation in a prorogation agreement. In this regard, the article notes that implementation in the Russian Federation at the level of legislation or judicial practice of the provision about the existence of a civil law obligation in a jurisdiction agreement would allow mitigating shortcomings of procedural legislation and guaranteeing more reliable protection of the rights and legitimate interests of civil turnover participants.

For citation

Chekonov M.D. (2025) Grazhdansko-pravovoye i protsessual'noye nachala v soglashenii o mezhdunarodnoy podsudnosti: istoricheskiy i sovremennyy analiz [Civil Law and Procedural Principles in International Jurisdiction Agreements: Historical and Contemporary Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 334-346. DOI: 10.34670/AR.2025.93.74.040

Keywords

Procedural legislation, international jurisdiction agreement, contractual jurisdiction, civil law obligation, civil liability, legal nature, damages, substantive law institution, procedural institution.

References

1. Adamovich V.I. An essay on the Russian civil procedure / Private associate professor of the Imperial St. Petersburg University V. I. Adamovich. Issue 1. St. Petersburg: Typo–lithography and phototype by P. I. Babkina, 1895-II, 192 p.
2. Arbramov S.A. Civil procedure. — 2nd ed., supplement. and ispr. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1950, 227 p.
3. Vaskovsky E.V. Textbook of civil procedure. – 2nd ed., revised Moscow: Bashmakov Publishing House, 1917. 429 p.
4. Golmsten A.F. Textbook of Russian civil procedure. – 5th ed., ispr. and add. – St. Petersburg: M. Merkushev's type, 1913. XX, 411 PP.
5. Gurvich M.A., Shakaryan M.S., Taranenko V.F. Soviet civil procedure [Text]: [Textbook for jurists. in-tov and fac.] / [Dr. Jurid. Sciences, professor. Gurvich M. A., Shakaryan M. S., PhD. jurid. V. F. Taranenko, and others]; Edited by Dr. Yurid. M. A. Gurvich, PhD. – 2nd ed., ispr. and add. – Moscow: Higher School, 1975. – 399 p.;
6. Eliseev N.G. Procedural agreement. – Moscow: Statute, 2015. - 367 p.
7. Kleiman A.F. Civil procedure: A textbook for lawyers. schools and courses: Approved by the University of the NKYU of the USSR as a textbook for juris. schools / Prof. A. F. Kleinman; All-Russian Institute of Law. of Sciences of the NKYU of the USSR. Moscow: Yurizdat Publ., 1940. 120 p.
8. Lunts L.A. Course of international private law: In 3 volumes. Moscow: Spark, 2002. 1007 p
. 9. Malyshev K.I. Course of civil proceedings. 1. – 1876. – [2], VIII, 444 C.

10. "Review of judicial practice in civil cases related to the resolution of disputes on the fulfillment of credit obligations" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.05.2013) // Official Internet portal of Legal Information. - URL: https://consultant.ru
11. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 26.01.2007 No. 15954/06 in case No. A40-28164/06-60-257 // The official Internet portal of legal information. - URL: https://consultant.ru.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2017 No. 23 "On the consideration by Arbitration courts of cases on economic disputes arising from relations complicated by a foreign element" // Official Internet portal of Legal Information. - URL: https://consultant.ru
13. Chuprunov I.S. The admissibility of recovery of damages from violation of arbitration or prorogation agreements // Bulletin of Civil Law. – 2011. – Volume 11, No. 6.– pp. 62-101.
14. Yudin A.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings: dissertation... Doctors of Law: 12.00.15. – St. Petersburg, 2009. – 537 p.
15. Yablochkov T.M. Course of international civil procedural law – Yaroslavl: tip. Gubernatorial Board, 1909. 212 p. [electronic resource]. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003764538?page=1&rotate=0&theme=white
16. Yablochkov T.M. Textbook of Russian civil procedure– 2nd ed., supplement – Yaroslavl: I.K. Gassanov, 1912. VIII – 327 pp.
17. BGH, Urteil vom 17. Oktober 2019-III ZR 42/19 / [electronic resource]. URL:https://juris.bundesgerichtshof.de/cgibin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101645&pos=0&anz=1.
18. Deybeck C. Der Gerichtstand der Vereinbarung in historischer und dogmatischer Darstellung. - Deichert, 1888-238 S. [electronic resource]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_Gerichtsstand_der_Vereinbarung_in_hi/jrlv_Bxo-48C?hl=ru&gbpv=1.
19. Donohut v Armco [2001] UKHL 64, [2002] 1 All ER 749 [36] (Lord Bingham), [48] (Lord Hobhouse), [75] (Lord Scott) / [electronic resource]. URL: https://ca.vlex.com/vid/donohue-v-armco-inc-681660057
20. Gebauer M. Gerichtsstandsvereinbarung und Pflichtverletzung / / Recht ohne Grenzen: Festschrift für Athanassios Kaissis zum 65. Geburtstag, edited by Reinhold Geimer and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: Otto Schmidt/De Gruyter european law pub, 2012. S. 267-286.
21. Gebauer M. Schadensersatz bei Verletzung von Schiedsund Gerichtsstandsvereinbarungen / / Festschrift für Roderich C. Thümmel zum 65. Geburtstag am 23.10.2020, edited by Martin Gebauer, Thomas Klötzel and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. - S. 197-220.
22. Julius Wilhelm P. Lehrbuch des deutschen Civilprozessrechts. – Nördlingen: Verlag der C. H. Beck'schen Buchh., 1887-1896, 1887-547 S. [electronic resource]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Lehrbuch_des_Deutschen_Civilprozessrecht/hzk4JRkwe34C?hl=ru&gbpv=0
23. Kai Stefan D. Die Gerichtsstandvereinbarung zwischen ZPO, EuGVVO und HGÜ. – 1. Auflage. - Nomos, 2019-260 S. [electronic resource]. URL: https://www.nomos-elibrary.de/de/document/view/pdf/uuid/08b56173-8691-30bc-8cd6-0166759eef09?page=1
24. Menzinger L. Der Gerichtsstand der Vereinbarung nach römischem Recht. - Ackermann, 1888 – 57 S. [electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=exUMAAAAYAAJ&redir_esc=y.
25. Ries F. Der Schadenersatzanspruch wegen der Missachtung einer Internationalen Gerichtsstandvereinbarung / / Schriften zum Bürgerlichen Recht (BR), Band 478, 2018. - 314 s.
26. Starlight Shipping Company [2014] EWCA Civ 1010 / [electronic resource]. URL: https://vlex.co.uk/vid/starlight-shipping-company-appellant-794009453 .
27. Takahashi K. Damages for breach of a choice-of-court agreement // Yearbook of Private International Law, Volume 10. – 2008. – 57 – 91 p.
28. Union Discount Co Ltd v. Zoller [2002] 1 W. L. R. 1517(CA) / [electronic resource]. URL: https://vlex.co.uk/vid/union-discount-company-ltd-792946461
29. Wach A. Handbuch des deutschen Zivilprozessrechts. - Duncker & Humblot, 1885-690 S. [electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=w9oPAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
30. Walter L., Das neue Recht der Gerichtsstandsvereinbarung / Walter L.-NJW 1974. S. 473-478.
31. Wilhelm E. Das deutsche Civilprozeßrecht. - Bangel & Schmitt, 1868 – 588 S. [electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=O0hEAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.41.90.041**

Процессуальные особенности рассмотрения арбитражных дел в закрытом судебном заседании

Дивин Игорь Михайлович

Доктор юридических наук, доцент,
Судья,
Арбитражный суд Республики Адыгея,
385000, Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Ленина, 15;
e-mail: divin@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает процессуальные особенности рассмотрения арбитражных дел в закрытом судебном заседании. Делается вывод о том, что процессуальное законодательство последовательно исходит из того, что закрытое судебное заседание возможно по двум основаниям: прямое указание в законе и по усмотрению суда. В заключении показано, что рассмотрение арбитражных дел в закрытом судебном заседании предполагает исключительный порядок рассмотрения дел с особенностями ведения процесса судьей, процессуального поведения участников процесса, особенностями использования информационно-телекоммуникационных ресурсов, а также электронных сервисов. Установление специальных требований обусловлено значимостью сохранения государственной, служебной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны, при соблюдении баланса частных и публичных интересов.

Для цитирования в научных исследованиях

Дивин И.М. Процессуальные особенности рассмотрения арбитражных дел в закрытом судебном заседании // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 347-354. DOI: 10.34670/AR.2025.41.90.041

Ключевые слова

Закрытое судебное заседание, исключения из принципов гласности и публичности, основания рассмотрения дел в закрытом судебном заседании, особенности процессуального поведения участников процесса, арбитражный процесс.

Введение

По общему правилу, правосудие в судах является гласным. Процессуальные кодексы раскрывают гласность через два основных элемента: открытое разбирательство дел в судах и публичность оглашения судебных актов. При этом, как справедливо отмечает, И.В. Решетникова, закон не разделяет гласность и открытость, и публичность рассматривается в качестве составляющей принципа гласности правосудия [Решетникова, 2013, с.24].

Основная часть

В основу реализации принципа гласности положено открытое разбирательство дела, публичное оглашение решений, а также свободный доступ в зал заседаний всех желающих. При этом, развитие действующего законодательства и правоприменительной практики расширяют содержание принципа гласности и транспарентности правосудия последовательно развивая механизмы реализации принципа гласности в арбитражном процессе, как то, размещение всех выносимых судебных актов в сети Интернет, подачу документов посредством работы сервиса «Мой арбитр», использование систем видеоконференц-связи и вэб-конференции.

При этом, согласимся с Магомедовой К.К. [Магомедова, 2020, с.8], подчеркивающей, что осуществление правосудия всегда затрагивает интересы определенных субъектов, поэтому право на информацию о судебной деятельности, право на публичный и открытый суд одних может противоречить праву и желанию других не разглашать определенную информацию, поскольку это может нарушить или иным образом затронуть их права и законные интересы.

В таком контексте можно говорить о том, что процессуальное законодательство должно иметь инструмент, при помощи которого из фундаментального принципа гласности могут быть сделаны исключения. И такое инструмент предусматривается в процессуальном законодательстве – это возможность проведения закрытого судебного заседания. При этом, как справедливо отмечает Т.В.Ярошенко, относительно проведения закрытого судебного заседания наблюдается единый подход законодателя в гражданском, арбитражном и административном процессе [Ярошенко, 2023, с.17].

В целом можно констатировать, что процессуальное законодательство последовательно исходит из того, что закрытое судебное заседание возможно по двум основаниям: 1) прямое указание в законе (императивная норма); 2) по усмотрению суда (диспозитивная норма). [Ярошенко, 2024, с.15]

Соглашаясь с приведенными тезисами, проанализируем обозначенную проблематику применительно к арбитражному процессу. Так, отметим, что из общего правила, закрепленного в части 1 статьи 11 АПК РФ, согласно которому разбирательство дел в арбитражных судах открытое, действующим законодательством предусмотрены исключения.

В силу части 2 статьи 11 АПК РФ разбирательство дела в закрытом судебном заседании допускается в случаях, если открытое разбирательство дела может привести к разглашению государственной тайны, в иных случаях, предусмотренных федеральным законом, а также при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой, служебной или иной охраняемой законом тайны.

Иными словами, АПК РФ разграничивает случаи рассмотрения дела в закрытом судебном заседании на две укрупненные группы.

К первой группе относятся споры, когда переход к исключению из общего правила рассмотрения дел в открытом судебном заседании обязателен в силу закона и не требуется

ходатайства лиц, участвующих в деле. Это, прежде всего дела, составляющие государственную тайну. При этом, дела, связанные с секретными сведениями, передаются определенному ограниченному кругу судей, имеющих соответствующий допуск к государственной тайне.

Ко второй группе относятся споры – когда переход к рассмотрению дела в закрытом режиме осуществляет по ходатайству лиц, участвующих в деле. Это категории дел, связанные с необходимостью сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенностью частной жизни граждан. При этом, наличие специального допуска судей к рассмотрению таковых споров не требуется.

В пункте 22 Постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» [Постановление Пленума ВАС РФ № 61, 2012] (далее - Постановление № 61) разъяснено, что в соответствии с частью 6 статьи 11 АПК РФ разбирательство дела в закрытом судебном заседании осуществляется с соблюдением правил судопроизводства в арбитражных судах. При этом, рассмотрение арбитражных дел в закрытом судебном заседании все же предполагает определенные особенности процессуального поведения участников процесса и исключения из общих правил организации процесса.

Отметим, что разъяснения, касающиеся особенностей рассмотрения дел в закрытом судебном заседании применительно к обозначенным выше группам, последовательно разграничиваются в Постановлении № 61.

В пункте 16.1 Постановление № 61 разъяснено, что в случае если открытое разбирательство дела может привести к разглашению государственной тайны, а также когда непосредственно федеральным законом предусмотрено рассмотрение дела в закрытом судебном заседании, арбитражный суд осуществляет разбирательство дела в закрытом судебном заседании по собственной инициативе.

Судья осуществляет разбирательство всего дела или его части в закрытом судебном заседании в связи с сохранением государственной тайны при наличии в материалах дела документов, содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне и засекреченные на основании и в порядке, установленном Законом Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [Закон РФ № 5485-1 «О государственной тайне», 1993] (далее - Закон о государственной тайне). По смыслу статей 4 и 9 Закона о государственной тайне суд не вправе самостоятельно давать оценку сведениям, не засекреченным в установленном порядке, а также исследовать вопрос о том, правомерно ли отнесены те или иные сведения к государственной тайне. При этом при представлении лицами, участвующими в деле, копий документов суд проверяет, заверены ли они надлежащим образом в соответствии с требованиями части 8 статьи 75 АПК РФ.

Кроме того, как указано в пункте 17 Постановления № 61 при рассмотрении дел об административных правонарушениях следует учитывать, что исходя из положений части 2 статьи 11, части 1 статьи 202, части 1 статьи 207 АПК РФ и части 1 статьи 24.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в случаях, если открытое рассмотрение дела может привести к разглашению государственной или военной тайны, а равно если этого требуют интересы обеспечения безопасности лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении, членов их семей, их близких, а также защиты чести и достоинства указанных лиц, арбитражный суд осуществляет разбирательство дела в закрытом судебном заседании по собственной инициативе.

Вместе с тем, согласно пункту 16.2 Постановления № 61 в случае необходимости сохранения коммерческой, служебной или иной охраняемой законом тайны, например, медицинской (далее - коммерческая или иная охраняемая законом тайна), разбирательство дела

может осуществляться в закрытом судебном заседании только по инициативе участвующего в деле лица, заинтересованного в сохранении таких сведений в тайне, о чем последним в силу части 2 статьи 11, статьи 159 АПК РФ в суд может быть подано ходатайство.

Судья, рассматривающий дело, не вправе по собственной инициативе решать вопрос о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании в связи с сохранением коммерческой или иной охраняемой законом тайны.

При этом судья вправе обратить внимание участвующих в деле лиц на возможное наличие в материалах дела информации, которая может быть отнесена к охраняемой законом тайне, и разъяснить им право подать соответствующее ходатайство, а также последствия разрешения такого ходатайства. В свете современных общественно-политических реалий, к таким делам надлежит отнести споры, возникающие из правоотношений, затрагивающие государственные контракты в рамках государственного оборонного заказа [Жемеров, Катукова, 2023, с.12] и государственного материального резерва.

В пункте 18 Постановления № 61 разъяснено, что ходатайства о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании в связи с сохранением коммерческой или иной охраняемой законом тайны могут быть поданы лицами, участвующими в деле, как до открытия судебного заседания (в том числе при подаче искового заявления (заявления), жалобы, в предварительном судебном заседании), так и непосредственно в судебном заседании, в том числе одновременно с заявлением ходатайства о приобщении дополнительных доказательств к материалам дела. Подача такого ходатайства иным участником арбитражного процесса исходя из части 2 статьи 11 АПК РФ не допускается.

Поданные лицами, участвующими в деле, ходатайства о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании разрешаются арбитражным судом в порядке, предусмотренном статьей 159 Кодекса, после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле.

Согласно пункту 21 Постановления № 61 федеральным законом может быть предусмотрена также иная охраняемая законом тайна.

Условия, при соблюдении которых соответствующие сведения относятся к охраняемой законом тайне и установление которых проверяет суд при решении вопроса о проведении закрытого судебного заседания, определяются федеральным законом и обосновываются лицом, ходатайствующим о проведении закрытого судебного заседания в связи с сохранением иной охраняемой законом тайны.

Переход в закрытое судебное заседание должен быть вызван наличием оснований указанных в законе. При этом именно на заявителя возлагается процессуальная обязанность доказать наличие таких оснований. Отметим, что допускаемая действующим законодательством возможность рассмотрения дел, в рамках которых может быть нарушена охраняемая законом тайна, с исключением из фундаментального принципа гласности и переходом в закрытый режим, предполагает активную процессуальную позицию заявителя, ходатайствующего о таковом переходе. Так, заявитель такого ходатайства должен его мотивировать и представить суду доказательства наличия оснований для перехода рассмотрения дела в закрытом режиме. При этом, согласно части 1 статьи 159 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункту 2 статьи 3, статье 5 и 10 Закона о коммерческой тайне, лицо, участвующее в деле, при подаче ходатайства о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании в связи с сохранением коммерческой тайны должно обосновать, что в отношении информации, разглашение которой оно считает недопустимым, приняты меры по охране ее конфиденциальности, а также то, что такая информация не относится к сведениям, которые не могут составлять коммерческую тайну.

Разъяснения, сформулированные в пункте 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 [Обзор судебной практики..., 2016], учитывая, что материалы налогового контроля, в соответствии со статьей 102 НК КФ, могут составлять налоговую тайну, допускают, что рассмотрение обособленных споров или рассмотрение в общеисковом порядке дел, связанных с делом о банкротстве, по ходатайству уполномоченного органа и (или) другого лица, участвующего в деле (обособленном споре), поданному в соответствии со статьей 11 АПК РФ (пункт 16.2 постановления № 61), может производиться в закрытом судебном заседании.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что арбитражные суды последовательно исходят из того, что само по себе утверждение заявителя о том, что в ходе рассмотрения спора может быть оглашена информация, которая может составлять налоговую или банковскую тайну, а переход в закрытое судебное заседание позволит круг лиц получающих доступ к информации, предотвратить распространение информации и персональных данных, не является достаточным основанием для перехода в закрытое судебное заседание. Заявитель должен исполнить процессуальную обязанность и доказать наличие таких оснований.

В силу того, что сохранение сведений, составляющих государственную, служебную и (или) иную охраняемую законом тайну, имеет серьезное значение, судья должен предупредить участников арбитражного процесса об ответственности за разглашение таковой тайны.

Разъяснения, определяющие порядок действия судьи в спорах, затрагивающих сведения, составляющие государственную тайну, сформулированы в пункте 23.1 постановления № 61. Так, исходя из части 3 статьи 11 Кодекса, статьи 21 Закона о государственной тайне с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, данной в определении от 10.11.2002 № 293-О по жалобе открытого акционерного общества «Омский каучук» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», судья предупреждает участников арбитражного процесса об уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, о чем у них отбирается соответствующая расписка (обязательство), копия которой приобщается к материалам дела.

Примечательно, что аналогичных разъяснений по спорам, затрагивающим сведения, составляющие служебную и (или) иную охраняемую законом тайну, не имеется. Представляется, что при рассмотрении таких дел судья предупреждает участников арбитражного процесса об административной ответственности за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), о чем у них отбирается соответствующая расписка (обязательство), копия которой также приобщается к материалам дела.

Согласимся с исследователем, что рассмотрение дела в режиме закрытого судебного заседания как исключение из принципа гласности в определенной мере представляет собой ограничение [Алиев, 2024, с.56]. При этом отметим, что применительно к арбитражному процессу, рассмотрение арбитражных дел в закрытом судебном заседании предполагает и определенные изъятия применительно к использованию информационно-телекоммуникационных ресурсов.

Так, согласно пункту 9 Постановления № 61 при осуществлении части судебного разбирательства в закрытом судебном заседании судья - председательствующий в судебном заседании - отказывает в проведении кино-, фотосъемки, видеозаписи, трансляции судебного

заседания по радио, телевидению и (или) в сети «Интернет» в этой части.

Из пункта 22.1 Постановления № 61 следует, что использование систем видеоконференц-связи в закрытом судебном заседании не допускается в связи с необходимостью обеспечения сохранности сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Не допускается использование систем видеоконференц-связи в судебном заседании, в котором исследуются доказательства, содержащие сведения, составляющие государственную тайну.

В случаях, когда при рассмотрении дела используются системы видеоконференц-связи и арбитражный суд переходит к рассмотрению дела в закрытом судебном заседании в связи с сохранением коммерческой или иной охраняемой законом тайны, суд вправе продолжить использование систем видеоконференц-связи, если при этом обеспечивается сохранность соответствующих сведений и отсутствуют возражения относительно использования систем видеоконференц-связи со стороны участвующих в деле лиц - обладателей таких сведений.

Рассмотрение арбитражных дел в закрытом судебном заседании предполагает особенности не только порядка ведения процесса судом, процессуального поведения сторон, но и влияет и на форму принятия, порядок объявления и форму опубликования принимаемых судебных актов.

Положения пункта 2 статьи 3, части 1 статьи 5, статьи 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее - Закон об информации), пункта 4 статьи 4, статьи 5 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее - Закон об обеспечении доступа к информации) ограничивается доступ к информации, отнесенной в соответствии с федеральным законом к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну.

Согласно пункту 26.1 Постановления № 61 судебные акты, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, объявляются арбитражным судом в закрытом судебном заседании.

По смыслу части 5 статьи 15 АПК РФ, судебные акты, принятые по делам, рассматриваемым в закрытом судебном заседании, не могут быть приняты в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Представляется, что судебные акты, содержащие сведения, составляющие государственную и (или) иную охраняемую законом тайну, должны изготавливаться только в бумажном виде.

В пункте 27 Постановления № 61 разъяснено, что судебные акты, принятые по делам, при рассмотрении которых исследовались сведения, составляющие государственную тайну, и иные сведения, затрагивающие безопасность государства, не подлежат опубликованию в сети «Интернет». При этом вместо текстов судебных актов, выносимых по таким делам, размещается документ с текстом «Судебный акт принят в закрытом судебном заседании». Собственно описательная, мотивировочная и резолютивная части таких судебных актов не подлежат опубликованию. При этом, как отмечают исследователи [Жемеров, Катукова, 2023, с.12], может быть доступна лишь информация о сторонах и абстрактном предмете спора (например, о взыскании денежных средств), что не относится к сведениям ограниченного доступа.

Как следует из разъяснений пункта 27 Постановления № 61, судебные акты, принятые по делам, при рассмотрении которых исследовались сведения, составляющие коммерческую или иную охраняемую законом тайну, также не подлежат размещению в сети «Интернет».

При этом, правила, указанные правила применяются также к судебным актам арбитражного суда первой (апелляционной) инстанции, опубликованным в сети «Интернет», если при пересмотре таких актов арбитражный суд установит, что имелись основания для осуществления разбирательства дела в закрытом судебном заседании.

Заключение

Рассмотрение арбитражных дел в закрытом судебном заседании предполагает исключительный порядок рассмотрения дел с особенностями ведения процесса судьей, процессуального поведения участников процесса, особенностями использования информационно-телекоммуникационных ресурсов, а также электронных сервисов. Установления специальных требований обусловлено значимостью сохранения государственной, служебной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны, при соблюдении баланса частных и публичных интересов.

Библиография

190. Решетникова И.В. Деперсонификация судебных актов и гласность судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С.19-25.
191. Магомедова К.К. Пределы транспарентности правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 8 - 10.
192. Ярошенко Т.В. Проведение закрытого судебного заседания в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 17 -20.
193. Ярошенко Т.В. Участие прокурора по отдельным категориям семейных дел в закрытом судебном заседании: проблемные вопросы // Администратор суда. 2024. № 4. С. 15 - 18.
194. Об обеспечении гласности в арбитражном процессе : Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 61 (ред. от 04.04.2014) // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12 (декабрь).
195. О государственной тайне : Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 41. Ст. 8220-8235.
196. Жемеров В.В., Катукова С.Ю. Рассмотрение дел по спорам в сфере государственного оборонного заказа в закрытом судебном заседании // Администратор суда. 2023. № 3. С. 11 - 15.
197. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) (ред. от 26.12.2018) //Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. - №9 (сентябрь).
198. Алиев Р.Т. Процессуально-правовые последствия нарушения режима закрытого судебного заседания участниками цивилистического процесса // Юрист. 2024. № 5. С. 55 - 60.
199. Жемеров В.В., Катукова С.Ю. Рассмотрение дел по спорам в сфере государственного оборонного заказа в закрытом судебном заседании // Администратор суда. 2023. № 3. С. 11 - 15.

Procedural Features of Consideration of Arbitration Cases in Closed Court Hearings

Igor M. Divin

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Judge,
Arbitration Court of the Republic of Adygea,
385000, 15 Lenina St., Maykop, Republic of Adygea, Russian Federation;
e-mail: divin@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines the procedural features of consideration of arbitration cases in closed court hearings. It is concluded that procedural legislation consistently proceeds from the premise that closed court hearings are possible on two grounds: direct indication in the law and at

the discretion of the court. In conclusion, it is shown that consideration of arbitration cases in closed court hearings involves an exceptional procedure for case consideration with features of conducting the process by the judge, procedural behavior of participants in the process, features of using information and telecommunication resources, as well as electronic services. The establishment of special requirements is conditioned by the importance of preserving state, official, commercial and other legally protected secrets, while maintaining a balance between private and public interests.

For citation

Divin I.M. (2025) Protsessual'nyye osobennosti rassmotreniya arbitrazhnykh del v zakrytom sudebnom zasedanii [Procedural Features of Consideration of Arbitration Cases in Closed Court Hearings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 347-354. DOI: 10.34670/AR.2025.41.90.041

Keywords

Closed court hearing, exceptions from the principles of transparency and publicity, grounds for consideration of cases in closed court hearings, features of procedural behavior of participants in the process, arbitration process.

References

1. Reshetnikova I.V. Depersonification of judicial acts and transparency of judicial proceedings // Arbitration and civil procedure. 2013. No. 8. pp.19-25.
2. Magomedova K.K. The limits of transparency of justice in civil cases // Arbitration and civil procedure. 2020. No. 10. pp. 8-10.
3. Yaroshenko T.V. Conducting a closed court session in a civil trial: some problematic issues // Arbitration and civil procedure. 2023. No. 6. pp. 17 -20.
4. Yaroshenko T.V. Participation of the prosecutor in certain categories of family cases in a closed court session: problematic issues // Court administrator. 2024. No. 4. pp. 15-18.
5. On ensuring transparency in the Arbitration process: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 08.10.2012 No. 61 (as amended on 04.04.2014) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 12 (December).
6. On state secrets: The Law of the Russian Federation dated 07/21/1993 No. 5485-1 (as amended on 08/08/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 41. Articles 8220-8235.
7. Zhemerov V.V., Katukova S.Y. Consideration of cases on disputes in the sphere of the state defense order in a closed court session // Court administrator. 2023. No. 3. pp. 11-15.
8. Review of judicial practice on issues related to the participation of authorized bodies in bankruptcy cases and bankruptcy procedures applied in these cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/20/2016) (as amended on 12/26/2018) //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. - No. 9 (September).
9. Aliev R.T. Procedural and legal consequences of violating the regime of a closed court session by participants in a civil process // Lawyer. 2024. No. 5. pp. 55-60.
10. Zhemerov V.V., Katukova S.Yu. Consideration of cases on disputes in the field of state defense orders in a closed court session // Court administrator. 2023. No. 3. pp. 11-15.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.6 **DOI: 10.34670/AR.2025.32.54.042**

Эколого-правовые требования при организации и проведении спортивных мероприятий

Громова Дарья Константиновна

Студент,
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57;
E-mail: dgromovayou@gmail.com

Левитанус Борис Александрович

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры гражданского и трудового права,
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57;
E-mail: bobson79@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правового регулирования установления экологических требований при организации и проведении спортивных мероприятий. Особый акцент сделан на анализе соответствующих требований при проведении Олимпийских Игр, которые являются наиболее значимым мероприятием, как со спортивной точки зрения, так и с - организационной. Исследованы механизмы минимизации негативного воздействия от проведения спортивных мероприятий на окружающую среду. Рассмотрен опыт применения экологических стандартов при организации крупных международных спортивных соревнований в России. Предложены рекомендации по совершенствованию текущей нормативной правовой базы в рассматриваемой сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Громова Д.К., Левитанус Б.А. Эколого-правовые требования при организации и проведении спортивных мероприятий // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 355-364. DOI: 10.34670/AR.2025.32.54.042

Ключевые слова

Экология, экологические требования, экологическое законодательство, спортивные мероприятия, спортивные объекты, охрана окружающей среды, Олимпийские Игры.

Введение

В современных условиях развития спортивной индустрии особую актуальность приобретают вопросы экологической безопасности при организации и проведении спортивных мероприятий. Спортивные мероприятия различного масштаба оказывают негативное влияние на окружающую среду, что обусловливает необходимость формирования комплексной системы эколого-правовых требований и механизмов их реализации. В качестве примера, можно рассмотреть Олимпийские Игры. Организаторы, должны проявить многозадачность: с одной стороны, строительство и модернизация большого числа спортивных объектов, пребывание десятков тысяч участников, официальных лиц, гостей и представителей СМИ, а также многомиллионная аудитория зрителей, с другой стороны, поставки электроэнергии, воды, транспорта, обращение с отходами и т.д.

Основное содержание

Несмотря на то что, российские спортсмены пока отстранены от участия в Олимпийских Играх, все же необходимо уделить внимание отдельным аспектам их организации с точки зрения экологического права и в целом экологии.

Впервые внимание к связи спорта и окружающей природной среды обратили в начале 1970-х годов. На примере выбора американского города Денвера, в качестве столицы XII зимних Олимпийских игр 1976 года стало ясно, что организаторы мероприятий должны учитывать экологические аспекты [Волкова, 2014].

Оказалось, что местные власти Денвера не учли требований исключительной охраны окружающей среды при строительстве новых олимпийских объектов, таких как горнолыжные трассы, санные и бобслейные трассы, стрельбища для биатлона и другие. Движение, борющееся за сохранение природы, оказалось настолько мощным, что Денвер отказался от проведения Олимпийских игр, и мероприятия были перенесены в Инсбрук. Этот эпизод подчеркнул необходимость учета экологических факторов при организации спортивных событий.

23 июня 1894 года в Париже с целью возрождения Олимпийских Игр и пропаганды Олимпийского движения был создан Международный Олимпийский Комитет.

Международный олимпийский комитет (МОК) активно работает в направлении охраны окружающей среды, уделяя приоритетное внимание различным экологическим аспектам, чтобы минимизировать негативное воздействие олимпийской деятельности на природу. Вот несколько приоритетных направлений деятельности МОК в этой сфере:

МОК ставит перед собой задачу поощрения строительства и реконструкции олимпийских объектов, включающее в себя использование энергосберегающих технологий, внедрение возобновляемых источников энергии, а также снижение воздействия на природные экосистемы.

МОК содействует разработке и внедрению эффективных систем сбора и утилизации отходов на олимпийских объектах, а именно, раздельный сбор мусора, повышение уровня переработки материалов, а также минимизацию использования одноразовой упаковки.

МОК поддерживает программы по образованию в области экологии для спортсменов, болельщиков, организаторов и других участников Олимпийских игр. Целью является распространение знаний об окружающей среде и стимулирование экологически ответственного поведения.

МОК сотрудничает с организациями по охране природы для разработки стратегий по

сохранению и защите биоразнообразия в районах проведения Олимпийских игр, включающие в себя меры по сохранению природных заповедников, регулированию туристической активности и контролю за воздействием на местную фауну и флору.

МОК поощряет внедрение энергосберегающих технологий и мер по снижению выбросов парниковых газов во время подготовки и проведения Олимпийских игр. Эти направления представляют собой комплексный подход к соблюдению принципов устойчивого развития и уменьшению негативного воздействия олимпийской деятельности на природу.

В свете растущего осознания важности сохранения окружающей среды, организаторы Игр принимают меры для снижения негативного воздействия олимпийской деятельности на природу.

Одним из достижений Оргкомитета Игр XXV Олимпиады 1992 года в Барселоне и местных органов управления стала перестройка центральной прибрежной части города. К моменту подготовки к Олимпийским играм этот участок города находился в запущенном состоянии и нуждался в кардинальной реконструкции. Оргкомитет и местные власти вложили усилия в преобразование прибрежной зоны, придавая ей новый облик и функциональность. В результате были созданы современные инфраструктурные объекты, включая спортивные сооружения, прогулочные зоны, парки, и другие объекты общественного использования. Эта перестройка не только обеспечила отличные условия для проведения Олимпийских игр, но и стала важным вкладом в обновление городской среды, повышение ее привлекательности и улучшение жизненного качества горожан.

На XVII зимних Олимпийских играх в Лиллехаммере, проведенных в 1994 году, также были предприняты усилия по решению экологических вопросов, что сделало мероприятие примером успешного сочетания спортивных соревнований с заботой об окружающей среде. Вот несколько ключевых аспектов, связанных с экологическими инициативами на этих играх:

Сбор и переработка отходов: Оргкомитет и государственные органы активно занимались сбором и переработкой отходов, включая использованные свинцовые пули от стрельбища биатлона, что содействовало минимизации воздействия на природу.

Химические вещества: Особое внимание уделялось безопасной переработке химических препаратов, использованных в ходе соревнований. Благодаря переговорам с представителями фирмы "Кодак" удалось изменить технологию и обеспечить безопасную утилизацию большого объема химических веществ.

При подготовке и проведении XXIX летних Олимпийских игр в Пекине в 2008 году был предпринят ряд мер для решения экологических проблем, что привело к заметному улучшению качества окружающей среды в городе.

Перед началом летних Олимпийских игр был зафиксирован чрезвычайно высокий уровень концентрации вредных веществ в атмосфере. Показатели загрязнения окружающей среды поднимались до предельно допустимых значений. В ответ на эту ситуацию муниципальный Департамент метеорологии вынужден был рекомендовать гражданам временно прекратить активные занятия спортом.

Причиной такого высокого загрязнения, по мнению департамента, была повышенная влажность, обусловленная низкой облачностью. Эта атмосферная конфигурация мешала свободной циркуляции воздушных масс, удерживая вредные вещества ближе к земной поверхности.

В ответ на проблемы загрязнения воздуха в период подготовки к Олимпиаде, власти Пекина были вынуждены принять ряд мер. Многие металлургические и химические предприятия, а

также заводы по производству строительных материалов, были выведены из города. Данное решение способствовало существенному снижению уровня загрязнения воздуха.

Кроме того, было проведено строительство многочисленных транспортных развязок и современных магистралей, а также введены меры по упорядочению движения автотранспорта. Все эти шаги значительно снизили выбросы выхлопных газов, что также способствовало улучшению качества воздуха в городе.

Также были проведены широкомасштабные работы по озеленению города. В результате появилось множество новых парков, скверов и цветников, что придало городу более благоприятный внешний вид.

Вопреки предпринятым мерам, Олимпиада стала объектом серьезной экологической обеспокоенности, и эксперты признали ее самой «грязной» в истории Игр. Концентрация токсичного смога и частиц сажи в воздухе достигала высоких уровней, иногда даже закрывая солнце. Несмотря на усилия правительства по борьбе с загрязнением, ситуация оставалась крайне напряженной. Эксперты также выяснили, что четыре пятых времени, проведенного спортсменами в Пекине, они дышали воздухом, содержащим вредные вещества в несколько раз выше предельно допустимых норм. Эта концентрация была в три раза выше тех значений, которые были заявлены китайским правительством [Пономарева, Полтавская, Медведев, 2011].

4 июля 2007 года в Гватемале Международный олимпийский комитет принял решение о том, что зимняя Олимпиада-2014 будет проведена в Сочи, однако, радость жителей города быстро сменилась тревогой за сохранность его уникального экологического богатства.

Сочи, выиграв право принять Олимпиаду, взял на себя экологические обязательства по Заявочной книге. Среди приоритетных мер в первоочередном порядке были мероприятия по охране атмосферного воздуха, увеличению особо охраняемых природных территорий, созданию системы экологического менеджмента в регионе и разработке природоохранных требований для компаний, участвующих в подготовке Олимпийских игр.

Особое внимание уделялось расположению спортивно-развлекательных комплексов вблизи Кавказского государственного биосферного заповедника, объекта Всемирного природного наследия «Западный Кавказ». Обсуждались вопросы минимизации и компенсации ущерба, наносимого природе и местному населению в результате возведения и эксплуатации олимпийских объектов. Организованные общественные слушания в 2008 году в Красной Поляне на тему «Экологические проблемы строительства олимпийских объектов в Сочи: пути решения» свидетельствуют о стремлении найти оптимальные решения.

По завершении Олимпийских игр, проблема экологии в Сочи была выделена в число важнейших. В своем докладе Всемирный фонд дикой природы выразил мнение, что в ходе проведения зимних игр было допущено ряд ошибок в области экологического благосостояния и природоохранной политики [Лучкин, Чернец, Кызласов, 2021].

Ошибки включали в себя угрозу деструкции олимпийских объектов из-за неучтенных погодных условий, приведшую к разрушению горного кластера из-за оползней. Эффективность природоохранного законодательства была ослаблена, позволив проводить мероприятия в национальных парках и строить объекты на их территории. Дорога Адлер Красная Поляна привела к утрате рыбохозяйственного значения реки Мзымта, разрушению лесов и миграционных путей медведей и туров. Мониторинг воздействия строительства на биологические объекты был неполным, особенно в отношении отрицательного воздействия на млекопитающих.

В 2008 году также фиксировались нарушения при строительстве, включая начало работ по

строительству второго грузового порта в запретной части Имеретинской низменности у реки Псоу. Экологи заявляли, что эти работы нанесут непоправимый ущерб уникальной природе региона.

В сентябре того же года были выявлены тенденции к ухудшению экологической обстановки в регионах Сочи, Геленджика и Анапы. Это обусловлено неисполнением норм законодательства и недостатками в координации деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, как отмечено на совещании комитета Государственной Думы Российской Федерации по природопользованию.

Несмотря на отрицательные последствия Олимпийских игр 2014 в Сочи, существуют и положительные моменты. При строительстве олимпийских объектов важным условием было сохранение и даже улучшение экологической обстановки в Краснодарском крае. Вышеназванная река Мзымта, которая была задействована в подготовке игр, стала объектом внимания экологов. Задолго до начала строительства русло этой реки вызывало опасение у сотрудников управления охраны природы Краснодарского края, и было решено провести очистку русла в долине Мзымты.

Особенно сложная ситуация возникла при строительстве горнолыжного комплекса "Роза Хутор" в районе поселка Красная Поляна. Вопреки спорам и обсуждениям, строительство продолжалось. Однако, в марте 2011 года, участники строительства, включая ОАО "Газпром", ОАО "РЖД", ОАО "Красная Поляна", ОАО "ФСК ЕЭС", ООО СК "Роза Хутор" и представителей оргкомитета "Сочи-2014", подписали декларацию о восстановлении экосистемы бассейна реки Мзымта. Этот документ был разработан на основе рекомендаций международных экспертов ЮНЕП и включал четыре основных направления: "Игры в гармонии с природой", "Игры без климатических изменений", "Игры без отходов" и "Игры просвещения". Программа была успешно реализована в течение трех лет.

Дополнительно, проведение Олимпийских игр в Сочи привело к строительству пунктов наблюдения за состоянием атмосферного воздуха. Два таких пункта были запущены по поручению Министра природных ресурсов и экологии РФ, Юрия Трутнева. Гидрометцентр РФ обратил внимание на необходимость увеличения станций наблюдения, и в результате были установлены еще две станции для комплексного мониторинга территории строительства. Эти пункты не только отслеживают концентрацию загрязняющих веществ в воздухе, но и способствуют их уменьшению и поддержанию экологического равновесия в Краснодарском крае.

Несмотря на великолепие спортивного события и мировой масштаб Олимпийских игр, становится очевидным, что проведение этого мероприятия может оставить серьезный отпечаток на окружающей среде в месте его проведения.

Несмотря на усилия организаторов внедрять экологические и устойчивые практики, неконтролируемое строительство, использование вредных материалов и недостаточное внимание к экологическим стандартам оставляют негативные следы. Эти проблемы выявляют необходимость более строгого соблюдения принципов устойчивого развития при подготовке и проведении Олимпийских игр.

Для сохранения привлекательности олимпийских событий и соответствия имиджу "зеленых" игр, организаторам следует активно стремиться к внедрению более эффективных и ответственных практик в сфере охраны окружающей среды. Наша любовь к Олимпийским Играм не должна наносить ущерб природе в местах их проведения.

Рассмотрев вопросы, связанные с организацией и проведением Олимпийских Игр,

рассмотрим правовое регулирование, связанное с организацией и проведением спортивных мероприятий в России.

Правовое регулирование экологических аспектов спортивной деятельности в Российской Федерации основывается на положениях Конституции РФ, федеральных законов "Об охране окружающей среды", "О физической культуре и спорте в Российской Федерации", а также можно выделить обширный перечень подзаконных нормативных актов.

Система эколого-правовых требований при организации спортивных мероприятий включает несколько ключевых направлений.

Первое направление связано с экологическими требованиями на этапе проектирования и строительства спортивных объектов. В соответствии с действующим законодательством, любое строительство спортивной инфраструктуры должно предваряться проведением оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и получением положительного заключения государственной экологической экспертизы. При этом особое внимание уделяется выбору земельного участка, который должен соответствовать экологическим, санитарно-эпидемиологическим и градостроительным требованиям.

Второе направление охватывает требования к непосредственной организации и проведению спортивных мероприятий. В его рамках, важное значение, имеет разработка экологической политики спортивного мероприятия, включающей меры по минимизации негативного воздействия на окружающую среду. К таким мерам относятся: организация эффективной системы обращения с отходами, внедрение энергосберегающих технологий, использование экологически безопасных материалов и оборудования, а также проведение компенсационных природоохранных мероприятий [Жаворонкова, Агафонов, 2023].

Особую роль в системе эколого-правового регулирования играет экологический мониторинг, который должен осуществляться на всех этапах подготовки и проведения спортивного мероприятия. Система мониторинга включает контроль качества атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, почвенного покрова, а также оценку уровня шумового и светового воздействия. Результаты мониторинга служат основой для принятия оперативных управленческих решений и корректировки природоохранных мероприятий.

Важным аспектом является международный опыт применения экологических стандартов при организации крупных спортивных соревнований. Международный Олимпийский Комитет и международные спортивные федерации разработали собственные экологические требования и рекомендации, которые учитываются при проведении международных соревнований на территории Российской Федерации. Это способствует гармонизации национального законодательства с международными экологическими стандартами в области спорта.

Отдельного внимания заслуживает вопрос экологической сертификации спортивных объектов и мероприятий. В России постепенно внедряются системы добровольной экологической сертификации, учитывающие специфику спортивной индустрии. Получение экологического сертификата подтверждает соответствие объекта или мероприятия установленным экологическим требованиям и повышает их конкурентоспособность на международном уровне.

Правовое регулирование ответственности за нарушение экологических требований при организации спортивных мероприятий предусматривает различные виды юридической ответственности: административную, гражданско-правовую и уголовную. При этом особое значение имеет институт возмещения экологического вреда, причиненного в результате проведения спортивных мероприятий. Законодательством установлены механизмы расчета

размера вреда и порядок его возмещения [Боголюбов, 2022].

Теоретические основы эколого-правового регулирования спортивных мероприятий базируются на концепции устойчивого развития, предполагающей баланс между экономическими, социальными и экологическими интересами общества. Применительно к спортивной сфере это означает необходимость организации мероприятий таким образом, чтобы минимизировать их негативное воздействие на окружающую среду при сохранении их социальной и экономической значимости.

Комплексный анализ правоприменительной практики позволил выявить ряд системных проблем в области эколого-правового регулирования спортивных мероприятий.

Первой существенной проблемой является несовершенство нормативной правовой базы, выражающееся в отсутствии единых стандартов экологической безопасности спортивных мероприятий и четких критериев оценки их воздействия на окружающую среду. Действующие нормативные акты зачастую содержат противоречивые требования и не учитывают специфику различных видов спорта и масштабов проводимых мероприятий.

Второй значимой проблемой выступает недостаточная эффективность механизмов надзора за соблюдением экологических требований. Существующая система государственного экологического надзора не в полной мере охватывает все аспекты организации спортивных мероприятий, а имеющиеся инструменты мониторинга не позволяют своевременно выявлять и предотвращать нарушения природоохранного законодательства [Максимов, 2023].

Третьей проблемой является низкий уровень экологической ответственности организаторов спортивных мероприятий и недостаточное развитие механизмов экономического стимулирования природоохранной деятельности. Установленные законодательством санкции за нарушение экологических требований зачастую несоразмерны причиняемому окружающей среде ущербу, а система компенсационных выплат не обеспечивает полного возмещения экологического вреда.

На основании проведенного анализа можно сформулировать ряд конкретных рекомендаций по совершенствованию системы эколого-правового регулирования спортивных мероприятий.

В первую очередь, необходимо разработать и принять единый федеральный стандарт экологической безопасности спортивных мероприятий, который должен включать четкие критерии оценки воздействия на окружающую среду, требования к экологическому менеджменту и процедуры экологического аудита. Целесообразным представляется создание специализированной системы экологической сертификации спортивных объектов и мероприятий, учитывающей международные стандарты и российскую специфику. Данная система должна предусматривать различные уровни сертификации в зависимости от масштаба мероприятия и потенциального воздействия на окружающую среду.

Далее, для повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности рекомендуется внедрение автоматизированной системы экологического мониторинга спортивных объектов и мероприятий, основанной на современных технологиях сбора и анализа данных. Это позволит обеспечить непрерывный контроль за соблюдением экологических требований и оперативное реагирование на выявленные нарушения [Петров, Иванова, 2022].

Важным направлением совершенствования является развитие механизмов экономического стимулирования природоохранной деятельности в спортивной сфере. Предлагается введение системы экологических льгот и преференций для организаторов спортивных мероприятий, демонстрирующих высокие показатели экологической эффективности, а также ужесточение финансовой ответственности за нарушение природоохранных требований.

Особое внимание следует уделить развитию института экологического страхования при организации спортивных мероприятий. Рекомендуется установить обязательное экологическое страхование для крупных спортивных событий и разработать методику оценки экологических рисков, учитывающую специфику различных видов спорта и масштабов мероприятий.

Реализация предложенных рекомендаций потребует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, в частности, в федеральные законы "Об охране окружающей среды" и "О физической культуре и спорте в Российской Федерации". При этом важно обеспечить согласованность вносимых изменений с международными обязательствами России в области охраны окружающей среды и развития спорта.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию эколого-правовых требований при организации спортивных мероприятий, необходимо подчеркнуть, что эффективное решение выявленных проблем возможно только при комплексном подходе, предполагающем одновременное совершенствование нормативно-правовой базы, механизмов контроля и экономического стимулирования. Особую значимость приобретает формирование целостной системы экологического менеджмента в спортивной индустрии, основанной на принципах устойчивого развития и учитывающей как национальные интересы, так и международные экологические стандарты [Круглов, 2024].

В перспективе развитие эколого-правового регулирования спортивных мероприятий должно быть направлено на достижение баланса между задачами развития спортивной инфраструктуры, проведения масштабных спортивных событий и обеспечения экологической безопасности. При этом ключевым фактором успеха является формирование экологической культуры всех участников спортивной индустрии – от организаторов мероприятий до зрителей, что позволит обеспечить не только формальное соблюдение установленных требований, но и реальное снижение негативного воздействия спортивных мероприятий на окружающую среду.

Библиография

1. Боголюбов, С. А. Актуальные проблемы экологического права: учебник для вузов / С. А. Боголюбов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 479 с.
2. Волкова Т. С. Экологическая документация при подготовке и проведении Олимпийских игр: теория и практика / Т. С. Волкова // Экологическая безопасность и природопользование. – 2014. № –24. – С. 106-113.
3. Жаворонкова, Н. Г. Правовое обеспечение экологической безопасности при организации спортивных мероприятий: монография / Н. Г. Жаворонкова, В. Б. Агафонов. – Москва: Проспект, 2023. – 256 с.
4. Круглов, В. В. Современные подходы к обеспечению экологической безопасности при организации и проведении спортивных мероприятий / В. В. Круглов // Вестник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 1. – С. 123-131
5. Лучкин И. О., Чернец Е. Р., Кызласов Е. Г. Экология физической культуры и спорта / Лучкин И. О., Чернец Е. Р., Кызласов Е. Г. // E-Scio. – 2021. – № 156. – С. 3-6.
6. Максимов, А. В. Экологическая безопасность спортивных объектов: правовые аспекты / А. В. Максимов // Спорт: экономика, право, управление. – 2023. – № 2. – С. 15-21
7. Петров, В. В. Правовые механизмы обеспечения экологической безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий / В. В. Петров, Е. А. Иванова // Экологическое право. – 2022. – № 4. – С. 28-35.
8. Пономарева А. Г., Полтавская Е. Ю., Медведев В. М. Влияние окружающей среды на физиологические показатели спортсменов, тренирующихся в различных спортивных помещениях / А. Г. Пономарева, Е. Ю. Полтавская, В. М. Медведев– 2-е изд. –Вестник спортивной науки, 2011.- 37 с.

Environmental-Legal Requirements for Organizing and Conducting Sports Events

Daria K. Gromova

Student,
North-West Institute of Management – Branch of RANEPA,
199178, 57 Sredny Ave., V.O., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dgromovayou@gmail.com

Boris A. Levitanus

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Civil and Labor Law Department,
North-West Institute of Management – Branch of RANEPA,
199178, 57 Sredny Ave., V.O., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: bobson79@inbox.ru

Abstract

The article examines issues related to the legal regulation of establishing environmental requirements for organizing and conducting sports events. Special emphasis is placed on analyzing relevant requirements for conducting Olympic Games, which are the most significant event both from a sports and organizational perspective. Mechanisms for minimizing negative environmental impact from sports events are investigated. Experience in applying environmental standards when organizing major international sports competitions in Russia is considered. Recommendations for improving the current regulatory legal framework in this area are proposed.

For citation

Gromova D.K., Levitanus B.A. (2025) Ekologo-pravovyye trebovaniya pri organizatsii i provedenii sportivnykh meropriyatiy [Environmental-Legal Requirements for Organizing and Conducting Sports Events]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 355-364. DOI: 10.34670/AR.2025.32.54.042

References

1. Bogolyubov, S. A. Actual Problems of Environmental Law: Textbook for Universities / S. A. Bogolyubov. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait, 2022. - 479 p.
2. Volkova, T. S. Environmental Documentation in the Preparation and Holding of the Olympic Games: Theory and Practice / T. S. Volkova // Environmental Safety and Nature Management. - 2014. - No. 24. - p. 106-113.
3. Zhavoronkova, N. G. Legal support for environmental safety in organizing sports events: monograph / N. G. Zhavoronkova, V. B. Agafonov. - Moscow: Prospect, 2023. - 256 p.
4. Kruglov, V. V. Modern approaches to ensuring environmental safety in organizing and holding sports events / V. V. Kruglov // Bulletin of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin. - 2024. - No. 1. - P. 123-131
5. Luchkin, I. O., Chernets, E. R., Kyzlasov, E. G. Ecology of Physical Culture and Sports. Luchkin, I. O., Chernets, E. R., Kyzlasov, E. G. E-Scio. 2021, no. 156, P. 3-6
6. Maksimov, A. V. Environmental Safety of Sports Facilities: Legal Aspects. A. V. Maksimov Sports: Economics, Law, Management. 2023, no. 2, - P. 15-21.
7. Petrov, V. V. Legal mechanisms for ensuring environmental safety during mass sporting events / V. V. Petrov, E. A.

Ivanova // Environmental law. - 2022. - No. 4. - P. 28-35.
8. Ponomareva A. G., Poltavskaya E. Yu., Medvedev V. M. The influence of the environment on the physiological indicators of athletes training in various sports facilities / A. G. Ponomareva, E. Yu. Poltavskaya, V. M. Medvedev - 2nd ed. - Bulletin of Sports Science, 2011.- 37 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.13.21.043**

Некоторые вопросы, возникающие при обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях

Ерошенко Яна Юрьевна

Юрист,
ООО «Поллукс»,
119121, Российская Федерация, Москва, ул. Россолимо, 5/22, стр. 1,
e-mail: ashushunov2001@gmail.com

Якунин Дмитрий Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент высшей школы публичного права,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: ashushunov2001@gmail.com

Аннотация

В настоящей научной статье авторами исследуются актуальные проблемы, возникающие при обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях. Рассматриваются субъекты – участники правоотношения, которые имеют право на обжалование постановлений об административных правонарушениях. Авторы научной статьи поднимают немаловажную тему возможности обжалования протокола об административном правонарушении и других материалов дела; действий (бездействия) государственных органов в связи с применением норм КоАП РФ. Авторы предлагают рассмотреть возможность внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях РФ для обжалования протокола об административном правонарушении и иных актов в досудебном порядке.

Для цитирования в научных исследованиях

Ерошенко Я.Ю., Якунин Д.В. Некоторые вопросы, возникающие при обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 365-369. DOI: 10.34670/AR.2025.13.21.043

Ключевые слова

Обжалование постановления по делу об административном правонарушении, Кодекс об административных правонарушениях РФ, судебные решения, административный процесс, досудебное обжалование.

Введение

Обжалование постановлений и определений по делам об административных правонарушениях, вступивших в законную силу, является одним из важнейших аспектов в административном праве. Изучаемый вопрос охватывает особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, представляющих собой процессуальную составляющую административного права, закреплённую в Кодексе Российской Федерации о правонарушениях (в дальнейшем – КоАП РФ). При этом ввиду специфики административных деликтов и судебного производства по ним само право и процедура обжалования постановлений и определений имеет ряд особенностей. Эти принципы отражены не только в нормативных актах, но и нашли свое выражение в сложившейся судебной практике.

Основное содержание

Для полного понимания вопроса необходимо проанализировать соответствующие нормативные акты, так и судебную практику по исследуемой теме.

Разберемся в понятии обжалования постановлений и определений по делам об административных правонарушениях. В Кодексе об административных правонарушениях не содержится общего определения процедуры обжалования вынесенных постановлений и определений по делам об административных правонарушениях. Тем не менее, с учетом анализа точек зрения различных авторов, можно сформулировать следующее определение: обжалование — это те юридические действия, которые совершает субъект обжалования в отношении судебных актов (постановлений и определений), которые вступили в законную силу и данные акты лицо, обжалующее их, считает незаконными.

Перечень лиц, которые могут подать жалобу на постановление или определение суда, является исчерпывающий. Как показало изучение норм КоАП РФ, такими субъектами могут быть: лицо, в отношении которого принято постановление; потерпевший; законный представитель; защитник и представитель; уполномоченный по защите прав предпринимателей. Более никто не обладает правом обжалования судебных актов по делу об административном правонарушении, которые вступили в силу.

В то же время, имеется весьма интересная позиция Верховного Суда РФ, согласно которой вне зависимости от того, участвовал ли прокурор в производстве по делу об административном правонарушении, он в любом случае вправе обжаловать вступившее в законную силу постановление суда (п. 43 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020). Считаю такую позицию верной и обоснованной, ведь прокурор — это должностное лицо прокуратуры, которое вправе обжаловать любые судебные акты, которые он считает незаконными и необоснованными. В силу полномочий, наделенных законом, прокурор вправе обжаловать и те судебные акты по делам об административных правонарушениях, которые вступили в силу, но участником производства прокурор при этом ранее не являлся.

В рамках данного исследования автор также считает важным рассмотреть вопрос, возникающий при обжаловании определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении; протокола об административном правонарушении и других материалов дела; действий (бездействия) государственных органов в связи с применением норм КоАП РФ.

Согласно изложенным нормам главы 30 КоАП РФ могут быть обжалованы не вступившие

в законную силу постановления и решения по делам об административных правонарушениях, вынесенные мировыми судьями, судьями иных вышестоящих судебных инстанций, государственными органами, правомочными рассматривать указанные дела. Обжалование протоколов, определений, иных не вступивших в законную силу актов, а также действий (бездействия), связанных с применением норм КоАП РФ, положениями указанной главы или какой-либо иной главой КоАП РФ не предусмотрено, в связи с чем в правоприменительной практике в настоящее время отсутствует однозначная определенность в решении отдельных правовых вопросов, в числе которых возможность обжалования в порядке главы 30 КоАП РФ определений, за исключением определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении; протокола об административном правонарушении и других материалов дела; действий (бездействия) государственных органов в связи с применением норм КоАП РФ.

Отсутствие возможности непосредственного обжалования протокола об административном правонарушении, административном задержании, осмотра места совершения административного правонарушения, о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и других материалов дела, однако, в силу ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ, не лишают лицо права по результатам ознакомления с протоколом об административном правонарушении представить свои объяснения и замечания по его содержанию, которые прилагаются к протоколу, а также, при несогласии с принятым по результату рассмотрения протокола решением – привести в жалобе замечания и возражения на протокол об административном правонарушении, которые подлежат оценке судьёй, должностным лицом при рассмотрении жалобы в порядке главы 30 КоАП РФ. Пунктом 3 статьи 29.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено, что судья, орган, должностное лицо при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении в числе прочих вопросов выясняют, правильно ли составлены протокол об административном правонарушении и другие протоколы, предусмотренные названным кодексом, а также правильно ли оформлены иные материалы дела.

Согласно пункту 4 части 1 статьи 29.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и правовой позиции, выраженной в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в том случае, когда протокол об административном правонарушении составлен неправомочным лицом либо когда протокол или другие материалы оформлены неправильно, материалы представлены неполно, на основании пункта 4 части 1 статьи 29.4 названного кодекса необходимо вынести определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган или должностному лицу, которыми составлен протокол.

Заключение

Существенное нарушение требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях при внесении в протокол об административном правонарушении изменений, дополнений является основанием для возвращения протокола составившему его должностному лицу.

Между тем, авторы настоящей статьи считают, целесообразно внести изменения в КоАП о возможности обжаловать протокол об административном правонарушении как

самостоятельный процессуальный документ, особенно до направления такой жалобы в суд. Такой подход значительно смог снизить нагрузку на судебную систему и при признании протокола недопустимым доказательством по делу, производство дела прекратилось бы в досудебном порядке.

Библиография

1. Максименко, Е. А. Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях / Е. А. Максименко // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 декабря 2023 года. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024.
2. Якимов А.Ю. Обжалование и опротестование решений, принимаемых в рамках производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. - № 12. - 2012.
3. Панкова О.В. Проблемы применения главы 30 КоАП РФ «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях» в судах общей юрисдикции // Административная ответственность: вопросы теории и практики. Сборник статей М.: Изд-во ИГиП РАН. 2005.
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»/ опубликовано в РГ № 3749, 19.04.2005.
5. Федотов И.С. Актуальные вопросы правоприменения отдельных норм главы 30 КоАП РФ о пересмотре постановлений по делам об административных правонарушениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 1(20). – С. 191-207.

Certain Issues Arising in Appealing Decisions in Administrative Offense Cases

Yana Yu. Eroshenko

Lawyer,
Pollux LLC,
119121, 5/22 Rossolimo St., Bld. 1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ashushunov2001@gmail.com

Dmitry V. Yakunin

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Higher School of Public Law,
Pacific National University,
680035, 136 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: ashushunov2001@gmail.com

Abstract

In this scientific article, the authors investigate current problems arising in appealing decisions in administrative offense cases. Subjects - participants of the legal relationship who have the right to appeal decisions on administrative offenses are examined. The authors of the scientific article raise the important topic of the possibility of appealing the administrative offense protocol and other case materials; actions (inaction) of state bodies in connection with the application of norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The authors propose to consider the

possibility of introducing amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for appealing the administrative offense protocol and other acts in pre-trial procedure.

For citation

Eroshenko Ya.Yu., Yakunin D.V. (2025) Nekotoryye voprosy, voznikayushchiye pri obzhalovanii postanovleniy po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Certain Issues Arising in Appealing Decisions in Administrative Offense Cases]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 365-369. DOI: 10.34670/AR.2025.13.21.043

Keywords

Appeal of decision in administrative offense case, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, judicial decisions, administrative process, pre-trial appeal.

References

1. Maksimenko, E. A. Review of rulings and decisions in cases of administrative offenses / E. A. Maksimenko // Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: a collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference, Simferopol, December 15, 2023. – Simferopol: LLC Publishing House "Arial" Printing House, 2024.
2. Yakimov A.Yu. Appeal and protest of decisions taken within the framework of proceedings on administrative offenses // Administrative Law and Process. - No. 12. - 2012.
3. Pankova O.V. Problems of application of Chapter 30 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation "Review of rulings and decisions on administrative offenses" in courts of general jurisdiction // Administrative Responsibility: Issues of Theory and Practice. Collection of Articles. Moscow: Publishing House of the Institute of Geography and Pedagogy of the Russian Academy of Sciences. 2005.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 dated March 24, 2005 "On Certain Issues Arising in Courts When Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.35.75.044**

Терроризм и экстремизм в среде несовершеннолетних женского пола: современные тенденции, механизмы вовлечения, меры противодействия

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Киселев Степан Александрович

Научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: stepak80@mail.ru

Киселева Юлия Юрьевна

Научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: komutter@ya.ru

Аннотация

Феномен женского экстремизма и терроризма долгое время оставался в тени, однако последние годы демонстрируют его все более активное проявление, что требует глубокого анализа и разработки эффективных мер противодействия. В статье рассматривается актуальная проблема современности – вовлечение несовершеннолетних девушек в деятельность террористических и экстремистских сообществ. Анализируются социологические и психологические предпосылки данной тенденции, выделяются ключевые каналы и методы вербовки, используемые деструктивными группами. Особое внимание уделяется трансформации гендерных ролей в радикальных сообществах, где девушки-подростки зачастую выполняют не только традиционные функции, но и осуществляют оперативную деятельность. На основе анализа открытых источников и научных публикаций выявляются специфические уязвимости, делающие исследуемую категорию лиц, мишенью для вербовщиков, а также предлагаются направления, включая гендерно-ориентированный подход, для совершенствования профилактической работы в

пенитенциарной системе.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Киселев С.А., Киселева Ю.Ю. Терроризм и экстремизм в среде несовершеннолетних женского пола: современные тенденции, механизмы вовлечения, меры противодействия // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 370-380. DOI: 10.34670/AR.2025.35.75.044

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, терроризм, экстремизм, несовершеннолетние девушки-подростки, гендерные аспекты терроризма, вербовка, радикализация, профилактика, подростковая преступность, интернет-контент.

Введение

В последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция к феминизации экстремизма и терроризма. Женщины, в том числе несовершеннолетние, все чаще становятся не только жертвами, но и активными участниками террористических и экстремистских сообществ. Происходит смещение от традиционной роли «матери – жены – помощницы» к роли активного боевика, вербовщика и пропагандиста. В местах лишения свободы эта тенденция также находит проявления, поскольку закрытый социум со специфической субкультурой и концентрацией маргинальных элементов, может способствовать радикализации.

Современная картина терроризма и экстремизма характеризуется усилением роли интернета, глобализацией радикальных идей и активным вовлечением в деструктивную деятельность новых социальных групп [Коркмазов, 2023]. Одной из таких тревожных тенденций стало увеличение доли несовершеннолетних, в том числе женского пола, в составе террористических и экстремистских формирований. Если ранее женщины в основном рассматривались как пассивные пособники или жертвы, то сегодня они становятся полноправными участницами, в том числе в совершении террористических актов.

Изучение феномена терроризма и экстремизма среди несовершеннолетних женского полан требует междисциплинарного подхода, сочетающего методы криминологии, психологии, социологии и гендерных исследований. Целью данной статьи является комплексный анализ причин, механизмов и особенностей вовлечения несовершеннолетних женщин в террористическую и экстремистскую деятельность, а также выработка рекомендаций по совершенствованию мер превентивной профилактики.

Основное содержание

В последние годы наблюдается изменение тактики экстремистских сообществ, направленной на вовлечение в свои ряды новых сторонников, в том числе и несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Экстремистские идеи активно распространяются посредством сети Интернет, социальных сетей, мессенджеров, а также через непосредственное общение с радикально настроенными осужденными. Отличительной чертой современной ситуации является активное использование психологических манипуляций и популистских лозунгов, направленных на формирование у

несовершеннолетних чувства социальной несправедливости, обиды и ненависти к определенным социальным группам или институтам власти. При этом, вербовщики зачастую используют факторы уязвимости несовершеннолетних, такие как социальная изоляция, отсутствие перспектив, пережитый травматический опыт и потребность в принадлежности к группе [Мухаметзянов, 2016].

Несмотря на то, что согласно статистическим данным МВД РФ [www, краткая характеристика состояния преступности в РФ] за последние 5 лет общее количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации постоянно снижается (-6,5% с 2020 года по 2024 год, -5,4% за 9 месяцев 2025 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ)), количество преступлений террористического характера неуклонно растет: на 58,58% в период с 2020 года по 2024 год, на 75% за 9 месяцев 2025 года по сравнению с АППГ. Количество террористических актов выросло на 2282% - с 50 в 2020 году до 1191 в 2024 году, по состоянию на сентябрь 2025 года рост этого показателя составил 204,8% или 1832 акта (АППГ – 601 акт).

Также обращает на себя внимание рост на 107% преступлений экстремистской направленности: с 833 в 2020 году до 1719 в 2024 году, и уже за 9 месяцев 2025 года этот показатель вырос на 28% по сравнению с АППГ – с 1374 до 1760.

Анализ данных такого специфического показателя как количество преступлений, уголовные дела о которых переданы по подследственности со снятием с учета в органах внутренних дел, в том числе в органы Следственного комитета Российской Федерации, свидетельствует о росте числа дел, связанных с терроризмом или экстремизмом, которые были выявлены на стадии оперативной работы полиции. Так с 2020 года по 2024 год данный показатель вырос на 536,26% (с 233 до 1737 дел), а в период с января по сентябрь 2025 года по сравнению с АППГ – на 137,8% (с 976 до 2321). За 9 месяцев 2025 года количество подобных уголовных дел уже превышает на 33,62% показатели за весь 2024 год.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в период с 2020 года по 2024 год [www, сводные статистические сведения] общее количество лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, снизилось на 18,76%. В ходе анализа установлено, что аналогичного снижения количества осужденных несовершеннолетних лиц женского пола не произошло: доля осужденных несовершеннолетних женщин наоборот выросла: с 7,75% до 8,89%.

Количество преступлений против общественной безопасности (ст. ст. 205-227 Уголовного кодекса Российской Федерации) растет. В указанный период за совершение преступлений данной категории было осуждено 1156 несовершеннолетних, в том числе 54 несовершеннолетние женского пола, доля которых также выросла (с 2,1% до 5,63%).

Российские правоохранительные органы и спецслужбы активно противодействуют террористической деятельности на территории страны, выявляя и предотвращая теракты еще на стадии подготовки. Вместе с тем, противник разрабатывает и внедряет новые методы ведения террористической деятельности, целями которой являются попытки устрашения населения и дестабилизации обстановки в Российской Федерации. Чтобы эффективно противостоять этому виду преступной деятельности, необходимо детально разобраться в социологических и психологических предпосылках, позволяющих вовлекать несовершеннолетних женского пола в совершение преступлений террористического и экстремистского характера, выделить ключевые каналы и методы вербовки.

Социально-психологический портрет и мотивация

Д.В. Ольшанский указывает, что психологические основания терроризма менее всего изучены, но принадлежат к числу важных факторов, а конечная цель террористического акта – изменение психологического состояния людей, создание атмосферы страха [Ольшанский, 2002].

Мотивы вовлечения девушек в террористическую и экстремистскую деятельность носят комплексный характер и часто обусловлены спецификой подросткового возраста, гендерной социализацией и современными социальными вызовами. Это не случайный набор причин, а совокупность «точек уязвимости», которыми искусно пользуются вербовщики.

Для более детального рассмотрения мотивов разделим их на ключевые блоки: психологический, социальный, идеологический.

Подростковый возраст – период активного поиска себя и своего места в мире. Радикальные идеологии предлагают простые и категоричные ответы на сложные вопросы, давая чувство принадлежности к «избранной» группе, миссии и цель жизни. Они дают четкую картину мира с конкретным разделением на «хорошо/плохо» и определенными целями на фоне подросткового чувства потерянности и растерянности перед будущим.

Радикальные проявления становятся мощнейшим инструментом протеста против родительской опеки, школьных правил, общественных норм. Это не просто подростковый бунт, а попытка заявить о своей значимости. Для девушек, чье поведение в обществе традиционно подвергается большему контролю и оценке, этот протест может быть особенно жестким. Чувство собственной незначительности, неуспешности в учебе или общении радикально трансформируется. Внутри группы она – «воительница», «борец за справедливость». Самоунижение и низкая самооценка переосмысливаются не как ее личная проблема, а как вина порочной системы, против которой нужно бороться. Личная боль трансформируется в политическую и идеологическую ненависть.

Если психологические мотивы – это горючее, то социальные – двигатель, который, используя это горючее, направляет скопившуюся энергию в деструктивное русло. Радикальная группа искусственно создает среду тотального принятия и поддержки. Для девушки, переживающей одиночество, конфликты в семье или буллинг в школе, это становится психологической заменой всем прежним связям. Группа дает ощущение «дома», где тебя понимают без слов. Разорвать эти связи позже невероятно сложно, так как это равносильно повторному изгнанию из «семьи».

Через пропаганду в социальных сетях и мессенджерах образ участницы экстремистской группы часто романтизируется. Это очень важный мотив, который вербовщики используют конкретно для несовершеннолетних девушек. Девушке предлагают роль не пассивной жертвы или наблюдательницы, а активной созидательницы истории, героини, чья жизнь имеет некий высший смысл.

Подростковому сознанию свойственно категоричное, максималистское восприятие добра и зла. Как уже отмечалось ранее, экстремистские идеологии предлагают именно упрощенную до предела схему: «Есть мы (добро, справедливость, истина), и они (зло, ложь)» [Муцалов, 2016]. Это снимает с личности мучительную необходимость самостоятельно анализировать сложные, противоречивые ситуации.

Радикальные группы (особенно религиозно-политические) часто предлагают девушкам парадоксальную форму эмансипации. В рамках традиционного общества ее роль может быть

ограничена, но в рамках «борьбы» она получает возможность выйти за границы предписанных социальных ролей, вплоть до выступления в роли боевика. Ее роль приравнивается к мужской, что для девушки может быть крайне привлекательным. Для усиления эффекта воздействия на девушку с уязвимой психикой радикальная идеология скрывается за яркой оберткой фэшн-блогов, аниме, голливудских фильмов, где герои носят красивую одежду, а оружие как аксессуар, их окружают красивые виды, а насилие и смерть романтизируются и подаются как героическое и очищающее действо.

Как уже отмечалось основным каналом вербовки несовершеннолетних сегодня является интернет. Социальные сети и закрытые чаты, под контекстом «для избранных». Это ключевой аспект современного вербовочного процесса, который можно назвать «гибридной вербовкой», где прямая агрессивная пропаганда заменена на тонкую, адаптированную под цифровую культуру молодежи интеграцию. Вербовщики целенаправленно работают в популярных среди подростков платформах (Instagram – *принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ*, TikTok, Telegram). Они создают привлекательный контент (стикеры, мемы, видео, блоги), маскирующий радикальную суть идеологии под моду, субкультуру или движение за «социальную справедливость». Таким образом социальные сети и мессенджеры стали для вербовщиков идеальным инструментом. Они позволяют массированно охватывать уязвимую аудиторию, таргетированно подбирать подход под психотип каждого подростка, анонимно вести деструктивную деятельность, поэтапно и незаметно менять систему ценностей жертвы, маскируя ядовитое содержание под привлекательную для молодежи форму. Действенной защитой от подобной вербовки является активное формирование у несовершеннолетней женщины цифрового иммунитета – умению распознавать манипулятивные техники в самом зародыше.

Еще одна из самых распространенных тактик – техника «любовного груминга». Она особенно эффективна против подростков из-за их психоэмоциональных особенностей: потребность в любви и принятии, кризис идентичности, идеализм и максимализм, одиночество и социальная изоляция, потребность в покровителе [Киселев, 2023]. Взрослый вербовщик устанавливает эмоциональную связь с девушкой-подростком, проявляя внимание, заботу и понимание. Он становится для нее «родственной душой», а затем постепенно внушает радикальные взгляды, представляя их как естественное продолжение их «общей миссии». «Любовный груминг» – это не вербовка в чистом виде, а технология контроля над сознанием, где орудием является искусственно созданная любовь. Борьба с ней требует не запретов, а формирования у подростков критического мышления, медиаграмотности и, что самое главное, – уверенности в том, что их потребность в любви и принятии может быть удовлетворена в реальном, а не виртуальном мире.

Вовлечение через ближайшее окружение, этот канал радикализации является одним из наиболее эффективных и, одновременно, самым сложным для обнаружения и предотвращения: когда угроза приходит не из анонимной глубины интернета, а от близкого и доверенного лица, все защитные психологические барьеры рушатся.

Самый распространенный канал в молодежной среде – вовлечение через друзей и сверстников («Социальное заражение»). Здесь психология подростка подвергается атаке сразу с нескольких направлений: доверие к другу из реальной жизни многократно выше, чем к незнакомцу в интернете; стадный инстинкт и потребность в принадлежности к группе, разделению ее ценностей и интересов; совместное противопоставление себя «остальному миру»

(родителям, школе, обществу) сплачивает группу, и в этом случае радикальная идеология дает для этого мощный и простой инструмент – «Мы избранные знаем правду, а они – слепые рабы системы».

Наиболее глубинная и травмирующая форма радикализации – вовлечение через родственников, так как она исходит от тех, кто должен быть источником безопасности. Для несовершеннолетней женщины родители, старшие братья и сестры или другие значимые родственники являются главными ролевыми моделями, их мировоззрение воспринимается как данность. В 2015 году 18-летняя девушка из Чечни была задержана при попытке уехать в Сирию к своему молодому человеку, который присоединился к ИГ (деятельность организации запрещена на территории России). Мать молодого человека уговорила и оказывала помощь и содействие девушке в выезде [https://www.yuga.ru/news/366785/].

Таким образом вовлечение через ближайшее окружение – это атака изнутри системы доверия несовершеннолетней. Борьба с этим требует глубины доверительных отношений в семье. Ключевая задача родителей – быть тем самым авторитетным и близким взрослым, чье мнение будет значимее, чем друга-вербовщика или радикального родственника, и это позволит несовершеннолетней е самостоятельно оценивать и отвергать деструктивное влияние, откуда бы оно ни исходило.

Тезис о том, что роли несовершеннолетних девушек выходят за рамки традиционных представлений, является ключевым для понимания современной картины терроризма. Если раньше, как уже отмечалось выше женщины рассматривались в основном как матери и хранительницы очага, то сегодня они стали тактическим активом, чьи гендерные и возрастные характеристики целенаправленно используются террористическими организациями.

Исполнительницы боевых и террористических актов

Основная роль девушек в данном направлении – совершение террористических актов, включая теракты-самоубийства (9 апреля 1985 года 16-летняя Мхаидли Юсеф Сана'а, являясь членом Сирийской социалистической национальной партии, въехала на грузовике в израильский военный конвой; в 2017 году 18-летняя Анна Копейкина была осуждена за подготовку теракта в одном из храмов Санкт-Петербурга; в Нигерии члены исламистской группировки «Боко Харам» (в 2015 году примкнувшей к группировке «Исламское государство» или ИГ (деятельность организации запрещена на территории России)) систематически похищали молодых девушек и насильно принуждали к участию в терактах. Использование женщин часто связано с тактическим расчетом: девушки могут избежать обнаружения, они вызывают меньше подозрений у правоохранительных органов, создавая образ «мирной женщины»[1], основанный на стереотипе о неопасности женщин.

Специфика деятельности несовершеннолетних девушек в экстремистских группах трансформировались от периферийных к центральным и тактически значимым. Экстремистские сообщества научились использовать их гендерные и возрастные характеристики как инструмент повышения эффективности, усиления пропаганды, создания устойчивой фигуры. В этом случае обществу необходимо отказаться от устаревших стереотипов и выработать гендерно-чувствительные подходы к профилактике и противодействию.

[1] Предупреждение экстремистской и террористической идеологии в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (цикл лекций под общей редакцией доктора педагогических наук, профессора Оганесяна С.С. – Москва, 2024. – с. 283))

Участие молодых женщин является мощным пропагандистским посланием, как для участников группы, так и для врагов. С одной стороны, это демонстрирует праведность борьбы, создает образ «революционной романтики», но с другой психологически деморализует, показывая, какой глубины достиг конфликт, что в него вовлекаются все слои общества. Теракт, совершенный женщиной, вызывает особый резонанс также из-за эффекта неожиданности, создаваемого при совершении действий террористического характера [Дудничесnко, 2023].

Профилактическая работа с несовершеннолетними должна быть адресной и учитывать гендерные и возрастные особенности. Эта работа должна вестись всесторонне, максимально соединяя социум жизни и интересов девушки-подростка. На уровне семьи необходимо повышать психолого-педагогическую грамотность родителей, в том числе и информировать о признаках радикализации – резкой смене круга общения, интересов, поведения в интернете, замкнутости. При этом одним из обязательных условий должны быть налажены доверительные отношения с ребенком.

На уровне образовательных организаций необходимо внедрение в учебные программы курсов по медиаграмотности и критическому мышлению, способных научить подростков распознавать манипулятивные техники пропаганды. Школьные психологи должны быть обучены работе с рисками радикализации. Но если ранее это было актуально для регионов, которые находились в условиях террористической опасности, то современная реальность при интенсивной цифровизации всех сфер жизни ставит задачи перед абсолютно каждым регионом, независимо от его географического расположения.

В медиапространстве и интернете необходимо создавать и продвигать позитивный альтернативный контент, разоблачающий и развенчивающий методы вербовщиков и предлагающий конструктивные формы самореализации.

Кроме того, должна быть организована специальная подготовка сотрудников правоохранительных органов, социальных работников, педагогов и психологов по вопросам выявления и работы с несовершеннолетними, подверженными риску вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность.

Заключение

Вовлечение несовершеннолетних женского пола в террористическую и экстремистскую деятельность – это серьезная проблема, требующая комплексного и скоординированного подхода. Причины кроются в сложном переплетении психологических, социальных и технологических факторов. Эффективное противодействие требует перехода от силовых мер к комплексной профилактике, основанной на глубоком понимании мотивации и механизмов вербовки. Ключевым элементом такой стратегии должен стать гендерно-чувствительный подход, учитывающий специфические уязвимости и роли женщин в структуре современных радикально настроенных сообществ.

Важно помнить, что в основе борьбы с терроризмом и экстремизмом лежит не только силовое противодействие, но и перманентная работа по профилактике, реабилитации и реинтеграции.

Библиография

1. Адамова, М. А. Женский терроризм в современном политическом процессе : специальность 23.00.02

"Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Адамова Мария Анатольевна. – Ставрополь, 2008. – 167 с.
2. Киселев К. А. Стратегии психологического воздействия онлайн грумера на несовершеннолетнюю жертву в ситуации сексуальных домогательств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–317. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-313-317
3. Коркмазов, А. В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма / А. В. Коркмазов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 208-212. – EDN PLMEVN.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения: 06.10.2025)
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (дата обращения: 06.10.2025)
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (дата обращения: 07.10.2025)
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/ (дата обращения: 07.10.2025)
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 09.10.2025)
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2025 года https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/72174303/ (дата обращения: 10.10.2025)
10. Казберов П. Н. Характеристики женского терроризма: психологические мотивы, социальные роли, методы вербовки // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 310-317. doi 10.46741/2686-9764.2023.63.3.009.
11. Мухаметзянов, И. Ш. Анализ психофизиологических характеристик подверженности влиянию (вербовке) учащейся молодежи / И. Ш. Мухаметзянов, С. В. Хусаинова // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 3(116). – С. 113-120.
12. Муцалов Ш.Ш. Экстремизм и экстремистская идеология: общенаучное определение // Евразийский научный журнал. – 2016. file:///C:/Users/Alexis%20Novikoff/Downloads/ekstremizm-i-ekstremistskaya-ideologiya-obschenauchnoe-opredelenie.pdf
13. Новиков, А. В. Специфика осужденных женского пола, отбывающими наказание за преступления террористической и экстремистской направленности / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8, № 5-1. – С. 143-148. – DOI 10.34670/AR.2020.45.5.007.
14. Пивоварова Т.В. Особенности воспитательной работы с женщинами, осужденными за экстремистскую деятельность / Т. В. Пивоварова, А. Д. Юсупова // Профессиональное юридическое образование и наука. – 2024. – № 2(14). – С. 63-66.
15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2020%2Fk1-svod_vse_sudy-2020.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 06.10.2025)
16. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2021%2Fk1-svod_vse_sudy-2021.xls&wdOrigin=BROWSELINK(дата обращения: 06.10.2025)
17. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2022%2Fk1-svod_vse_sudy-2022.xls&wdOrigin=BROWSELINK(дата обращения: 06.10.2025)
18. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2023%2Fk1-svod_vse_sudy-2023.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 07.10.2025)
19. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2024%2Fk1-svod_vse_sudy-2024.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 07.10.2025)
20. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 год: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2025%2Fk1-svod_vse_sudy-1-2025.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 19.10.2025)
21. Слабкая, Д. Н. Женский терроризм, как психологический феномен. Исторический аспект / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8, № 6-1. – С. 190-197. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.173.
22. Ольшанский Д.В. Психология терроризма – СПб.: Питер, 2002
23. Предупреждение экстремистской и террористической идеологии в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (цикл лекций под общей редакцией доктора педагогических наук, профессора Оганесяна С.С. – Москва, 2024. – с. 283)

24. Дудниченко, А. Н. О некоторых аспектах рекрутинга женщин террористическими организациями посредством сети «Интернет» / А. Н. Дудниченко, Д. К. Григорян // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 4(64). – С. 108-114. – DOI 10.36511/2078-5356-2023-4-108-114. – EDN PKUNSJ.

Terrorism and Extremism Among Female Juveniles: Contemporary Trends, Mechanisms of Involvement, Countermeasures

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Legal Sciences, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law and Law Enforcement Department,
Astrakhan State University,
414056, 20a Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Stepan A. Kiselev

Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stepak80@mail.ru

Yuliya Yu. Kiseleva

Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: komutter@ya.ru

Abstract

The phenomenon of female extremism and terrorism long remained in the shadows, but recent years demonstrate its increasingly active manifestation, which requires deep analysis and development of effective countermeasures. The article examines a current problem of our time – the involvement of female juveniles in the activities of terrorist and extremist communities. Sociological and psychological prerequisites of this trend are analyzed, key channels and methods of recruitment used by destructive groups are identified. Special attention is paid to the transformation of gender roles in radical communities, where teenage girls often perform not only traditional functions but also carry out operational activities. Based on analysis of open sources and scientific publications, specific vulnerabilities that make the studied category of individuals a target for recruiters are identified, and directions, including a gender-oriented approach, for improving preventive work in the penitentiary system are proposed.

For citation

Novikov A.V., Kiselev S.A., Kiseleva Yu.Yu. (2025) Terrorizm i ekstremizm v srede nesovershennoletnikh zhenskogo pola: sovremennyye tendentsii, mekhanizmy vovlecheniya, mery protivodeystviya [Terrorism and Extremism Among Female Juveniles: Contemporary Trends, Mechanisms of Involvement, Countermeasures]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 370-380. DOI: 10.34670/AR.2025.35.75.044

Keywords

Criminal-executive system, terrorism, extremism, female juvenile adolescents, gender aspects of terrorism, recruitment, radicalization, prevention, juvenile delinquency, internet content.

References

1. Adamova, M. A. Zhenskij terrorizm v sovremennom politicheskom processe : special'nost' 23.00.02 \"Politicheskie instituty, processy i tekhnologii\" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk / Adamova Mariya Anatol'evna. – Stavropol', 2008. – 167 s.
2. Kiselev K. A. Strategii psihologicheskogo vozdejstviya onlajn grumera na nesovershennoletnyuyu zhertvu v situacii seksual'nyh domogatel'stv // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2023. T. 23, vyp. 3. S. 313–317. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-313-317
3. Korkmazov, A. V. Sovremennye tendencii cifrovogo ekstremizma i terrorizma / A. V. Korkmazov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2023. – T. 16, № 4. – S. 208-212. – EDN PLMEVN.
4. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2020 goda https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (data obrashcheniya: 06.10.2025)
5. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2021 goda https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (data obrashcheniya: 06.10.2025)
6. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2022 goda https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (data obrashcheniya: 07.10.2025)
7. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2023 goda https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/ (data obrashcheniya: 07.10.2025)
8. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2024 goda https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (data obrashcheniya: 09.10.2025)
9. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - sentyabr' 2025 goda https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/72174303/ (data obrashcheniya: 10.10.2025)
10. Kazberov P. N. Harakteristiki zhenskogo terrorizma: psihologicheskie motivy, social'nye roli, metody verbovki // Penitenciarnaya nauka. 2023. T. 17, № 3 (63). S. 310-317. doi 10.46741/2686-9764.2023.63.3.009.
11. Muhametzyanov, I. Sh. Analiz psihofiziologicheskih harakteristik podverzhennosti vliyaniyu (verbovke) uchashchejsya molodezhi / I. Sh. Muhametzyanov, S. V. Husainova // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. – 2016. – № 3(116). – S. 113-120.
12. Mucalov Sh.Sh. Ekstremizm i ekstremistskaya ideologiya: obshchenauchnoe opredelenie // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. – 2016. file:///C:/Users/Alexis%20Novikoff/Downloads/ekstremizm-i-ekstremistskaya-ideologiya-obschenauchnoe-opredelenie.pdf
13. Novikov, A. V. Specifika osuzhdennyh zhenskogo pola, otbyvayushchimi nakazanie za prestupleniya terroristicheskoj i ekstremistskoj napravlennosti / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2019. – T. 8, № 5-1. – S. 143-148. – DOI 10.34670/AR.2020.45.5.007.
14. Pivovarova T.V. Osobennosti vospitatel'noj raboty s zhenshchinami, osuzhdennymi za ekstremistskuyu deyatel'nost' / T. V. Pivovarova, A. D. Yusupova // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. – 2024. – № 2(14). – S. 63-66.
15. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2020 god: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2020%2Fk1-svod_vse_sudy-2020.xls&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashcheniya: 06.10.2025)
16. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2021 god: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2021%2Fk1-svod_vse_sudy-2021.xls&wdOrigin=BROWSELINK(data obrashcheniya: 06.10.2025)
17. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2022 god:

https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2022%2Fk1-svod_vse_sudy-2022.xls&wdOrigin=BROWSELINK(data obrashcheniya: 06.10.2025)
18. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2023 god: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2023%2Fk1-svod_vse_sudy-2023.xls&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashcheniya: 07.10.2025)
19. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2024 god: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2024%2Fk1-svod_vse_sudy-2024.xls&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashcheniya: 07.10.2025)
20. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 1 polugodie 2025 god: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2025%2Fk1-svod_vse_sudy-1-2025.xls&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashcheniya: 19.10.2025)
21. Slabkaya, D. N. Zhenskij terrorizm, kak psihologicheskij fenomen. Istoricheskij aspekt / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2019. – T. 8, № 6-1. – S. 190-197. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.173.
22. Ol'shanskij D.V. Psihologiya terrorizma – SPb.: Piter, 2002
23. Preduprezhdenie ekstremistskoj i terroristicheskoj ideologii v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii (cikl lekcij pod obshchej redakciej doktora pedagogicheskih nauk, professora Oganesyana S.S. – Moskva, 2024. – s. 283)
24. Dudnichenko, A. N. O nekotoryh aspektah rekrutinga zhenshchin terroristicheskimi organizaciyami posredstvom seti «Internet» / A. N. Dudnichenko, D. K. Grigoryan // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2023. – № 4(64). – S. 108-114. – DOI 10.36511/2078-5356-2023-4-108-114. – EDN PKUNSJ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.55.31.045**

Правовые проблемы реинтеграции освобожденных пожилого возраста в пенитенциарной системе США

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема старения «тюремного населения» в США, которая приобретает все большую актуальность в связи с увеличением доли пожилых осужденных. Анализируются ключевые факторы, способствующие этому явлению: ужесточение законодательства, рост продолжительности сроков наказания и естественное старение осужденных. Особое внимание уделяется правовым, медицинским и социальным вызовам, с которыми сталкивается пенитенциарная система, включая отсутствие специализированного гериатрического ухода, трудности реинтеграции освобожденных и недостаточность законодательного регулирования. Исследуются меры по реформированию системы, такие как гуманизация уголовной политики, развитие программ паллиативной помощи, упрощение процедур досрочного освобождения по медицинским показаниям и создание механизмов постпенитенциарной поддержки. Подчеркивается необходимость межведомственного взаимодействия для обеспечения непрерывности медицинского обслуживания и социальной адаптации бывших осужденных пожилого возраста.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Правовые проблемы реинтеграции освобожденных пожилого возраста в пенитенциарной системе США // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 381-387. DOI: 10.34670/AR.2025.55.31.045

Ключевые слова

Старение осужденных, пенитенциарная система США, реинтеграция освобожденных, досрочное освобождение, уголовная политика, социальная адаптация, права человека в местах лишения свободы.

Введение

В пенитенциарной системе США наблюдается устойчивый рост доли пожилых осужденных, что создает значительные правовые и организационные проблемы. Хотя единого критерия для отнесения к этой категории нет (исследователи используют разные возрастные границы – от 50 до 65 лет), их численность за последние десятилетия увеличилась в несколько раз, и теперь они составляют существенную часть «тюремного населения», пропорционально приближаясь к их доле в общей структуре общества [Тепляшин, 2020]. Эта тенденция обусловлена тремя ключевыми факторами: старением уже находящихся в заключении лиц, увеличением числа осужденных в старших возрастных группах и ужесточением законодательства, приводящим к более длительным срокам наказания.

Основное содержание

Правовые аспекты данной проблемы тесно связаны с вопросами адаптации пенитенциарной системы к потребностям пожилых осужденных, особенно в контексте медицинского обеспечения и ресоциализации. Действующая система исполнения наказаний, разработанная без учета стареющего контингента, сталкивается с существенными сложностями в обеспечении адекватного возраста и состоянию здоровья ухода. Высокая распространенность хронических заболеваний (сердечно-сосудистых патологий, диабета, онкологии), множественные сопутствующие заболевания и инфекционные болезни требует не только значительных финансовых затрат, но и пересмотра медицинских стандартов в пенитенциарной системе. При этом существующие правовые нормы зачастую не предусматривают специализированных подходов к лечению и содержанию таких заключенных, что повышает риски нарушения их прав на охрану здоровья.

Особую правовую сложность представляет процесс реинтеграции пожилых освобожденных, поскольку длительное заключение усугубляет возрастные ограничения и снижает возможности социальной адаптации. В отличие от осужденных на краткосрочные сроки, эта категория сталкивается с дополнительными барьерами: утратой социальных связей, ограниченным доступом к медицинскому обслуживанию после освобождения из мест лишения свободы и правовыми ограничениями при трудоустройстве. Несмотря на то, что некоторые штаты внедряют программы раннего освобождения по медицинским показаниям, их применение остается ограниченным из-за необъективных критериев отбора и отсутствия единой федеральной политики [Кудашева, 2018].

Функциональные нарушения различной степени выраженности широко распространены среди пожилых заключенных, при этом условия содержания зачастую не предусматривают необходимых условий для лиц с ограничениями зрения, слуха или подвижности (болезни опорно-двигательного аппарата). Гендерные различия проявляются в более раннем возникновении возрастных заболеваний у женщин, находящихся в местах лишения свободы, а также в более высокой стоимости их медицинского обслуживания [Минстер, 2009]. Особую сложность представляет управление когнитивными и психическими расстройствами в условиях изоляции от семьи и социальной поддержки.

Пребывание в местах лишения свободы ускоряет процессы старения и усугубляет имеющиеся проблемы со здоровьем. Пожилые заключенные демонстрируют признаки старения и развития хронических заболеваний на 10-15 лет раньше, чем их сверстники из общей популяции. При этом женщины-заключенные проявляют признаки ускоренного старения уже в

возрасте 40-45 лет. Организация медицинской помощи в исправительных учреждениях отличается значительной вариативностью. Некоторые учреждения обеспечивают собственные медицинские службы, другие заключают договоры с внешними организациями. Федеральные тюрьмы обычно предлагают более широкий спектр медицинских услуг, однако на большинстве уровней пенитенциарной системы отсутствуют единые федеральные стандарты оказания медицинской помощи [Лаврухина, 2019].

Проблема долгосрочного ухода за пожилыми заключенными приобретает все большую актуальность в политическом, административном и гуманитарном аспектах. Содержание пожилых заключенных требует значительных финансовых затрат, превышающих расходы на более молодых осужденных. В некоторых учреждениях практикуется возрастная сегрегация (позднелат. segregatio – отделение части от целого), которая, с одной стороны, способствует организации специализированного ухода, а с другой – ограничивает доступ к общим программам и социальным взаимодействиям.

В попытке частично компенсировать нехватку специализированного медицинского обслуживания некоторые исправительные учреждения внедряют программы, направленные на развитие навыков самоконтроля за состоянием здоровья среди пожилых заключенных. Эти инициативы, включающие образовательные модули по здоровью и питанию, физическую активность, арт-терапию и групповую поддержку, часто реализуются силами волонтеров или самих заключенных. Хотя такие меры способствуют снижению нагрузки на ресурсы учреждений и повышению автономности осужденных, их правовой статус остается неопределенным: они не закреплены в единых федеральных стандартах и зависят от локальных административных решений. Более того, эти программы, несмотря на их пользу, не могут заменить системный долгосрочный уход, что ставит вопрос о необходимости законодательного регулирования медицинского обслуживания пожилых в местах лишения свободы.

Крайним проявлением институциональной неготовности пенитенциарной системы к работе с возрастными заключенными становится проблема паллиативной помощи. Действующее законодательство формально предусматривает возможность оказания такого ухода, однако его реализация на практике сталкивается с рядом правовых и организационных препятствий [Бурт, 2024]. Например, критерии предоставления паллиативной помощи часто являются нечеткими, а доступ к ней зависит от усмотрения администрации конкретного учреждения. В данном контексте институт досрочного освобождения по медицинским показаниям представляет собой важный, но недостаточно эффективный правовой механизм. Несмотря на его гуманитарную направленность, процесс такого освобождения остается чрезмерно бюрократизированным: требования к доказательной базе о состоянии здоровья формализированно строги, а решения нередко затягиваются, что приводит к ситуациям, когда неизлечимо больные осужденные умирают в тюрьме без рассмотрения ходатайства на УДО. Таким образом, даже существующие правовые инструменты смягчения режима для пожилых и тяжелобольных осужденных требуют существенной доработки, чтобы обеспечить баланс между исполнением наказания и соблюдением базовых прав человека.

Согласно действующему законодательству США, для применения данной меры необходимо одновременное соблюдение нескольких юридически значимых условий:

Во-первых, осужденный не должен представлять общественной опасности.

Во-вторых, его заболевание должно носить необратимый характер и не поддаваться лечению с использованием стандартных медицинских методов.

В-третьих, обязательным требованием является отбытие не менее половины назначенного судом срока наказания.

Институт досрочного освобождения по медицинским показаниям, формально соответствующий принципам гуманизации уголовной политики, на практике сталкивается с серьезными системными противоречиями. Несмотря на то, что процедура предусматривает возможность для неизлечимо больных осужденных провести последний период жизни вне мест лишения свободы под контролем уголовно-исполнительных органов, ее реализация осложняется отсутствием медицинских критериев принятия соответствующих решений. Это приводит к тому, что предусмотренные процессуальные гарантии зачастую носят формальный характер, лишая многих тяжелобольных заключенных реальной возможности воспользоваться данным правом на УДО.

Особую остроту эти проблемы приобретают в контексте реинтеграции пожилых освобожденных, где системные правовые пробелы проявляются наиболее явно. Существующая система постпенитенциарного сопровождения демонстрирует существенные недостатки в обеспечении правовой преемственности. Отсутствие единых стандартов планирования выписки, институционально несформированный механизм передачи медицинской документации между пенитенциарными и гражданскими лечебными учреждениями создают существенные препятствия для обеспечения непрерывности лечения хронических заболеваний, характерных для данной возрастной группы.

Наиболее критичной с правовой точки зрения является неразработанность комплексного нормативного регулирования, учитывающего специфические потребности пожилых освобожденных.

Действующее законодательство США не предусматривает ни упрощенных процедур оформления документов для лиц с возрастными когнитивными нарушениями, ни специальных механизмов доступа к социальным льготным программам, ни гарантированного медицинского сопровождения при возрастных патологиях. Так, современные медицинские исследования показали, что когнитивные нарушения вдвое увеличивают риск рецидива в течение первых шести месяцев после освобождения. Этот показатель свидетельствует о существенном правовом пробеле – действующая нормативная правовая база полностью игнорирует особый правовой статус данной категории лиц, не предусматривая специализированных подходов ни к их ресоциализации, ни к последующему надзору.

При этом действующая система социальной поддержки США не обеспечивает в полной мере потребности пожилых бывших осужденных. Большинство существующих программ носят узкоспециализированный характер и не учитывают комплексные медицинские и социальные потребности данной категории [Ельчанинова, 2023]. В результате формируется ситуация системной социальной незащищенности, которая требует разработки специализированных государственных программ поддержки.

Заключение

Проблема старения «тюремного населения» в США представляет собой сложный комплекс правовых, медицинских и социальных вызовов, требующих системного реформирования пенитенциарной и постпенитенциарной систем. Устойчивый рост доли пожилых заключенных, обусловленный ужесточением законодательства, увеличением сроков наказания и старением осужденных, выявил неготовность исправительных учреждений к обеспечению адекватного ухода за указанной категорией осужденных лиц.

Среди ключевых проблем выделяются недостатки медицинского обеспечения, включая отсутствие единых федеральных стандартов, дефицит специализированной гериатрической

помощи, а также сложности с организацией паллиативного ухода и доступом к необходимым лекарствам. Не менее остро стоит вопрос реинтеграции пожилых освобожденных, которые сталкиваются с дискриминацией при трудоустройстве, потерей социальных связей, трудностями в восстановлении медицинской страховки и жилья. Критерии досрочного освобождения по медицинским показаниям, бюрократизированные процедуры и отсутствие преемственности между пенитенциарной и гражданской системами здравоохранения создают дополнительные препятствия. Социальная незащищенность проявляется в автоматическом прекращении выплат во время заключения, отсутствии гарантированного доступа к жилью и специализированным программам поддержки.

Очевидно, что комплексный подход, сочетающий законодательные реформы США, межведомственное взаимодействие и гуманизацию исполнения наказаний, позволит снизить остроту проблемы и обеспечить соблюдение прав пожилых заключенных. Игнорирование этих вызовов ведет не только к нарушению конституционных гарантий, но и к росту рецидивизма, увеличению нагрузки на систему здравоохранения и социальные службы.

Библиография

1. Бурт, А. А. Аспекты оказания паллиативной помощи осужденным к пожизненному лишению свободы / А. А. Бурт // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. – Москва : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024. – С. 163-167. – EDN FPIXIM.
2. Дворянчиков, Н.В., Соколинская, Е.В. (2017). Социально-психологическая адаптация в позднем возрасте и условия благополучного старения. Современная зарубежная психология, 6(3), 53–63. https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060306
3. Ельчанинова, О. Ю. Зарубежный опыт организации поддержки осужденным инвалидам и лицам пожилого возраста во время содержания в местах лишения свободы и в постпенитенциарный период / О. Ю. Ельчанинова // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 5(56). – С. 15-23. – DOI 10.37523/SUI.2023.56.5.002. – EDN JGJRDL.
4. Желтов, А. А. Проблема диспропорции этнического, расового и религиозного состава осужденных в пенитенциарных учреждениях США и стран Западной Европы / А. А. Желтов // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 212-223. – DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-3-212-223. – EDN OENNIK.
5. Карпенко, Е. А. Анализ опыта преобразования пенитенциарных учреждений в США / Е. А. Карпенко, М. Ю. Виленский // Вестник науки. – 2020. – Т. 3, № 5(26). – С. 106-111. – EDN BCLDRK.
6. Кудашева В.В., Институт условно-досрочного освобождения от наказания в Соединенных штатах Америки // Отечественная юриспруденция. 2018. С. 44-47.
7. Калужина, М. А. Особенности функционирования службы пробации в США / М. А. Калужина // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 3. – С. 29-32. – EDN SAMDXX.
8. Малышева, И. В. Сравнительно-правовое исследование содержания пожилых осужденных в отдельных зарубежных государствах : аналитический обзор / И. В. Малышева, Ю. М. Заборовская. – Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-91246-149-1. – EDN GOGGWA.
9. Метлин, Д. Г. Особенности обеспечения социальной реинтеграции осужденных к тюремному заключению в зарубежных странах / Д. Г. Метлин // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 146-148. – EDN NKGHTC.
10. Минстер, М. В. Психофизиологические особенности женщин, осужденных к лишению свободы / М. В. Минстер // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319. – С. 117-119. – EDN LHQOHT.
11. Проблемы пожилых людей с позиций их социального статуса / Ю. П. Бойко, С. А. Сурков, А. М. Лукашев [и др.] // Клиническая геронтология. – 2007. – Т. 13, № 3. – С. 45-49. – EDN JHCZFL.
12. Самойлова, А. А. К вопросу о правовой регламентации осуществления контроля и надзора за осужденными в пенитенциарных учреждениях США / А. А. Самойлова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. – москва : Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2020. – С. 383-385. – EDN NCJKXW.
13. Саралиева, З. Х. "Старые пожилые" как объект и субъект социальных рисков в системе социально-трудовых отношений / З. Х. Саралиева, А. В. Ермилова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2019. – № 4. – С. 8-19. – DOI

10.15593/2224-9354/2019.4.1. – EDN THWOJT.
14. Тепляшин, П. В. Факторы, обуславливающие численность "тюремного населения": мировой опыт / П. В. Тепляшин // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1(37). – С. 103-110. – DOI 10.37523/SUI.2020.37.1.015. – EDN UZTSXK.
15. Щербаков, Г. В. Социально-психологические особенности тюремного сообщества в пенитенциарных учреждениях США / Г. В. Щербаков, О. А. Щербакова // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 2. – С. 29-35. – EDN MWECWR.
16. Интернет-источник: Causes and predictors of premature death in the pars cohort study: a cohort study | BMC Public Health | Full Text // https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-024-19583-7
17. Aday R. H., Krabill J. J. Older and geriatric offenders: Critical issues for the 21st century //Special needs offenders in correctional institutions. – 2012. – Т. 1. – С. 203-233.
18. DiTomas M., Augustine D., Williams B. A. Growing older: challenges of prison and reentry for the aging population //Public Health Behind Bars: From Prisons to Communities. – New York, NY : Springer US, 2021. – С. 63-87.
19. Joynt M. E. H., Bishop A. J. Aging behind bars: Assessing the health care needs of graying prisoners //Routledge Handbook on offenders with special needs. – Routledge, 2018. – С. 342-357.
20. Rikard R. V., Rosenberg E. Aging inmates: A convergence of trends in the American criminal justice system //Journal of Correctional Health Care. – 2007. – Т. 13. – №. 3. – С. 150-162.

Legal Problems of Reintegration of Elderly Released Individuals in the US Penitentiary System

Diana N. Slabkaya

Senior Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of aging "prison population" in the United States, which is becoming increasingly relevant due to the growing proportion of elderly convicts. Key factors contributing to this phenomenon are analyzed: toughening of legislation, increase in sentence lengths, and natural aging of convicts. Special attention is paid to the legal, medical, and social challenges faced by the penitentiary system, including the lack of specialized geriatric care, difficulties in reintegration of released individuals, and insufficiency of legislative regulation. Measures for reforming the system are investigated, such as humanization of criminal policy, development of palliative care programs, simplification of procedures for medical parole, and creation of mechanisms for post-penitentiary support. The necessity of interagency cooperation for ensuring continuity of medical care and social adaptation of former elderly convicts is emphasized.

For citation

Slabkaya D.N. (2025) Pravovyye problemy reintegratsii osvobozhdennykh pozhilogo vozrasta v penitentsiarnoy sisteme SShA [Legal Problems of Reintegration of Elderly Released Individuals in the US Penitentiary System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 381-387. DOI: 10.34670/AR.2025.55.31.045

Keywords

Aging convicts, US penitentiary system, reintegration of released individuals, parole, criminal policy, social adaptation, human rights in places of detention.

References

1. Burt, A. A. Aspekty okazaniya palliativnoj pomoshchi osuzhdennym k pozhiznennomu lisheniyu svobody / A. A. Burt // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii : nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie. – Moskva : FKU NIIIT FSIN Rossii, 2024. – S. 163-167. – EDN FPIXIM.
2. Dvoryanchikov, N.V., Sokolinskaya, E.V. (2017). Social'no-psihologicheskaya adaptaciya v pozdnem vozraste i usloviya blagopoluchnogo stareniya. Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya, 6(3), 53–63. https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060306
3. El'chaninova, O. Yu. Zarubezhnyj opyt organizacii podderzhki osuzhdennym invalidam i licam pozhilogo vozrasta vo vremya soderzhaniya v mestah lisheniya svobody i v postpenitenciarnyj period / O. Yu. El'chaninova // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2023. – № 5(56). – S. 15-23. – DOI 10.37523/SUI.2023.56.5.002. – EDN JGJRDL.
4. Zheltov, A. A. Problema disproporcii etnicheskogo, rasovogo i religioznogo sostava osuzhdennyh v penitenciarnyh uchrezhdeniyah SShA i stran Zapadnoj Evropy / A. A. Zheltov // Sibirskij antropologicheskij zhurnal. – 2021. – T. 5, № 3. – S. 212-223. – DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-3-212-223. – EDN OENNIK.
5. Karpenko, E. A. Analiz opyta preobrazovaniya penitenciarnyh uchrezhdenij v SShA / E. A. Karpenko, M. Yu. Vilenskij // Vestnik nauki. – 2020. – T. 3, № 5(26). – S. 106-111. – EDN BCLDRK.
6. Kudasheva V.V., Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot nakazaniya v Soedinennyh shtatah Ameriki // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2018. S. 44-47.
7. Kaluzhina, M. A. Osobennosti funkcionirovaniya sluzhby probacii v SShA / M. A. Kaluzhina // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2014. – № 3. – S. 29-32. – EDN SAMDXX.
8. Malysheva, I. V. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie soderzhaniya pozhilyh osuzhdennyh v otdel'nyh zarubezhnyh gosudarstvah : analiticheskij obzor / I. V. Malysheva, Yu. M. Zaborovskaya. – Novokuzneck : Kuzbasskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2021. – 48 s. – ISBN 978-5-91246-149-1. – EDN GOGGWA.
9. Metlin, D. G. Osobennosti obespecheniya social'noj reintegracii osuzhdennyh k tyuremnomu zaklyucheniyu v zarubezhnyh stranah / D. G. Metlin // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2020. – № 9(189). – S. 146-148. – EDN NKGHTC.
10. Minster, M. V. Psihofiziologicheskie osobennosti zhenshchin, osuzhdennyh k lisheniyu svobody / M. V. Minster // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 319. – S. 117-119. – EDN LHQOHT.
11. Problemy pozhilyh lyudej s pozicij ih social'nogo statusa / Yu. P. Bojko, S. A. Surkov, A. M. Lukashev [i dr.] // Klinicheskaya gerontologiya. – 2007. – T. 13, № 3. – S. 45-49. – EDN JHCZFL.
12. Samojlova, A. A. K voprosu o pravovoj reglamentacii osushchestvleniya kontrolya i nadzora za osuzhdennymi v penitenciarnyh uchrezhdeniyah SShA / A. A. Samojlova // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii : nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie. Tom Vypusk 1. – moskva : Federal'noe kazennoe uchrezhdenie Nauchno-issledovatel'skij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij Rossijskoj Federacii, 2020. – S. 383-385. – EDN NCJKXW.
13. Saralieva, Z. H. \"Starye pozhilye\" kak ob"ekt i sub"ekt social'nyh riskov v sisteme social'no-trudovyh otnoshenij / Z. H. Saralieva, A. V. Ermilova // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki. – 2019. – № 4. – S. 8-19. – DOI 10.15593/2224-9354/2019.4.1. – EDN THWOJT.
14. Teplyashin, P. V. Faktory, obuslavlivayushchie chislennost' \"tyuremnogo naseleniya\": mirovoj opyt / P. V. Teplyashin // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 1(37). – S. 103-110. – DOI 10.37523/SUI.2020.37.1.015. – EDN UZTSXK.
15. Shcherbakov, G. V. Social'no-psihologicheskie osobennosti tyuremnogo soobshchestva v penitenciarnyh uchrezhdeniyah SShA / G. V. Shcherbakov, O. A. Shcherbakova // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2008. – № 2. – S. 29-35. – EDN MWECWR.
16. Internet-istochnik: Causes and predictors of premature death in the pars cohort study: a cohort study | BMC Public Health | Full Text // https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-024-19583-7
17. Aday R. H., Krabill J. J. Older and geriatric offenders: Critical issues for the 21st century //Special needs offenders in correctional institutions. – 2012. – T. 1. – S. 203-233.
18. DiTomas M., Augustine D., Williams B. A. Growing older: challenges of prison and reentry for the aging population //Public Health Behind Bars: From Prisons to Communities. – New York, NY : Springer US, 2021. – S. 63-87.
19. Joynt M. E. H., Bishop A. J. Aging behind bars: Assessing the health care needs of graying prisoners //Routledge Handbook on offenders with special needs. – Routledge, 2018. – S. 342-357.
20. Rikard R. V., Rosenberg E. Aging inmates: A convergence of trends in the American criminal justice system //Journal of Correctional Health Care. – 2007. – T. 13. – №. 3. – S. 150-162.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.99.20.046**

К вопросу проблемы профилактики наркомании, как фактор предупреждения правонарушений

Савраскин Сергей Николаевич

Преподаватель,
Кафедра административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: savraskinsn@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу наркотизации общества как одного из ключевых криминогенных факторов. Обосновывается взаимосвязь между ростом потребления наркотиков и уровнем преступности, поскольку зависимость часто толкает лиц на совершение противоправных действий для финансирования пагубного пристрастия. В работе рассматривается существующая система профилактики наркомании и выявляются ее системные недостатки. Автор доказывает, что совершенствование превентивных мер является не только медицинской или социальной, но и действенной криминологической стратегией. Цель исследования — разработать предложения по оптимизации профилактической работы для снижения уровня как наркотизации, так и сопутствующих правонарушений. В качестве методологической основы применяются анализ статистических данных, сравнительно-правовой и системный подходы. В результате исследования предлагается комплекс мер, включающий: усиление роли раннего выявления и первичной профилактики в образовательных учреждениях; развитие программ социальной и психологической адаптации в группе риска; укрепление межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, учреждениями здравоохранения и социальными службами.

Для цитирования в научных исследованиях

Савраскин С.Н. К вопросу проблемы профилактики наркомании, как фактор предупреждения правонарушений // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 388-396. DOI: 10.34670/AR.2025.99.20.046

Ключевые слова

Профилактика наркомании, предупреждение преступлений, наркопреступность, криминогенный фактор, реабилитация, общественная безопасность, антинаркотическая политика.

Введение

Актуальность темы состоит в том, что на сегодняшний день распространение наркотических средств выступает одной из угроз, опасных для общества и государства в целом. Под влиянием наркотических средств совершается большое количество преступлений. В январе – апреле 2025 года выявлено 79,4 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 29,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 76,6 тыс. преступлений (+28,8%). По сравнению с январем – апрелем 2024 года на 49,5% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также возрос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 64,0% в январе – апреле 2024 года до 73,9% [Краткая характеристика преступности..., 2025].

Объектом работы являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации правовой системы, при предупреждении, пресечении, раскрытии преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Данное явление не только не прекращается, но и находит пути совершенствования и развития.

Методология исследования. В рамках подготовки работы были использованы такие методы как: сравнение, анализ, синтез, индукция,

Основная часть

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации закрепляет, что необходимо создавать условия для качественного предупреждения, выявления и пресечения преступлений и правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий [Указ Президента РФ № 400, 2021]. Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года направлена на включение в государстве активной антинаркотической деятельности, идеологии, реабилитацию больных наркоманией и противодействие наркопреступлениям [Указ Президента РФ № 733, 2020].

Владимир Владимирович Путин на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека отметил, что «у нас тюремное население так называемое, наверное, сейчас уже в значительной степени формируется за счет тех, кто нарушает закон в сфере незаконного оборота наркотических средств» [Комментарий Президента России ТАСС, 2023].

В целях своевременного научного обеспечения и разработки алгоритмов действий правоохранительных органов, направленных на пресечение преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учеными постоянно создаются научные изыскания. При этом учитывается разнообразие методов и способов осуществления указанной ими деятельности.

В перечень важных нормативных правовых актов, регламентирующих данную деятельность, в том числе, можно отнести: Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ); Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ); федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ; федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ и другие.

Хотелось бы, в том числе, обратить внимание на правовые акты, закрепляющие ключевые понятия и особенности, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Как мы уже отмечали выше, в нашей стране реализуется стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, направленная на активизацию в государстве антинаркотической деятельности, идеологии, реабилитацию больных наркоманией и противодействие наркопреступлениям [Федеральный закон № 3-ФЗ, 1998].

Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в статье 1 определяет, что наркотические средства – это «вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года» [Федеральный закон № 3-ФЗ, 1998]. Психотропные вещества – «вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года».

Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации закреплен в Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [Постановление Правительства РФ № 681, 1998].

Особенно необходимо уделить внимание квалификации деяния, связанного с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Уметь проводить разграничения между административными составами и преступлениями, руководствуясь, в том числе, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Постановление Пленума ВС РФ № 14, 2006].

Так же данный вопрос отдельно регламентируется статьей 50 федерального закона № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Учет лиц, совершивших преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, постоянное наблюдение за ними, разъяснение соответствующих прав, обязанностей, ответственности стало неотъемлемой частью ежедневной деятельности органов внутренних дел. Так, например, участковые уполномоченные полиции (далее – УУП) обязаны пресекать преступления (например, преступления, предусмотренные статьями 228 – 229.1 УК РФ) и административные правонарушения (статьи 6.8 – 6.9.1 КоАП РФ).

Как показывает статистика, осуществление активной работы в данной сфере – это одна из важнейших задач. Больше половины (57,3%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое пятое (20,4%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое тридцать восьмое (2,6%) – несовершеннолетними или при их соучастии [Статистические данные ГИАЦ МВД России, www…].

На сегодняшний день вышеуказанные противоправные общественно опасные деяния, чаще всего, реализуются бесконтактным способом, что значительно усложняет раскрываемость данных преступлений и правонарушений.

Кроме того, нельзя не отметить развитие информационно-телекоммуникационных технологий, которые могут как положительно, так и негативно влиять на различные сферы

жизни, в том числе, на преступную среду, организующую свою деятельность в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Преступниками и правонарушителями активно стали применяться интернет-площадки, используемые для реализации бесконтактного способа совершения наркопреступлений. Самой известной площадкой выступает «DarkNet». Данная сеть опасна тем, что она запрограммирована на невозможность отслеживания ее операций. Популярной сетью на российском рынке выступает площадка Hydra (Гидра). На втором месте по популярности находятся различные социальные сети, мессенджеры, веб-сайты и другое (Telegram, WhatApp и другие).

Гражданин С., используя информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») посредством обмена текстовыми сообщениями, используя бесплатный кроссплатформенный мессенджер для смартфонов и других устройств, позволяющий обмениваться текстовыми сообщениями и устанавливать анонимное сетевое соединение, обеспечивающее сокрытие передаваемых данных, посредством переписки вступил в преступный сговор с неустановленным следствием лицом, зарегистрированным в приложении под ник-неймом, с которым договорился о приобретении у него оптовых партий наркотических средств, с целью дальнейшей их расфасовке и незаконном сбыте розничными партиями, путем оборудования тайников - «закладок» за денежное вознаграждение [Приговор Дзержинского районного суда..., 2017].

Проведение активных мероприятий с подрастающим поколением путем демонстрации роликов по данной тематике; акцентировании внимания на последствиях принятия наркотических средств и психотропных веществ; разъяснение санкций статей и обзор реальных примеров лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также болеющих наркоманией, может способствовать реализации воспитательной функции и предупреждению совершения данных деяний подростками.

Кроме всего вышесказанного нужно учитывать, что наркомания – это прежде всего заболевание, т.е. зависимость от наркотических средств или психотропных веществ. Также если рассматривать данное явление и то, как оно влияют на организм человека, то сможем предотвращать данное влияние и соответственно, тем самым, уменьшим количество совершаемых преступлений в нашей стране.

Несмотря на пагубный характер влияния наркотических средств и психотропных веществ на здоровье населения, это может приносит выгодную прибыль для лиц, занимающихся сбытом данных веществ. Эта ситуация, в том числе, прямо влияет на экономическую ситуацию в стране, а также на национальную безопасность, поэтому исследование данной темы весьма значимо в настоящий момент. Следует обратить внимание, что такие понятия как пьянство, алкоголизм не имеют законодательного закрепления, но при рассмотрении наркомании необходимо обратиться к статье 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». На законодательном уровне под наркоманией понимается заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества .

Лечение наркозависимых проходит в системе органов здравоохранения. При этом также возникают проблемы по предоставлению наркозависимым соответствующих условий, например, что касается вопроса, связанного с нехваткой соответствующих медицинских учреждений, то следует отметить, что в Российской Федерации действует около 100 наркологических клиник и реабилитационных центров [Официальный сайт наркологических клиник..., www…].

Если рассмотреть российский статистический ежегодник, подготовленный Федеральной службой государственной статистики, за 2023 год, то можно сделать следующие выводы:

– Число больничных коек в медицинских организациях, оказывающих помощь в стационарных условиях, по специализации наркология на 10 000 человек населения составляет 1,4.
– Численность врачей психиатров и наркологов на 10 000 человек населения составляет 1,5.
– В 2022 году на профилактический учет взято в связи с употреблением некротических веществ 26, 2 тыс. человек.
– Численность несовершеннолетних, имеющих диагноз токсикомания, составляют: 0–14 лет – 15 человек; 15- 17 лет – 9 человек за 2022 год [Российский статистический ежегодник, 2023].

Решение указанной проблемы видеться в предложении ученого Дереновой Н.С., которая предлагает «создать и закрепить в законодательном порядке медицинские учреждения специализированного типа во всех регионах Российской Федерации – реабилитационные профилактории, где наркозависимые смогут получать квалифицированную медицинскую помощь и проходить комплексное лечение и реабилитацию» [Деренова, 2023].

Мы поддерживаем вышеуказанную позицию автора, кроме того, согласны с тем, что данный вопрос необходимо решать не только путем проведения практических мероприятий, но и на законодательном уровне.

М.В. Борисенко, А.М. Кальяк также отмечают, что необходимо реабилитацию и лечение наркозависимых лиц ставить на жесткий государственный контроль [Борисенко, Кальяк, www…].

Заключение

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ сегодня, как и в другие периоды, остается значимым и актуальным. Не смотря на четкую регламентацию данной деятельности в таких основных нормативных правовых актах как: федеральный закон «О наркотических средствах»; федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации»; федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; Уголовный кодекс; Кодекс об административных правонарушениях; Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации» и иных, на практике противодействие данным преступлениям и правонарушениям требует более тщательной проработки.

Борьба с наркотизацией требует комплексного подхода, который включает профилактику, лечение, реабилитацию и государственную политику.

Профилактика должна начинаться с раннего возраста и включать:

- Образовательные программы. Школьные уроки, лекции и тренинги должны информировать детей о вреде наркотиков и учить их справляться со стрессом без психоактивных веществ.

- Работу с семьями. Поддержка родителей в воспитании и создании здоровой семейной среды снижает риск зависимости.

- Социальную рекламу. Кампании в СМИ и интернете могут повысить осведомлённость о последствиях наркомании.

Государственная политика должна реализовываться по трем ключевым направлениям:

ужесточение контроля, всесторонняя реабилитация и просвещение.

1. Совершенствование контроля и противодействия наркоторговле.

Особое внимание следует уделить борьбе с незаконным оборотом наркотиков в цифровой среде. Для этого необходимо:

- Модернизировать законодательство: Привести нормы, регулирующие оборот наркотических и психотропных веществ, в соответствие с цифровыми реалиями. Установить ответственность за их онлайн-пропаганду, а также за использование анонимных платежных систем (включая криптовалюты) для финансирования наркобизнеса.

- Создать специализированные подразделения: Сформировать профильные отделы по расследованию киберпреступлений в сфере наркооборота, оснастив их современной техникой и укомплектовав экспертами в области цифровых технологий и кибербезопасности.·Внедрить современные технологии: Разработать и внедрить инструменты для мониторинга и анализа интернет-трафика. Активно использовать технологии искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа больших данных с целью выявления и пресечения деятельности наркоторговцев в сети [Хохлова, 2025].

2. Всесторонняя поддержка реабилитации и ресоциализации.

Реабилитация направлена на восстановление социальной и психологической адаптации человека и должна включать:

- Профессиональную психологическую помощь: Применение когнитивно-поведенческой терапии и других доказательных методов для изменения мышления и отношения к наркотикам.

- Активную социальную поддержку: Содействие в трудоустройстве, восстановлении семейных связей и обучении новым профессиональным и социальным навыкам.

- Развитие сети групп поддержки: Содействие программам по типу «12 шагов» и сообществ анонимных наркоманов, где люди могут делиться опытом и получать поддержку.

3. Законодательные меры и финансирование

- Сбалансированный законодательный подход: Ужесточить наказание за организованное распространение наркотиков, одновременно создав законодательные условия для замены уголовного преследования на принудительное лечение и реабилитацию для немедицинских потребителей.

- Системное финансирование: Обеспечить стабильное государственное финансирование медицинских и реабилитационных центров, а также программ профилактики и социальной реинтеграции.

Эффективная и многоуровневая профилактика наркомании является действенным инструментом предупреждения широкого спектра правонарушений, что позволяет не только сохранять здоровье нации, но и обеспечивать общественную безопасность.

Наркомания — глобальная проблема, требующая совместных усилий общества, государства и каждого человека.

Библиография

21. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - апрель 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/65027102/ (дата обращения: 14.10.2025).
22. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Российская газета. - 2021 (дата обращения: 14.10.2025).
23. Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733«Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. – 2020 (дата обращения: 14.10.2025).
24. Комментарий Президента России ТАСС // Президент России. Официальный сайт. – 2023, 5 декабря – URL:

https://tass.ru/obschestvo/19453779 (дата обращения: 12.10.2025).
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2025).
26. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 года № 195-ФЗ // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2025).
27. Федеральный закон от 23.06.2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2025).
28. Федеральный закон 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2025).
29. Указ Президента Российской Федерации от 13.11.2020 года № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).
30. Федеральный закон от 08.01.1998 года № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).
31. Постановление Правительства РФот 30.06.1998 года № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).
32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»// Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).
33. Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/55225633/ (дата обращения: 12.10.2025).
34. Приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 22 ноября 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/547980.html (дата обращения: 15.10.2025).
35. Официальный сайт наркологических клиник Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://наркологические-клиники.рф
36. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат.сб./Росстат. – М., 2023 – 701 с. (дата обращения: 15.10.2025).
37. Деренова Н.С. Административно-правовая составляющая в предупреждении наркопреступлений // Человек: преступление и наказание. - 2023. - № 3. - С. 398–402.
38. Борисенко М.В. Совершенствование системы мер по сокращению наркомании и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Борисенко М.В., Кальяк А.М. // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». –С. 1-7.
39. Хохлова, А. Ю. Современное состояние незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемого с использованием компьютерных технологий, в Российской Федерации. Проблемы противодействия / А. Ю. Хохлова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 35 (586). — С. 105-109. — URL: https://moluch.ru/archive/586/128244.

On the Problem of Drug Addiction Prevention as a Factor in Crime Prevention

Sergey N. Savraskin

Lecturer,
Department of Administrative Law and
Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66 Korepina St., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: savraskinsn@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of societal drug addiction as one of the key criminogenic factors. The relationship between the increase in drug consumption and crime levels is substantiated, since addiction often drives individuals to commit unlawful acts to finance their harmful habit. The work examines the existing system of drug addiction prevention and identifies its systemic shortcomings. The author proves that improving preventive measures is not only a medical or social issue but also an effective criminological strategy. The research aim is to develop proposals for optimizing preventive work to reduce both drug addiction levels and associated offenses. As a methodological basis, analysis of statistical data, comparative legal and systemic approaches are applied. As a result of the research, a set of measures is proposed, including: strengthening the role of early detection and primary prevention in educational institutions; developing programs for social and psychological adaptation for at-risk groups; enhancing interagency cooperation between law enforcement agencies, healthcare institutions, and social services.

For citation

Savraskin S.N. (2025) K voprosu problemy profilaktiki narkomanii, kak faktor preduprezhdeniya pravonarusheniy [On the Problem of Drug Addiction Prevention as a Factor in Crime Prevention]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 388-396. DOI: 10.34670/AR.2025.99.20.046

Keywords

Drug addiction prevention, crime prevention, drug-related crime, criminogenic factor, rehabilitation, public safety, anti-drug policy.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - April 2025 [Electronic resource]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/65027102 / (date of request: 10/14/2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"// Rossiyskaya gazeta. - 2021 (date of request: 14.10.2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/23/2020 No. 733 "On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030" // Rossiyskaya Gazeta. – 2020 (date of request: 10/14/2025).
4. Comment by the President of Russia TASS // President of Russia. Official website. – December 5, 2023 – URL: https://tass.ru/obschestvo/19453779 (date of request: 12.10.2025).
5. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Official Internet portal of legal information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 11.10.2025).
6. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // Official Internet portal of legal information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 11.10.2025).
7. Federal Law No. 182-FZ dated 23.06.2016 "On the fundamentals of the crime Prevention system in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 01.10.2025).
8. Federal Law No. 323-FZ of 11/21/2011 "On the basics of Public Health protection in the Russian Federation" from // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of application: 01.10.2025).
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.11.2020 No. 733 "On Approval of the Strategy of the State Anti-drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030" // Official Internet portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 10.10.2025).
10. Federal Law No. 3 dated 08.01.1998 "On Narcotic Drugs and psychotropic substances" // Official Internet portal of legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 10.10.2025).
11. Decree of the Government of the Russian Federation of the Russian Federation of 30.06.1998 No. 681 "On approval of

the List of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation" // Official Internet portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 10.10.2025).
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/15/2006 No. 14 "On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances"// Official Internet portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 10.10.2025).
13. Statistical data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://мвд.рф/reports/item/55225633 / (date of request: 12.10.2025). 14. Verdict of the Dzerzhinsky District Court of Orenburg dated November 22, 2017. [electronic resource]. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/547980.html (date of access: 10/15/2025).
15. The official website of drug treatment clinics of the Russian Federation. [electronic resource]. URL: https://наркологические-клиники .RF
16. Russian Statistical Yearbook. 2023: Stat.sat./Rosstat. Moscow, 2023 – 701 p. (date of application: 10/15/2025).
17. Derenova N.S. Administrative and legal component in the prevention of drug crimes // Man: crime and punishment. - 2023. - No. 3. - pp. 398-402.
18. Borisenko M.V., Kalyak A.M. Improving the system of measures to reduce drug addiction and crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Borisenko M.V., Kalyak A.M. // Center for Scientific Cooperation "Interactive Plus". – pp. 1-7.
19. Khokhlova, A. Y. The current state of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances committed using computer technology in the Russian Federation. Problems of counteraction / A. Y. Khokhlova. — Text : direct // Young scientist. — 2025. — № 35 (586). — Pp. 105-109. — URL: https://moluch.ru/archive/586/128244 .

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343 **DOI: 10.34670/AR.2025.73.59.047**

К вопросу профилактики насилия в сфере семейно-бытовых отношений

Савраскин Сергей Николаевич

Преподаватель,
Кафедра административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: savraskinsn@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу роли участковых уполномоченных полиции в профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Профилактика семейно-бытовых правонарушений остается одной из наиболее сложных задач для правоохранительных органов в силу латентного характера таких преступлений. В данной статье анализируется центральная роль участкового уполномоченного как ключевого субъекта этой деятельности. Рассматриваются основные направления их деятельности, включающие проведение профилактических бесед с гражданами, анализ оперативной обстановки, взаимодействие с медицинскими и социальными учреждениями, а также регулярные обходы и рейды. Определяются ключевые функции участковых: от информирования населения и работы с «трудными» семьями до анализа заявлений и тесного взаимодействия с другими службами. Особое внимание уделяется методам работы с группами риска и межведомственному взаимодействию для выявления латентных правонарушений. В заключении оценивается эффективность принимаемых мер и их значение для укрепления общественной безопасности на вверенной территории.

Для цитирования в научных исследованиях

Савраскин С.Н. К вопросу профилактики насилия в сфере семейно-бытовых отношений // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 397-404. DOI: 10.34670/AR.2025.73.59.047

Ключевые слова

Участковый уполномоченный полиции, профилактика правонарушений, семейно-бытовые отношения, бытовые конфликты, группы риска, общественная безопасность.

Введение

На сегодняшний день не принято обсуждать случаи избиения и вообще физическое насилие, применяемое мужчинами в отношении женщин. Общество продолжает жить традиционными представлениями и стереотипами, что мешает женщинам открыто просить о помощи и информировать окружающих о реальных угрозах своей жизни и здоровью.

Кроме того, реакция сотрудников правоохранительных органов, как правило, ограничивается случаем, когда уже совершено насилие, повлекшее возникновение состава преступления или административного правонарушения.

Фактором, тормозящим процессы обращения женщины за помощью, являются угрозы о возможной расправе в случае обращения в полицию со стороны мужчины. В то же время они (женщины) часто сами в страхе за будущее своих детей: «с кем останутся дети, как они будут без отца (в случае развода)» или из иной заинтересованности забирают заявления из правоохранительных органов о применении к ним физического насилия – например побоев (ст. 116 УК РФ) (уголовные дела о данном преступлении являются делами частного обвинения, возбуждаются по заявлению потерпевших и прекращаются в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым), препятствуя привлечению к ответственности обвиняемых/подсудимых лиц правоохранительными или судебным органами [Петровских, 2024].

Основная часть

На сегодняшний день российское законодательство не содержит отдельного закона о борьбе с домашним насилием и не определяет само понятие «домашнее насилие» [Почему в России..., www…]. Между тем, во многих зарубежных государствах давно введены специальные правовые нормы, направленные на обеспечение гендерного равенства, расширение прав и улучшение положения женщин.

В разное время, по всему миру были приняты законы, которые гарантировали защиту пострадавшим от насилия в семье (Австралия. 1975 год. Закон о семье; Бразилия. 2006 год. Закон Марии да Пенья, США). В США Билл Клинтон подписал в 1994 году закон о насилии против женщин (ViolenceAgainstWomenAct). Согласно этому документу, любое домашнее насилие отныне должно было рассматриваться как уголовное преступление. В 2010 г. во Франции был введен законодательный запрет под страхом уголовного наказания применять в семье психологическое насилие.

Как в Германии, так и в других зарубежных государствах для жертв семейного насилия есть службы психологической поддержки, а также центры социальной помощи. Там женщинам помогают найти юриста, работу и новую квартиру, оформить документы на выплату государственного пособия.

С 1991 года в Канаде было организовано движение белой Ленточки, направленное на призыв к предотвращению насилия против женщин. Именно символ белой ленты призывает мужчин не оставаться в стороне, если они замечают асоциальное, агрессивное поведение по отношению к женщинам от своих друзей, коллег, близких. Согласно резолюции ООН, начиная с 2000 года, 25 ноября стало центральным днем, когда проводятся многочисленные мероприятия по данной теме, а к движению Белой Ленточки, как символа борьбы мужчин против насилия над женщинами присоединились уже 57 стран.

Россия также остро нуждается в специальном законе, направленном на предупреждение домашнего насилия. Сейчас на официальном ресурсе Совета Федерации размещён законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия», представляющий вторую попытку законодательно регулировать вопросы бытового насилия [Петровских, 2021].

Однако тщательное изучение проекта выявило существенные недостатки его содержания. В частности, дефиниция «семейно-бытовое насилие», означающая умышленное деяние, причиняющее или создающее угрозу причинения физического, психического страдания или имущественного вреда, но не являющееся административным правонарушением или уголовным преступлением, оставляет неясным, как именно будет проводиться разграничение объективной стороны данного деяния от аналогичных составов преступлений и административных правонарушений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ и Кодексом об административных правонарушениях РФ. Проект не раскрывает, какие именно действия подлежат квалификации как «семейно-бытовое насилие».

Кроме того, проект содержит спорные положения о примирении сторон и временном разъединении жертвы и агрессора. Методы и способы защиты жертв насилия описаны неполно: непонятно, кто и какими способами будет обеспечивать защиту, на какие ресурсы рассчитано выполнение этих мер.

Данные и другие недоработки, обнаруженные в проекте закона, судя по 11 186 комментариям общественности, могут существенно замедлить его принятие, что приведет к дальнейшему процветанию домашнего насилия в нашей стране.

Отдельно стоит отметить необходимость выделения группы риска для индивидуальной профилактики. Такие лица определяются на основе информации, поступающей в органы внутренних дел от граждан, работодателей, образовательных учреждений, жилищно-коммунальных служб, судов и прокуратур. Группы риска формируются из лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, страдающих алкоголизмом, ранее осужденных за аналогичные преступления, незанятых работой или учебой, подростков без родительского присмотра. Особое внимание следует обращать на выявление и устранение влияния лидеров местных асоциальных сообществ, практикующих вредные привычки (употребление алкоголя, хулиганство и т. д.).

Причины и условия совершения правонарушений семейно-бытового характера отличаются многообразием и сложностью. Главными факторами, провоцирующими, в частности, внутрисемейные насильственные преступления, выступают социальная нестабильность, потеря работы, низкий доход, нищета [Вакуленко, 2022]. Эти явления ведут к психологической фрустрации, злоупотреблению алкоголем, чувству изоляции и заброшенности, становясь прямыми источниками преступного поведения. Параллельно происходит криминализация образа жизни, обусловленная внешними экономическими и социальными изменениями, диктуемая потребностью элементарного физического выживания.

Причинами и условиями правонарушений в жилом секторе, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений, выступают разнообразные факторы, влияющие на социальную стабильность и межличностные взаимоотношения.

Так, Апрелов Е. А. акцентирует внимание на роли социальных факторов в возникновении правонарушений [Апрелов, 2014]. По его мнению, причиной многих конфликтов в жилом секторе являются межличностные отношения и социально-экономическое положение жильцов.

Насильственные действия в семейных отношениях обусловлены разнообразием причин, среди которых выделяются объективные факторы. Пьянство и наркомания выступают одними из ключевых причин, поскольку примерно треть тяжких преступлений совершаются людьми в

состоянии опьянения алкоголем или наркотиками [Генпрокуратура..., 2025]. Важную роль играет социально-экономическое положение: бедность, низкое качество жизни семей с детьми, инфляция, социальное и имущественное неравенство значительно повышают риск внутрисемейного насилия. Бобков В. Н. утверждает, что в районах с низким уровнем дохода уровень правонарушений выше, чем в более благополучных районах [Бобков, 2012]. Недостаточная занятость, низкие доходы и экономические трудности создают дополнительное напряжение и стрессы, способствующие развитию конфликтов в семьях.

Кроме того, значительную роль играют государственные и правовые аспекты: недостаточная защита жертв домашнего насилия, несовершенство законодательной базы («семейно-бытовое насилие»), отсутствие четкого юридического определения этого явления, неэффективность правоохранительных органов и ограниченная эффективность превентивных мер способствуют сохранению и распространению насилия в российских семьях [Рубанцова, 2021].

Эффективность профилактики бытовых правонарушений напрямую зависит от своевременного выявления потенциальных нарушителей и обязательного наступления ответственности за их действия. Игнорирование этих мер неизбежно ведёт к рецидивам правонарушений и вовлечению новых участников в противоправную деятельность.

Существуют телефонные горячие линии и кризисные центры – это службы, предоставляющие круглосуточную консультацию и поддержку жертвам насилия в семье. Специально обученные сотрудники осуществляют поддержку, консультации по безопасности, правовые рекомендации и помощь.

Программы профилактики насилия в семье нацелены на профилактику насилия в семье через осведомление и образование общества. Они включают информационные кампании, тренинги и семинары по проблемам семейного насилия, переговорные группы и программы семейного консультирования.

Мобилизация и вовлечение всего общества, включая семьи, школы, церкви, работодателей и другие институты, играет важную роль в предупреждении насильственных правонарушений в сфере быта. Осведомление общества, поддержка жертв, осуждение насилия и создание безопасных сред, способствующих равноправным отношениям, могут содействовать снижению частоты и воздействия таких правонарушений. Предупреждение семейного насилия осуществляется в школах. Так, на классных часах детям и на родительских собраниях родителям предоставляют информацию о том, как различать признаки насилия и обращаться за помощью. Также есть тренинги для учителей, уроки о равноправии и эмоциональной безопасности.

Общественная информационная кампания играет важную роль в противодействии правонарушений, совершаемым в сфере семейно-бытового насилия. Ее работа заключается в проведении мероприятий с целью распространения информации о проблеме насилия в семье и доступных ресурсах помощи. Это может быть в виде рекламных роликов, плакатов, листовок и социальных медиа-кампаний, направленных на изменение отношения к насилию и предоставление информации о доступных услугах и контактах горячих линий.

Профилактика правонарушений в жилом секторе и в сфере семейно-бытовых отношений – важная составляющая работы участковых уполномоченных полиции. Основная цель таких профилактических мероприятий – снижение уровня преступности, повышение безопасности жителей и улучшение взаимоотношений внутри семьи.

Рассмотрим основные виды и меры профилактики, используемые участковыми уполномоченными полиции.

Участковые уполномоченные полиции проводят системную работу по профилактике правонарушений и обеспечению правопорядка во вверенных им районах [Организация деятельности участкового уполномоченного полиции, 2023]. Сотрудники регулярно проводят встречи с жителями, на которых разъясняют типичные схемы мошенничества, краж и бытовых конфликтов, а также рассказывают о способах защиты. Отдельная профилактическая работа ведется с лицами, ранее замеченными в агрессивном поведении [Кашкина, 2018].

Ежедневно участковые анализируют поступающие в дежурную часть сообщения о семейных и бытовых конфликтах. Важным источником информации также служат данные из медицинских учреждений, куда нередко обращаются жертвы домашнего насилия, не решающиеся заявить в полицию.

Регулярные обходы жилого сектора позволяют предотвращать правонарушения. Участковые ведут точечную работу с группами риска: лицами с судимостью, страдающими алкогольной зависимостью и членами неблагополучных семей. Это включает контроль, беседы и проверки условий жизни, особенно детей. При выявлении угроз жизни или здоровью принимаются незамедлительные меры.

В рамках поддержания правопорядка проводятся рейды по арендованным помещениям и общежитиям с целью выявления нелегальных мигрантов, фактов хранения оружия, наркотиков и других правонарушений, а также проверки соблюдения санитарных норм.

Пандемия коронавируса оказала серьезное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране, вызвав рост тревожности и снижение уровня доверия к государству. В этих условиях региональным властям были делегированы полномочия по смягчению социальной напряженности. Участковые уполномоченные полиции сыграли значительную роль в поддержании общественного спокойствия и профилактике правонарушений, действуя в усиленном режиме [Сосновская, Бондарь, 2023].

Во время дежурства на обслуживаемых участках сотрудникам полиции рекомендовано было соблюдать меры предосторожности и санитарно-гигиенические нормы, посещая социально уязвимые слои населения: пожилых людей, склонных к внушаемости, страдающих психическими расстройствами. В ходе визитов особое внимание уделялось разъяснениям о действиях властей по нормализации эпидемиологической обстановки, выявлялись заболевшие и потенциально опасные лица, информация о которых незамедлительно передавалась медицинским и социальным службам, с целью предотвращения обострения кризисной ситуации.

Отдельное внимание уделялось иностранным гражданам, вынужденным оставаться в России на период пандемии, чья законность пребывания находилась под угрозой из-за введения карантинных мер [Нерабочая сила..., 2025].

Основной упор был сделан на профилактику правонарушений среди мигрантов, предотвращение возможных массовых выступлений и проявлений недовольства, вызванных вынужденным пребыванием в России и ростом антимиграционных настроений в обществе [Абрамов, 2020].

Наиболее эффективной формой профилактики в пандемийный период стала организация совместных рейдов силами полиции в местах вероятного скопления молодёжи. Такие меры позволяли не только сдерживать рост оперативной напряжённости, но и препятствовать распространению инфекционного заболевания [Галузо, Канафин, Редкоус, 2022].

Большое значение имеют оперативно-профилактические мероприятия, в которых активно участвовали участковые уполномоченные полиции. Акции вроде «Нелегал», «Надзорник» и

«Розыск», «Быт», «Семья» проводимые регулярно, позволяют стабилизировать общественное настроение и сформировать позитивное восприятие правоохранительных органов населением. Собранные материалы дают возможность выявить активность как отдельных граждан, так и экстремистски настроенных групп.

В целях профилактики протестных акций среди населения Главное управление по обеспечению общественного порядка МВД России ведет информационную аналитическую работу, налаживая сотрудничество с другими подразделениями МВД России (Главным управлением по вопросам миграции, Главным управлением уголовного розыска), Росгвардией, ФСБ, общественностью и правозащитными организациями [Казак, Михайлова, Столяренко, 2012]. Обмен оперативной информацией позволяет точнее оценить текущие политические и общественные тенденции, реально оценить состояние общественного порядка и безопасности, а также предупредить множество правонарушений в жилом секторе в период эпидемии COVID-19.

Заключение

Деятельность участкового уполномоченного полиции по предупреждению и раскрытию правонарушений в жилых районах является ключевым фактором стабилизации оперативной обстановки как на конкретном участке, так и на территории, подконтрольной территориальному органу МВД России.

Высокая эффективность достигается благодаря умелому сочетанию профилактических мер, средств государственного принуждения и полномочий полиции, что позволяет своевременно предотвращать правонарушений, особенно в жилом секторе, в сфере семейно-бытовых отношений.

Таким образом, комплексный подход к профилактике правонарушений в жилом секторе и семейно-бытовой сфере позволит сотрудникам полиции заметно снизить уровень преступности, предотвращать конфликты и создавать надёжные условия безопасности для граждан.

Вопросы предупреждения правонарушений и преступлений в семейно-бытовой сфере на сегодняшний день остаются недостаточно решенными с точки зрения законодательного регулирования, сопровождаются множеством неясностей в квалификации, пробелов в правовой регламентации. Данный вопрос неоднократно рассматривался правоохранительными органами, а также общественными организациями, наблюдателями, но правонарушения в семейно-бытовой сфере не прекращают быть одними из самых распространенных и требуют дальнейшего глубокого анализа [Савраскин, 2019].

Профилактика правонарушений в жилом секторе и в сфере семейно- бытовых отношений – важная составляющая работы участковых уполномоченных полиции. Основная цель таких профилактических мероприятий – снижение уровня преступности, повышение безопасности жителей и улучшение взаимоотношений внутри семьи.

Библиография

1. Петровских В.Д. О роли жертвы в механизме преступного поведения. в книге: проблемы совершенствования российского законодательства. 2024. с. 126-128
2. Почему в России до сих пор не принят закон против домашнего насилия// [Электронный ресурс]. – https://www.forbes.ru/forbes-woman/526332-pocemu-v-rossii-do-sih-por-ne-prinat-zakon-protiv-domasnego-nasilia
3. Петровских В.Д. Роль закона в противодействии домашнему насилию. В сборнике: Научный поиск курсантов. сборник материалов Международной научной конференции. Могилев, 2021. С. 152-153

4. Вакуленко Н. А. Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности // ЮП. 2022. № 2 (101). С. 91.
4. Апрелов Е. А. Причины межличностных конфликтов в семье и их связь с особенностями семьи как социального института // Молодой ученый. 2014. № 11 (70). С. 320.
5. Генпрокуратура: каждое третье преступление в России совершено под влиянием алкоголя // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru (дата обращения: 20.10.2025).
6. Бобков В. Н. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // Экономика региона. № 2. 2012. С. 172.
7. Рубанцова Т. Семейно-бытовая преступность в России: причины и условия // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 68. С. 16.
8. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: *учебное пособие*. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2023. – 219 с.
9. Кашкина Е. В. Проведение индивидуальной профилактической работы участковыми уполномоченными полиции с отдельными категориями граждан, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел Российской Федерации. Домодедово, 2018. С. 37.
10. Сосновская Ю.Н., Бондарь Е.О. К вопросу о выполнении участковыми уполномоченными полициисвоих должностных обязанностей в жилом секторев условиях чрезвычайных обстоятельств (на примере деятельности в условиях пандемии COVID-19). Академическая мысль. 2023. № 4 (25). С. 97-101
11. Нерабочая сила. Коронавирус ударил по российской экономике. Почему ее восстановление зависит от гастарбайте-ров? // Лента. ру [Электронный ресурс]. URL: https://lenta. ru (дата обращения: 21.10 .2025) .
12. Абрамов А. В. Пандемия covid-19: конец привычного мира? // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 26.
13. Галузо В. Н. Доказывание в правосудии Российской Федерации /, Н. А. Канафин, В. М. Редкоус. М.: Проспект, 2022. С. 320.
14. Казак Б. Б., Михайлова Н. В., Столяренко В. М. Об организации профилактики правонарушений органами внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 39–42. В данной статье в качестве примера профилактики приводятся некоторые полномочия центрального аппарата МВД России по предупреждению правонарушений.
15. Савраскин С.Н. Роль участковых уполномоченных полиции в предупреждении тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, по итогам 2018 года на территории Свердловской области. Правоохранительные органы: теория и практика. 2019. № 1. С. 25-30

On the Issue of Preventing Violence in the Sphere of Domestic Relations

Sergey N. Savraskin

Lecturer,
Department of Administrative Law and
Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66 Korepina St., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: savraskinsn@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the role of district police officers in preventing offenses in the sphere of domestic relations. Prevention of domestic offenses remains one of the most challenging tasks for law enforcement agencies due to the latent nature of such crimes. This article analyzes the central role of the district police officer as a key subject of this activity. The main directions of their activity are considered, including conducting preventive conversations with citizens, analyzing the operational situation, interaction with medical and social institutions, as well as regular patrols and raids. Key functions of district police officers are determined: from informing the population and working with "difficult" families to analyzing

reports and close interaction with other services. Special attention is paid to methods of working with risk groups and interagency cooperation for identifying latent offenses. In conclusion, the effectiveness of the implemented measures and their significance for strengthening public safety in the assigned territory are assessed.

For citation

Savraskin S.N. (2025) K voprosu profilaktiki nasiliya v sfere semeyno-bytovykh otnosheniy [On the Issue of Preventing Violence in the Sphere of Domestic Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 397-404. DOI: 10.34670/AR.2025.73.59.047

Keywords

District police officer, prevention of offenses, domestic relations, domestic conflicts, risk groups, public safety.

References

1. Petrovskikh V.D. On the role of the victim in the mechanism of criminal behavior. in the book: problems of improving Russian legislation. 2024. pp. 126-128
2. Why Russia has not yet adopted a law against domestic violence// [Electronic resource]. – https://www.forbes.ru/forbes-woman/526332-pocemu-v-rossii-do-sih-por-ne-prinat-zakon-protiv-domasnego-nasilia
3. Petrovskikh V.D. The role of the law in countering domestic violence. In the collection: Scientific search for cadets. collection of materials of the International Scientific Conference. Mogilev, 2021. pp. 152-153 4. Vakulenko N. A. Actual statistical and criminological parameters of modern family and household crime // JUL. 2022. No. 2 (101). p. 91.
4. Aprelov E. A. Causes of interpersonal conflicts in the family and their connection with the characteristics of the family as a social institution // Young Scientist. 2014. No. 11 (70). p. 320.
5. Prosecutor General's Office: every third crime in Russia is committed under the influence of alcohol // TASS [Electronic resource]. URL: https://tass.ru (date of reference: 10/20/2025).
6. Bobkov V. N. Inequality in the quality and standard of living of the population of the regions // The economy of the region. No. 2. 2012. p. 172.
7. Rubantsova T. Family and domestic crime in Russia: causes and conditions // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. No. 68. p. 16.
8. Organization of activities of the district police commissioner: a textbook. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 219 p.
9. Kashkina E. V. Conducting individual preventive work by district police officers with certain categories of citizens registered with the internal affairs bodies of the Russian Federation. Domodedovo, 2018. p. 37.
10. Sosnovskaya Yu.N., Bondar E.O. On the issue of the performance by district police officers of their official duties in the residential sector in emergency situations (using the example of activities in the context of the COVID-19 pandemic). Academic thought. 2023. No. 4 (25). pp. 97-101
11. Non-working force. The coronavirus has hit the Russian economy. Why does her recovery depend on migrant workers? // Feed. <url> [Electronic resource]. URL: https://lenta . ru (date of access: 21.10.2025) .
12. Abramov A.V. The covid-19 pandemic: the end of the familiar world? // Russian Social and Humanitarian Journal. 2020. No. 2. P. 26.
13. Galuzo V. N. Evidence in the justice of the Russian Federation /, N. A. Kanafin, V. M. Redkous. Moscow: Prospekt, 2022. P. 320.
14. Kazak B. B., Mikhailova N. V., Stolyarenko V. M. On the organization of crime prevention by law enforcement agencies // Administrative and municipal law. 2012. No. 2. pp. 39-42. In this article, as an example of prevention, some of the powers of the central office of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the prevention of offenses are given.
15. Savraskin S.N. The role of district police officers in the prevention of serious and especially serious crimes committed in the field of family and household relations, according to the results of 2018 in the Sverdlovsk region. Law enforcement agencies: theory and practice. 2019. No. 1. pp. 25-30

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.45.10.048**

Системный кризис пенитенциарной системы США: поиск путей преодоления

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале анализируется устойчивый системный кризис современной пенитенциарной системы США, заключающийся в противоречии между ее формальной целостностью и ведомственной разобщенностью. На основе данных статистического мониторинга 2023-2024 годов выявляются ключевые факторы, обуславливающие высокий уровень реинкарцерации (повторного заключенния) из-за технических (процессуальных) нарушений условий освобождения, а не новых преступлений. Рассматриваются следующие взаимосвязанные детерминанты: недостаточная подготовка заключенных к жизни в обществе, внутренняя ведомственная политика сотрудников пенитенциарной системы и неблагоприятный социально-политический контекст. В заключении обосновывается необходимость сдвига парадигмы к восстановительной модели правосудия, исследуются меры по системной трансформации, включая разработку «сквозных реабилитационных программ» и дестигматизацию лиц, отбывших наказание.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Системный кризис пенитенциарной системы США: поиск путей преодоления // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 405-412. DOI: 10.34670/AR.2025.45.10.048

Ключевые слова

Уголовное правосудие, пенитенциарная система, реинтеграция осужденных, условно-досрочное освобождение, рецидив, реинкарцерация, исправительные программы, реабилитация, «технологическое правосудие», кризис идентичности системы.

Введение

Анализ функционирования системы уголовно-исполнительного правосудия в последнее время в США продолжает выявлять устойчивый фундаментальный парадокс, уходящий корнями в саму природу исправительных систем современности. Этот парадокс заключается в постоянном противоречии между формальной целостностью системы, концептуально предполагающей согласованное взаимодействие всех ее компонентов для достижения единых целей, и ее практическим функционированием, в рамках которого структурные элементы зачастую действуют в условиях ведомственной разобщенности и даже прямой конфронтации [Saenz, 2024]. Данный системный дисбаланс, описываемый как ситуация, в которой «левая рука не ведает о действиях правой», отчетливо проявляется при критическом рассмотрении множественности и зачастую противоречивого характера целей, провозглашаемых уголовным правосудием. К их числу относятся выборочная изоляция лиц, представляющих повышенную общественную опасность; исправление правонарушителей с целью их возвращения в общество; а также всестороннее восстановление положения жертв преступлений. Эта множественность целевых установок, существующая в условиях ограниченных ресурсов и различных политических предпочтений, создает обстановку, в которой достижение одной цели часто происходит в ущерб другим, что порождает циклическую нестабильность и перманентный кризис самоидентификации всей системы [Cloud et al., 2023].

Основная часть

Современные практические данные пенитенциарой системы США, полученные в ходе мониторинга политики условно-досрочного освобождения в различных странах, подтверждают, что обозначенные концептуальные противоречия оказывают непосредственное разрушительное воздействие на их эффективность [Кудашева, 2018]. Меры, принимаемые для снижения переполненности исправительных учреждений, нередко демонстрируют эффект, противоположный ожидаемому. Вместо сокращения количества лиц, содержащихся под стражей, наблюдается рост показателей повторного помещения в пенитенциарные учреждения, в значительной степени обусловленный частыми случаями технических (процессуальных) нарушений условий освобождения, а не совершением новых преступлений. Статистические отчеты пенитенциарных систем ряда штатов США и стран Европейского союза за 2023-2024 годы фиксируют, что до 65-70% всех «возвратов» в исправительные учреждения из числа условно-досрочно освобожденных связаны именно с несоблюдением процедурных требований, таких как нарушение комендантского часа, нерегулярная явка для отметки к надзирателю или положительные результаты тестов на употребление запрещенных веществ при отсутствии обвинений в новом уголовно-наказуемом деянии [Garland, 2023]. Эта устойчивая тенденция, наблюдаемая на фоне относительной стабильности показателей повторной преступности в форме новых правонарушений, порождает необходимость в структурированном анализе причин, которые могут быть сгруппированы вокруг ряда ключевых факторов, взаимодополняющих и усиливающих друг друга [Scott et al., 2021].

Первый фактор акцентирует внимание на недостаточной подготовке осужденного к возвращению в общество, что представляет собой «системный сбой» на этапе отбывания наказания [https://www.novostiniderlandov.com]. В соответствии с данной логикой, повышенная частота «неудач» среди контингента, освобожденного досрочно из мест лишения свободы, соотносится с их системной социальной и психологической дезадаптацией перед

освобождением. Лица, отбывавшие длительные сроки в условиях тотальной регламентации распорядка жизни, оказываются лишены не только социальных связей, но и базовых навыков, необходимых для самостоятельного функционирования в современном обществе: финансовой грамотности, пользования цифровыми сервисами, поиска работы на высококонкурентном рынке труда [Garland, 2023]. Процесс тюремной адаптации, направленный на выживание в специфической среде (закрытом социуме), формирует поведенческие модели, диаметрально противоположные требованиям жизни на свободе, где необходимы инициативность, ответственность и способность к самостоятельному принятию решений. В отличие от них, лица, отбывавшие наказание без лишения свободы или прошедшие программы центров социальной адаптации, сохраняют частичную связь с обществом, что обеспечивает им значительное преимущество. Проблема усугубляется хроническим дефицитом программ по ресоциализации в исправительных учреждениях США, где карательная функция традиционно доминирует над исправительной. Несмотря на отдельные инициативы, масштабы предоставления образовательных программ, профессиональной переподготовки и психологической помощи остаются недостаточными для покрытия потребностей значительной части заключенных, что подтверждается данными международных наблюдательных организаций, указывающих на сохраняющийся разрыв между провозглашенными целями исправления и реальным объемом выделяемых на него ресурсов [Dolovich, 2022].

Второе объяснение фокусируется на роли сотрудников служб надзора пенитенциарной системы США и внутренней системной интеграцией, которая в 2024 году приобрела новые особенности в связи с IT-технологиями контроля. Технологические средства наблюдения, такие как электронные браслеты со спутниковым отслеживанием, программное обеспечение для анализа цифровой активности и автоматизированные системы проверки, стали стандартом пенитенциарной практики, дискреционные полномочия (прим. авт. это право, предоставленное законом, которое позволяет компетентному органу или должностному лицу принимать решения по своему усмотрению в пределах определенных рамок, не подчиняясь строгим предписаниям) надзирателей в США существенно расширились, создав парадоксальную ситуацию. С одной стороны, технологии призваны обеспечивать бесперебойный алгоритм надзора, с другой – они предоставляют беспрецедентные возможности для комплексного наблюдения, выводя на первый план малейшие отклонения от установленных правил. В рамках этой концептуальной модели решения об освобождении, принятые комиссиями по досрочному освобождению или судебными инстанциями, могут интерпретироваться ответственными сотрудниками УИС как необоснованно мягкие или не соответствующие их собственному профессиональному опыту и оценке рисков. Это порождает феномен «технологического правосудия», при котором надзиратель, используя предоставленные ему инструментарий контроля, целенаправленно инициирует процедуру отмены условно-досрочного освобождения за незначительные технические (процедурные) нарушения, которые в иной ситуации могли бы остаться и без таких последствий [Liu et al., 2024]. Подобная практика является прямым следствием внутреннего ценностного конфликта пенитенциарной системы США, где доминирующая карательная парадигма, продолжает превалировать над исправительной и реинтеграционной миссией. Этот внутрисистемный конфликт приводит к тому, что сотрудники надзора выполняют функцию не поддержки, а постоянной проверки освобожденных на «прочность», где любая ошибка становится основанием для возврата пенитенциарное учреждение [Garland, 2023].

На поведенческие траектории как освобожденных по УДО, так и сотрудников надзора оказывает определяющее влияние внешняя среда, характеризующаяся высокой степенью освещения в средствах массовой информации рискогенных сценариев. Несмотря на некоторый

сдвиг в публичной риторике в сторону восстановительного правосудия, доминирующий информационный нарратив продолжает акцентировать образ «опасного рецидивиста», что поддерживает высокий уровень общественной тревожности и формирует атмосферу нетерпимости к любым проступкам лиц с судимостью [Новиков, 2024]. Данное, в свою очередь, оправдывает существование и даже ужесточение многочисленных правовых и административных барьеров для реинтеграции, создающих порочный круг маргинализации. Ограничения на занятие определенных должностей, трудности с получением жилья, ограничение доступа к образовательным грантам и социальным услугам – все эти факторы создают для освобожденного среду, в высокой степени враждебную его усилиям по ресоциализации, практически гарантируя социальное исключение. Параллельно сотрудники служб надзора функционируют под постоянным давлением общественных ожиданий и потенциальной негативной реакции в случае совершения условно-досрочно освобожденным резонансного преступления. Это побуждает их к превентивному ужесточению надзора и принятию упреждающих карательных мер в отношении определенных категорий поднадзорных, что является формой управления личными профессиональными рисками и способом демонстрации бдительности перед лицом критически настроенной общественности, но системно противоречит целям реинтеграции и способствует росту повторного лишения свободы посредством «технологического правосудия».

Разрешение этого многогранного и устойчивого системного кризиса требует не частичных корректировок, а глубокой системной трансформации философии и практики уголовно-правовой юстиции, пересмотра ее базовых основ. Ключевым императивом является объединение всех ее элементов – от стадии судебного преследования и вынесения приговора до отбывания наказания и поспенитенциарного сопровождения для достижения приоритетной цели: успешного возвращения правонарушителя в общество. Это требует реализации принципа, согласно которому подготовка к возвращению в общество должна начинаться с первого дня взаимодействия индивида с системой, а не быть дополнительной заключительной стадией наказания [Скирда, 2024]. Подобная стратегия предполагает разработку и внедрение сквозных, индивидуально ориентированных исправительных программ, обеспечивающих непрерывность коррекционного воздействия на всех этапах, включая судебное разбирательство, где уже могут закладываться основы будущего плана по реинтеграции. Инвестиции в образовательные и профессиональные программы внутри исправительных учреждений должны рассматриваться не как дополнительная опция, а как центральный элемент исполнения наказания, имеющий доказанную эффективность с точки зрения снижения рецидива и, следовательно, обеспечения долгосрочной общественной безопасности. Это предполагает перераспределение ресурсов из сферы чисто карательных мер в сферу образовательных, психологических и социальных услуг внутри пенитенциарной системы [Evans, 2023].

Одновременно с внутренней реформой необходима целенаправленная и системная работа по изменению общественного восприятия и снятию «клейма» с лиц, отбывших наказание. Просветительские кампании, инициируемые государственными структурами в партнерстве с академическим сообществом и институтами гражданского общества, должны быть нацелены на развенчание мифов о процессах реинтеграции и распространение данных научной криминологии о реальных рисках рецедива преступлений и путях их минимизации. Целеполаганием является формирование информированного общественного запроса не на ужесточение репрессивных мер, а на стратегические инвестиции в социально-экономические программы, облегчающие доступ к жилью, трудоустройству и психологической помощи для лиц, выходящих из мест лишения свободы, поскольку именно эти факторы являются

ключевыми условиями успешной реинтеграции. Исторический опыт, в частности модели, основанные на принципах заслуженного освобождения и постепенной социализации, демонстрируют свою продуктивность, указывая на то, что системы, делающие акцент на восстановлении и возвращении, а не на чистом возмездии, достигают более устойчивых результатов в долгосрочной перспективе [Liu et al., 2024]. Таким образом, актуализация проверенных временем подходов, адаптированных к вызовам современности, таких как цифровизация и новые формы социального неравенства, а не поиск исключительно новых карательных решений, представляется наиболее перспективным путем для преодоления системного кризиса и формирования более эффективной, справедливой и, в конечном счете, безопасной модели уголовного правосудия в США, отвечающей комплексным вызовам настоящего и последующих десятилетий.

Заключение

Системный кризис уголовного правосудия США, характеризующийся глубинным противоречием между декларируемой целостностью и реальной ведомственной разобщенностью, воспроизводит циклическую нестабильность всей системы. Устойчиво высокие показатели повторного лишения свободы, обусловленные преимущественно техническими (процедурными) нарушениями, а не новыми преступлениями, являются прямым следствием этого фундаментального дисбаланса. Как демонстрирует представленный анализ, ключевыми детерминантами данной проблемы выступают: системная неготовность заключенных к реинтеграции вследствие дефицита реабилитационных программ; деструкция внутренней ведомственной логики, при которой сотрудники надзора, находясь под давлением карательной парадигмы, де-факто саботируют цели исправления; и, наконец, широкий социально-политический контекст, создающий среду, враждебную для ресоциализации освобожденных.

Преодоление этого кризиса невозможно без сдвига парадигмы от доминирующей карательной модели к восстановительной. Ключевым условием является консолидация всех элементов системы вокруг приоритетной цели – успешного возвращения осужденного в общество, при котором подготовка к реинтеграции начинается с первого дня взаимодействия с системой правосудия. Это требует стратегических инвестиций в сквозные реабилитационные программы, перераспределения ресурсов в сферу образования и социально-психологической помощи, а также целенаправленной работы по дестигматизации (снятии ярлыков) лиц, отбывших наказание. Опыт доказавших свою эффективность моделей, основанных на принципах заслуженного освобождения и прогрессивной социализации, указывает на то, что именно акцент на восстановлении, а не на возмездии, обеспечивает долгосрочную общественную безопасность. Таким образом, дальнейшее развитие уголовно-исполнительной юстиции должно быть связано не с ужесточением репрессивного аппарата, а с последовательной гуманизацией и адаптацией проверенных временем подходов к вызовам современности.

Библиография

1. Большаков, С. Н. Образование в пенитенциарной системе США: социально-педагогический контекст / С. Н. Большаков, Ю. М. Большакова, И. В. Лескова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 52.
2. Интернет-источник. В тюрьмах слишком мало внимания уделяется подготовке заключенных к возвращению в общество: https://www.novostiniderlandov.com/v-tyurmah-slishkom-malo-vnimaniya-udelyaetsya-podgotovke-

zaklyuchennyh-k-vozvrashheniyu-v-obshhestvo/
3. Кудашева, В. В. Институт условно-досрочного освобождения от наказания в Соединенных Штатах Америки / В. В. Кудашева // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 5(30). – С. 44-47.
4. Михайлова Е. В. Опыт реализации института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в зарубежных странах // Криминологический журнал. 2022. № 1. С. 41–45. https://-doi.org/10.24412/2687-0185-2022-1-41-45
5. Новиков, А. В. Рецидив преступлений, индивидуализация уголовной ответственности / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 12-1. – С. 326-333. – EDN MRJDRG.
6. Сасов, А. В. Пенитенциарная система США и ее реформирование в рамках федеральной уголовно-правовой политики / А. В. Сасов, К. Э. Богославская // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : МАТЕРИАЛЫ XXIII НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 626-629.
7. Скирда М.В. К вопросу об имплементации типовых стратегий Организации Объединенных Наций по снижению рецидива преступности в национальное законодательство (на примере Российской Федерации) / М.В. Скирда. – DOI 10.33184/pravgos -2024.2.24// Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 192–202.
8. Слабкая, Д. Н. Экономические условия реализация программ лечения зависимостей в пенитенциарной системе ЕС / Д. Н. Слабкая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 2-1. – С. 416-423.
9. Смирнов, О. А. Экономические принципы реформирования пенитенциарной системы США: аспекты реализации программ сокращения рецидивизма / О. А. Смирнов, А. В. Новиков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 3-1. – С. 400-408. – EDN TRAFVG.
10. Смирнов, О. А. Обобщение опыта США имплементации концепции восстановительного правосудия в пенитенциарной системе: аспекты применения системы образования / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Педагогический журнал. – 2024. – Т. 14, № 4-1. – С. 65-72.
11. Щитов, Н. Г. Карательная тенденция в современной пенитенциарной политике США / Н. Г. Щитов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 156-165.
12. Cloud D. H. et al. Public health and prisons: priorities in the age of mass incarceration //Annual review of public health. – 2023. – Т. 44. – №. 1. – С. 407-428.
13. Dolovich S. The failed regulation and oversight of American prisons //Annual Review of Criminology. – 2022. – Т. 5. – №. 1. – С. 153-177.
14. Evans P. Prison crisis. – Routledge, 2023.
15. Garland D. The current crisis of American criminal justice: A structural analysis //Annual Review of Criminology. – 2023. – Т. 6. – №. 1. – С. 43-63.
16. Liu Y. E. et al. Mass incarceration as a driver of the tuberculosis epidemic in Latin America and projected effects of policy alternatives: a mathematical modelling study //The Lancet Public Health. – 2024. – Т. 9. – №. 11. – С. e841-e851.
17. Rolston S. Prison Life Writing: Conversion and the Literary Roots of the US Prison System. – Wilfrid Laurier Univ. Press, 2021.
18. Saenz R. A crisis behind bars: Legal issues impacting transgender people in prisons //Criminal Justice. – 2024. – Т. 38. – №. 4. – С. 3-10.
19. Scott C. K. et al. The impact of the opioid crisis on US state prison systems //Health & justice. – 2021. – Т. 9. – №. 1. – С. 17.

Systemic Crisis of the US Penitentiary System: Searching for Ways to Overcome It

Diana N. Slabkaya

Senior Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material analyzes the persistent systemic crisis of the modern US penitentiary system, which consists of the contradiction between its formal integrity and departmental fragmentation. Based on statistical monitoring data from 2023-2024, key factors determining the high level of recidivism (re-incarceration) due to technical (procedural) violations of release conditions, rather than new crimes, are identified. The following interrelated determinants are considered: insufficient preparation of prisoners for life in society, internal departmental policy of penitentiary system employees, and unfavorable socio-political context. In conclusion, the necessity of a paradigm shift towards a restorative justice model is substantiated, measures for systemic transformation are investigated, including the development of "through rehabilitation programs" and destigmatization of individuals who have served their sentences.

For citation

Slabkaya D.N. (2025) Sistemnyy krizis penitentsiarnoy sistemy SShA: poisk putey preodoleniya [Systemic Crisis of the US Penitentiary System: Searching for Ways to Overcome It]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 405-412. DOI: 10.34670/AR.2025.45.10.048

Keywords

Criminal justice, penitentiary system, reintegration of convicts, parole, recidivism, reincarceration, correctional programs, rehabilitation, "technological justice", system identity crisis.

References

1. Bol'shakov, S. N. Obrazovanie v penitenciarnoj sisteme SShA: social'no-pedagogicheskij kontekst / S. N. Bol'shakov, Yu. M. Bol'shakova, I. V. Leskova // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2020. – T. 11, № 4. – S. 52.
2. Internet-istochnik. V tyur'mah slishkom malo vnimaniya udelyaetsya podgotovke zaklyuchennyh k vozvrashcheniyu v obshchestvo: https://www.novostiniderlandov.com/v-tyurmah-slishkom-malo-vnimaniya-udelyaetsya-podgotovke-zaklyuchennyh-k-vozvrashheniyu-v-obshhestvo/
3. Kudasheva, V. V. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot nakazaniya v Soedinennyh Shtatah Ameriki / V. V. Kudasheva // Otechestvennaya yurisprudenciya. – 2018. – № 5(30). – S. 44-47.
4. Mihajlova E. V. Opyt realizacii instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v zarubezhnyh stranah // Kriminologicheskij zhurnal. 2022. № 1. S. 41–45. https://-doi.org/10.24412/2687-0185-2022-1-41-45
5. Novikov, A. V. Recidiv prestuplenij, individualizaciya ugolovnoj otvetstvennosti / A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2024. – T. 14, № 12-1. – S. 326-333. – EDN MRJDRG.
6. Sasov, A. V. Penitenciarnaya sistema SShA i ee reformirovanie v ramkah federal'noj ugolovno-pravovoj politiki / A. V. Sasov, K. E. Bogoslavskaya // Modernizaciya rossijskogo obshchestva i obrazovaniya: novye ekonomicheskie orientiry, strategii upravleniya, voprosy pravoprimeneneniya i podgotovki kadrov : MATERIALY HHIII NACIONAL'NOJ NAUChNOJ KONFERENCII (s mezhdunarodnym uchastiem), Taganrog, 15–16 aprelya 2022 goda. – Taganrog: Taganrogskij institut upravleniya i ekonomiki, 2022. – S. 626-629.
7. Skirda M.V. K voprosu ob implementacii tipovyh strategij Organizacii Ob"edinennyh Nacij po snizheniyu recidiva prestupnosti v nacional'noe zakonodatel'stvo (na primere Rossijskoj Federacii) / M.V. Skirda. – DOI 10.33184/pravgos -2024.2.24// Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 2. – S. 192–202.
8. Slabkaya, D. N. Ekonomicheskie usloviya realizaciya programm lecheniya zavisimostej v penitenciarnoj sisteme ES / D. N. Slabkaya // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 2-1. – S. 416-423.
9. Smirnov, O. A. Ekonomicheskie principy reformirovaniya penitenciarnoj sistemy SShA: aspekty realizacii programm sokrashcheniya recidivizma / O. A. Smirnov, A. V. Novikov // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 3-1. – S. 400-408. – EDN TRAFVG.
10. Smirnov, O. A. Obobshchenie opyta SShA implementacii koncepcii vosstanovitel'nogo pravosudiya v penitenciarnoj sisteme: aspekty primeneniya sistemy obrazovaniya / O. A. Smirnov, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Pedagogicheskij zhurnal. – 2024. – T. 14, № 4-1. – S. 65-72.
11. Shchitov, N. G. Karatel'naya tendenciya v sovremennoj penitenciarnoj politike SShA / N. G. Shchitov //

Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2014. – № 3. – S. 156-165.
12. Cloud D. H. et al. Public health and prisons: priorities in the age of mass incarceration //Annual review of public health. – 2023. – T. 44. – №. 1. – S. 407-428.
13. Dolovich S. The failed regulation and oversight of American prisons //Annual Review of Criminology. – 2022. – T. 5. – №. 1. – S. 153-177.
14. Evans P. Prison crisis. – Routledge, 2023.
15. Garland D. The current crisis of American criminal justice: A structural analysis //Annual Review of Criminology. – 2023. – T. 6. – №. 1. – S. 43-63.
16. Liu Y. E. et al. Mass incarceration as a driver of the tuberculosis epidemic in Latin America and projected effects of policy alternatives: a mathematical modelling study //The Lancet Public Health. – 2024. – T. 9. – №. 11. – S. e841-e851.
17. Rolston S. Prison Life Writing: Conversion and the Literary Roots of the US Prison System. – Wilfrid Laurier Univ. Press, 2021.
18. Saenz R. A crisis behind bars: Legal issues impacting transgender people in prisons //Criminal Justice. – 2024. – T. 38. – №. 4. – S. 3-10.
19. Scott C. K. et al. The impact of the opioid crisis on US state prison systems //Health & justice. – 2021. – T. 9. – №. 1. – S. 17.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.88.96.049**

Уголовно-правовые средства противодействия мошенническим действиям, совершаемым с использованием средств мобильной связи

Федоров Андрей Николаевич

Профессор кафедры кадрового, правового,
и психологического обеспечения АГПС МЧС России,
129366, Российская Федерация, Москва, ул. Бориса Галушкина, 4;
e-mail: an.fedorov@academygps.ru

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич

Кандидат психологических наук,
полковник внутренней службы,
начальник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Галымова Софья Алексеевна

Обуча ющаяся факультета (гуманитарного),
Академии гражданской защиты МЧС России
имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
141435, Российская Федерация, Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А;
e-mail: sonya.galymova@mail.ru

Аннотация

Мошенничество, совершаемое с использованием средств мобильной связи, является одной из наиболее распространенных и быстрорастущих форм преступности в современном мире. Простота доступа к мобильным устройствам, анонимность в сети и широкие возможности для обмана делают этот вид преступления особенно привлекательным для злоумышленников. В представленном материале раскрываются существующие актуальные проблемы реализации уголовно-правовых механизмов мошенничества с использованием средств мобильной связи. В России, как и во многих

других странах, данный вид мошенничества представляет серьезную угрозу для граждан и экономики, требуя эффективных мер противодействия, в том числе уголовно-правовых. В этой связи приведен анализ официальных статистических данных МВД России и действующих уголовно-правовых норм, делается акцент на пробелы и противоречия, возникающие в рамках их практического правоприменения. Учитывая специфику исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных за мошенничество, совершаемое с использованием мобильной связи, рассмотрены существующие правовые механизмы и практика их применения в контексте уголовно-исполнительной системы России.

Для цитирования в научных исследованиях

Федоров А.Н., Дикопольцев Д.Е., Слабкая Д.Н., Галымова С.А. Уголовно-правовые средства противодействия мошенническим действиям, совершаемым с использованием средств мобильной связи // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 413-422. DOI: 10.34670/AR.2025.88.96.049

Ключевые слова

Законодательство, наказание, мошенничество, дистанционное мошенничество, завладение имуществом путем обмана, денежные средства, современные технические средства, расследование преступления, уголовно-исполнительная система, осужденные, мера наказания.

Введение

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационных технологий, что, безусловно, оказывает положительное влияние на различные сферы жизни. Однако, наряду с этим, возникают новые вызовы и угрозы, связанные с использованием технологий в преступных целях. Мошенничество, совершаемое с использованием средств мобильной связи, стало одной из наиболее распространенных и опасных форм преступной деятельности, причиняющей значительный материальный ущерб гражданам и организациям.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного исследования (теоретического и практического аспектов) уголовно-наказуемого преступления – мошенничества, совершаемого с использованием средств мобильной связи, в связи с ростом данной категории преступления за последние годы в геометрической прогрессии. Отметим, исследуемая категория преступлений охватывает широкий спектр действий, направленных на незаконное завладение чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, совершенных с применением мобильных телефонов и других мобильных устройств [Левашова, 2021].

Основное содержание

Для повышения показателя раскрываемости рассматриваемой категории преступлений необходимо выявление недостатков уголовно-правовых норм – механизмов, позволяющих привлекать виновных в совершении преступлений лиц к уголовной ответственности оперативно, с учетом развивающихся способов его совершения. Перечисленные обстоятельства

указывают на необходимость, как минимум, корректировки действующих уголовно-правовых норм в данной сфере, а, как максимум, полное изменение подхода к квалификации данной категории преступления, введения отдельного состава преступления в Главу 21 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)

Сложно представить жизнь в современном мире без использования средств мобильной связи, являющейся проводником в мир информационного пространства для человечества. Каждый человек сам решает, с какой целью он использует средства мобильной связи (голосовую связь, СМС-сообщения, сеть «Интернет»). Одно понятно точно, что указанные средства мобильной связи не должны использоваться в нарушение закона.

Как показывает статистика Следственного комитета России за последний период на телефонное мошенничество приходится 353 тыс. преступлений по состоянию на 30 сентября 2025 г., в прошлом году это 281 тыс. инцидентов. Однако число самих краж с банковского счета средств снизилось. В 2025 г. это 77 тыс. инцидентов, хотя в прошлом году было 119 тыс. Общий ущерб от преступлений в ИТ-сфере составил 150 млрд. руб. за девять месяцев 2025 года [https://www.cnews.ru/news].

По данным же МВД России 40% преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2024 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 % [https://мвд.рф].

Одновременно последние статистические данные в рассматриваемой области, раскрытые официально МВД России за январь-сентябрь 2025 года, указывают на необратимый рост мошенничества с использованием мобильной связи: преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с январем-сентябрем 2024 года зарегистрировано на 1,3 % больше. При этом количество дистанционных краж снизилось на 13,7 %, мошенничеств – на 2,8 % [https://мвд.рф].

Мошенничество с использованием мобильной связи как антисоциальное явление не сокращается, способы его совершения тщательно модернизируются и усложняются лицами, его совершающими; размер ущерба поражает, так как сопоставим с бюджетом некоторых субъектов РФ.

Главной проблемой было и остается неэффективное пресечение деятельности мошенников, использующих мобильную связь при совершении своих преступлений против граждан РФ.

Рассматриваемый вид мошенничества имеет отличие от «классического» мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Отличие заключается в том, что контакт между жертвой и злоумышленником происходит с использованием мобильных средств связи – исключая личный визуальный контакт. Вдобавок, для введения жертвы в заблуждение используется алгоритм подмены номера звонящего абонента на внушающий доверие номер телефона (государственных органов, колл-центров банков и т.д.), при помощи программного обеспечения меняют голос, предлагают открыть файл с вредоносной программной – все ради того, чтобы завладеть либо доступом к аккаунту потерпевшего на «Госуслугах», либо для получения логина и пароля к системе онлайн-банкинга, подключенного у лица, являющегося объектом преступного посягательства.

Литвинов Н.Д и Федоров А.Н. выделяют ряд особенностей данного преступления, одна из которых заключается в том, что «злоумышленник, «криминальный оператор» и объект обмана, потерпевший, в момент совершения преступления находятся друг от друга на расстоянии до многих тысяч километров, нередко – в разных временных поясах и даже – в разных

государствах. Они незнакомы друг с другом и общаются только по телефону. Это позволяет говорить о новой географии мошенничества, о новом способе мошенничества, обязательным условием которого становится использование средств мобильной телефонной связи [Литвинов, 2015].

Исходя из вышеизложенного мнения, нельзя не заметить, что основной акцент объективной стороны рассматриваемого состава – мошенничества с использованием мобильной связи, это – расстояние. Из данной особенности вытекает основная проблема – сложность в установлении местонахождения преступника, его как субъекта преступления, следовательно, привлечения к уголовной ответственности. А, учитывая сроки доследственных (процессуальных проверок, споры о территориальной подследственности) и стандартный срок предварительного расследования (2 месяца с момента возбуждения уголовного дела), практически невозможно качественно раскрыть подобные преступления.

Рассматриваемые преступления совершаются, как правило, в отношении безналичных денежных средств и электронных платежных средств, являющихся предметом преступления: банковская карта, банковский терминал, компьютерная программа, телефон с установленной системой «мобильный банк», управляемой посредством ввода компьютерной информации в виде смс-сообщений, т.е. любое средство, которое позволяет человеку распоряжаться безналичными денежными средствами.

Электронное средство платежа является «средство и (или) способ, позволяющий клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [ФЗ].

Но встречаются исключения. Например, звонок с требованиями, с грозами, использование реалистичных форм обмана, сгенерированных при помощи современных программных средств, при помощи технологии искусственного интеллекта, в результате которых потерпевший передает наличные денежные средства курьеру (посреднику) [Шкорбатова, 2024]. И последний либо знаком с преступником, либо также введен в заблуждение путем использования современных психологических методик воздействия на людей (например, НЛП – нейролингвистическое программирование и пр.), которые, однако, к квалификации преступления никак, кроме описания «путем обмана» и/или «введения в заблуждение».

На практике для уголовно-правовой квалификации используются нормы, предусмотренные ст.ст. 159, 159.1, 159.3 и 159.6 УК РФ, то есть общий и специальные составы мошенничества, связанные с кредитованием, электронными средствами платежа, компьютерными технологиями. Рассмотрим подробнее.

Диспозиция части 1 ст. 159.1 УК РФ описывает в качестве объективной стороны хищение денежных средств заемщиков путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

В свою очередь, часть 1 ст. 159.3 УК РФ предусматривает ответственность за хищение электронных средств платежа (отсылка к ФЗ «О национальной платежной системе»).

Частью 1 ст. 159.6 УК РФ законодатель предусматривает уголовную ответственность за хищение чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки, или передачи компьютерной информации или информационно-коммуникационных сетей. В рассматриваемую статью (ст. 159.6 УК РФ) в

2018 году введен особо квалифицированный состав преступления (п. «в» ч.3 ст. 159.6 УК РФ), которым предусмотрено усиленное уголовное наказание за совершение объективных действий, перечисленных в части 1 или части 2 рассматриваемой нормы – статьи УК РФ, если таковые совершения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [УК РФ].

При внимательном анализе перечисленных норм возникает закономерный вопрос: какую норму применять при квалификации мошенничества с использованием средств мобильной связи, если они «конкурируют» между собой.

В уголовно-правовой доктрине сложилось два подхода по вопросу квалификации телефонного мошенничества: например, Бархратова Е.Н. неоднократно выступала за введение на уровне закона правило квалификации рассматриваемых преступлений как мошенничества в сфере компьютерных технологий, то есть по ст. 159.6 УК РФ [Бархатова, 2016].

Качановский А.С, же придерживался изначально точки зрения о правильности квалификации любого телефонного мошенничества по ст. 159 УК РФ, то есть в качестве простого мошенничества [Качановский, 2014]. Обе точки дискуссионны и имеют право на существование и в настоящий момент, так как специальная уголовная норма до сих пор не определена.

Для правоприменителя не всегда понятно, какую норму необходимо применять: перечисленные специальные или общую (ст. 159 УК РФ). К примеру, сначала мошенник получает личные данные жертвы, затем – предоставляет их банку, а после переводит безналичные денежные средств. Очень спорный в плане квалификации кейс. Пункт 14 постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 года № 48 указывает на необходимость осуществлять квалификацию по общей норме – ст. 159 УК РФ ввиду отсутствия категории подложных сведений – лицо выдает себя за другое изначально.

Одновременно Пленум ВС РФ в п.17 своего постановления № 48 устанавливает противоречивое правило: в случаях когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража, то есть по ст. 158 УК РФ. Пленум ВС РФ относит и случаи использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.) – п. 21 постановления №48 Пленума ВС РФ [https://www.vsrf.ru/files/26106/].

Статья 159.6 УК РФ больше затрагивает проблемы IT-безопасности банков, государственных массивов данных, автоматизированных систем, записи в которых имеют материальную ценность ввиду несанкционированного доступа (взлома) и внедрения вредоносного программного обеспечения для изменения записей, их скачивания на сторонние носители, что подтверждается необходимостью квалификацией по совокупности со ст.ст. 272-273 или 274.1 УК РФ .

По нашему частно-научному мнению следует вывод, что в настоящий момент времени в распоряжении правоохранителей имеются всего три действенных уголовного-правовых механизма борьбы с мошенничеством, совершенным с использованием средств мобильной связи: кража (ст. 158 УК РФ), классическое мошенничество (ст. 159 УК РФ) и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), что ставит вопрос о создании

соответствующей отдельной специальной уголовно-правовой нормы, ввиду роста числа преступлений данной категории.

Как уже отмечалось, вопросы квалификации мошеннических действий, совершаемых с использованием средств мобильной связи, являются предметом активных дискуссий в юридической литературе.

Так, профессор Л.В. Головко отмечает, что «использование средств мобильной связи для обмана или злоупотребления доверием при совершении хищения является квалифицирующим признаком мошенничества, поскольку существенно повышает степень общественной опасности деяния и облегчает его совершение» [Курс уголовного права, 2017].

Доцент А.И. Рарог подчеркивает, что «квалификация мошеннических действий, совершаемых с использованием средств мобильной связи, должна учитывать не только сам факт использования технологии, но и способы совершения обмана, целевую аудиторию и размер причиненного ущерба» [Рарог, 2017].

Многие исследователи отмечают необходимость совершенствования законодательства в данной сфере, в частности, путем введения специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за мошенничество в сфере информационных технологий.

Осужденные за мошенничество с использованием средств мобильной связи отбывают наказание в учреждениях УИС в соответствии с видом назначенного наказания и режимом содержания. Наиболее распространенными видами наказания являются лишение свободы, исправительные работы и ограничение свободы.

По общему правилу, лишение свободы: Осужденные отбывают наказание в исправительных колониях общего, строгого или особого режима в зависимости от тяжести преступления и наличия рецидива. В исправительных учреждениях проводится воспитательная, психокоррекционная работа, направленная на исправление осужденных и подготовку к освобождению.

Исправительные работы: Осужденные отбывают наказание по месту работы или в иных организациях, определенных органами местного самоуправления. Из заработной платы осужденных производятся удержания в доход государства.

Ограничение свободы: Осужденные не имеют права покидать место постоянного проживания в определенное время, посещать определенные места, выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Важным аспектом является борьба с мошеннической деятельностью, осуществляемой осужденными, находящимися в местах лишения свободы. Несмотря на запрет использования мобильных телефонов в исправительных учреждениях, факты незаконного использования средств связи осужденными для совершения мошеннических действий, в том числе с использованием сети Интернет, продолжают фиксироваться. Для предотвращения подобных случаев проводятся оперативно-розыскные мероприятия, обыски, досмотры, а также используются технические средства контроля и надзора [Горовой, 2019].

Администрации учреждений УИС предпринимают различные меры по предотвращению использования мобильных телефонов осужденными, однако, проблема остается актуальной.

К числу основных проблем, способствующих совершению мошеннических действий с использованием средств мобильной связи в учреждениях УИС, относятся: недостаточный контроль за осужденными, имеющими доступ к мобильной связи; наличие коррупционных связей между сотрудниками УИС и осужденными; отсутствие эффективных технических

средств для обнаружения и блокирования мобильных телефонов в учреждениях УИС.

Сублимируя вышесказанное можно сделать вывод, мошенничество с использованием средств мобильной связи представляет серьезную угрозу для безопасности граждан и экономической стабильности. Эффективная борьба с этим видом преступности требует комплексного подхода, включающего совершенствование уголовно-правовых норм, повышение правовой грамотности населения и внедрение современных технологий.

Отметим, уголовно-правовые средства играют важную роль в борьбе с данным видом преступлений, однако их эффективность зависит от своевременной квалификации, надлежащего доказывания и применения адекватных мер наказания.

Заключение

Для повышения эффективности борьбы с мошенничеством, совершаемым с использованием средств мобильной связи в пенитенциарной системе, необходимо совершенствовать уголовное законодательство, усилить контроль за соблюдением режима содержания в местах лишения свободы, активно внедрять новые технологии для выявления и пресечения фактов использования мобильной связи, а также на регулярной основе проводить профилактические мероприятия среди осужденных и информировать их родственников. Только комплексный подход позволит снизить уровень мошенничества, совершаемого с использованием средств мобильной связи и обеспечить защиту прав и законных интересов граждан. Совместными усилиями правоохранительных органов, государства и общества можно добиться значительного снижения уровня мошенничества с использованием средств мобильной связи и обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

Библиография

1. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 года №161-ФЗ
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 года №63-ФЗ. КонсультантПлюс
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 года №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: https://www.vsrf.ru/files/26106/
4. Бархатова, Е. Н. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений / Е. Н. Бархатова // Современное право. – 2016. – № 9. – С. 110-115.
5. Горовой В.В., Нарусланов Э.Ф. Перекрытие каналов поступления сотовых телефонов в учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 3. С. 70.
6. Грязева, Н. В. Актуальные способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Грязева, А. П. Некрасов // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 4(40). – С. 33-42. – DOI 10.37523/SUI.2020.40.4.005.
7. Качановский, А. С. Квалификация телефонного мошенничества / А. С. Качановский // Законность. – 2014. – № 5(955). – С. 50-53. – EDN SGFNVL.
8. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017.
9. Интернет-источник. Интернет-мошенники в 2025 году отобрали у россиян более 150 миллиардов // URL.: https://www.cnews.ru/news/top/2024-12-05_summa_ushcherba_ot_dejstvij (Дата обращения 04.10.2025 года)
10. Интернет-источник: Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-декабрь 2024 года // URL.: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (Дата обращения 24.03.2025 года)
11. Интернет-источник: Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-сентябрь 2025 года // URL.: https://мвд.рф/reports/item/62890844/ (Дата обращения 04.10.2025 года)
12. Левашова, О. В. Понятие мошенничества с использованием мобильных средств связи и сети Интернет / О. В. Левашова, Е. Ю. Сурнова // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 114-117. – DOI 10.24411/2312-0444-2021-114-117.
13. Литвинов Н.Д., Федоров А.Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное):

понятие и особенности совершения // JSRP. 2015. №12 (32). С. 73-80.
14. Новиков, А. В. Выявление и предупреждение экспертных ошибок / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 7-1. – С. 327-334.
15. Рарог А.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М.: Проспект, 2017.
16. Шкорбатова, Н. В. Проблемы противодействия мошенническим действиям с использованием "курьеров" при дистанционном хищении денежных средств / Н. В. Шкорбатова, А. А. Олексюк // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 2. – С. 247-250. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-2-247-250.
17. Федоров А.Н. К вопросу об уголовно-правовых подходах к борьбе с мошенничеством, совершаемым с использованием средств мобильной связи // Человек: преступление и наказание. 2017. Т 25 (1-4). №3.
18. Фокин, А. Д. Классификация источников криминалистически значимой информации при расследовании мошенничества в сфере оборота недвижимости, совершаемого с использованием средств телефонной связи / А. Д. Фокин // Эксперт-криминалист. – 2025. – № 1. – С. 19-22. – DOI 10.18572/2072-442X-2025-1-19-22.

Criminal Legal Means of Countering Fraudulent Actions Committed Using Mobile Communication Means

Andrey N. Fedorov

Professor of Personnel, Legal, and Psychological Support Department,
Academy of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
129366, 4 Borisa Galushkina St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: an.fedorov@academygps.ru

Dmitry E. Dikopol'tsev

PhD in Psychological Sciences,
Colonel of Internal Service,
Head of Research Center-2,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Sofya A. Galymova

Student of Humanities Faculty,
Academy of Civil Protection of EMERCOM of Russia
named after Lieutenant General D.I. Mikhaylik,
141435, 1A Sokolovskaya St., Novogorsk Microdistrict, Khimki, Russian Federation;
e-mail: sonya.galymova@mail.ru

Abstract

Fraud committed using mobile communication means is one of the most widespread and rapidly growing forms of crime in the modern world. The simplicity of access to mobile devices, anonymity on the network, and wide opportunities for deception make this type of crime particularly attractive to criminals. The presented material reveals existing current problems in implementing criminal legal mechanisms of fraud using mobile communication means. In Russia, as in many other countries, this type of fraud poses a serious threat to citizens and the economy, requiring effective countermeasures, including criminal legal ones. In this connection, an analysis of official statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia and current criminal legal norms is provided, with emphasis on gaps and contradictions arising within their practical law enforcement. Considering the specifics of executing criminal punishments for those convicted of fraud committed using mobile communication means, existing legal mechanisms and practices of their application in the context of the Russian criminal-executive system are examined.

For citation

Fedorov A.N., Dikopol'tsev D.E., Slabkaya D.N., Galymova S.A. (2025) Ugolovno-pravovyye sredstva protivodeystviya moshennicheskim deystviyam, sovershayemym s ispol'zovaniyem sredstv mobil'noy svyazi [Criminal Legal Means of Countering Fraudulent Actions Committed Using Mobile Communication Means]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 413-422. DOI: 10.34670/AR.2025.88.96.049

Keywords

Legislation, punishment, fraud, remote fraud, acquisition of property through deception, monetary funds, modern technical means, crime investigation, criminal-executive system, convicts, measure of punishment.

References

1. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 года №161-ФЗ
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 года №63-ФЗ. КонсультантПлюс
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 года №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: https://www.vsrf.ru/files/26106/
4. Бархатова, Е. Н. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений / Е. Н. Бархатова // Современное право. – 2016. – № 9. – С. 110-115.
5. Горовой В.В., Нарусланов Э.Ф. Перекрытие каналов поступления сотовых телефонов в учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 3. С. 70.
6. Грязева, Н. В. Актуальные способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Грязева, А. П. Некрасов // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 4(40). – С. 33-42. – DOI 10.37523/SUI.2020.40.4.005.
7. Качановский, А. С. Квалификация телефонного мошенничества / А. С. Качановский // Законность. – 2014. – № 5(955). – С. 50-53. – EDN SGFNVL.
8. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017.
9. Интернет-источник. Интернет-мошенники в 2025 году отобрали у россиян более 150 миллиардов // URL.: https://www.cnews.ru/news/top/2024-12-05_summa_ushcherba_ot_dejstvij (Дата обращения 04.10.2025 года)
10. Интернет-источник: Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-декабрь 2024 года // URL.: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (Дата обращения 24.03.2025 года)
11. Интернет-источник: Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-сентябрь 2025 года // URL.: https://мвд.рф/reports/item/62890844/ (Дата обращения 04.10.2025 года)
12. Левашова, О. В. Понятие мошенничества с использованием мобильных средств связи и сети Интернет / О. В.

Левашова, Е. Ю. Сурнова // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 114-117. – DOI 10.24411/2312-0444-2021-114-117.
13. Литвинов Н.Д., Федоров А.Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения // JSRP. 2015. №12 (32). С. 73-80.
14. Новиков, А. В. Выявление и предупреждение экспертных ошибок / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 7-1. – С. 327-334.
15. Рарог А.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М.: Проспект, 2017.
16. Шкорбатова, Н. В. Проблемы противодействия мошенническим действиям с использованием "курьеров" при дистанционном хищении денежных средств / Н. В. Шкорбатова, А. А. Олексюк // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 2. – С. 247-250. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-2-247-250.
17. Федоров А.Н. К вопросу об уголовно-правовых подходах к борьбе с мошенничеством, совершаемым с использованием средств мобильной связи // Человек: преступление и наказание. 2017. Т 25 (1-4). №3.
18. Фокин, А. Д. Классификация источников криминалистически значимой информации при расследовании мошенничества в сфере оборота недвижимости, совершаемого с использованием средств телефонной связи / А. Д. Фокин // Эксперт-криминалист. – 2025. – № 1. – С. 19-22. – DOI 10.18572/2072-442X-2025-1-19-22.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.93.50.050**

Правовые аспекты применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения

Волкова Виктория Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
350080, Российская Федерация, Краснодар, ул. Мира, 86;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Бабенко Ирина Андреевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
350080, Российская Федерация, Краснодар, ул. Мира, 86;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу правовых и социально-философских аспектов применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения в современной России. Цель исследования состоит в выявлении угроз для прав и свобод личности, возникающих в условиях расширения административной юрисдикции и стирания границ между административным и уголовным процессом. Эмпирическую базу работы составляют Конституция РФ, отраслевое законодательство, решения Конституционного Суда, Верховного Суда и судов общей юрисдикции, а также актуальные научные публикации отечественных и зарубежных авторов; методологическую основу образуют диалектический, системно-структурный, формально-юридический, герменевтический и феноменологический подходы. Авторы показывают, что административное принуждение, изначально предназначенное для оперативного реагирования на малозначительные правонарушения, фактически начинает подменять собой уголовно-процессуальные механизмы, обладающие более высоким уровнем процедурных гарантий. Особое внимание уделено феномену административной преюдиции, при котором решения, вынесенные в упрощенной процедуре, предопределяют последующую уголовную ответственность, что подрывает принципы презумпции невиновности и состязательности сторон. Анализируются влияние широкой дискреции должностных лиц, формализация судебных процедур, изменение правосознания граждан, воспринимающих право преимущественно как инструмент репрессии. Отдельно рассматривается воздействие цифровизации на практику государственного принуждения: автоматизированные системы фиксации правонарушений и предиктивной аналитики

усиливают превентивный контроль и риски деперсонифицированного ограничения свободы. Сделан вывод о необходимости четкого разграничения сфер применения административного и уголовно-процессуального принуждения, укрепления судебного контроля, развития правовой культуры и гражданского общества для сохранения баланса между эффективностью правоприменения и охраной человеческого достоинства, прав и свобод личности. Научная новизна исследования состоит в междисциплинарной интерпретации мер принуждения как особого вида коммуникативного взаимодействия государства и личности, а практическая значимость — в формулировании направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Волкова В.В., Бабенко И.А. Правовые аспекты применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 423-431. DOI: 10.34670/AR.2025.93.50.050

Ключевые слова

Государственное принуждение, административное принуждение, уголовно-процессуальное принуждение, административная преюдиция, цифровизация правоприменения.

Введение

Проблема государственного принуждения является одной из вечных тем социально-философской и правовой мысли, уходящей корнями в самые основы теории государства и общественного договора. Государство, по своей сути, представляет собой институт, обладающий монополией на легитимное насилие, что является его фундаментальным отличием от любых других социальных образований [Трегубов, 2024]. Эта монополия не является самоцелью, но выступает в качестве инструмента для обеспечения порядка, защиты прав граждан и реализации общего блага. В этом заключается основной парадокс государственной власти: для защиты свободы она вынуждена применять ее ограничение. Меры принуждения, таким образом, становятся амбивалентным феноменом, который может служить как гарантом стабильности и справедливости, так и инструментом подавления и произвола. Разграничение между этими двумя ипостасями проходит по тонкой линии правовой регламентации, процедурных гарантий и гуманистических принципов, лежащих в основе правовой системы. Именно здесь, на стыке силы и права, рождается ключевой вопрос о легитимности принудительных мер, их соразмерности и целесообразности.

Современное общество, характеризующееся усложнением социальных связей, глобализацией угроз и стремительной цифровизацией, ставит перед правовой системой новые вызовы, актуализирующие проблематику государственного принуждения с новой силой. Расширение административной юрисдикции, появление новых составов правонарушений, а также тенденция к «размыванию» границ между административным и уголовным процессом создают риски для фундаментальных прав и свобод личности. Зачастую административное принуждение, воспринимаемое как менее суровое и более оперативное, начинает подменять собой уголовно-процессуальные механизмы, которые обладают значительно более высоким уровнем правовых гарантий для индивида [Ландерсон, 2023]. Это явление, которое можно

охарактеризовать как «административизация» репрессии, требует глубокого междисциплинарного анализа, выходящего за рамки чисто догматической юриспруденции. Необходимо исследовать не только формальные нормы, но и социальные практики их применения, философские основания, оправдывающие вмешательство государства в частную жизнь, и те гуманитарные пределы, за которые это вмешательство не должно выходить ни при каких обстоятельствах.

Материалы и методы исследования

Теоретической и эмпирической базой настоящего исследования послужил комплекс источников, отражающих многогранность изучаемой проблемы. В качестве материалов были использованы нормативные правовые акты Российской Федерации, включая Конституцию, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальный кодекс и другие федеральные законы, регламентирующие порядок применения мер государственного принуждения. Важнейшей составляющей источниковой базы стала правоприменительная, и в первую очередь судебная, практика, в частности решения Конституционного Суда, Верховного Суда, а также судов общей юрисдикции, которые позволяют увидеть, как абстрактные правовые нормы преломляются в конкретных жизненных ситуациях. Кроме того, материалом для анализа послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области теории права, философии права, социологии, административного и уголовно-процессуального права [Россинский, 2024]. Особое внимание было уделено классическим работам, посвященным концепциям власти, насилия и легитимности, а также современным исследованиям, анализирующим трансформацию механизмов социального контроля в информационном обществе.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер и базируется на сочетании общенаучных и частнонаучных методов познания. Ключевым методом выступил диалектический подход, позволивший рассмотреть государственное принуждение как единство и борьбу противоположностей: порядка и свободы, общего интереса и прав личности, легитимности и произвола. Системно-структурный анализ применялся для изучения системы мер принуждения как целостного механизма, состоящего из взаимосвязанных элементов административного и уголовно-процессуального характера. Формально-юридический метод был использован для догматического анализа содержания правовых норм [Трегубов, 2022b]. Однако центральное место в методологии заняла социально-философская рефлексия, включающая в себя герменевтический метод для интерпретации смыслов и целей правового регулирования, а также феноменологический подход для анализа принуждения как переживаемого социального опыта. Такой синтез методов позволяет не просто описать существующие правовые механизмы, но и вскрыть их глубинное социальное значение, гуманитарные риски и потенциал для развития в русле правового государства.

Результаты и обсуждение

В основе любого анализа государственного принуждения лежит фундаментальное различение между насилием и легитимной силой. Насилие, по своей природе, произвольно, иррационально и деструктивно. Легитимное принуждение, напротив, является силой, введенной в рамки права [Ленский, Тараскин, Ивахин, 2022]. Оно предсказуемо, подчинено строгой

процедуре, преследует социально одобряемую цель и основано на законе, принятом в соответствии с демократическими процедурами. Эта трансформация грубой силы в правовое принуждение является одним из величайших достижений цивилизации, ядром идеи правового государства. Однако эта трансформация никогда не является окончательной и постоянно находится под угрозой регресса, когда правовые формы начинают использоваться для прикрытия фактического произвола.

Административное принуждение в этой системе занимает особое место. Оно позиционируется как инструмент оперативного реагирования на правонарушения, не представляющие большой общественной опасности, и направлено в первую очередь на предупреждение, пресечение и обеспечение порядка [Трегубов, 2023]. Его характерные черты — быстрота, упрощенная процедура и широкий спектр мер, от предупреждения и штрафа до административного ареста и приостановления деятельности. Именно в этой оперативности и кажущейся «незначительности» кроется его основная опасность. Упрощенная процедура зачастую оборачивается снижением уровня правовых гарантий для лица, привлекаемого к ответственности [Гришин, 2023]. Презумпция невиновности, право на квалифицированную юридическую помощь, состязательность сторон — все эти столпы уголовного процесса в административной юрисдикции часто носят декларативный или усеченный характер.

Уголовно-процессуальное принуждение, в свою очередь, представляет собой «тяжелую артиллерию» государства. Оно применяется в связи с совершением преступлений — деяний, посягающих на наиболее важные общественные отношения. Меры этого принуждения, такие как задержание, заключение под стражу, обыск, самым существенным образом ограничивают конституционные права граждан [Трегубов, 2023]. Именно поэтому уголовный процесс обставлен максимальным количеством процедурных гарантий, призванных защитить личность от необоснованного преследования и судебной ошибки. Здесь индивид должен выступать не как объект властного воздействия, а как субъект процесса, наделенный правами и возможностями для их защиты.

Ключевой проблемой современного правоприменения становится стирание демаркационной линии между этими двумя видами принуждения. Мы наблюдаем феномен, который можно назвать «ползучей экспансией» административной юрисдикции. Все чаще деяния, по своей сути требующие тщательного расследования и полноценного судебного разбирательства в рамках уголовного процесса, переводятся в разряд административных правонарушений. Это позволяет государственным органам действовать быстрее и эффективнее с точки зрения достижения своих целей, но эта эффективность достигается за счет прав граждан [Трегубов, 2022а].

Особую тревогу вызывает институт так называемой административной преюдиции, когда повторное совершение административного правонарушения в течение года становится основанием для уголовной ответственности. На первый взгляд, это логичный механизм усиления ответственности за систематические нарушения. Однако с социально-философской точки зрения он порождает серьезнейшую проблему. Фактически, решение по административному делу, вынесенное в условиях упрощенной процедуры и с низким уровнем гарантий, становится предопределяющим для последующего уголовного приговора [Быкадорова и др., 2022]. Это подрывает основы уголовного правосудия, превращая его из самостоятельного исследования обстоятельств дела в формальную констатацию ранее установленного факта.

Принципы соразмерности и необходимости, являющиеся универсальными критериями

правомерности любого ограничения прав, в сфере административного принуждения зачастую применяются формально. Широкая дискреция, то есть свобода усмотрения, которой наделены должностные лица, создает почву для субъективизма и избирательного правоприменения. Штраф, который для одного человека является незначительной суммой, для другого может стать непосильным бременем [Гришин, 2024]. Административный арест, применяемый за участие в несогласованной акции, по степени интенсивности воздействия на свободу личности мало чем отличается от краткосрочного лишения свободы по приговору суда, но назначается в несравнимо более простой процедуре.

В этом контексте происходит опасная трансформация правосознания. Гражданин перестает воспринимать право как сферу справедливости и защиты, видя в нем лишь набор запретов и санкций, применяемых по усмотрению власти. Правовой диалог между личностью и государством, где обе стороны являются равноправными субъектами, подменяется административным монологом, где одна сторона диктует волю, а другая обязана подчиняться [Гараева, 2024]. Это ведет к отчуждению человека от правовой системы и снижению легитимности государственной власти в глазах общества.

Гуманитарное измерение данной проблемы связано с понятием человеческого достоинства. Любая мера принуждения, даже самая законная, является посягательством на автономию личности. Правовое государство обязано минимизировать это посягательство и обставлять его такими условиями, которые не унижают достоинство человека [Карпова, 2024]. Когда процедура применения принуждения становится формальной, быстрой и лишенной подлинной состязательности, человек из субъекта права превращается в объект управленческого воздействия, единицу в статистике правонарушений.

Цифровизация общества добавляет новые штрихи в эту картину. Системы автоматической фиксации правонарушений, алгоритмы предиктивного анализа для выявления потенциальных нарушителей, создание цифровых профилей граждан — все это новые, высокоэффективные формы социального контроля и принуждения. Их особенность в том, что они часто действуют незаметно, превентивно и деперсонифицированно [Жиделев, 2024]. Они создают «цифровую клетку», которая направляет поведение человека в нужное русло без прямого физического или психического воздействия. Это ставит перед философией права совершенно новые вопросы о границах свободы воли и природе принуждения в информационную эпоху.

Проблема заключается не в самом существовании административного или уголовного принуждения — без него не может существовать ни одно сложно организованное общество. Проблема в их смешении, в нарушении баланса, в использовании более простых и менее защищенных процедур для решения задач, требующих максимальных правовых гарантий [Гречкина, 2025]. Это путь к эрозии правового государства, к его постепенной трансформации в государство административно-полицейское, где эффективность ценится выше справедливости, а порядок — выше свободы.

Заключение

Анализ правовых и социально-философских аспектов применения мер административного и уголовно-процессуального принуждения показывает, что данный институт представляет собой диалектическое единство необходимости и риска. С одной стороны, принуждение является неотъемлемым атрибутом государственной власти, необходимым для поддержания правопорядка и защиты общественных интересов. С другой стороны, оно несет в себе

перманентную угрозу для прав и свобод личности, рискуя превратиться из инструмента права в инструмент произвола. Четкое разграничение между административным и уголовно-процессуальным принуждением, основанное на степени общественной опасности деяния и соразмерном уровне процедурных гарантий, выступает фундаментальным барьером на пути к подобной деградации правовой системы. Наблюдаемая в современной практике тенденция к стиранию этих границ, к использованию упрощенных административных процедур для решения задач уголовно-правового характера, является тревожным симптомом, свидетельствующим о смещении баланса от защиты личности в сторону укрепления властной вертикали.

Преодоление этих негативных тенденций требует комплексного подхода, выходящего за рамки совершенствования отдельных правовых норм. Необходимо формирование в обществе и, в первую очередь, в среде правоприменителей, глубокой правовой культуры, основанной на уважении к человеческому достоинству и понимании свободы не как дара государства, а как неотъемлемого права личности. Укрепление независимости судебной власти, развитие институтов гражданского общества, повышение правовой грамотности населения — все это является необходимыми условиями для того, чтобы система государственного принуждения функционировала в строгом соответствии со своим предназначением. Конечная цель заключается в построении такой модели правоотношений, где государство, применяя силу, делает это исключительно в рамках закона, с соблюдением всех гарантий и лишь в той мере, в какой это абсолютно необходимо для защиты основ справедливого общественного устройства, всегда помня, что человек является не объектом управления, а высшей ценностью и смыслом существования самого права.

Библиография

1. Трегубов И.С. Меры административно-процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 200-202.
2. Трегубов И.С. К вопросу о мерах административно-процессуального принуждения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 4 (64). С. 127-134.
3. Трегубов И.С. Меры административно-процессуального принуждения // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 4. С. 1-12.
4. Гараева Т.Б. Административное и уголовно-процессуальное задержание: правовой анализ принудительных мер // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 416-418.
5. Ландерсон Н.В. Меры административно-правового и административно-процессуального принуждения: отличие и взаимосвязь // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 38-45.
6. Гришин Д.А. Отличительные особенности мер административного принуждения, применяемых в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 12-16.
7. Трегубов И.С. Вопросы эффективности применения мер административно-процессуального принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 9. С. 73-77.
8. Жиделев А.Д. Пресечение и принуждение в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Мировой судья. 2024. № 2. С. 24-29.
9. Россинский С.Б. Фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления: уголовно-процессуальное действие, мера административного принуждения или...? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 1. С. 131-139.
10. Гречкина О.В. Меры процессуального принуждения в административно-деликтном законодательстве // Юридический мир. 2025. № 7. С. 43-45.
11. Ленский В.М., Тараскин Н.В., Ивахин И.А. Правовые проблемы применения мер административного принуждения со стороны сотрудников органов внутренних дел // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2022. № 16. С. 125-129.
12. Трегубов И.С. О сущности системы мер административно-процессуального принуждения // Современное право.

2024. № 7. С. 33-40.
13. Карпова О.В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению мер процессуального принуждения // Законодательство и практика. 2024. № 1 (52). С. 15-19.
14. Гришин Д.А. О соотношении административно-процедурного и административно-процессуального способов реализации мер административного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 25-30.
15. Быкадорова Е.В., Манилкин Н.В., Афанасьев А.В., Смиюха А.Е. Основания и цели избрания иных мер уголовно-процессуального принуждения // Аграрное и земельное право. 2022. № 2 (206). С. 126-129.

Legal Aspects of Applying Measures of Administrative and Criminal Procedural Coercion

Viktoria V. Volkova

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Jurisprudence Department,
Krasnodar Cooperative Institute (Branch)
of Russian University of Cooperation,
350080, 86 Mira St., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Irina A. Babenko

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Jurisprudence Department,
Krasnodar Cooperative Institute (Branch)
of Russian University of Cooperation,
350080, 86 Mira St., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of legal and socio-philosophical aspects of applying measures of administrative and criminal procedural coercion in contemporary Russia. The research aim is to identify threats to individual rights and freedoms arising in conditions of expanding administrative jurisdiction and blurring boundaries between administrative and criminal processes. The empirical basis of the work consists of the Russian Constitution, sectoral legislation, decisions of the Constitutional Court, Supreme Court and courts of general jurisdiction, as well as current scientific publications by domestic and foreign authors; the methodological foundation comprises dialectical, systemic-structural, formal-legal, hermeneutic, and phenomenological approaches. The authors show that administrative coercion, originally intended for prompt response to minor offenses, actually begins to substitute criminal procedural mechanisms possessing a higher level of procedural guarantees. Special attention is paid to the phenomenon of administrative prejudice, where decisions made in simplified procedures predetermine subsequent criminal liability, undermining the principles of presumption of innocence and adversarial proceedings. The influence of broad discretion of officials, formalization of judicial procedures, and changes in citizens' legal consciousness, who perceive law primarily as an instrument of repression, are

analyzed. The impact of digitalization on the practice of state coercion is separately considered: automated systems for recording offenses and predictive analytics enhance preventive control and risks of depersonalized restriction of freedom. The conclusion is made about the necessity of clear delineation of spheres of application of administrative and criminal procedural coercion, strengthening judicial control, developing legal culture and civil society to preserve the balance between law enforcement efficiency and protection of human dignity, rights and freedoms of the individual. The scientific novelty of the research consists in the interdisciplinary interpretation of coercion measures as a special type of communicative interaction between the state and the individual, and the practical significance lies in formulating directions for improving legislation and law enforcement practice.

For citation

Volkova V.V., Babenko I.A. (2025) Pravovyye aspekty primeneniya mer administrativnogo i ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya [Legal Aspects of Applying Measures of Administrative and Criminal Procedural Coercion]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 423-431. DOI: 10.34670/AR.2025.93.50.050

Keywords

State coercion, administrative coercion, criminal procedural coercion, administrative prejudice, digitalization of law enforcement.

References

1. Tregubov I.S. Measures of administrative and procedural coercion // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. pp. 200-202.
2. Tregubov I.S. On the issue of administrative procedural coercion measures // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2022. No. 4 (64). pp. 127-134.
3. Tregubov I.S. Measures of administrative and procedural coercion // Police and investigative activities. 2022. No. 4. pp. 1-12.
4. Garayeva T.B. Administrative and criminal procedural detention: a legal analysis of coercive measures // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 9 (237). pp. 416-418.
5. Landerson N.V. Measures of administrative-legal and administrative-procedural coercion: difference and interrelation // Administrative law and process. 2023. No. 11. pp. 38-45.
6. Grishin D.A. Distinctive features of administrative coercion measures used in criminal proceedings-executive system // Administrative law and process. 2024. No. 3. pp. 12-16.
7. Tregubov I.S. Issues of the effectiveness of administrative and procedural coercion measures // Administrative law and process. 2023. No. 9. pp. 73-77.
8. Zhidelev A.D. Suppression and coercion in Russian criminal procedure legislation // Justice of the Peace. 2024. No. 2. pp. 24-29.
9. Rossinsky S.B. The actual detention of a person on suspicion of committing a crime: a criminal procedural act, a measure of administrative coercion or...? // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2024. No. 1. pp. 131-139.
10. Grechkina O.V. Measures of procedural coercion in administrative and tort legislation // Legal World. 2025. No. 7. pp. 43-45.
11. Lensky V.M., Taraskin N.V., Ivakhin I.A. Legal problems of the application of administrative coercion measures by law enforcement officers // Bulletin of the Ryazan branch of Moscow University The Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 16. pp. 125-129.
12. Tregubov I.S. On the essence of the system of administrative and procedural coercion measures // Modern law. 2024. No. 7. pp. 33-40.
13. Karpova O.V. The legal nature and industry affiliation of activities for the implementation of procedural coercion measures // Legislation and practice. 2024. No. 1 (52). pp. 15-19.
14. Grishin D.A. On the relationship between administrative-procedural and administrative-procedural ways of

implementing administrative coercion measures // Administrative law and process. 2023. No. 11. pp. 25-30.
15. Bykadorova E.V., Manilkin N.V., Afanasyev A.V., Smiyukha A.E. The grounds and objectives of choosing other measures of criminal procedural coercion // Agrarian and land law. 2022. No. 2 (206). pp. 126-129.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.92.78.051**

Инсайдерская угроза как ключевой фактор компрометации персональных данных граждан в информационных системах МВД РФ: анализ черного рынка и коррупционных механизмов

Воронин Сергей Анатольевич

Кандидат юридических наук,
Ректор,
Национальный научно-исследовательский институт,
115191, Российская Федерация, Москва, Духовской пер., 17, стр. 15;
e-mail: info@voroninpravo.ru

Аннотация

Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ системной угрозы, исходящей от инсайдеров в структурах Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ), для безопасности персональных данных граждан. Рассматривается феномен «пробива» – незаконного получения и продажи информации из закрытых государственных баз данных в режиме реального времени – как прямое проявление коррупции, а не как традиционный сбой в системе кибербезопасности. В работе детально анализируется экономическая структура черного рынка этих данных, исследуются социально-криминологические мотивы инсайдеров из числа сотрудников правоохранительных органов и дается критическая оценка неадекватности существующих технических и административных мер контроля. Через анализ правоприменительной практики оценивается сдерживающий эффект действующих правовых санкций. В заключение предлагается многоуровневая стратегическая модель противодействия данной угрозе, интегрирующая передовые технические решения (UEBA, Honeypots, PoLP), фундаментальные организационные реформы (ротация кадров, независимый аудит) и действенные правовые и экономические сдерживающие факторы. Научная новизна работы заключается в ее целостном подходе, синтезирующем технические, социологические и криминологические перспективы для решения проблемы человеческого фактора как основной уязвимости в государственных информационных системах.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронин С.А. Инсайдерская угроза как ключевой фактор компрометации персональных данных граждан в информационных системах МВД РФ: анализ черного рынка и коррупционных механизмов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 432-445. DOI: 10.34670/AR.2025.92.78.051

Ключевые слова

Инсайдерская угроза, персональные данные, информационная безопасность, МВД РФ, коррупция, черный рынок данных, кибербезопасность, правоохранительные органы.

Введение

Детальный эмпирический анализ теневого рынка персональных данных, источником которых являются базы МВД, выявляет сложную и хорошо организованную экосистему. Данный раздел деконструирует структуру этого рынка, определяя ключевых акторов - от инсайдера-источника до конечного потребителя, - и анализирует основные каналы сбыта, экономические механизмы и динамику цен, которые указывают на системные уязвимости внутри государственных структур.

Основное содержание

Черный рынок функционирует через сеть посредников, которые рекламируют свои услуги на теневых площадках, таких как даркнет-форумы и Telegram-каналы, и напрямую взаимодействуют с инсайдерами в государственных ведомствах. По состоянию на начало 2024 года на этом рынке активно действовал 81 посредник, что свидетельствует о наличии стабильной и профессионализированной криминальной индустрии. Наблюдается четкая специализация услуг, которые условно делятся на три категории: «госпробив» (данные из государственных баз), «мобильный пробив» (данные операторов связи) и «банковский пробив» (банковская информация). [Исследователи подсчитали, что стоимость «пробива» персональных данных россиян в 2024 году увеличилась на 15–20%, 2024]

Сегмент «госпробива» является наиболее крупным и активным: 71 из 81 посредника (почти 88%) предлагают услуги по получению данных из государственных источников. За последний год число поставщиков в этом сегменте выросло на 22%, что указывает на значительное смещение рыночного фокуса в сторону правительственных баз данных. [Исследователи подсчитали, что стоимость «пробива» персональных данных россиян в 2024 году увеличилась на 15–20%, 2024] Предложение услуг, связанных с государственными базами, описывается как «всегда имеющееся в избытке», что подчеркивает широкое распространение инсайдерских источников в государственных структурах. [Представлен ежегодный обзор черного рынка «пробива» российских физлиц с 2023 года, 2023]

Информация из ключевых систем МВД доступна по поразительно низким ценам. Например, проверка по базе ГИБДД стоит от 500 до 1 000 рублей, а получение данных из системы отслеживания перемещений «Розыск-Магистраль» - около 1 500 рублей за одну запись. Эти цены остаются стабильными или даже незначительно снижаются, что свидетельствует о насыщенности рынка и низком операционном риске для инсайдеров. Аналогичным образом, проверка по системе «Роспаспорт» стоит около 1 000 рублей. [Цены черного рынка на «пробив» персональных данных в России выросли на 15–20% за год, 2024]

Хотя медианная стоимость комплексного «пробива» за последние семь лет выросла в 18,5 раз, этот рост почти полностью обусловлен увеличением стоимости и сложности получения данных из коммерческого сектора. [Исследователи подсчитали, что стоимость «пробива» персональных данных россиян в 2024 году увеличилась на 15–20%, 2024] Стоимость «мобильного пробива» выросла в 3,3 раза, достигая 100 000 рублей за детализацию звонков абонента за один месяц у некоторых операторов. Цены на банковские данные также возросли на 51%. [Представлен ежегодный обзор черного рынка «пробива» российских физлиц с 2023 года, 2023]

Это делает государственные данные «входным билетом» на черный рынок, доступным для

широкого круга злоумышленников. Данная динамика свидетельствует не о случайных рыночных колебаниях, а о фундаментальных различиях в уровнях безопасности. Резкий рост цен на коммерческие данные отражает успешные усилия банков и телекоммуникационных компаний по борьбе с инсайдерами, что повышает риски и, следовательно, стоимость услуг. В то же время, низкая и стабильная цена на государственные данные указывает на системный провал механизмов внутреннего контроля в МВД, что создает для инсайдеров низкорисковый и высокодоходный рынок. TTelegram-боты, стали агрегаторами и дистрибьюторами незаконно полученных данных, автоматизируя доступ для массовой аудитории. [В сеть слили базу данных с личной информацией 774 тысяч клиентов Telegram-бота «Глаз бога», 2025] Эти боты консолидируют информацию из многочисленных утечек и скомпрометированных баз данных, включая те, что поставляются инсайдерами, и предоставляют удобный интерфейс для поиска по номеру телефона, электронной почте или имени. [В Москве к администратору телеграм-бота «Глаз бога» пришли с обыском, 2021]

Правовые меры, включая признание таких ботов деятельности незаконной судом и возбуждение первого в России уголовного дела по новой статье 272.1 УК РФ, подчеркивают внимание властей к этим платформам как к ключевым узлам в экосистеме торговли данными. [В сеть слили базу данных с личной информацией 774 тысяч клиентов Telegram-бота «Глаз бога», 2025]

Низкая стоимость и повсеместная доступность данных МВД (история поездок, сведения о владении автомобилем, паспортные данные) означают, что надзорные и контрольные функции государства были фактически коммодифицированы. Это представляет собой приватизацию государственных функций коррумпированными субъектами, что коренным образом подрывает верховенство права и доверие к государственным институтам.

Хотя финансовая выгода является основным стимулом, сама по себе она не является достаточным объяснением. Решение о продаже данных опосредовано целым рядом психологических и организационных факторов. Ключевым из них является повсеместное чувство безнаказанности, при котором предполагаемая вероятность быть пойманным и понести суровое наказание оценивается как низкая. Этот фактор часто оказывает большее влияние, чем размер потенциального вознаграждения. Другие мотивы могут включать личную месть, идеологические соображения или простую халатность и слабое понимание протоколов безопасности. [Кто такой инсайдер, виды и как обнаружить, 2024] Однако в центре внимания данного исследования находится умышленный, злонамеренный инсайдер, движимый коррупционными мотивами. Низкие зарплаты, особенно в регионах, создают уязвимость, которая в сочетании с возможностью и отсутствием надлежащего контроля приводит к преступному поведению, снижая порог для оправдания коррупционных действий. [Цены черного рынка на «пробив» персональных данных в России выросли на 15–20% за год, 2024]

Критическим, но часто упускаемым из виду фактором является нормализация девиантного поведения внутри организации. Показательным является случай с ботом «Глаз Бога»: исследование показало, что 41 из 50 опрошенных сотрудников полиции использовали этот нелегальный сервис для своей работы. [У команды телеграм-бота «Глаз Бога» прошли обыски по первому в России делу о незаконном использовании персональных данных, 2025] Это указывает на системную проблему, при которой официальные каналы получения информации настолько бюрократизированы и медленны, что сотрудники для повышения эффективности обращаются к черному рынку.

Такие действия размывают этические границы, нормализуют использование нелегальных

источников данных и создают культуру, в которой доступ к информации и ее передача вне правовых рамок воспринимаются как приемлемые. Эта культура напрямую способствует переходу от использования нелегальных данных для работы к их продаже с целью получения прибыли, поскольку психологический барьер уже преодолен.

Таким образом, по мнению автора, правоохранительные органы становятся не только источником утечек, но и ключевым потребителем черного рынка. Это переосмысливает проблему: инсайдерская угроза заключается не только в том, что несколько «недобросовестных» сотрудников продают данные из МВД, но и в системной зависимости от нелегальной экосистемы данных для выполнения служебных обязанностей. Возникает симбиотическая, паразитическая связь с черным рынком, который ведомство должно искоренять. Это порождает конфликт интересов, когда использование нелегальных данных становится рутинной частью работы, их продажа превращается в гораздо меньший этический компромисс.

Основная проблема заключается в том, что традиционные меры безопасности нацелены на предотвращение несанкционированного доступа. Инсайдер, по определению, обладает санкционированным доступом. Стандартные средства контроля, такие как пароли и ролевой доступ, оказываются бессильны с самого начала. Информационные системы МВД, как известно, имеют уязвимости, включая использование устаревшего программного обеспечения и недостаточные технические меры защиты, что усугубляет проблему. [Информационная безопасность в органах внутренних дел Российской Федерации, 2024]

Существующим системам не хватает возможностей проактивного мониторинга. Они могут фиксировать события в логах, но не способны эффективно анализировать их в режиме реального времени для выявления аномальных моделей поведения, которые указывали бы на злоупотребление инсайдером своими легитимными полномочиями.

В МВД существует формализованный процесс проведения служебных проверок, регулируемый ведомственными приказами. [Порядок организации и проведения служебных расследований, 2023] Однако само существование черного рынка данных из баз МВД является неопровержимым доказательством того, что эти процедуры неэффективны в качестве средства выявления и сдерживания. Эти проверки, как правило, носят реактивный характер и инициируются только после поступления жалобы или обнаружения очевидного нарушения, а не для проактивного поиска угроз.

Кроме того, сам процесс проверок может быть подвержен влиянию внутренней политики и коррупции, когда расследования в отношении коллег не проводятся с должной тщательностью. Отсутствует по-настоящему независимая функция аудита, способная анализировать логи запросов без предвзятости и опасений. Ведомственные нормативные акты, такие как «Инструкция по организации защиты персональных данных» (Приказ № 678) [Приказ МВД России от 06.07.2012 № 678 «Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных...», 2012] и Положение о Департаменте информационных технологий, связи и защиты информации (Приказ № 444) [Об утверждении Положения о Департаменте информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021], существуют на бумаге, но их реальное исполнение очевидно неэффективно.

Проблема заключается не только в отсутствии технологий или сбоях в процедурах, но и в их пагубном взаимодействии. Слабые технические средства контроля (отсутствие поведенческого анализа) создают возможность для злоупотреблений, а несовершенная

административная и культурная среда (неэффективные расследования, нормализация девиантного поведения) гарантирует, что этой возможностью можно воспользоваться с минимальным риском.

В данном разделе рассматривается правовое измерение проблемы. Анализируются судебные приговоры в отношении сотрудников МВД, осужденных за продажу данных, с акцентом на типы и суровость применяемых наказаний. Основная задача - оценить, являются ли эти меры достаточным сдерживающим фактором в сравнении с потенциальной финансовой выгодой и низким воспринимаемым риском разоблачения.

Дела в отношении сотрудников полиции часто возбуждались по таким статьям, как ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»). Наказания могли включать штрафы (от 100 до 300 тыс. рублей), принудительные работы или лишение свободы. [Полицейских поймали на продаже персональных данных из БД МВД России, 2018] Также применялись статьи за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272) и нарушение тайны переписки. [Разглашение персональных данных — ответственность по ст. 137 УК РФ за распространение ПДн без согласия владельца, 2024]

Однако эти наказания, особенно штрафы, были несоизмеримо малы по сравнению с потенциальным совокупным доходом от продажи данных. В одном из дел упоминаются сотрудники, заработавшие более 700 000 рублей чуть более чем за год [Полицейских поймали на продаже персональных данных из БД МВД России, 2018] - сумма, значительно превышающая минимальные штрафы. Это создавало положительное математическое ожидание от преступной деятельности, делая ее экономически привлекательной.

Масштабная законодательная реформа, кардинально ужесточает ответственность за преступления, связанные с персональными данными.

– **Федеральный закон № 420-ФЗ** вносит поправки в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП), вводя огромные, многоуровневые штрафы для организаций, размер которых зависит от количества субъектов, чьи данные утекли. Штрафы для юридических лиц могут достигать 15-20 млн рублей, а за повторные нарушения предусмотрены еще более высокие «оборотные» штрафы. [С 30 мая 2025 года значительно ужесточена ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, 2025]
– **Федеральный закон № 421-ФЗ** вносит изменения в Уголовный кодекс (УК), вводя новую специальную статью 272.1 за незаконное использование и оборот персональных данных, предусматривающую наказание до 10 лет лишения свободы. [У команды телеграм-бота «Глаз Бога» прошли обыски по первому в России делу о незаконном использовании персональных данных, 2025]

Эти изменения представляют собой значительный сдвиг в подходе государства, сигнализируя о том, что защита данных теперь является высокоприоритетной задачей.

Таблица 1 - Эволюция юридической ответственности за незаконный оборот персональных данных в РФ

Вид правонарушения	Ответственность (до 2025 г.)	Ответственность (после 2025 г.)
Неправомерный доступ и продажа данных сотрудником	ст. 286 УК РФ: Штраф 100-300 тыс. руб. или лишение свободы [Полицейских поймали на продаже персональных данных из БД МВД России, 2018]	ст. 272.1 УК РФ: Лишение свободы на срок до 10 лет [У команды телеграм-бота «Глаз Бога» прошли обыски по первому в России делу о незаконном использовании персональных данных, 2025]

Вид правонарушения	Ответственность (до 2025 г.)	Ответственность (после 2025 г.)
Утечка данных (административная ответственность)	ст. 13.11 КоАП: Штраф для юрлиц 60-100 тыс. руб. [Ужесточение ответственности за нарушения при обработке персональных данных, 2025]	ст. 13.11 КоАП (новая ред.): Штрафы для юрлиц до 15-20 млн руб. и оборотные штрафы [С 30 мая 2025 года значительно ужесточена ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, 2025]

Анализ нового законодательства выявляет потенциальное структурное несоответствие. Основные финансовые санкции нацелены на оператора данных как на юридическое лицо («принципала»). Однако в МВД проблема исходит от отдельного коррумпированного сотрудника («агента»), действующего в своих интересах. Сдерживающий эффект огромного институционального штрафа, который сотрудник лично не платит, на его персональный расчет «риск-вознаграждение» может быть ограниченным. Эффективность новых мер будет в решающей степени зависеть от того, насколько последовательно и жестко новые уголовные наказания по ст. 272.1 УК РФ будут применяться к отдельным сотрудникам.

На основе проведенного анализа предлагается комплексная, интегрированная стратегия по снижению инсайдерской угрозы в МВД. Предлагаемая модель структурирована по трем взаимозависимым уровням: техническому, организационному и право-экономическому. Данный подход основан на синергии, где каждый компонент усиливает остальные, создавая эшелонированную защиту, специально адаптированную к человеческому фактору.

Аналитика поведения пользователей и сущностей (UEBA): внедрение систем UEBA является первоочередной задачей. Эти системы используют машинное обучение для создания базовой модели нормального поведения каждого пользователя и затем автоматически обнаруживают отклонения. [Инсайдерские угрозы: как защитить компанию изнутри?, 2025] Примеры аномалий, которые может выявить UEBA: сотрудник внезапно запрашивает данные за пределами своей географической или ведомственной юрисдикции; получает доступ к необычно большому объему записей за короткий промежуток времени; запрашивает информацию о высокопоставленных лицах без привязки к зарегистрированному делу; входит в систему в нерабочее время. На российском рынке существуют решения UEBA, которые могут быть адаптированы для этих целей. [UEBA-системы: что это, обзор рынка, сравнительный анализ решений, 2024]

– «Приманки» (Honeypots) и технологии обмана: Стратегическое размещение фиктивных записей или баз данных-«приманок» внутри реальных систем может служить системой раннего предупреждения. [Что такое Honeypot? Как они используются в кибербезопасности, 2024] Любой доступ к этим фальшивым данным по определению является несанкционированным и злонамеренным. Это позволяет не только немедленно выявить инсайдера, но и собрать информацию о его методах и потенциальных заказчиках. [Подробное руководство по Honeypot, 2024]
– Принцип минимальных привилегий (PoLP): Необходимо радикальное и строгое внедрение PoLP. Доступ должен предоставляться не на основании звания или должности, а по принципу «необходимости знания» для конкретного, активного расследования. [Повышение безопасности приложений с помощью принципа наименьших привилегий, 2024] Это означает динамическое предоставление и отзыв доступа к конкретным наборам данных на ограниченный период времени (Just-in-Time доступ), а не постоянный доступ ко всем базам данных. Это резко сокращает

«поверхность атаки», доступную любому потенциальному инсайдеру.

Таблица 2 - Сравнительный анализ проактивных технологий противодействия инсайдерам

Технология	Механизм действия	Основная польза для МВД	Проблемы внедрения
UEBA	Машинное обучение для выявления аномалий в поведении легитимных пользователей.	Выявление злоупотреблений законным доступом, что является ключевой проблемой.	Высокая стоимость; необходимость интеграции с устаревшими системами; требует квалифицированных аналитиков для настройки и снижения ложных срабатываний.
Honeypots	Размещение ложных данных-«приманок» в реальных системах. Любое обращение к ним - тревожный сигнал.	Раннее обнаружение инсайдеров и сбор информации об их действиях с минимальным риском для реальных данных.	Риск обнаружения «приманки» опытным злоумышленником; необходимость постоянного обновления для сохранения правдоподобности.
PoLP	Предоставление пользователям минимально необходимого набора прав для выполнения конкретной задачи.	Кардинальное сужение поля для злоупотреблений; даже в случае компрометации ущерб будет ограничен.	Организационное сопротивление; сложность в определении минимально необходимых прав для каждой роли; требует перестройки бизнес-процессов.

– Обязательная, внезапная ротация кадров: как проверенная антикоррупционная мера, сотрудники на должностях с доступом к чувствительным данным должны подвергаться регулярной и непредсказуемой ротации. [Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», 2004] Это препятствует формированию устоявшихся коррупционных сетей и нарушает налаженные каналы продажи данных.

– Создание независимого подразделения аудита: необходимо создать специализированное, технически грамотное и организационно независимое подразделение с единственной задачей - аудит всех запросов к чувствительным базам данных. Это подразделение должно иметь полномочия расследовать действия любого пользователя, независимо от звания, и докладывать о результатах вышестоящему надзорному органу вне стандартной командной цепи МВД для обеспечения беспристрастности.

– Реформа внутренних расследований: Процесс служебных проверок должен быть реформирован, чтобы стать более прозрачным, быстрым и строгим в случаях компрометации данных. Цель - изменить восприятие риска инсайдером с «маловероятно быть пойманным» на «неизбежно быть расследованным».

Экономические и превентивные меры: изменение расчета «риск-вознаграждение»:

– Жесткое правоприменение: новые, более суровые наказания, предусмотренные законодательством 2025 года, должны применяться последовательно и публично в отношении осужденных сотрудников МВД. Широкое освещение приговоров может служить мощным сдерживающим фактором для других. Преступление должно квалифицироваться не как простая утечка данных, а как предательство общественного

доверия и угроза государственной безопасности.

– Антикоррупционное просвещение и программы лояльности: хотя это часто воспринимается как «мягкие» меры, непрерывное и содержательное антикоррупционное обучение необходимо для укрепления этических норм. [Первый федеральный университет антикоррупционного просвещения: обучение в сфере противодействия коррупции, 2025] Оно должно сочетаться с программами, направленными на повышение лояльности и морального духа сотрудников, устраняя коренные мотивационные факторы, такие как низкая оплата труда и плохие условия службы, тем самым сокращая «предложение» потенциальных инсайдеров. [Программа лояльности, 2024]

Внедрение этих мер требует фундаментального философского сдвига внутри МВД - перехода от модели, которая по умолчанию доверяет своим сотрудникам («доверяй, но проверяй»), к парадигме «нулевого доверия» (Zero Trust), являющейся основой современной кибербезопасности. [Принцип минимальных привилегий..., 2024] Это предполагает признание неудобной реальности, что наибольшая угроза может исходить изнутри, и построение системы, основанной на непрерывной верификации, а не на доверии по умолчанию. Это самая сложная, но и самая важная рекомендация данного исследования.

Заключение

Проблема инсайдерских угроз и коррупции в сфере доступа к чувствительным данным требует не изолированных решений, а комплексной и связанной системы мер. Предложенные в исследовании шаги — от внезапной ротации кадров и создания независимого аудита до ужесточения правоприменения и антикоррупционного просвещения — направлены на формирование многоуровневой системы сдерживания и профилактики. Их объединяет цель кардинально изменить внутреннее «рассчетливость» потенциального нарушителя, сместив баланс «риск-вознаграждение» в сторону неприемлемо высокого риска.

Однако подлинная эффективность этих мер возможна лишь при условии фундаментального культурного и философского сдвига внутри силовых структур. Необходим переход от устаревшей парадигмы «доверяй, но проверяй» к принципу архитектурного «нулевого доверия» (Zero Trust), где любое действие верифицируется, а доверие по умолчанию не предоставляется. Это предполагает признание того, что наибольшая угроза безопасности может исходить изнутри, и построение системы, основанной на непрерывном контроле и прозрачности.

Таким образом, борьба с внутренними угрозами — это не только вопрос технических и процедурных усовершенствований, но и проблема управления культурой организации. Реализация предложенных рекомендаций призвана создать не только барьеры для злоупотреблений, но и среду, в которой этика, лояльность и подотчетность становятся неотъемлемыми компонентами служебной деятельности. Это сложный, но необходимый путь для восстановления и защиты общественного доверия и государственной безопасности.

Библиография

1. Исследователи подсчитали, что стоимость «пробива … [Электронный ресурс] // Хакер. URL: https://xakep.ru/2024/03/20/probiv-stats/ (дата обращения: 05.10.2025).
2. Представлен ежегодный обзор черного рынка «пробива … [Электронный ресурс] // ITSec.Ru. URL: https://www.itsec.ru/news/predstavlen-ezhegodniy-obzor-chiornogo-rinka-probiva-rossiyskih-fizliz-c-2023-goda (дата обращения: 05.10.2025).
3. В России выросла стоимость «пробива» информации о гражданах [Электронный ресурс] // ITSec.Ru. URL:

https://www.itsec.ru/news/v-rossii-virosla-stoimost-probiva-informazii-o-grazhdanah (дата обращения: 05.10.2025).
4. Цены черного рынка на «пробив» персональных данных … [Электронный ресурс] // BatmanStore.ru. URL: https://batmanstore.ru/news/75104/ (дата обращения: 05.10.2025).
5. Стоимость «слива» информации о гражданах России за год выросла в 2,5 раза [Электронный ресурс] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-03-20_stoimost_sliva_informatsii (дата обращения: 05.10.2025).
6. В сеть слили базу данных с личной информацией 774 тысяч … [Электронный ресурс] // CGITC. URL: https://cgitc.ru/media/v-set-slili-bazu-dannykh-s-lichnoy-informatsiey-774-tysyach-klientov-telegram-bota-glaz-boga/ (дата обращения: 05.10.2025).
7. У команды сервиса для «пробива» «Глаз Бога» прошли обыски … [Электронный ресурс] // Медуза. URL: https://meduza.io/news/2025/02/28/u-komandy-servisa-dlya-probiva-glaz-boga-proshli-obyski-telegram-bot-seychas-ne-rabotaet (дата обращения: 05.10.2025).
8. В Москве к администратору телеграм-бота «Глаз бога» пришли с обыском [Электронный ресурс] // ОВД-Инфо. URL: https://ovd.info/express-news/2021/04/07/v-moskve-k-administratoru-telegram-bota-glaz-boga-prishli-s-obyskom (дата обращения: 05.10.2025).
9. СМИ: дело «Глаза Бога» связано с попыткой взлома баз … [Электронный ресурс] // Банки.ру. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10944637 (дата обращения: 05.10.2025).
10. У команды телеграм-бота «Глаз Бога» прошли обыски по … [Электронный ресурс] // iStories. URL: https://istories.media/news/2025/02/28/u-komandi-telegrambota-glaz-boga-proshli-obiski-po-pervomu-v-rossii-delu-o-nezakonnom-ispolzovanii-personalnikh-dannikh/ (дата обращения: 05.10.2025).
11. Кто такой инсайдер, виды и как обнаружить [Электронный ресурс] // Spectrumdata. URL: https://spectrumdata.ru/blog/proverka-soiskatelya/kto-takie-insaydery-i-pochemu-oni-opasny-dlya-biznesa-i-finansovykh-rynkov/ (дата обращения: 05.10.2025).
12. Информационная безопасность в органах внутренних дел … [Электронный ресурс] // uzulo.su. URL: http://uzulo.su/prav-inf/pdf-jpg/pi-2024-2-st18-s170-180.pdf (дата обращения: 05.10.2025).
13. «Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (Выписка) (утв. ФСТЭК РФ 15.02.2008).
14. Порядок организации и проведения служебных расследований [Электронный ресурс] // ИД «Советник». URL: https://sec-company.ru/articles/economics/poryadok_organizatsii_i_provedeniya_sluzhebnykh_rassledovaniy/ (дата обращения: 05.10.2025).
15. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
16. Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (Приложение к приказу МВД РФ от 26 марта 2013 г. № 161).
17. Приказ МВД России от 06.07.2012 № 678 (ред. от 07.12.2016) «Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.09.2012 № 25488).
18. Об утверждении Положения о Департаменте информационных … [Электронный ресурс] // CNTD.ru. URL: https://docs.cntd.ru/document/607325903 (дата обращения: 05.10.2025).
19. Приказ МВД России от 15.06.2021 № 444 (ред. от 31.03.2025) «Об утверждении положения о Департаменте информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации».
20. Полицейских поймали на продаже персональных данных … [Электронный ресурс] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-03-14_dvoih_rossijskih_politsejskih_budut_sudit_za (дата обращения: 05.10.2025).
21. Разглашение персональных данных — ответственность по ст. 137 УК РФ за распространение ПДн без согласия владельца [Электронный ресурс] // Data-Sec.ru. URL: https://data-sec.ru/personal-data/disclosure-responsibility/ (дата обращения: 05.10.2025).
22. Преступления в сфере компьютерной информации — ст. 272 УК РФ [Электронный ресурс] // RTM Group. URL: https://rtmtech.ru/articles/prestupleniya-v-sfere-kompyuternoj-informatsii-st-272-uk-rf/ (дата обращения: 05.10.2025).
23. Ответственность за нарушение закона о персональных данных [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/actual/persona/otvetstvennost/ (дата обращения: 05.10.2025).
24. С 30 мая 2025 года значительно ужесточена ответственность за … [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490308/3b904c06ca00c18b687ec94295a0a967ddc5cce7/ (дата обращения: 05.10.2025).
25. Изменения в обработке и защите персональных данных в 2025 году [Электронный ресурс] // Сберкорус. URL: https://www.esphere.ru/blog/izmeneniya-v-obrabotke-i-zashchite-personalnykh-dannykh-v-2025-godu/ (дата обращения: 05.10.2025).

26. Ужесточение ответственности за нарушение законодательства о персональных данных [Электронный ресурс] // Юникон. URL: https://www.unicon.ru/insights/obzor-izmenenii-zakonodatelstva/Tougher_liability_for_violations_of_the_law_on_personal_data/ (дата обращения: 05.10.2025).
27. Ужесточение ответственности за нарушения при обработке персональных данных [Электронный ресурс] // Nordic Star. URL: https://www.nordicstar.law/news/%D1%83%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B7%D0%B0-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%83/ (дата обращения: 05.10.2025).
28. Персональные данные: ужесточение ответственности и другие законодательные инициативы [Электронный ресурс] // АБ ЕПАМ. URL: https://epam.ru/ru/media/view/personalnye-dannye:-uzhestochenie-otvetstvennosti-i-drugie-zakonodatelnye-iniciativy (дата обращения: 05.10.2025).
29. Ответственность за обработку персональных данных: изменения 2025 года [Электронный ресурс] // Контур. URL: https://kontur.ru/articles/55870-otvetstvennost_za_obrabotku_pers_dannyh (дата обращения: 05.10.2025).
30. Изменения закона о персональных данных в 2025 году [Электронный ресурс] // Qugo. URL: https://qugo.ru/blog/izmeneniya-zakona-o-personalnyh-dannyh-v-2025-godu (дата обращения: 05.10.2025).
31. Новые правила защиты данных с 2025 года: что нужно знать [Электронный ресурс] // NeptunIT. URL: https://ntcneptunit.ru/blog/novye-pravila-zashchity-dannyh-2025 (дата обращения: 05.10.2025).
32. Ужесточение штрафов за утечку персональных данных: что изменилось с 30 мая 2025 года [Электронный ресурс] // ЭР-Телеком. URL: https://r-soc.ertelecom.ru/announcements/article/33 (дата обращения: 05.10.2025).
33. Инсайдерские угрозы: как защитить компанию изнутри? [Электронный ресурс] // ИНФАРС. URL: https://infars.ru/blog/insayderskie-ugrozy-kak-zashchitit-kompaniyu-iznutri/ (дата обращения: 05.10.2025).
34. What Is User and Entity Behavior Analytics (UEBA)? [Электронный ресурс] // Microsoft. URL: https://www.microsoft.com/en-us/security/business/security-101/what-is-user-entity-behavior-analytics-ueba (дата обращения: 05.10.2025).
35. What is User Entity and Behavior Analytics (UEBA)? [Электронный ресурс] // Fortinet. URL: https://www.fortinet.com/resources/cyberglossary/what-is-ueba (дата обращения: 05.10.2025).
36. What is UEBA (User and Entity Behavior Analytics)? [Электронный ресурс] // Palo Alto Networks. URL: https://www.paloaltonetworks.com/cyberpedia/what-is-user-entity-behavior-analytics-ueba (дата обращения: 05.10.2025).
37. What is User and Entity Behavior Analytics (UEBA)? [Электронный ресурс] // CrowdStrike. URL: https://www.crowdstrike.com/en-us/cybersecurity-101/identity-protection/user-and-entity-behavior-analytics-ueba/ (дата обращения: 05.10.2025).
38. User and Entity Behavior Analytics (UEBA) [Электронный ресурс] // Check Point Software. URL: https://www.checkpoint.com/cyber-hub/threat-prevention/user-and-entity-behavior-analytics-ueba/ (дата обращения: 05.10.2025).
39. What is User and Entity Behavior Analytics (UEBA)? [Электронный ресурс] // Rapid7. URL: https://www.rapid7.com/fundamentals/user-behavior-analytics/ (дата обращения: 05.10.2025).
40. UEBA-системы: что это, обзор рынка, сравнительный анализ … [Электронный ресурс] // xn--80aidjgwzd.xn--p1ai. URL: https://xn--80aidjgwzd.xn--p1ai/news/ueba_sistemy/ (дата обращения: 05.10.2025).
41. Что такое Honeypot? Как они используются в кибербезопасности [Электронный ресурс] // IB-BANK.ru. URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/news/15637 (дата обращения: 05.10.2025).
42. Что такое honeypot? Как ловушки служат кибербезопасности [Электронный ресурс] // Kaspersky. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-a-honeypot (дата обращения: 05.10.2025).
43. Подробное руководство по Honeypot: как работает ловушка для атакующих [Электронный ресурс] // Glabit. URL: https://glabit.ru/blog/honeypot-guide (дата обращения: 05.10.2025).
44. Подробное руководство по Honeypot [Электронный ресурс] // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/alexhost/articles/528796/ (дата обращения: 05.10.2025).
45. Технология Honeypot. Часть 1: Назначение Honeypot [Электронный ресурс] // SecurityLab. URL: https://www.securitylab.ru/analytics/275420.php (дата обращения: 05.10.2025).
46. Повышение безопасности приложений с помощью принципа наименьших привилегий [Электронный ресурс] // Microsoft Learn. URL: https://learn.microsoft.com/ru-ru/entra/identity-platform/secure-least-privileged-access (дата обращения: 05.10.2025).
47. Принцип минимальных привилегий. Кибрарий [Электронный ресурс] // Сбербанк. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/vocabulary/princip-minimalnykh-privilegij (дата обращения: 05.10.2025).
48. Что такое доступ с наименьшими привилегиями? [Электронный ресурс] // Keeper Security. URL: https://www.keepersecurity.com/ru_RU/resources/glossary/what-is-least-privilege-access/ (дата обращения: 05.10.2025).

49. Понимание принципа минимальных привилегий в Microsoft Entra ID Governance [Электронный ресурс] // Microsoft Learn. URL: https://learn.microsoft.com/ru-ru/entra/id-governance/scenarios/least-privileged (дата обращения: 05.10.2025).
50. Принцип минимальных привилегий (Principle of least privilege) [Электронный ресурс] // Энциклопедия Kaspersky. URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/principle-of-least-privilege-polp/ (дата обращения: 05.10.2025).
51. Принцип наименьших привилегий [Электронный ресурс] // IBM Docs. URL: https://www.ibm.com/docs/ru/aix/7.1.0?topic=software-least-privilege (дата обращения: 05.10.2025).
52. What Is the Principle of Least Privilege? [Электронный ресурс] // Palo Alto Networks. URL: https://www.paloaltonetworks.com/cyberpedia/what-is-the-principle-of-least-privilege (дата обращения: 05.10.2025).
53. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
54. Сборник материалов по исследованию зарубежного опыта противодействия коррупции [Электронный ресурс] // GOV.KZ. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/press/article/details/2281?lang=ru (дата обращения: 05.10.2025).
55. Ротация кадров на государственной службе как мера по предупреждению коррупции … [Электронный ресурс] // Молодой учёный. URL: https://moluch.ru/archive/443/96911 (дата обращения: 05.10.2025).
56. Как бороться с коррупцией среди чиновников? Один из вариантов — ротация [Электронный ресурс] // Onlíner. URL: https://people.onliner.by/2019/10/31/rotate (дата обращения: 05.10.2025).
57. Первый федеральный университет антикоррупционного просвещения: обучение в сфере противодействия коррупции [Электронный ресурс] // ФУАП. URL: https://fuap.ru/ (дата обращения: 05.10.2025).
58. Типовые программы в области противодействия коррупции: обучение госслужащих [Электронный ресурс] // ФУАП. URL: https://fuap.ru/lib/antikorruptsionnoe-obuchenie/tipovye-programmy-v-oblasti-protivodeystviya-korruptsii-obuchenie-gossluzhashchikh/ (дата обращения: 05.10.2025).
59. Программа лояльности [Электронный ресурс] // Московская федерация профсоюзов. URL: https://mtuf.ru/loyalty-program/ (дата обращения: 05.10.2025).

Insider Threat as a Key Factor in Compromising Citizens' Personal Data in Information Systems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Analysis of the Black Market and Corruption Mechanisms

Sergey A. Voronin

PhD in Legal Sciences,
Rector,
National Scientific Research Institute,
115191, 17 Dukhovskoy Lane, Bld. 15, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@voroninpravo.ru

Abstract

This research presents a comprehensive analysis of the systemic threat emanating from insiders within the structures of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MVD RF) for the security of citizens' personal data. The phenomenon of "probiv" – illegal acquisition and sale of information from closed state databases in real-time mode – is examined as a direct manifestation of corruption, rather than as a traditional failure in the cybersecurity system. The work analyzes in detail the economic structure of the black market for this data, investigates socio-criminological motives of insiders among law enforcement personnel, and provides a critical assessment of the inadequacy of existing technical and administrative control measures. Through analysis of law enforcement practice, the deterrent effect of current legal sanctions is evaluated. In conclusion, a multi-level strategic model for countering this threat is proposed, integrating advanced technical

solutions (UEBA, Honeypots, PoLP), fundamental organizational reforms (personnel rotation, independent audit), and effective legal and economic deterrents. The scientific novelty of the work lies in its holistic approach, synthesizing technical, sociological, and criminological perspectives to address the problem of the human factor as the main vulnerability in state information systems.

For citation

Voronin S.A. (2025) Insayderskaya ugroza kak klyuchevoy faktor komprometatsii personal'nykh dannykh grazhdan v informatsionnykh sistemakh MVD RF: analiz chernogo rynka i korruptsionnykh mekhanizmov [Insider Threat as a Key Factor in Compromising Citizens' Personal Data in Information Systems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Analysis of the Black Market and Corruption Mechanisms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 432-445. DOI: 10.34670/AR.2025.92.78.051

Keywords

Insider threat, personal data, information security, MVD RF, corruption, data black market, cybersecurity, law enforcement agencies.

References

1. Researchers have calculated that the cost of "punching ... [Electronic resource] // Hacker. URL: https://xakep.ru/2024/03/20/probiv-stats / (date of access: 05.10.2025).
2. The annual review of the black market "probiva ... [Electronic resource] // ITSec.Ru . URL: https://www.itsec.ru/news/predstavlen-ezhegodniy-obzor-chiornogo-rinka-probiva-rossiyskih-fizliz-c-2023-goda (date of request: 05.10.2025).
3. In Russia, the cost of "punching" information about citizens has increased [Electronic resource] // ITSec.Ru . URL: https://www.itsec.ru/news/v-rossii-virosla-stoimost-probiva-informazii-o-grazhdanah (date of access: 05.10.2025).
4. Black market prices for the "penetration" of personal data ... [Electronic resource] // BatmanStore.ru . URL: https://batmanstore.ru/news/75104 / (date of request: 05.10.2025)
5. The cost of "draining" information about Russian citizens has increased 2.5 times in a year [Electronic resource] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-03-20_stoimost_sliva_informatsii (date of request: 05.10.2025).
6. A database with personal information of 774 thousand was leaked to the network ... [Electronic resource] // CGITC. URL: https://cgitc.ru/media/v-set-slili-bazu-dannykh-s-lichnoy-informatsiey-774-tysyach-klientov-telegram-bota-glaz-boga / (date of access: 05.10.2025).
7. The service team for "punching" the "Eye of God" was searched ... [Electronic resource] // Jellyfish. URL: https://meduza.io/news/2025/02/28/u-komandy-servisa-dlya-probiva-glaz-boga-proshli-obyski-telegram-bot-seychas-ne-rabotaet (date of request: 05.10.2025).
8. In Moscow, the administrator of the telegram bot "Eye of God" was searched [Electronic resource] // OVD-Info. URL: https://ovd.info/express-news/2021/04/07/v-moskve-k-administratoru-telegram-bota-glaz-boga-prishli-s-obyskom (date of access: 05.10.2025).
9. Mass media: the "Eyes of God" case is connected with an attempt to hack databases ... [Electronic resource] // <url>. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10944637 (date of request: 05.10.2025).
10. The team of the telegram bot "Eye of God" was searched by ... [Electronic resource] // iStories. URL: https://istories.media/news/2025/02/28/u-komandi-telegrambota-glaz-boga-proshli-obiski-po-pervomu-v-rossii-delu-o-nezakonnom-ispolzovanii-personalnikh-dannikh / (date of access: 05.10.2025).
11. Who is an insider, types and how to detect [Electronic resource] // Spectrumdata. URL: https://spectrumdata.ru/blog/proverka-soiskatelya/kto-takie-insaydery-i-pochemu-oni-opasny-dlya-biznesa-i-finansovykh-rynkov / (date of request: 05.10.2025).
12. Information security in law enforcement agencies ... [Electronic resource] // uzulo.su . URL: http://uzulo.su/prav-inf/pdf-jpg/pi-2024-2-st18-s170-180.pdf (date of application: 05.10.2025).
13. "Basic model of threats to the security of personal data during their processing in personal data information systems" (Extract) (approved by the FSTEC RF on 15.02.2008).
14. Organization procedure and conducting official investigations [Electronic resource] // Publishing house "Adviser". URL: https://sec-company.ru/articles/economics/poryadok_organizatsii_i_provedeniya_sluzhebnykh_rassledovaniy /

(date of request: 05.10.2025).
15. Federal Law No. 342-FZ of 11/30/2011 (as amended on 12/28/2024) "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 02/05/2025).
16. The procedure for conducting an internal audit in the bodies, organizations and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Appendix to the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated March 26, 2013 No. 161).
17. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 07/06/2012 No. 678 (as amended on 12/07/2016) "On Approval of Instructions on the Organization of personal Data Protection contained in the Information systems of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 09/18/2012 No. 25488).
18. On Approval of the Regulations on the Department of Information ... [Electronic resource] // CNTD.ru. URL: https://docs.cntd.ru/document/607325903 (date of request: 05.10.2025).
19. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06/15/2021 No. 444 (as amended on 03/31/2025) "On Approval of the Regulations on the Department of Information Technology, Communications and Information Protection of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
20. Police officers were caught selling personal data ... [Electronic resource] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-03-14_dvoih_rossijskih_politsejskih_budut_sudit_za (date of request: 05.10.2025).
21. Disclosure of personal data is a responsibility under Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation for the dissemination of personal data without the consent of the owner [Electronic resource] // Data-Sec.ru . URL: https://data-sec.ru/personal-data/disclosure-responsibility / (date of access: 05.10.2025).
22. Crimes in the field of computer information — art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource] // RTM Group. URL: https://rtmtech.ru/articles/prestupleniya-v-sfere-kompyuternoj-informatsii-st-272-uk-rf / (date of request: 05.10.2025).
23. Responsibility for violation of the law on personal data [Electronic resource] // GARANT. URL: https://www.garant.ru/actual/persona/otvetstvennost / (date of application: 05.10.2025).
24. Since May 30, 2025, the responsibility for ... [Electronic resource] // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490308/3b904c06ca00c18b687ec94295a0a967ddc5cce7 / (date of request: 05.10.2025).
25. Changes in the processing and protection of personal data in 2025 [Electronic resource] // Sberbank. URL: https://www.esphere.ru/blog/izmeneniya-v-obrabotke-i-zashchite-personalnykh-dannykh-v-2025-godu / (date of application: 05.10.2025).
26. Tightening of responsibility for violation of the legislation on personal data [Electronic resource] // Unicon. URL: https://www.unicon.ru/insights/obzor-izmenenii-zakonodatelstva/Tougher_liability_for_violations_of_the_law_on_personal_data / (date of request: 05.10.2025).
27. Tightening of responsibility for violations in the processing of personal data [Electronic resource] // Nordic Star. URL: https://www.nordicstar.law/news/%D1%83%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B7%D0%B0-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%83 / (date of request: 05.10.2025).
28. Personal data: tightening of responsibility and other legislative initiatives [Electronic resource] // AB EPAM. URL: https://epam.ru/ru/media/view/personalnye-dannye:-uzhestochenie-otvetstvennosti-i-drugie-zakonodatelnye-iniciativy (date of access: 05.10.2025).
29. Responsibility for the processing of personal data: changes in 2025 [Electronic resource] // Contour. URL: https://kontur.ru/articles/55870-otvetstvennost_za_obrabotku_pers_dannyh (date of request: 05.10.2025).
30. Amendments to the law on personal data in 2025 [Electronic resource] // Qugo. URL: https://qugo.ru/blog/izmeneniya-zakona-o-personalnyh-dannyh-v-2025-godu (date of access: 05.10.2025).
31. New data protection rules from 2025: what you need to know [Electronic resource] // NeptunIT. URL: https://ntcneptunit.ru/blog/novye-pravila-zashchity-dannyh-2025 (date of request: 05.10.2025).
32. Tougher penalties for personal data leakage: what has changed since May 30, 2025 [Electronic resource] // ER-Telecom. URL: https://r-soc.ertelecom.ru/announcements/article/33 (date of request: 05.10.2025).
33. Insider threats: how to protect the company from the inside? [Electronic resource] // INFARS. URL: https://infars.ru/blog/insayderskie-ugrozy-kak-zashchitit-kompaniyu-iznutri / (date of request: 05.10.2025).
34. What Is User and Entity Behavior Analytics (UEBA)? [Electronic resource] // Microsoft. URL: https://www.microsoft.com/en-us/security/business/security-101/what-is-user-entity-behavior-analytics-ueba (accessed: 05.10.2025).
35. What is User Entity and Behavior Analytics (UEBA)? [Electronic resource] // Fortinet. URL: https://www.fortinet.com/resources/cyberglossary/what-is-ueba (date of request: 05.10.2025).

36. What is UEBA (User and Entity Behavior Analytics)? [Electronic resource] // Palo Alto Networks. URL: https://www.paloaltonetworks.com/cyberpedia/what-is-user-entity-behavior-analytics-ueba (accessed: 05.10.2025).
37. What is User and Entity Behavior Analytics (UEBA)? [Electronic resource] // CrowdStrike. URL: https://www.crowdstrike.com/en-us/cybersecurity-101/identity-protection/user-and-entity-behavior-analytics-ueba / (date of request: 05.10.2025).
38. User and Entity Behavior Analytics (UEBA) [Electronic resource] // Check Point Software. URL: https://www.checkpoint.com/cyber-hub/threat-prevention/user-and-entity-behavior-analytics-ueba / (accessed: 05.10.2025).
39. What is User and Entity Behavior Analytics (UEBA)? [Electronic resource] // Rapid7. URL: https://www.rapid7.com/fundamentals/user-behavior-analytics / (date of request: 05.10.2025).
40. UEBA systems: what is it, market overview, comparative analysis ... [Electronic resource] // xn--80aidjgwzd.xn--p1ai . URL: https://xn--80aidjgwzd.xn--p1ai/news/ueba_sistemy / (date of access: 05.10.2025).
41. What is a Honeypot? How they are used in cybersecurity [Electronic resource] // IB-BANK.ru . URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/news/15637 (date of access: 05.10.2025).
42. What is a honeypot? How traps serve cybersecurity [Electronic resource] // Kaspersky. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-a-honeypot (date of request: 05.10.2025).
43. Detailed guide to the Honeypot: how the trap for attackers works [Electronic resource] // Glabit. URL: https://glabit.ru/blog/honeypot-guide (date of access: 05.10.2025).
44. Detailed guide for the Honeypot [Electronic resource] // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/alexhost/articles/528796 / (date of access: 05.10.2025).
45. Honeypot technology. Part 1: The Purpose of the Honeypot [Electronic resource] // SecurityLab. URL: https://www.securitylab.ru/analytics/275420.php (date of request: 05.10.2025).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.57.55.052**

Факторы профессионального риска и проблем безопасности в следственных изоляторах на примере пенитенциарных систем зарубежных стран

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ проблемы безопасности действующих сотрудников и персонала следственных изоляторов в зарубежных пенитенциарных системах как одной из наиболее уязвимых профессиональных групп в правоохранительных органах. На основе теоретического подхода общей теории возможностей исследуется уникальная среда следственного изолятора, характеризующаяся высокой оперативной динамикой и нестабильностью контингента, депривацией и концентрацией лиц с криминальными наклонностями и психическими расстройствами. Выявляются и систематизируются ключевые факторы риска, действующие на индивидуальном (демографические и личностные характеристики, стиль применения власти, восприятие легитимности), ситуационном (специфика функциональных обязанностей, режим работы) и институциональном (структурное планирование, система надзора, переполненность, кадровая обеспеченность) уровнях. Особое внимание уделяется диалектике объективных показателей безопасности и их субъективного восприятия сотрудниками и персоналом. Доказывается, что традиционные закономерности, выявленные в исправительных учреждениях, непосредственно в условиях следственного изолятора могут проявляться иначе. Сформулированы выводы о необходимости комплексного подхода к обеспечению безопасности, включающего оптимизацию институциональных условий, развитие кадрового потенциала и формирование профессиональной культуры, основанной на взаимной поддержке.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Факторы профессионального риска и проблем безопасности в следственных изоляторах на примере пенитенциарных систем зарубежных стран // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 446-454. DOI: 10.34670/AR.2025.57.55.052

Ключевые слова

Следственный изолятор (СИЗО), профессиональная безопасность, профессиональные риски, угрозы безопасности, виктимизация, пенитенциарная система, депривация, субъективное восприятие безопасности.

Введение

Сложность пенитенциарной системы, призванной обеспечивать изоляцию и исправление лиц, совершивших преступления, закономерно порождают множество проблем, среди которых вопросы безопасности сотрудников и персонала занимают одно из центральных мест [Wooldredge, Steiner, 2016]. Сотрудники уголовно-исполнительной системы, в силу специфики своих профессиональных обязанностей, связанных с непосредственной охраной, режимом и надзором за лицами, содержащимися в учреждениях пенитенциарного типа, подвержены систематически повышенному риску столкновения с актами насилия и иными угрозами личной безопасности.

Основная часть

В сравнении с работниками многих иных профессиональных сфер, персонал исправительных учреждений характеризуется одним из наиболее высоких уровней производственного травматизма и профессиональных заболеваний, приводящих к утрате трудоспособности. Статистические показатели умышленных телесных повреждений в пенитенциарной системе США, полученных в результате целенаправленных действий третьих лиц, находятся на уровне, сопоставимом с аналогичными индикаторами среди сотрудников правоохранительных органов, а сама профессия сотрудника исправительного учреждения стабильно входит в пятерку специальностей, в наибольшей степени подверженных риску столкновения с насильственными действиями [Ellison et al., 2024].

Существенный пробел в системе пенитенциарного знания формирует и дисбаланс в исследовательском внимании: значительный массив эмпирических данных был получен в учреждениях для отбывания наказания, в то время как специфические угрозы, характерные для следственных изоляторов, исследованы в существенно меньшей степени [Ellison et al., 2017].

Целенаправленное и систематическое изучение факторов безопасности сотрудников и персонала следственных изоляторов продиктовано уникальными особенностями данных учреждений и спецификой контингента содержащихся в них лиц. В то же время, логическое и функциональное сходство учреждений для отбывания наказания и следственных изоляторов как видов институтов исправительной системы позволяет экстраполировать и применять сходные теоретические подходы для выявления и верификации факторов риска. Одной из таких продуктивных теоретических основ является общая теория возможностей, подтвердившая свою концептуальную и прогностическую эффективность в исследованиях безопасности персонала пенитенциарной системы [Вотинов, 2017].

Сотрудники следственных изоляторов подвержены повышенному риску виктимизации, что объясняется их постоянным и непосредственным пребыванием в замкнутом пространстве с лицами, мотивированными на совершение правонарушений, и индивидами, демонстрирующими склонность к применению насилия для разрешения конфликтов [Михайлин, 2010]. Ежегодно через такие учреждения в США проходит порядка десяти

миллионов человек, и сотрудники этих учреждений осуществляют надзор примерно над третью всего заключенного под стражу населения: обвиняемыми в период предварительного следствия и судебного разбирательства, осужденными, отбывающими, как правило, непродолжительные сроки наказания, и лицами, ожидающими перевода в учреждения для отбывания длительных сроков [Ellison et al., 2024].

Концентрация лиц со стойкой криминальной направленностью в СИЗО может быть объективно ниже, чем в исправительных колониях, поскольку значительная часть контингента содержится до вынесения приговора суда и (или) обладает незначительным уголовным прошлым, однако данное не отменяет общего высокого уровня потенциальных угроз. Доля лиц, заключенных под стражу за совершение насильственных преступлений против личности, может достигать четверти и более от общего числа содержащихся, и многие из них ранее неоднократно привлекались к уголовной ответственности. Все эти категории, включая тех, у кого отсутствует официально зафиксированная история агрессивного поведения, представляют собой потенциальную латентную опасность.

Потенциальные возможности заключенных для совершения противоправных действий в отношении персонала объективно ограничены относительно короткими сроками содержания, исчисляемыми днями или неделями. Однако именно эта временная нестабильность и порождаемая ею атмосфера непредсказуемости и социальной аномии создают уникальные предпосылки для внезапных вспышек насилия [Кутаков, 2022]. Хотя средняя продолжительность содержания составляет около двадцати пяти дней, некоторые индивиды содержатся месяцами и даже годами, в то время как другие неоднократно поступают и освобождаются, формируя поток рецидивирующего контингента. Таким образом, сотрудникам приходится осуществлять контроль над многочисленными и крайне нестабильными по составу группами в течение коротких, дискретных промежутков времени, что минимизирует возможности для выстраивания устойчивых рабочих отношений, основанных на взаимном уважении и признании легитимного авторитета – ключевых факторов добровольного соблюдения режима [Ellison, Gainey, 2020].

Ограниченность ресурсов приводят к тому, что для лиц, содержащихся в СИЗО, доступно значительно меньше программ исправительного, образовательного и трудового характера [Ferraresso, Elling Peterson, 2025]. Эта институциональная депривация (*сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические либо социальные потребности*), усугубляемая режимными ограничениями, может существенно повышать уровень фрустрации, апатии и напряженности среди заключенных. В свою очередь, сотрудники лишаются важных инструментов косвенного контроля и управления – стимулирующих средств, которые, занимая заключенных конструктивной деятельностью, способствуют поддержанию дисциплины.

Оказавшись в условиях системного недостатка легитимных механизмов контроля, сотрудники СИЗО вынуждены обеспечивать безопасность в социальной среде, концентрирующей весь спектр криминальных наклонностей, психических расстройств и асоциальных моделей поведения. Широко распространены среди ожидающих судебных решений такие расстройства, такие как злоупотребление психоактивными веществами на фоне психических заболеваний, а также симптомы ПТСР и диссоциального расстройства личности, что делает поведение этих лиц труднопредсказуемым и исключительно сложным для управления [Пономарев, 2016].

Многие зарубежные учреждения сталкиваются с хроническими проблемами превышения

плановой наполненности, системной нехватки кадров и недостатка материально-технического обеспечения, что не позволяет в полной мере реализовывать научно обоснованные практики размещения, основанные на комплексной оценке индивидуальных рисков и потребностей. Учитывая сложную, динамичную и нестабильную рабочую среду, а также ограниченность ресурсов, критически важным является всестороннее понимание факторов, влияющих как на объективные риски безопасности, так и на субъективное восприятие безопасности самими сотрудниками.

Например, в научной литературе существует предположение, что сотрудники, работающие в дневную смену, могут сталкиваться с большими рисками, так как взаимодействуют с заключенными в периоды их наивысшей активности. Это может объясняться в целом разным уровнем активности заключенных: их распорядок дня крайне однообразен и регламентирован, а возможности для осмысленной деятельности ограничены. Эмпирические данные свидетельствуют, что сотрудники, которые чаще вступают в вербальный контакт с заключенными, также статистически значимо чаще подвергаются вербальным угрозам и имеют более высокую вероятность столкнуться с физическим нападением. Заключенные проводят большую часть времени в жилых блоках, занимаясь неорганизованным досугом. Сотрудники, находящиеся непосредственно в этих зонах, вынуждены постоянно взаимодействовать с трудными, непредсказуемыми и испытывающими хроническую скуку заключенными, которые, в свою очередь, имеют множество возможностей для наблюдения за персоналом, анализа их поведения и выбора потенциальных объектов для агрессии [Rhineberger, Mack, 2022].

Даже в СИЗО «нового поколения», где практикуется система непрерывного непосредственного надзора с постоянным нахождением офицеров в жилых помещениях, риски для сотрудников сохраняются на высоком уровне. Несмотря на то что такая модель способствует снижению общего уровня насилия среди заключенных, она требует от сотрудников активного, непосредственного и постоянного вовлечения в процессы управления жилым блоком, что предполагает неизбежный тесный контакт с криминальным контингентом [Ferraresso, Elling Peterson, 2025]. Таким образом, работа в жилом блоке может быть объективно более опасной именно в силу этого вынужденного, продолжительного и неопосредованного барьерами взаимодействия.

Отдельные виды служебной деятельности в СИЗО несут в себе особые, ситуационно обусловленные угрозы. Работа в приемном отделении связана с обработкой лиц непосредственно после задержания. Сотрудники этого подразделения регулярно сталкиваются с нестабильными, агрессивно настроенными людьми, многие из которых находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, либо пребывают в состоянии аффекта из-за факта ареста. Еще одним потенциально опасным назначением является служба в подразделении, осуществляющем конвоирование. Сотрудники, сопровождающие заключенных, взаимодействуют с лицами, которые могут испытывать интенсивный стресс в связи с судебными решениями, недиагностируемыми психическими заболеваниями или осознанием перспективы длительного срока [Ellison, Gainey, 2020].

Ключевым элементом теории возможностей является понятие действенной защиты, подразумевающей наличие физических или социальных барьеров, которые либо напрямую препятствуют совершению насилия, либо психологически сдерживают потенциальных правонарушителей. В организационном контексте защита может проявляться на двух уровнях: индивидуальном и институциональном.

На индивидуальном, субъективном уровне восприятие сотрудниками недостаточной

укомплектованности кадрами, необоснованно высоких рабочих нагрузок и отсутствия административной и социальной поддержки может быть тесно связано с их рисками [Ellison, Gainey, 2020]. Нехватка персонала может напрямую подрывать практическую способность сотрудника поддерживать эффективный контроль, ведя к повышенному стрессу, профессиональному выгоранию и росту числа ошибок. Кроме того, это обстоятельство ограничивает возможности для формирования доверительных профессиональных отношений с коллегами и начальниками. Поддержка со стороны сослуживцев и руководителей является критически важным психологическим и оперативным ресурсом; эти люди выступают в роли так называемых «сдерживающих лиц» или «гарантов стабильности» которые своим физическим присутствием или моральным авторитетом могут предотвратить противоправные действия. Эмпирические исследования показывают, что субъективное восприятие переполненности и нехватки кадров может не влиять напрямую на частоту вербальных угроз или вероятность физического нападения, но стабильно связано с более низким субъективным чувством безопасности. Поддержка же со стороны коллег и руководства, напротив, стабильно ассоциируется с более высоким уровнем воспринимаемой защищенности [Haynes et al., 2020].

На институциональном, макроуровне ключевыми факторами защиты выступают структурное планирование учреждения и применяемая в нем организационная система надзора. Более строгий, централизованный и технологичный контроль над перемещениями и активностью заключенных объективно снижает их физические и временные возможности для планирования и совершения насильственных действий. Устаревшие системы надзора, характеризующиеся длинными коридорами и не просматриваемыми участками, создают значительно больше объективных предпосылок для насилия. Напротив, современная система непосредственного надзора, реализованная в следственных изоляторах современного архитектурного типа, предполагает постоянное нахождение сотрудников в общей жилой зоне вместе с заключенными. Этот подход, в сочетании с доставкой большинства услуг непосредственно в жилой блок, позволяет сотрудникам лучше отслеживать ситуацию в реальном времени. Такая модель способствует общему снижению уровня насилия среди заключенных, однако для самих сотрудников она может означать постоянный, неизбежный тесный контакт с криминальным контингентом, что потенциально способно поддерживать высокий уровень как объективных рисков, так и субъективного ощущения опасности [Rhineberger, Mack, 2022].

Другим важным фактором на уровне пенитенциарного учреждения является объективное соотношение численности заключенных и сотрудников, а также общая степень заполненности учреждения. Большие по размеру и плотности группы заключенных объективно затрудняют эффективный надзор и препятствуют установлению неформальных рабочих отношений. Многие следственные изоляторы сталкиваются с хроническими проблемами превышения плановой наполненности и связанной с этим системной нехватки кадров, что ведет к росту служебной нагрузки, хроническому стрессу и увеличению рисков. Меньшие по размеру, менее переполненные учреждения или учреждения с более благоприятным соотношением сотрудников и заключенных, как правило, являются более безопасными, поскольку достижение режимного контроля в них требует меньших усилий. Более спокойная обстановка, в свою очередь, оказывает сдерживающее психологическое воздействие на заключенных. Исследования подтверждают, что в более крупных и переполненных учреждениях сотрудники статистически значимо чаще сталкиваются с вербальными угрозами и физическими нападениями, а также чувствуют себя менее безопасно.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблема обеспечения безопасности персонала следственных изоляторов представляет собой комплексную и многомерную проблему, обусловленную уникальным сочетанием институциональных, ситуационных и индивидуально-личностных факторов. Специфическая среда таких учреждений характеризующаяся высокой динамикой, гетерогенностью контингента и временной нестабильностью, формирует качественно особую систему профессиональных рисков. Эти риски проявляются на двух взаимосвязанных уровнях: объективном (физические нападения, вербальные угрозы, телесные повреждения) и субъективном (восприятие угрозы, психологический дистресс, профессиональное выгорание).

Анализ выявил, что в условиях СИЗО традиционные закономерности, выявленные в учреждениях для отбывания наказания, могут преломляться особым образом. Кратковременность содержания нивелирует роль долгосрочных стратегий установления легитимного авторитета, выдвигая на первый план поверхностные маркеры уязвимости или провокационности сотрудника. При этом эмпирические данные о влиянии демографических характеристик остаются противоречивыми, что указывает на опосредованный характер их влияния поведенческими паттернами. Важнейшим буферным фактором выступает воспринимаемая социальная поддержка со стороны коллег и руководства, выполняющая функцию «сдерживающего гаранта».

Обеспечение безопасности сотрудников и персонала следственных изоляторов требует комплексного, системного подхода, включающего оптимизацию условий через совершенствование оперативного планирования и внедрение научно обоснованных систем локаций заключенных под стражу; развитие кадрового потенциала посредством целевого отбора и специализированной подготовки кадров для режимных подразделений, а также формирование профессиональной культуры.

Библиография

1. Богданов, М. Н. Проблемы обеспечения безопасности пенитенциарной системы: факторы их обусловливающие / М. Н. Богданов, А. В. Григоряк // Право и управление. – 2025. – № 3. – С. 248-254. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-3-248-254.
2. Вотинов, А. А. Вопросы безопасности в пенитенциарной науке / А. А. Вотинов, Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 2(24). – С. 29-37.
3. Ковалев, О. Г. Некоторые проблемы организации безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных на территории следственного изолятора / О. Г. Ковалев, К. И. Чернова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 94-4. – С. 86-88. – DOI 10.18411/trnio-02-2023-205.
4. Кутаков Н. Н. Противоправные действия осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений: причины, условия и профилактика // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8. С. 25–34. https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2022-243-8-25-34.
5. Михайлин, В. В. Негативное влияние преступлений, совершаемых в следственных изоляторах, на безопасность сотрудников, подозреваемых, обвиняемых и осужденных / В. В. Михайлин // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 4(65). – С. 55-56.
6. Насреддинова, К. А. О проблемах профилактики правонарушений в следственных изоляторах / К. А. Насреддинова // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 5(31). – С. 47-52. – EDN YRJFSP.
7. Нарусланов, Э. Ф. К вопросу о детерминантах внутрикамерных конфликтов в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Экспертное мнение / Э. Ф. Нарусланов, А. В. Новиков, Е. Н. Полякова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 3А. – С. 173-180.
8. Новиков, А. В. Психологические и психофизиологические факторы, провоцирующие деструктивно-агрессивное поведение осужденных в условиях покамерного содержания / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология.

Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8, № 3-1. – С. 327-334.
9. Пономарев, С. Б. Клинические аспекты пенитенциарного стресса / С. Б. Пономарев, А. А. Бурт, Е. Б. Дюжева // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 4(167). – С. 29-33.
10. Ellison J. M. An opportunity model of victimization risk for jail inmates and correctional officers. – University of Nebraska at Omaha, 2017.
11. Ellison J. M. et al. The dangers of short-term confinement: Indicators of safety risks among individuals in jail //International journal of offender therapy and comparative criminology. – 2024. – Т. 68. – №. 8. – С. 825-848.
12. Ellison J. M., Gainey R. An opportunity model of safety risks among jail officers //Journal of criminal justice. – 2020. – Т. 66. – С. 101632.
13. Ferraresso R., Elling Peterson B. It'sa dangerous job! a systematic review of the predictors of correctional officer victimization by incarcerated individuals in US prisons and jails //Trauma, Violence, & Abuse. – 2025. – С. 15248380251320991.
14. Haynes S. H. et al. An examination of the effects of personal and workplace variables on correctional staff perceptions of safety //American journal of criminal justice. – 2020. – Т. 45. – №. 1. – С. 145-165.
15. Lai Y. L., Wang H. M., Kellar M. Workplace violence in correctional institutions in Taiwan: A study of correctional officers' perceptions //International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2012. – Т. 36. – №. 1. – С. 1-23.
16. Steiner B., Wooldredge J. Individual and environmental influences on prison officer safety //Justice Quarterly. – 2017. – Т. 34. – №. 2. – С. 324-349.
17. Wooldredge J., Steiner B. Further inspection into the effects of correctional officers' sex, race, and perceptions of safety on job-related attitudes //The Prison Journal. – 2016. – Т. 96. – №. 4. – С. 576-599.

Factors of Professional Risk and Security Problems in Pretrial Detention Centers: The Example of Foreign Penitentiary Systems

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Legal Sciences, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law and Law Enforcement Department,
Astrakhan State University,
414056, 20a Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of the security problem for active employees and personnel of pretrial detention centers in foreign penitentiary systems as one of the most vulnerable professional groups in law enforcement agencies. Based on the theoretical approach of general opportunity theory, the unique environment of the pretrial detention center is investigated, characterized by high operational dynamics and instability of the contingent, deprivation and concentration of individuals with criminal inclinations and mental disorders. Key risk factors operating at individual (demographic and personality characteristics, style of power application, perception of legitimacy), situational (specifics of functional duties, work schedule) and institutional (structural planning, supervision system, overcrowding, staffing) levels are identified and systematized. Special attention is paid to the dialectics of objective security indicators and their subjective perception by employees and personnel. It is proven that traditional patterns identified in correctional institutions may manifest differently directly in pretrial detention center conditions.

Conclusions are formulated about the necessity of a comprehensive approach to ensuring security, including optimization of institutional conditions, development of personnel potential, and formation of a professional culture based on mutual support.

For citation

Novikov A.V. (2025) Faktory professional'nogo riska i problem bezopasnosti v sledstvennykh izolyatorakh na primere penitentsiarnykh sistem zarubezhnykh stran [Factors of Professional Risk and Security Problems in Pretrial Detention Centers: The Example of Foreign Penitentiary Systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 446-454. DOI: 10.34670/AR.2025.57.55.052

Keywords

Pretrial detention center (SIZO), professional security, professional risks, security threats, victimization, penitentiary system, deprivation, subjective perception of security.

References

1. Bogdanov, M. N. Problemy obespecheniya bezopasnosti penitenciarnoj sistemy: faktory ih obuslovlivayushchie / M. N. Bogdanov, A. V. Grigoryak // Pravo i upravlenie. – 2025. – № 3. – S. 248-254. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-3-248-254.
2. Votinov, A. A. Voprosy bezopasnosti v penitenciarnoj nauke / A. A. Votinov, R. Z. Useev // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 2(24). – S. 29-37.
3. Kovalev, O. G. Nekotorye problemy organizacii bezopasnosti podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh na territorii sledstvennogo izolyatora / O. G. Kovalev, K. I. Chernova // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2023. – № 94-4. – S. 86-88. – DOI 10.18411/trnio-02-2023-205.
4. Kutakov N. N. Protivopravnye dejstviya osuzhdennyh v otnoshenii sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij: prichiny, usloviya i profilaktika // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2022. № 8. S. 25–34. https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2022-243-8-25-34.
5. Mihajlin, V. V. Negativnoe vliyanie prestuplenij, sovershaemyh v sledstvennyh izolyatorah, na bezopasnost' sotrudnikov, podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh / V. V. Mihajlin // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2010. – № 4(65). – S. 55-56.
6. Nasreddinova, K. A. O problemah profilaktiki pravonarushenij v sledstvennyh izolyatorah / K. A. Nasreddinova // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2018. – № 5(31). – S. 47-52. – EDN YRJFSP.
7. Naruslanov, E. F. K voprosu o determinantah vnutrikamernyh konfliktov v sledstvennyh izolyatorah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. Ekspertnoe mnenie / E. F. Naruslanov, A. V. Novikov, E. N. Polyakova // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – T. 8, № 3A. – S. 173-180.
8. Novikov, A. V. Psihologicheskie i psihofiziologicheskie faktory, provociruyushchie destruktivno-agressivnoe povedenie osuzhdennyh v usloviyah pokamernogo soderzhaniya / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2019. – T. 8, № 3-1. – S. 327-334.
9. Ponomarev, S. B. Klinicheskie aspekty penitenciarnogo stressa / S. B. Ponomarev, A. A. Burt, E. B. Dyuzheva // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2016. – № 4(167). – S. 29-33.
10. Ellison J. M. An opportunity model of victimization risk for jail inmates and correctional officers. – University of Nebraska at Omaha, 2017.
11. Ellison J. M. et al. The dangers of short-term confinement: Indicators of safety risks among individuals in jail //International journal of offender therapy and comparative criminology. – 2024. – T. 68. – №. 8. – S. 825-848.
12. Ellison J. M., Gainey R. An opportunity model of safety risks among jail officers //Journal of criminal justice. – 2020. – T. 66. – S. 101632.
13. Ferraresso R., Elling Peterson B. It'sa dangerous job! a systematic review of the predictors of correctional officer victimization by incarcerated individuals in US prisons and jails //Trauma, Violence, & Abuse. – 2025. – S. 15248380251320991.
14. Haynes S. H. et al. An examination of the effects of personal and workplace variables on correctional staff perceptions of safety //American journal of criminal justice. – 2020. – T. 45. – №. 1. – S. 145-165.
15. Lai Y. L., Wang H. M., Kellar M. Workplace violence in correctional institutions in Taiwan: A study of correctional officers\' perceptions //International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2012. – T. 36. – №. 1. – S. 1-23.

16. Steiner B., Wooldredge J. Individual and environmental influences on prison officer safety //Justice Quarterly. – 2017. – T. 34. – №. 2. – S. 324-349.
17. Wooldredge J., Steiner B. Further inspection into the effects of correctional officers' sex, race, and perceptions of safety on job-related attitudes //The Prison Journal. – 2016. – T. 96. – №. 4. – S. 576-599.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.17.46.053**

Реинтеграции пожилых осужденных в пенитенциарной системе США: системный анализ и направления реформ

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ ключевых проблем, с которыми сталкиваются пожилые осужденные в США в процессе реинтеграции в общество после освобождения. Основное внимание уделяется состоянию здоровья, доступу к медицинской помощи, обеспечению жильем и восстановлению социальных выплат. Выявляется системная разобщенность социальных институтов, ответственных за реинтеграцию, и предлагаются направления политики, включая обеспечение преемственности медицинской помощи, реформу условно-досрочного освобождения и упрощение административных процедур. Подчеркивается, что разработка комплексной стратегии реинтеграции для данной категории осужденных, является не только этическим императивом, но и необходимостью оптимизации бюджетных расходов США.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Реинтеграции пожилых осужденных в пенитенциарной системе США: системный анализ и направления реформ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 455-463. DOI: 10.34670/AR.2025.17.46.053

Ключевые слова

Пенитенциарная система, геронтологическая преступность, пожилые осужденные, реинтеграция, доступ к медицинской помощи, социальная адаптация, места лишения свободы, условно-досрочное освобождение, Medicaid, Medicare, социальные выплаты.

Введение

Пенитенциарная система Соединенных Штатов продолжает характеризоваться одной из наиболее значительных в мире по численности осужденных. По последним статистическим данным, в пенитенциарной системе США содержатся под стражей приблизительно 1,2 миллиона человек в тюрьмах и около 600 тысяч в местных следственных изоляторах [Hwang et al., 2024]. В конгломерат осужденных наблюдается устойчивая и тревожная демографическая тенденция – стремительный рост доли пожилых заключенных [Тепляшин, 2023]. В научной литературе и пенитенциарной практике сохраняется дихотомия (греч. διχοτομία – сечение на два, раздвоенность) в их определении, где нижний порог устанавливается на отметке 50-55 лет. За последние десятилетия численность данной группы увеличилась в разы, и на сегодняшний день она составляет значительную и всевозрастающую часть «тюремного населения», что сопоставимо с ее долей в общей демографической структуре страны. Указанный рост обусловлен совокупностью факторов, включая общее старение «тюремного населения», ужесточение политики вынесения приговоров в отношении лиц старших возрастов и повышение сроков их осуждения [Новиков, 2025].

Основное содержание

Состояние здоровья пожилых осужденных характеризуется значительной отягощенностью по сравнению с общей популяцией. Пенитенциарные учреждения, их режим и инфраструктура изначально проектировались без учета потребностей стареющих индивидов. Эмпирические данные свидетельствуют о значительно более высокой распространенности хронических заболеваний среди пожилых заключенных. Широко представлены сердечно-сосудистые патологии, метаболические нарушения, онкологические заболевания и хроническая обструктивная болезнь легких [Тепляшин, 2024]. Почти у половины заключенных старше 55 лет диагностируется три и более сопутствующих хронических заболевания, что требует сложной медикаментозной терапии, в среднем с применением более семи различных классов препаратов. Также отмечается повышенная распространенность инфекционных заболеваний, таких как туберкулез, ВИЧ и вирусные гепатиты [Hwang et al., 2024].

Хронические заболевания закономерно коррелируют с функциональными ограничениями: нарушениями зрения, слуха, мобильности, недержанием. Данные ограничения усугубляются отсутствием в пенитенциарной системе США необходимых адаптационных приспособлений, поскольку приоритетом является безопасность, а не комфорт или терапевтическая среда. Гендерный аспект выступает значимым модулятором процесса старения в условиях социальной изоляции в местах лишения свободы. Женщины, лишенные свободы, сталкиваются с возраст-ассоциированными проблемами здоровья раньше и острее, чем мужчины, демонстрируя признаки ускоренного старения уже в возрасте 40–45 лет [Hwang et al., 2024].

Когнитивные и психические расстройства представляют особую проблему в условиях депривации социальной поддержки и риска виктимизации (процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства). Распространенность легких когнитивных нарушений среди пожилых заключенных значительно превышает показатели в общей популяции. Существует консенсус в научной среде относительно того, что тюремное заключение индуцирует ускоренное старение, в результате чего пожилые заключенные демонстрируют клинические признаки возрастных патологий примерно на 10 лет раньше своих

сверстников.

Оказание медицинской помощи в местах лишения свободы отличается крайней неоднородностью и зависит от юрисдикции. Федеральные тюрьмы в США, как правило, следуют более стандартизированным клиническим протоколам и обладают многоуровневой системой оказания помощи. В отличие от них, на уровне штатов и местных следственных изоляторов отсутствуют единые федеральные требования к аккредитации или обязательные стандарты медицинской помощи, что создает предпосылки для значительных различий в ее качестве и доступности [Смирнов, Новиков, Слабкая, 2025].

Старение тюремной популяции актуализирует сложные вопросы в области публичной политики, управления и прав человека, связанные с организацией долгосрочного ухода. Содержание пожилого заключенного сопряжено со значительными финансовыми затратами, оцениваемыми приблизительно в 70 000 долларов США в год, что примерно вдвое превышает затраты на содержание молодого осужденного. Можно выделить три ключевых аспекта данной проблемы: доступ к долгосрочному уходу в пенитенциарных учреждениях, практика досрочного освобождения по состоянию здоровья и организация такого ухода после реинтеграции в общество.

Отдельные пенитенциарные учреждения практикуют возрастную сегрегацию, создавая отдельные блоки или учреждения для пожилых заключенных. Сторонники данного подхода аргументируют его целесообразность созданием специализированной среды, повышенной защитой уязвимой (возрастной) категории лиц и оптимизацией затрат. Критики, в свою очередь, указывают на риски ограничения доступа к образовательным и реабилитационным программам, а также на сокращение потенциально полезных взаимодействий между поколениями. В ряде тюрем были внедрены программы, поощряющие самоуправление состоянием здоровья, которые включают образовательные компоненты, физическую активность и группы поддержки. Они не заменяют адекватный долгосрочный уход, они способствуют повышению самостоятельности заключенных и разгрузке тюремных ресурсов [https://www.icrc.org/].

Условно-досрочное освобождение по состоянию здоровья – это правовой механизм освобождения смертельно больных или пожилых заключенных, которые более не представляют угрозы для общества. Однако критерии для такого освобождения остаются чрезвычайно строгими, а административный процесс рассмотрения ходатайств характеризуется длительностью, в результате чего многие заключенные умирают в местах лишения свободы, не дождавшись положительного решения [Onyeali et al., 2023].

Процесс реинтеграции после освобождения сопряжен с высокими рисками для здоровья, особенно для пожилых людей, отягощенных множественными хроническими заболеваниями и функциональными ограничениями. Планирование выписки и передача медицинской информации между пенитенциарной и гражданской системами здравоохранения часто носят фрагментарный и несистемный характер. Нарушения сенсорных функций, мобильности и когнитивные расстройства ограничивают способность пожилого человека к самостоятельному оформлению документов, координации льгот, планированию визитов к врачу и обеспечению себя лекарствами. Наличие когнитивных нарушений, в частности, эмпирически связано с двукратным повышением риска рецидива преступности в течение шести месяцев после освобождения.

В контексте доступа к медицинской помощи после освобождения выделяется несколько ключевых проблем. Бывшие заключенные в значительной степени полагаются на службы неотложной и скорой помощи, что ведет к неоправданно высоким затратам в системе

здравоохранения. Исследования неизменно демонстрируют, что данная группа населения непропорционально часто госпитализируется и использует услуги неотложной помощи по сравнению с другими категориями гражданского населения. Отсутствие страхового покрытия и доступа к первичной медико-санитарной помощи усугубляет эту проблему.

Перманентный доступ к лечащему врачу первичного звена остается ключевым вызовом обеспечения медицинской помощи заключенным в США [DiTomas, Augustine, Williams, 2021]. Пожилые люди часто освобождаются с ограниченным запасом лекарств или без него, не имея заблаговременно организованной записи к врачу. Передача медицинских документов из тюрьмы гражданским медицинским учреждениям затруднена в силу несовместимости электронных систем и отсутствия эффективной инфраструктуры. Все это приводит к опасным перерывам в терапии, отсроченной профилактической помощи и общему ухудшению состояния здоровья [Hwang et al., 2024].

Пожилые люди, нуждающиеся в постоянном уходе после освобождения, сталкиваются с дополнительными системными барьерами. Льготы по медицинской страховой программе «Medicaid», покрывающие часть таких услуг, часто приостанавливаются или прекращаются на время заключения, а их восстановление требует отдельной административной процедуры. Существуют модели оказания помощи, такие как «медицинский дом» в рамках «Medicaid», предназначенные для координации комплексной помощи, включая долгосрочный уход, однако их внедрение варьируется в разных штатах. Отсутствие адекватного планирования при освобождении создает значительную нагрузку на общественные некоммерческие организации, осуществляющих уход и локальные сообщества.

Период после освобождения характеризуется резко повышенным риском преждевременной смерти. В течение первого года, и особенно первых двух недель, скорректированный по возрасту риск смерти среди освобожденных в несколько раз превышает таковой в общей медицинской практике. Среди лиц младше 45 лет основные причины смерти связаны с передозировкой, убийствами и самоубийствами, тогда как в старшей возрастной группе доминируют сердечно-сосудистые заболевания и онкологические патологии [Hwang et al., 2024] Данный повышенный риск сохраняется на протяжении более двух лет после реинтеграции в гражданское обество.

Наличие постоянного жилья является краеугольным камнем успешной реинтеграции, обеспечивая не только физический кров, но и чувство безопасности, независимости и принадлежности к сообществу. Бездомность или нестабильные жилищные условия напрямую коррелируют с более высокими показателями рецидивизма, госпитализаций, обращений в неотложную помощь и безработицы [DiTomas, Augustine, Williams, 2021].

Лица, покидающие места лишения свободы, часто возвращаются в общество без сбережений, с ограниченными источниками дохода и ослабленной социальной поддержкой. Многие из них обнаруживают, что наличие судимости автоматически дисквалифицирует их из программ государственного субсидируемого жилья. Даже при отсутствии формальных запретов, перцептивные ограничения и дискриминационная практика органов жилищного строительства создают дополнительные ограничения. В результате многие вынуждены полагаться на временное проживание с родственниками или друзьями, что часто является нестабильным и может повышать риск рецидива.

Бывшие заключенные пожилого возраста находятся в особенно уязвимом положении. Эмпирические данные свидетельствуют, что они в несколько раз чаще сталкиваются с отсутствием жилья в первую неделю после освобождения по сравнению с более молодыми

людьми, и эта диспропорция сохраняется в течение месяцев. Пожилые люди, возвращающиеся в общество, часто характеризуются слабыми семейными связями, нестабильным жильем и низкой конкурентоспособностью на рынке труда [Onyeali et al., 2023].

Ответственность за облегчение процесса реинтеграции распределена между несколькими социальными институтами, каждый из которых обладает собственными приоритетами и правовыми рамками. На пенитенциарные системы ложится основная ответственность за планирование освобождения. Хотя многие тюремные системы формально имеют процедуры планирования УДО, их качество и комплексность демонстрируют значительные вариации. Для следственных изоляторов с короткими сроками содержания данная задача представляет особую сложность. Надзор после освобождения, осуществляемый в рамках условно-досрочного освобождения или испытательного срока, фокусируется в первую очередь на вопросах общественной безопасности, а не на оказании медицинской помощи. Тем не менее, улучшение доступа к медицинской помощи и показателей здоровья напрямую способствует снижению рецидива, что создает прагматический стимул для администрации исправительных учреждений к более прагматичной работе в данном направлении.

Программы «Medicare» «и Medicaid выступают основными плательщиками за предоставление медицинской помощи. Однако их вовлечение осложняется так называемой «Политикой исключения заключенных», которая запрещает использование средств Medicaid и Medicare для оплаты медицинских услуг, оказываемых в местах лишения свободы, и часто приводит к прекращению действия страховки на время изоляции от общества. В штатах, не расширивших покрытие Medicaid , доступ к страховке для освобожденных еще более ограничен. Учитывая высокие уровни госпитализации в период реинтеграции, у этих программ имеется не только правовое, но и финансовое обоснование для улучшения координации и планирования оказания медицинских услуг [Смирнов, Новиков, Слабкая, 2025].

Социальное обеспечение играет критическую роль, поскольку пенсионные выплаты и пособия по инвалидности являются жизненно важным источником дохода для многих пожилых людей. Однако действующее законодательство США приостанавливает выплаты пенсий по старости после 30 дней непрерывного заключения, а пособия по инвалидности прекращаются после 12 месяцев. Возобновление этих выплат после освобождения требует уведомления администрацией пенитенциарного учреждения страховых компаний, а в случае полного прекращения выплат – подачи нового заявления, что представляет собой бюрократически сложный и длительный процесс. Программы, направленные на помощь в предварительном оформлении документов до освобождения, существуют, но их охват остается ограниченным и фрагментированным. Как следствие, пожилые люди освободившиеся из мест лишения свободы могут оказаться в обществе без средств к существованию в самый критический момент.

Как уже отмечалось пожилые заключенные представляют собой группу с комплексными медицинскими и социальными потребностями, которые пенитенциарная система не в состоянии адекватно удовлетворить, а процесс их реинтеграции сопряжен с многочисленными системными барьерами. Существующие системы поддержки – пенитенциарные, медицинские, социальные – остаются разобщенными, имеют различные целевые ориентиры и демонстрируют слабую координацию взаимодействий, что создает институциональный вакуум ответственности за успешное возвращение пожилого человека в общество.

Для решения указанных проблем необходимы согласованные междисциплинарные усилия исследователей, администраторов и политиков. В качестве первоочередной меры, законодательно следует пересмотреть целесообразность длительного содержания под стражей

пожилых людей, которые представляют низкий риск рецидива и плохо приспособлены к пенитенциарной среде. Это включает в себя реформу практики условно-досрочного освобождения по состоянию здоровья с учетом функциональных, а не только терминальных состояний [Новиков, Слабкая, 2025].

На основе проведенного анализа можно сформулировать три ключевых направления для политических интервенций в отношении развития пенитенциарной системы США.

Во-первых, необходимо облегчение доступа к медицинской помощи и обеспечение ее преемственности через повышение стандартизации и качества медицинской помощи для пожилых заключенных на основе единых клинических стандартов и процедур аккредитации. Требуется разработка и внедрение эффективных систем планирования медицинской выписки, включая заблаговременное подключение к врачам в муниципальных образованиях и обеспечение беспрепятственной передачи медицинских документов. Целесообразно поддержать создание специализированных клиник и программ реинтеграции, ориентированных на потребности пожилых освобожденных, а также сформировать национальную сеть учреждений долгосрочного ухода, способных принять данную категорию лиц [Hwang et al., 2024].

Во-вторых, критически важно обеспечение стабильным жильем посредством увеличения федерального финансирования программ, помогающих недавно освобожденным пожилым людям в поиске и получении безопасного, доступного и стабильного жилья.

В-третьих, необходимо упрощение финансовой поддержки и медицинского страхования. Следует продвигать законодательные инициативы, обеспечивающие автоматическое возобновление покрытия Medicaid и Medicare сразу после освобождения, а также проработать отмену дискриминационной «Политики исключения заключенных». Процедуры восстановления выплат социального обеспечения и пособий по инвалидности должны быть упрощены, в идеале – через их автоматическое возобновление при освобождении [Слабкая, 2025].

Пожилые люди в США, возвращающиеся в общество после отбытия срока, зачастую сталкиваются с отсутствием адекватной поддержки, стабильного жилья, борясь с комплексными проблемами здоровья и финансовой нестабильностью. Существующие программы поддержки носят фрагментарный характер и не способны удовлетворить растущие потребности этой уязвимой (возрастной) группы. Комплексный и скоординированный подход, объединяющий усилия всех заинтересованных сторон гражданского общества, является не только моральным императивом, но и практической необходимостью для обеспечения общественной безопасности, оптимизации затрат на здравоохранение и соблюдения принципов гуманности.

Заключение

Проблема реинтеграции пожилых осужденных представляет собой комплексный вызов на стыке направлений пенитенциарной, медицинской и социальной политики. Проведенный анализ демонстрирует, что данная категория лиц сталкивается с системными барьерами, обусловленными как их комплексными потребностями в области здоровья, так и институциональными ограничениями. Период после освобождения характеризуется повышенными рисками для здоровья, включая прерывание терапии, отсутствие доступа к первичной медицинской помощи и повышенную смертность, а также социальными

проблемами, такими как отсутствие стабильного жилья, запаса лекарственных средств и приостановка критически важных социальных выплат.

Ключевой проблемой остается институциональная разобщенность систем, ответственных за реинтеграцию. Пенитенциарные учреждения, системы здравоохранения и социального обеспечения действуют в рамках различных, зачастую противоречивых, правовых и финансовых парадигм, что создает вакуум ответственности и приводит к фрагментарной поддержке. Эффективное решение требует междисциплинарного и межведомственного подхода, ориентированного на скоординированные действия.

В качестве приоритетных направлений политики выделяются обеспечение преемственности медицинской помощи через стандартизацию ее оказания и внедрение комплексного планирования подготовки к освобождению, гарантирование доступа к стабильному и безопасному жилью, а также упрощение процедур восстановления медицинского страхования и социальных выплат. Ключевое значение имеет реформа механизмов условно-досрочного освобождения, учитывающая функциональное состояние, а не только наличие хронических заболеваний.

Разработка и реализация комплексной стратегии реинтеграции пожилых бывших осужденных является не только этическим императивом, но и прагматической необходимостью, направленной на снижение повторных преступлений, оптимизацию бюджеьных расходов и укрепление общественной безопасности в долгосрочной перспективе.

Библиография

1. Вишневская, Т. И. Геронтологическая преступность как новая проблема современности / Т. И. Вишневская // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2(34). – С. 386-387.
2. Вишневская, Т. И. Тенденции развития геронтологической преступности с учетом современных вызовов и угроз / Т. И. Вишневская // Российский девиантологический журнал. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 220-231. – DOI 10.35750/2713-0622-2023-2-220-231.
3. Интернет-источник: Содержание под стражей пожилых людей. МККК. https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/4332_005-ebook.pdf
4. Заборовская, Ю. М. Некоторые аспекты реализации принципа дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении лиц пожилого возраста / Ю. М. Заборовская // Вестник Кузбасского института. – 2022. – № 1(50). – С. 30-43. – DOI 10.53993/2078-3914/2022/1(50)/30-43.
5. Максимова, Л. В. Анализ систем здравоохранения ведущих зарубежных стран / Л. В. Максимова, В. В. Омельяновский, М. В. Сура // Медицинские технологии. Оценка и выбор. – 2014. – № 1(15). – С. 37-45.
6. Новиков А.В. Системные ограничения реализации психологической практики в пенитенциарных учреждениях: мета-анализ зарубежного опыта// Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 3-1. С. 264-270.
7. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Развитие института предоставления медицинской помощи пожилым осужденным: систематизация международного опыта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 8-1. С. 195-202. DOI: 10.34670/AR.2025.88.52.026
8. Слабкая Д.Н. Система оказания медицинской помощи бывшим осужденным в США: проблемы реинтеграции и поиск решений // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3-1. С. 552-559. DOI: 10.34670/AR.2025.12.17.062
9. Смирнов О.А., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Подходы к измерению адаптации после освобождения из тюрьмы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 1-1. С. 62-69.
10. Тепляшин, П. В. Тенденция старения осужденных в местах лишения свободы: некоторые проблемы и пути их решения (отечественный и компаративистский аспекты) / П. В. Тепляшин, Ю. М. Заборовская, И. В. Малышева // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 145-154. – DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).145-154.
11. Тепляшин П.В., Заборовская Ю.М., Малышева И.В. Особенности отбывания пенальных наказаний лицами пожилого возраста в период распространения новой коронавирусной инфекции (зарубежный опыт) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 76–90. doi: 10.17223/22253513/51/6

12. Bedard R., Metzger L., Williams B. Ageing prisoners: An introduction to geriatric health-care challenges in correctional facilities //International Review of the red cross. – 2016. – T. 98. – №. 903. – C. 917-939.
13. DiTomas M., Augustine D., Williams B. A. Growing older: challenges of prison and reentry for the aging population //Public Health Behind Bars: From Prisons to Communities. – New York, NY : Springer US, 2021. – C. 63-87.
14. Hwang Y. I. et al. Multi-sector stakeholder consensus on tackling the complex health and social needs of the growing population of people leaving prison in older age //Health & Justice. – 2024. – T. 12. – №. 1. – C. 17.
15. Lares L. A., Montgomery S. Psychosocial needs of released long-term incarcerated older adults //Criminal Justice Review. – 2020. – T. 45. – №. 3. – C. 358-377.
16. Onyeali R. et al. The case for transitional services and programs for older adults reentering society: a narrative review of US departments of correction and recommendations //International journal of prisoner health. – 2023. – T. 19. – №. 1. – C. 4-19.
17. Patrick J., Lane A. The challenges faced by older, incarcerated adults: How age impacts the prison experience //International Journal of Nursing Student Scholarship. – 2017. – T. 4.
18. Smyer T., Burbank P. M. The US correctional system and the older prisoner //Journal of Gerontological Nursing. – 2009. – T. 35. – №. 12. – C. 32-37.
19. Smyer T., Gragert M. Health Issues of Aging //Vulnerable older adults: Health care needs and interventions. – 2006. – C. 57.

Reintegration of Elderly Convicts in the US Penitentiary System: Systemic Analysis and Reform Directions

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Legal Sciences, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law and Law Enforcement Department,
Astrakhan State University,
414056, 20a Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article conducts a comprehensive analysis of key problems faced by elderly convicts in the United States in the process of reintegration into society after release. Main attention is paid to health status, access to medical care, housing provision, and restoration of social benefits. Systemic fragmentation of social institutions responsible for reintegration is identified, and policy directions are proposed, including ensuring continuity of medical care, reforming parole, and simplifying administrative procedures. It is emphasized that developing a comprehensive reintegration strategy for this category of convicts is not only an ethical imperative but also a necessity for optimizing US budget expenditures.

For citation

Novikov A.V. (2025) Reintegratsii pozhilykh osuzhdennykh v penitentsiarnoy sisteme SShA: sistemnyy analiz i napravleniya reform [Reintegration of Elderly Convicts in the US Penitentiary System: Systemic Analysis and Reform Directions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 455-463. DOI: 10.34670/AR.2025.17.46.053

Keywords

Penitentiary system, gerontological crime, elderly convicts, reintegration, access to medical care, social adaptation, places of detention, parole, Medicaid, Medicare, social benefits.

References

1. Vishnevskaya, T. I. Gerontologicheskaya prestupnost' kak novaya problema sovremennosti / T. I. Vishnevskaya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2(34). – S. 386-387.
2. Vishnevskaya, T. I. Tendencii razvitiya gerontologicheskoj prestupnosti s uchetom sovremennyh vyzovov i ugroz / T. I. Vishnevskaya // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. – 2023. – T. 3, № 2. – S. 220-231. – DOI 10.35750/2713-0622-2023-2-220-231.
3. Internet-istochnik: Soderzhanie pod strazhej pozhilyh lyudej. MKKK. https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/4332_005-ebook.pdf
4. Zaborovskaya, Yu. M. Nekotorye aspekty realizacii principa differenciacii ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii lic pozhilogo vozrasta / Yu. M. Zaborovskaya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2022. – № 1(50). – S. 30-43. – DOI 10.53993/2078-3914/2022/1(50)/30-43.
5. Maksimova, L. V. Analiz sistem zdravoohraneniya vedushchih zarubezhnyh stran / L. V. Maksimova, V. V. Omel'yanovskij, M. V. Sura // Medicinskie tekhnologii. Ocenka i vybor. – 2014. – № 1(15). – S. 37-45.
6. Novikov A.V. Sistemnye ogranicheniya realizacii psihologicheskoj praktiki v penitenciarnyh uchrezhdeniyah: meta-analiz zarubezhnogo opyta// Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2025. T. 14. № 3-1. S. 264-270.
7. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Razvitie instituta predostavleniya medicinskoj pomoshchi pozhilym osuzhdennym: sistematizaciya mezhdunarodnogo opyta // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 8-1. S. 195-202. DOI: 10.34670/AR.2025.88.52.026
8. Slabkaya D.N. Sistema okazaniya medicinskoj pomoshchi byvshim osuzhdennym v SShA: problemy reintegracii i poisk reshenij // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 3-1. S. 552-559. DOI: 10.34670/AR.2025.12.17.062
9. Smirnov O.A., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Podhody k izmereniyu adaptacii posle osvobozhdeniya iz tyur'my // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2025. T. 14. № 1-1. S. 62-69.
10. Teplyashin, P. V. Tendenciya stareniya osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody: nekotorye problemy i puti ih resheniya (otechestvennyj i komparativistskij aspekty) / P. V. Teplyashin, Yu. M. Zaborovskaya, I. V. Malysheva // Pravoprimenenie. – 2023. – T. 7, № 1. – S. 145-154. – DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).145-154.
11. Teplyashin P.V., Zaborovskaya Yu.M., Malysheva I.V. Osobennosti otbyvaniya penal'nyh nakazanij licami pozhilogo vozrasta v period rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (zarubezhnyj opyt) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2024. № 51. S. 76–90. doi: 10.17223/22253513/51/6
12. Bedard R., Metzger L., Williams B. Ageing prisoners: An introduction to geriatric health-care challenges in correctional facilities //International Review of the red cross. – 2016. – T. 98. – №. 903. – S. 917-939.
13. DiTomas M., Augustine D., Williams B. A. Growing older: challenges of prison and reentry for the aging population //Public Health Behind Bars: From Prisons to Communities. – New York, NY : Springer US, 2021. – S. 63-87.
14. Hwang Y. I. et al. Multi-sector stakeholder consensus on tackling the complex health and social needs of the growing population of people leaving prison in older age //Health & Justice. – 2024. – T. 12. – №. 1. – S. 17.
15. Lares L. A., Montgomery S. Psychosocial needs of released long-term incarcerated older adults //Criminal Justice Review. – 2020. – T. 45. – №. 3. – S. 358-377.
16. Onyeali R. et al. The case for transitional services and programs for older adults reentering society: a narrative review of US departments of correction and recommendations //International journal of prisoner health. – 2023. – T. 19. – №. 1. – S. 4-19.
17. Patrick J., Lane A. The challenges faced by older, incarcerated adults: How age impacts the prison experience //International Journal of Nursing Student Scholarship. – 2017. – T. 4.
18. Smyer T., Burbank P. M. The US correctional system and the older prisoner //Journal of Gerontological Nursing. – 2009. – T. 35. – №. 12. – S. 32-37.
19. Smyer T., Gragert M. Health Issues of Aging //Vulnerable older adults: Health care needs and interventions. – 2006. – S. 57.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.75.19.054**

Актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере выявления признаков хищения бюджетных средств Республики Абхазия

Кобахия Константин Вячеславович

Прокурор
Управление по надзору за исполнением законодательства,
Генеральная прокуратура Республики Абхазия,
Аспирант,
Институт аспирантуры и докторантуры,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
384900, Республика Абхазия, Сухум, ул. Гулия, 38;
e-mail: k.kobakhiya@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются современные вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются органы прокуратуры Республики Абхазия при проведении мероприятий в порядке надзора за деятельностью по выявлению хищений бюджетных средств. Анализируются правовые и организационные аспекты прокурорского надзора, взаимодействие с контрольными и правоохранительными органами, а также приводятся примеры из правоприменительной практики последних лет. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования механизмов прокурорского реагирования и необходимости системного подхода к профилактике и выявлению коррупционных преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Кобахия К.В. Актуальные проблемы прокурорского надзора в сфере выявления признаков хищения бюджетных средств Республики Абхазия // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 464-471. DOI: 10.34670/AR.2025.75.19.054

Ключевые слова

Правоприменительная практика, прокурорский надзор, Генеральная прокуратура Республики Абхазия, хищение бюджетных средств, коррупция, финансовый контроль.

Введение

Проблема хищения бюджетных средств в Республике Абхазия сохраняет свою актуальность в условиях ограниченных ресурсов и высокой общественной значимости эффективного использования государственных средств. Органы прокуратуры, обладая ключевыми полномочиями в сфере надзора за исполнением законодательства, играют центральную роль в выявлении, пресечении и расследовании подобных преступлений.

В соответствии с законодательством Республики Абхазия, прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов органами государственной власти, местного самоуправления, организациями и должностными лицами, в том числе в части расходования бюджетных средств. Особое значение имеет взаимодействие прокуратуры с Контрольной палатой Республики Абхазия, которая, выявляя признаки хищения или нецелевого использования средств, обязана передавать соответствующие материалы в правоохранительные органы для принятия решений, а также взаимодействие между Управлением по надзору за исполнением законодательства Республики Абхазия Генеральной прокуратуры Республики Абхазия (далее – Управление) и Следственным управлением Генеральной прокуратуры Республики Абхазия, проводя аналогию фактически выполняющим роль Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

Следует отметить, что материалы проверок, поступающие из иных контрольно-надзорных органов государственной власти, содержат в себе выявленные нарушения законодательства, которые как правило носят, административный, трудовой и гражданско-правовой характер, и не всегда содержат признаки уголовно наказуемых деяний.

Но как правило материал проверки, первично не содержащий признаков уголовно-наказуемых деяний требует проведения повторной углубленной прокурорской проверки, что находится в компетенции Управления по надзору за исполнением законодательства Республики Абхазия Генеральной прокуратуры Республики Абхазия.

Прокурорские проверки фиксируют систематический характер нарушений в сфере бюджетного процесса, что свидетельствует о недостатках внутреннего контроля в государственных и муниципальных учреждениях и необходимости усиления профилактических мер.

Основное содержание

Анализ действующего законодательства Республики Абхазия регламентирующего общенадзорную деятельность органов прокуратуры позволяет сделать вывод о том, что отсутствует круг конкретно очерченных полномочий и мероприятий, возможных к проведению в рамках надзорных проверок, предоставленных прокурорскому работнику, проводящему плановую либо внеплановую проверку в порядке надзора.

Так, полномочия прокурорско-следственного работника органов прокуратуры регламентированы рядом нормативно-правовых актов, в том числе Конституцией Республики Абхазия [Конституция Республики Абхазия, 1994], Законом Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия», Уголовно-процессуальным кодексом Республики Абхазия, а именно ст. 37 УПК Республики Абхазия, определяющей перечень конкретных полномочий.

Чтобы все собранные следователями органов прокуратуры Республики Абхазия доказательства были допустимы в рамках проведения доследственных проверок и

расследования уголовных дел, их полномочия должны быть реализованы строго в пределах, установленных уголовно-процессуальным законодательством.

Таким образом, резюмируя сказанное, результаты действий следователя или прокурора в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством можно отнести к допустимым, либо к недопустимым доказательствам.

Следует отметить, что Управление руководствуется Конституцией Республики Абхазия, законами, в том числе Законом Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия», международными договорами Республики Абхазия, организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Республики Абхазия и его заместителей, а также Положением о данном Управлении утвержденным Генеральным прокурором Республики Абхазия 15 марта 2017 года. Данным Положением определены базовые принципы организации работы Управления, закреплено распределение полномочий и утверждена его структура [Положение об Управлении по надзору..., 2017]. Реализуя данные полномочия, прокурорские работники сталкиваются с рядом существенных проблем.

Согласно п.1 ст. 20 Закона Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия» прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе [Закон Республики Абхазия «О прокуратуре...», 2006]: по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения органов, указанных в пункте 1 статьи 19 настоящего Закона, иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов.

Так, например, прокурор Управления проводя проверочные мероприятия в порядке надзора ограничен законодательством в получении ряда сведений, а именно статьей 31 Закона Республики Абхазия «О банках и банковской деятельности» регламентирующей банковскую тайну ограничивается право прокурора на получения справок и банковских выписок [Закон Республики Абхазия «О банках и банковской деятельности», 2011]. При этом, справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией им самим, судам и Арбитражному суду (судьям), Контрольной палате Республики Абхазия, налоговым органам, таможенным органам Республики Абхазия и судебным исполнителям, в случаях, предусмотренных законодательством Республики Абхазия об их деятельности, а при наличии согласия прокурора, – органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве. В соответствии с законодательством Республики Абхазия справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией органам внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений.

Данной статьей не предусмотрена возможность получения справок по операциям и счетам юридических лиц и граждан осуществляющих предпринимательскую деятельность, в том числе реализующие государственные контракты, финансируемые за счет бюджетных средств в рамках

проведения прокурорских общенадзорных проверок.

Практика прокурорского надзора выработала меры получения интересующих сведений, а именно, в рамках проведения общенадзорной проверки прокурор Управления направляет запросы в структурные подразделения министерства по налогам и сборам Республики Абхазия, а также в Управление экономической безопасности и противодействия коррупции министерства внутренних дел Республики Абхазия с целью получения интересующих банковских сведений, минуя ограничения данной статьи закона. Данный способ приводит к увеличению сроков проведения проверки. Более того, у недобросовестных субъектов экономической деятельности возникает возможность заблаговременного снятия (обналичивания) денежных средств, полученных преступным путем, до получения сведений о наличии на его расчетных и иных счетах денежных средств, полученных преступным путем.

С учетом изложенного на основании статьи 46 Конституции Республики Абхазия автором данной статьи, как сотрудником Управления подготовлен и Генеральной прокуратурой Республики Абхазия, внесен на рассмотрение Народного Собрания - Парламента Республики Абхазия в качестве законодательной инициативы проект закона «О внесении изменений в часть первую статьи 20 Закона Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия» и статью 31 Закона Республики Абхазия «О банках и банковской деятельности» (о наделении прокуратуры полномочиями по получению информации в кредитных организациях в рамках проведения общенадзорных мероприятий)». Данный законопроект находится на стадии рассмотрения.

Говоря о получении сведений по операциям и счетам юридических лиц и граждан, чья деятельность является предметом проверки, возникает необходимость необходимо также отметить упомянутые выше мероприятия как проведение осмотра приобщаемых документов с целью выявления аффилированных лиц, либо контрагентов возможно причастных к совершению преступлений, проведение опросов лиц, осмотров мест совершений преступлений их фото-видео фиксация.

В Положении об Управлении либо в отдельных организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Республики Абхазия отсутствуют приложения в виде утвержденных бланков запросов, опросов, осмотров и иных документов, допустимых к использованию.

Таким образом, все вышеуказанные действия, в том числе действия связанные с непосредственной реализацией полномочий, предусмотренных статьей 20 Закона Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия» и Положением об Управлении, предметно не регламентированы.

Отсутствуют также аналоги утвержденных процессуальных бланков проведения вышеуказанных мероприятий. Данное обстоятельство впоследствии приводит к сложностям при направлении общенадзорных материалов проверок, содержащих в себе доказательства, полученные путем приобщения к материалам проверок ответов на запросы, опросов лиц, осмотры интересующих объектов и иные процессуально неподкрепленные доказательства в Следственное Управление Генеральной прокуратуры Республики Абхазия. И как следствие осложняют процесс проведения доследственных проверок в порядке статей 143-144 УПК Республики Абхазия с последующим рассмотрением вопроса возбуждение уголовных дел, а также создает необходимость проведения дополнительных либо повторных осмотров, допросов, экспертиз, исследований, а также оценки аутентичности и достоверности представленных документов [Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия, 2007].

Проанализировав теоретические и практические аспекты, следует отметить, что по материалам направленным Управлением по надзору за исполнением законодательства Республики Абхазия Генеральной прокуратуры Республики Абхазия, Следственным управлением Генеральной прокуратуры Республики Абхазия возбужден ряд уголовных дел по фактам хищения бюджетных средств, в том числе в рамках реализации инвестиционных программ, при строительстве объектов, в деятельности государственных учреждений. В качестве примера можно привести дело о хищении более 25 млн. рублей в Министерстве демографии и репатриации Республики Абхазия, расследование нарушений при строительстве водопровода в селе Члоу, а также дела, связанные с деятельностью унитарных предприятий и государственных компаний. Однако в ходе судебного следствия ряд доказательств, полученных в ходе проведения так называемых общенадзорных проверок, были признаны как недопустимые доказательства.

На наш взгляд, для повышения эффективности прокурорского надзора в Республике Абхазия необходимо закрепить ряд дополнительных полномочий органов прокуратуры при проведении проверок в порядке надзора и закрепить нормативно-правовыми актами перечень допустимых надзорных с целью их дальнейшей состоятельности.

Одновременно необходимо разработать приказ Генерального прокурора Республики Абхазия о взаимодействии Управления по надзору за исполнением законодательства Республики Абхазия Генеральной прокуратуры Республики Абхазия и Следственного управления Генеральной прокуратуры Республики Абхазия о реализации своих полномочий и определения критерия полноты материала для своевременного направления материалов общенадзорных проверок для принятия оперативных решений в соответствии с УПК Республики Абхазия.

Важно также ужесточить ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, сопровождать это профилактическими мерами и разъяснительной работой среди должностных лиц, в том числе при необходимости, проведение которых можно поручить сотрудникам органов прокуратуры по соответствующим направлениям.

Проведённый анализ теоретических и практических аспектов прокурорского надзора в Республике Абхазия позволяет сделать следующие выводы и сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства и организационной деятельности в данной сфере.

– Актуальность проблемы хищения бюджетных средств сохраняется в условиях ограниченных ресурсов и высокой общественной значимости эффективного использования государственных средств. Прокуратура играет ключевую роль в выявлении, пресечении и расследовании подобных преступлений, однако сталкивается с рядом законодательных и организационных ограничений.
– Систематический характер нарушений в сфере бюджетного процесса свидетельствует о недостатках внутреннего контроля в государственных и муниципальных учреждениях и необходимости усиления профилактических мер.
– Недостаточная определённость круга полномочий прокурорских работников при проведении общенадзорных проверок, а также отсутствие утверждённых процессуальных бланков и чётких регламентов фиксирования действий сотрудников прокуратуры, затрудняют эффективное взаимодействие между подразделениями прокуратуры и следственными органами и снижают допустимость полученных доказательств в рамках уголовного судопроизводства.

– Ограничения в получении информации от кредитных организаций и других структур, установленные действующим законодательством, существенно осложняют проведение эффективных прокурорских проверок и создают риски для своевременного выявления и пресечения хищений бюджетных средств.
– Практика прокурорского надзора показала, что ряд уголовных дел по фактам хищения бюджетных средств был возбужден по материалам, направленным Управлением по надзору за исполнением законодательства, однако часть доказательств, полученных в ходе общенадзорных проверок, признавалась недопустимой в суде из-за отсутствия нормативного закрепления процедур их получения.

Заключение

В целях повышения эффективности прокурорского надзора и обеспечения неотвратимости ответственности за правонарушения в бюджетной сфере обоснованными представляются следующие меры:

– Расширить перечень полномочий прокурорских работников, определённых статьёй 20 Закона Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия».
– Нормативно закрепить перечень допустимых надзорных действий, сопровождаемых утверждёнными бланками при реализации своих полномочий, включая бланки опросов лиц, осмотров предметов, документов и иных документов, сформированных в порядке надзора.
– Разработать и утвердить приказ Генерального прокурора Республики Абхазия, регламентирующий порядок взаимодействия между структурными подразделениями прокуратуры и следственными органами, а также определяющий критерии полноты материалов для их своевременного направления по результатам общенадзорных проверок.
– Усилить ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, сопровождая эти меры профилактической работой и разъяснительной деятельностью среди должностных лиц, а также обеспечить прозрачность и общественный контроль за результатами прокурорских проверок.

Реализация указанных мер позволит повысить качество и результативность прокурорского надзора, обеспечить законность и прозрачность в расходовании бюджетных средств, а также укрепить доверие общества к деятельности органов прокуратуры и государственным институтам в целом.

Библиография

1. Конституция Республики Абхазия. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г.;
2. Уголовный кодекс Республики Абхазия. Принят Народным Собранием-Парламентом Республики Абхазия 28 декабря 2006 г.;
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия. Принят Народным Собранием-Парламентом Республики Абхазия 25 декабря 2007 г.;
4. Закон Республики Абхазия «О прокуратуре Республики Абхазия». Принят Народным Собранием-Парламентом Республики Абхазия 1 июня 2006 года;
5. Закон Республики Абхазия «О банках и банковской деятельности». Принят Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия 22 февраля 2011 г.;
6. Положение об Управлении по надзору за исполнением законодательства Республики Абхазия Генеральной

прокуратуры Республики Абхазия, утвержденное 15.03.2017 г.;
7. Ястребов В.Б., Ястребов В.В. Прокурорский надзор: Учебник для академического бакалавриата юридических вузов и факультетов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2017. - 408 с.;

Current Problems of Prosecutorial Supervision in the Sphere of Detecting Signs of Embezzlement of Budgetary Funds of the Republic of Abkhazia

Konstantin V. Kobakhiya

Prosecutor
Supervision over Execution of Legislation Department,
General Prosecutor's Office of the Republic of Abkhazia,
Graduate Student,
Institute of Graduate and Doctoral Studies,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
384900, 38 Gulia St., Sukhum, Republic of Abkhazia;
e-mail: k.kobakhiya@mail.ru

Abstract

The article examines contemporary challenges and problems faced by the prosecutorial authorities of the Republic of Abkhazia when conducting measures in the order of supervision over activities for detecting embezzlement of budgetary funds. Legal and organizational aspects of prosecutorial supervision, interaction with control and law enforcement agencies are analyzed, and examples from law enforcement practice of recent years are provided. Special attention is paid to issues of improving mechanisms of prosecutorial response and the necessity of a systemic approach to preventing and detecting corruption crimes.

For citation

Kobakhiya K.V. (2025) Aktual'nyye problemy prokurorskogo nadzora v sfere vyyavleniya priznakov khishcheniya byudzhetnykh sredstv Respubliki Abkhaziya [Current Problems of Prosecutorial Supervision in the Sphere of Detecting Signs of Embezzlement of Budgetary Funds of the Republic of Abkhazia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 464-471. DOI: 10.34670/AR.2025.75.19.054

Keywords

Law enforcement practice, prosecutorial supervision, General Prosecutor's Office of the Republic of Abkhazia, embezzlement of budgetary funds, corruption, financial control.

References

1. The Constitution of the Republic of Abkhazia. Adopted at the session of the Supreme Council of the Republic of Abkhazia of the 12th convocation on November 26, 1994;
2. The Criminal Code of the Republic of Abkhazia. Adopted by the National Assembly-Parliament of the Republic of Abkhazia on December 28, 2006;
3. Criminal Procedure Code of the Republic of Abkhazia. Adopted by the National Assembly-Parliament of the Republic of Abkhazia on December 25, 2007;
4. The Law of the Republic of Abkhazia "On the Prosecutor's Office of the Republic of Abkhazia". Adopted by the National

Assembly-Parliament of the Republic of Abkhazia on June 1, 2006;
5. The Law of the Republic of Abkhazia "On Banks and Banking Activities". Adopted by the National Assembly – Parliament of the Republic of Abkhazia on February 22, 2011;
6. Regulations on the Office for Supervision of the Implementation of Legislation of the Republic of Abkhazia of the Prosecutor General's Office of the Republic of Abkhazia, approved on 03/15/2017;
7. Yastrebov V.B., Yastrebov V.V. Prosecutorial supervision: Textbook for academic undergraduate law schools and faculties. Moscow: ICD "Mirror-Moscow", 2017. - 408 p.;

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.137.2 **DOI: 10.34670/AR.2025.66.87.055**

О понятии упрощения уголовно-процессуальной формы

Солодовник Вячеслав Викторович

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры безопасности,
Северо-Западный институт управления - филиал
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43;
e-mail: slaviik_bel@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются понятие и сущность упрощения уголовно-процессуальной формы, определяется цель упрощения – достижение социального компромисса, а рационализации уголовного судопроизводства признается сопутствующим фактором. Кроме этого, обосновывается необходимость различать упрощение уголовно-процессуальной формы и ускорение производства по уголовному делу. Также автор приходит к выводу, что ускоренное производство следует рассматривать только как последствие упрощения уголовно-процессуальной формы. В результате разработано авторское определение понятия упрощения уголовно-процессуальной формы.

Для цитирования в научных исследованиях

Солодовник В.В. О понятии упрощения уголовно-процессуальной формы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 472-481. DOI: 10.34670/AR.2025.66.87.055

Ключевые слова

Уголовно-процессуальная форма, уголовный процесс, ускоренное производство, упрощение, рационализация, дифференциация, стадия.

Введение

В настоящее время в уголовно-процессуальной науке высказываются разные точки зрения по поводу единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы. Мы придерживаемся мнения, что уголовно-процессуальная форма может быть в необходимой степени упрощена. Определение уголовно-процессуальной формы широко используется в уголовном процессе, но понимается по-разному. Не вдаваясь в тонкости определения сущности и признаков уголовно-процессуальной формы, отметим, что она представляет собой, прежде всего, внешнее выражение уголовного процесса, и перейдем к рассмотрению понятия упрощения уголовно-процессуальной формы, которое целесообразнее всего начинать с выяснения содержания ключевой категории – «упрощение».

Основная часть

Согласно Толковому словарю В.И. Даля, упростить означает «сделать простым; обращать сложное, околичное дело в простое, удобное, доступное; облегчать и устранять трудности дела» [Даль, www].

Н.А. Громошина считает, что понятие «упрощение» не относится к правовым категориям, потому что в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова [Ушаков, www] слово «упростить» истолковывается как уменьшить сложность чего-нибудь [Громошина, 2010, 40]. В этой связи мы хотим отметить, что согласно данному определению «чего-нибудь» можно заменить на «уголовно-процессуальной формы», и получится, что упрощение уже имеет прямое отношение к правовым категориям. В этой связи мы не согласны с точкой зрения Н.А. Громошиной, так как не видим причин для исключения понятия упрощения из числа правовых категорий. Кроме этого, понятие «упрощение» широко используется представителями научного сообщества в сфере уголовно-процессуального права (в том числе, применительно к упрощению уголовно-процессуальной формы и упрощенных уголовно-процессуальных производств) [Парфенов, 2016; Кириллов, 2016; Губарев, 2016], которое является отраслью правовой системы, а, следовательно, и рассматриваемое понятие нельзя считать не имеющим правового содержания.

Исследуя сущность упрощения уголовно-процессуальной формы, мы вынуждены, прежде всего, обратиться к ее дифференциации и к понятию уголовно-процессуального производства, а затем только к определению упрощения уголовно-процессуальной формы.

В уголовно-процессуальной науке упрощение уголовно-процессуальной формы традиционно изучалось в контексте дифференциации уголовного судопроизводства [Пашкевич, 1974; Якуб, 1975; Гуляев, 1975; Рахунов, 1975]. И это оправдано, потому что упрощение является разновидностью дифференциации уголовно-процессуальной формы. Такой же точки зрения придерживается Д.П. Великий, выделяя два направления дифференциации уголовно-процессуальной формы: ее упрощение и усложнение [Великий, 2001, 22].

Даже в других отраслях юридической науки существует аналогичное понимание. Так, Н.А. Громошина, рассматривая упрощение гражданского судопроизводства, указывает на «упрощение как частный вариант дифференциации в судопроизводстве. При этом границы возможных изменений процедуры рассмотрения дел, в частности границы упрощения, позволяет определить как раз процессуальная форма, которая в таком случае представляет собой исторически сложившуюся, атрибутивную, закрепленную законом структурированную

систему базовых правил осуществления правосудия в судопроизводстве в целях защиты прав и законных интересов» [Громошина, 2010, 41]. Мы согласны, что упрощение является разновидностью дифференциации, но нельзя согласиться с мнением данного автора, что границы дифференциации определяет уголовно-процессуальная форма, потому что, на наш взгляд, именно уголовно-процессуальная форма подлежит упрощению, и это будет являться разновидностью дифференциации. При этом упрощению может быть подвергнут любой элемент из структуры уголовно-процессуальной формы (например, стадии, отдельные производства, следственные и судебные действия и т.д.).

Представители советской школы уголовного процесса проблематику дифференциации сводили, как правило, к упрощению, при этом поясняя, что если существует базовая основная форма досудебного производства (предварительное следствие), то имеются и производные от нее упрощенные формы (например, дознание и протокольная форма» [Гуляев, 1975; Пашкевич, 1974]. И данное утверждение не лишено логики, потому что дознание можно признать упрощенной формой предварительного расследования, но оно существует в рамках основной уголовно-процессуальной формы, за исключением производства дознания в сокращенной форме, при которой наблюдается упрощение процессуальной формы. Представляется, что упрощение уголовно-процессуальной формы в перечисленных случаях происходит за счет упрощения ее отдельных элементов – процессуальных производств.

Следует отметить существующее многообразие точек зрения по содержанию рассматриваемых понятий и неоднозначному их толкованию.

Упрощенные формы производства по уголовным делам ученные-процессуалисты понимают по-разному, потому что в настоящее время отсутствует признанная всеми терминология, что порождает разнообразие трактовок рассматриваемого понятия. К данным трактовкам относятся: упрощенное производство, ускоренное производство и сокращенное производство.

О.В. Качалова считает, что перечисленные понятия (ускоренное производство, сокращенное производство и упрощенное производство), сформированные разными авторами, по сути, являются синонимами. При этом самым точным и юридически корректным является понятие «ускоренное производство» [Качалова, 2016, 35]. Аргументируя свою точку зрения, автор указывает, что основное предназначение данного института состоит «не в упрощении уголовного процесса по ряду категорий дел, не в сокращении каких-то его этапов (хотя, несомненно, все это имеет место), а в его ускорении и рационализации с тем, чтобы задачи уголовного судопроизводства могли быть достигнуты кратчайшим экономичным путем» [Качалова, 2016, 35]. Исходя из такого понимания предназначения уголовного судопроизводства, становится очевидным, что в данном случае цель должна оправдывать средства, а не при помощи средств должно проявляться стремление достигнуть цель. Кроме того, говоря об ускорении, автор игнорирует, что ускорение подразумевает совершение определенных действий за более короткий период времени, чем это происходит в обычном порядке. И чтобы устранить данную ошибку, она вынуждено вставляет в дополнение к ускорению и признак рационализации. Сразу возникает вопрос: почему в таком случае не назвать производство рациональным или рационализированным, а не ускоренным. Именно эти доводы и вынуждают нас не согласиться с точкой зрения указанного автора.

Ю.В. Кувалдина положительно отозвалась о тенденциях упрощения и ускорения уголовного судопроизводства отметив, что «качественно новый взгляд на назначение уголовного судопроизводства позволил реализовать в УПК РФ идею о разрешении уголовно-правовых конфликтов путем компромисса, прямым следствием которой является упрощение и ускорение

судопроизводства» [Кувалдина, 2011, 8]. С данным подходом мы согласны, потому что идеи создания атмосферы социального компромисса в данном случае можно назвать основными факторами, а необходимость рационализации уголовного судопроизводства, что обусловлено главным образом экономическими причинами (сокращение затрат на уголовное судопроизводство) можно назвать сопутствующими факторами, которые в результате оптимизации и рационализации уголовного процесса путем упрощения уголовно-процессуальной формы являются средствами достижения социального компромисса.

А.Е. Бочкарев пишет, что «применительно к процессуальному производству упрощение – это модель процедуры осуществления правосудия, которая при ее идеальном функционировании в сопоставлении с обычной (общей, ординарной) также идеально функционирующей моделью позволяет при меньшем объеме процессуальных действий и с меньшими финансовыми затратами скорее достичь целей судопроизводства» [Бочкарев, 2012, 182]. Представляется, что, определяя упрощение процессуального производства как модель правосудия, данный автор существенно сужает содержание данного понятия, исключая из него упрощение в досудебном производстве, так как, согласно ст. 8 УПК РФ, правосудие осуществляется только судом. Кроме этого, понимание упрощения как модели не совсем понятно по ранее изложенным причинам.

М.С. Кесаева считает, что «упрощение уголовно-процессуальной формы выступает способом констатации очевидности, когда стороны о фактах не спорят. При отсутствии спора отсутствует доказывание в виде убеждения, обоснования, однако имеет место быть доказывание в виде познания и методики по формированию юридических фактов, которые слагаются из фактического материала, предоставляемого сторонами по делу» [Кесаева, 2017, 15]. С данной точкой зрения нельзя не согласиться, потому что автор действительно верно указала условия упрощения уголовно-процессуальной формы, которые связаны с позицией сторон в уголовном судопроизводстве при отсутствии спора.

А.В. Руновский понимает упрощение следующим образом: «если обычную (унифицированную) форму уголовного судопроизводства принять за идеальную модель, то ее упрощение выразится в построении такой модели, которая будет функционировать при меньшем объеме процессуальных действий, с меньшими финансовыми затратами и при меньшем времени достижения своего назначения» [Руновский, 2012, 30-31]. Мы также согласны с точкой зрения данного автора, но снова возникает путаница с понятием «идеальная модель»: откуда она взята, какие критерии идеальности и прочее. Кроме того, создав «суды-тройки» можно тоже добиться идеальных результатов, при этом затрачивая меньше сил и времени на производство по уголовным делам. Но будет ли это отвечать назначению уголовного судопроизводства? По всей вероятности – нет, и в истории уже были такие примеры.

Д.Р. Гимазетдинов считает, что «упрощенные производства – производства, в рамках которых процессуальная деятельность осуществляется, как правило, в усеченном виде, без прохождения всех классических стадий и отдельных этапов уголовного судопроизводства» [Гимазетдинов, 2013, 35]. С данным определением, в целом, можно согласиться, но в нем отражается только усеченный характер упрощенного производства, в котором также можно усмотреть как негативное, так и позитивное, соответствующее духу уголовно-процессуального закона содержание.

Т.В. Трубникова придерживается мнения, что упрощенное производство в уголовном процессе – это производство по отдельной категории дел, обладающих особенностями, объективно требующими быстроты осуществления уголовно-процессуальной деятельности и

простоты уголовно-процессуальной формы, осуществляемое в большинстве случаев быстрее и с меньшими затратами, чем производство, осуществляемое в обычном порядке [Трубникова, 1999, 85]. В данном случае автор как условие упрощения производства по уголовному делу называет категорию уголовного дела, не уточняя при этом к какой именно категории дело должно относиться, чтобы допустимо было к нему применить упрощенную уголовно-процессуальную форму.

О.В. Гладышева и Н.В. Редькин предлагают следующие определения ускоренной и упрощенной процедур: «Ускоренная (целерантная) процедура – это уголовно-процессуальная форма, которая направлена на достижение общих целей уголовного судопроизводства, имеющая сокращенные (в сравнении с обычной процедурой) сроки для их достижения. Упрощенная (суммарная) процедура – это процессуальная форма производства по уголовному делу, характеризующаяся изъятием отдельных процедурных элементов, а следовательно, осуществляемая в более короткие сроки, имеющая собственную совокупность специфических целей и задач, не противоречащих целям и задачам уголовного судопроизводства в целом [Гладышева, 2008, 25-26]. С точкой зрения указанных авторов мы согласиться не можем, так как, прежде всего, они определили процедуру как ускоренную или упрощенную форму, что само по себе не допустимо. Процедура выступает частью формы, являясь ее структурным элементом, и поэтому называть общее названием частным неприемлемо. Также, не смотря на разделение данными авторами понятий ускоренного и упрощенного производств, они отождествляют эти понятия друг с другом, что на самом деле представляется также неверным.

В этой связи Н.В. Редькин считает, что следует отличать ускоренную (целерантную, от лат. celerantes- стремительный, быстрый) процедуру, представляющую собой процессуальную форму, направленную на достижение общих целей уголовного судопроизводства, но имеющую сокращенные сроки для их достижения, и упрощенную (суммарную) процедуру, характеризующуюся изъятием определенных процедурных элементов, ввиду чего осуществляемую в более краткие сроки и имеющую определенные специфические цели и задачи, которые не должны противоречить общим задачам того или иного процесса [Редькин, 2007, 128]. С данной точкой зрения мы не можем не согласиться, потому что данный автор разделяет ускоренную и упрощенную судебные процедуры и полагает, что упрощение уголовно-процессуальной формы происходит за счет изъятия отдельных элементов из ее системы.

А.В. Кищенков предлагает определять упрощенное производство, как «самостоятельное производство по делам о преступлениях, характеризующихся небольшой степенью сложности установления их фактических обстоятельств или о преступлениях небольшой и средней тяжести, либо рассмотрение или расследование которых осуществляется с большей эффективностью и быстротой по сравнению с обычным порядком производства, которые достигаются за счет изменения структуры отдельных частей производства и процессуальной формы деятельности его участников» [Кищенков, 2010, 72]. Автор определения справедливо обращает внимание на категорию преступления, степень сложности дела, а также преступления, «рассмотрение или расследование которых осуществляется с большей эффективностью и быстротой по сравнению с обычным порядком производства», не указывая что именно можно отнести к этой группе преступлений. Также в данном определении прослеживается попытка привязать понимание упрощения к быстроте производства по уголовному делу, что позволяет сделать вывод о синонимичности данных понятий. На самом деле это не соответствует действительности, так как ускорение производства по делу обусловлено непосредственно

упрощением уголовно-процессуальной формы и является результатом этого упрощения. Понятие же «ускоренное производство» указывает только на одно из последствий упрощения уголовно-процессуальной формы – на быстроту производства по уголовному делу, вуалируя при этом причины появления данной быстроты. На самом деле причины ускорения расследования или рассмотрения уголовного дела могут быть разными. Например, благоприятная следственная ситуация, когда на первоначальном этапе расследования в распоряжении следователя имеется достаточно доказательств, свидетельствующих о причастности подозреваемого к свершению преступления. Или, когда процесс расследования ускоряется в целях повышения показателей направляемости дел в суд, по которым оценивается работа следственного подразделения. Однако, эти факторы ускорения производства по делу, как правило, ни кем не учитываются, хотя оказываю существенное влияние на ускорения производства по уголовному делу. Представляется, что, в случае реализации возможностей рационального упрощения производства по уголовному делу, то процесс производства по делу может ускориться сам собой, и будет рассматриваться как результат упрощения.

Н.П. Дубовик придерживается мнения, что сокращение процессуальных сроков и уменьшение уголовно-процессуальных стадий должны рассматриваться как способы упрощения процессуальной формы судопроизводства [Дубовик, 2004, 87]. С данной точкой зрения мы не согласны, потому что ускорение производства не может быть причиной упрощения уголовно-процессуальной формы, так как указанное упрощение не зависит от скорости осуществления уголовно-процессуальной деятельности по делу. Поэтому ускоренное производство по делу мы понимаем исключительно как последствие упрощения процессуальной формы.

Кроме этого, следует различать упрощение уголовно-процессуальной формы, которое происходит в результате изъятия из системы отдельных ее элементов или упрощение процессуального порядка и механизмов оставшихся (упрощение формы проведения следственных действий), и, с другой стороны, сокращение сроков отдельных стадий производства. Представляется, что в первом случае имеет место упрощение уголовно-процессуальной формы, а во втором – ускорение производства по уголовному делу. При этом уголовно-процессуальное производство, структура которого не претерпела изменений, но при этом сроки производства отдельных процессуальных действий и принятия отдельных процессуальных решений были сокращены, не является упрощенным, так как фактически никакого упрощения не произошло. Но за счет сокращения сроков производства налицо ускорение производства по уголовному делу, которое не является разновидностью упрощения, так как никому проще не стало.

Итак, упрощение процессуальной формы является ключевым признаком для всех исследователей. Фактически такое изменение следствием имеет сокращение и сроков рассмотрения, и затрат. При этом упрощение процессуальной формы может выражаться в «отсутствии отдельных стадий» или «ликвидации ненужных формальностей». В целом же в упрощенных судопроизводствах может наблюдаться изменение структуры процесса путем упрощения при изменении структуры.

В результате анализа вышеуказанных определений упрощения в уголовном судопроизводстве, можно выделить следующие признаки упрощения уголовно-процессуальной формы:

- представляет собой разновидность дифференциации уголовно-процессуальной формы;
- целью является достижение назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного

ст. 6 УПК РФ, а также достижением социального компромисса между сторонами в уголовном процессе, то есть лицами, вовлеченными в производство по уголовному делу, и государством;

- соблюдение принципов уголовного судопроизводства.

- изменение элементов уголовно-процессуальной формы должно быть связано с уменьшением сложности каких-либо ее элементов;

- соответствующая категория преступления, по факту которого возбуждено уголовное дело (небольшой тяжести, средней или тяжкое);

- позиция сторон должна быть обусловлена отсутствием спора или иными полезными действиями обвиняемого.

- ограничение вида и размера уголовного наказания, или его исключение;

- установленный законом перечень субъектов, которые вправе осуществлять производство по делу в упрощенной форме (дознание в сокращенной форме).

- рациональность и экономичность полученного результата в судебно-следственной практике;

Итак, рассмотрев понятие и признаки упрощения уголовно-процессуальной формы, считаем необходимым предложить свое определение данного понятия.

Упрощение уголовно-процессуальной формы – это разновидность дифференциации уголовно-процессуальной формы, отвечающая требованиям рациональности и экономичности, целью которой является достижение назначения уголовного судопроизводства и социального компромисса между сторонами; связанная с уменьшением сложности каких-либо ее элементов; которая применяется по соответствующей категории преступлений, с учетом процессуальной позиции сторон и влечет за собой смягчение или исключение уголовного наказания.

Заключение

В результате рассмотрения понятия упрощения уголовно-процессуальной формы можно сделать ряд выводов.

1. Разработано авторское определение понятия упрощения уголовно-процессуальной формы.

2. В качестве основной цели упрощения уголовно-процессуальной формы выступает идея создания атмосферы социального компромисса, а необходимость рационализации уголовного судопроизводства (сокращение затрат на уголовное судопроизводство) будут являться лишь сопутствующими факторами.

3. Представляется, что ускорение производства не может быть причиной упрощения уголовно-процессуальной формы, потому что указанное упрощение не зависит от скорости осуществления уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу. Поэтому ускоренное производство следует рассматривать только как последствие упрощения уголовно-процессуальной формы.

4. Необходимо различать упрощение уголовно-процессуальной формы, которое происходит в результате изъятия из ее системы отдельных элементов, и сокращение сроков отдельных стадий производства по делу, потому что в первом случае имеет место упрощение уголовно-процессуальной формы, а во втором – ускорение производства по уголовному делу.

Библиография

1. Бочкарев А.Е. Изменение процессуальной формы как ключевой элемент перехода к упрощенному судопроизводству (вопросы теории) // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №6. С. 181-184.
2. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 22.
3. Гаврилов Б.Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года) / сост.: Э.К. Кутуев (и др.). СПб., 2019. С. 94-103.
4. Тисен О.Н. Сокращенные порядки уголовного судопроизводства и модели сотрудничества с обвиняемым в государствах постсоветстского пространства // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 31. С. 128-132.
5. Гимазетдинов Д.Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2013. 236 с.
6. Гладышева О.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации / О.В. Гладышева, Н.В. Редькин. М.: Юрлитинформ, 2008. 150 с.
7. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2010. 51 с.
8. Губарев И.С. Специфика классификации упрощенных форм уголовно-процессуального производства Российской Федерации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. №3. С. 225-230.
9. Гуляев А. П. Единый порядок предполагает дифференциацию // Соц. законность. 1975. № 3. С. 64-65.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // https://gufo.me/dict/dal (дата обращения: 16.07.2021).
11. Дубовик Н.П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных произ-водств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 174 с.
12. Игнатова Е.А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2020. 200 с.
13. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. … докт. юрид. наук. М., 2016. 482 с.
14. Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 237 с.
15. Кириллова Н.П. Уголовно-процессуальная политика государства и упрощение процессуальных форм // Юристъ-правоведъ. 2016. №5. С. 53-58.
16. Кищенков А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. 254 с.
17. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 20 с.
18. Николаева Т.А., Летелкин Н.В., Царева Ю.В. Особенности уголовного преследования при осуществлении упрощенного производства // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 12-1. С. 206-213.
19. Парфенов В.Н. Упрощение процессуальной формы как тенденция реформирования предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №4. С. 97-99.
20. Пашкевич П. Ф. Процессуальные формы судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 54-56.
21. Пашкевич П.Ф. О процессуальной экономии в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Труды ВНИИСЗ: Проблемы совершенствования советского законодательства. Т. 1. М., 1974. С. 160-173.
22. Рахунов Р. Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Сов. государство и право. 1975. № 12. С. 60-68.
23. Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 195 с.
24. Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 277 с.
25. Толковый словарь русского языка Ушакова Д. Н. // https://gufo.me/dict/ushakov (дата обращения: 16.07.2025).
26. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во Томского университета, 1999. 132 с.
27. Якуб М.Л. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Социалистическая законность. 1975. № 1. С. 66-67.

On the Concept of Simplification of Criminal Procedural Form

Vyacheslav V. Solodovnik

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Security Department,
North-West Institute of Management - Branch
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43 Sredny Ave. V.O., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: slaviik_bel@mail.ru

Abstract

The article examines the concept and essence of simplification of criminal procedural form, defines the goal of simplification - achieving social compromise, while rationalization of criminal proceedings is recognized as a concomitant factor. Additionally, the necessity of distinguishing between simplification of criminal procedural form and acceleration of criminal case proceedings is substantiated. The author also concludes that accelerated proceedings should be considered only as a consequence of simplification of criminal procedural form. As a result, an author's definition of the concept of simplification of criminal procedural form is developed.

For citation

Solodovnik V.V. (2025) O ponyatii uproshcheniya ugolovno-protsessual'noy formy [On the Concept of Simplification of Criminal Procedural Form]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 472-481. DOI: 10.34670/AR.2025.66.87.055

Keywords

Criminal procedural form, criminal procedure, accelerated proceedings, simplification, rationalization, differentiation, stage.

References

1. Bochkarev A.E. Changing the procedural form as a key element of the transition to simplified legal proceedings (issues of theory) // Gaps in Russian legislation. 2012. No. 6. pp. 181-184.
2. Velikiy D.P. Unity and differentiation of the criminal procedural form: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences. Moscow, 2001. p. 22.
3. Gavrilov B.Ya. Shortened pre-trial proceedings: current state and ways of improvement // Criminal justice in Russia: problems and prospects of development: mater. All-Russian Scientific and Practical conference (St. Petersburg, November 22, 2019) / comp.: E.K. Kutuev (et al.). St. Petersburg, 2019. pp. 94-103.
4. Tisen O.N. Abbreviated procedures of criminal proceedings and models of cooperation with the accused in the states of the post-Soviet space // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2017. No. 31. pp. 128-132.
5. Gimazetdinov D.R. Criminal procedural form: general theoretical, regulatory and law enforcement analysis: dis. ... kand. jurid. sciences'. Izhevsk, 2013. 236 p.
6. Gladysheva O.V. Special procedure of judicial proceedings in the criminal justice system of the Russian Federation / O.V. Gladysheva, N.V. Redkin. Moscow: Yurlitinform, 2008. 150 p.
7. Gromoshina N.A. Differentiation and unification in civil proceedings: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2010. 51 p.
8. Gubarev I.S. The specifics of the classification of simplified forms of criminal procedural proceedings in the Russian

Federation // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2017. No. 3. pp. 225-230.
9. Gulyaev A. P. Uniform order presupposes differentiation // Social legality. 1975. No. 3. pp. 64-65.
10. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language // https://gufo.me/dict/dal (date of access: 07/16/2021).
11. Dubovik N.P. The special procedure of judicial proceedings and its place in the system of simplified proceedings in criminal cases: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. 174 p.
12. Ignatova E.A. Simplified form of pre-trial proceedings in a criminal case: issues of theory, legislation and practice: monograph. Moscow: Publishing house "Yurlitinform", 2020. 200 p.
13. Kachalova O.V. Expedited proceedings in the Russian criminal process: dis. ... doct. jurid. nauk. M., 2016. 482 p.
14. Kesaeva M.S. Problems of harmonization of criminal procedural guarantees of individual rights and differentiation of forms of pre-trial proceedings in criminal cases: dis. ... kand. jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2017. 237 p.
15. Kirillova N.P. Criminal procedural policy of the state and simplification of procedural forms // Jurist-pravoved. 2016. No.5. pp. 53-58.
16. Kischenkov A.V. Simplified production: problems of theory, legislative regulation and law enforcement: dis. ... kand. jurid. sciences'. Vladivostok, 2010. 254 p.
17. Kuvaldina Yu. V. Prerequisites and prospects for the development of compromise methods for resolving criminal law conflicts in Russia: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Samara, 2011. 20 pages .
18. Nikolaeva T.A., Letelkin N.V., Tsareva Yu.V. Features of criminal prosecution in the implementation of simplified proceedings // Issues of Russian and international law. 2019. Vol. 9. No. 12-1. pp. 206-213.
19. Parfenov V.N. Simplification of the procedural form as a trend of reforming the preliminary investigation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. pp. 97-99.
20. Pashkevich P. F. Procedural forms of legal proceedings need to be differentiated // Socialist legality. 1974. No. 9. pp. 54-56.
21. Pashkevich P.F. On procedural economy in the pre-trial stages of criminal proceedings // Proceedings of VNIISZ: Problems of improving Soviet legislation. Vol. 1. Moscow, 1974. pp. 160-173.
22. Rakhunov R. D. Differentiation of the criminal procedure form in cases of minor crimes // Soviet State and law. 1975. No. 12. pp. 60-68.
23. Redkin N.V. Special procedure of judicial proceedings in the Russian criminal procedure system: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2007. 195 p.
24. Runovskiy A.V. Differentiation of criminal procedural forms of pre-trial proceedings in cases of public prosecution: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2012. 277 p.
25. Explanatory dictionary of the Russian language Ushakov D. N. // https://gufo.me/dict/ushakov (date of application: 07/16/2025).
26. Trubnikova T.V. Theoretical foundations of simplified judicial proceedings. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1999. 132 p.
27. Yakub M.L. The procedure of criminal proceedings should be differentiated // Socialist legality. 1975. No. 1. pp. 66-67.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2025.32.87.056**

Деятельность специализированных учреждений ООН по унификации международного частного права

Ал Хаж Али Хамед

Аспирант,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, Университетская, 33;
e-mail: hamed.alhajali@mail.ru

Аннотация

В статье исследована роль специализированных учреждений Организации Объединенных Наций в механизме унификации международного частного права. Проанализированы основные направления правообразующей деятельности Международной организации труда, Международной морской организации, Международной организации гражданской авиации, Всемирной торговой организации в области унификации норм международного частного права в соответствующих сферах компетенции специализированных учреждений.

Для цитирования в научных исследованиях

Ал Хаж Али Хамед. Деятельность специализированных учреждений ООН по унификации международного частного права // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 482-488. DOI: 10.34670/AR.2025.32.87.056

Ключевые слова

Международное частное право, унификация права, Организация Объединенных Наций, Международная организация труда, Международная морская организация, Международная организация гражданской авиации, Всемирная торговая организация, право ВТО.

Введение

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) с момента ее создания и по сей день остается глобальной универсальной международной организацией общемирового масштаба, которая выполняет различные функции, ориентированные на многочисленные публично-правовые и частноправовые цели. Учитывая историю создания ООН, ее изначальное предназначение и целеполагание, деятельность международной организации нацелена, в первую очередь, на решение публично-правовых задач: правовое регулирование публичных правоотношений, упорядочение межгосударственных связей и процессов, выражение общего мнения представителей стран мира относительно тех или иных глобальных событий, происходящих на международном уровне.

Вместе с тем, деятельность ООН неизбежно касается и международного частного права, создания правовой основы соответствующих правоотношений на свойственном ООН универсальном уровне правового регулирования. Главным концептом работы ООН в обозначенном ключе является общий принцип, заложенный в основу деятельности организации, – принцип безусловного обеспечения основных прав и свобод человека.

Для реализации всех стоящих перед ООН задач и возложенных на нее функций международная организация имеет разветвленную, достаточно сложную структуру, которой обеспечивается ее деятельность в различных направлениях. В настоящее время в структуре ООН действует ряд специализированных учреждений, которые имеют узкую компетенцию, направленную на решение задач правового регулирования в конкретной области правоотношений. В отличие от главных и вспомогательных органов общей компетенции (таких как Генеральная Ассамблея, ЭКОСОС, Комиссия международного права), специализированные учреждения ООН занимаются узким кругом вопросов международно-правового регулирования, в том числе касающихся международного частного права.

Основная часть

К специализированным учреждениям ООН относится Международная организация труда (далее – МОТ). История ее происхождения специфична: в отличие от главных и вспомогательных органов ООН, МОТ учреждена задолго до создания самой ООН, в 1919 г., и только с 1946 г. она является специализированным учреждением, входящим в широкую структуру ООН.

Деятельность организации регулируется Уставом МОТ 1919 г. и Декларацией о целях и задачах МОТ 1944 г. Главная цель существования организации – обеспечение основных принципов удовлетворительных условий труда в странах – членах МОТ. В связи с развитием в середине XX в. концепции приоритета прав человека как наивысшего блага роль МОТ в механизме международного правового регулирования трудовых прав значительно возросла. К настоящему времени МОТ стала одним из важнейших элементов механизма защиты прав трудящихся, реализуя в том числе функции по формированию норм международного трудового права.

Отметим, что международное трудовое право относят к отраслям международного частного права с некоторыми оговорками. Так, по мнению В.В. Туаева, в данном ключе международное трудовое право необходимо понимать в широком и узком смысле: во-первых, как собирательное понятие, охватывающее собой международное публичное трудовое право и международное

частное трудовое право; во-вторых, как только международное публичное трудовое право, регулирующее прежде всего отношения между государствами и международными организациями по поводу установления международных стандартов (норм и принципов) в сфере труда [Туаев, 2016, с. 157].

Таким образом, по своей юридической природе трудовое право сочетает начала публичного и частного. В связи с этим разграничение норм в рамках международного трудового права весьма условно и зависит от правоотношений, регулируемых этими нормами. Тем не менее, МОТ как «законодателя» принципов и стандартов в сфере труда корректно отнести к субъектам унификации международного частного права, поскольку осуществляемое организацией правообразование зачастую касается именно частноправовых отношений между работником и работодателем.

Основной организационной формой работы МОТ является сессия Генеральной конференции, которая и реализует правообразующие функции МОТ в сфере формирования международного права. В этом аспекте результатом работы Конференции является предложение, которое имеет форму международной конвенции или же рекомендации, если вопрос, стоящий на обсуждении, или какой-либо его аспект не позволяют принять по нему в этот момент решение в форме конвенции (ч. 2 ст. 19 Устава МОТ).

Для процесса унификации международного частного права в сфере трудовых отношений наибольшее значение имеет разработка и принятие международных конвенций МОТ, которые содержат в себе рекомендательные нормы по единообразному правовому регулированию трудовых отношений. После ратификации конвенций членами МОТ они становятся обязательными для применения, внесения соответствующих изменений в национальное трудовое законодательство.

За всю историю функционирования МОТ ею были разработаны и впоследствии ее членами были подписаны и ратифицированы разные международные конвенции, прямо или косвенно касающиеся обеспечения трудовых прав человека. Среди таковых можно отметить: Конвенцию № 95 относительно защиты заработной платы 1949 г., Конвенцию № 105 об упразднении принудительного труда 1957 г., Конвенцию № 138 о минимальном возрасте для приема на работу 1973 г., Конвенцию № 132 об оплачиваемых отпусках 1970 г. и др. Таким образом, МОТ разрабатывает, в первую очередь, базовые стандарты защиты прав трудящихся как более слабой стороны трудовых отношений и, соответственно, ограничения для работодателей. При этом отдельные конвенции МОТ лишь косвенно затрагивают регулирование трудовых правоотношений. В частности, Конвенция № 117 об основных целях и нормах социальной политики 1962 г. предусматривает общие цели планирования экономического развития и повышения жизненного уровня.

Рекомендации МОТ, в отличие от конвенций, не подлежат ратификации, но их положения, как правило, развивают нормы соответствующих конвенций. Тем не менее, рекомендации МОТ также играют свою роль в унификации международного частного права. В научной литературе отмечается, что рекомендации МОТ имеют важное значение как модельные акты в сфере трудового права, поскольку обязательства государств-членов МОТ ориентируются на рекомендации при осуществлении внутригосударственного правотворчества, что следует из членства в МОТ и ее Устава [Ибрахим, 2012, с. 53]. Например, Рекомендация от 15 июня 2006 г. № 198 определяет основы рекомендуемой национальной политики государств в сфере установления существования индивидуального трудового правоотношения в целях единообразного понимания такового во всех государствах-членах МОТ.

Рекомендации МОТ, как правило, ориентированы на определение стандартов трудового

права, но часто относятся и к регулированию права социального обеспечения. Так, Рекомендация от 14 июня 2012 г. № 202 устанавливает минимальные уровни социальной защиты в качестве основополагающего элемента национальных систем социального обеспечения в государствах-членах МОТ.

Таким образом, МОТ как специализированное учреждение ООН играет ключевую роль в процессе унификации норм международного частного права в социально-трудовой сфере, определяя в разрабатываемых МОТ конвенциях и рекомендациях основы единообразного регулирования и правоприменения в области трудовых и иных смежных правоотношений.

Важными субъектами унификации международного частного права можно считать специализированные организации, которые связаны с регулированием морского и воздушного сообщения. Так, под эгидой ООН действует Международная морская организация (далее – ИМО). ИМО создана в 1948 г. и занимается вопросами международного морского судоходства, как частноправового, так и публично-правового характера.

ИМО выполняет ряд функций по формированию норм международного права, а именно рассматривает и выносит рекомендации по вопросам, входящим в компетенцию организации, разрабатывает проекты конвенций, соглашений и других документов. Основной организационной формой деятельности ИМО выступают сессии, очередные и внеочередные, на которых осуществляется обсуждение вопросов международного морского судоходства и могут быть утверждены соответствующие рамочные акты.

Большинство конвенций, принятых благодаря ИМО, ориентированы на публично-правовые отношения, в частности, техническую и экологическую безопасность судоходства, поскольку ИМО отвечает, прежде всего, за организацию обеспечения безопасности на море и защиты окружающей среды. Между тем, некоторые акты, подготовленные ИМО, имеют в том числе частноправовое содержание. Так, Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г. возлагает частноправовую (гражданскую) ответственность за ущерб на собственника судна, с которого произошла утечка или сброс загрязняющей нефти.

Международная организация гражданской авиации (далее – ИКАО), учрежденная в 1944 г., также является специализированным учреждением ООН и оказывает существенное влияние на унификацию международного воздушного частного права. Основная цель ИКАО состоит в разработке принципов и методов международной аэронавигации и содействии планированию и развитию международного воздушного транспорта. Иными словами, главное в функционале ИКАО – упорядочение международных публично-правовых отношений. В то же время ИКАО занимается организацией и координацией международного сотрудничества государств по всем аспектам деятельности гражданской авиации, в том числе в сфере международных перевозок.

В рамках настоящего исследования также необходимо проанализировать деятельность Всемирной торговой организации (далее – ВТО), которая не относится к органам ООН и не входит в ее структуру, но представляет собой обособленную межправительственную организацию, занимающуюся вопросами международной торговли.

ВТО была учреждена в 1994 г. в целях обеспечения общих институциональных рамок для осуществления торговых отношений между ее членами в вопросах, относящихся к соглашениям и связанным с ними правовым документам (многосторонним торговым соглашениям, торговым соглашениям с ограниченным кругом участников и т.д.). В настоящее время в ВТО состоят 166 членов. По своей сути, ВТО – это прогрессивный инструмент межгосударственного торгового взаимодействия, который пришел на смену двусторонним торговым соглашениям и локальным торговым союзам и установил единые стандарты международной торговли.

Компетенция ВТО в большей степени ориентирована на практическую реализацию

торговых отношений между государствами, являющимися ее членами. В частности, ВТО призвана обеспечивать выполнение, применение и действие межгосударственных торговых соглашений, является платформой для форумов и обсуждений участников международной торговли, а также разрешения соответствующих споров в случае наличия разногласий между участниками торговых соглашений. Таким образом, деятельность ВТО, прежде всего, ориентирована на практику торговых отношений между странами.

Правообразующие функции также свойственны ВТО, причем к настоящему времени в рамках организации сформировался целый пласт международно-правовых норм, подлежащих применению ее членами при торговом взаимодействии. Учитывая специфику ВТО и правового регулирования торговых отношений в ее рамках, в науке прочно укоренился термин «право ВТО».

Право ВТО представляет собой совокупность норм, регулирующих отношения, которые складываются между членами организации. Среди источников права ВТО можно отметить само Марракешское соглашение о создании ВТО как основной «устав» организации, а также многочисленные межгосударственные торговые соглашения между странами ВТО, в первую очередь, многосторонние как наиболее значимые и масштабные. Например, к многосторонним соглашениям, которые распространяются на всех членов организации, относятся Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г., Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г., Генеральное Соглашение по торговле услугами 1994 г. и др. Таким образом, право ВТО представляет собой внутреннее право организации, нормы которого распространяются только на членов ВТО и регулируют основные аспекты международной торговли.

Отметим, что ученые по-разному определяют место права ВТО в системе международного правового регулирования. Так, по мнению А.Н. Маляновой, право ВТО – это часть международного экономического права, оно не является закрытой правовой системой, будучи основанным на общепризнанных принципах и нормах международного права и регулируя отдельную подотрасль международных отношений [Малянова, 2008, с. 7]. Е.Е. Романова, напротив, полагает, что право ВТО является особым автономным режимом, отдельным правовым институтом, который нельзя ассоциировать с международным торговым правом или международным экономическим правом [Романова, 2022, с. 121].

Полагаем, право ВТО является полноценным и в то же время особым институтом международного права, основанным на многосторонних соглашениях и общих нормах и принципах международного права. Право ВТО все ближе к универсальному, учитывая современное членство в ВТО абсолютного большинства стран мира. Учитывая сказанное, ВТО играет исключительную роль в развитии международного частного права посредством создания единообразных правил международной торговли и обязания государств имплементировать общие нормы в национальное законодательство. Поэтому согласимся с мнением В.Н. Мулюн о том, что право ВТО выступает в качестве механизма унификации внутригосударственных правовых систем [Мулюн, 2009, с. 18].

Заключение

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу о том, что в структуре ООН действует ряд специализированных учреждений, которые имеют узкую компетенцию, направленную на решение задач правового регулирования в конкретной области правоотношений, в отличие от главных и вспомогательных органов ООН. К специализированным учреждениям ООН

относится Международная организация труда, которая играет ключевую роль в процессе унификации норм международного частного права в социально-трудовой сфере, определяя в разрабатываемых конвенциях и рекомендациях основы единообразного регулирования и правоприменения в области трудовых и иных смежных правоотношений. Международная морская организация и Международная организация гражданской авиации являются специализированными учреждениями ООН, однако их деятельность в большей мере нацелена на регулирование публично-правовых вопросов на морском и воздушном транспорте. Всемирная торговая организация не относится к органам ООН и не входит в ее структуру, представляя собой обособленную межправительственную организацию, занимающуюся вопросами международной торговли. В то же время ВТО тесно сотрудничает с ООН по вопросам создания правовой основы международных торговых отношений посредством создания единообразных правил международной торговли и обязания государств имплементировать общие нормы в национальное законодательство.

Библиография

1. Ибрахим Суфян Саад Ибрахим. Отраслевая принадлежность правовых норм конвенций МОТ и их использование в трудовом праве // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 4. С. 53-59.
2. Малянова А.Н. Становление и развитие права всемирной торговой организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.
3. Романова Е.Е. Понятие «право ВТО»: соотношение с международным правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4 (137). С. 115-124.
4. Туаев В.В. Правовая природа отрасли международного трудового права // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 7-2. С. 154-159.
5. Мулюн В.Н. Особенности соотношения международного и внутригосударственного права в деятельности Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и группы Всемирного банка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

Activities of United Nations Specialized Agencies in Unifying International Private Law

Al Haj Ali Hamed

Graduate Student,
Sevastopol State University,
299053, 33 Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: hamed.alhajali@mail.ru

Abstract

The article examines the role of United Nations specialized agencies in the mechanism of unifying international private law. The main directions of law-making activities of the International Labour Organization, International Maritime Organization, International Civil Aviation Organization, and World Trade Organization in the field of unifying international private law norms within their respective areas of competence are analyzed.

For citation

Al Haj Ali Hamed (2025) Deyatel'nost' spetsializirovannykh uchrezhdeniy OON po unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava [Activities of United Nations Specialized Agencies in Unifying International Private Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 482-488. DOI: 10.34670/AR.2025.32.87.056

Keywords

International private law, unification of law, United Nations, International Labour Organization, International Maritime Organization, International Civil Aviation Organization, World Trade Organization, WTO law.

References

1. Ibrahim Sufyan Saad Ibrahim. Sectoral affiliation of legal norms of the ILO conventions and their use in labor law // State and municipal administration in the 21st century: theory, methodology, practice. 2012. No. 4. P. 53-59.
2. Malyanova A.N. Formation and development of the law of the World Trade Organization: Abstract of the thesis ... Candidate of Law. Moscow, 2008. 25 p.
3. Romanova E.E. The Concept of "WTO Law": Correlation with International Law // Actual Problems of Russian Law. 2022. No. 4 (137). P. 115-124.
4. Tuaev V.V. The Legal Nature of the Branch of International Labor Law // Socio-Economic Research, Humanities and Law: Theory and Practice. 2016. No. 7-2. P. 154-159.
5. Mulyun V.N. Features of the Correlation of International and Domestic Law in the Activities of the World Trade Organization, the International Monetary Fund, and the World Bank Group: Abstract of Dissertation ... Candidate of Law. Moscow, 2009. 25 p.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.